

Наблюдатель

Даниил
Широков

Что бы вы сделали, желая предотвратить апокалипсис? Наверное, любой обычный человек скажет, что готов на всё ради спасения мира, в котором живёт. А теперь представьте, что нужная сила у вас есть. Правда, есть одно "но".

Пользоваться ей, дабы предотвратить катастрофу, вы не можете. Слишком уж вы сильные для этого мира.

Фолл, человек, превзошедший Бога этого мира, должен обмануть судьбу, не вмешиваясь в грядущие события. Не вмешиваясь? Ха! Как бы не так! Он воспитает сильнейшего героя, что только видел этот свет!

Пролог. Разговор в мёртвом городе

Приглушённый свет разливался по трактиру широкой дугой, обрамляя силуэты, скрючившиеся на лавках за столами. Говорили немногие: а большинство из говоривших мужчин и женщин и вовсе перешёптывались. Спокойно, дабы избежать стен, у которых, как известно, есть уши. Они пили, ели, думая каждый о своём. В воздухе витал запах дешёвого пойла, потных тел и крови. Это был обычный трактир, каких, наверно, полным-полно в каждом городе. Проблема, наверно, была в том, что он был единственным в Мортисе.

Скрипели лавки, цокали по деревянному полу каблуки официанток, монотонно заказывали себе ещё и ещё люди. Каждый пил так, словно завтра для него или неё уже не настанет. Вероятно, так оно и было: каждый человек носил при себе оружие. Стальные клинки, кинжалы, палицы, луки с колчанами, полными стрел, копья, алебарды и топоры. Не стесняясь, люди клали вооружение прямо на столы, рядом с тарелками и пустыми кружками. Но никто не обращал на это внимание. Все словно привыкли, что в этом городе по-другому нельзя. Тени от свечей мерцали, двигаясь туда-сюда. Люди, сидевшие на месте, всё равно двигались, либо в такт спокойной мелодии от одинокой скрипки, игравшей в центре зала, либо повинуюсь музыке жизни в своей собственной голове. Скрипка играла то медленно, то быстро, периодически заставляя кого-то в зале вздрагивать, стоило мелодии закричать, устремляясь во все стороны.

Ах, Мортис, прекрасный город где-то на западе Золотой Империи. Бывшее государство Аркин, ныне — часть огромных территорий, подконтрольных имперцам. Многие коренные жители Мортиса, сейчас собравшиеся в этом трактире, участвовали в кровавой войне, после которой Аркин перестал существовать. Солдаты, искатели приключений: маги, рейнджеры, мечники, ассасины. Всех их свела нелёгкая в это место, к которому они привязались всей душой. И скоро, следуя древней традиции королевства Аркин, они привяжутся к этой земле и телом.

Навечно.

Одному Богу этого мира известно, как и когда процветающий городок стал местом, куда ссылали осуждённых на смертную казнь. Конечно, можно отследить и предпосылки: постоянные набеги чудовищ, дикие земли, лежащие всего в паре десятков километров к западу, отдалённость от Империи и даже от других её вассалов. Но истинная причина, по которой Мортис медленно вымирал, останется неизвестной. Более того, он вымирал уже больше десяти лет после окончания войны за независимость королевства Аркин. Довольно большой срок для обычного города-крепости.

Верно, этот город окружали неприступные стены. Под ними захватчиков ждал глубочайший ров из нечистот и промышленных отходов — он и сейчас там есть, правда, наполовину высохший и превратившийся в гниющее отвратительное болот, разлившееся на пару сотен метров перед стенами. Стены те, созданные из камня и укреплённые магией, выдержали многое: от осадных болтов имперских баллист до сокрушающей мощи великанов, что привела с собой Империя. Они не дрогнули, не сломались. Так как же, в итоге, Мортис пал? Всё просто.

Человек сломался прежде, чем сломался город. И без войны здесь было туго: запасы продовольствия постоянно находились на критическом уровне, о свежей, очищенной воде никто и не слышал, а жизнь за городскими стенами была и вовсе невозможной. Деревень в

округе нет и не было, поэтому всё, на что жил Мортис, приносилось в него охотниками, вышедшими из бывших искателей приключений. Сокровищниц или подземелий тут тоже давным-давно не было, поэтому пустившееся когда-то в далёкий путь до города на краю обжитых земель люди осели в нём, слегка переквалифицировавшись. Воду получали, очищая ту, что приносили с болот, при помощи заклинаний. Маги, наверно, единственные, кому в Мортисе жилось относительно неплохо, но и у них хватало забот.

Но не будем долго расписывать то, как город стал тем, чем стал.

Вернёмся в трактир. Время позднее, но из него по прежнему не уходят люди. Все сидят, пьют, шепчутся. Играет всё та же скрипка, но тихо, осторожно, будто боясь потревожить изрядно набравшихся авантюристов, воинов и магов. Кто-то из них, не стесняясь, стянул свой капюшон, обнажив острое эльфийское ухо. В любом другом городе Империи этот самоуверенный остроухий уже получил бы парочку невежливых предложений отправиться в далёкое пешее на своём гузне. В Мортисе всем было плевать, какое у тебя происхождение. Вслед за эльфом свой крупный головной убор стянул и зеленокожий, сверкнув крупным клыком, который не помещался в его рту, даже когда тот был закрыт. Потихоньку, шорох за шорохом, стали обнажать свои лица и остальные. В углу изрядно напилась одним пивом троица эльфов с седыми волосами, где-то совсем рядом со скрипкой расселся отряд крепко сложенных гномов с заплетёнными во множество чёрных кос бородами, а за столом напротив восседали могучие воины орков с крупными шрамами, украшавшими их расслабленные лица.

И в дальнем углу, хрустя закусками, сидело два человека. Одни из многих здесь; впрочем, ни одна раса не имела численного превосходства в контексте присутствовавших в трактире. Первый с упоением читал какой-то магический трактат, периодически проливая на него пиво, которое пил, не отрываясь от литературы. Его плащ был замызган свежей и уже застывшей кровью, что, впрочем, не удивляло никого в Мортисе. Из-под плаща торчал ворот белой рубашки, а поверх её блестели серебром циферблата карманные часы. У первого человека было простое, незамысловатое лицо, в чём-то даже простодушное. И, конечно, короткие тёмные волосы, чуть покрытые дорожной пылью и грязью. Надо признать, сколь разительно простой до тошноты элементарной для Мортиса не была его внешность, то, что по-настоящему отличало его от остальных — это глаза.

Карие, яркие, блестящие. Острый взгляд, совершенно не затуманенный алкоголем. Этому мужчине с лёгкостью можно было дать хоть двадцать, хоть тридцать лет. Его товарищ на лавке напротив, наоборот, отличался везде, где только мог.

Во-первых, это была женщина. Человеческая женщина, что было редкостью для Мортиса. Обычно все такие сидят по домам, ожидая своих мужчин, в редких случаях — отдыхают в гостиницах, но никак не ходят по трактирам. У неё были длинные белые волосы, заплетённые в один конский хвост. Дорожный плащ её, в противоположность спутнику, был абсолютно чистым — разве что слегка покрытым пылью. Во-вторых, её, как и первого человека, отличали глаза. Но куда больше, чем его. Они были алыми, слегка горевшими во тенях — верный признак сильного родства с магией. Её небольшое и слегка вытянутое лицо сохраняло нейтральное выражение, хотя взгляд уже долгое время сверлил человека напротив. И в-третьих, на её платье, выглядывавшем из-под спущенного плаща, выглядывало чёрное солнце на золотом фоне. Знак гильдии магов Мортиса, личностей, благодаря которым этот город ещё держался.

На них не особо смотрели другие посетители, но и совсем пустыми и не

привлекающими внимания их назвать тоже было нельзя. Поэтому остановимся на этих двоих, присев вместе с ними за стол.

— Долго ты ещё собрался читать? — абсолютно безэмоционально спросила женщина, делая внеочередной глоток из кружки, полной пива.

— Это поразительное чтиво, — с упоением отозвался мужчина, отхлёбывая из кружки. В этот раз пиву не суждено было пролиться на книгу, которую он сжимал в руках. — Заставляет о многом задуматься.

— Я уже успела своё наудивляться, изучая это, — как-то разочарованно вздохнула обладательница прекрасных белых волос. — К чему такой интерес? Весь принцип мы уже изучили. Теперь этот артефакт — просто мусор.

— Эх, Лори, — покачал головой её спутник. — Если бы твой учитель относилась к подобного рода реликвиям, как к мусору, то давным-давно бы сгинула где-нибудь в лесах Пангонии.

Пангония. Восточный край Золотой Империи, край густых девственно чистых лесов и прекраснейших озёр. Независимое государство без границ и каких-либо контактов с внешним миром, контролируемое эльфами и советом друидов — магов, что общаются с природой напрямую. Сейчас, правда, разорённое войной — большая часть лесов сгорела в негасимом пламени, сотворённом боевыми алхимиками на службе у императора, друиды же, похоронив почти всех своих людей, выступили с предложением мира. Империя, до этого продолжавшая свой неостановимый натиск, остановилась и отступила, оставив за собой выжженную землю, на которой ещё долго ничего не вырастет. Правда, цена, которую уплатила Пангония за сохранение своего существования в виде вассала, остаётся далеко за пределами понимания обычного человека.

— Всё-то ты знаешь, — чуть наморщила свой лоб женщина, которую человек назвал Лори. Затем откусила колбасу, принявшись пережёвывать. По её лицу было видно, что она скучает, но показать этого не может. Или не хочет. — И не называй меня настоящим именем, пока мы не покинем Мортис. Паршивое, к слову сказать, местечко...

— Тебе ли говорить..? — не отвлекаясь от строчек, протянул мужчина. — Запахи на улицах, конечно, то ещё испытание. А остальное... Как-нибудь свыкнемся.

— Мастер так и не сказала мне, надолго ли мы здесь...

— В чём смысл временных рамок, если ты не можешь сосредоточиться на задании и без них? — не глядя в сторону женщины, бросил её спутник.

— Тц, — фыркнула Лори, выпрямляясь. — Прошу прощения.

— Ты же боевой маг. Расслабься, пока мы всё равно только заканчиваем собирать информацию. Что будет потом — будет потом. Постарайся не засорять свою голову мыслями на эту тему.

— Я цыкнула не из-за твоих слов, — она не повернула голову, продолжая смотреть на человека перед собой.

В это время дверь в трактир со скрипом отворилась, нет, она громыхнула, будто в неё ударили с приличной силой с той стороны. На порог вошёл человек, закованный в чёрные рыцарские латы. Следом за ним вошли и другие: три, пять... Целых семь человек. Каждый из них носил ту же броню, что и первый, но она всё же немного отличалась. Шлем, который человек сжимал в руках, был украшен витыми чёрными рогами, заострёнными и смотревшими чётко в потолок. А ещё на броне этого человека был выгравирован алый символ Золотой Империи — могучий лев, сжимающий в одной лапе меч, а в другой —

посох. Все разговоры, до этого витавшие в трактире, мгновенно прекратились. Даже в воздухе, где до этого витал приятный запах чего-то жаренного и вкусного, теперь остался только привкус ржавчины и ненависти во рту, который принесли с собой новые "гости".

Не удосуживаясь закрывать за собой дверь, они прошли к одному из столиков в центре зала. К одному из занятых столиков прямо перед скрипачкой — молодой эльфийки с веснушками на красивом лице. Гномы, мигом протрезвев, свалили подобру-поздорову, как раз остановив начавшийся было сквозняк. На улице нынче стояли холода, поэтому те из жителей Мортиса, что сидели ближе всего ко входу, поёжились. Остальные же тихо сплюнули в уголок, стараясь не смотреть на имперцев, занявших освободившихся стол. Рыцари Империи сложили свои клинки рядом с собой, прислонив их к лавке с внутренней стороны стола.

— Пива, — проговорил их командир, и трактир будто ожил — тишина оказалась сломлена железным голосом имперца. — И свинины. На всех.

Зацокали каблуки официанток, бросившихся на кухню. Кто-то, уже слишком пьяный, чтобы хоть что-то понимать, вернулся к непонятным разговорам и всё той же выпивке. Имперцы сняли шлемы, оголяя короткие стрижки. Большинство из них были людьми — только командир, показавший едва-едва заострённые уши, был, очевидно, полуэльфом. Его шлем стоял перед ним на столе вместе с остатками пошла гномов. Скривившись, этот мужчина двумя руками смёл все следы пиршества, не удосуживаясь сделать хоть какой-то комментарий своим действиям. Его товарищи принялись снимать элементы брони, ограничивавшие приём пищи. Разговаривать, впрочем, никто из них особо не спешил. Та же парочка, что притаилась в дальнем углу, продолжала вести свой обыденный диалог.

— Имперцы, — проговорила Лори, и, хоть её тон не выражал ни малейшей эмоции, её лицо, искажённое в злобе, выражало всё, что она думала об этих случайных гостях заведения. — Наверняка сегодня возьмутся за официанток.

— Испытываешь ненависть? — спокойно и всё ещё не отвлекаясь от чтения, спросил мужчина. — Когда уже ты перестанешь делить людей на хороших и плохих только по их виду или роду...

— Я умею отличать добро от зла, — медленно выдохнула женщина, успокаиваясь.

В это время имперцам уже принесли пива, за которое они с упоением взялись, не стесняясь произносить самые громкие тосты, что звучали в этом трактире с самого вечера. Поднимались кружки и за Империю, и за его величество императора, и за их отряд, дивизию, просто за армию... Пока Лори старалась сдерживать свои чувства, имперцы давали им волю: только их командир отказывался прикладываться к выпивке, впрочем, поддерживая тосты соратников крупным, как для эльфа, кулаком. Его товарищи, распалаясь, стучали по столу, щипали официанток за зад и присвистывали тем вслед — в общем, вели себя, как хозяева, а не гости. И опять же — их право. В Мортисе нет такой сильной ненависти к имперцам, здесь хата каждого — с краю. Первая задача — выжить, а уже потом что-то думать или делать с теми, кто ведёт себя столь нагло, как эти ребята.

— Играй, дорогуша, — вдруг обратился командир владельцев чёрной брони к эльфийке со скрипкой. Она уже некоторое время сидела за столом слева от них, стараясь влиться в разговор орков, отчего-то упрямо её игнорировавших. Видимо, зеленокожие быстро поняли, что к чему. — Играй, не стесняйся. Я пришёл сюда только ради твоей музыки.

И она встала. С дрожащими коленями, с мокрыми глазами, из которых вот-вот должны были политься слёзы. Конечно, имперцы этого не видели, они были слишком заняты. А вот

их начальник — увидел. Его лицо помрачнело, но слова почему-то не вырвались из его рта, раскрывшегося, чтобы их сказать. Взяв инструмент, девушка-эльфийка начала игру. Плавно, нежно, словно боясь обидеть попросившего её об исполнении мелодии мужчину. Весь остальной трактир вернулся к своим кружкам и тарелкам, поэтому никто и не заметил целый обмен чувствами, произошедший между этими двумя. Лори, глядя на спину скрипачки, сжала кулаки, спрятанные под столом.

Из-под него же, потихоньку расползаясь во все стороны, начали вытягиваться тонкие белоснежные нити.

— Лори, — перелистывая страницу, сказал её спутник. — Подумай о том, что бы сказала твой учитель, увидев, как легко ты поддаёшься своим эмоциям.

— Я... — её взгляд ушёл вниз, в кулаки, оставшиеся на бёдрах, сейчас дрожавшие в напряжении. Окутанные тонкими фиолетовыми перчатками пальцы впивались в кожу ногтями, постепенно приводя женщину в себя. — Спокойна.

— Ещё одна такая выходка, и я буду вынужден рассказать Мире лично, — его голос впервые стал жёстким, сжатым, словно выпущенная стрела окатившим Лори сплошным потоком страха. Она вздрогнула, посмотрев на него, до сих пор прикованного к книге.

— П-поняла... — протянула она. Нити, так и не покинувшие пределы пространства под столом, исчезли. — Я, пожалуй, больше не буду пить.

— Мудрое решение, — ответил на это её товарищ, устраиваясь на лавке поудобнее. Закинув ногу на ногу, он приложился к пиву, продолжая сжимать томик одной рукой. — Не обращай внимание на жука, когда идёшь мимо него по дороге в лесу. Рискуешь проглядеть волка за поворотом.

— Ты читал слишком много книг...

Пока Лори приводила себя в порядок, трактир продолжал жить. Текло рекой пиво, тихо пела скрипка, стукались друг о друга кружки с глухим звуком, сливавшимся в бесконечную и беспорядочную трель. Болтовня постепенно захватывала все оставшиеся столики, и вскоре шум от имперцев стал лишь одним из многих. Вот он, финал. Ещё час, и все перебравшие отправятся на боковую. Кто-то — к себе домой, кто-то — в одну из комнат, снятых в трактире. Весь второй этаж был посвящён жилым помещениям, которые вполне могли вместить весь текущий состав гостей заведения. Имперцы, разумеется, заранее забронировали себе номера. Для них это проще простого: потому что никто не рискнёт говорить им, что все комнаты уже заняты.

Что сказать — удобно.

— Может, хоть ты расскажешь мне, зачем мы приехали сюда? — спросила Лори, нервно постукивая пальцами по столу. — Из всех мест, что можно было выбрать, Мортис, пожалуй, одно из самых странных.

— Странное — значит необычное, — пожал плечами мужчина. — Необычное — значит представляющее интерес. Представляющее интерес для...

— Играй веселей, паршивая девка! — перебил спокойную речь человека один из имперских рыцарей, хлопнувший со своими словами скрипачку по заднице.

Имперские рыцари. Среди прочих в иерархии армии Золотой Империи они занимали примерную серединку, хотя и она уже давала им возможность делать всё, что им захочется, там, где только захочется. Разумеется, и у их наглости был предел, хотя для Мортиса его, можно сказать, временно не существовало. Рыцари были ударным стальным кулаком, который обрушивался на врагов императора, будто его собственный гнев. Формации таких

чёрных мечников вгрызались в противника, ломая его строй и снося одну голову за другой. Какими бы людьми они ни были, надо признать — воины из них вышли отличные. Ещё бы — рыцарей готовили в специальных академиях, где их возвращали с малых лет, обучая искусству сражения. Впрочем, не помешало бы научить этих ребят ещё и чести.

Хотя какая честь может быть у захватчиков?

Так или иначе, никто не среагировал на действие одного из бойцов. Разве что орки, сидевшие совсем рядом, бросили пару неодобрительных взглядов в их сторону. Имперцы были слишком пьяны, чтобы заметить, но от внимания Лори этот момент не ушёл. Всё ещё распалённая от чувств, переполнивших её, женщина повернула голову, с открытой ненавистью смотря на стол, за которым восседали восемь отродий, которым она бы с великим удовольствием оборвала жизнь. Эльфийка-скрипачка вздрогнула, её мелодия, издав предсмертный писк, оборвалась. Командир чёрных рыцарей вгрызся в очередной кусок свинины в своей тарелке, игнорируя паузу в музыке. А вот жажду крови, нескрываемую более Лорией, этот человек ощутил. Он как раз сидел к ней лицом, поэтому принялся оглядываться, выискивая источник столь сильных эмоций. Не так, чтобы это можно было заметить, конечно.

Имперец, совершивший непристойный акт, силой подтянул замершую девушку к себе, поглаживая её по всё той же заднице, по которой ударил.

— Эй, а ты ничего... — его товарищи, оглядев девушку не как девушку, но как кусок мяса, удовлетворённо кивнули. Похоже, не нужно было говорить что-то ещё — это их сегодняшний источник женских ласок на ночь глядя. — Составишь компанию бравым рыцарям?

Пока эльфийка думала, стоит ли её дёргаться или хоть как-то показывать, сколь сильно ей противно то, что с ней делал этот человек, за дальним столиком трактира развязался нешуточный спор, в котором одна сторона была волной, а другая — скалой, о которую эта волна раз за разом разбивалась.

— Я убью их... Я убью их всех... — её алые глаза вспыхнули, знаменуя начало магического резонанса. Так бывает, когда сила мага направляется не его разумом, но его сердцем. Душа сливается с энергией, наполняющей тело, усиливая чары, которые волшебник собирается применить.

— Нет, — коротко и ясно ответил на это её спутник, перелистывая новую страничку. — Среди восьмёрки есть полуэльф — скорей всего, магический мечник. К тому же, он их командир, значит, его предел — троечка. Остальные потянут на двоечку из десяти, но их семеро.

— Твоя привычка оценивать силу оппонента по десятибалльной шкале здесь как нельзя кстати, — прошипела женщина, собираясь встать. Стоило её мышцам напрячься, чтобы это сделать, она вдруг ощутила, что не может даже вдохнуть. — А...

— Моё «нет» относилось не к твоим чувствам, Лорелеи, — стоило ему произнести вслух её имя, как она посмотрела ему в глаза. По всему её телу прокатился электрический разряд — столь сильно она вздрогнула. — Я сказал «нет» не потому, что ты не должна. Я сказал «нет», потому что ты не сможешь. Впрочем... — женщина с ужасом втянула в лёгкие воздух, понимая, что свободна от невидимых пут, сковавших её за мгновение. — Если ты всё-таки хочешь попытаться даже после моей оценки, то вперёд.

— Нет! Пожалуйста! — а это уже от скрипачки. Крик о помощи потонул в хохоте имперцев, принявшихся прямо там, у стола, лапать скрипачку, прижавшую свой инструмент

к груди. Их командир, потеряв чувство, что напрягло его, успокоился, вернувшись к трапезе. Впрочем, и участия в, фактически, насилии над девушкой он не принимал.

— Ничего, мы любим бойких, — один из имперцев полез под юбку, но потерялся в складках, с грохотом стальных лат рухнув с лавки лицом в пол. По трактиру раздалось несколько смешков, на что его товарищи, ударив кулаками по столу, поднялись, оглядываясь на гостей.

— Эй, собаки! Кому-то тут дохрена смешно?!

Трактир был тих. В нём раздавался, разве что, плач скрипачки да учащённое дыхание собравшихся.

— Так и подумали. А теперь живо глазки в стол, если не хотите, чтобы мы вас прямо здесь порешали! — огрызнулись в последний раз имперцы, сосредоточившись на так ничего и не понявшем коллеге, вытиравшем кровотечение из носа о вовремя поданные платки. Они же рыцари — конечно, у них будут платки!

Мерцал свет от свечей, расставленных по стенам и на некоторых столах. Тут был довольно низкий потолок, поэтому что-то вроде люстры показалось владельцам излишеством. Имперцы продолжали измываться над девушкой, а Лори, сдерживая себя из последних сил, старалась не смотреть в её сторону. Она знала, знала слишком хорошо, что оценка её спутника никогда не бывает неверной. Он уже сравнил её — и восьмерых рыцарей Золотой Империи, на которых не бросил даже взгляда за всё то время, что они здесь были. Сравнил и вынес вердикт — в одиночку ей с ними не справиться. Силы самой Лорелеи он когда-то оценил на тройку из десяти — и сказал, что это было сделано с натяжкой. Ей предстоит долгий путь, пока она достигнет того уровня, на котором этот человек сможет выдать ей нечто большее, чем три балла. И всё равно — она не могла просто сидеть и ждать у моря погоды.

— Интересно, ты кого-нибудь когда-нибудь оценивал выше девяти?

— Смена темы? А ты быстро учишься, — взгляд мужчины был вновь прикован к литературе, которую он неспешно листал, уже периодически возвращаясь назад. От силы, исходившей только от его глаз, и подавлявшей мощи, которую испускал его взгляд, не осталось и следа. — Отвечая на твой вопрос: из обычных: людей, орков, эльфов и гномов, нет, никогда. Добавлю, чтобы удовлетворить твоё любопытство — девятки удостоились всего пятеро.

— Так много...

— Впрочем, до сегодняшнего дня дожили лишь двое, — приложившись к пиву, сказал мужчина. — Первый человек — твой учитель, Мира. Второй...

— Его величество, император, — не сдерживая злобу в голосе, протянула Лорелеи. — Лучший мечник севера, повелитель Нам'ярра, владыка Пангонии, сюзерен Железных Гор, покоритель Аркина, Дорана, Ливиграда и Сенстонии. Чёрное пламя, единственный властитель Золотой Империи, Сангвин Четвёртый.

— Для человека, который его ненавидит, ты удивительно много о нём помнишь, — вытянув руку с книгой в ней вперёд, словно рассматривая что-то на открытых страницах, протянул мужчина.

— А ты — нет? — вновь сжала кулаки Лори. — После океана крови, который этот человек пролил и на твоей родине? Неужели ты можешь относиться к этому... К этому... К этой твари — вот так просто и спокойно?

Её спутник, жестом попросив официантку подлить ему пива, на мгновение прикрыл

глаза.

— Что было — то прошло.

— Поверить не могу!

— Император — всего лишь рука, которая ведёт Империю, — вздохнул человек, делая большой глоток из кружки. Облизнулся, откашлялся. Перелистнул страницу с лёгким шелестом, наплевав на шум, что становился всё сильнее за его спиной. — Её голова — это многочисленные фракции, диктующие свою волю. Конечно, среди них есть и та, что верна короне. До тех пор, пока люди его величества достаточно сильны, Империя продолжит сиять своим золотом. Но это — не вечно, Лори. Чем выше ты поднимаешься, тем больней падать.

— Да ты словно пророк, — с каким-то облегчением вздохнула Лори. В её голове эти слова звучали совсем иначе. словно спутник говорил ей подождать. Подождать, чтобы увидеть крах Империи. Не рисковать сейчас, ставя всю их операцию под удар. — Говоря о пророчестве... Ты ведь неслучайно выбрал трактир?

— Верно. Это же классика, — улыбнулся уголками губ мужчина, прикладываясь к пиву. Официантка наполнила его кружку до краёв и без лишних слов уцокала прочь. — Бордель — маловероятно, там нет сплетен и слухов, да и дешёвым ночлегом вряд ли себя обеспечишь. Постоялый двор? Уже ближе, но всё ещё как-то не подходит. Нужно ведь и выпить, и языком почесать, и самому что послушать. Гильдия? Хорошее место. Что у магов, что у авантюристов здания хорошо оборудованы, считай, тот же трактир, только без названия. Но всё-таки... Для предполагаемых нами целей это заведение, единственное на весь Мортис, подойдёт больше всего.

Его голос, теперь слегка повеселевший, ещё больше успокоил Лорелеи. Уже с печалью она смотрела на эльфийку, дрожавшую в руках хохотавших имперцев. Их командир наконец-то начал пить, правда, медленно и без особого азарта. Наверняка рассчитывает на ранний подъём и начало рабочего дня. Это подчинённым можно туманить разум, но начальству — ни за что! В какой-то степени Лори чувствовала уважение к этому полуэльфу, столь серьёзно относившемуся к своему долгу. Может, они и враги, но и своего врага можно уважать. Человек, сидевший напротив, говорил, что это даже нужно делать. Кроме случаев, когда враг не уважает тебя. Тогда ты в полном праве проявить полнейшее неуважение в ответ. Порой Лорелеи удивлялась, сколь мудрым, по-настоящему мудрым был её спутник. И его мысли не были пустым сотрясанием звука — женщина на себе убедилась в том, сколь принципиален был мужчина перед ней.

Лори подпёрла подбородок, с интересом заглядывая в глаза своему спутнику.

— Конечно, я уже слышала от тебя эту историю, но... В неё до сих пор трудно поверить.

— Ты согласишься, если мои расчёты верны, — протянул мужчина. — Если всё произойдёт так, как надо, то ты не просто согласишься — ты увидишь всё своими глазами.

— Надеюсь, ты прав... Я в этом городе первую ночь, а меня уже воротит от каждого его сантиметра.

Лорелеи отхлебнула из кружки, вливая в себя остатки. Её спутник проигнорировал это, несмотря на то, что Лори дала обещание сегодня больше не пить. Позвав официантку, она попросила повторить, по ходу дела вынимая из внутреннего кармана плаща набитый монетами кошелек. Отсчитав пять золотых, положила их на стол, спрятав кошелек обратно. Что-то вертелось в её голове, что-то, что не давало покоя ещё больше, чем ненависть к Империи. Белокудрая волшебница закрыла на минуту глаза, пытаясь понять, что это было за чувство. Нет, не чувство — ощущение. Она ахнула, проливая на себя пиво — тело двинулось

инстинктивно, защищая лицо. Отняв от него ладони, женщина с волнением и тревогой посмотрела на своего товарища. Тот же, с широкой улыбкой захлопнув книгу, повернул голову в сторону двери. Повинуясь внезапному порыву, девушка сделала то же самое, остановив свой взгляд на входе в трактир.

Это был второй раз в её жизни, когда способность Лорелеи сработала на полную. Надо сказать, эта девушка была уникальным магом — их ещё называли магами крови. Но деятельность этих волшебников была связана вовсе не с ней, нет. Подобные Лори личности были способны достичь вершин в любом из выбранных аспектов чар — и сделать это, полагаясь только на свои собственные чувства. Чем сильнее было их желание, чем больше эмоций они вкладывали в обучение — тем сильнее они становились. Кто-то скажет, что это не честно. С одной стороны, да — магу крови было не обязательно иметь талант или предрасположенность, чтобы стать великим. С другой — они постоянно чувствовали эмоциональное истощение, за что бы не взялись. Такое плохо сказывается на психике, поэтому далеко не все из них были успешны или хоть сколько-нибудь знамениты.

А одной из особенностей магов крови была черта, присущая, кроме них, разве что развившим своё мастерство до предела воинам. Они могли ощущать опасность... Угрозу, если будет удобно. Чем серьёзней была эта угроза, тем более явно проявлялась эта способность, тем больше она влияла на чувства мага.

То, что сейчас в волшебницу вселился ужас без явной на то причины, говорило о многом. На её светлом, прекрасном лице выступил пот. Ни один из гостей трактира, включая имперцев, никак не реагировал. Но Лори — Лори слышала шаги. Гулкие, сильные. Мощная поступь, словно это великан приближался к заведению. Каждый шаг заставлял её сердце биться всё громче, пока этот грохот не занял всё её сознание. И наконец, дверь в трактир, вновь скрипнув, отворилась. Порог перешагнул человек в белой маске с узкими прорезями для глаз, закрывавшей его лицо.

Выглядел он странно... Для тех, кто останавливался в Мортисе. Средний рост, чёрная ткань плаща, закрывавшая почти всё тело вплоть до шеи, простые сапоги авантюриста с большой дороги и голубые глаза, смотревшие сквозь маску. Такие маленькие, но такие... Сильные. Иного слова Лорелеи попросту не подобрала, не сумев даже сдвинуться с места. Её спутник же, повернув всё тело к новому гостю, с интересом оглядывал его. На нового посетителя никто особо не смотрел — ну, маска и маска, чего тут говорить. Имперский капитан, сидевший к нему спиной, остановился, так и не подняв взятую за ручку кружку с пивом. А его товарищи, не обращая внимания на скрип двери и поднявшийся холодный ветер, продолжали уже внаглую раздевать эльфийку. До этого они просто её лапали — но теперь рыцарям захотелось зрелища. С гоготом и свистом они спустили сперва её юбку, отобрав инструмент и отбросив его прочь, а затем принялись разрывать лёгкий кожаный жилет, прикрывавший остатки наготы.

Скрипка, издав полный печали звук брошенного музыкального инструмента, упала к ногам человека в маске. Он посмотрел на неё, всего секунду. Затем закрыл за собой дверь, подобрав смычок. Его взгляд оказался прикован к имперцам, продолжавшим изгаляться над девушкой. Всего секунда, полная хохота, криков эльфийки, шёпота посетителей, взглядов, вздохов, шорохов и шагов... Всего секунда — после которой в трактире раздался новый крик.

— А-А-А!!! — орал имперец, державший скрипачку, чьё лицо стало бледнее смерти. За его спиной стоял человек, вошедший сюда несколько мгновений назад. В руках он по-прежнему держал смычок — только теперь с него капала на пол трактира алая кровь.

Имперец, захлёбываясь, сполз на пол, оставшись там. Его товарищам потребовалась пара секунд, чтобы осознать ситуацию и вскочить, хватаясь за оружие. Это сделал и их командир, только в его взгляде проскользнули, всего на миг, нотки ужаса.

— УБЛЮДОК! — закричал один из рыцарей, атакуя вошедшего. Его полуторный клинок, блеснув, обрушился на место, где ещё мгновение стоял странный человек в маске.

— НАЗАД! — повысил голос командир, обнажая свой клинок.

Но было поздно — его коллеги навалились на незваного гостя всем скопом. Кто-то столкнулся друг с другом, кто-то потерял равновесие и рухнул почти там же, где стоял, но часть их атак всё-таки понеслась в сторону убийцы, до сих пор с лёгкостью уворачивавшегося от каждого удара. Постояльцы, взирая на начало сражения, округлили глаза — ещё никто не бросал вызов имперцам столь нагло и открыто. Более того, их поразила и скорость человека — он буквально сместился на несколько метров вперёд за одну секунду, успев перерезать рыцарю горло!

Наконец, этому человеку, кажется, надоело уворачиваться.

— Медленно.

Всего одно слово, заставившее как Лори, так и командира имперцев нервно сглотнуть. После этого человек взмахнул смычком... А потом в трактире раздался новый предсмертный хрип. Второй имперец рухнул на колени, зажимая, как и предыдущий, горло. Кровь текла на пол, размазывалась его товарищами, спешившими отомстить. Их начальство, понимая, что приказы бесполезны, сжало покрепче свой меч. Пользуясь случаем, полуэльф также надел свой шлем. И едва сумел сдержать дрожь в коленях, когда вновь посмотрел на место, где развернулась короткая битва. Следующие имперцы не издавали ни одного звука — потому что теперь с их плеч летели головы. Кровь повисала в воздухе маленьким облаком брызг, рассеиваясь и падая на орков, что сидели ближе всех, и на остальных посетителей трактира.

Лори понимала, что должна вмешаться. Здесь творилось что-то неладное... Что-то противоестественное. Этот человек не просто убивал — он делал это за одно движение, легко и просто, будто вдох и выдох. Но её пугало не это — а то, что она не могла уследить за его действиями. Она чётко, как и все остальные, видела взмах перед ударом смычком, а потом — всё. Очередная голова катилась по полу, очередная кровь орошала стены, пол и мебель, а человек в маске уже был рядом со следующим имперцем. Люди, что были достаточно трезвы, вскакивали, убегая прочь. Постепенно в трактире остались только четверо живых и семеро мертвецов.

Последней убежала скрипачка, вся покрытая кровью. Убийца имперцев несколько секунд посмотрел ей вслед, а затем, как показалось, вздохнул, перемещая смычок в сторону командира чёрных рыцарей. Алый лев на броне полуэльфа вспыхнул красным, но тот не спешил атаковать. Вместо этого он буравил взглядом оппонента, будто подбирая слова, чтобы сказать.

— Кто... Ты?

— Сомневаюсь, что моё имя тебе что-то скажет.

Голос человека в маске оставался спокойным — его дыхание не сбилось после стольких телодвижений, кроме того, Лори не смогла увидеть кровь нигде на его одежде. Полностью в ней был только смычок, что человек сжимал в руках. Голос его, помимо спокойствия, нёс и некий оттенок презрения. И он, что дошло наконец-то до Лорелеи, принадлежал мужчине. Нет, скорее, молодому парню. Взгляд яростных голубых глаз столкнулся с чёрными глазами полуэльфа. Похоже, намечалось ещё одно сражение.

— Зачем... — имперец сделал паузу, вновь выбирая выражения. Его голос дрожал, он был чуть хриплым и низким, что странно для полуэльфов, но обыденно для командиров подразделений. — Зачем ты убил моих товарищей?

— Потому что они измывались над эльфийкой, — холодно, до безумия прямолинейно. Лори, на мгновение посмотрев на своего спутника, изумилась — в них отражался восторг. Улыбка до сих пор не сошла с лица мужчины напротив волшебницы, и она решила продолжить наблюдение за человеком в маске.

— Понятно, — легонько кивнул имперец. — Ты считаешь, что они были подонками, заслуживающими смерти.

— Угадал.

Всё ещё хладнокровно, но уже без презрения. Интересно, что выражало его лицо в этот момент? Ничего? Или... Быть может, его губы изгибались в озлобленной улыбке? Лори гадала, а диалог между двумя интересными личностями продолжался.

— Кто бы ты ни был, ты ошибаешься, — протянул командир рыцарей. — Мы служили вместе больше семи лет, и каждый из них был воином, с честью воевавшим за Империю. Это были люди слова, люди, для которых проливающаяся кровь — не пустой звук. Они были настоящими рыцарями Золотой Империи.

— Рыцарями, решившими изнасиловать девушку.

Маска продолжил стоять посреди трупов, а вот командир имперцев, поправив шлем, вытянул меч в его сторону. Как смешно это выглядело — смычок напротив клинка.

— Ты другой, — вдруг первым продолжил диалог человек в белой маске. — Ты смотрел, не препятствуя, но и не давая разрешения... — он замолк, делая для себя выводы. — Отброс.

— Я — Эверальд фон Рин, магический мечник пятой ступени, рыцарь его величества Императора, — клинок имперца засиял алым вслед за львом на его чёрной броне. — И за оскорбление моей чести ты умрёшь.

Это было красивое сражение. Лори не могла подумать, что какой-то человек, до сих пор не применивший ни одного заклинания, даже не усиливший своё тело при помощи магии, может уклоняться от каждого выпада мечника, противостоять которому она, по оценке её спутника, попросту бы не смогла. Эверальд бил сильно и точно, не церемонясь с финтами или обманными манёврами. Каждый взмах его меча, каждое движение его тела — всё испускало мощь, от которой Лори становилось не по себе. Несколько столов оказались разрублены, в нескольких лавках теперь стало на несколько зарубин больше. А тот парень стоял — стоял и смотрел, как рыцарь в полной латной броне пытается сохранить остатки своего дыхания.

Они бились три минуты. Три минуты сражения опытного мечника против какого-то пацана в маске, у которого даже оружия-то никакого не было. Верно, он не использовал смычок, просто держал его в руке, словно выжидая момент. Наконец, полуэльф закричал, а его клинок засиял ещё ярче.

Он помчался вперёд, делая тычок и сразу за ним — размахистый вертикальный разрез, вспоровший воздух в месте, куда сместился, уклоняясь, парень в белой маске. Несколько свечей погасло от ветра, поднятого этими движениями, и трактир опустился в полумрак. И последняя атака достала парня — Лори точно видела, как сталь разрубила человека снизу вверх, наверняка вспарывая живот или, как минимум, располовинив лицо. Лишь когда лезвие остановилось возле самой маски, до волшебницы дошло, что произошло за всего

несколько секунд. Эверальд не просто так остановил свой клинок у маски — он убедился в том, что предположил до этого. Он давил на рукоять, пытаясь продавить оружие дальше, нанести удар, но...

Но оружие наталкивалось на невидимую стену, попросту не дающую задеть даже одежду, в которую был одет голубоглазый парень. Всего сантиметр, недостающий до плоти. Но преодолеть его зачарованному клинку оказалось невозможно. Сглотнув, Эверальд отступил, выпуская меч из рук. Тот рухнул на пол, мигом погаснув. Вслед за оружием упал на колени и полуэльф, не в силах выдержать давление в шлеме. Отстегнув его, он продолжил сидеть на месте, сжимая рогатый головной убор в руках.

— Я спрошу ещё раз... — сдерживая сбитое дыхание, сказал командир имперских рыцарей. — Кто ты такой?

— Человек, предпочитающий действовать, а не смотреть, — Лори вздрогнула от этих его слов. Более того, вместе с ними не сдержал восторженного вздоха и её спутник. — Ты мог остановить своих сослуживцев, но не стал. Прощай, Эверальд фон Рин. Я запомню твоё имя.

Голова имперского командира отлетела в сторону, вслед за ней на пол сложилось и расплывшее во все стороны кровь тело. Стряхнув остатки алых капель со смычка, белая маска прошёл вперёд, подняв скрипку, чудом уцелевшую во всём этом бардаке. Положив инструмент вместе со смычком на один из пустых столов, он прошёл дальше, занимая тот, что был по соседству с имперцами. Официантки, поняв, что всё кончилось, выбежали из кухни, принявшись за уборку. Конечно, это были имперские рыцари. Но трупы — есть трупы. И от них надо избавиться. Одна из девушек, процокав к белой маске, убежала выносить ему заказанное пиво.

— Это... Тот, кто я думаю? — тихо спросила Лори, взглянув на своего товарища. Тот кивнул, продолжая улыбаться. Поднялся, делая приглашающий жест женщине. — Э?

— Пойдём.

Она встала вслед за ним, стараясь не смотреть на обезглавленные трупы, которые утаскивали прочь официантки. В воздухе стоял отвратительный запах крови. А ещё — несмотря на звуки, наполнившее трактир вновь, Лори ощущала себя в вакууме.словно все её органы чувств сосредоточились на белой маске, восседавшим за столом без единого движения или звука. Прошагав вслед за спутником к нужному столу, она остановилась, едва не влетев тому в спину. Охнула, и тут же замолчала, испугавшись — столь сильно её ужаснул собственный голос теперь, когда они были так близко. Мужчина рядом с ней же, до сих пор держа в руках книгу, обратился к белой маске:

— Разрешишь?

Парень с голубыми глазами кинул на собравшуюся возле его стола парочку всего один взгляд, полный безразличия. И вместе с тем же безразличием пожал плечами. Они сели, мужчина — уверенно и спокойно, волшебница — уже не скрывая свои нервы, шалившее так, что нельзя было сдержаться. Её колени дрожали, её ладони дрожали, да что там — вся душа содрогалась, а тело словно уже ощущало струну возле своей шеи. Незаметно, под столом, чья-то ладонь опустилась на её руки, сцепленные в замок. От них исходило тепло, но не столько физическое, сколько магическое. Лорелеи выдохнула, собираясь с мужеством. И, наконец, смогла взглянуть на белую маску без того ужаса, что испытывала мгновение назад.

— Приятно познакомиться, — протянул мужчина, положив перед собой книгу. — Я — Фолл, странствующий мечник. Это моя подруга — Лори, волшебница... Ты её прости, она не

привыкла к подобного рода зрелищам.

— Я... — белая маска замер, будто останавливая себя. — Хан. Странствующий мечник, как и вы.

— Хан, да? — почему-то рассмеялся Фолл. — Может, Соло?

Голубые глаза парня в маске округлились, он вскочил, собирая частицы эфира возле своей ладони. Его взгляд с абсолютно безразличного стал полным эмоций и чувств. Удивление, напряжение, страх, жажда убийства — чего только не было в этих чистых, как два озера, глазах. Да и цвет... Видимо, Лори ошиблась — его глаза были цвета морской воды, такие же блестящие и бирюзовые, отливавшие разными оттенками синего, вплоть и до голубого. Её товарищ, впрочем, никак не отреагировал на бурную деятельность парня, спокойно повернув голову и приняв с подноса официантки пиво, предназначавшееся Хану.

— Не дёргайся ты так, — улыбнулся Фолл, отхлёбывая пиво. — Ух, новую бочку открыли... — он поставил кружку, подтолкнув её к белой маске. — Холодное. Попробуй.

— Кто... ты... такой? — медленно, выделяя каждое слово интонацией, полное звериной ярости, спросил парень. Стало смешно — кажется, этот вопрос сегодня уже звучал.

— Для начала — сядь, "Хан Соло", — рассмеялся мужчина, повторяя имя парня. — Сядь и выпей с нами пива. Настоящее имя можешь не называть — мне уже слишком нравится фальшивое.

— Ты... — на секунду Лори показалось, что вот сейчас её голова покатится с плеч. Что вот сейчас её обнимет старуха с косой, что в эту секунду холод, окутывающий её, станет могильным, но... Ничего не произошло. Только скрипнула скамья по другую сторону стола, когда парень вернулся на своё место. Правда, он сверлил Фолла взглядом, но Лорелеи радовалась, что хотя бы не её. — Говори. Учти — я почувствую ложь.

— Будь моим гостем, — развёл руками Фолл. — Для начала, позволь-ка я тебе тыкну носом в очевидное. Пункт первый — добро пожаловать в Крэйн, мир меча и магии. У нас здесь... Особая атмосфера, как ты мог заметить. Но в целом мы весьма уважительно относимся к посетителям.

— Очень смешно, — фыркнул Хан. — Я здесь почти год. Не объясняй "очевидное". Переходи к сути.

— Ладно, — вздохнул Фолл. Кажется, разочарованно. — Но очевидное объяснять всё-таки придётся. Ты не первый, кто попал сюда по воле Бога. Он здесь один, и имени у него нет... Просто Бог, с большой буквы. Тот ещё до тошноты мерзкий тип...

— Ха, согласен, — выпалил белая маска и тут же осёкся. — Кхм. Продолжай.

— Ты — второй, Хан. Второй после меня.

Хан некоторое время смотрел в глаза Фоллу, пытаясь понять, правду ли тот говорил. Затем сдался, резким движением снимая свою маску. Лори ахнула, да и её спутник не смог сдержать восторга — под маской крылось красивое лицо с резкими чертами: острыми скулами и волевым подбородком. Не вытянутое, не округлое, полное прямых углов — так выглядела личина человека, ради которого эти двое отправились в место, подобное Мортису, мёртвому городу. Что-то шевельнулось в сердце Лорелеи, когда она увидела его — шевельнулось и пропало, исчезнув в бездне женского сердца. Фолл, на секунду взглянув на женщину, усмехнулся, но развивать тему не стал.

— Удивлён, что ты столь легко пошёл на контакт, — протянул Фолл, оглядывая Хана теперь с ног до головы. — Впрочем, хорошо то, что хорошо. Даже замечательно, что ты такой красавчик. Будет легче работать.

— Что ты имеешь в виду? — непонимающе спросил парень.

— Вот твоя суть, Хан, — на выдохе произнёс мужчина. — Мне нужна твоя помощь. Мне нужен весь ты: твои идеалы, принципы, твоя сила, твой характер, твои мечты. От начала и до конца.

— Смотрю, тебе нравится пафос, — помахал перед собой ладонью Хан, будто отгоняя назойливую муху. — А если проще?

— Помоги мне уничтожить катастрофу, что придёт в этот мир.

Хан замолчал, переваривая сказанное. Видимо, проверял, правду ли говорил человек сидящий напротив. Фолл же, улучив момент, вновь перешёл к распитию пива. Лори, приняв во внимание тот факт, что она, собственно, не особо-то и нужна в разговоре, тихонько заказала спиртное и себе. Наконец, маска сложил руки на груди, прикрыв глаза.

— С самого начала, ещё приближаясь сюда, я почувствовал мощь, сравнится с которой мог, наверно, только Бог, которого я встретил перед тем, как попал в этот мир... Нет, если так подумать, то даже он остался бы позади в сравнении.

— А ты быстро схватываешь, — улыбнулся Фолл. — Я рад, что нужда в демонстрации силы отпала. Честно, не хотелось громить этот трактир — хорошее местечко. Пусть даже и в мёртвом городе.

— Но... Как такое возможно? — слегка удивлённо произнёс Хан. — Почему кто-то вроде тебя нуждается в моей помощи?

— Это... Довольно сложно объяснить, — почесал Фолл затылок, а его улыбка стала излучать неловкость. — Эм... Как бы проще-то сказать? Стоило мне перейти порог силы самого Бога Крэйна, как он явился ко мне с претензией. Сказал, мол, так и так, дружочек, либо я накладываю на тебя ограничения, либо прочь из этого мира. Не то чтобы я не мог просто поставить его на место... Не хотелось ссориться. У нас тогда были не самые хорошие отношения, так что я решил пойти на компромисс. Оковы это чудо мирового порядка наложило интересные — они меня не ослабляют, как ты мог почувствовать, а скорей... Не дают вмешаться на полном серьёзе. Например, я не могу прямо сейчас пойти и убить Сангвина Четвёртого, потому что это сильно скажется на миропорядке. Не могу завалиться в Железные Горы, поставить на колени гномов и заставить их готовиться к войне с Империей... Да много что не могу. У меня и было-то всего одно право на вмешательство — и то я его уже использовал.

Лори, слушавшая рассказ, только кивала в такт словам. Она уже слышала эту историю, более того, полную её версию. О том, как Фолл попал сюда впервые, как сумел выжить в жестоком мире, коим и является Крэйн. В первый раз это показалось бредом, во второй — она начала понимать логику происходящего, в третий же она полностью удостоверилась, что Фолл — тот, кем себя описывает. Он нигде не привирал и не пытался занизить свои заслуги. Он наследил по всей Авроре — континенту, на котором они сейчас находились. Деяния Фолла отражались на политике, на обществе, на людях, орках, гномах и эльфах... Проще описать, на чём они не отражались. Ответ — ни на чём.

— Всё это — правда... — шокированно протянул Хан. — Охренеть.

— Хорошее слово, главное — ёмкое, — хмыкнул Фолл. — В общем, друг мой, напрямую я вмешиваться ни во что не могу. Но! У меня есть отличный способ слегка скорректировать это дело. И этот способ — ты, Хан. Ты — герой, призванный Богом из другого мира. Помнишь, первое, что он тебе сказал? Давай вместе...

— "Наберись сил, чтобы противостоять злу, что царствует в этом мире"... — в унисон

продекларировали они. Лори аж вздрогнула — столь хорошо вышло.

— Это да, наставник из него, как из меня — балерина, — рассмеялся Фолл. — Теперь, когда мы выяснили, зачем я тебя здесь подкараулил, давай-ка выпьем. За встречу, как полагается.

— Да... Думаю, теперь оно того стоит... — всё ещё не отойдя от услышанного и сказанного, проговорил Хан. Они с Фоллом подняли кружки, в ожидании уставившись на Лори. — За встречу?

— А? Ой, простите... — она подхватила кружку, которую уже пару минут назад поставила перед ней официантка, и поднесла её к двум остальным. Бам! Зазвучало дерево, и пиво улетело в желудки трёх таких разных личностей. — За встречу!

Какое-то время все трое молчали, прикладываясь к кружкам. Фолл с увлечением рассматривал Хана, Хан с настороженностью рассматривал Фолла. Лори стало ясно, что первый слишком легкомысленно относится к ситуации, а второй реагирует слишком бурно. Впрочем, такие они, герои — странные и непонятные, но до ужаса сильные. Если первый уже превзошёл Бога, то что сделает под его руководством другой... Страшно даже подумать. Впрочем, у Лори были свои планы на эту жизнь — и свои мечты, воплощением которых она хотела заняться. Если по пути удастся поучаствовать в чём-то столь великом, как спасение мира, то почему бы и нет?

Грех отказываться от такой возможности.

— Теперь перейдём к конкретике, — выдохнул Фолл, опуская кружку. Вытерев губы, он посмотрел на Хана. В этот раз в его взгляде не было веселья или игры, не было того смеха, с которым он сел за этот стол. Чистая сила, излучаемая этим взглядом, заставила Лори задержать своё дыхание. — У нас две проблемы. Первая — это Золотая Империя, разжигающая войны по всему белому свету. Её владыка, Сангвин Четвёртый, уже давно потерял рассудок. Почему? Давай... Оставим этот не заданный никем вопрос пока что без ответа. Вторая проблема — это катастрофа, что обрушится на Крэйн через два года, семь месяцев, три дня и пять часов. Проблема... Ха, проблема в проблеме! Загвоздка в том, что я не знаю, что это будет за катастрофа. И никто, если честно, не знает. Даже Бог.

— Мне кажется, что с катастрофой-то он мог бы дать тебе разобраться, — неуверенно повёл плечами Хан.

Фолл тяжело вздохнул, побарабанив по кружке.

— Это... Умное сверхсущество... — он явно выбирал выражения, а на его лице проступила гримаса злобы, мигом пропавшая, стоило ей появиться. — Хотя тебе рано это знать. Остановимся на том, что я не смогу, как бы не хотел — оковы не дадут. Чёртовы ограничения... В общем, победить катастрофу — тоже твоя задача. Об этом я прошу тебя... Извини, что столь внезапно.

— Я... Уже привык... — пробормотал Хан. — Хорошо. Я и сам планировал как-то разобраться с Империей... Эти люди творят чистое зло.

На его лице появилась ненависть. Такая же чистая, как злоба Фолла, только в этот раз приправленная чем-то ещё. Чем-то, что не смогла разглядеть Лорелеи, но легко увидел её спутник. Мужчина хмыкнул, вынимая из складок плаща пачку сигарет. Щёлкнул зажигалкой, закурил. В этом трактире не нашлось бы существа, рискнувшего его остановить. Лицо Хана не изменилось, он лишь с лёгким удивлением взглянул на зажигалку. Лори давно увидела это чудо из другого мира, высекавшее огонь одним движением, поэтому её чем-то таким было не восхитить. Затянувшись, Фолл выдохнул густой дым, затем приложился к

пиву, осушив кружку.

Затем с усмешкой обратился к Хану.

— Поборник справедливости, значит.

— А?

— Ну, я тоже таким был... — протянул Фолл, затягиваясь. — Забей. Когда-нибудь ты поймёшь, что судить каждого встречного — плохая идея. И что даже очевидные мотивы могут оказаться фикцией, в то время как истинные чувства человека будут скрыты даже от него самого. До той поры — оставайся верен этому принципу. Он поможет в трудные времена, которые нам предстоят.

— Не совсем понял, смеёшься ты надо мной или же поучаешь, — неловко улыбнулся Хан. Они были похожи на двух старых друзей, случайно встретившихся здесь, в Мортисе. — Слушай, а если я буду делать за тебя всю работу, чем займёшься в это время ты?

— Как это — чем? — искренне возмутился Фолл. — Твоим обучением, конечно же. Сейчас... Дай-ка подумать... Физические возможности вне человеческих рамок, прямое и осознанное взаимодействие с эфиром... Да, ты у нас твёрдая пятёрочка.

— Чего?

— Э-это система такая... — робко вступила в разговор до этого молчавшая волшебница. — У Фолла есть привычка оценивать людей по десятибалльной шкале. Он... Довольно хорош в анализе.

— Не просто хорош! — поднял вверх указательный палец мужчина. — Я в нём лучший!

— И почему это у меня пять из десяти? — с какой-то юношеской обидой спросил парень.

— Тебе недостаёт силы, — принялся перечислять Фолл, жестикулируя дымящейся сигаретой. — Грубой силы, имею в виду. Плюс, судя по движениям, у тебя, кроме техники пространственного шага, нет чего-то по-настоящему боевого... — а заметив непонимающий взгляд Лори, Фолл улыбнулся, поясняя. — Те взмахи смычком — просто сверхчеловеческая скорость. Хотя контроль хороший, не спорю.

Просто сверхчеловеческая скорость... Наверно, Лорелеи не удивилась только потому, что эти слова произнёс Фолл. Скажи это мастер, она бы и то засомневалась, что нечто подобное может быть "простым". Хан же, выслушивая критику, медленно багровел. Кажется, алкоголь достал его — на щеках появился румянец, руки слегка подрагивали, будто просились в бой. Лори немного испугалась, подумав о том, что драки между этими двумя всё же не избежать. Впрочем, она быстро отогнала эти мысли прочь — они ведь оба разумные личности, так что легко придут к согла...

— Грубой силы? Боевые техники? Да я... — Хан вскочил, ударив ладонью по столу. — Да я мог бы расплющить голову того ублюдка голыми руками! А потом станцевать на трупе лезгинку, жонглируя головами его товарищей!

— Той троечки? Конечно, мог бы, — кивнул Фолл, затягиваясь. Выпустил дым в потолок, подумал ещё немного. — Головы магических мечников в принципе не особо отличаются от голов других наших потенциальных врагов. А вот, скажем... Оторвать башку шипастой химеры — смог бы? Нет, сомнительно. Химера ж не рыцарь — для неё пространственный шаг не помеха.

— Ты! — Хан распался ещё больше. — Я! Герой, несущий справедливость! Я не могу быть слабей какой-то химеры!

— Так-с, Лори, сделай-ка пометочку — этому вбить в голову ещё и бестиарий

Крэйна, — с улыбкой повернулся мужчина к своей спутнице. А увидев, с каким беспокойством она на него смотрела, только покачал головой. — Ничего, я разберусь.

— Не смейся надо мной! — зарычал Хан, переворачивая стол. Он рухнул с грохотом, что, впрочем, несколько не впечатлило Фолла. Он лишь с сожалением поглядел на разлитое пиво. — Ты... Ты хотя бы понимаешь, насколько этот мир ужасен? Сколько здесь... Зла?!

— Ну вот, мы всё-таки скатились к морали, — с осязаемым в голосе разочарованием протянул Фолл. — Хан, тебя какая муха в попу укусила, что ты такой помешанный на добре и уничтожении зла? Это из-за того, что тебя назвали героем? Или есть что-то ещё?

Зрачки Хана сузились, а в воздухе повисла физически осязаемая жажда крови.

— Ясно, что-то ещё, — цыкнул Фолл, пока Хан боролся с лавкой, которую не мог переступить, чтобы добраться до него. — Давай так, Хан. Я ни в коем случае не унижаю то, каким ты стал после почти года в этом мире. Я уважаю твои достижения, но их недостаточно, чтобы справиться с угрозами, которые я тебе обозначил. Более того, как я понял, ты действуешь один. Типичная ошибка новичка... Путь одиночки — глупый и безрассудный. Тебе нужны товарищи, что прикроют спину. Союзники. С кем разделить стол, ночлег и жизнь. Иначе — всё, что ты сделал, чем пожертвовал, что спас — всё бессмысленно.

Лори вдруг поняла, что Фолл говорил искренне. Она могла только догадываться, через что пришлось пройти этому человеку, чтобы прийти к таким выводам — ведь он совершенно точно излагал мысли, которые могли прийти только с опытом. С горьким, печальным опытом.

— Те, с кем меня сводила дорога... — Хан застыл, вытянув руки со сжатыми кулаками вдоль тела. Они дрожали, выдавая его эмоции. — Пытались использовать меня. Пытались убить меня. Крали, обманывали, подкидывали яд...

Фолл пожал плечами, а затем выкинул сигарету прочь, скрестив руки на груди.

— Такой уж Крэйн. Сам сказал, что прошёл почти год. Мог бы и научиться.

— Ты не понимаешь! — закричал во всё горло парень. Белая маска неведомым образом подкатилась к его ногам. — Здесь всё прогнило! Сраное тёмное фэнтези! Через месяц я перестал доверять даже тем, чью жизнь спас... Через два — стал держаться подальше от людей... Три — и я заживо вырезал одно село, старейшина которого отказался принять большую сироту к себе домой... Четыре — и я из принципа пошёл на большую дорогу, начав охотиться на бандитов и прочих упырей!

— Хан, пожалуйста... — попробовала вмешаться Лори, но парня было уже не остановить. Она чувствовала его боль, чувствовала его отчаянье, но чем больше он говорил, тем больше к этим по-настоящему печальным эмоциям примешивалось ещё кое-что. И это кое-что начинало пугать Лорелеи.

— Имперцы, бандиты... Жрицы храма этого грёбанного Бога... Падшие женщины падшие мужчины, злые люди, орки, гномы, эльфы... — теперь оно было и в его глазах. Безумие. Подлинное, чистое... Настоящее. — Я... Я уже не помню, скольких я убил. Одно я знаю точно — если я слаб, то этот мир уже ничто не спасёт. Да и пропади оно всё пропадом!

— Хан!

— Оставь, Лори, — с тяжёлым вздохом Фолл поднялся, пряча книгу, что так усердно читал, обратно во внутренний карман плаща. — Пятёрка не доживёт до встречи с семьёркой, восьмёрками и уж тем более с девяткой. Пускай она, эта пятёрка, и твёрдая.

— Цифрами мыслишь... — процедил Хан. — Так подумать, может, ты такой же отброс,

как и все остальные? Имея такую силу, ты не только ничего не меняешь в этом мире, но живёшь в нём, словно так и надо! Видя всё это... Насилие... Злобу и ненависть... Ты продолжаешь закрывать глаза! Да, как тот полуэльф!

— Зря ты убил Эверальда, — бросил Фолл, с каким-то странным чувством глядя в полные безумия глаза парня. — Этот, хоть и был тем ещё говнюком, хоть как-то помогал очищать окрестности от монстров. Теперь этот город и впрямь станет мёртвым... Вопрос времени.

— Неважно! Он всё равно прогнил! — рассмеялся Хан. Он не заметил, как скрылись убежали прочь официантки, как пусто стало даже ощущаться в трактире. Все ушли, понимая, что вот-вот может произойти. — И этот город, и этот... Рыцарь. Мразь... Смотрел на ту эльфийку, я же чувствовал, пока шёл к трактиру... Эти чувства... Нежность. Влюблённость. Теплота. Смотрел... И позволил своим людям так с ней поступить.

Фолл достал кошель, выложив три золотые монеты на скамью, на которой они с Лори сидели.

— Я же сказал — он был говнюком. А ещё я сказал, что когда-нибудь ты научишься перестать судить других людей и смотреть глубже, чем видно на первый взгляд. И... А, впрочем, неважно. Тебе мои наставления не нужны. Да и сомневаюсь, что ты принял бы их, протолкни я эти мысли силой.

— Когда всё решает сила — это хуже всего... — задрожал Хан. — Почему... Почему добрые всегда слабее злых?!

— Бог ты мой, — не сдержал эмоции Фолл. Приложил пальцы к переносице, поморщился, сдерживая себя. — Почему мне так не везёт, а... Почему, срань твоя божественная, ты достаёшь таких... Вот таких!

— Что... — опешил Хан, с непониманием глядя на Лори и Фолла.

Женщина же смотрела на своего спутника с печалью. И, в немалой степени — с уважением. Такое вытерпеть — это надо уметь.

— А, к чёрту, — выдохнул Фолл. — Собирайся, Лори, мы уходим. Больше в Мортисе ловить нечего.

— Нет, ты ответишь мне! — сместился Хан, оказываясь прямо перед мужчиной. Он замахнулся, чтобы ударить ребром ладони, но округлил глаза, тут же уходя вбок. По трактиру прокатилась волна, ощутить которую смог бы даже слепой. Это была такая же жажда крови, которая уже посещала это заведение. Только теперь она была абсолютной. Той, которая заставляла бежать и прятаться, где бы ты ни был. Даже Лори замерла, боясь двинуться с места. — К-как?

— Позволь мне описать, Лори, что сейчас почувствовал Хан, — медленно, спокойно, даже монотонно протянул Фолл. — Он почувствовал, как его тело разрезается на кубики. Каждый сантиметр, каждый сосуд, который был способен передать информацию о жуткой боли в мозг, закричал ему о ней. Электрический импульс пришёл в мозг за мгновение до удара Хана, и, поскольку он использует пространственную манипуляцию, это случилось чуточку быстрее, чем он оказался разрезан на самом деле. Если быть точным, то разница составила ноль целых одну тысячную секунды. Это... — он повернулся к Хану, но Лори не смогла разглядеть взгляд, которым Фолл его наградил. — Время, нужное мне, чтобы уничтожить тебя. Стереть до атомов.

— Я-я...

— Мы уходим, — Фолл пропустил Лорелеи вперёд, та же, подбежав к столу принялась

собирать сумку. Платок, её помада, маленькая пепельница, подаренная Фоллу мастером... Кажется, всё. Перебросив сумку за ремень через плечо, женщина вернулась к спутнику, осторожно встав за его спиной. — Я искренне желаю тебе удачи, Хан. Но, к сожалению, вынужден признать, что удача тебе не поможет. Такие, как ты, всегда помирают самой паршивой из смертей. Ещё хуже тех, кого ты окрестил злом.

Хан не ответил, но и взгляд не отвёл. Пожав плечами, Фолл развернулся, двинувшись на выход. Аккуратно, переступая через трупы, отрубленные головы и оружие, упавшее как попало, следовала за ним Лори. Шаг за шагом они приближались к заветной двери, пока Хан, видимо, собравшись с силами, не бросил им фразу на прощание.

— Ну и вали! И шляху свою забирай!

Ах, какое невинное оскорбление от поехавшего героя. Какое простое, какое беззлобное, отчаянное даже. Ему просто нужно было выплеснуть скопившиеся эмоции, но он выбрал очень, очень плохое время, место и человека, которому решил их адресовать. Лори, разочарованно вздохнув, обернулась, чтобы окинуть Хана последним взглядом. А сделав новый шаг, который должен был привести её на порог, натолкнулась на спину Фолла. Ставшую вдруг такой большой, словно он сам превратился в гиганта. Хотя это, конечно же, не было правдой. Правда в том, что Фолл, человек, по натуре, терпеливый, мог выдержать очень, очень много глупостей и грязи. Его не тронули слова Хана об этом мире, не тронули его восклицания о добре и зле, но последняя фраза, брошенная в порыве финального аккорда агрессии, стала каплей, переполнившей огромную чашу терпения.

— Лори... — повернулся к ней Фолл, улыбаясь, словно он был в чём-то виноват. — Прошу тебя, не поворачивайся.

И исчез, подняв ещё более сильный ветер, чем тот, что создавал своими перемещениями Хан. Лори, как любой умный человек, послушала совета, рефлекторно даже прикрыв глаза. Но вот уши... Уши у неё остались. И через мгновение после того, как Фолл исчез, она услышала, как что-то склизкое, объёмное и многочисленное сползает на пол. Падает, шмякаясь о дерево с влажным звуком. Противным и... Довольно знакомым. Фолл подошёл сзади, вытирая полностью покрытые кровью руки о свежее полотенце. Закончив, бросил его на пол, щелчком отправив одну золотую монету аккуратно к тем, что положил на лавку возле перевёрнутого стола. Выдохнув, Лори открыла глаза, шагая вслед за мужчиной на холодную улицу Мортиса. Стояла темень, а единственным источником света выступали звёзды. Небо в ту ночь оказалось чистым...

Они сразу повернули налево, к основным городским воротам.

И шли, разумеется, в молчании. В один момент Фолл остановился, вынимая книгу. Следом показалось и перо, а Лори, спохватившись, достала из сумки чернильницу. Обмакнув в неё перо, Фолл что-то вычеркнул в своей книге, не сдержав разочарованный вздох. А не сдержав своё любопытство, на открытые страницы заглянула и Лорелеи. Всё, что она успела увидеть, это номер.

Пятьдесят первый.

— Мне... Жаль, Лори, — протянул Фолл, пряча книгу обратно вместе с пером. — Если ты не против, я одолжу у тебя и чернильницу... Этот парень, кажется, был в твоём вкусе.

— Д-да, конечно, — кивнула женщина. — И... Тебе вовсе не обязательно опираться на этот критерий.

— Я и не опирался... — его голос был полон осколков разбитых надежд. Грустный, принявший безысходность — вот таким голосом говорил с Лори Фолл. — Просто...

Подумал, что жаль.

— А я не думала, что их было так много... — прошептала Лори. — Как долго уже идут эти поиски..?

— Тридцать первых мы забраковали вместе с Мирой, — пожал плечами Фолл, пряча руки в карманы плаща. Они шли по пустой грязной дороге мимо пустых серых домов, домов, в которых уже давно нет жизни. Она осталась там, где больше всего человеческого тепла — в гильдиях, на постоянных дворах, борделях и в одном-единственному трактире. — Остальных я искал сам... Ну и с тобой мы, получается, уже третьего нашли. И как только так получается, что я вынужден всех их убивать, а?

— Мне кажется, это риторический вопрос, — кашлянув, ответила Лорелеи. Затем распустила волосы, пряча их часть под плащ. — Но ты ведь не всех их убил, верно?

Фолл сбился с шага, оглядываясь на Лори с изумлённым лицом.

— М-мне мастер рассказала... — виноватым тоном протянула женщина.

— Ха! А я-то подумал, что ты стала ещё пронизательней, — вздохнул Фолл. — Да, одного я не убил. Самого первого. Того, который сейчас сидит на троне Империи.

— Я сожалею...

— Не извиняйся за то, на что не могла повлиять, — отмахнулся Фолл, потеряв серебрянные карманные часы на своей груди. — Даже если это мера элементарной вежливости. Со мной — не надо. Договорились?

— Договорились, — подтвердила Лори, двигаясь дальше. — Я... Я обязана спросить. Что дальше, Фолл? Это очередной провал...

Они остановились у ворот, никем не охраняемых. Только одинокий рычаг ржавел, ожидая, пока его наконец-то повернут, чтобы открыть ворота. Кому захочется охранять ворота в мёртвый город? Ну, тем, кому за это платят. Только они уже как чуть меньше часа назад померли. Как удачно Хан застал имперцев — и ночную, и дневную смену в одном месте. Повернув рычаг, Фолл и Лори дождались, пока механизм откроет створки, которым предстоит ещё долго остаться открытыми, пока кто-то случайно не наткнётся на вход, оставленный без стражи. Покинув стены Мортиса, они в последний раз оглянулись на город. Его стены, покрытые зеленоватой и вонючей жижей, его люди, из последних сил цеплявшиеся за жизнь. Жаль.

Одно слово — жаль.

— Провал или нет, — не отрывая взгляд глубоких карих глаз от Мортиса, произнёс Фолл. — Мы должны двигаться вперёд. В идеале, знаешь, нам бы подошёл герой, который ещё не так много видел в Крэйне, чтобы сойти с ума, но достаточно сильный, чтобы мне было, с чем работать. Чёрт, да я даже готов взяться за героя вообще без навыков, с нулём из десяти! Лишь бы в его голове всё было нормально.

— Мастер как-то сказала, что тело закалить легче, чем разум, — тихонько добавила Лори.

— Да, Мира вообще всегда знает, что сказать, — хмыкнул Фолл. — На то она и девятка, чтобы и сражаться, и языком чесать.

— Значит, в путь... — резюмировала женщина. — Подальше от этого мёртвого города. Меня уже тошнит от одного его вида...

— Соберись, Лори, — осадил её Фолл, разворачиваясь прочь, по дороге, что вела вниз с холма, на котором стоял город-крепость Мортис. — Со мной ты рискуешь увидеть вещи куда отвратней, чем какой-то плохо пахнувший городишко.

— Да-да, это я уже где-то слышала, — рассмеялась она, пускаясь вперёд. Фолл, помотав головой, двинулся следом. — Эй, Фолл...

— Чего? — спокойно, словно ничего не произошло, спросил он.

— Если император и мой мастер — девятки, то кто же тогда, всё-таки, десять из десяти?

— Из ныне живущих нет никого, — тут же ответил Фолл. — Кроме меня и Бога, естественно. Иногда мне кажется, что никто и не должен был когда-либо выходить за пределы девятки... Это ведь, на самом деле, идеальный балансир. Не идеальная, в меру сильная личность, со своими идеями, мечтами и способами их воплощения. Когда одна такая телега сходит с накатанной дороги, другая помогает вернуть её на место...

— ...или задавить, пока она не пришибла кого-то по случайности, — закончила Лори, вызывая у Фолла добродушный смех.

— Угадала. Но десятка... Это же идеал. И воля, и сила, и разум, и тело, и сердце, и душа — всё в гармонии. Одолеть подобную телегу... Хотя, скорей, съехавшая с катушек десятка будет похожа на разъярённого носорога в посудной лавке... Или там был слон? А, плевать.

— Порой я задумываюсь, как ты до сих пор мыслишь здраво с такой-то силой... — протянула Лорелеи. — Хотя потом, после недолгих размышлений, решаю для себя, что лучше бы мне ответить на этот вопрос самостоятельно. Когда стану сильнее.

— Когда станешь сильнее, — кивнул Фолл. — Через два километра, у склона, будет перекрёсток. На нём — налево.

— Мы... Идём на восток?

— Ага.

— Но ведь там... Нет городов? — недоумевала Лори. — Только ничейная территория. Там даже имперцев встретить ещё маловероятней, чем в Мортисе.

— Там, по моим расчётам, должен быть финальный, пятьдесят второй герой, — выложил Фолл свои мысли. — Если и с ним ничего не выйдет, то зимовать мы пойдём к Мире. Ты не против, я ещё раз покурю? Давай сделаем перерыв. Мы уже далеко отошли от Мортиса.

— Если ответом на мой вопрос окажутся твои вонючие сигареты, я буду очень разочарована, — прыснула Лори, останавливаясь. Падал ранний снег. До зимы ещё больше месяца, но здесь, на севере, холода приходят рано. — И какой он, пятьдесят второй герой, призванный в этот мир Богом?

— Думаешь, я в курсе? — рассмеялся Фолл, задымив. Спрятав пачку обратно в карман, посмотрел на Лори, стоящую чуть ниже и наблюдавшую за снегопадом. Плащ спускался до земли и немного задевал её, белые волосы чуть трепыхались на ветру, хотя были спрятаны под воротник. Фолл подумал о чём-то, затаился. — Надеюсь, что не фанат чёрного и белого. От этих я уже устал, откровенно говоря.

— Я тоже... — добавила Лори, продолжая с упоением смотреть на падающие снежинки. Такие мелкие, колючие, но красивые — жуть!

Впереди расстилался север Золотой Империи — густые и плотные тёмно-зелёные леса из сосен и многовековых елей, узкие чёрные тропинки местных охотников, промёрзлые пустоши, на которых почти нет живности. Тёмное небо было таким чистым, что, казалось, будто до него можно достать рукой. Тихая холодная ночь. Россыпь белых звёзд над головой, ветер, порой бивший в лицо или пытавшийся сбить с ног. Далёкие торговые тракты, достаточно крупные и широкие, чтобы их не заметало постоянными осадками. К одному из

них, кстати, и направлялась эта странная парочка из слишком сильного героя и волшебницы-мечтателя. Этот север, серый, белый и чёрный, покорённый императором, сейчас застыл, будто окоченевший труп. Здесь нет и не будет закона и порядка, кроме закона джунглей. Такова участь большинства далёких земель, захваченных Империей. Впрочем, кто сказал, что до неё здесь было как-то иначе?

Ведь не зря говорят: не место красит человека, а человек — место.

— Ты докурил?

Фолл в последний раз затянулся, бросив окурок под ноги и затушив его носком сапога.

— Да. Пойдём, Лори. Путь предстоит неблизкий...

Глава первая. Стычка и праздник на востоке

На далёкой северной части Золотой Империи вставало холодное, блеклое солнце. Уже ослабевшее, но всё ещё из последних сил светившее путникам, что начинали свой путь вместе с рассветом. Север, изуродованный, изувеченный армией Империи, лежал в руинах. Возле главных торговых трактов легко можно было встретить окоченевшие трупы, которых даже падальщики не коснулись — из-за яда, которым отравили этих людей. Так имперцы расправлялись с предателями в своих рядах. Трупы, перевёрнутые пустые телеги, чёрные выгоревшие остовы поселений, больших и маленьких. Благодаря лесу, что находился на севере то тут, то там, часть всей этой атмосферы послевоенного Аркина была скрыта от любопытных глаз. Случайный путешественник не нашёл бы тут ничего, кроме пустошей, вымерших или выжженных дотла деревень и редких городов-крепостей, раскиданных, как горсть монет, по всем северным землям.

Холодало. После выпавшего первого снега прошла уже неделя — и теперь он лежал неровным слоем повсеместно. Белый, чёрный, серый и редко — тёмно-зелёный. Такая цветовая палитра ждала путников на протяжении всей дороги. И крайне сомнительно, что она изменится, стоит войти в один из городов. По слухам, пусть и редко, но всё же ходившим туда-сюда между оплотами цивилизации, совсем недавно, где-то на окраине, пал город-крепость под названием Мортис. Не совсем пал в привычном понимании этого слова: после очередного нападения монстров, по привычке ищущих, чем бы поживиться, в нём не осталось никого, кто хотел бы и дальше жить за стенами. Точка кипения оказалась достигнута — теперь жизнь вне Мортиса казалась его жителям лучше, чем в нём.

Впрочем, то — всего лишь слухи. Как всё было на самом деле, вряд ли кому-либо когда-нибудь станет известно.

Чем дальше на север, тем пустыней. К югу находятся крупные имперские города, в которых путнику без гражданства делать нечего. Запад же был полон городов портовых, и в них не было жёсткого пропускного контроля, потому большая часть путешественников стекалась туда. Кто-то, как, например, авантюристы, искал заработок. Другие надеялись найти пристанище и возможность немного выдохнуть, отдалившись от мертвецкой хватки Золотой Империи. Такой когда-то была Сенстония — страной свободных людей. Впрочем, заключив договор и слившись с Империей в единое целое, оно потеряло независимость исключительно на бумаге. Император прекрасно понимал, что сталкиваться с воздушным сенстонским флотом — затея, мягко говоря, глупая и невыгодная.

Поэтому да, все, кто не жаловал Империю, но желал спокойствия и немного денег, уходили на запад. Что к востоку от северных земель? К юго-востоку — Пангония, полностью подчинённая имперцами. Когда-то край девственных лесов, сейчас — лишь тень былого величия. Они разбиты и подавлены поражением, случившемся не так давно по меркам войны, где-то полгода назад. Просто к востоку... Край, конечно, потеплее, чем север. Вместо однообразных вечнозелёных лесов там была лесотундра, в которой царил чуть больше растительности, радовавшей глаз. Да и живности имелось великое множество, поэтому большинство деревень добывали пропитание охотой. На востоке было куда больше холмов и общих резких изменений в рельефе, а из-за чересчур густых лесов, зачастую — многовековых, возведение крупных городов было затруднено. Более того — Империи, откровенно говоря, было чем заняться. Никакого врага на северо-восточных землях для себя

она там не наблюдала, поэтому до поры до времени вопрос о заселении этих земель был отложен в долгий ящик.

Из народов на востоке от северного края были, в основном, стойкие и выносливые гномы. Процентом сорок, примерно, составляли люди, что жили там уже несколько поколений. Остальное разделяли между собой орки и эльфы. Первые прибывались к гномьим поселениям, выступая грубой рабочей силой, вторые — к людским, устраиваясь лекарями или охотниками. Вражды или расовых предрассудков на ничейных землях не наблюдалось, поэтому и жили там, в основном, дружно. Интересно выходит: чем дальше от цивилизации, тем более человечным было население. Что творилось в самом сердце Золотой Империи, даже рассказывать не хочется. Кроме того, в городах, что были ближе всех к ничейным землям, ходили и другие слухи: что-то о том, будто на востоке от северных краёв осталась всего одна деревня, едва-едва сводившая концы с концами. Остальные сгнули по неизвестным причинам — даже гномы исчезли. Разумеется, отправиться и подтвердить тот слух никто не решался.

По одному из небольших торговых трактов, едва заметных под снежным покровом, и брела уже знакомая нам парочка, придерживая капюшоны своих плащей от непрерывного и сильного ветра, резавшего их лица острыми кусочками выпавшей белизны. Рассвет закончился — солнце побежало вверх, уменьшаясь. Блекло-голубое небо стояло над головой, а впереди лежала дорога, что должна была вот-вот закончиться. По крайней мере, так думала Лори, стараясь сохранить тепло под слоем одежды. Своё платье с символикой магов Мортиса она успела сменить на утеплённую рубашку, кожаный жилет и плотный чёрный плащ с шерстяной изнанкой. Обувь, правда, пришлось оставить ту же. В сапоги часто забивался снег, но Лори держалась, не сбавляя темп, заданный спутником.

Фолл шёл впереди, буравя снежный покров, словно магическое устройство гномов. На нём остался всё тот же плащ, белая рубашка и удобные тканые штаны, но холод, казалось, нисколько не напрягал человека. Лори ускорила, заходя к нему за спину, чтобы спрятаться хотя бы от ветра, что пытался сорвать с неё капюшон. Хрустел под подошвами снег, гудел пресловутый северный ветер. Впереди, чуть левей, был виден край безграничного потока из сосен и елей, переходивший в редколесье, возле которого тракт делал крутой поворот, уходя на юг. Очевидно, тракт тот был объездным, на случай, если придётся перевозить что-то с юга на северо-запад, а прямой путь окажется заблокирован.

Фолл, не останавливаясь, сошёл с дороги, проваливаясь по щиколотку в снег. Легонько вздохнув, пошёл дальше, выходя из снежного болота к редколесью. Вынырнул из него, схватив ствол какой-то маленькой ёлочки. Лори, скрежетнув зубами, двинулась следом. Как только оба человека оказались на относительно жёсткой поверхности, Фолл указал куда-то за лес.

— Видишь?

— Что?

— Над макушками деревьев поднимается дым, — пояснил он, поправляя застёжку плаща. — Село за ними, надо обойти основной лес, чтобы увидеть точнее. Скорей всего, где-то через полкилометра наткнёмся на охотничьи тропинки.

— Ты уверен? — скептически осмотрела место, куда указывал её товарищ, Лори.

— Место хорошее, — пожал он плечами. — Достаточно далеко, чтобы дым не выдал их людям с торгового тракта, но и достаточно близко, чтобы передвигаться по нему. Лес густой, ещё не лесотундра, но летом здесь явно теплей, чем в районе Мортиса. Стало быть,

пищей они обеспечены. А тракт... Может, кто к ним поторговать и приезжает. Так ведь и не поймёшь...

— Эх... — выдохнула женщина, проведя ладонью в тонкой перчатке по лбу, на котором уже выступила испарина. Они шли уже пару часов, не делая остановок, и Лори, откровенно говоря, заколебалась. — Научите, кто-нибудь, меня вот так рассуждать.

— Попроси Миру, — рассмеялся Фолл. — Этому я научить не смогу.

И зашагал вперёд, обходя лес, вставший плотной стеной, по широкой дуге. Лори, придерживаясь за стволы раскиданных то тут, то там ёлочек, пошла за ним, стараясь не отставать. Пока её ноги несли волшебницу вперёд, её мысли были заняты, внезапно, мастером, оставшейся далеко-далеко на юго-западе. Женщина вспоминала, как стала ученицей великого архимага, как изучала в её уютном кабинете свитки и трактаты о заклинаниях и тайных знаниях, как пила вместе с учителем и остальными учениками её фирменный травяной чай, как ходила в город за овощами и мясом, тщательно выискивая, где бы взять подешевле. Сколько длилось то простое и счастливое время за могучими стенами скорлупы — башни архимага? Почти два года. Почти два спокойных года, пока в Фарэй, их город, не пришла Империя. Закованные в ужасающую чёрную броню рыцари с жуткими взглядами на вороных конях, налетевшие, казалось, со всех сторон.

Лори сжимала кулаки, вспоминая один день, перевернувший всю её жизнь. Потом, остановив взгляд на Фолле, легонько вздохнула, понимая, что всё могло кончиться ещё хуже. Если бы этот человек не оказался рядом, вероятно, Лорелеи сейчас бы здесь не было. Более того, она бы не смогла смириться с тем, что случилось. Кровь её товарищей, которую не получалось смыть, до сих пор снилась женщине в кошмарах. Впрочем, благодаря Фоллу, с титаническим упорством показавшим ей другой путь отмщения, теперь она не чувствовала тех эмоциональных оков. А для мага крови что-то такое равносильно спасению жизни. Наверно, Лори даже могла бы влюбиться в этого странного героя, вечно терпеливого и спокойного, как сотня удавов.

Могла бы, да не стала.

Пока она думала, они уже обошли лес, выходя на пустоватую полянку, покрытую выпиравшими корнями и многочисленными следами. Фолл подошёл к ним и присел, рассматривая. Лори, добравшись до него, встала чуть в стороне, постаравшись восстановить дыхание — шагать, чтобы поспеть за мужчиной, пришлось быстро. Снега под ногами было поменьше, да и ветер, стоило этим двоим, по сути, войти в пределы леса, стих. Лорелеи с присущей ей осторожностью ощупала эфир, окружавший её, стараясь найти возмущения или изменения.

Эфир. Магическая энергия, естественным образом накапливавшаяся в телах всех рас Крэйна, а также некоторых зверей и монстров. Для мага, способного увидеть эфир, он выглядит как россыпь застывших или плавнодвигающихся в пространстве разноцветных шариков. Волшебники учились не просто чувствовать эту энергию, но и собирать её, чтобы использовать в заклинаниях. Процесс этот достаточно сложный. Он подразумевает и детальное понимание того, что и как работает, и использует воображение мага вместе с его знаниями в том или ином аспекте. То, что делала сейчас Лори, в среде волшебников называется третьим глазом. Проецируя эфир тонким слоем на радужку своих глаз, женщина могла рассмотреть, что происходит с эфиром вне её тела. Есть и противоположное этому действие — это проецирование эфира на сетчатку, обращая полученную информацию наизнанку. Называется четвёртым глазом, кстати. Так маг мог увидеть, что происходит с

эфиром в его собственном теле, лишь взглянув на него. Впрочем, опытному чародею подобный фокус не требовался, так как течение магии в своём собственном теле он ощущал, как свои пять пальцев.

Эфир, магия, энергия — всё суть синонимы для народов Крэйна.

Он различался в зависимости от того, где находился. Чистый или прозрачный эфир принадлежал только Богу, тёмный — магам тьмы, белый — магам света, и так далее. Эфир же, в частности, являлся причиной, по которой маги крови могли стать столь сильными. По неизвестной доселе причине они могли направлять потоки магии, их окружавшие, на то, чем занимались, будь то учёба или практика в заклинаниях. Такой эфир становился красным — словно кровь, и питал мага, заменяя ему талант и предрасположенность. Вот и ещё одна версия происхождения названия этих поистине уникальных волшебников.

Здесь, в природе, должен был преобладать зелёный эфир — энергия, принадлежавшая эльфам, друидам, магам ветра и природе. И правда, Лори очутилась в окружении светлосалатовых шариков, часть из которых застыла в пространстве, а часть двигалась, плавно утекая в разные стороны. Верно, природа здесь слаба, а вмешательство других рас было бы заметно. Значит, никаких признаков применения магии.

— В округе на эфирном плане ни следа, — убрав третий глаз, протянула Лори. Фолл до сих пор сидел, теперь осторожно ощупывая многочисленные вмятины в снегу. Его спутница подошла поближе, заглядывая человеку за плечо.

— Странно выходит, — пробормотал Фолл, оперевшись локтями о колени. — Здесь мельтешило по меньшей мере десять человек. Вон там... — он указал на неровную вмятину в паре метров вправо. — Кто-то упал на спину, но быстро поднялся. Рядом с местом падения почти нет следов, что само по себе не так и удивительно, но меня смущает другое...

Лори замолчала, осматривая белое пространство, окружённое высокими тёмно-зелёными деревьями. Алые глаза блестели на покрытом потом лице. Она ещё раз опустила взгляд на вереницу следов, образывавшую неровный круг. Фолл в это время поднялся, отряхнув плащ от снега и продолжая смотреть туда же, куда и его спутница.

— Я не вижу следов, которые вели бы в лес, — протянул мужчина, снимая капюшон. — Понимаешь, Лори?

— Раз мы не видели ничего, пока шли сюда, значит, это были деревенские, — нахмурилась она. — Вот только как они попали в эту часть леса, если следов, к ней ведущих, нет?

— Правильный вопрос, — кивнул Фолл. — Нарушений в эфире нет. Но факт есть факт — десять, судя по следам, форме и размеру обуви, человек ходили здесь туда-сюда, а потом резко испарились. Снегопада не было с самого утра — следы свежие, им и часа нет.

Лорелеи, спрятав руки в карманы плаща, пожалала плечами.

— Думаешь, это дело рук нашего героя?

— Вполне может быть.

Фолл прошагал вперёд, остановившись примерно в центре той площади, где наблюдался основной объём следов. Повернулся лицом к своей спутнице, но не смотря на неё.

— Я думаю, это совершенно точно с ним связано, — с этими словами он вынул из плаща книгу, принявшись листать её откуда-то с середины. — Так-с, посмотрим, посмотрим...

— Фолл, — устало окликнула его Лори. — Зачем ты таскаешь с собой это божественное откровение? Мы уже и так узнали из этой книжки всё, что хотели.

— Это поэтому ты назвала её мусором? — не отвлекаясь от пролистывания, сказал Фолл. Его голос оставался безэмоциональным, но Лорелеи всё равно сумела уловить едва-едва заметную усмешку. — Ладно, так уж и быть, расскажу... — он остановился на какой-то странице, а затем поднял взгляд карих глаз на беловолосую волшебницу. — Здесь, помимо районов, куда были отправлены герои, и времени, когда это было сделано, указаны и силы, с которыми Бог Крэйна скинул их сюда. За пятьдесят один случай скопился приличный багаж знаний, а люди, как ты знаешь, в похожих ситуациях склонны к схожим идеям. Что разительно отличает нас от гномов, постоянно желающих придумать что-то такое, чего ещё никто и никогда не видел, и от эльфов, всегда чтящих, в первую очередь, свой Триардин, кодекс чести, а уже потом думающих самостоятельно.

— Эй, мы здесь не ради лекции о расах Крэйна, — легонько огрызнулась Лори — она уже едва стояла на ногах. — Давай уже устроим привал. Плевать, что не доберёмся до деревни сразу — у нас целый день впереди.

— Пока никуда не двигайся, — настороженно предупредил её Фолл. — Кажется, я понял, что за уникальная магия у нашего пятьдесят второго. Хотя вряд ли это...

Вдалеке раздался гул. Нет, целая серия вызвавших эхо звуков, будто нечто ударило огромным отбойным молотком по чему-то железному. Лори непонимающе уставилась в сторону леса, а Фолл, округлив глаза, рванул к ней, сбивая с ног. Женщина успела издать только один короткий крик, после чего всё вокруг них потонуло в оглушительных взрывах, раздававшихся со всех сторон. Когда Лорелеи рискнула открыть глаза, её сердце стучало так громко, что ушам стало больно. Фолл стоял перед ней, выставив ладони перед собой, а вокруг...

Вокруг что-то непонятное выворачивало целые пласты снега и почвы, разрывая земную твердь на части и разбрасывая её во все стороны. Невероятная сила ударяла по площади кругом, сметая деревья, поднимая тучи белого тумана, обломки древесины и земли. Лори закричала, не в силах выдержать ужас, охвативший её. Стало неожиданно тепло — разрывы утюжили поляну, постепенно разогревая воздух вокруг. Это было очень громко. На мгновение Лори показалось, что она оглохла, но нет, просто та жуткая сила, кажется, ослабла. Сосредоточившись, она поднялась, встав рядом с Фоллом, поддерживавшим невидимый щит из сжатого зелёного эфира, в который ударило как минимум раз двадцать за полминуты. Впервые за всё то время, что волшебница путешествовала с героем, на его лице стояло нечто, похожее на страх.

Вскоре он сменился уже знакомым восторгом.

— ...йны... — прошептал он.

— Что?! — повысила голос Лори, пытаясь услышать, что говорил Фолл.

— Бог войны! — повернув к ней лицо, прокричал тот. — Призывная магия! Лори, мы нашли его!

Жуткая сила, кажется, исчерпала себя, потому что взрывы прекратили появляться ещё спустя полминуты. Облегчённо вздохнув, Лори упала на снег — точнее, на ту его часть, оставшуюся неповреждённой за её спиной. Кругом дымилась земля — где-то поодаль падали деревья, которые ещё не превратились в труху. Раздалось эхо, затем новое — от новых деревьев. Лес шелестел, плакал от боли, а Лорелеи пыталась придти в себя после столь тёплого приёма. Нападать вот так сразу? И... Что это вообще было? Какая магия может сотворить такой хаос за столь короткий промежуток?

Почерневшие ямы, от которых исходил пар, наблюдались повсюду. Тихая и даже в

какой-то степени уютная белая полянка теперь была похожа на место военных действий — но даже там не было подобных разрушений. Фолл улыбался, на всякий случай поддерживая щит — он-то прекрасно понимал, что может придти после. Лори, чтобы не сидеть без дела, вновь взглянула на состояние эфира кругом.

— Твою-то мать... — грязно выругалась она.

— Ни следа, да? — весело проговорил Фолл. — А этот пятьдесят второй — забавный малый. Оставил пристрелянное место, заманившее наиболее любопытных личностей, а затем... Ох, неплохо. Неплохо! Тактика! Злобная, выверенная тактика!

— Я до сих пор не понимаю! — в отчаянии вскричала Лори. — Это совершенно точно была магия! Почему я не вижу хоть каких-то изменений?!

— Твоя ошибка, Лори, не в том, что ты что-то не понимаешь, — успокаивающе протянул Фолл. — А в том, что ты кое-что не знаешь. А незнание — не ошибка. Спокойно — главное, стой позади...

— Ещё чего, — процедила женщина, собирая эфир на кончиках пальцев. — Ты ведь тоже почувствовал?

Фолл, замолчав, кивнул. На них смотрели — шестое чувство обоих путников подсказывало, что смотрели на них справа спереди, а количество смотревших измерялось как минимум парой десятков. Пристально, но без жажды крови — такое можно ощутить ещё быстрее, чем просто взгляд. Вдвоём они оглядели ту часть леса, что осталась нетронутой. Ту, откуда перед всеми этими разрушениями раздавался множественный грохот. Снег, снег, деревья, тёмно-зелёные шубы, чёрные корни, торчавшие то тут, то там.

— Слева, за сосной! — вскричала Лори, тыкая пальцем в сторону, где глаз уловил движение.

— Зря ты так, — выдохнул Фолл. — Теперь они поняли, что мы их почуяли. Лори... — волшебница вздрогнула — герой перешёл на серьёзный тон. — Окружи основные жизненные точки на теле эфиром земли. Чем толще сделаешь прослойку — тем лучше. Я не уверен, что у них в магазинах...

— Хорошо, — кивнула его спутница, проводя пальцами по животу, затем шее и остановившись на лице. Фолл использовал незнакомые слова, что её не удивляло, но заставляло задуматься. — Готово. Использовала почти всё, что было при себе.

— Это правильно. Теперь, что бы не случилось, не поворачивайся задницей к месту, откуда на нас смотрят. И... Постарайся на сей раз не кричать.

Но Лори всё равно не сдержала вскрик, когда снег возле деревьев начал двигаться. Двигаться, образуя силуэт за силуэтом, каждый из которых сжимал в руках средней длины вещь, отблёскивавшую металлом. Эта вытянутая вещь странной формы смотрела чётко в сторону застывших путников. Человек за человеком поднимался из положения лёжа, сжимая эту вещь, и двигался, осторожно, будто хищник, загнавший добычу в тупик. На этих людях были маски, сделанные из материала, напоминавшего ткань. Только она была покрашена пятнами в несколько цветов — чёрный, белый и серый.

— Камуфляж... — округлил глаза Фолл.

Для него эта сцена выглядела не настолько удивительной, конечно, но тем не менее, она сумела поразить его до глубины души. Двадцать три бойца в зимнем камуфляже, сжимающие в руках автоматы системы Калашникова, обступили пару полукругов, не опуская своё оружие. Лори начала собирать остатки эфира, готовясь к атаке, а Фолл, посмеиваясь, продолжил стоять на месте, держа руки с раскрытыми ладонями перед собой. Он не

собирался рискнуть своей подопечной, поскольку знал, что обогнать пулю на такой дистанции у него вряд ли получится. Волшебница осторожно тронула его за плечо, давая понять, что она готова.

Свистел ветер в образовавшихся в лесу пустотах. Светило зимнее северное солнце, молчаливо взирая на получившуюся ситуацию. Сердце Лорелеи дрожало, она не знала, что ждать от этих странных людей, сердце же Фолла, наоборот, трепетало в предвкушении. Они ещё не увидели самого героя, а он уже сумел удивить мужчину, превзошедшего Бога. Ещё бы — такие приветствия из родного мира крайне редки, особенно после пятнадцати лет в окружении меча и магии. Учитывая предыдущий артобстрел, Фолл принялся подсчитывать, какую же оценку он хотел бы выдать пятьдесят второму человеку, пришедшему в Крэйн.

Один из бойцов вышел вперёд, отпуская своё оружие болтаться на ремне и снимая маску, скрывавшую его лицо. За ней обнаружились, внезапно, пышные ресницы и густые русые волосы, спущенные под капюшон её камуфляжа. Лицо пятьдесят второго героя, к лёгкому шоку Лори, принадлежало, во-первых, молодой девушке с ростом выше среднего, а во-вторых, девушке красивой. У неё были довольно грубые черты лица, но не резкие, а плавные, будто несшие с собой весь её жизненный опыт. Правую щёку пересекал глубокий шрам, такой же, но поменьше, имелся чуть слева от губ. Зелёные глаза смотрели на путников выжидающе и, совсем немного, со страхом. В особенности этот страх проявлялся, стоило этой особе посмотреть на Фолла. Лори немного успокоилась. Это всё-таки Фолл, ему даже сам Господь не страшен. Порой волшебница забывала, с кем, всё-таки, путешествует.

Ведь Фолл практически никогда не делал ставку на силу.

Только слова. Ничего больше. Даже мастер, Мира, чародейка, чьё имя было известно самому Сангвину, говорила Лорелеи, что в искусстве убеждения и в здравом оценивании качеств человека Фоллу нет равных в этом мире. И, вполне вероятно, в том.

— Я тебе не враг, — начал диалог Фолл. — И эта волшебница — тоже.

— Никто не приходит в глушь с такой силой, чтобы просто поговорить, — голос пятьдесят второй героини был ещё холодней, чем северные пустоши. Впрочем, к её чести, голос у неё не дрожал. В какой-то степени она держала себя даже уверенно. — Сперва мне показалось, что сам Бог спустился со своего удобного трона на небе.

— Уверяю тебя, мы проделали такой путь не для того, чтобы начинать конфликт, — протянул первый герой Крэйна. Впрочем, руки, поддерживавшие щит, он так и не убрал. — Выслушай. Прошу.

Девушка положила руку на ствольную коробку автомата, впиваясь взглядом в Фолла.

— Вы пришли за артефактом?

Лори и её спутник непонимающе переглянулись.

— Понятия не имею, о чём ты говоришь, — неловко улыбнулся Фолл. — Мы пришли за тобой.

Двадцать два щелчка предохранителей оповестили мужчину, что за словами всё-таки стоит следить. Он вздохнул, понимая, что поторопился. Взгляд пятьдесят второй героини сменился на ещё более колючий, теперь он выражал нескрываемую злобу вперемешку с удивлением. Сейчас она была похожа на зверя, защищающего свою территорию. Зверя, которого загнали в угол. Лори сложно было судить, сколь сильна была девушка перед ней.

— Я... — Фолл осёкся, потратив лишнюю секунду на раздумья. — Позволь перефразировать. Мы пришли не за твоей жизнью. И не для того, чтобы навредить.

— Откуда мне знать, что ты не врешь? — она сместила вес на правую ногу, затем

скрестила руки на груди, с вызовом глядя на мужчину. — Я не в состоянии даже понять, насколько ты опасен.

— А? — переспросил Фолл слегка удивлённым тоном. — В каком смысле?

— То, что тебя это удивляет, напрягает, — выдохнула девушка.

— Разве ты не владеешь магией? — подала свой голос Лори. — Фолл же светится ярче солнца, если попытаться взглянуть на его тело через эфир.

Пятьдесят вторая героиня поморщилась, словно ей напомнили о чём-то болезненном и неприятном. Шрам на её щеке изогнулся, а губы поджалась в порыве эмоций. Лорелей недоумевала — как кто-то с такой ужасающей мощью за плечами не познал даже азы магического искусства? Увидеть силу первого героя Крэйна мог любой начинающий маг! Фолл, впрочем, быстро смекнул, что к чему. Всё-таки у него была информация о силах, весьма схожих с теми, что показывала эта особа. Всё ещё держа руки поднятыми, он сделал первый шаг вперёд.

— Ещё движение — и я выстрелю, — сухо оповестила его девушка. — Слушайте, мне всё равно, что я не могу увидеть. Если вы от Бога, то я никому ничего не сделала, живу себе, ни с кем из этих не общаюсь...

— Этих? — зацепился за слово Фолл.

— Героев, — пятьдесят вторая выплюнула это слово с таким отвращением, что Лори смутилась. Ей стало немного обидно — ведь и Фолл к ним принадлежал. — За полтора года их каких только не навидалась. Приходили, просили приютить. Я отказывала.

— Могу представить, что следовало после, — хмыкнул Фолл. — Но ведь ты тоже герой. Что насчёт солидарности?

— Солидарность? — прожевала она это слово, будто вспоминая его значение. — Они такие же чужие люди, как и любой другой незнакомец для меня.

— Полагаю... — Фолл оглянулся на Лори, что-то прикидывая в голове. — Надо выложить карты на стол. Я — герой.

— Уже догадалась, — на её лице впервые промелькнула саркастичная улыбка. Быстро испарившаяся, как будто её там и не было. — Так что, в итоге, тебе нужно на самом деле? Об артефакте ты не знаешь, а судя по тому, что ты выдержал артобстрел, приют тебе тоже не требуется.

— Я был искренним с самого начала, — протянул Фолл. — Мне нужна ты. Точнее, мне нужна твоя помощь кое с чем...

— Так и знала, всё-таки хочешь, чтобы я куда-то пошла ради человека, которого не знаю, — в её голосе сквозило разочарование. — И что же это за дело? Убить императора? Поучаствовать в войне с Империей в какой-нибудь заднице этого мира, о которой я даже не слышала и беспокоиться не собираюсь?

— Понимаю, как это выглядит, — выдохнул первый герой. — Один из соотечественников, которого ты знать не знаешь, приходит на твою землю и требует что-то. Но, во-первых — я ничего не требую, я прошу. Во-вторых — неужели нельзя хотя бы выслушать? Если ты не против, в более... Располагающей для разговора обстановке.

Пятьдесят вторая героиня не проронила ни слова, погружаясь в раздумья. Сверля Фолла взглядом, она вдруг перевела его на Лори, от чего та едва не вздрогнула — столь холодным и всепроникающим был тот взор. Инстинкт подсказывал немедленно атаковать, пока эта девушка не выкинула что-то, к чему окажется не готов даже Фолл. Разум же, напротив, умолял стоять и держаться рядом с ним. Сердце же первого героя Крэйна билось

размеренно. Он понимал, что ситуация не складывалась в его пользу. Героиня, на которую он так рассчитывал, оказалась затворником. Сперва ему казалось, что она сперва сбежала отсюда в поисках лучшей жизни, а потом вернулась, повидав мир. Теперь же стало предельно ясно — она даже не покидала пределов северо-восточных земель.

— Я проведу вас в деревню, — сказала после продолжительной паузы девушка с ледяным взглядом зелёных глаз. Воины, окружавшие её, опустили автоматы. — С одним условием — магичка пойдёт отдельно, под конвоем. Ты, кажется, сильно ей дорожишь, раз привёл сюда. Она будет моим гарантом безопасности.

— Благодарю за честность, — не меняя спокойного тона, ответил на эту речь Фолл. — Но я не могу рисковать Лорелеи. Я дал слово её учителю, что обеспечу ей безопасность.

— Очень жаль, — вздохнула пятьдесят вторая, а её бойцы вскинули оружие, целясь в путников. — Тогда нам не о чем говорить. Убирайтесь, — и повернулась, собираясь покинуть развороченную поляну.

— За что... — проговорила Лори. — Почему ты так относишься к героям?

Девушка замерла. Её плечи шевельнулись, словно её передёрнуло от сильных эмоций, вспыхнувших в одно мгновение. Камуфляжный капюшон встрепенулся, когда она развернулась, за несколько широких шагов добираясь до Лорелеи. Фолл не двигался, но его взгляд сменился, как тогда, в трактире, когда его разочаровал пятьдесят первый. Лори подумала, что на таком расстоянии пятьдесят вторая героиня умрёт ещё быстрее, чем Хан. Впрочем, это не остановило её от того, чтобы посмотреть девушке в глаза.

— Они — причина, по которой эти земли бесплодны. Когда-то, как я узнала, сюда отправляли всех подряд. Всех героев скопом. Эти... Какие они мне соотечественники? — посмотрела она на Фолла, и в глазах её сверкала ненависть. — Те, кто не столкнулся с чудовищами, добирались до деревень. Ощущая себя... Даже не знаю, какие слова подобрать. Ощущая себя всевластными, они обворовывали селян, а тех, кто встал против, убили. Так пропало сперва одно село, потом второе, третье. Пока не осталась одна деревня, что была дальше всех. Та, в которую я вас не проведу. Ни за что.

— Ты сказала, что земли стали бесплодными, — осторожно произнёс Фолл. — Убийство селян не сделает их такими.

— Верно, — кивнула девушка, беря себя в руки. — Не знаю, как так получилось, но часть этих ублюдков решила осесть здесь. Построить собственное королевство — всё-таки здесь хороший климат, да и леса была куда больше... Раньше. За моей спиной некогда возвышалась горная цепь, которая могла бы обеспечить нас камнем и металлами. Поэтому здесь до сих пор так много гномов.

— Логично, — поддержал её первый герой.

— Постройка королевства провалилась, — закончила историю пятьдесят вторая. — И герои, перессорившись, начали войну друг с другом. Стычка за стычкой, они изуродовали восток — теперь этот край холодный, почти такой же, как и на севере. А когда здесь выращивали овощи и даже фрукты. Теперь единственная еда — это мясо тварей, которых мы отлавливаем в тёмных лесах, потерявших былую красоту.

— Горы назывались Титановыми, — протянул Фолл, опустив взгляд. — Они были даже выше Железных...

— Откуда ты..? — во взгляде девушки вспыхнул шок. — Неужели?!

Оба человека ощутили напряжение, повисшее в воздухе. Постепенно начала проявляться жажда крови, до сей поры умело скрываемая пятьдесят второй. Для неё этот край был

настоящим домом, и встретить здесь кого-то из тех, кто, по её мнению, разрушил его, означало только одно — она обязана убить этого человека, чего бы это ей не стоило. Кажется, понял это и сам мужчина, на которого вот-вот должен был обрушиться праведный гнев.

— Стой! — вскрикнул Фолл. — Я не был тем, кто остался. Я вообще ушёл из этих краёв, как только переночевал в одной из деревень. Тогда... Тогда ещё не было кого-то ещё, кроме меня.

— Гонишь, — злобно бросила героиня. — Хочешь сказать, ты первый герой, попавший сюда?

— Именно это и хочу, — остался Фолл на месте, хотя девушка подошла к нему на опасно близкое расстояние, всего на метр. — Сожалею, что так случилось. Если бы я знал... Наверно, вернулся бы, чтобы остановить их.

Девушка сплюнула, а затем снова посмотрела в глаза Фоллу.

— Так ты в этом мире сколько... Лет двенадцать уже?

— Пятнадцать, — кивнул он. Потом повернулся к Лори. — В самом начале, когда я уже был где-то на западе Авроры, нашего континента, Бог решил, что одного меня недостаточно. Поэтому начал присылать сюда других — одного за другим, не особо беспокоясь о том, что они могут тут натворить. Как видишь... — его взгляд встретился с девушкой вновь. — Вышло паршиво.

— Мягко сказано. Послушай, Фолл, или как там тебя... Если ты выживаешь здесь уже столько лет, то помощь кого-то вроде меня тебе точно не требуется, — она выдохнула, обессилив. Эмоции сошли на нет, но сдаваться героиня явно не собиралась. — Идите. Я отпущу вас, потому что староста деревни вспоминал о первом герое только хорошее. Уходите и больше не возвращайтесь. Это мой край... Каким бы он ни был: холодным, пустым, страшным — это мой дом. Место, в котором я нашла покой.

— Я уважаю это, — сказал Фолл, опуская руки. Сражаться девушка явно перехотела. — Позволь мне предложить компромисс.

— Да? — теперь она смотрела на него с издёвкой. Нет, не так. В её глубоких, полных печали зелёных глазах читалось всего одно слово. "Издеваешься?". — И какой же?

— Ты беспокоишься об этих землях? О тех, кто её населяет? О том, что еды на запас перед зимой каждый раз всё меньше, и тебе приходится всё чаще уходить в лес, всё глубже, всё дальше?

— Даже боюсь спрашивать, откуда ты столь осведомлён о моём положении, — пожалла плечами пятдесят вторая героиня.

Взгляд Фолла потускнел. Мужчина отвёл его в сторону, смотря куда-то между деревьев.

— У меня был друг, который с таким же отчаяньем, как и ты, пытался защищать и оберегать место, ставшее ему домом, — он помотал головой, стряхивая ненужные мысли. — Неважно. Я помогу тебе. И, упреждая твой вопрос — просто так. Потому что я чувствую вину за то, что не вернулся сюда, пока бродил по свету. Если ты после этого всё ещё будешь прогонять нас, то так тому и быть — мы уйдём.

— Поможешь? — в этот раз в голосе героини проскользнуло удивление. — Н-но как?

— Лучше отойди, — вежливо попросил Фолл, опускаясь на колени, в снег. Приложив ладони к земле, поднял голову, посмотрев на отшагнувшую девушку. — Четвёрка. Если оценивать только твою силу, то ты тянешь на четыре из десяти. А если всё вместе... Я бы дал тебе девятку. От всей души.

— Чего? — пятьдесят вторая повернулась к Лори, будто спрашивая у волшебницы ответ. Та, понимающе улыбнувшись, ступила в сторону, давая Фоллу пространство для манёвра.

— У него есть система оценки. Десятибалльная шкала, где ноль — это слабое и ничтожное существо, а десять — некто или нечто, подобное Богу. Он складывает в свою оценку два параметра — силу и душу. Характер, амбиции, принципы — всё то, что является сутью личности. То, что ты получила четвёрку на основании способностей... — Лорелеи вместе с героиней смотрела, как от места, на котором сидел Фолл, начал струиться свет. Жидкий свет — странное выражение. Но то был именно он. — Меня, на самом деле, не удивляет. А вот то, что Фолл наградил тебя девяткой, суммируя всё вместе...

Пятьдесят вторая героиня прикрыла глаза, не в силах вынести ставшего таким объёмным и таким ярким света. Она ощутила, как стремительно пронеслась сила, выпущенная человеком перед ней, как понеслась она, как ветер, задевая всё, что окружало их. Далеко, далеко, охватывая все северо-восточные земли, земли, не принадлежавшие никому. Закрыла глаза и Лори, мимолётно сливаясь с эфиром, что выпускал первый герой Крэйна. Под её ногами исчез снег, через мгновение — исчез холод, вместо него пришёл тёплый и влажный ветер, ударивший по носу ароматом... Цветов. Того, который можно встретить только в девственно чистых лесах. Полного, слегка душного, как бывает обычно в знойный день. Затрещала земля вокруг, и героиня вскрикнула, кажется, падая на задницу.

А Лорелеи ощутила, как взмывают ввысь дубы, рябины и берёзы. Как раскрываются густые зелёные кроны, как начинают чирикать птицы, шуршать в многочисленных зарослях звери и ползать по траве насекомые. Как отмерзает мёртвая земля, насыщаясь энергией, становясь вновь плодородной, как и когда-то давным-давно. Как выскакивают повсюду шляпки грибов, как воют хищники в глуши, как порхают бабочки и жужжат пчёлы, перелетая с цветка на цветок. Наконец, с дрожью в душе волшебница почувствовала, как далеко к северу от места, где они стояли, встают на своё место горы, некогда обратившиеся в пыль. Как выступают над землёй острые вершины, как падает на них снег, прикрывая наготу. Метр за метром, шаг за шагом, пока огромная территория, ещё несколько минут бывшая холодной и недружелюбной, не расцвела.

Фолл поднялся, слегка пошатываясь, и сразу скинул плащ — теперь на поляне стало жарковато. Героиня открыла глаза вместе с Лори, но, в отличие от волшебницы, уставилась на картину перед глазами полным не просто удивления, а полнейшего шока взглядом. Девушка поднялась, с дрожью в коленях оглядываясь назад, за спину... И рухнула на колени, не в силах больше сдержать слёз. Там, возвышаясь над кронами самых высоких деревьев, стояли монолитные Титановые Горы, защищавшие когда-то этот край от природных бедствий. А вот что удивило Лорелеи, так это как два десятка бойцов просто испарились в пространстве, стоило героине потерять над ними контроль. Выдохнув, волшебница посмотрела на рыдающую девушку, а следом — на Фолла.

— ...показывает, что ты чем-то похожа на него, — закончила Лори свою речь. — Ты как?

— Опустошён, — выдал Фолл и закашлялся, согнувшись и выхаркивая сгустки крови на зелёную траву. — Кх... Кха-кха-кх...

Лори подбежала к нему, осторожно приложив ладони к спине. Она знала, что такое магическое истощение. Когда чародей использует всё, что есть в его теле, весь эфир, до упора, его тело начинает гореть, будто при простуде. Даже хуже — потому что внутри всё на самом деле сгорает. В зависимости от степени истощения органы мага могут подгореть,

повредиться или и вовсе сжаться, вызывая внутреннее кровотечение. Неизвестно, на самом деле, что тут хуже. Утерев кровь, Фолл выпрямился, делая глубокий вдох и плавный, медленный выдох. Лори боялась, что он потеряет сознание — впрочем, обошлось без этого. Эфир, вливаемый беспокоившейся волшебницей, помог герою стабилизировать своё состояние.

А пятьдесят вторая в то же время продолжала рыдать, смотря на зелень и цветы перед собой. Фолл с Лори переглянулись — и решили, что сейчас лучше её не трогать. Стянув с себя плащ, беловолосая волшебница постелила его на траву, попутно расстёгивая жилет и оставшись в одних штанах и рубашке. Фолл упал рядом на спину, смотря на чистые голубые небеса. Это был насыщенный оттенок, и в то же время такой светлый, что невольно напоминал им обоим о детстве. То время, когда само небо, казалось, говорило: "Веселись! Впереди ещё столько приключений!". Под щебет птицы и гудение пчёл потекли долгие десять минут...

— Фолл.

— А? — повернул к Лори голову мужчина.

— Сколько всего на Крэйне было героев? — волшебница смотрела прямо в его глаза, поэтому не могла не заметить, как он вздрогнул на этом вопросе.

— Много, Лори, — протянул Фолл, отворачиваясь обратно к небу. — Куда больше, чем было необходимо.

— Твоя книга... С божественным откровением... Это ведь не реликвия?

— Прости, что соврал, — вымученно улыбнулся первый герой, поднимая руку вверх с раскрытой ладонью. Сжал пальцы вместе, затем развёл их в стороны, играясь с солнцем, то прятавшимся, то появлявшимся перед ним на небе вновь. — Это не совсем реликвия в привычном понимании этого слова. Я вёл... Веду. Своеобразный дневник. Чтобы запомнить каждого, кто попал сюда. Кто жил здесь. Кто умер... Всех, как паршивых, так и хороших героев. Их ведь выдернули из обычной жизни, которую они спокойно вели. У многих остались на той стороне семьи, друзья, любимые. Может, это немного, но... Если я вдруг когда-нибудь вернусь обратно, в свой мир, то пойду по нему в поисках тех, кому герои хотели бы сказать последние слова. Он иногда пополняется и сам — когда Бог присылает на Крэйн новых героев.

— Не извиняйся, — помотала головой Лори, прикрыв глаза. — Я... Понимаю.

— Спасибо.

Коротко и ясно. Фолл лежал, нежась под тёплыми лучами, и думал о том, сколько ещё ему придётся коротать свой век. Думал, как бы поскорей найти героя, который смог бы спасти этот мир за него. Думал, что на дороге, что лежала впереди, хотел бы встретить новую крепкую дружбу и наконец-то обрести счастье. Об этом мечтал первый герой, попавший в жестокий мир — о том, чтобы стать счастливым. Его постоянно тянуло куда-то, в путь, с самого начала, когда он только прибыл сюда. Он не мог сидеть на месте, узнавая новое, новых друзей, знакомых, приятелей. Чем больше он совершал, чем сильнее становился, тем острее душу кололо ощущение пустоты где-то в сердце. Фолл, на самом деле, был простым человеком. Человеком, желавшим простого счастья.

Но жизнь, к сожалению, бросалась в него исключительно необычными вещами.

Лори открыла глаза, когда на неё упала чья-то тень. Перед путниками, сняв душный зимний камуфляж и оставшись в одной серой майке, стояла пятьдесят вторая героиня. Её было неудобно — довольно жарко, да и в тёплой одежде она просидела приличное время. И

в то же время она понимала, что сейчас просто обязана стоять на ногах. Волшебница поднялась, помогая встать Фоллу, с благодарностью кивнувшему ей. Наконец, все трое встали лицом к лицу.

Раскрасневшееся и зарёванное лицо девушки с густыми русыми волосами, падавшими до плеч, выражало... Сумбурный набор чувств. Ярче всего в нём выделялось две: благодарность... И осторожность, близкая к страху.

— Это же... Не иллюзия?

— Покажи мне мага, способного на такую живую иллюзию, и я лично пойду к нему в ученики, — протянула Лорелеи. — Честно сказать, я и сама не в курсе, что это было. Серый эфир?

Серый эфир отвечал за время и был подвластен крайне ограниченному числу личностей по всему континенту. Большая их часть проживала, разумеется, на территории Золотой Империи. И даже те, кто повелевали им, не могли повернуть время вспять для целой территории, столь большой, как ничейные земли. Вернуть целую горную цепь, существовавшую более пятнадцати лет назад, они точно бы не смогли.

— Нет, — помотал головой Фолл. — Магия природы. Я преобразовал эфир в своём теле в неё, а затем распылил по всей округе.

Активировав третий глаз, Лори оглядела полянку и лес, обступивший их со всех сторон. И едва не ослепла — крупные и яркие зелёные шарики кружили повсюду, словно бегая наперегонки. Туда, сюда, обратно. Эфир двигался, а значит, в этом месте была ключом жизнь. Чистая природа, как в Пангонии до войны. Такая концентрация говорила и о том, что магия, вложенная в эти земли, будет поддерживать их в таком состоянии, пока не иссякнет или не будет разрушена посторонним вмешательством. А учитывая количество магии, витавшей кругом, волшебница сделала вывод, что такой пейзаж сохранится тут как минимум в ближайшие полвека.

Удивление на лице Лорелеи быстро считала героиня, сделав для себя определённые выводы.

— Значит, не иллюзия, — выдохнула она. — Ты и правду... Вот так взял, и вернул этому краю первозданный вид. Чёртов герой... — последние два слова она сказала, смеясь и улыбаясь. В них проскользнуло тепло, что витало в воздухе. — Спасибо, Фолл. Я этого никогда не забуду.

— Ты, главное, будь приветливей к случайным путникам, — рассмеялся в ответ первый герой. Затем, подняв свой плащ, вынул помятую пачку, вытащил сигарету и закурил. — М-м... Ванильная. Давно такой не было.

— Одолжишь? — подшагнула к нему девушка. Пожав плечами, Фолл протянул ей пачку. Вытянув оттуда белый кусок табака, героиня приняла и зажигалку, подпалив свою сигарету. Затянулась вместе с мужчиной, выдыхая серый дым в чистый воздух перед собой. — Ч-чёрт, настоящий табак... Думала, что помру прежде, чем попробую его снова.

Лори оставила этих двоих курильщиков, сморщив нос и упав обратно на плащ, успевший нагреться под солнцем.

— Я — Ирис, — протянула пятьдесят вторая героиня руку, которую сразу же пожал Фолл. — Дома звали Ириной.

— Вот и познакомились, — затянулся Фолл, смотря, как и героиня, куда-то вдаль, сквозь деревья. — Будь осторожна, Ирис. Этот край совершенно точно заметят. То, каким он стал, привлечёт тех, кто захочет вырубить здесь лес и поставить города. Если ты ценишь его

больше, чем тех, кто здесь живёт, готовься держать оборону.

— Да нет... — неопределённо повела плечами девушка, прикладываясь к сигарете. — Пускай приходят. Героев сюда больше не забросит, а остальные... Пускай живут, как хотят. Своих-то я защищу, не переживай. Теперь можно выдохнуть спокойно.

— Ага, — произнёс мужчина, пряча свободную руку в карман штанов. — Я рад, что смог вернуть долг этой земле. И надеюсь, она будет процветать.

— Ты не спросил, откуда я знаю, что героев больше не будет, — тихо, так, чтобы услышал только Фолл, протянула Ирис. — Потому что уже знаешь причину?

— Да.

— А магичка?

— Ей знать не нужно.

— Вот как...

Разговор, почему-то, перестал клеиться. Только курили два человека, думая каждый о своём. А Лори, чья голова совсем опустела от тепла и усталости, отрубилась прямо на плаще, не удосужившись хотя бы снять обувь. Засопев, волшебница перевернулась на другой бок, видя прекрасный сон о красивых землях, где нет войны, Империи и крови, что она проливает. Два героя же, продолжая курить, поняли, что кому-то нужно что-то сказать, пока неловкость не перешла в фазу, после которой говорить хоть что-то будет глупо и неудобно.

— Печалишься?

— О чём?

— Что я не пойду с вами.

— Я понял это, как только ты рассказала историю о том, как северо-восток стал бесплодным, — пожал Фолл плечами. — Ничего, Ирис. У всех у нас свой путь.

Они ещё немного помолчали, затем затушили сигареты, так и не смотря друг на друга.

— Если так подумать... Ты куда сильнее меня. В разы, нет, в сотню раз. Зачем тебе моя помощь?

— А зачем мне рассказывать, если ты всё равно остаёшься? — колко, но справедливо. Ирис потупила взгляд, стараясь скрыть боль, отчего-то испытанную ей при этих словах. — Не думай об этом. Это — не твоя забота. Я... Попробую найти кого-нибудь ещё.

— Тебе обязательно нужен герой?

— Да. Потому что в героях есть потенциал стать девяткой.

— Эта твоя система оценки... Понятно. Тебе нужен кто-то, кто может стать похожим на тебя. Таким же сильным.

— Ага.

Ещё одна минута, протянувшаяся медленнее остальных.

— Фолл... Мне жаль, — Ирис говорила от всего сердца, и от этого Фоллу становилось ещё печальней. — Я не могу уйти, зная, что без моего присутствия на деревню могут напасть. Не прощу себя, если потом узнаю, что с жителями что-то случилось. Они — моя семья. Те, кто научил меня выживать и... Жить. Я не могу просто выбросить год жизни в этом мире!

— Бессмысленная ложь.

Она едва заметно вздрогнула. Её лицо помрачнело; девушка повернулась прочь, старательно отказываясь смотреть в сторону первого героя.

— Ты и это заметил.

— В Крэйне никто не привязывается к холодному и бесчувственному краю за какой-то

год, а потом столь грустно вспоминает о том, каким он был когда-то, — вздохнул первый герой.

— Думаешь, я трусиха?

— Нет. Думаю, что ты сделала то, на что героям не хватает яиц — приняла решение остаться. Не отправилась болтаться по свету, пробуя свои силы в попытке разбогатеть, нахапать власти или ещё чего-то. Это меня всегда напрягало в нас — нас постоянно куда-то тянет. На подвиги, на свершения. А, собственно, нахрена? Живи и радуйся. Будь счастлив.

— Ты — такой же? Всегда в дороге, всегда в поисках того, куда бы применить свою силу?

— Был. Был, когда-то.

— Мне жаль, — повторила Ирис. — Хотя приятно слышать, что хоть кто-то понимает важность защиты тех, кто тебе дорог.

— Да, многие в этом мире бесчувственные чурбаны, — тихо рассмеялся Фолл. — Ничего. Тут хватает и нормальных ребят... — он оглянулся на спящую Лорелеи.

— А эта магичка? — кивнула героиня на беловолосую женщину. — Почему не взять её?

— Ею движет месть. Как только она исполнится, все силы, что Лори так старательно собирает, исчезнут. Так всегда бывает... Но пока ей лучше быть в неведении. Может, и сама потом поймёт, что месть — вещь глупая. В её конкретном случае.

Ирис замолчала, заглядывая Фоллу в глаза. Спокойные, всё такие же яркие. Карие глаза первого героя, не раз изменявшего ход истории целых народов. Люди освоили магию, как никогда прежде, научившись переносить её на материю. У гномов появилось несколько разработок, вскоре перешедших в гениальнейшие изобретения, используемые повсеместно и по сей день. Эльфы написали Триардин, кодекс чести, позволявший им отходить от обветшалых традиций и, например, начать путешествовать, осваивая мир за пределами своих лесов. Орки научились письменности и речи, влившись в общество, доселе считавшее их варварами и дикарями. Но то — дела прошлых лет. Сейчас Фолл стоял, не зная, что ещё сказать. Казалось, всё, что нужно, уже было сказано.

А то, что хотелось, лучше было не говорить.

Всё-таки первый герой знал, когда нужно затыкать свой рот.

— Кем ты была, пока Бог не перенёс тебя в Крэйн?

— Недошкольницей, игравшей в стратегии на компьютере, — на выдохе протянула Ирис. — Первоклассницей. Ну, должна была стать. Через месяц. В итоге провела тот жуткий август, сбегая от стаи бладарров. Потом меня встретили в деревне... Об остальном ты должен знать сам, — она замолкла, прикидывая, стоит ли зеркалить вопрос. — Что насчёт тебя, Фолл? Ты выглядишь не особо старше меня.

— Я... — он замолчал, выбирая, какую часть прошлого открыть девушке рядом. — Человек, как человек. Работал, как все. Курил, как все. Музыка слушал. По выходным ходил в бар с друзьями, по пятницам работал сверхурочно. Водил Тойоту, покупал обеды в фастфудах.

— Поняла, больше спрашивать не буду, — кивнула героиня, оставив руки безвольно болтаться вдоль тела. Кажется, эмоциональное истощение сказалось и на её физическом состоянии. Говоря прямо: все устали. — Передохните в деревне. Я не могу пойти с вами, но могу оказать вам тёплый приём.

Фолл кивнул, разворачиваясь, чтобы разбудить Лори.

— Не нужно, — остановила его Ирис, сложив ладони вместе. — Первый батальон.

Призыв!

Эфир в пространстве рядом со спящей Лорелеи сгустился, формируя тело бойца в светло-зелёной армейской футболке и таких же штанах с удобными кроссовками. Его лицо было скрыто камуфляжной кепкой, что, впрочем, не мешало разглядеть факт того, что лица у него, собственно, и не было. Аккуратно взяв волшебницу вместе с плащом на руки, солдат развернулся, шагая в сторону деревни, прочь с поляны. Фолл, пожал плечами, двинулся вслед за рассмеявшейся от неловкой ситуации Ирис и её "питомцем", покидая маленький островок счастья, который когда-то был открыт для каждого.

Их путь пролегал по кочкам, неровным холмам и редким тропинкам, что остались от охотников пятнадцатилетней давности, мимо плотного кустарника, по мягкой густой траве, через поваленные когда-то давным-давно стволы деревьев, ставшие домом для тысяч разных форм жизни. Где-то, сорвавшись с ветки, пролетела птица. Фолл посмотрел вглубь леса с улыбкой: он помнил его именно таким. Конечно, сейчас он стал куда сильнее, чем был раньше, и лес этот вызывал у него только чувство ностальгии, а не страха и ужаса, как пятнадцать лет назад. Старые-добрые времена. Впрочем, первый герой не имел привычки цепляться за прошлое. Он предпочитал беспокоиться о том, что будет завтра.

Поэтому он ускорил шаг, выходя из леса на небольшую равнину, обегавшую лесной массив. Пройдя его, четыре силуэта принялись за спуск вниз с небольшого полностью покрытого травой холма. Пройдя и это препятствие, они вновь вошли в лес. А через несколько минут вышли прямо на проторенную дорогу, на которой спокойно могли разойтись две телеги. В широкой расщелине, появившейся среди деревьев, Фолл разглядел несколько рядов домов и колодец, стоявший чуть поодаль, на возвышении. От каменных жилищ с деревянными крышами к ним уже бежали люди и эльфы со слезами на глазах. Откуда-то из центра деревни, скрытого домами, валил густой дым. Кругом сверкали цвета и пригибалась, прибитая к земле ветром, трава.

Верно, подобное же принято праздновать.

Один из эльфов, сгорбившись, шёл, опираясь на палочку. Фолл сразу заметил его, но не подал виду, лишь ожидая, пока жители не перестанут обнимать Ирис. Дети вешались ей на шею, взрослые плакали, прикрывая лица, многие мужчины и женщины упали на колени, говоря слова благодарности героине. Она, поймав взгляд первого героя, виновато улыбнулась — всё-таки почести должны были достаться ему. Отмахнувшись, Фолл подошёл к старейшине, вежливо поклонившись пожилому эльфу. Он носил тёмно-синюю тунику и не имел волос на своей голове, кроме пышных усов и небольшой седой бороды, а одно из его острых ушей было порвано, судя по шраму — срезано каким-то лезвием.

Старейшина деревни на мгновение опешил, узнав мужчину. А затем поклонился в ответ. Они перебросились парой слов, а потом рассмеялись вместе. Ирис, наконец-то уговорив всю толпу, прибежавшую к ней, пойти обратно, устремилась вперёд по дороге, окружённая целой стаей ребятишек самых разных возрастов. Старейшина и Фолл пошли позади, стараясь не отвечивать. Это — праздник для всех. Но право на главную роль в нём имела только Ирис, не бросившая эти земли и этих жителей в самые тяжёлые времена.

— Кто бы мог подумать, что ты когда-нибудь вернёшься сюда, — поглаживая усы, пробормотал старейшина. Его голос, как и полагается старому человеку, был слегка хриплым и низким. — Ещё и женщину приведёшь. Чародейку, к тому же.

— Она ученик моего давнего друга, — пояснил Фолл, глядя на спину солдату, несшего Лори. — Весьма способный, должен признать.

— Давно у нас не было гостей, мой дорогой Фолл, — улыбнулся пожилой эльф. — Тем более в такое время... Это же твоя работа?

— О чём вы? — попытался увильнуть первый герой.

— Не надо тут вот, — пригрозил ему палочкой старейшина. — Знаю же, что Ирис, хоть девчонка и сильная, но на такие чудеса неспособна. И я абсолютно уверен, что Бог сегодня нас не посещал.

— Поймали, поймали, — поднял руки вверх Фолл. — Сдаюсь. Знал бы, что тут случилось, то пришёл бы раньше. И чудо бы сотворил.

— Так просто говоришь об этом, — старейшина тяжело вздохнул. — Всё такой же, Фолл. Хотя что-то в тебе поменялось... Выше стал, чтоль?

— Может быть. Может быть, старейшина, — пробормотал первый герой. — Я здесь не задержусь, поэтому не рассчитывайте на партию в шахматы.

— Обижаешь старика, — хрипло рассмеялся эльф. — Ладно, нет так нет. В другой раз.

Они ещё немного поболтали, проходя в деревню. Ирис и компания остановились у большого котла, в котором варилось, источая аромат на всю округу, нечто очень вкусное и наваристое. Где-то справа, прямо у края выложенной камнями дороги, раздался короткий вскрик Лорелеи, едва не впечатавшейся лицом в землю — благо призванный боец Ирис успел её поймать. Найдя взглядом Фолла, волшебница поспешила занять своё место рядом, осыпая его вопросами. Вкратце объяснив, что произошло, первый герой успокоил женщину, предложив просто наслаждаться праздником, что вот-вот должен был начаться. Деревенские расселись вокруг котла, пока Ирис, призвав ещё несколько солдат в поварских колпаках, не начала помешивать варево. Вскоре принесли мешки со специями, и пришло время, как говорится, посолить и поперчить.

Дети сидели на шеях своих отцов, весело болтая ногами. Кто-то бегал кругами, многие взрослые до сих пор плакали оглядывая то, каким стал мир вокруг деревни. Многие из них прекрасно понимали, в какой рай попали прямо перед зимой. Верно, ведь когда-то в этих краях её не было. Здесь всегда стояло яркое, тёплое солнце. И дожди были обильными, а снег почти не выпадал. Эти люди и эльфы понимали, что они не просто выживут очередной холодный сезон — они смогут жить так ещё очень, очень долго. Наверняка ушлый старейшина запомнит этот день календаря и объявит его традиционным праздником. Впрочем, никто бы не был против, поступи старый эльф так.

Вскоре к котлу стали подходить и женщины, помогая солдатам Ирис нарезать овощи и остатки мяса. Для детей деревенские приготовили отдельный котёл, который приволокли к старшему братцу, и в который, при содействии поваров, нарезали фрукты, скидав всё в одну кучу и отдав меньший котёл на растерзание детворе. Фолл немного удивился, увидев на разделочных досках яблоки нескольких сортов, а потом вспомнил, что совсем недалеко от деревни, буквально три минуты бегом на север, стоял дикий сад из множества яблонь, где часто проводили свои деньки деревенские дети. Ещё в ту пору, когда сюда только-только попал Фолл.

Вместе со старейшиной они опустились на камни, выступавшие здесь как самая удобная мебель. Альтернатива — земля или каменные плиты дороги. Солнце било им в спины, позволяя наслаждаться зрелищем, что разворачивалось впереди, у котла. Лори куда-то ушла, наверно, веселиться. Волшебнице была присуща интересная черта — она была страшно умелым оппортунистом, когда дело доходило до развлечений. Очнувшись после короткого сна, она поняла, что попала в то самое место, где веселье льётся через край. Поэтому Фолл

лишь рассмеялся, вскоре заметив Лорелеи в окружении деревенских девушек с венком, обрамлявшим её белые волосы, будто корона. И как только успевают?

— Ты заберёшь его? — тихо, чтобы не услышал никто, кроме собеседника на соседнем камне, спросил старейшина.

— Я больше не полагаюсь на заимствованную силу, — так же тихо ответил Фолл, чуть согнувшись и расставив колени пошире. — Так понимаю, это про мой артефакт говорила Ирис?

Старый эльф рассмеялся во весь голос, как только Фолл описал вкратце всю историю.

— А-ха-ха! Что, наша девочка подумала, будто ты — вор? Вха-ха-ха! О-о, Бог Крэйна, спаси мои старые кости, не могу...

Фолл кивнул, улыбаясь. Закурил, глядя на жителей, приготовивших деревянную посуду. Старейшина, поставив палочку перед собой, что-то прошептал, и эфир вокруг первого героя изменился. Непонимающе посмотрев на пожилого эльфа, он вызвал у него только новый приступ смеха. Чуть более краткий, чем предыдущий.

— Это чтобы не воняло. А то ишь — всё цветочки да цветочки, а тут бац — и вонь.

— Понял вас, — хмыкнул Фолл, затянувшись.

А впереди начиналась песня. Кто-то был первым, кто-то подхватил, и вскоре вся деревня скандировала древнюю, как эта земля, историю о Лазаре, которого женили на красивой девушке. Свадебный мотив быстро поднял рассеявшихся людей и эльфов на ноги, и они пустились в пляс. Потом кто-то приволок покрытый пылью инструмент, и — понеслось, понеслось, понеслось. Свист, затем что-то духовое, струнное — всё слилось воедино. С гиканьем, смехом и улыбками на лицах танцевали жители, празднуя, конечно, свою свободу. Посреди этого стояла Ирис, хлопотавшая у котла. Даже со спины Фолл видел, что её тоже хотелось танцевать. В какой-то момент женщины постарше обступили героиню, вытолкнув её в дружный строй плясавших.

Остальное — история.

— А кто вон тот паренёк?

Старейшина нахмурил брови, посмотрев в направлении, которое указывал Фолл. Первый герой тыкал в один домов, чуть левей от места, где собрались вокруг котла жители. Старый эльф, не увидев в направлении ни одной живой души, огладил единственное заострённое ухо. Затем вернул ладонь на навершие своего посоха, тяжело вздохнув. Закрыв глаза, вздохнул вновь.

— Фолл...

— Если Ирис была одним из первых героев, то где же тогда пятьдесят второй из новичков? — задал Фолл вопрос в никуда, доставая из плаща, лежавшего в ногах, свой дневник.

— Вот откуда божественный эфир, который я почувствовал возле тебя, — шершавый голос старейшины был тих и совсем немного — расстроен.

Возле котла продолжались танцы. Там мелькали белые волосы Лорелеи, вытворявшей такие телодвижения, что крестьяне только диву давались. И куда подевалась та усталая женщина, что не так давно умоляла Фолла сделать привал? Наверно, успела невероятным образом суметь отдохнуть. Вместе с волшебницей танцевала Ирис, отплясывая что-то, отдалённо напоминавшее чечётку. В воздухе царил уют, покой и счастье. А ещё пахло свежими цветами и супом, уже почти готовым. Пели мужчины, женщины, пели люди и эльфы, подхватывали мелодию дети, хлопали в ладоши старики, радуясь, что всё-таки

дожили.

Дожили до счастливых времён.

— Летопись Бога... — прошептал старейшина, глядя на книгу с золотыми буквами, что составляли название, которую Фолл передал ему. Эльф осторожно погладил обложку, не решаясь её открыть. Вернув произведение герою, посмотрел на него с непередаваемой грустью. — Мальчик ещё слишком юн, чтобы стать героем, Фолл. Я... Мне не хотелось скрывать его от тебя, но отцовские чувства были сильнее. Люди легко находят связи и так же легко их теряют. Мы, эльфы, в чём-то похожи. Тоже ищем... И легко обретаем. Но терять — терять мы не умеем. Страшно мне...

— Мне... Очень нужна помощь, старейшина, — протянул первый герой, затянувшись в последний раз. Ему и самому было неудобно брать в обучение юнца, тем более названного сына своего старого друга, но иного выбора попросту не наблюдалось. — Боюсь, в этот раз у меня не получится без него. Без последнего героя, отправленного в Крэйн Богом.

Старый эльф в очередной раз тяжело вздохнул. Морщинистые руки его напряглись, обхватывая навершие посоха, впиваясь в него, будто от бессилия. Блеснув синими глазами, в которых отразилась вся его жизнь, он ударил посохом о землю. Трижды. Для людей в деревне это был звук, который потонул в потоке музыки и смеха. А для одного человека, спрятавшегося совсем рядом, возле котла, это был призыв. "Иди сюда," — говорили эти три удара.

— Спасибо, — поблагодарил Фолл вереницу девушек, вручивших ему со старейшиной по кружке и мигом разливших горячий травяной чай из одного из чайничков, что они сжимали в руках. Девушки убежали обратно к котлу, продолжая танцевать по пути. — Так он придёт?

— Мальчик сам себе на уме, — пожал плечами старик, отхлёбывая чай. — Вкусно, з-зараза. Что пятнадцать лет назад, что сейчас.

— Сколько ему? — поставив кружку на бедро, спросил Фолл.

— Скоро стукнет семнадцать, — ответил старый эльф, дую на тёмный напиток. — Он попал сюда меньше полугода назад, в начале лета. Едва не оказался разорван дикими найманами, да я случайно мимо проходил — от кладбища брёл, а там, у дороги, крик услышал.

Дикие найманы. Чем-то походившие на волков с родного мира Фолла, только крупней, с вытянутыми мордами с двумя рядами мелких зубов и жёсткой кожей, шерсть на которой росла только в районе холки да на кончике хвоста. Кожу их брала не всякая стрела, да и меч мог соскользнуть, если провести косой удар, а строение рта позволяло им совершать полный оборот своих челюстей по оси, словно на шарнире. Известны случаи, когда найманы "вскрывали" даже закованных в латы рыцарей, попросту отыскав удобный угол, с которого можно было "разрезать" броню. Дикие найманы обычно серые или беловатые — так им проще выживать в вечно холодных районах, в которых постоянно выпадает снег. Под кожей у них много мышц и жира, что позволяет эффективно охотиться даже на хищников раз в пять крупней их самих.

Их прямыми конкурентами в среде обитания выступают бладарры, хищники, чей размер не является их главным преимуществом. Они не больше собаки, но имеют родство с серебристым эфиром, который используют, чтобы ускоряться, преследуя жертву, убегая от угрозы или атакуя. У них большой пушистый хвост, увидеть который на стене мечтают многие охотники. Бладарры быстры, а ещё умны и склонны охотиться стаями. Окрас у них

полосатый, обычно это сочетание белого, чёрного и коричневого. Ареал обитания куда шире, чем у найманов, но зачастую именно эти два вида соперничают за право занять середину пищевой цепи. Бладарры, откормившиеся до размеров наймана, играючи расправляются в одиночку с целыми вооружёнными караванами и часто оседают как раз возле крупных торговых трактов.

— Найманы возле деревни? В начале лета? — удивился Фолл.

— А Иггдрасиль их знает, кто спугнул стаю с её территории, — пожал плечами старейшина, огладив усы. — Найманов я отогнал, мальчишку взял с собой, в деревню. Ты бы видел, как на него Ирис смотрела... Думал, прямо там прикончит. Но — сдержалась, молодец, девочка. Они особо не общались, да оно и, сам понимаешь, очевидно, почему.

Фолл кивнул, отпивая из кружки. Старейшина повторил его жест, наслаждаясь чуть остывшим напитком.

— Мальчик... — старик закусил губу, не в силах сдержать эмоции. — Он не готов к большому Крэйну. К лживым людям в больших городах и на большой дороге, к грубым оркам, к менталитету эльфов и чванливости гномов. Может, ты и защитишь его от любой напасти — но что спасёт его душу от шока, который она испытает, когда он войдёт в этот мир, как герой? Вы же все, сорванцы, одинаковые, что малые, что старые. Для него всё ещё тот мир, его который, ближе, чем наш. Он тут, как в теплице... А ты его — на холод хочешь.

— Я понимаю, — протянул первый герой. — Прекрасно понимаю. Я могу принести клятву, что обучу его, как выживать в большом мире. Передам всё, что знаю сам. Познакомлю с теми, кто станет его наставниками на пути. Позволю ему обрести друзей и любимых, если он сам того пожелает. Но если он сегодня не пойдёт с нами обратно, в земли к юго-западу от Империи, Крэйн потеряет свою последнюю надежду.

— Вот теперь ты говоришь, как настоящий герой, — отчего-то рассмеялся старый эльф. — Столько пафоса, столько силы в словах, и всё ведь, вроде как, правильно — во имя благородной, за ногу её эдак раз пять, цели. И верю я. Из кучи героев, что тут были, тебе и Ирис — верю. Ладно... Ладно, Фолл. Захочет парень — так тому и быть. Отпущу. И, коль ты свою вещь забирать не стал, я её ему в дорогу отдам... Пускай уж ему послужит — а у нас Ирис имеется. Она и Империю отпугнут сможет!

— Она-то да, — хмыкнул Фолл. — Так и отделает, что мало не покажется... Спасибо, старейшина. Это большая услуга, и я перед вами в неоплатном долгу.

— То-то же, теперь хоть на человека стал похож, — выдохнул старик. Затем повернул голову влево, уставившись на пустое место. — Выходи, Арт. Он почувствовал тебя ещё у котла, рядом с остальными.

Воздух на пустом месте пошёл волнами, словно от высокой температуры. Из пустоты на землю перед сидевшими старейшиной и Фоллом вышел молодой худощавый парень в тунике того же синего цвета, что и у старого эльфа, с густыми чёрными волосами, часть из которых спадала по бокам вдоль его впалых щёк. Фолл запоздало подумал, что стричься в этой деревне вряд ли принято. Впрочем, учитывая, как были подвязаны в конский хвост волосы, было понятно, что о себе настоящий пятьдесят второй герой заботился. Да и смотрел прямо, уверенно, точь в точь как Ирис, до сих пор веселившаяся где-то возле котла, от которого исходил пар. Во взгляде широких янтарных глаз Фолл увидел дикого зверя, каким и сам когда-то был. Они чем-то напоминали глаза Лорелеи, когда он впервые встретил её на поле боя возле Фарэя, родного города Миры, наставницы волшебницы.

Такие же глаза, отражавшие страх, отчаянье и стремление, некое желание, которое пока

не нашло выхода.

— Арт — Фолл, Фолл — Арт, — представил их друг другу старейшина. Фолл поднялся первым протягивая руку. Другая сжимала кружку с травяным чаем. Парень, не раздумывая, пожал сухую ладонь, чуть ли не отпрыгивая, стоило ему это сделать. — Не пугайся. Он такой же, как и ты.

— Арт... От Артёма, наверно? — осторожно предположил Фолл. Пятьдесят второй герой кивнул. — Рад встрече. Я — первый герой, прибывший на Крэйн по воле Бога. И мне Арт, очень нужна твоя помощь. Вот не поверишь, как на духу говорю — помощь в спасении мира.

— Так вы поэтому возродили эту землю? — наглый и прямой вопрос, который, впрочем, быстро рассыпался, стоило взгляду этих двоих столкнуться. Юношеская буря и агрессия прокатилась до другой стороны, встретив там... Жутчайшее презрение. Ему не стоило даже намекать на то, что Фолл помог ничейным землям ради этого разговора. — Простите...

— Не извиняйся, ты был вправе задать этот вопрос, — поднялся, опираясь на посох, старый эльф. Похлопал по плечу Фолла, проходя вперёд. — Я всё подготавливаю.

— Эй! — повернулся к нему лицом первый герой. — Откуда вы знаете, что Арт согласится?

Старейшина не ответил, продолжая ковылять вперёд, а его чашка осталась в одиночестве на камне, на котором он сидел.

И чашка та была пустой.

Страхнув нахлынувшие эмоции, Фолл обернулся, виновато посмотрев на Арта.

— Если ты всё слышал, то понимаешь, почему я спросил.

— Да, — со всей серьёзностью во взгляде и голосе произнёс парень. Голос его звучал на удивление зрело и чуть высокомерно для его возраста. — Я пойду с вами. Не потому что мне интересна причина, по которой я вам нужен. А потому что мне хочется посмотреть, что лежит за ничейными землями, за моим домом. Я помогу вам, так как вы покажете мне мир. Я слышал. Вы обещали.

Фолл не стал поправлять его. Сказал, что даст клятву, и дал клятву — всё-таки суть разные вещи. Пускай. Он и так, и так бы сдержал своё слово. Первый герой не зря прожил пятнадцать лет в жестоком мире, обретя множество союзников, близких друзей и просто хороших знакомых. Он был человеком своего слова.

— Отправимся, как закончится праздник, — улыбнулся ему мужчина, поднимая кружку и залпом осушая её. Парень улыбнулся в ответ: но то была серьёзная улыбка, едва заметная, почти ухмылка. Эх, подростки. Вечно хотят быть на равных со взрослыми. — Я рад, что мы встретились, Арт. И пускай ты до пока что едва тянешь на единичку...

Я покажу тебе путь на вершину цифры десять.

Глава вторая. Сталь для меча, сила для героя, кровь для императора

Последние алые лучи погружали южную часть деревни в тёмно-красные тона. Её жители, плясавшие вплоть до позднего вечера, уже разошлись по домам. Где-то ближе к концу староста вынес из своего погреба несколько бутылок самогона, поэтому приподнятое настроение быстро сменилось весьма и весьма радостным. Напившись, люди разошлись окончательно. Лишь несколько эльфов, более стойких к алкоголю, остались и помогли прибрать остатки празднества. Котёл перетащили к дому старосты — единственному двухэтажному зданию среди всех. Рядом с ним поставили и его младшего брата — все нарезанные яблоки дети успели растащить. Затушив кострище, почти все эльфы тоже отправились на боковую. Недалеко от деревни, в окружении маленького костра, расселись те, к кому так и не пришёл сон. Пускай холмик, на котором располагалось поселение, был невысоким, всего пары сотни метров в сторону хватило, чтобы скрыться от деревенских полностью, дабы не тревожить их тёплый сон.

Под вечер температура понизилась до приятного прохладного уровня. Лёгкий ветерок трепал небольшое пламя в сторону, что освещало ладони, колени и лица собравшихся подле него.

Подол синего плаща и плетёные сандали, сухие ладони и седые усы. Старейшина держал руки поближе к костру, да и в плащ кутался так, словно вокруг всё ещё стояла ранняя зима. Наверно, это прерогатива пожилых — греться, когда холод уже ушёл. Что было в его взгляде — не различить, пламя не гнулось в его сторону.

Нижняя часть чёрного плаща, старые, избитые на дороге сапоги и спокойное, ничего не выражавшее лицо с блестящими карими глазами. Фолл сидел, обнимая колени и посматривая на пламя, отражавшееся в его глазах. Герой не хотел о чём-то думать, сейчас он расслаблялся в хорошей компании, а настойчивые мысли о будущем с не меньшей настойчивостью гнал прочь.

Ещё один похожий плащ, в этот раз утеплённый и постеленный под человека, сапоги, ещё не выдавшие плохих дорог, тонкая серая туника, взятая у кого-то из деревенских, и румяные щёки с полными счастья рубинами, блестящими, как и у первого героя. Лори накручивала белоснежные волосы на пальцы, с прищуром глядя на костёр. Она устала, наверно, больше всех из оставшихся, однако, пусть тело и сдалось, её разум продолжал желать веселья.

И сейчас, как думалось женщине, наступило самое время для бесед.

Накидка на голые плечи, зелёная рабочая майка, широкие камуфляжные бело-чёрные штаны, тёмные силуэты шрамов, оставшихся на лице. Ирис устало смотрела на Лори, искренне не понимая, как чародейка оставалась в таком бодром состоянии после множества спетых песен и исполненных танцев. Девушке же хотелось спать, что она потихоньку и делала, уронив подбородок к груди.

Синяя туника, чёрные волосы, облепившие лицо, и вытянутые босые ноги, что смотрели в сторону тепла. Арт, положив руки на бёдра, как и Ирис, едва держался, стараясь не уснуть на месте. Герою, ещё не привыкшему к Крэйну, постоянно требовавшему от живого существа бешеного количества энергии для выживания, сейчас было очень тяжело. С одной стороны, его тело отказывалось двигаться, умоляя отдохнуть, с другой — ему было слишком

интересно послушать, что могли рассказать старейшина, Фолл и женщина, что с ним пришла. С Лори Арт познакомиться не успел, поэтому чувствовал себя слегка неудобно, когда она смотрела на него сиявшими алыми глазами.

Все пятеро, впрочем, думали об одном — как хорошо здесь, под почерневшим небом.

— ...Вот так всё и кончилось. Он просто развернулся и ушёл, даже не сказав ничего напоследок... — заканчивал свою историю Фолл, подбрасывая веточек в костёр. — Бог, не Бог — он всё равно поступил некрасиво, как по мне.

— Очевидно, что он просто тебя боялся, — вяло рассмеялась Ирис. — Это, наверно, ведь, так страшно — когда ты считаешься самым-самым, а потом кто-то берёт — и превосходит тебя.

— М-да, рискну предположить, что ультиматум он тебе поставил по той же причине, — покачал головой старейшина.

— Красивая история, — тихонько проговорил Арт. — Мне очень понравилась часть про путешествие по Авроре. Особенно ваши похождения на земли гномов, Фолл...

— Скорей грустная, — хмыкнула Лори, отпуская свои волосы. — Хотя я и слышу её не в первый раз, я до сих пор не могу понять одного — зачем Богу тебя прогонять? Всегда ведь можно договориться. А он, да простит меня церковь, поступил, как трус. Или диктатор, испугавшийся, что у него отнимут власть.

— Мне не очень интересны его мотивы, — улыбнулся Фолл. — Главное, что мы сумели договориться. Произойди это чуть позже, может, меня бы сейчас здесь не было. Через полгода после наложения чар я получил последний звоночек от него в виде записи в Летописи. Текст появился сам собой, а кому ещё, как не ему, писать туда...

— Так ты узнал о грядущей катастрофе, — кивнул старейшина, поправляя плащ. — И, как обычно бывает с откровениями, на детали наш Бог поскупился. Хотя я его и уважаю, почитать, после подобного, не хочется.

— Я предпочитаю думать, что у него есть свои причины, — пожал первый герой плечами. — Спасибо, что хоть предупредил. Да и не надо пока думать о конце света — нам бы сперва с Империей разобраться.

— Кстати, о ней, — встряла Лори. — Расскажи-ка...

— Нет.

Ирис удивилась, сколь быстро и сколь резко изменил Фолл свой тон. Она тоже так делала — например, в их первую встречу вдалеке от деревни. Когда что-то или кто-то трогает глубокую рану — вот тогда это происходит. Зная это, девушка, незаметно от остальных, показала Лори крест из двух пальцев. Мол, нет, туда лезть не стоит. Хотя Ирис не скрывала, что ей тоже было безумно интересно узнать, какие отношения связывали первого героя и нынешнего властителя Золотой Империи. Кроме того, что Фолл обучал императора когда-то, она так и не выпытала у него ничего. Как и Лори, решившая не обижаться на отказ своего товарища. Остальные никак не отреагировали — либо были слишком погружены в свои мысли, либо просто не придали значения одному простому слову.

— Я завёл свой рассказ не для разговора о делах, — дополнил Фолл, описывая круги в воздухе ладонью с оттопыренным указательным пальцем. Пламя костра дёрнулось и пошло против ветра, начав тянуться к подушечке. Из стороны в сторону, из стороны в сторону. — А потому что хочу, чтобы вы все знали, в чём причина моего бездействия. Прошли времена, когда Сад мог вступать в политику и ход истории. Вместе со мной ограничения наложились и на всех остальных...

Сад. Если быть честным, то полное название государства без земель, флага и гимна звучало несколько пафосно, вычурно и, в какой-то степени, по-детски смехотворно. Последняя обитель героев, первое пристанище ростков, что станут прекраснейшими из цветов, паучье логово с нитями, что тянутся на весь континент, единственная в своём роде страна, которой нет ни на одной карте, государство с неписанными, но абсолютными законами... А если коротко — то просто Сад. О нём полным-полно слухов, начиная с откровенно бредовых и заканчивая теми, что частично подтверждаются. Кто-то говорит, что Сад — клан убийц, изгнанных гномами с Железных Гор, другие передают из уст в уста повесть о том, что члены Сада — сплошные герои, призванные Богом и решившие объединиться, третьи полагают, будто Сад — несколько высокопрофессиональных личностей, тайно управляющих и манипулирующих что сварливыми гномами, что буйной и неустрашимой Золотой Империей. А правда... Она, как обычно, где-то между.

Сад был первой и единственной организацией, созданной лично Фоллом. В те времена, когда он остро нуждался в поддержке, в связях, которые физически не мог наладить. С одной стороны, он мог просто заплатить или втереться нужным товарищам в доверие, но это не гарантировало, что его не предадут. Тогда первый герой подошёл к делу с умом — и отправился в путешествие по всей Авроре в поисках отчаянных личностей, личностей, что будут разделять его принципы и будут верны до самого конца. Друзья, союзники, братья и сёстры — вот кем стали после более десятка лет члены Сада друг другу. Многим Фолл спас жизнь, другим — помог как-то иначе. Разумеется, герой не просил ничего взамен, лишь предлагал вместе пойти по его пути.

Те, кто согласился, и стали первыми членами организации с таким длинным названием.

С годами Сад сам стал набирать последователей, без участия Фолла. Понимая, сколь велик в таком случае риск, он решил объявить Сад полноценным государством с настоящими законами, выведенными им же. Государством без земель, без флага, гимна и армии, но государством, способным повернуть вспять даже самую страшную бурю.

Сад множество раз пресекал на корню мировые войны, останавливал гражданские и охлаждал уже полыхавшие. Как видно сейчас, без вмешательства Сада Крэйн мгновенно утонул в крови. Было ли это из-за того, что нынешний император знал, что Фолл и его союзники не могут действовать? Или из-за того, что такова оказалась человеческая натура? Никому, как обычно, неизвестно.

Сад обучил и взрастил целое поколение политиков, чиновников, убийц, солдат, искателей приключений, учёных, музыкантов, волшебников... Хоть они и не могли выполнить за первого героя всю работу, ибо оковы Бога пали и на них, но они были способны помочь ему как-то иначе. И об этом "как-то иначе" Фолл сейчас и думал. Он уже решил, что представит Арта Саду, однако, проблема имелась в том, как это сделать максимально эффективно. Учителей, вероятно, одних из лучших, и тех, кому Фолл всецело доверял, имелось довольно много. Что же нужно слабому, только-только окрепшему герою в первую очередь?

— Давайте не будем об этом, — нахмурился старейшина. — Даже у деревьев есть уши.

Ах да, само существование Сада держалось в строжайшей тайне. Впрочем, просочившиеся слухи, ходившие среди всех народов Крэйна, доказывали, что полной конспирации добиться не удалось.

— Тогда Лори, — кивнул старому эльфу Фолл. Белокурая волшебница повернулась к нему с немым вопросом на лице. — Расскажи-ка анекдот.

Арт посмотрел на женщину с удивлением. Почему-то её внешний вид говорил ему о том, что в анекдотах маг крови не разбирается. Из его маленького опыта, подобные ей обычно женаты на весьма обеспеченных мужчинах и не очень любят отпускать шутки, не говоря про анекдоты. Хотя, насмотревшись на то, как Лорелеи танцевала вместе с деревенскими, Арт, как и полагается умному парню, быстро понял, что книгу по обложке судить не стоит. Остальные тоже остановили свои взгляды на волшебнице. В ожидании.

— Акхм... — Лори покраснела, с колючей обидой глядя на первого героя. Факт того, сколь сильно женщина любила травить похабные анекдоты, должен был умереть вместе с ним, ею и её учителем. — Ладно. Тогда по очереди! Заходят как-то полугном, полуэльф и полуорк в полночь в трактир...

Вскоре воздух сотрясал громopodobный смех пяти личностей. Арт смеялся в кулак, Ирис и Фолл — во весь голос, старейшина — хрипло, стараясь сдерживаться, Лори же хохотала над собственной речью ещё громче остальных — так, что даже после финала анекдота все продолжали ржать, как кони. И лошади, конечно.

— Теперь я... — Ирис, почесав шрам на своей щеке, двинулась поближе к костру, усевшись возле него по турецки. — Пришли к жрецу, продавцу индульгенциями, разбойники...

Ход дальнейшей беседы возле потихоньку угасавшего пламени можно было легко предугадать. Кто-то рассказывал анекдот, кто-то смеялся, кто-то подливал, что называется, масла в огонь, продолжая ухахатываться. И воздух казался свежее, чем был, и земля — теплее, и небо — дружелюбней. Незаметно, казалось, для остальных и самого себя, задремал Арт. Фолл снял свой плащ, накинув его на сопевшего в сидячей позе героя. Следующей отправилась спать Лори, завалившись набок прямо там же, где сидела. Ирис взялась отнести её в деревню, а старейшина, растолкав Арта, присоединился к ней с ним. Вскоре оба вернулись, опустившись к костру, за время их отсутствия почему-то ставшему ярче. Фолл, тихонько посмеиваясь, продолжал рисовать в воздухе круги пальцем. Пламя крутилось вслед за его движениями, распаяясь всё сильнее. Наконец, оно стало освещать пару-тройку метров, в том числе уставшие лица одного старого эльфа и одной уставшей героини.

— Как жалко, что весь самогон выжрали... — вздохнул старейшина, массируя веки. — Свины! Такая вонь по деревне стоит, тьху...

— Да ладно вам, старейшина, — рассмеялась Ирис. — Ещё сделаем. Фолл, если заглянешь к нам через год, думаю, сможем угостить яблочным виски. Верну должок за сигарету!

— Замётано. Покурим, кстати? Я при Лори не стал, ей постоянно "воняет".

В воздухе быстро повис запах табака. От Ирис ещё несло пресловутым самогоном, поэтому старый эльф, в очередной раз удручённо вздохнув, отсел подальше, против подветренной стороны. На мгновение в голове Фолла промелькнула мысль изменить течение ветра, но он быстро отнёс её прочь, хоть и улыбнувшись в предвкушении. Всё-таки старейшина когда-то был для него наставником, таким же, каким Фолл собирался стать для Арта. А что может быть лучше, чем небольшая месть за всё, что пришлось однажды пережить Фоллу под руководством старого эльфа?

— Мне тут интересно стало... — обратился первый герой к девушке. — Насколько ты развила свою способность?

— Ну, насколько могу судить... — сбилась со своей мысли Ирис. Старейшина лишь хмыкнул — Фолл умел застать человека врасплох. — Относительно неплохо. Сейчас я могу

призвать то, что представлю в голове, но с сильными ограничениями. На какой-нибудь атомный реактор у меня не хватит ни сил, ни воображения.

— Атомный реактор? Это что? — с интересом спросил старый эльф. — Какой-то особый воин, как твои големы?

— Источник энергии, — объяснил ему Фолл, прекратив играть с огнём и положив руки обратно на колени. — Очень сильный. Не той энергии, что даёт эфир — это... Тяжеловато объяснить. Понятно, Ирис. А тот артиллерийский залп что сотворило?

— Семидесяти шести миллиметровая пушка, — с гордостью сказала Ирис. — Точнее, пять таких установок, которые перезаряжал мой призренный батальон. С пугающей скоростью, хочу сказать!

— Да, — кивнул Фолл. — Я сперва подумал, что там что-то современное.

— Современное? — опять не понял старейшина. — А-а, вы про ваш мир...

— Пять пушек и ещё где-то тридцать бойцов — мой предел, поддерживать что-то ещё попросту не сумею, — продолжила рассказывать девушка. — Этого более чем достаточно, чтобы противостоять любому зверью или бандитам.

— Соглашусь. Ирис у нас молодец, — улыбнулся в усы старейшина. — Как осела в деревне, ни одна тёмная душа нас не посетила. Что скажешь Фолл? Есть, над чем нашей Ирис поработать?

— Конечно. Пространство для развития есть всегда... — задумался первый герой, глядя вроде и на Ирис, а вроде и куда-то сквозь неё. — Позвольте, я поясню. Способность Ирис называется "Бог Войны", один из даров призывающего типа. Бог тщательно выбирает героя, которого хочет ею наградить. За всю историю, сколько себя помню, я встречал всего двух таких людей — и одна из них Ирис.

— Значит, это что-то редкое? — уловил общую мысль старый эльф. Ирис предпочла слушать молча, но не скрывала во взгляде зелёных глаз полыхавшего интереса к теме, поднятой Фоллом.

— Призывающий тип не очень редкий сам по себе, но Бог Войны — да. Герой, развивший такой дар хотя бы до уровня шести баллов, способен на равных тягаться с восьмёрками... — Фолл сделал паузу, думая, что сказать дальше. — Это очень сильная способность. Ты ведь, по сути, человек-армия, Ирис.

— Шестёрка... На равных с восьмёрками... — у девушки перехватило дыхание. Лорелеи, с которой она успела вдоволь поговорить на празднике, прожужжала ей все уши оценочной системой первого героя.

Лори и сама не знала много, но с удовольствием поделилась с новоявленной младшей подругой теориями, в меру подкреплёнными фактами и словами Фолла во время их совместного путешествия. Сама Ирис, будучи прагматичным человеком, записала их себе в голове в виде небольшого списка.

С каждым баллом растёт перечень качеств и сил, необходимых для достижения следующего. Если от нуля до единицы можно пройти, в худшем случае, за полгода или год, то для прыжка с семи на восемь нужно серьёзно поработать над собой. Во всех смыслах.

Разница между баллами также становится всё больше и больше с каждым отрывом. Отличия нуля от единицы — минимальны и заметны, наверно, только самому Фоллу, а различить девять и десять сумеет кто угодно. Таким образом, ноль способен одолеть единицу, так как разница между ними совсем небольшая. А вот девятке никогда не одолеть

десятку — потому что с ростом баллов разница между ними стала чересчур огромной.

Силы личности и качества её души — две составляющие оценки. Человек с добрым сердцем, работающий до кровавых мозолей ради своей семьи где-нибудь в имперской глуши, будет оценен Фоллом в разы выше, чем великий, но творящий бесчинства воин. Конечно, так как оценка складывается из двух пунктов в не совсем равной степени, использовать её исключительно как показатель силы — глупо. Конечно, первый герой отдаёт должное тому, сколь силен человек перед ним. Но важнее для него другое — сколь сильны и чисты его идеалы, сколь структурированы они и сколь индивидуальны. Это, как могло показаться, не оценка добро — зло. Собственно, поэтому текущий властитель Золотой Империи имел девять баллов из десяти, несмотря на зверства, что творили люди под его руководством. Лори сказала, что Фолл не вдавался в подробности по этому поводу, открестившись простым объединением, которая волшебница и поведала Ирис.

И, наконец, когда Фолл оценивает силу, он оценивает, в том числе, и потенциал. Поэтому шестёрка с даром Бога Войны может потягаться с восьмёрками Крэйна. Проще говоря, то, что является шестью баллами для Ирис — это уровень восьми для народов этого мира. Вот такое странное отличие героев от остальных.

— Фолл... Расскажи, чего я могу достичь. И как мне это сделать... — снизив голос до почти шёпота, попросила Ирис. — Я хочу защитить эти земли и деревню.

— Ирис... — старейшина смотрел на девушку со странным беспокойством. Должно быть, он боялся за неё. Ведь старый эльф лучше других понимал, что большая сила означает большую ответственность. С другой стороны — куда уж ответственность больше, чем та, что несла на своих плечах Ирис?

— Второй герой, что владел этой способностью, — начал Фолл, погружаясь в воспоминания. Затем вынул из плаща, оставшегося лежать на земле, где сидел Арт, Летопись Бога. Принялся листать страницы с самого начала книги, остановившись ближе к её середине. — В этом мире его звали Ди, в нашем с тобой — Дима. На пике своих навыков он достиг семёрки... Он был изобретателем, хорошо ладил с гномами — те называли его Железный Ди.

— В честь Железных Гор... — обомлел старейшина. — Это же величайшая честь для героя! Да что там — гномы даже правителей ни разу ей не удостаивали!

— Охренеть... — удивилась вслед за старым эльфом Ирис. О землях гномов она только слышала — но то, как редко они хорошо относятся к кому-то, кроме самих себя, знала.

— Мы с ним часто советовались, что стоит показывать в Крэйне, а что лучше оставить, — улыбнулся Фолл, вспоминая светлые моменты своих походов. — Ладно, что я вокруг всё да около. Ди был способен вызывать полноценную армию: десять тысяч солдат с разными специализациями. Инженеры, сапёры, снайперы, разведчики и так далее. Более того, они имели собственную иерархию — и могли выполнять сложные приказы без прямого контроля владельца способности. Кроме солдат, сил Ди хватало на несколько бронетанковых батальонов, простую авиацию, маленький флот и даже на фортификации оставалось.

— Добрую часть не понимаю, но слышу, что это очень и очень серьёзно, — передёрнул плечами старейшина, двигаясь поближе к огню — становилось всё холоднее.

— И это — семь из десяти? — уточнила, сдерживая дрожь в коленях, Ирис.

Фолл кивнул.

— Не знаю, какова будет сила Бога Войны, если развить эту способность до её предела.

Но предположу, что с ней можно захватить весь мир, пожелай того владелец.

— Ты сказал "фортификации"... — протянула Ирис. — Как это? Разве Бог Войны может призывать что-то не боевого назначения?

— Если призвать бункер с пулемётом — то можно, — хмыкнул первый герой. — Обходить ограничения даров Бога — умение, которое зарабатывается с опытом. Вот его тебе и нужно получить... Не переставай стараться и работать над собой. Это всё, что могу пока сказать. Ладно... — он вынул очередную сигарету, задымив. — Уже поздно. У тебя есть, над чем поразмышлять перед сном, Ирис.

— Это ты так аккуратно просишь оставить вас со старейшиной наедине? — быстро поняла, что к чему, девушка. А потом поднялась, от души зевнув. — И-а-а... Хрен с вами. Один старпёр по натуре, второй старпёр по-настоящему.

— Доброй ночи, Ирис, — попрощался с ней Фолл.

— Доброй, Ирис, — пробормотал старейшина, кажется, сейчас погружённый в свои мысли.

— Доброй, — кивнула она. — Спасибо, Фолл. Я обязательно... — она сжала кулак, что было незаметно для остальных в сгустившихся тенях. — Обязательно защищу тех, кто мне дорог.

— Уж оправдай девятку, — рассмеялся первый герой, затягиваясь.

Ирис, повернувшись, скрылась во тьме. Её силуэт, едва различимый, бодрой походкой двигался к деревне.

— Как-нибудь назови её Ириской, — хихикнул Фолл. — Не обидно, зато в тему.

Старейшина в недоумении посмотрел на первого героя, но заметку в памяти сделал.

Потрескивали ветки, которые пожирало пламя. Оно больше не гнулось под ветром — тот стих, что было обычным явлением для глубокой ночи. Крэйн был странным миром — но в нём многое зависело от эфира и его течения. Сейчас, далеко за полночь, природный эфир переставал двигаться, застывая в пространстве. Магические чудовища становились слабее, их нюх — притуплялся, их чувства — отнимались, а тело сковывал сон. Ветер стихал, любой дождь — ослабевал, а бурю уходила прочь, туда, где эфира было поменьше. Природа, как любят говорить люди, засыпала. Замирала, чтобы с первым лучом солнца проснуться вновь.

— Ты ведь не сказал ей главного, — вышел наконец из размышлений старейшина, посмотрев Фоллу в глаза. — О том, как Ди умер.

— Потому что смысл рассказа о герое — не его смерть, а его жизнь, — протянул тот, подбросив ещё веток в костёр. — Если для мотивации одной героини из другого мира, которая выросла в Крэйне, нужна лишь небольшая искорка чьего-то бывшего величия — то я с удовольствием ей эту искру дам. Эх... — он вынул сигарету из рта, посмотрев на тлевший уголёк на её конце. Скрипнул зубами, щелчком отправив ту в пламя, на секунду превратившееся в небольшую ладонь, поймавшую кусок табака у бумаги. И мгновенно — поглотившую. — Паршивая смерть... Очень паршивая, старейшина. Впрочем, так обычно и бывает в Крэйне...

— Кажется, он был твоим другом. Сожалею.

— Его убили гномы Железных Гор. Из зависти, одного из пороков, которые движут горным народцем, — Фолл недобро усмехнулся, затем выдохнул, покачав головой. — Им, как властелинам всего, что воюет, не слишком нравилось, сколь хорош был Ди. Да, многие главы кланов уважали его и даже готовы были рисковать жизнями, чтобы защитить, но те, кто решил снести Железному Ди голову, оказались проворней. Подмешали ему яд

нам'яррского ленточного василиска.

— Гореть мне в аду Крэйна... — старый эльф едва сдержался, чтобы не вздрогнуть.

Ленточный василиск. Магическое чудовище, обитающее в субтропиках на юге, но сумевшее адаптироваться и выжить даже в пустыне государства Нам'ярр, что ещё южнее Железных Гор. Эту его вариацию называли нам'яррским ленточным василиском — чтобы было проще отличать и изучать.

Обычная "версия" этой хитрой и подлой твари в свёрнутом состоянии выглядит как каменное нагромождение, покрытое травой или ещё чем-то, что налипло на шкуру василиска за время его бурной деятельности. В длину василиск может достигать тридцати метров, а вот с шириной его природа обидела — всего каких-то сорок-пятьдесят сантиметров. И, конечно, его "толщина" — причина, по которой он называется ленточным. Сантиметра полтора-два, не больше. Мозг чудовища в виде тёмно-серых извилин расположен на протяжении всего тела, с единственным уплотнением в месте головы, которая чуть толще и чуть шире остального тела. Помимо идеальной маскировки, ленточный василиск обладает уникальным по своей природе ядом, вырабатываемым благодаря железам и сродству с тёмным эфиром, эфиром тьмы.

При попадании внутрь или на кожу яд чудовища вызывает необратимую мутацию жертвы — органы и сосуды раздуваются, а затем лопаются, выламывая кости, кожу и плоть — его или её буквально выворачивает наружу. Затем василиск обвивает жертву и принимается есть, впитывая кожей телесные жидкости, покинувшее тело и вытекающие из него. Поэтому те каменные нагромождения, на которые иногда можно случайно наткнуться в тёплом южном лесу — это ленточные василиски в процессе кормёжки.

У кожи чудовища две стороны — жёсткая, серая, и нежная чёрная, и предназначенная для поглощения пищи. Первая очень липкая и прочная — она выступает в роли брони и в роли маскировки. Вторая напрямую связана с мозгом и пищеварительным отделом, а ещё разбрызгивает яд, когда змея охотится.

Но главная особенность ленточного василиска — его мозг. Потому что этот орган чудовища способен к развитию. Впитывая вместе с пропитавшим всё тело жертвы эфиром его мозговые ткани, змея получает все воспоминания несчастного, а в редких случаях — его умения, связанные также с эфиром. Известны случаи, когда василиски атаковали города, используя молнии, магию света, огня и даже природное волшебство эльфов. С возрастом эти чудовища становятся куда агрессивней, ведь вместе с ними растёт и мозг, хранящий в себе огромные объёмы информации, паттернов и реакций как людей, так и орков с гномами и эльфами.

Впрочем, без поглощения разумных рас Крэйна ленточные василиски довольно предсказуемы, как обычные ядовитые змеи.

А вот их разновидность из пустыни Нам'ярра — куда опаснее. Так как пропитание в пустыне надо ещё найти, эти твари научились использовать эфир, чтобы подманывать жертв к себе, вызывая галлюцинации. И, кроме подхода к охоте, нам'яррские ленточные василиски выработали ещё одну версию печально известного яда.

Перед уже упомянутым действием он заставлял своих жертв впадать в состояние вечного голода и жажды. Караванщики, на кожу которых он попал, через пару часов бросались друг на друга, пытаясь, буквально, съесть другого. Чем больше жертва ела, тем сильнее становилось действие яда и ему уже невозможно было сопротивляться. Вскоре одного или двух обессиленных выживших настигал длинный и тонкий поток песка, на самом

деле являвшийся ленточным василиском. Вместе с нормальным песком змея зарывала потерявших сознание жертв поглубже, а затем дожидалась, когда яд закончит своё дело. Так чудовище могло питаться эффективнее. В разы.

Не всегда всё доходило до каннибализма — одинокий путник мог просто съесть и выпить всё, что у него было при себе, а затем бросаться бежать, чтобы добыть ещё.

— К его чести, Ди быстро понял, что к чему, — произнёс Фолл, закрыв глаза. — Наглотался чистого эфира, чтобы на время перестать управлять Богом Войны. Успел спрятать шестилетнюю дочь в комнате, а ключ выбросить. Жена только вернулась какого-то банкета... Её он спасти не успел.

— Вот уроды... — со злобой бросил старый эльф. — Который век живу — а гномы всё не меняются. Даже люди так не предают — кинжал промеж лопаток и прости, прощай.

— Мне сообщили уже постфактум, — добавил Фолл, и взгляд его помрачнел. — Если бы не Мира, остановившая меня тогда, сейчас в титуле Сангвина Четвёртого не имелось бы пункта про сюзерена.

— Мира? — старейшина запнулся на этом слове, надеясь, что правильно услышал. — Это не та ли особа, которую твоя спутница называет мастером?

— Даже вы слышали! Да, Мира — её учитель и наставник, — кивнул первый герой. — И мой хороший друг.

Они ещё немного помолчали, размышляя о прошлом.

— Пожалуй, знаете, хватит о грустном. Какие у вас планы на будущее?

— Что ж, — старый эльф почесал затылок. — Думаю, будем расширяться. Где-то к востоку было озерцо, помнишь? Можно там рыбацкую хибару поставить. Есть у нас мужик один, Раваданом звать. Каждую весну, как снег чуть сходит да подтаивает, приходит ко мне да говорит, как было бы хорошо, если б озерцо то не промёрзло до дна. Хвастается, что снасти у него от отца остались, а применить их он всё никак не может. Вот, дадим выход доброй воле. Деревеньку частоколом обнесём, ворота поставим, дубовые — сам стругать буду...

— Нет желания вернуться в Пангонию? — осторожно спросил Фолл.

— Куда мне, — махнул рукой старик. — Старые друзья уже к Иггдрасиллю вернулись, а новых мне на старости лет заводить не хочется. Главное, что пожар Империи стих. Может, такой мир приведёт мой народ к спокойствию и процветанию. Что-то сомневаюсь, что император вдруг передумает и решит устроить геноцид...

— Для его предшественника подобная идея обернулась фатальным исходом, — вяло рассмеялся первый герой. — Правда, в такие времена королевству эльфов нужен сильный лидер.

— Я уже давно не старейшина друидов, мой дорогой Фолл, — улыбнулся старый эльф, и в голосе его впервые отразился настоящий возраст. Да и тон стал иным — тем самым, что помнил Фолл, когда старик с лёгкой надменностью, присущей остроухим, поучал его жизни и бою. — Теперь я просто старейшина одной деревни в одном очень красивом зелёном крае. За что тебе выражаю свою благодарность.

— Всегда пожалуйста, — протянул первый герой, не зная, как реагировать на резкую перемену в голосе своего бывшего учителя.

Старик посмотрел на Фолла, что-то тщательно взвешивая в своей голове. Фолл посмотрел в ответ, не зная, что ещё сказать, и не зная, надо ли. Они успели наговориться, пока в деревне шёл праздник. Говорил в основном Фолл, повествуя о своих похождениях по

Авроре. И рассказ тот был куда детальней, чем тот, что он поведал здесь, у костра. За исключением той части, про Бога, которую старейшина услышал впервые. Даже так Фолл не поведал старику всего — боялся за его сердце. Конечно, оно работает куда лучше, чем сердце самого здорового из людей, но его бывшему наставнику было далеко за девятьсот, что всё-таки приличный срок.

Поэтому первым наступившее молчание нарушил именно старейшина.

— Как ты себя чувствуешь, Фолл? После стольких лет в этом мире...

— Я подозревал, что вы спросите, — хмыкнул первый герой. — Да нормально, в принципе. Пойдёт.

— Ты многих потерял, — не спросил, но утвердил старый эльф. — Многих близких тебе. Очень близких. Я понимаю это, наблюдая, сколь сильно ты оберегаешь Лорелеи. Раньше ведь... Ты относился к жизни проще. Теперь — печёшься о других, как о себе любимом. Нет, даже больше.

— Шрамы остаются с нами навсегда, — произнёс Фолл. — Я потерял слишком многих, старейшина. Даже для меня это слишком... Да для кого угодно это слишком. Конечно, я привык к смерти в этом мире — она тут на каждом шагу, и чем дальше — тем ужасней, извращённой и просто трагичней. Но терять товарищей — нет, к такому нельзя привыкать. Привыкнешь — и перестанешь беспокоиться. А потом очередная смерть принесёт только одну мысль... Что-то вроде "Ну и пусть".

— Говори смелей, Фолл. Я всегда готов тебя выслушать.

— Спасибо, старейшина, — кивнул первый герой. — Мне... Правда, мне очень больно, — его тело напряглось, сдерживая слёзы. Сейчас, в этот момент, в эту минуту, в этом месте, Фолл позволил себе поддаться чувствам. — Чем дольше живу, чем больше теряю, тем больше понимаю, что постепенно остаюсь в одиночестве. Не в прямом... Ух, собака ссутулая, что ж так...

— Фолл, Фолл... — старейшина осторожно положил руку мужчине на плечо. — Ты не одинок. С самого начала, когда ты только попал в этот мир, ты встретил меня. Потом, в своих похождениях — верных друзей и союзников. Пусть не все из них дожили до наших дней... Они всё ещё есть. И они всё ещё будут рядом с тобой до конца.

— Да, — вновь кивнул Фолл, вытирая слёзы. — Они — да. Проблема в том, что я не могу быть рядом с ними. Не могу присматривать, не могу сторожить их сон.

— Они должны сами уметь о себе позаботиться, — вздохнул старый эльф. — Такой уж у нас мир. Защитить всех в одиночку невозможно. Утопия.

— Да... Да...

Воздух стал жгучим и болючим. Дышать им Фоллу стало невыносимо — и он заплакал, поддерживаемый похлопываниями по плечу от старика. Тот понимал, через что пришлось пройти первому герою — понимал, поскольку и сам когда-то прошёл через это. Эльфы живут куда больше людей — и шрамов у них зачастую гораздо больше. Вот они — да, привыкают. Поэтому кажутся такими холодными и бесчувственными постороннему наблюдателю. Но это, разумеется, не так. Люди просто более честны сами с собой — эльфы же загоняют чувства так глубоко, насколько могут. Чтобы не показывать слабость, что им больно, что они, чёрт подери, страдают.

Старый эльф, преподавший Фоллу одни из самых важных уроков в жизни, теперь получил один и от него.

Ему вспомнились те, кого он оставил в Пангонии. Лица близких друзей, с улыбками

отпустивших его восвояси. Они знали, что Пангония останется без защиты в случае нападения. Но они не хотели, чтобы вместе с ней, в случае чего, погиб и он — старейший среди них. Эльфы редко дружат, даже сами с собой. А друиды — эти ребята были лучшими друзьями, эдаким аналогом компашки мальчишек, что вместе со школьной скамьи. Каждый со своими мечтами, целями и мыслями. Они все решили, что лучше их близкому — жить. И быть счастливым там, где он хочет, с теми, с кем хочет. А они — они справятся. Они же сильные и могучие друиды Пангонии! Вот такие чистые намерения — ведь эльфы не умеют завидовать.

И что теперь? Все отправились к Иггдрасиллю, в землю, к матери-природе. Ни с кем он не попрощался, никого не защитил. Хотя должен был, по идее. Но он предпочёл остаться, полагая, что мир наступит сам собой. Эгоистично? Глупо? Неизвестно.

Известно лишь, что старик, сам того не заметив, и сам пустил скупую мужскую слезу.

Успокоившись через несколько минут, они вновь сели в молчании перед костром. Что-то заставляло их оставаться здесь, а не идти спать, как все нормальные жители. Старейшина вдруг вспомнил об одном незаконченном деле, за помощью в котором был вынужден обратиться к Фоллу.

— Ты как-то его спрятал, я уже и подзабыл, как... — виновато протянул старик. — Прости старика.

— Под деревней пространственный карман, — понимая, что старейшина просто шутит, улыбнулся Фолл. — Незапертый — в округе нет никого, кроме вас, кто мог бы манипулировать эфиром, чтобы заглянуть в него.

— Вот спасибо, удружил, — хмыкнул тот, закрывая глаза и подняв ладони на уровень плеч, держа их ровно над землёй. Та едва заметно содрогнулась, а по земле кругом побежали белые молнии. Через несколько мгновений они погасли, а перед старейшиной, прямо возле костра, находился...

Кусок серебристой руды с голубыми и жёлтыми вкраплениями размером с хороший пень, по форме напоминавший неправильный овал. С виду — обычный камень, ну, может, слегка грязный. Хотя серебристых камней не так и много... В общем — было очевидно, что руда эта особая. Старейшина откашлялся, приходя в себя после использования огромного количества эфира. Всё-таки пространственный карман, как бы близко он не находился, требовал безумной концентрации и не менее безумного количества энергии волшебника. Поэтому и был не особо распространён — с собой не взять, а даже если исхитриться и взять, то сил на него не напасёшься. А вот использовать как хранилище для чего-то важного — да, вполне.

— Яйцо дракона в полном порядке, — с прищуром осмотрев руду, произнёс старый эльф, огладив порванное ухо. — Дитя парящих возле Бога защищало эту деревню вместе со мной и Ирис с честью и достоинством. Даже спустя столько лет его сила не угасла, а наоборот, увеличилась.

— За него можно целую страну купить, — с гордостью, схожей с той, с коей говорила о своей способности Ирис, протянул Фолл. — Я его уменьшу, если вы не против...

— Давай.

Фолл поднялся, наклонившись над яйцом. Провёл по его основанию рукой, бережно, но с усилием. А затем подхватил, удерживая в ладонях, пока "камень" не стал стремительно терять свой размер, в считанные секунды став размером с обычный булыжник. Или самое обычное куриное яйцо. Цвет его остался прежним. Фолл передал артефакт старейшине, а тот

аккуратно опустил его в карман своего плаща.

— Хочешь, чтобы Арт поступил с ним так же, как и ты? — поинтересовался старый эльф.

— Нет, — помотал Фолл головой, опускаясь вслед за бывшим наставником обратно перед костром. — Пора яйцу дракона обрести своё предназначение. Мы выкуем из него оружие — то, что лучше всего подойдёт Арту. Просто выкачивать драконий эфир — глупо и не очень эффективно. А так... Если у него получится подружиться с духом парящего возле Бога, то для Арта откроется путь на самую вершину. Если нет или что-то пойдёт не так — у меня есть другие варианты.

— Даже так... — покрутил усы старейшина. — Понятно. Не стану спрашивать, где ты отыскал гномьего кузнеца, способного на такое, и место, подходящее для такого рода работы. Даже горнила Железных Гор не способны поддерживать жар, нужный для выплавки из скорлупы, не говоря уже о рисках, на которые вы все идёте, пытаясь сделать это без эфирного стабилизатора. Хотя с тобой в этой роли, может, что и получится.

— Я очень на это надеюсь, — со всей серьёзностью сказал Фолл. — Эх... Пора бы на боковую.

— И то верно, — кивнул старик, поднимаясь. — Ты идёшь?

— Покурю ещё, — бросил в ответ первый герой. — Лягу здесь же. Утром ещё Лори поднимать...

— Тогда доброй ночи, — кхэкнул старый эльф, поворачиваясь, чтобы вернуться в деревню.

И вспыхнуло пламя.

Ярко, ослепляющее, до рези в глазах. Чёрное и рыжее смешалось воедино, озаряя небеса и... Деревню, на которую обрушился огонь. Грохот пришёл позже. Земля тряслась от ужаса под гнётом невероятной силы, бившей по ней сжатым оранжевым эфиром, воплощавшемся в огромных огненных шарах, утюживших холм, траву, цветы: весь лес кругом. Всё вспыхнуло в одно мгновение. Без предупреждения. Без милосердия. Без жалости. С предельной жестокостью. Сантиметр за сантиметром, дерево за деревом — всё кругом утопало в громе, взрывах и треске древесины. Старейшина застыл там же, где стоял, у подножия холма, наблюдая, как его деревня, только что получившая шанс на новую жизнь, утопает в мрачном, всеобъемлющем огне.

После грохота пришли крики. Там, в деревне, проснулись люди. Часть домов оказалась снесена, в них теперь бушевал огонь: в воздухе мгновенно поднялся запах горелой плоти. Крики ужаса сменялись предсмертными воплями, а те — хрипами. Кто-то звал на помощь, кто-то рыдал и звал маму с отцом, кто-то просто кричал от страха и боли. Фолл, как и старейшина, оказался парализован — не от шока, а от картины перед глазами. Первому герою казалось, что он видел в Крэйне всё — но то, что произошло за несколько мгновений, переубедило его.

Над полыхавшим лесом поднялся дым. Такой густой, что сами небеса стали ещё чернее. Звёзды погасли, теперь только пламя, пожиравшее природу, лес и людей, жило здесь своей недолгой жизнью.

А перед холмом, на единственный нетронутый участок, где были старейшина с Фоллом, из прорезавшейся в пространстве золотой рамки портала на пожухлую траву ступили бронированными сапогами воины Империи. Десять, двадцать, тридцать... Полсотни. Их чёрная броня блестела в жутком пламени, бушевавшем вокруг, а алый символ на груди

наливался кровью. На время тихий и спокойный уголок, похожий на рай, превратился во мрачный аналог ада.

Пламя обжигало даже с такого расстояния, а дым уже резал нос и глаза. Первый герой поднялся, медленно, словно в непонимании. Он смотрел, как догорают последние жители, как прекращаются их крики, как прекращается плач последнего ребёнка где-то в глубине деревни, как падают их тела, распадающиеся на обломки костей — пламя было столь горячим, что заставило их треснуть. Мужчины, женщины, дети, старики. Никого не обошло пламя, будто и впрямь живое. Нет, не показалось — оно двигалось, заглядывая в обрушившиеся дома, прыгало с дерева на дерево, поджигая те, что сопротивлялись благодаря зелёному эфиру. Он практически полностью исчез — природа не способна сопротивляться разрушительному воздействию оранжевого эфира.

Старейшина рухнул на колени, обняв голову руками.

— А-А-А!!!

Крик ужаса. Нет, крик отчаяния. Пронимающий до глубины души. Так кричит человек, потерявший всё. Не постепенно, а разом. Настолько жуткое и отвратительное ощущение, что оно может, при слабой воле, и вовсе заставить человека сойти с ума. Но старейшина был эльфом, и эльфом старым. Поэтому он просто кричал, не в силах поверить, что то, что случилось — случилось. После всех мыслей, промелькнувших в его голове за несколько секунд, эльф остановился на одной.

— За что... ЗА ЧТО-О-О?!

Фолл шагнул, останавливаясь наравне со своим бывшим наставником.

— Они могут быть ещё живы, — произнёс он тихо и спокойно, но так, чтобы старик услышал.

— ФОЛЛ! СПАСИ ИХ! — вскочил старейшина, обретя наконец сознание. — Умоляю Пожалуйста! Если Арт и Ирис ещё живы... Пожалуйста! Я не могу погасить это пламя!

За их спинам раздался новый голос. Чем-то похожий на голос Фолла, только куда моложе и ниже.

— Конечно, не можешь, старый пень.

Спокойный голос. Да, похожий на Фолла. Хоть слова его несли в себе издёвку, тон же, которым они были сказаны, не выражал и грамма сарказма. Он не был властным, не был надменным, не был хоть сколько бы то ни было негативным или эмоциональным. И в то же время он не был холодным — если бы чистая речь, содержащая только информацию, могла быть озвучена, это была бы речь, принадлежавшая ему.

Сангвин Четвёртый стоял перед пятьюдесятью лучшими рыцарями Золотой Империи в чёрной мантии до пола с жёлтым обрамлением, просторных чёрных штанах и такими же сапогами с железной пятой — удобно, если собираешься идти по выжженной земле. Его лицо, принадлежавшее явно мужчине в пределах двадцати пяти, не выражало ничего. Если бы существовало абсолютно нейтральное выражение, оно бы принадлежало сейчас именно ему.

В серых глазах отражалось пламя, бушевавшее кругом. Вокруг ладоней в чёрных перчатках кружили рыжие искры — знак того, что этим пламенем управлял именно он. Единоличный властитель Золотой Империи, её император. Фолл и старейшина, повернувшись, уставились на ублюдка, превратившего спокойную ночь в феерию смерти, боли и огня. На лице императора был всего один шрам — он пересекал лицо по диагонали, с нижней левой части до края верхней правой, проходя через нос и останавливаясь где-то за

бровью. Чёрные волосы, прилизанные с помощью лосьона из синего эфира, поблёскивали от света вокруг.

— Привет, Фолл, — вежливо поздоровался император. — Мы давно не виделись.

— Старейшина, — проигнорировал приветствие первый герой, впрочем, продолжая смотреть Сангвину в глаза. — Идите в деревню и найдите Лорелеи. Она не могла погибнуть — на ней артефакт от Миры. Если отыщите Арта и Ирис — соберите их всех вместе. Передайте Лори, чтобы активировала маяк реверс-телепорта.

— Довольно грубо, — тихонько вздохнул император. Старый эльф, наградив его взглядом, полным ненависти, начал подъём на холм. Быстро, словно ему и не нужна была трость — его будто подхватывал ветер, ускорявший каждое движение. Верно, вокруг синего плаща старейшины закружил зелёный эфир — он использовал магию. Наконец, Сангвин и Фолл остались наедине.

Не считая пятидесяти рыцарей, стоявших за спиной императора.

— Не ожидал, что ты решишь навестить это захолустье, — признался Сангвин, запустив руки в карманы мантии. — И уж тем более не ожидал, что ты решишь тут всё восстановить, как в твоём прошлом. Что это было-то хоть? Серый эфир?

— Думаю, ты обойдёшься и без личной гвардии, — прорычал Фолл, не сдерживая свои эмоции. Затем поднял руку перед собой под равнодушный взгляд императора. Сжал кулак, наклонив его, не двигая руку. Звук пятидесяти одновременно хрустнувших шейных позвонков и последовавший за ним звук пятидесяти рухнувших тел в полных латных доспехах на несколько мгновений заглушил бушевавший кругом ужас. — Набери новых. Эти даже на пятёрку не тянули.

— К сожалению, я знаю тебя слишком хорошо, — пожал плечами Сангвин. — Это так, массовка. Свою личную гвардию я использую только в крайних случаях, — его взгляд сменился, стал холоднее, всего на градус, уже это заставило Фолла разозлиться ещё больше. — Этот к ним не относится.

— Ты..! — Фолл дёрнулся, подшагивая к императору. От его ладоней к Сангвину потянулись тонкие нити из чёрного эфира, облепившие того, словно щупальца. — Сукин сын!

— Давай, Фолл, — вместо страха или удивления император сам шагнул вперёд. — Только я знаю, что ты не можешь. Желаешь, изо всех сил, но не можешь. А может, желаешь недостаточно? Не уверен. Всё-таки нюансы оков Бога доступны только тебе и ему.

— Тварь... — первый герой опустил руки, продолжая сверлить героя напротив взглядом. — Что тебе здесь нужно? Поиздеваться решил?

— Нет, — теперь серьёзные нотки проскользнули и в голосе Сангвина. — Как бы я... — пауза, неловкая, но достаточная, чтобы император успел собраться с мыслями. — Как бы я не ненавидел тебя, я всё ещё безмерно тебя уважаю. И не стал бы издеваться, даже если б захотел. Можешь считать это исправлением твоих ошибок.

— В каком смысле?! — Фолл дёрнулся, схватив мужчину за отворот мантии и без каких-либо усилий поднимая его над землёй.

— Ты и правда думал, что эти земли оставят нетронутыми? — задал вопрос в лоб повелитель Золотой Империи. — Нет. Нет, ни за что. Рано или поздно мне бы об этом доложили. И тогда... Всё, что ты здесь восстановил, пошло бы прахом. Здесь лилась бы кровь, творились бы бесчинства и начинались войны. У меня и так хватает проблем, Фолл. Извини уж, что эту пресекаю на корню.

— Ну ты и тварь, — выругался первый герой, ставя императора обратно.

— Встречный вопрос: а что здесь делал ты? — будто между делом поинтересовался Сангвин.

— То, что тебе, Саша, никогда не понять, — успокоившись, протянул Фолл. — Отдавал дань уважения месту и людям, которые помогли мне выжить и стать тем, кто я есть.

Он должен был соврать. Нельзя, чтобы император заподозрил хоть что-то. Нужно что-то, что может отвлечь внимание...

— Умри!

Вопль, полный эмоций. В треске полыхавшего леса, в грохоте бушевавшего где-то возле Титановых Гор пламени, раздалась длинная автоматная очередь. Почти вся улетевшая, надо сказать, в цель. Множество пуль замерло перед лицом императора, пытаюсь преодолеть невидимый барьер. Фолл ушёл в сторону, уступая место Ирис, не остановившейся на одном только автомате, который выронила, поняв его неэффективность. Она сложила ладони в замок, а затем выставила два указательных пальца, указав на Сангвина.

— Призрачный батальон — Т-34! Это тебе за деревню, сука!

А вот танковый фугасный снаряд заставил Сангвина сдвинуться на несколько сантиметров назад. Грохот взрыва потонул в общем шуме, а взрывная волна разбросала тела рыцарей, лежавших ближе всех. Зелёная краска блестела в рыжем пламени, одна-единственная красная звезда на башне сияла, наполненная эфиром Ирис, а дуло мощного семидесяти шести миллиметрового орудия Ф-34 тарахтевшей мощным мотором стальной машины войны далёких времён далёкого мира смотрело на императора с одним конкретным желанием — желанием убить. Девушка вновь закричала, и танк выплюнул очередной снаряд. Тогда император, кинув один разочарованный взгляд на Фолла, замахнулся рукой, подаваясь вперёд и разрубая воздух перед собой ребром ладони.

На мгновение исчезли вообще все звуки.

Следом же Т-34 разорвало на раскрасневшиеся металлические куски, быстро превратившиеся в белые искры, что испарились в воздухе. Ирис вырвало, а из глаз, рта и ушей девушки потекла кровь. Она схватилась за горло, пытаюсь справиться с тошнотой, а Сангвин, выпрямившись, стряхнул пыль с мантии, без каких-либо эмоций глядя на девушку, лишившуюся всех жизненных сил. Затем император замахнулся вновь. Ирис увидела это, зарычала, пытаюсь встать, но было, очевидно, слишком поздно — Сангвин ударил снова, и снова все звуки на мгновение умолкли.

Только в этот раз разрушительный поток сжатого воздуха не разрезал ничего. Только со множеством странных лопающихся звуков разбился о щит Фолла, в одно мгновение вставшего перед Ирис.

Император вопросительно выгнул бровь.

— Это не твой бой, Ирис, — спокойно протянул Фолл. — Вы нашли остальных?

— Да, но я решила... Кх-кха... Остаться...

— Глупое решение, — произнёс император, подступая ближе. — Чем ты его так зацепила, девушка? А... — на его лице вновь появились такие редкие эмоции. В этот раз — понимание и лёгкое презрение. — Так ты герой. Как я сразу не догадался, это же Бог Войны. Поразительно!

— Я не могу убить тебя, — процедил Фолл. — Но я не дам тебе убить тех, кто мне дорог, — его лицо исказилось, как у человека, загнанного в угол. Он был сильным, но обессиленным. Вот такой печальный парадокс. — Ты сделал, что хотел. Убирайся.

— Теперь мне интересно, — Сангвин чуть прищурил свои глаза, глядя в первого героя. — Только ли дань уважения и памяти интересовала тебя в этих бесплодных землях. Ты, конечно, до ужаса любишь ностальгию, но чтобы настолько...

Поздно. Теперь император понял, что здесь что-то не так. Плохо, что вышла Ирис. Удар по императору Лори — тот бы, скорей всего, сейчас уже ушёл. Но он уже увидел одного героя, по очевидным причинам, способного однажды стать равным ему. Что мешает ему предположить, что девушка — не единственная такая? У власть имущих весьма развито чувство самосохранения. Особенно когда это касается прямой, а не косвенной угрозы. В идеале нужно бежать, используя реверс-телепорт в убежище Миры, активированный при помощи эфирного маяка. Но Фолл понимал, что при Сангвине в двух шагах уйти вот так просто не получится. Нужно либо заставить его уйти, либо задержать, пока портал открывается.

Беседа уже исчерпала себя, а других вариантов для отвлечения внимания его величества не наблюдалось.

...По крайней мере, пока не погасло пламя.

Глубокой ночью, когда вспыхивает огонь, у людей поднимается паника. Но когда огонь, пожравший уже всю деревню и весь лес вплоть до Титановых Гор, мгновенно исчезает, можно придти в ужас, пробирающий до костей. Даже император, чуть нахмурившись, оглядел почерневшие остатки лесного массива и обломки домов, где недавно пировало его пламя. Затем поднял свой взгляд выше, там, где уже начал свой спуск старый эльф в тёмно-зелёной рубашке с закатанными рукавами и такими же штанами. Он шёл, а под его ногами выныривали из пепла и сажии цветы, тянули свои стебли к нему, будто к солнцу. Трава снова оживала, поднимаясь вверх, словно при свете дня. А он шёл, опираясь на свою трость, что выстукивала ритмический рисунок его походки. Над его головой на ставшем вдруг таким чистым небе необычно ярко сияли звёзды, озаряя всю картину холодным синим светом.

— Друид, — скрипнул зубами император.

Получилось. Конечно, Сангвина интересовала деятельность Фолла, но он не мог смириться с тем, что кто-то из круга эльфийских старейшин до сих пор дышит. Это вопрос политики — и очень важный вопрос. Куда важнее поднятого предыдущего. Фолл, опустив щит, благодарно кивнул старейшине, вставшему рядом.

— Друид... Ты не мог остановить моё пламя. Такое твоему роду не под силу.

— Ты же сам сказал: серый эфир, — с плохо скрываемой жуткой злобой произнёс старый эльф. В серых глазах императора промелькнули искры, они же сверкали во взгляде старейшины. Теперь это интересовало Сангвина вдвойне. — Фолл... — повернулся старик к нему и Ирис. — Ты уж позаботься об Ирис. А я тут как-нибудь... Сам.

Фолл в молчании поднял едва державшуюся в сознании девушку на руки. Она протянула руки к застывшему перед императором старику, но первый герой ускорился, уходя всё дальше, прочь от вот-вот готового развернуться сражения. Ирис заплакала, не в силах больше вынести ужаса и боли, что сковали её тело и разум. Фолл и сам уходил, скрипя сердцем — он искренне не хотел бросать здесь старого эльфа. Но при этом он понимал, что это — единственный выход. Если Сангвин увидит Арта, то всему конец. Им негде будет спрятаться, некуда бежать — и весь план пойдёт в далёкое пешее путешествие. Нельзя, чтобы император бросил всю свою войну и все свои завоевания, начав преследовать их. У Миры... У Миры безопасно.

— Поставь меня, — из последних сил рыдала Ирис. — Поставь!

Фолл замер, осторожно опустив её на пожелтую траву. Повернулся, взглянув на императора.

— Почему, Саш?

Такой простой вопрос, который первый герой давно хотел задать. В его глазах Сангвин двоился — тень бывшего друга и товарища сменялась непроницаемой маской безразличия и презрения. Сейчас, когда эмоции отступили, Фолл был на грани срыва. Он не мог поверить, до сих пор, что человек перед ним, нет, близкий человек перед ним — уже не тот, которого он знал.

Старейшина молчал, давая этим двоим разобраться. Император перевёл взгляд на Фолла позади старика, а затем тяжело вздохнул, поправляя мантию.

— Если ты и сам знаешь, то зачем спрашиваешь? Хочешь, чтобы я сказал это вслух? — первый герой кивнул в ответ на его вопрос. — Да будет так. Потому что я устал быть марионеткой. Устал быть героем — тебе это, может быть, и нравится, но меня тошнит от одного только воспоминания от встречи с Богом Крэйна. Ты всегда говорил, что герои пришли сюда, чтобы помогать народам этого мира... — он вновь вздохнул, теперь посмотрев на старого эльфа. — Грёбанное тёмное фэнтези. Каждый норовит ударить другого в спину, отравить или подставить. Ты считаешь, что нужно смотреть и на светлую сторону вопроса. А я говорю, что нужно повнимательней взглянуться в чёрную. Если герои здесь, чтобы помогать и спасать, то почему мы мрём, как мухи? Дело ведь не в слабости. Просто мы — маленькие винтики в кое-чьей огромной машине. Нужно ли мне говорить, чьей?

— Ещё не поздно... — произнёс Фолл, делая шаг вперёд. — Пожалуйста, Саша.

— Поздно. Уже — поздно, — покачал головой император. — Мы исправляем то, что лень исправлять Богу. Но никогда и ни за что не сможем изменить то, что здесь творится. Большую картину. Не изменим людей, орков, эльфов и гномов — ни-ког-да. Политика и предрассудки всегда будут сильнее индивида. Так было в нашем мире, так есть и в том. Ты и сам любил повторять, что в одиночку ничего в жизни не добиться. Вот он я... — Сангвин развёл руками, будто охватывая всю землю, что окружала его. — Теперь — не один. И, коль я уже понял, что твоими обожаемыми речами ничего здесь не добиться, я сам поставлю этот мир на колени.

— Это утопит Крэйна в крови, — Фолл сжал кулаки, на затворках сознания понимая, что в чём-то Александр, его старый друг, был прав.

— Он и так в ней, — улыбнулся, но без злобы или сарказма, император, подходя к Фоллу. Старейшина не сдвинулся с места, сверля Сангвина взглядом. А тот, легонько ударив кулаком первого героя в плечо, усмехнулся. — Больше не будет героев, Фолл. И, может, мы когда-нибудь вернёмся домой. Обещаю, что найду тебя, если придумаю способ.

— Саша... — первый герой опустил взгляд, не находя слов.

— Если ты когда-нибудь сможешь увидеть сквозь ложь Бога этого мира, то я буду ждать тебя в Золотой Империи, — сказав это, император вернулся на своё место напротив старейшины и остальных, больше не смотря на Фолла и Ирис. — А теперь разберёмся с ещё одной проблемой на моём пути.

Фолл, более не говоря ни слова, поднял отрубившуюся на земле Ирис и отправился вверх по холму, к застывшей в руинах деревне. Под ногами хрустели уже остывшие кости, отливавшие синевой под звёздами. За очередным разрушенным домом, ставшим теперь грудой камней и угольно-чёрного дерева, он столкнулся с Лори и Артом, едва не

бросившимися на него от неожиданности. Все трое обменялись взглядами, не говоря ни слова. Арт накручивал волосы, растрепавшиеся и покрытые пеплом.

В его глазах плескался животный ужас. Заглянув в них всего на мгновение, Фолл понял, что Лорелеи наложила на нижние конечности парня паралич. Лучшее решение, когда ситуация стремительно набирает обороты. Отпустив Ирис на землю, прямо перед очерченным на чёрной поверхности белым кругом, первый герой сел рядом, приложив спину к остаткам чьего-то жилища. Кругом лежали трупы — вернее, то, что от них осталось. Голые кости, по которым он уже прошёлся. Мужчина бросил один последний выразительный взгляд на Лори. Она была бледнее смерти — только алые глаза блестели, отражая свет звёзд.

— Активируй реверс-телепорт, Лори, — прошептал Фолл, закрыв глаза. — Мы уходим.

— Но... — женщина подошла поближе. — Старейшина?

— Он отвлёт Сангвина, — коротко пояснил первый герой. — Как бы жестоко это ни было, потеряв деревню, он потерял всё. Смерть от рук императора — логичное завершение... Всего.

— С-старейшина там? — попытался двинуться с места Арт, но едва не рухнул лицом в землю. — Чёрт! Почему вы не спасёте его?! Почему... — он запнулся, глядя на напряжённые лица Фолла и Лори. — Что с вами не так?!

— Я не могу убить императора... — выдохнул Фолл. — Просто прими, что не могу. Даже навредить не могу.

— Какого чёрта?! — не унимался последний герой. — Хотя бы... Увести отсюда старейшину вместе с нами! Это же хороший вариант?

— Ты ведь слышал... — прошептала Лори. — Старейшина всё равно что мёртв. Без деревни для старого эльфа жизни нет.

— Нет! Нет, это неправильно!

— Арт... — Лорелеи подошла к зарыдавшему парню, заключив того в объятия. — Это — Крэйн. Плохие вещи случаются, и за ними порой стоят сложные обстоятельства. Смерть... Здесь повсеместна. Когда-нибудь ты примешь это, как факт. Потом будет немного легче. Поверь... — она заплакала, не сдерживая эмоции. — Я тоже была на твоём месте. Сейчас мы должны уйти... А потом ты станешь сильнее.

— Стану... Обязательно...

— И отомстишь, — процедил Фолл, поднимаясь. — Сделаешь всё то, на что я неспособен. Будь уверен — я сделаю для этого всё, что в моих силах.

— Да...

Они разошлись, утирая слёзы.

— Активируй, Лори, — произнёс Фолл, пододвигая бессознательную Ирис в круг. Женщина щёлкнула пальцами, освобождая Арта от заклятья, и тот шагнул в круг последним после волшебницы. — Император заплатит... Полную цену. За всё, что здесь сделал.

В глазах Арта зажглась решимость, подобная пламени, навсегда отпечатавшемуся в памяти.

— Обязательно.

Все четверо исчезли в ворохе белых искр, покидая разрушенную до основания деревню. А у холма, в нескольких десятках метров вниз от неё, стояли друг напротив друга двое: человек и эльф. Герой из иного мира и старейшина друидов, что ушёл из Пангонии много-много лет назад. Где-то далеко-далеко лежала та страна, сейчас пытавшаяся восстановить хотя бы толику былого величия. Нет, хотя бы просто встать на ноги. Эльфы были разбиты, и

разбил их император, стоявший перед стариком. Синие глаза напротив серых. И там, и там стояла ярость, в одних — первозданная, в других — холодная. Они совершенно точно желали убить друг друга по целому вороху причин. Старейшина понимал, что императору он не противник. Но старый эльф не был бы друидом, если бы не попытался отомстить.

За всю свою боль. За ошибку, которую совершил. За глупость и желание, на которые повёлся когда-то. За всю его жизнь и за все жизни своих соплеменников.

— Жители этой деревни... — хрипло спросил друид, перехватывая свою клюку за середину. Она с шорохом и шелестом вытянулась, образуя полноразмерный посох с навершием в виде шишки с зелёным камнем на самом конце. — Что они тебе сделали, император? Если ты хотел уничтожить эти земли... То зачем было убивать их?

— Ты серьёзно считаешь, что для убийства в этом мире нужна хоть какая-то причина? — Сангвин прищурился, глядя на старейшину. — Ты, эльф, проживший множество веков? Когда-то ваш род убивал направо и налево только потому, что кто-то случайно забрёл не туда. Не смей спрашивать меня о причине. Ты не имеешь на это права.

— Что ж... — друид ударил посохом оземь, и по пространству вокруг прокатился ветер, заставивший императора прикрыть глаза ладонью.

За старейшиной, застывшем в обычной рубашке и простецких штанах, началось движение. Что-то огромное поднималось, проталкивало себя из недр холма. Эфир содрогался, пытаясь убежать, чтобы не занимать лишней объём. Земля, энергия, изувеченная природа — всё замолкло, будто преклонило колена перед тем, что собиралось показаться на глаза. Наконец, с громким рокотом вершина холма разверзлась, и из-под земли наружу буквально взлетело величественное древо с могучим стволом, что занимал всю деревню. Оно росло, и росло с пугающей скоростью, обнимая корнями земли вокруг того, что было поселением. Наконец, достигнув небес, оно застыло, покачивая величественной светло-зелёной кроной при звёздном свете. Меж толстенных ветвей порхали золотые бабочки, озаряя внутреннюю часть кроны. И там, скрытые от простого взгляда в тенях, создаваемых светом звёзд и отблеском бабочек, сидели, покачивая тисовые луки в сильных руках, седые воины эльфов. Сотня, две, нет, даже больше — они были на каждой ветке, умело прячась от света. Великие герои, павшие много-много лет назад. Те, что отправились к нему...

Древо затмевало собой само небо — столь широко оно раскинулось. Но звёзды всё равно, будто намеренно, продолжали освещать лица Сангвина и старого эльфа.

— Иггдрасиль... — прошептал император, делая первый полноценный шаг назад. На его лице отразилось удивление, напряжение и совсем немного, где-то глубоко в глазах — страх. — Эльфийское древо из легенд...

— Если ты думаешь, что Пангония проиграла тебе, ибо была слаба, то ты сильно ошибаешься, властитель, — фигура друида теперь казалась выше, больше и массивнее — так, будто сам Иггдрасиль давал ему сил. — Ты ещё не видел настоящей мощи эльфийского народа. Мы не зря занимаем своё место наравне с остальными расами Крэйна.

— Даже так, — смял и выбросил наваждение, заставившее его отступить, Сангвин. — Значит, сегодня Иггдрасиль падёт, и эльфы окончательно подчинятся Империи.

— Я, Арафас, последний хранитель древа Иггдрасиль и лидер эльфийского народа, объявляю Золотой Империи войну, — взмахнул посохом друид, направляя его навершие в сторону императора. — Если сегодня нам суждено пасть, то мы оставим на твоём теле шрамы, что будут с тобой до самой смерти! Ты запомнишь нас, Сангвин Четвёртый... Падший герой!

Несколько сотен лучших воинов эльфийского народа сорвались с веток, спускаясь в низ. Они бежали, порой, по отвесному склону ствола Иггдрасиля, но притяжения для них, казалось, не существовало. Лёгкой походкой, играючи покачиваясь на бегу и не стесняясь собственного величия они оказались у корней, положив на тетиву первые стрелы. В их синих, как у старейшины, глазах, стояла непоколебимая решимость. И они сияли — сияли вместе со звёздами, взиравшими на них с небес. Император поморщился: он лучше кого бы то ни было понимал, сколь серьёзны сосредоточенные сейчас против него силы.

Но он не был бы императором, если бы отступил.

Всё-таки Сангвин понял это, как только признал в старейшине деревни друида. А серый эфир... Наверно, пора бы рассказать, что все без исключения личности, что владели им, оценивались Фоллом как минимум в восемь баллов из десяти.

— Сегодня ты умрёшь, эльф, — процедил император, поднимаясь в воздух. Вокруг его ладоней с невероятной скоростью закружили рыжие искры, образовавшие таким образом кольца. Друид, с улыбкой наблюдая за действиями Сангвина, поставил посох на землю.

Туча стрел, поднявшаяся в воздух со свистом, ознаменовала начало сражения. Император сложил ладони, образуя перед собой полыхавший кроваво-оранжевый шар, быстро расширившийся до размеров человека. Подняв его над собой, император сжёг стрелы, попадавшие с небес, а затем замахнулся, удерживая созданное творение одной рукой. И отправил его в эльфов, собравшихся подле массивных корней Иггдрасиля. Они двинулись вместе с движением посоха друида, поднимаясь в последнюю секунду и закрывая воинов остроухого народа от разрушительной силы. Шар взорвался, расплёскивая живое пламя вокруг. Он принялось пожирать корни великого дерева, но медленно, словно ему приходилось тратить на это множество сил. Да, огонь императора был способен сжечь Иггдрасиль. Совсем не так, как он проделал с этими землями, и всё же.

Эльфы выстрелили вновь, многие из них обнажали короткие стальные мечи, бросаясь в лоб. Император, не теряя времени, поднял ладонь над собой, встречая очередной поток стрел вспыхнувшей огненной полусферой. Вокруг него появился уже второй слой из стрел, утыкавших землю. Пальцы второй ладони двигались, создавая что-то из эфира. Ни один волшебник не мог сохранять такую концентрацию в подобной ситуации. Вероятно, просто ещё один символ того, что император не просто так носит свой титул и девять баллов по шкале оценки. Наконец, когда эльфийские воители почти настигли его, Сангвин опустил вниз, вынимая из воздуха полностью чёрный клинок без гарды.

Точно, его титул.

Лучший мечник севера.

Однако, против него были лучшие мечники народа эльфов. Воины прошлых лет, давно погибшие и вернувшиеся к великому дереву. Они не были равны, но их было много. Чёрный меч начал бешеную и прекрасную пляску со сталью, обрушивавшуюся на него со всех сторон. Император танцевал, поднимаясь на носки, отклоняя тело от вертикальных ударов и отводя горизонтальные. Застучало, закричало всё вокруг. Зазвенело оружие, запело, предвкушая отнятые жизни.

Эльфы сражались и умирали молча. Император не давал поблажек — малейшая ошибка означала отрубленную голову, руку или пронзённую грудь. На пожухлую траву хлынула тёмная при свете звёзд кровь. Глухие звуки падавших тел перемежались с выпущенными стрелами, с вдохами выдохами, со звоном стали и шипением Иггдрасиля, медленно поглощавшегося жутким пламенем.

Сангвин скрипел зубами — от его мантии остались одни ошметки. Клинки эльфов ранили его, но не глубоко, ведь император двигался, будто разъярённая бестия. Ни один из них не мог по-настоящему задеть его, задевая лишь гордость. Через несколько минут сражения он уже стоял по колена в трупах, едва успевая уворачиваться от новых эльфов и стрел, бивших с самых разных углов. Остроухие уже окружили его, прячась и двигаясь в тени их великого дерева. Они использовали зелёный эфир, чтобы изменять движение стрел прямо во время выстрела — и император уже не мог стоять на месте. Ему срочно нужно было что-то предпринять.

В один момент Сангвин зарычал, ударяя кулаком в землю. От места удара вокруг разошлась ударная волна, сбившая эльфов с ног. Живое пламя окружило шею императора, словно шарф, и обвило лезвие его меча, вспыхивая ещё ярче.

Он поднялся, снова поднимая руку над головой. За его спиной, в небе, закружил ветер, не в силах сопротивляться энергии эфира. Добрая половина неба окрасилась в красный, жёлтый и оранжевый. Огонь бурлил, и император дал ему выход, обрушив ад на землю, на эльфов, друида и Иггдрасиль, одним ударом погребая их под покровом своего пламени. Сам Сангвин остался на единственном участке земли, что не оказался задет. Прищурился от слишком яркого света, вдохнул запах сожжённых тел, а затем посмотрел на полыхавшее великое дерево. Сделал шаг, чтобы проверить место, где стоял друид.

И замер, потому что что-то крепко схватило его за лодыжку. Император повернул голову, с удивлением обнаружив, что эта рука принадлежала одному из эльфов, которого пожирало пламя. Не давая владыке опомниться, руки с отвратительными ожогами потянулись со всех сторон, пытаясь затянуть Сангвина в его же собственное пламя. Он зарычал, сбрасывая их с себя, и вынужден был повернуться, чтобы не быть опрокинутым.

В этот самый момент время замерло на одно-единственное мгновение.

После которого император с удивлением обнаружил в своей груди клинок. Один из тех, что носили с собой воины эльфов. Руки опали, да и сам владыка рухнул на колени. А тот, кто пронзил его грудь, обошёл императора по кругу встав перед ним, опустившим свою голову.

Сангвин смотрел на лезвие, на котором была его кровь. Такая же красная, как и у всех — эльфов, гномов, орков и людей.

Затем он поднял свой взгляд на друида, большая часть тела которого превратилась в ужасное месиво из сожжённой одежды, кожи и мяса. Старейшина смотрел на него с ненавистью, а ещё — с облегчением. Старому эльфу осталось недолго, и уходил он с честью.

— Запомни этот удар, император, — произнёс он, наклоняясь над Сангвином. — Его нанёс тебе эльф.

— Хорошо, друид, — спокойно произнёс тот, голой рукой обхватывая лезвие и надламывая его. — Я признаю, это было неожиданно... И обещаю, что запомню. Обязательно.

Окровавленный обломок стального эльфийского меча с коротким свистом взвился в воздух, отрубая старейшине голову.

Император поднялся, вынимая остатки клинка из своей спины. Расправил плечи, посмотрев на упавшее и уже подхваченное пламенем, бушевавшим вокруг, тело в зелёной одежде. Обернулся, посмотрев на с треском накренившийся Иггдрасиль. Подумал о том, что когда-то он мечтал увидеть это дерево. Пообщаться с эльфами, поговорить о жизни. Когда-то он был наивным героем, попавшим в мир, о котором не знал ничего. Теперь он знает. И от этого, от самого себя, того, каким его сделал Крэйн, императору было, откровенно говоря,

противно. Но он знал, что делает то, что делает, не зря. Всё когда-нибудь закончится.

— И Бог ответит за свои поступки, — мрачно протянул Сангвин, открывая портал обратно во дворец.

Оставляя этот край, когда-то приютивший множество героев, множество самых разных личностей, пустым, безлюдным и мёртвым. Как только догорит пламя, здесь не останется ничего, кроме гор, в которых никто и никогда не поселится — ведь вокруг будет абсолютная пустошь.

Как и на большинстве северных имперских земель.

Глава третья. Волшебная башня и художник-архимаг

На просторном западном побережье Сенстонии, страны торговцев, изобретателей и мореплавателей, стоял портовый город Фарэй. Его не окружали стены, вокруг него не был развёрнут эфирный купол, защищающий от масштабных заклятий и чудовищ, обитавших в Крэйне повсеместно. Это был большой и красивый город, несколько раз восстававший из пепла и тотальной разрухи. Массивные дома из синего и бирюзового кирпича, окна из цветного стекла, отражавшие солнечный свет в виде радуги на широкие улицы Фарэя, большая рыночная площадь, несколько филиалов гильдии искателей приключений, мастерские артефактов и кузницы — чего там только не было. В нём всегда пахло океаном: несло жареной рыбой с рынка и непередаваемым ароматом чего-то солёного и приторного со стороны воды. Жители его, наученные горьким опытом, привыкли носить с собой оружие, но несмотря на это уровень преступности в родном городе Миры, мастера Лорелеи, был до жути низким. Какова бы ни была ситуация в мире, здесь не было расовых предрассудков. Даже к имперцам, пускай и редко, но всё же навещавшим Фарэй, относились по-человечески.

В пределах разумного, конечно.

Всё-таки Сенстонию покорила Империя, заключив мир, достойный этого государства. Сангвин предложил правящему Совету жить, как прежде, просто подчиняясь законам Золотой Империи. Поэтому западные земли сейчас были, вероятно, наиболее безопасными.

И в нескольких километрах от Фарэя, на каменном возвышении, поросшем плотной и густыми зарослями, прямо возле океанского берега, стояла высокая башня архимага. В нескольких окнах на самом верху, похожем на шляпу гриба, часто до самого утра горел свет. По слухам, жила там женщина необычайной красоты, что спускалась время от времени с того холма, заходила в город и покупала еды вместе с ингредиентами для зелий. Многие рассказывали и о том, сколь мудра она была, сколь учтива и сколь милостива. Правда, никто не мог похвастаться тем, что знал её лично. Раз в год в Фарэй то и дело приходили ученики архимага, но и они оказывались молчаливы и не рассказывали о своём учителе ни слова. Долго уже жила здесь та волшебница, и даже старики то и дело ведали за кружкой пива истории о ней из своей юности.

Так, посреди глубокой ночи, в просторную залу с недавно зажжённым камином из вороха белых искр ступили трое. Четвёртая девушка покоилась на руках Фолла, тут же без лишних слов положившего её на бежевый диван, стоявший на шерстяном ковре. Протопав по деревянному полу, люди разошлись, кто куда. Все эмоциональные переживания отошли на второй план, ибо устали не только их тела, но и души. Арт, оглядевшись, опустился на свободное кресло с толстой сидухой, в котором практически полностью утонул. А Лори, углядев стоящую в тени возле камина мастера, бросилась той на шею.

Тонкие серые волосы падали ниже обнажённых плеч, до лопаток. У архимага, успокаивающе похлопавшей Лорелеи по спине, были тусклые чёрные глаза, острый нос, пухлые губы и бежевая кожа. На шее блестело золотое ожерелье в виде цепочки, а на элегантных пальцах сверкали три кольца с разноцветными камнями. Поправив тёмно-алое платье, Мира отстранилась от своей ученицы, заглянув ей в глаза. Затем бесцеремонно запустила руку под её серую тунику, вызвав у женщины лёгкий вскрик. Нащупав выемку

промеж груди, волшебница, устало вздохнув, выдернула ладонь из-под одежды беловолосой ученицы.

Её взгляд со слегка удивлённого стал напряжённым и взволнованным. Отыскав им Фолла, женщина в несколько быстрых шагов сократила между ними дистанцию, награждая первого героя звонкой и явно болючей пощёчиной. Тот согнулся, но тут же выпрямился, смотря чародейке прямо в глаза. Она же, опустившись в кресло напротив того, с которого смотрел на немую перепалку Арт, закинула ногу на ногу, скрестив руки под грудью.

— Рассказывай.

Её голос был жёстким, в какой-то мере аристократичным, высоким и в то же время — тёплым. Фолл опустился на диван, это же сделала и Лори, занимая место рядом с учителем. Диван-то огибал залу практически по периметру полукругом — и был достаточно большим, чтобы вместить человек пятнадцать. Пока Фолл, выдохнув, принялся за рассказ, Арт не мог оторвать взгляда от Миры. У парня перехватывало дыхание — столь красива была чародейка. Конечно, он был поражён внешностью Лорелеи, но её учитель превосходила любые возможные представления. Впрочем, помимо любования последний герой чувствовал и кое-что ещё, что-то, что ощутил, впервые встретившись с Фоллом. Силу, которую нельзя было описать словами. Всеобъемлющую, невероятную. Наверно, только новые эмоции и подстёгивали молодого человека, не давая уснуть в таком удобном кресле. В башне архимага Арт почему-то позабыл про сожжённую деревню и погибшего старейшину: должно быть, мозг просто оградил его от ещё большего потрясения.

Лори же, опустив взгляд в пол, изо всех сил пыталась не смотреть на Фолла. Она понимала, почему её мастер злилась на него, понимала в то же время, что это была вовсе не его вина. Потому ей было стыдно, что отразилось на покрасневшем лице женщины.

— Значит, Арафас умер... — опечалено протянула Мира, когда Фолл, наконец, завершил свой рассказ. — Мне всегда было интересно познакомиться со старым эльфом, но... Что ж. Мертвецов не вернуть. Молодёжь... — обратилась она к вздрогнувшим от повышенного тона Арту и Лорелеи. — Забирайте своего товарища и отправляйтесь спать.

— Н-но мастер... — поднялась Лори.

— Никаких но, Лорелеи, — Мира сжала кулаки, впившись алыми ногтями в белоснежную кожу. — Всё обсудим утром. Парень... — она перевела взгляд на Арта. — Ты молодец, — и наградила его тёплыми, успокаивающими словами. — То, что случилось с деревней — ужасно. Но то, что ты сумел выжить под огнём Сангвина, вселяет в меня уверенность, что Фолл привёл тебя сюда не зря. Отдохни пока... — она вновь посмотрела на Лори. — Проводи гостей, пожалуйста. А мы с Фоллом ещё поговорим.

— Слушаюсь, — вежливо поклонилась белокурая волшебница, дожидаясь, пока Арт возьмёт Ирис на руки. — Спокойной ночи.

Они покинули залу, следуя за Лори, подхватившую с полки над камином подсвечник. Запалив одну из свечей, женщина повела их коридорами магической башни, мимо множества картин, вырисовывавшихся при свете свечи. Арт, тихонько семенящий за ней, с удивлением разглядывал мужчин, женщин и стариков, смотревших на него с полотен. А возле одной он остановился, смотря на величественного мечника в полном боевом облачении и с карими глазами, обнимавшего длинный стальной клинок в кресле, в одном из которых парень недавно сидел. Даже край горевшего камина был заметен — это была именно та зала, из которой они вышли.

Лори, повернувшись, подошла поближе.

— Это...

— Фолл? — протянула она. — Да, не особо похож. Подбородок не такой волевой, плечи не столь широкие, да и в жизни он не испускает такое величие, как на портрете.

— Твой мастер... Сама нарисовала? — слова сами срывались с губ последнего героя. Ему до безумия не хотелось молчать — иначе в голову приходили ужасные мысли, терзавшие разум. Перед его глазами всё ещё стояли опалённые трупы тех, с кем он провёл больше полугода своей новой жизни.

— Это её хобби, — кивнула волшебница. — Давай не будем задерживаться. Ты ещё успеешь рассмотреть их...

— Хорошо, — взяв Ирис, висевшую в его руках мёртвым грузом, поудобнее, проговорил парень.

Уже в тишине они проследовали до двери, за которой оказался ещё один коридор. Здесь были окна, но узкие, будто бойницы, и ковёр, такой же, что и в главном зале башни. А справа блестели чёрным деревом ещё несколько дверей, возле одной из коих Лори остановилась, толкая ту от себя. Заглянув внутрь, Арт увидел просторную комнату: рабочий стол и стул подле него, две кровати, одна у противоположной стены, другая прямо у входа, и шкаф из тёмного дерева, стоявший прямо справа. Пожелав волшебнице доброй ночи, Арт зашёл внутрь, в темноте опустив Ирис на ту койку, что была ближе. Дверь за ним закрылась почти сразу же, поэтому, недолго думая, парень опустился на вторую кровать, сбрасывая обувь и залезая под пухлое одеяло прямо в одежде. Эмоциональное выгорание, стресс и волнение быстро утекли куда-то прочь, и Арт уснул, едва закрыв глаза.

То же самое сделала и Лори, правда, заставила себя всё-таки перед этим раздеться до исподнего. Думая о том, сколько всего ей пришлось пережить, женщина заснула с робкой улыбкой, понимая — она всё-таки дома. Снова.

— Извини, что побеспокоили посреди ночи, — протянул Фолл, вливая в камин эфир. Тот, довольно вспыхнув, принялся поглощать вечную древесину Иггдрасиля с утроенным рвением. В воздухе разлился запах эфирных масел, но не настолько концентрированный, чтобы невозможно было дышать. Опустившись в кресло, первый герой устало прикрыл глаза.

— Будто впервые, — тихо рассмеялась Мира. Впрочем, её взгляд продолжал быть чересчур напряжённым и взволнованным. — Как... прошла встреча с ним?

— Честно? — скрежетнул мужчина зубами. — Паршиво. Не поменялся ни на йоту, всё такой же... Такой же.

— А этот мальчик... Я так понимаю, он последний?

— Да, Мира, — Фолл посмотрел на неё, и архимаг вздохнула, заметив, сколь сильное отчаянье плескалось в его глазах. — И Арафас... Я знал, что он умрёт. Знал, и всё равно согласился. Должен был быть другой выход...

— Он был твоим другом, я знаю, — кивнула чародейка, сложив руки в замок. — Кто-то уходит, чтобы дать возможность жить другим. В нашем мире всегда так, Фолл. Уверена, старик улыбается, глядя на тебя.

— Спасибо, — выдохнул Фолл, откидываясь в кресле. — Переживу. Сейчас главное заняться обучением Арта, пока у нас есть на это время.

— Судя по его взгляду, ты так и не сказал, в чём именно тебе нужна помощь.

— Без конкретики, — вяло хмыкнул он. — Остановить императора... Объединить Крэйн. Уберечь мир от катастрофы, о которой я сам понятия не имею.

Мира, покрутив одно из колец на руке, взглянула на пламя, игравшееся в камине.

— Всё ещё сомневаешься, стоит ли убивать Сангвина.

— Я — да, Арт — нет. Так даже лучше, — передёрнул он плечами от холода, подобравшегося к ногам. Архимаг повела рукой, и где-то позади первого героя со скрипом закрылось окно. — Если это сделает он... Мне будет легче.

— Мальчик, как и моя драгоценная ученица, сейчас ослеплён мстью, — покачала головой волшебница. — Если весь смысл его обучения будет основан на возмездии, то я за него не возьмусь. Не хочу, чтобы он утонул в пустоте вместе с Лори.

Фолл кивнул, соглашаясь с Мирой.

— Поговорим с ним, когда станет сильнее. Хорошо... С этим разобрались. Ты тут... как?

— Твоё беспокойство весьма странно походит на смену неудобной темы, — наклонила голову архимаг, вглядываясь в мужчину, слегка поёжившегося под его взглядом. — Но пускай. Живу, потихоньку. На дворе зима, если ты не заметил. Поэтому я ещё реже, чем обычно, выхожу за пределы башни, чаще просиживаю задницу в кабинете или здесь, попивая вино и почитывая книги, часть из которых написала лично. Ничего интересного.

— Иногда забываю, откуда у Лори эта её манера речи... — неловко рассмеялся Фолл. — А потом вспоминаю тебя.

— Ещё бы ты не вспоминал! — возмутилась Мира, и огонь в камине затрепал вкусным деревом, полностью её поддерживая. — Пришёл сюда полгода назад, забрал мою лучшую ученицу и исчез с ней в неизвестном направлении. Если бы не грозовые совы с письмами, я бы тут тебя прямо под башней закопала, оставив только голову. Чтобы плевать!

Они рассмеялись, и Фолл, достав сигареты, закурил. Архимаг, уставившись на него с недовольством, щёлкнула пальцами. Прямо на подлокотник кресла, где сидел мужчина, упала стеклянная пепельница. Благодарно кивнув, Фолл принялся стряхивать туда пепел. Они разговорились, как это и полагается старым друзьям, вспоминая прошлое. Мира рассказывала о вестях с востока, о деятельности Сада, пока первый герой отсутствовал, о своих исследованиях эфира и о Фарэе, всё таком же красивом и живом, что и раньше. Фолл в деталях расписывал их с Лори путешествие, и архимаг смеялась во весь голос, поминая свою непутёвую ученицу крепкими выражениями. Она любила Лорелеи, по-своему, как строгая мать, крайне редко проявлявшая теплоту и доброту. Своих детей у чародейки не было — впрочем, как и партнёра.

Она предпочитала жизнь в одиночестве. Более того — это распространялось и на её политические взгляды. Женщина придерживалась постоянного нейтралитета, хотя и помогала Фоллу вместе с Садам, когда это было необходимо. Именно поэтому Фолл, зная, сколь строго Мира относится к вмешательству в большие дела, не мог заставить себя попросить её выступить против Сангвина. Кроме того, первому герою претила сама мысль о том, что обретшая покой волшебница будет рисковать своей жизнью, чтобы остановить Империю. Он знал её довольно давно, и всё, о чём мечтала архимаг — это спокойное место, где её никто не будет трогать. Уединение и мир — то, чего желала она больше всего на свете.

— Давай-ка обговорим планы на обучение, — откашлявшись после внеочередной истории, сказала Мира. — Что думаешь насчёт того, чтобы я взялась и за ту девушку?

Фолл затянулся, выпуская густой дым в высокий потолок и туша пятую сигарету в пепельницу.

— За Ирис? Не знаю... Если она сама того захочет.

— Чурбан ты бесчувственный, — вздохнула архимаг. — Она потеряла всё, как и Арт. Более того — ей больше некуда идти. Мир она не знает, знакомых, кроме нас, не имеет. Более того, она попала в земли за много-много километров от дома. Ей не к кому обратиться, кроме тебя и меня.

— Просто признай, что тебя зацепил её дар, — ухмыльнулся Фолл, зажигая новую сигарету. — И дело здесь не в доброте и желании помочь.

— Бог Войны... — мечтательно протянула чародейка. — Да, конечно, мне безумно любопытно, в какого мага она, в итоге, вырастет, но... В то же время я бы не спешила с её развитием. Вспомни, что случилось с Ди.

— Значит, всё-таки не в доброте, — хрипло рассмеялся первый герой.

— Ой, да ну тебя, — махнула на него рукой Мира. — Что, у человека не может быть больше одного мотива? Разумеется, мне девушку жаль. И разумеется, я вижу в ней потенциал стать великой чародейкой.

— Значит, поможем ей встать на ноги, а потом пускай сама решает, стоит ли ей оставаться под твоим крылом, — протянул Фолл, затягиваясь. — Что касается времени... Думаю, мы будем занимать твою башню не больше года. Если Арт разовьётся быстрее, чем я рассчитываю, то уйдём пораньше. В конце концов, это только первый этап.

Мира откинулась в кресле, запустив ладонь в волосы.

— Тогда давай определимся сразу: чему ты хочешь, чтобы я обучила мальчика?

— Пройдитесь по первым пяти томам "Чувства эфира и тонкостей взаимодействия различных его видов", — загнул палец Фолл. — Важные знания, касающиеся Крэйна, в его голову положу я, — и второй. — Потом — его способность, дар. Понятия не имею, в чём она заключается, видел лишь, что Арт может прятаться, становиться невидимым, полностью стирая себя из материального пространства. Даже в эфире его так просто не заметить — сливается. Нужно помочь ему развить её и научить применять в бою.

Загнув три пальца, Фолл посмотрел на Миру, ожидая дополнений.

— Так просто, в тепличных условиях, жизни парнишку не научишь, — задумавшись, протянула она. — Сколько он в Крэйне, полгода? И всё в деревне... Что-то подсказывает мне, что он ещё никого не убил. А это слабость, Фолл, которую крайне важно преодолеть. Посмотрев на мальчика, я вижу, что сделать это ему будет тяжело. Вы же, герои, делитесь на два типа — те, кто лишает других жизни без зазрения совести, и те, кто решительно отказывается идти на убийство. Что забавно, первые проживают дольше вторых.

— Это так. Но у нас... У него. Есть время, чтобы пройти все важные шаги. Он должен быть способен противостоять императору через два года — иначе всё было зря.

— Высокую ты планку мальцу задрал... — нахмурила тонкие брови архимаг. — Одолеть лучшего мечника севера... А кто обучит его бою? Ты?

— Мой стиль слишком опирается на владение эфиром, — помотал головой Фолл. — За два года ему его не перенять.

— Согласна, — кивнула Мира, поворачиваясь в кресле. Придерживая платье, закинула ноги на подлокотник, а сама устроилась на таком же, но противоположном. — Никто не может за тобой угнаться, когда ты берёшь в руки меч. Никто, включая Сангвина. Интересно, почему ты никогда не обучал императора сражаться так, как ты? Боялся, что превзойдёт?

— Я предлагал, но Саша отказался, — пожал плечами первый герой. — Сказал, что лучше дойдёт до всего лично.

Архимаг понимающе хмыкнула.

— Ха! Типичный герой. Гордость превыше всего. Хотя у Сангвина была больше не гордость, а жажда самостоятельности. Во всём.

— Ты тоже его обучала, Мира, — произнёс Фолл, и женщина вздрогнула всем телом. — Прости.

— Не напоминай, — процедила она, глядя ему в глаза. Затем вздохнула, посмотрев в потолок. — Так кто, если не ты?

— Я подумывал пригласить Эсси, если она не слишком занята, — ответил первый герой, затушив сигарету. — Или привлечь Йорана.

— Зеленокожая варварша или глава самого страшного клана убийц на всей Авроре, — со скепсисом протянула Мира. — И это — твои "кандидаты"? — последнее слово она произнесла с максимальным сарказмом.

— Эсмеральда лучший воин западных земель. В схватке без использования эфира она даже императора попотеть заставит, а у Йорана есть сразу несколько секретных техник рыцарских домов с самого Дорана, — принялся перечислять Фолл.

Доран. Красивый край на юго-западе, ещё южнее по землям Авроры, чем Сенстония. Достаточно большое государство, чтобы быть угрозой империи, но недостаточно маленькое, чтобы полностью уничтожить его в войне. Сейчас между ним и Империей был заключён холодный мир, который в любой день может вновь стать ярим противостоянием. Это страна рыцарей, наполненная городами-крепостями, широкими и извилистыми торговыми трактами и лучшим вином, что может испить человек. Там недолюбливают гномов и в открытую презирают эльфов — что, впрочем, не мешает многочисленным академиям принимать у себя потенциально лучших последователей кодекса чести всех рас. Оно сильно военизировано, до такой степени, что с ним считается даже Золотая Империя. А воины рыцарских домов, разбросанных по Дорану, признанны на континенте одними из самых сильных и умелых.

— К тому же, этим двоим я могу полностью доверять, — добавил последний аргумент первый герой. — Оба — члены Сада, оба обязаны мне своим положением и жизнью. Кроме того, они мои друзья. Мне ли напоминать тебе, сколь важна дружба в Крэйне?

— Не гунди, — вновь отмахнулась Мира. — Ладно, ладно. Уж не знаю, чему они всё-таки обучат мальчика, но... Пускай. Заносчивости и спеси в них нет. Поэтому — только поэтому! — я одобряю обоих.

— Вот спасибо, — рассмеялся Фолл. — Удивлён, что ты уже так волнуешься об Арте.

— Мальчик мне понравился, — пожалала она плечами, а затем поправила съехавшее платье. — У него... Чистый взгляд. Хороший, добрый, искренний — чёрт, я уже и забыла, что именно так должен смотреть герой, призванный Богом!

— Посмотрим, сумеет ли он его сохранить, когда столкнётся с Крэйном лицом к лицу, — протянул первый герой, устало зевая. — В общем, ты, главное, обучи его всем азам. Дальше...

— Нет уж, — остановила женщина его. — Если ты хочешь послать его на сражение с Сангином, то я просто обязана дать ему вообще всё, что смогу. Секреты эфира, управления им, заклинания, которые создала собственноручно — он получит всё, Фолл. Возражения не принимаются.

— Хорошо, Мира... — не стал спорить тот. — Давай-ка тоже спать. Скоро уже рассвет...

— В отличие от тебя, свиньи, я предпочту тёплую постель, — посмеиваясь, встала

волшебница с кресла. — И Фолл, последнее... — она подошла к первому герою, почти силой выдирая его из удобного предмета мебели и заключая в объятия. — Ты справился... — прошептала она. — Я знаю, что твоё бремя неподъёмно. Помни, захочешь бросить всё — тебе здесь всегда рады.

Она отстранилась, выпрямляясь.

— Спасибо, — произнёс Фолл, смотря на архимага с благодарностью.

— А теперь — доброй ночи, — кивнула ему чародейка, удаляясь.

— Доброй... — посмотрел первый герой ей вслед. — Доброй, Мира.

Ему стало тепло на душе и в сердце. Боль от увиденного, боль от потери товарища и наставника потихоньку отступала, уступая место сонливости и осознанию того, сколь сильно первый герой устал. Почти двое суток на ногах. Конечно, его тело могло продержаться гораздо больше, вливай он в него эфир, но такой способ был крайне опасен: из-за усталости разума. Мозг не мог выдержать больше недели бодрствования, поэтому первый герой предпочитал спать, как все люди — по семь-восемь часов в день.

В голове Фолла прокатились весёлой гурьбой воспоминания, связанные с Мирой. Сколько не играл злой рок с их жизнями, волшебница всегда находила место и время для благодарности, для объятий, как сейчас, для выражения своих чувств. Когда ей хотелось плакать, она плакала, когда хотелось кричать — кричала, когда душа пела, пела и чародейка — вот настолько прямолинейной и искренней она была. Иногда Фоллу казалось, что он просто недостоин такого друга. Архимаг была... Особенной. Не только сильным, наравне с императором, человеком, но и тем редким типом личности, что практически не встречался на просторах Крэйна. Мира была доброй, понимающей и чуткой женщиной, что давала даже самым прогнившим душам второй шанс. Не раз и не два ей это выходило боком, но она не сдавалась и шла к своей мечте по пути, что ярко освещала сама себе. Фолл был рад, что она уже несколько лет жила в покое, ибо чародейка это более чем заслужила.

А ещё Мира была мудрой. Настолько, насколько может быть мудрым человек, проживший больше века. Среди прочих первопроходцев Сада к советам архимага Фолл прислушивался больше других. Да и те безмерно уважали волшебницу, всегда знавшую, как говорил первый герой, что сказать. Она была его правой рукой и вторым лидером Сада, ведавшей всеми операциями секретной организации на Авроре. А также единственной, помимо императора, заслужившей от Фолла девять баллов из десяти. И первый герой был более чем уверен, решись Мира прорвать этот барьер и стать равной Богу, у неё бы это получилось. Но принципы и желание мира не давали ей стать ещё сильнее. Всё в разумных пределах, как она любила ворчать.

С мыслями о былом и будущем Фолл, устроившись в кресле поудобнее, и заснул.

Прошло несколько часов, и над портовым городом Фарэем встало тусклое зимнее солнце. Он просыпался, медленно, но верно. Вставали стражники, отправляясь в патруль, распевался местный эльфийский хор, грохотали ящиками грузчики на складах и возле магазинчиков. Оглядывались на побережье, сверкавшее чистым, белым снегом. Там, под погребённым под снегом холмом, возвышалась башня архимага. И в ней тоже начинался подъём: правда, куда беспокойней, нежели в городе. Он начался с крика Ирис и вскочившего Арта, попытавшегося успокоить разъярённую девушку. Благо стены в башне Миры были крепкими, и никого, кроме парня, крик не разбудил. Тот хотел было вернуться к просмотру уже пятого сна, но был остановлен деликатным стуком в дверь. На пороге стоял Фолл, пригласивший ребят завтракать и попросив не шуметь, чтобы не потревожить спящую

Лорелеи.

Вместе они прошли уже знакомым Арту коридором к общей зале, теперь освещённой спокойным белым светом, пробивавшемся сквозь окна. Посреди дивана, окружившего камин полукругом, теперь стоял низкий деревянный стол. На нём покоились источавшие аромат тарелки — яичница, овощи, тонко нарезанные ломтики мяса и фасоль в необычном густом ароматном соусе, и вилки, аккуратно приставленные к каждому из трёх блюд. За завтраком завязалась беседа, к которой вскоре присоединилась и Мира, успевшая переодеться в чёрную шелковую рубашку и штаны, что закатала до колен. Представившись Ирис, женщина заняла своё место в кресле напротив Фолла, благодарно улыбнувшись ей.

Арта и Ирис интересовало, прежде всего, где они находились и что планировали делать. Фолл с Мирой, переглядываясь, принялись описывать в деталях всё, что нужно было знать молодёжи. Ирис, узнав о смерти старейшины, едва сдержалась, чтобы не заплакать вновь. Её лицо помрачнело, но поделаться что-либо с этим она не могла. Приняв действительность, девушка решила двигаться дальше. В конце концов, она осталась в живых. Арт, беспокойно глядя на девушку, пытался подобрать в голове слова, чтобы утешить её. Но, в итоге, сохранил молчания, продолжая утолять голод. Эстафету по утешению Ирис переняли Мира с первым героем, постаравшись объяснить ей один простой факт.

Жизнь ещё не кончилась. Да, трагедия, через которую прошли эти двое, обязательно оставит на них шрамы, которые не залечит время, но дальше — дальше всё будет куда интересней. Фолл предупредил Ирис, что следование по пути мести ни к чему не приведёт, однако, коль таково её желание, они возьмутся за её обучение вместе с Артом. Тот, мотая головой, полностью согласился с девушкой — сейчас они желали только возмездия. Справедливого и понятного волшебнице и первому герою. Закончив с завтраком, Фолл поднялся, жестом приглашая Ирис и Арта следовать за собой. Искренне пожелав молодёжи удачи, Мира осталась в одиночестве.

Правда, и оно длилось не долго. Стоило захлопнуться одной двери, что вела к лестнице вниз, как отворилась другая — та, что была у камина. Из-за неё выпорхнули феи: существа, похожие на людей, с яркими зелёными глазами и широкими крыльями, издававшими тихий шелест. Все, кроме одной, принялись собирать тарелки и приборы, а закончив, улетели вместе с ними обратно. Лишь одна, златоволосая девочка, что выглядела старше остальных, опустилась к Мире на колени. Архимаг, выдернув из кармана штанов расчёску, принялась приводить густые волосы своей подопечной в порядок.

Та лишь тоненько хихикнула, в нетерпении барабанила ладошками по коленям.

— Ну, как тебе Фолл, Беа?

— Ой, чаровница, такой же, как всегда, — рассмеялась леди Беатрис, старшая фея. — Старался улыбаться да смеяться, а в глазах страх-страх, ужас-ужас, да печаль печальная... Будто сама не знаешь!

— Знаю, — вздохнула Мира, проводя расчёской по шелковистым локонам. — Наступают трудные времена, леди Беатрис. Боюсь, как бы нам не пришлось покинуть эту башню.

— Фи-и, — скривилась девочка, запрокидывая голову и показывая волшебнице язык. — Не хочу!

— Понимаю, — кивнула архимаг, очищая инструмент от волос. — Помнишь, когда-то он улыбался... Искренне. С чувством.

— Его же, как и тебя, чаровница, ведёт одна простая мечта. Вы, люди, такие простые:

не то что мы, феи! Хи-хи!

— Да... — покачала головой Мира. — Только не забывай, что Фолл — герой. И когда-нибудь может уйти, даже не попрощавшись. Хотя нет... Он-то точно прощается.

— Нет, — вдруг вспорхнула фея, ускользя из рук волшебницы и поворачиваясь к ней лицом. — Чаровница, Фолл нас не бросит! Мы ему... Мы ему столько еды приготовим — вовек не съест! И комнату уберём, чистая будет — до блеска! Не уйдёт от нас Фолл, не бросит...

— Ну, ну, — погладила женщина опустившуюся на стол Беатрис. — Если это и произойдёт, то ой как не скоро.

— Фу, чаровница, — скрестила маленькие ручки на груди старшая фея. — Не люблю, когда ты такая.

— Какая? — наклонила Мира голову, с интересом глядя на свою подчинённую.

— Не искренняя! — выпалила леди Беатрис, улетающая прочь из общей залы. У самой двери, за которой исчезли её подруги, она показала чародейке язык.

Та лишь рассмеялась, оставаясь наедине с собой. Посмотрела в окно, за которым уже раздавалось первое тяжёлое дыхание и командный голос Фолла. Мира поднялась, подходя к нему и выглядывая во внутренний двор своей башни. Там, на пустыре, заканчивали очередной круг по периметру двое ребят. В центре снежного круга сидел в позе лотоса первый герой, громко ведя счёт.

— Третий есть, — оповестил он подопечных. — Ускоряемся.

— Ещё?! — вскричала Ирис, которую нагонял Арт.

— Умение быстро и долго бегать — то, что обязательно спасёт вам жизнь, — произнёс Фолл, не открывая глаз. Мира, взглянув на действие через эфир, увидела, как в воздухе начала увеличиваться концентрация оранжевых шариков. Снег потихоньку таял — температура на тренировочной площадке быстро повышалась. — Император пришёл в ваш дом, убил тех, кем вы дорожили, не оставив даже тел для похорон. И вы сдаётесь только после пары кругов?!

— Беги, Ирис, — сдерживая дыхание, попросил девушку Арт.

— Бегу... — судорожно поймала она ртом воздух, ускоряясь вслед за обогнавшим её парнем.

Мира улыбнулась, тихонько рассмеявшись. Она видела эту картину, видела не раз и не два. Когда они с Фоллом возвращались, чтобы подготовить героя. Первые занятия всегда проходили вот так: утренний бег до седьмого пота, затем тренировка с мечом и луком, следом — перекус на обед, лекции Миры и практическое применение знаний вместе с Фоллом. Никому не удавалось продержаться дольше месяца — либо из героев выходила вся тьма, поразившая их души, либо они сбегали. Последними занимался Сад. Ни один из таких героев не прожил дольше пары дней в большом мире. Либо попадали в тюрьму, либо в лапы бандитов либо же чудовищ. Фолл знал больше других, сколь слабо человеческое тело. Знал, и в то же время понимал, что без таких тренировок его не закалить.

Ирис, стиснув зубы, бежала дальше под монотонный отсчёт первого героя. Она прожила здесь куда дольше Арта, а потому её выносливость была в разы больше, чем у него. И тем не менее, девушка только-только оправилась от ран, полученных в сражении с Сангвином. Поэтому дыхание спирало, лёгкие полыхали огнём, а ноги заплетались, заставляя встряхнуть головой и сосредоточиться на движении. Арту тоже досталось — его туника полностью пропиталась потом, а сам он, глядя в никуда, пытался поддерживать темп, заданный Ирис.

— Двенадцатый круг, — произнёс спустя десять минут Фолл. — Закончили.

Оба подопечных рухнули, где стояли. Арт — лицом в снег, Ирис — на задницу, пытаясь отдышаться. Парень, уперев обе руки в землю, поднялся, закашлявшись. Их тела горели, но они не ощущали обморожения. Придя в себя, они поняли, что в пустом внутреннем дворе магической башни было довольно тепло. И теперь, вместо обиды и злости, они посмотрели на своего новоявленного учителя с благодарностью и с уважением. Заметив их взгляд, Фолл ухмыльнулся, поднимаясь. Подошёл к ребятам, присев рядом на корточки.

— Ваш предел — двенадцать кругов, — протянул он. — Это полкилометра. Из плюсов — с такой скоростью вы сможете убежать от медлительных тварей, вроде василиска или жабровой химеры. Из минусов — буквально весь остальной bestiарий Крэйна нагонит вас и прикончит. Кроме того, если вы рухнете после такого спринта, то вас настигнут чудовища, которые сумели поддерживать ваш темп. А теперь поднимаемся...

Ребята встали, сжав кулаки. До них постепенно начало доходить, куда же они всё-таки попали. Ирис и раньше знала, что Фолл — это нечто запредельное, нечто, чего обычному человеку никогда не постичь. Её благодарность, её рвение и жажда мести воплотились в одном желании — в желании тренироваться у этого героя. Арт, в свою очередь, также смотрел на Фолла полным уважения и жажды силы взглядом. Он был готов выстоять столько, сколько потребуется. Удовлетворившись искрами, прыгавшими в глазах учеников, Фолл развёл руки в стороны, формируя из коричневого эфира два деревянных клинка средней длины и такого же цвета. Вручив ребятам по мечу, первый герой попросил их разойтись в стороны.

Затем встал чуть поодаль, прислонившись к каменной кладке волшебной башни.

— Выносливость ваших тел — самый первый пункт, — произнёс он на выдохе. — Тренируясь, вы и так поднимете её до высот, о которых и мечтать не могли. Дальше — то, как вы держите оружие. Если кто-то из вас предпочитает клинок другой длины, веса, а может, и вовсе не клинок — попрошу сказать сразу же. То, с чем вы начнёте тренировку сейчас, будет вашим оберегом, вашим инструментом мести, вашей косой, что срубит врагам головы.

— Может, нам взять реальное оружие? — повернула голову к Фоллу Ирис. — Это какое-то слишком лёгкое...

— Сперва научитесь держать в руках это, — хмыкнул тот. — Что ж, раз пожеланий к форме и типу вооружения нет, начнём тренировку. Отдышаться я вам дал, дальше — дело за техникой. Итак...

Под руководством первого героя ребята взяли свои мечи обеими руками, выставив их чуть вперёд и согнув локти. Левую ногу Фолл попросил выставить вперёд, чтобы её носок смотрел на незримого противника. Правую — повернуть на сорок пять градусов, так, чтобы она смотрела чуть вбок, и отставить её в сторону, так, чтобы обрести полное и устойчивое положение. Убедившись, что они стояли так, как требовалось, Фолл вернулся на своё место.

— Из этого положения сделайте взмах, — призвав себе такой же меч, что и у учеников, сказал он. — Поднимите оружие вверх, но не делайте слишком широкий замах, иначе ваш удар будет слишком предсказуем. Удар вертикальный, из исходного положения. Позвольте себе при ударе опустить меч ниже исходного, затем вернитесь в него. На моменте удара делайте выдох — громкий, так, чтобы я услышал, — он взмахнул клинком, со свистом рассекая воздух. — Понятно?

— Да! — дружно выкрикнули ребята, смотря в каменную стену башни Миры.

— Тогда для начала — сто взмахов. Поехали!

И они начали. Сперва неуверенно, затем всё быстрее и быстрее. На каком-то моменте Фолл попросил прекратить ускоряться, выверяя каждое движение. Затем добавил в удар поступательное движение корпусом, на раскачке. Потом заставил их подниматься на каждом ударе на носки, следом — держать меч крепче, чтобы он не улетал слишком далеко вниз. Двор наполнился пронзительными выдохами, хлопающей грязью под ногами и ровным, спокойным отсчётом Фолла. Вскоре он двинулся, принявшись осматривать работу учеников с разных углов. Ирис быстро получила деревянным лезвие по бедру за топорную раскачку корпуса, Арт схлопотал щелбан за отсутствие концентрации.

— Не нужно махать мечом бездумно, — произнёс Фолл, похлопав по плечу парня, потиравшего лоб с небольшой шишкой на нём. — Контролируйте силу, распределяя её на каждое движение. Представьте, что вы рассекаете чьё-то очень злое лицо. Лучше — лицо прямого врага.

Ребята стиснули зубы, принявшись ударять воздух ещё активнее. Закончив через полчаса, они вновь не сумели сдержаться и упали в грязь, переводя дыхание. Теперь от каждого движения что ног, что рук, что просто тела — всё ломало и болело. Ирис чувствовала себя паршиво, её постепенно начало подташнивать. Фолл, объявив перерыв, обернулся посмотрев на Миру, с улыбкой наблюдавшую всё это время за тренировкой. Показав волшебнице средний палец, первый герой, хохотнув, прошёлся по внутреннему двору до самого его противоположного края, вытянув руки над землёй. Через минуту в двух местах выскочили соломенные куклы с вёдрами на головах. Сами болванчики были воткнуты в почву на деревянных шестах. Прощептав несколько слов заклятья, герой вернулся к передохнувшим ученикам.

— Это — ваши противники на ближайшие пару месяцев, — проговорил он. — Как только сломаете их, перейдём к спаррингу. Сейчас без эфира и способностей вы слабей самой ничтожной твари Крэйна.

— Это же просто соломенные куклы... — протянул Арт с сомнением в голосе. — Даже деревянным мечом их легко разрушить, просто смяв солому.

— А ты попробуй, — с улыбкой ответил ему первый герой. Ирис, подхватив клинок, побежала вслед за парнем, останавливаясь возле болванчиков.

Арт замахнулся из стойки, которую успел выучить, и, вложив остатки сил в удар, обрушил тупое лезвие на трепыхавшуюся на лёгком ветру солому. Стоило мечу коснуться её, как тот вылетел из рук паренька, с глухим звуком ударяясь о камень башни и падая в нескольких метрах поодаль. Издав короткое "А-а...", Арт схватился за кисть, направлявшую оружие. Она быстро покраснела — на лицо был приличный ушиб. Ирис с содраганием посмотрела на недавно казавшуюся такой безобидной куклу. Выдохнула, встав в стойку и занеся меч. Ударила, покрепче ухватив тот за рукоять. Повторилась история с Артом — только в этот раз оружие осталось в руках девушки. Выругавшись, она всё равно отпустила его, потирая ушибленное запястье.

Фолл уже подошёл к ним, посмеиваясь.

— По крепости ваши манекены не уступают броне рыцарей Империи. Как только сумеете разрубить их деревянным мечом — любая другая защита будет вскрываться, как консервная банка. Тренируясь с ними, вы научитесь никогда не выпускать ваш меч из рук — потому что в бою выбитое оружие означает смерть. Кроме того, вы станете сильнее — и закрепите базовые техники, которым я вас обучу. Теперь возьмите оружие обратно — и

нанесите десять ударов, которые успели попробовать.

Спустя несколько вскриков, ругательств и продолжительного хохота Фолла задание оказалось выполнено. А затем дверь, что вела во внутренний двор башни, отворилась. Оттуда шагнула Лори — в кожаном жилете, рубашке и тренировочных широких штанах, свисавших с неё, будто шаровары. Вежливо поклонившись Фоллу, женщина поздоровалась с ребятами. Те, издав короткое "Доброе утро...", с любопытством принялись ждать, что будет дальше. Фолл, правильно поняв желание волшебницы, вручил ей свой клинок, по щелчку пальцев вызывая рядом с двумя куклами — третью.

— Лори тренировалась вместе со мной несколько месяцев, — пояснил ученикам первый герой, пока женщина подходила к болванчику, становясь в базовую тренировочную стойку. — Давай-ка пять ударов, без смены положения.

Она кивнула, не поворачиваясь к нему и полностью сосредотачиваясь на кукле. Занесла меч, поднимаясь на носки. Вдохнула, и выдохнула, обрушивая первый из пяти ударов на неё. Та покосилась, солома зашумела, вторя силе, с которой её атаковали. Следом чародейка ударила вновь, в этот раз — без паузы. С каждым ударом от куклы отваливались части, сама она сползала всё ниже, шест, на котором она висела, накренился, и с последним выпадом с треском сломался, падая в грязь. Сделав глубокий вдох, женщина с шумом выдохнула, возвращая меч Фоллу. Арт и Ирис смотрели на неё с шоком и в какой-то мере — с трепетом. Никто из них не мог и представить, что столь хрупкая на вид чародейка была способна на то, что они, привыкшие выживать в Крэйне, не были.

— Благодарю за демонстрацию, Лори, — кивнул ей Фолл.

— Должна же я хоть как-то отплатить за твои уроки, — хмыкнула она, с улыбкой посмотрев на застывших с мечами в руках ребят. — Это не так сложно, как вы думаете. Главное, не злитесь на Фолла, когда он будет перегибать. Всё, что он говорит и заставляет делать здесь, на тренировочной площадке, однажды выручит вас.

— Понятно... — только и смог вымолвить Арт. Ирис предпочла смолчать, поглядывая на куклу рядом.

— Что насчёт спарринга? — уперев руки в бока, спросила Лорелеи. — Чтобы показать, так сказать, что можно сделать, владея только основами.

— Это лучше сделать Мире, — кашлянул Фолл, поворачиваясь, чтобы посмотреть в окно волшебной башни. Но его опередили: дверь скрипнула, и во двор, шлёпая по растаявшему снегу дорожными сапогами, вышла архимаг. Она заплела свои волосы в единую косу, а одежду оставила прежнюю — рубашку и закатанные до колен штаны. — Помяни черта.

— Я тоже рада к вам присоединится, — рассмеялась чародейка, принимая из рук замешкавшейся Ирис меч. Фолл уже отошёл в сторону, встав примерно по центру тренировочной площадки.

— Разве волшебники владеют мечом? — повернулся к Ирис Арт.

— Не уверена, — глядя на взгустнувшую после слов первого героя Лори, протянула девушка. — Хотя она — архимаг. В любом случае — давай посмотрим.

Объединившись, все трое заняли зрительские места у стены. Арт, наплевав на одежду, плюхнулся в тёплую грязь, женская же часть наблюдателей осталась стоять. Смерив друг друга понимающими взглядами, Ирис и Лори повернулись к месту основного действия, где уже встали друг напротив друга Фолл с Мирой. Чародейка сделала несколько пробных взмахов, и у ребят не осталось сомнений — она точно знала, что и как держать. Всего пара

движений — а ветер успел несколько раз перемениться, хотя женщина, очевидно, не вкладывала в них силу. Глядя на показушничество старого друга, Фолл покачал головой. Ему хотелось уже отправить ребят на обед — солнце стояло высоко-высоко. Поэтому он решил закончить всё быстро, настолько, насколько сможет. Наконец, Мира замерла, вставая в привычную молодёжи стойку — левая нога впереди, правая чуть в стороне, чтобы полностью держать равновесие и не терять его при смене положения тела.

Фолл встал в такую же, взяв меч в обе руки.

— Разрешены — три основных удара: вертикальный разрез, горизонтальный и боковой, — продекларировал он, глядя в смеющиеся глаза чародейки. — А также блоки. Менять стойку разрешается только на другую ногу. Также запрещается использование эфира — как магия, так и усиление тела.

— От "архимага" одно только название и остаётся, — вздохнула Мира, поглядывая на молодёжь. — Впрочем, и тебе легко не будет.

— Может, сделаем ставки? — предложил Фолл, крутанув меч и остановив его кончик напротив лица чародейки.

— Как обычно, сколько ударов? — выгнула бровь волшебница, чуть опуская свой меч.

— О чём это они? — дёрнул Арт за штанину Лорелеи. Та, раздражённо выдохнув, ответила ему.

— Мне всегда неприятно, когда смотрю за ними. Ставки... Они делают ставки на то, за сколько ударов Фолл уложит мастера на лопатки. Обычно это три, в редком случае — пять...

— Десять, — глядя в глаза первого героя, сказала Мира. — Я лягу как минимум после десяти ударов.

— Ты тренировалась, пока мы путешествовали? — хмыкнул Фолл, а затем помотал головой. — За полгода невозможно достичь такого роста в фехтовании, — он замолк, посматривая на стоявшую в заметном напряжении Лори. — Шесть. Тот, кто ближе, победил.

— Смешно, — высказалась Ирис. — Мы сделали больше сотни взмахов... Как можно чем-то таким опрокинуть противника?

— Смотри и учись, — пожала плечами Лорелеи, скрестив руки на груди. — Если тело Фолла можно назвать подготовленным, то мастер выглядит, как хрупкая женщина, и таковой, по сути, и является...

— Лори, я всё слышу, — повернула к женщине голову архимаг. — Впрочем, не могу сказать, что ты не права. Но это и не значит, что мои удары — слабы.

— К делу, — подшагнул к чародейке первый герой, оставаясь в стойке. — Что попросишь, если победишь?

Мира задумалась, покачиваясь на носках вверх и вниз.

— У вас тоже будут с ним дуэли, — протянула Лорелеи. — Через Сад и связи Фолл может достать что угодно, от редчайших материалов до легендарных артефактов, о которых вы могли слышать только в мифах, — перешла на шёпот Лори, и у её товарищей загорелись глаза. Арт, настроенный с самого начала воинственно, теперь твёрдо решил не вылезать с тренировочной площадки до заката. — Впрочем, в расчётах, как и в своей оценке, Фолл практически не ошибается.

— Ничего такого, — развела руками чародейка. — Один фолиант из Небесной библиотеки. А ты?

— Через полтора месяца я отправлю этих двоих на задание, — произнёс Фолл. — Если выиграю, то тыпустишь с ними Лорелеи.

— Опять забираешь моего лучшего ученика, — вздохнула Мира, покачав головой. — Впрочем, пока я стою, ещё ничего не решено.

— Да, — кивнул ей первый герой. — Начнём?

— Давай, — улыбка сошла с лица архимага, когда она вновь свела руки вместе, обхватив ими деревянную рукоять.

Раз.

Первой атаковала Мира, подняв меч над собой и обрушивая его на поднявшего клинок в блоке Фолла. От одного взмаха поднялся такой ветер, что ребята были вынуждены прикрыть лица: грязная вода расплескалась из стороны в сторону. А как только мечи столкнулись, земля под их ногами содрогнулась — повсюду раздался гул, показалось даже, будто сама башня накренилась и вот-вот рухнет. От неожиданности Арт вскочил, а Ирис едва не прикусила язык, округлив глаза глядя на сошедшихся в схватке учителей.

Два.

Отразив клинок, Фолл перешёл в нападение, замахиваясь вправо и разрубая пространство перед собой. Правда, Миры там уже не было — она отшагнула, оставаясь в стойке. Идеальный угол и столь же невероятная скорость — кончик успел задеть место, откуда выходило "лезвие" деревянного меча из рукояти, силой повернув потерявшую контроль над собственной позицией чародейку.

Три.

Женщина не растерялась, поднимая оружие ещё выше, по инерции, и рассекая приблизившегося Фолла, принявшего удар напрямую — аккуратно на краешек гарды. Он не двинулся от импульса и силы, вложенной в удар, лишь толкнул, чтобы дать себе пространство для манёвра. Мира успела вернуть меч обратно перед собой, стискивая зубы. Прошло всего пятнадцать секунд, но на лбу прекрасного архимага уже выступили капельки пота.

Четыре.

Фолл замахнулся и ударил сверху вниз, повторяя замах учеников и Миры. Отходить ей было некуда, поэтому волшебница чуть повернула клинок, принимая его под острым углом. Затрещало дерево и вновь загудела земля, а поднятый ветер едва не смёл стоящую у стены троицу. Лори закрыла глаза, сложив руки вместе и начав шептать слова заклятья, но остальные, не обращая на неё внимания, продолжали наблюдать за поединком. Все удары были простыми — и не переходили в комбинации или финты. Положения тел из тренировочных стоек ни Мира, ни Фолл также не меняли, что делало силу и скорость их ударов ещё более удивительными. Сколько лет и сколько взмахов понадобилось, чтобы достичь такого уровня?

Арт с Ирис подумали об одном: что их сегодняшняя сотня была каплей в огромном океане из учения, учения и ещё раз учения.

Пять. Шесть.

Прошипев что-то на древнем языке, Мира оттолкнула первого героя вместе с его мечом, отводя свой вниз. Её ладони сместились, чтобы бить было удобнее, и Фолл, предвидя удар, поднял руки, разворачивая оружие для блока. И лишь в последний момент заметил, что Мира на этих его движениях улыбнулась, заводя меч ещё дальше и поднимая его ещё чуть выше, принимая за полсекунды прекрасную позицию для горизонтального взмаха. И ударила — сметая успевший криво встать на место предполагаемой атаки клинок, и вместе с ним разрывая дистанцию, тут же обрушивая на Фолла разрез вертикальный — тот, что учили Арт

и Ирис.

Семь. Восемь.

Карие глаза первого героя потускнели — такое случалось, когда он полностью отдавал себя сражению. Последний сокрушительный взмах он парировал, приняв резвие под прямым углом, но вместо отступления оттолкнул его, опуская меч и подшагивая, всё ещё не меняя стойку. Взмахнул, поднимая очередной поток страшного ветра и выбивая оружие из рук едва-едва успевшей вернуть свой меч обратно в исходное положение для блока, и тут же атакуя снова — по зеркальной траектории, слева сверху под ровным углом в сорок пять градусов. Растерявшаяся архимаг ничего не придумала, кроме как отпрыгнуть, но потеряла равновесие, с плеском и резким "Бах!" упав в грязь.

Фолл остановился возле женщины, приставив лезвие к шее.

Следом раздались бурные аплодисменты от двух весьма и весьма воодушевлённых учеников. Лори не аплодировала, только смотрела на своего мастера, кое-как поднысывающую с мокрой земли внутреннего двора, с сожалением. В голове волшебницы стоял только один вопрос — а сколько бы выдержала она? Наверно, упала без сил после одного или двух обменов ударами. Отыскав свой меч, улетевший в грязь, архимаг вернулась к ребятам, прислоняя его к стене башни. В глазах молодёжи плескалось удивление вперемешку с благоговением. За полминуты они увидели то, что пробудило в них жажду стать похожими на Миру и Фолла.

Невероятный поединок. Будь в их руках настоящие клинки, наверно, всё окончилось бы кровью и выбитыми суставами. Скорость и сила ударов, таких простых, один в один похожих на то, что выполняла парочка подопечных первого героя, поражали.

— Так кто, в итоге, победил? — задала Лори самый главный вопрос. — Фолл ставил на шесть, мастер — на десять.

— Либо мы оба проиграли, либо мы оба победили, — пожал плечами первый герой, глядя на Миру. — Что скажешь?

— Победили, — улыбнулась архимаг, встряхивая руки. — А это больней, чем я запомнила.

— К-как... Без использования эфира... — протянула Ирис, смотря то на архимага, то на Фолла. — Неужели можно достичь подобного..?

— Слегка неправильно говорить "без использования эфира", — выдохнув, прислонилась к стене волшебница. — Лори, сбегай-ка за Беатрис... Надо кое-что постирать.

— Слушаюсь, мастер, — с печалью в глазах ответила её ученица, направляясь к двери. — Вам не стоит отчаиваться.

— Тебе меня жалко, что-ли? — рассмеялась архимаг. — Иди уже. Я и сама знаю, что этого монстра никому не одолеть.

— Рада за вас, — сухо закончила разговор Лори, исчезая в башне.

Фолл подошёл к Мире и ребятам, аккуратно приставив свой меч к оружию волшебницы. Завидев немой вопрос в глазах застывшей молодёжи, первый герой пояснил:

— Правильно будет сказать: без активного использования эфира. Энергия, что сама собой появляется в наших телах, также является эфиром и помогает с... Да буквально со всем. Чем сильнее человек, тем она насыщенней и плотней. Будете тренироваться — эфир и в ваших телах сделает вас несокрушимыми, как сталь, и выносливыми, как клан гномов.

— Значит, это результат... Простых занятий с мечом? — спросила Ирис, нахмурившись. Ей было сложно поверить в подобное — даже спустя столько лет жизни в Крэйне.

— Правильных занятий с мечом, — кивнул ей Фолл, а затем повернулся к Мире. — Ты как?

— Ничего, что не могла бы поправить магия и свежая одежда, — выдохнула чародейка, отходя от стены. — Пойдёмте, молодёжь. Я схожу в душ, а вы пока на обед. И не забудьте переодеться!

— Не забудь сказать мне, что за фолиант тебе нужен, — Фолл легонько ткнул двинувшуюся в сторону выхода с тренировочной площадки женщину. Та отмахнулась, исчезая на лестнице за дверью. — Погнали, ребята, — улыбнулся Фолл ученикам.

Те, сглотнув, кивнули.

В спокойной манере и активном обсуждении обучения прошли следующие полтора часа. Ели Арт с Ирис с удовольствием, и что только-только освоившийся здесь парень, что выросшая в суровых северных землях девушка — оба испытывали, в первую очередь, благодарность. За всё, что для них уже сделали Фолл и Мира — и за всё то, что они сделают для них потом. Арт всё выпытывал у Фолла детали задания, про которое они слышали на внутреннем дворе, Ирис старалась есть молча, думая о своём. Мягко говоря, она ощущала себя не в своей тарелке — всё-таки девушка с самого детства жила в совершенно иных условиях, да и окружали её совсем иные люди. Наблюдая за полыхавшим интересом Арта, за колкостями Миры и за мерной, спокойной речью Фолла, она не могла смириться с тем, что её жизнь повернулась именно так.

Ей хотелось выйти и убежать. Броситься грудью на амбразуру в безумной и безответственной попытке отомстить, прорваться в императорский дворец и заглянуть в глаза бесчеловечному ублюдку, устроившего резню на земле, которую девушка поклялась защищать. Из всей деревни выжила только она и этот парень, которого она изначально на дух не переносила. Правда, то и дело общаясь с ним, она понимала, что Арту, на самом деле, ещё хуже, чем ей. Он в Крэйне только полгода, но на нём уже лежит огромная ответственность. Он своими глазами увидел жестокость, проявленную Империей, он вместе с Ирис видел, как горят те, кто приютил их когда-то. Девушка, собрав волю в кулак, решила взять над ним опеку — не похожую на ту, что проявляли Мира или Фолл, опеку, как старшая сестра.

Дальше началась лекция, что проводилась всё в той же гостевой зале. Взяв на себя роль преподавателя, Мира выступала перед ребятами, сидевшими на диване, прямо возле камина, потихоньку разгоравшегося. Медленно, но верно архимаг посвящала их в основы — о понятии эфира, о его применении и заклинаниях, связанных с разными его видами. Тут же сидела и Лори — волшебница сказала, что её ученице будет полезно повторить базовые уроки. Магия заинтересовала больше Ирис, чем Арта — всё же для парня образцом для подражания был Фолл-мечник, а не Мира-архимаг. Наконец, ответив на все вопросы и выслушав дополнения Фолла, устроившегося в одном из кресел, полноправная правительница магической башни перешла к ещё одному важному аспекту сегодняшнего занятия.

— Поговорим о ваших способностях, ребята, — откашлявшись, сказала она. — Хоть это и дар, отданный вам Богом, для их использования вы берёт свой собственный эфир. Пока что вы делаете это неосознанно, интуитивно. Со временем вы научитесь брать ровно столько энергии, сколько нужно... Но то — дело десятое. Сперва разберём, что вы, всё-таки, умеете. А то кое-кто оказался весьма скуп на детали...

Ирис подняла руку, а завидев кивок архимага, принялась за объяснение.

— Я могу призывать то, что представлю в голове. Это что-то обязательно должно быть связано с сражением — отряд солдат или танк, например.

— Танк? — не поняла её Мира. Услышав прыснувшего Фолла, волшебница вновь кивнула. — Акхм... Продолжай.

— Если призову слишком много всего, или призванные объекты будут мгновенно уничтожены, то это нанесёт мне урон. Если честно, не знаю, почему, — протянула Ирис, а Арт понимающе закивал головой.

— Ирис тоже очень сильная, — протянул парень. — Она защищала деревню столько лет...

— Значит, способность призывающего типа — Бог Войны, — выдохнула Мира. — Думаю, Фолл тебе уже сказал, девочка — но это очень сильный дар. Тебе достаточно развить управление эфиром и его объём, помещающийся в теле. Уже с таким уровнем ты будешь способна на многое.

— Спа... Спасибо, — кивнула Ирис, стараясь не смотреть на Арта. Она не могла сказать ему, что чувствует вину за произошедшее. Если бы только она была сильнее...

— Что до ущерба — это недостаток призыва. Ты и материя, созданная тобой — связаны, поэтому резкий и внезапный удар по ней перенесётся и на тебя — через эфирную связь. О ней мы поговорим позже.

— Теперь я, — произнёс Арт со своего места, блеснув янтарными глазами. — Я умею перемещаться... И становиться невидимым.

— Перемещаться? — заинтересованно спросил Фолл. — Как это?

— М... Мгновенно. Сперва становлюсь невидимым, а потом выбираю, куда хочу попасть, и оказываюсь там.

— Мира, — привлёк к себе внимание первый герой. — Стираются также запахи, звуки, ощущение присутствия и эфирный след. Лишь по колебанию свободного эфира можно понять, где находится Арт во время применения дара. И то, заметить это можно лишь на относительно близкой дистанции.

— Полное сокрытие и телепортация... — задумалась архимаг. — То, что это тип плаща и кинжала, понятно, но... Я видела всё в раздельности — либо невидимость, либо телепортация. И там, и там были все те же признаки.

— Плащ и кинжал? — удивилась столь тривиальному названию Ирис.

— Да, дар, подходящий для скрытого убийства и превосходно показывающий себя даже в прямом столкновении, — протянула Мира. — Можно смело сказать, что Арт — универсал.

— Убийства, да... — помрачнел Арт. Он слишком быстро повзрослел — и хоть на его руках не было крови, ему всё ещё было тяжело представить, что это такое — по-настоящему отнять чью-то жизнь. Ирис, в отличие от него, преодолела это препятствие давным-давно — когда в деревню впервые попытались пробраться разбойники. — А до каких пределов я смогу развиваться?

— Хороший вопрос, — ответил за Миру Фолл. — Как понимаю, для телепортации тебе нужно время.

— Да, для концентрации, — подтвердил парень.

— Полагаю, на пике ты сможешь перемещаться без пауз и несколько раз, — предположил первый герой. — Только противник с развитой боевой интуицией будет способен противостоять тебе. Такие на дороге не валяются.

— Понятно... Спасибо.

— А какая способность у вас, Фолл? — задала вопрос Ирис, чтобы разрядить атмосферу. — Почему-то мне кажется, что это что-то очень редкое.

— Редкое? — не сдержала смех Мира, а вместе с её смехом камин затрещал ещё громче. — Ха-ха-ха! Да, наверно, можно сказать и так. За всё время, что я пролистывала записи Летописи Бога, кажется, только Фолл попросил у него нечто... Такое! Ха!

— Так это не сила или умение? — встряла Лори. — И почему я раньше тебя об этом не спросила...

— Потому что мой дар действительно глупый и практически бесполезный, — пожал плечами Фолл. — Не вижу смысла это скрывать, так что не стройте кислых мин, — хмыкнул он на этих словах, глядя на напряжённые лица учеников. — Всё просто — я попросил у Бога идеальную память.

— И... Всё? — протянула Ирис.

— Он задал мне тот же вопрос, — вздохнул первый герой. — Да, и всё. Я поминутно помню каждый день — от прибытия в Крэйн до сегодняшнего утра. Каждое слово, запах, чувство, ощущение, эмоция — до мельчайших подробностей.

— Единственное, чем полезен этот дар — Фолла невозможно поймать в иллюзию или воздействовать на него ментальной магией, — отсмеявшись, дополнила Мира. — Так что да, то, что ваш учитель такой сильный, результат его собственных усилий и труда, вложенного в учёбу и тренировки.

— И совсем немного — удачи, — улыбнулся Фолл.

— Да. И капельку — удачи, — подтвердила Мира, оглядывая троицу, застывшую с выражением шока на лицах. В полном удивлении были все — от Лори, что путешествовала с Фоллом больше полугода, до Арта и Ирис, знавших первого героя всего пару дней и уже успевших увидеть, сколь невероятен он был.

Неужели это правда? Неужели вся та мощь, что они увидели, была обретена лишь благодаря... Усердию? И они должны были в это поверить? Правда, смотря на продолжавшую то и дело хохотать Миру и на отводившего свой взгляд Фолла ребята понимали, что всё сказанное — суровая реальность. В то же время это вселяло в них надежду — если смог он, то смогут и они. Под руководством человека, сотворившего свою силу самостоятельно, и архимага, признанного им девяткой, парочка спасённых из деревни героев наверняка, как минимум, доберётся до уровня императора. И тогда... Они обязательно, во что бы то ни стало, отомстят.

Ни Арт, ни Ирис не успокоятся, пока голова убийцы старейшины и жителей их деревни не окажется пред их ногами.

— Подведём итоги, ребята, — спустя пару минут молчания высказалась архимаг. — У вас будет по три тренировки в день. Утренняя — фехтование с Фоллом, дневная — мои лекции и практика использования эфира, и вечерняя — совершенствование даров. Полагаю, плащ и кинжал Арта возьмёт на себя Фолл, а про Бога Войны Ирис как следует расскажу я. Если вам что-то будет нужно, не стесняйтесь обращаться к нам или Лори. Она будет посещать ваши занятия, правда, не столь часто. У неё... — женщина посмотрела на ученицу, опустившую свой взор. — Своё обучение. Которое ещё крайне далеко от завершения.

Все трое кивнули, принимая во внимание сказанное.

— А через полтора месяца вы отправитесь на вашу первую самостоятельную миссию, — встрял Фолл, теребя пачку сигарет в руках.

— Сами? — перевела взгляд на первого героя Ирис.

— Если мы будем постоянно вас опекать, вы никогда и ничему не научитесь, — пожал плечами тот, пряча сигареты обратно в карман. — Не волнуйтесь, с вами отправится Лори, она же будет отвечать за связь. Пусть мы и в мире меча и магии, здесь тоже есть... Свои пути сообщения. Мира, будь так добра.

— Фарион, явись! — продекларировала архимаг, и во все стороны из центра залы с грохотом и шипением ударили молнии. В месте их концентрации ребята, кое-как продравшись сквозь ослепляющий жёлтый свет, увидели... Обычную сову. Слегка крупную по сравнению с теми, которых герои знали по Земле. Её крупные золотые глаза сперва оглядели стоявшую перед ним волшебницу с ног до головы, а затем голова животного повернулась, на секунду задержав взгляд на Фолле, и чуть дольше — на Лори и Арте с Ирис.

Затем сова вновь посмотрела на архимага.

И поклонилась, прижав крыло к груди. Эдакий соответствующий этикету реверанс.

— Госпожа, — произнесла высоким мужским голосом сова. — Я к вашим услугам.

— Доброго дня, Фарион, — столь же вежливо склонила голову Мира. А потом обратилась к замершим в очередном удивлении ребятам. — Арт, Ирис, позвольте представить Фариона — гордого представителя грозовых сов.

— Моё почтение, о ученики моей госпожи, — полностью повернулся тот к молодёжи, вновь сделав глубокий поклон. Выпрямившись, нахмурил густые брови, слегка выделявшиеся на фоне общего жёлто-серого оперения. Его клюв двинулся туда-сюда, будто сова была в замешательстве. Или правильной будет говорить "сыч"? — Вижу, что вы и сами не *le pausan*. Фарион приветствует героев Крэйна!

Он расправил крылья, соединяя их воедино над головой.

— Вообще-то я тоже герой, — рассмеялся Фолл, закидывая ногу на ногу.

— Мсье, вы излагаете какой-то нонсенс, — перевёл взгляд на первого героя Фарион. — Существо, превзошедшее Бога, не именуется *héroïque*.

— Ладно, ближе к делу, — выдохнул мужчина, обращаясь к остальным. — Перед вами грозная сова, одно из самых быстрых животных в этом мире. Их очень мало, поэтому большинство скрывается в горах, где их не трогают гномы. Грозные совы разумны, как вы могли увидеть, поэтому в редких случаях присягают на верность магам, выступая в роли... Пожалуй, ближе всех будут почтовые голуби.

— Не смейте оскорблять *ma famille*, — тут же откликнулся Фарион, грозно сверкнув большими глазами. — Хотя не стану лгать, сие высказывание весьма, весьма близко к правде. Однако, попрошу заметить, что мы также превосходные дозорные, шпионы и бойцы, каких ещё нужно поискать!

— Фарион будет помогать нам держать связь, — легонько вздохнула Мира — порой развёрнутая и полная пауз речь контрактора выводила её из себя. — Лори знает, как его позвать, поэтому она же будет отчитываться о вашем прогрессе.

— Госпожа, — вновь поклонился перед Лорелей Фарион. — Это услада для глаз — видеть вас в здравии.

— Спасибо, Фарион, — улыбнулась волшебница. — Ты тоже такой же красавчик, что и прежде.

— Благодарю вас, — слегка наклонила голову сова. — А сейчас — позвольте откланяться. Обед... Ещё бегаёт.

— Позволю, — кивнула ему Мира, и Фарион, вновь расплескав повсюду золотые молнии, исчез в очередной вспышке. Протерев глаза, Арт с Ирис уставились на архимага в

ожидании. Заметив их взгляд, волшебница развела руками. — На этом, полагаю, лекция окончена. До вечера у вас полная свобода — я буду в опочивальне, Лори — в библиотеке. Если потеряетесь, вежливо позовите Беатрис, мою старшую фею.

— Я отправлюсь с Лори, — поднялся Фолл, похрустев шеей.

— Хорошо, — робко отозвался Арт. — Ирис... Мы можем поговорить?

— Оставим вас наедине, — понимающе подмигнула первому герою архимаг, направляясь к двери рядом с камином. Фолл с Лорелеи последовали за ней, вскоре исчезнув за хлопнувшей дверью.

Итак, двое остались в пустой большой зале. Девушка, выросшая в Крэйне, и парень, что ещё не отошёл от шока после попадания сюда. Оба с одинаковой целью, оба с яростным желанием в глазах... Какими же будут их взаимоотношения?

— Я хотел сказать спасибо, — набравшись смелости, произнёс Арт. — Знаю, ты не любишь героев... И всё же — ты меня защищала. Всё это время, в деревне.

— Это просто предлог, или ты всерьёз попросил поговорить только ради благодарности? — со вздохом отозвалась Ирис, откидываясь на спинку дивана. — Столько всего происходит одновременно, а ты тратишь время на простое "спасибо"...

— Нам с тобой нужно поладить, — вложив в свой голос всю серьёзность, на которую был способен, сказал последний герой. — Но спасибо — это меньшее, что я могу для тебя сделать. Обещаю — что бы ни случилось, я защищу тебя. Ты... — он сбился, выбирая выражения. — Последняя семья... Которая у меня осталась. Я ничего не знаю — ни об этом мире, ни о том, что меня ждёт. Но...

— Но? — посмотрела на него девушка. Её обуревали странные чувства — с одной стороны, это их первый разговор по душам, тет-а-тет, с другой — слова Арта задели что-то внутри её души.

— Я клянусь собой, что во что бы то ни стало стану героем, который спасёт мир! — сжав кулаки, произнёс Арт.

— Говоришь, как типичный герой, — хмыкнула Ирис, и Арт потупил взгляд, пытаясь справиться с эмоциями. — Не парься. Может, я героев и на дух не переношу. Это правда. Ты будешь исключением.

— Да? — он посмотрел на неё глазами, полными надежды.

— Ага, — улыбнулась девушка. — Будем считать, что ты в первую очередь — мой товарищ. А учитывая разницу в возрасте — младший брат. Ещё глупый, тихий, слабовольный — но младший брат. А уже потом — герой.

— Вот уж... Спасибо... — вяло рассмеялся парень. — Но я серьёзен! Даже старейшина говорил, что нет ничего серьёзнее клятвы собой. Нарушу — и гнев Крэйна обрушится на меня.

— Да, да, — отмахнулась Ирис. — Я и сама себя защищу. Кроме того, с этого дня я — твоя старшая сестра. Вот уж на ком лежит обязанность защиты, так это на мне, — ей вспомнилась манера речи Миры, порой грубая, однако всегда бьющая по человеку своей искренностью. — Возражения не принимаются!

Арт, с благодарностью посмотрев на девушку, тихоньку кивнул. Отчего-то ему показалось, что всё так и должно было быть с самого начала. Если бы они не избегали друг друга, то смогли бы подружиться куда раньше. В деревне, где и так было немного жителей и все знали друг друга в лицо, подобная дружба стала бы ещё крепче. Сейчас, в обстоятельствах, требующих решительных действий и волевых решений, Арт понял, что

ближе Ирис у него просто никого нет. Её он хотя бы знал с самого попадания в Крэйн, и она не выглядела как человек, готовый всадить нож в спину. Пусть в этом мире парень был не так давно — он успел послушаться от старейшины о его жестокости. Он не сталкивался с ней, пока не очутился в полыхающей деревне. А потому...

Решил сделать всё, что нужно, дабы превзойти себя.

Стать героем, не просто похищенным с Земли человеком, а тем, кто защищает, оберегает и спасает других. Никому доселе неизвестно, что Арт вырос на книгах и фильмах о героях. Самых разных — с приставкой анти, сильных, слабых, грубых, простых, смелых, бесчестных... Жизнь подбросила ему шанс — и он обязательно им воспользуется, даже не зная, зачем и почему именно он всё-таки здесь.

С этого дня и с этого разговора начались полтора месяца усердных, полных крови, боли и пота тренировок. Фолл и Мира были прекрасными учителями, и даже Ирис, сперва смотревшая на весь процесс со скепсисом, быстро втянулась, посвятив себя с одинаковым рвением как фехтованию, так и занятиям магии. Со временем вся компания становилась всё ближе. Особенно крепла связь между Артом и Ирис, а также между этими двумя и Лорелей. Женщина, которую они постоянно заставляли за книгами в огромной библиотеке, уставленной стеллажами, полными древних фолиантов, относилась к двум героям приветливо и, в какой-то мере, учтиво. Иногда они тренировались вместе на внутреннем дворе, но чаще пересекались на лекциях архимага.

Мира всецело завоевала внимание парочки. Не особо беспокоящаяся о субординации в их отношении, женщина виделась каждому из них своеобразным символом, идолом, если можно так сказать. Понимая, сколь далеко им до Фолла, Арт и Ирис выбрали своей первой целью стать равными архимагу волшебной башни. Арт выбивался из сил, проводя абсурдное количество свободного времени на внутреннем дворе, возле чучел, созданных Фоллом в их первое занятие. Ирис вскоре заседала над манускриптами вместе с Лорелей — и не стеснялась задавать вопросы, пускай даже и глупые. Девушке было важно как можно скорей познать суть использования заклинаний, чтобы научиться использовать, кроме своего дара, что-то ещё.

Через пару недель к их лекциям добавился второй послеобеденный урок. На нём Фолл рассказывал о бестиях, обитающих в Крэйне повсюду. В первую очередь он провёл чёткое разделение между животными и чудовищами. Первые часто безобидны, если их не провоцировать или не нарушать определённые правила. Вторые — агрессивны по умолчанию, и практически в ста процентах случаев — плотоядны. Скучные рассказы о тварях первый герой перемежал с историями о том, как столкнулся с той или иной во время своего путешествия впервые. Арт с Ирис поражались, сколько же всего пережил этот человек, о котором они, в глубине души, искренне желали узнать больше. Проще говоря, Фолл использовал свой дар на полную.

Лори прилежно училась под отдельным руководством Миры. Иногда заглядывала в комнату к Фоллу, потому что идти за помощью в учёбе к её мастеру было бесполезно. Женщина, прожив какую-никакую, а всё же долгую жизнь, волновалась, в первую очередь, за психическое состояние молодых людей. Поэтому и проявляла доброту и доброжелательность, когда те приходили к ней за советом или просто поболтать. Понемногу рассказывала и о себе — о том, как родилась в семье знатного имперского графа, как выросла в любви и богатстве, и как потеряла всё, когда Сангвин пришёл к власти. Посвящать ребят в свою историю полностью она не стала — им это, по её мнению, было не нужно. Зато

Лори постаралась рассказать, как встретила Миру, а потом — Фолла.

Познакомились новички в волшебной башне и с Беатрис, которая заобнимала обоих чуть ли не до потери сознания. Старшая фея делилась деталями жизни архимага куда охотней, чем Лорелеи, а потому что Арт, что Ирис — оба зачастили к ней и остальным на кухню. Громадную, похожую на ресторан, такую же поражавшую воображение, как и всё в этом месте. Ребята постепенно понимали, что эта башня и все те, кто учил их, общался с ними и с кем они проводили время — всё это стало их новым домом. Холодный и страшный мир вне стен уже не казался таким холодным и страшным. Более того, в какой-то момент Мира начала посылать на рынок вместе с Лори и Ирис, накатав длиннющий список покупок. С ними отправился и Арт, выдернутый с тренировки его подругой.

Фарэй им понравился. Красивый город из синего кирпича с удобными каменными дорогами, Осторожно поначалу, и всё уверенней с течением дней они перебрасывались с купцами парой слов, вежливо здоровались со стражниками, запомнившими ребят как учеников архимага. Конечно, в пустой болтовне ни о чём ребята избегали упоминания Фолла и всей той истории, что случилась с ними. Мира, заранее предвидя распросы, снабдила парочку легендой — мол, они её племянники из далёкого Ливиграда. Парящий город-государство был довольно знаменит тем, что собирал у себя всю учёную элиту и лучших магов со всего света, поэтому вопросы у интересовавшихся быстро отпали. В конце концов, кто только о нём не слышал.

А что Фолл? Первый герой проводил свободные дни за разбором бумаг, целыми кипами присылаемыми через Фариона. Сад уже давно вёл дела без руководства, поэтому Фоллу приходилось сидеть допоздна, читая отчёты и отсылая письма в самые разные уголки Крэйна. Если выдавался свободный вечер, то после занятий с учениками он распивал вино с Мирой, категорически отказываясь впускать в эти моменты в общую залу хоть кого-то, кроме Беатрис. Одному Богу известно, о чём они там говорили. В конце концов, даже у учителей должна быть личная жизнь. Все трое названных студентов знали, что их преподавателей связывала долгая и крепкая дружба, потому и не мешали, расходясь в такие вечера кто куда.

Так прошло ровно полтора месяца: шесть с половиной недель.

И пришло время для той самой самостоятельной миссии, о которой до сих пор ни Арт, ни Ирис, ни Лори не знали толком ничего.

Глава четвёртая. Хорошие, плохие, мёртвые

— Это... Плохая идея.

Голос архимага звучал, расходясь эхом по замёрзшему холму. В серых небесах над Фарэйем сгушались тучи: кажется, под первый звон церковного колокола с утра должен был начаться дождь. К городу, заранее спрятав лица под капюшонами чёрных плащей, двигались три фигуры, в одеждах которых угадывались Лорелеи, Ирис и Арт. Хорошо спевшееся трио рассекало снег, в котором утопало по щиколотку, уверенно и без пауз, словно для них его не существовало. Их не смущал холод, пробиравший до костей даже укутанных в шкуры стражников, завершавших утренний обход окрестностей. Патруль, заметив людей, спускавшихся от высоченной каменной башни, поспешил им навстречу. Мира, во второй раз за разговор тяжело вздохнув, перевела взгляд на Фолла, стоявшего возле неё во том же плаще, что и ученики.

— Арт и Лори — четвёрки, Ирис — пятёрка. Лорелеи оградит их от глупостей, а Ирис — от серьёзной напасти. Кроме того, всегда есть Фарион.

— А ещё ты дал им знак Сада, я помню, — покачала головой чародейка. — И всё равно — от Фарэя до Ливиграда... Даже я, в молодые-то годы, не путешествовала столь далеко в столь скромной компании.

— Врёшь и не краснеешь, — рассмеялся Фолл. — Верно, далеко ты не ходила. Ты забиралась вглубь — в пещеры, катакомбы, древние гробницы... И почему все маги так любят тревожить мёртвых..?

— Дух авантюризма в нас столь же велик, сколь и в самих авантюристах, — чуть улыбнулась Мира, провожая взглядам троицу учеников. Те, вежливо разъяснившись со стражей, уже в её сопровождении продолжили свой путь до первых отдалённых зданий. — И сколько они там пробудут?

— Если не считать время на передвижение, в самом Ливиграде — около полугода, — прикинув в голове, ответил первый герой. — Встречная претензия: ты настолько не уверена в наших подопечных?

— Трудно сказать, — на выдохе протянула архимаг, ухватив прядь из-за уха и принявшись потирать её, как всегда делала в моменты напряжения и стресса. Это успокаивало волшебницу. — В Крэйне чересчур большой процент неожиданности. Чем длинней дорога — тем выше шанс, что они встретят кого-то или что-то... Сильнее их всех вместе взятых. Я в курсе: ты связался с единственным караваном торговцев, избегающих крупные имперские города. Сомнительно, что они встретят рыцарей Сангвина, но чудовища... Тварям плевать, кто ты — дворянин или простой смертный, герой или сам император.

— Они отлично выучили бестиарий, — пожал плечами Фолл, вместе с Мирой наблюдая, как исчезают в городе превратившиеся в маленькие точки ученики. — Поймут, что нечто серьёзное напало на их след — либо скроются, либо подготовятся так, чтобы победить. Я зря проводил дополнительные лекции по тактике, не пойму?

— Зря — не зря, какая разница, если они сгинут... — прикрыла глаза чародейка, потерев двумя пальцами лоб. Затем вновь вздохнула, скрестив руки на груди. — Я не паникую. Не паникую, не смотри на меня.

— Ладно, ладно, — сдержал смех Фолл, осторожно касаясь обнажённого плеча

архимага. Её платье трепыхалось на ветру, достаточно сильном на самой вершине холма. — Пойдём обратно. Мне тоже скоро выдвигаться.

Женщина кивнула, поворачиваясь к башне. Прошептала слова заклятья, взмахнув руками. Воздух вокруг них заискрился чем-то белым, а зрение затуманилось. Фолл первым шагнул вперёд, прочь из набежавшего белоснежного тумана телепортации, выходя прямо в общую залу, в которой за полтора месяца слегка успел измениться интерьер. Два кресла теперь стояли вместе и прямо возле камина, сиденьями к дивану. Появились две лампы с магическими камнями в роли источников света; они стояли по углам, а возле каждой располагался небольшой деревянный стол с парой стульев. На личных местах Ирис и Арта до сих пор лежали несколько стопок учебников, личных записей и книг с заклинаниями. Отдельно выделялся бестиарий, копии которого покоились на сидучках. Толстенная книга поблёскивала золотыми буквами в свете пламени камина, чинно пожиравшего нескороемое полено из Иггдрасиля.

Присев на диван, Фолл дождался, пока чародейка присядет рядом, смотря перед собой. Выдохнул, одобряюще приобняв Миру, тут же положившую голову на плечо первому герою.

— Нормально всё будет, — протянул мужчина. — Не цыплята, уже взрослые лбы. Теперь — ещё и подготовленные. Если тебя это успокоит, я попросил Эсси с Йораном выдвинуться к ним навстречу. Письмо придёт к учителям через месяц — как раз тогда, когда Ливиград будет в примерно в неделе пути.

— Так ты решил взять их обоих? — Мира не стала убирать ладонь первого героя, что осторожно гладила её по тёмным волосам.

— Когда мы бороздили Аврору вместе, единственным, кто мог успокоить вспыльчивую Эсмеральду, был вечно холодный и молчаливый Йоран. Даже мои речи не всегда достигали её ушей!

— Полагаю, это не единственная причина... — хмыкнула чародейка.

— Ирис с Эсси похожи, — покивал Фолл, свободной рукой сдёрнув капюшон с головы. — Во-первых, характерами. И та, и та скорей умрёт, чем отступит перед превосходящими силами или обстоятельствами. Во-вторых, стилем сражения. Огромная разрушительная мощь — фирменный ингредиент каждой. И в-третьих, обе с презрением относятся к лжи и бесчинствам, невзирая на титулы или происхождение. Смотрят, так сказать, в первую очередь не на обложку, а на содержание.

Мира улыбнулась, соглашаясь с доводами первого героя.

— А Йоран... Он лучше кого-бы то ни было знает, что месть — блюдо, которое подают холодным. Если Ирис с Артом не перестанут использовать первичные эмоции как основной катализатор, рано или поздно их прогресс остановится. Как это произошло...

— С Лорелеи, — протянула архимаг. — Я ей... Не смогла сказать. Что ярость и желание возмездия только мешают обучению, и даже с врождённой способностью мага крови ей не прыгнуть выше головы... Да, под твоим крылом она прорвалась на ещё один балл вперёд. Но чёрт подери, неужели девочка не понимает, что дальше будет в разы, в десятки раз сложнее?

— Людям легко начать ненавидеть, — продолжая поглаживать чародейку, словно кошку, сказал Фолл. — И куда сложнее — перестать. Мы с тобой понимаем это, потому что самостоятельно прошли весь путь от начала и до конца. Ребята... — он вздохнул, посмотрев на пламя. — Что ж, этому не научить и в голову не вбить. Если не преодолеют свою слепую жажду возмездия сами, мы тем более не поможем.

— Знаю, и всё равно... Это то, что называется бессилием, да?

Для Миры нечто подобное было в новинку. Чувство, когда ты неспособен хоть как-то повлиять на события, имеющие для тебя огромное значение. Какие бы испытания не выпадали на долю чародейки, она преодолевала их сама, не оглядываясь на других. Став старше, мудрей и сильнее, она занялась помощью в испытаниях жизни другим. Но сейчас, столкнувшись с препятствием, преодолеть которое могли лишь сами ученики, она не находила себе места. Волнение и беспокойство туманили разум, и всё, что могла сделать с ними архимаг, это отрешиться и забыться, на время полностью исключив проблему из мыслей. Фолл, сидевший рядом, помогал смириться, но и ему не под силу было полностью успокоить чародейку.

— Кстати, — улизнула женщина из объятий первого героя, откидываясь на спинку дивана. — Что с яйцом дракона?

— Старейшина спрятал его в кармане потерявшей сознание Ирис, — ответил Фолл. — Я отправил его вместе с письмом, правда, кузнец прибудет в Ливиград только к концу лета. Так что клинок Арт получит гораздо позже, чем планировалось.

— Эрнст или Киподон? — задумчиво уточнила Мира.

— Первый занят в лабораториях Совета Сенстони, второго лучше не дёргать с Железных Гор. Так что я попросил об одолжении Зородана.

В глазах архимага отразилось удивление, быстро сменившееся недоверием.

— Ты что... Попросил *дракона* выковать меч из *яйца* дракона? Я правильно понимаю?

— Прежде чем ты обрушишь мне на голову тонну обвинений и оскорблений, позволь прояснить — ему нет дела до сородичей, он — дракон свободный, никому и ничему не обязанный. Пришлось раскошелиться, чтобы он просто задницу с юга на север потащил, но результат того стоит.

Драконы. Существа, просто обязанные присутствовать в любом мире меча магии. В Крэйне их существование было скорей мифическим, нежели документально подтверждённым. И всё же — сколь не обновлялся бестиарий, в нём из издания в издание оставлялась глава, посвящённая этим величественным созданиям, которых не безосновательно окрестили парящими возле Бога. Их сила по умолчанию превосходила любых других существ, населявших Крэйн, и лишь немногие из ныне живущих людей, гномов, эльфов или орков были способны потягаться с ними один на один. Драконы были по-настоящему огромными — один такой взмахом крыльев мог смести пару батальонов закованных в латы рыцарей, а вместе с хвостом их длина составляла более сотни метров. Чешую не брали ни лучшие копья, ни величайшие из заклинаний, а пламя заставляло трескаться даже скалы.

Драконы населяли исключительно отдалённые земли, в которых почти не было разумных существ. Например, пустыни на юге континента, или небольшие островки на западе, далеко-далеко за океаном. Отличительной чертой их характера являлось то, что им не было дела до других рас Крэйна. Они, как и многие живущие в этом мире, опытным путём поняли, что связываться с кем-то, кроме соплеменников, не стоит. Ибо те из драконов, что всё-таки решили жить среди людей, либо погибали, либо оставляли после себя выжженные пустоши, навсегда уходя в одиночество. Парящие подле Бога редко находили себе партнёра, что никак не сказывалось на популяции — драконы могли жить тысячи, десятки тысяч лет, не теряя своей мощи.

Всё дело в их эфире — как и другие его виды, эта энергия была индивидуальной и присущей только драконам. Она же являлась причиной охоты на драконов в далёком

прошлом и совсем близком настоящем. По слухам и легендам, выпивший кровь дракона обретал бессмертие. Разумеется, всё это глупости, ведь малая доза драконьего эфира наделит существо лишь кратковременным приростом силы. Без естественного источника, выделяющего его, так называемой вечной жизни не достичь.

— Напомни мне, какой у нас Зородан? — нахмурилась Мира.

Чёрные драконы были самыми опасными среди прочих, ибо владели некромантией и предпочитали жирной корове человечину в порванной одежде. Золотые выдыхали самое горячее пламя, и именно они были похожи на "классических" драконов — тех, что сидели на горе сокровищ. Синие жили в землях, окружённых океаном, а их огонь мог исцелять в той же степени, что и сжигать в пепел. Алые были известны тем, что охотились на сородичей, а их грубая сила превосходила всех прочих. Белые применяли магию света и порой встречались с жрецами храма, дабы передать им Его благословение. Наконец, бирюзовые драконы, которых считали старейшими даже среди соплеменников, были хранителями драконьей магии, столь же старой, сколь и они сами.

Первых практически не осталось, ибо постоянные сражения с другими разумными расами Крэйна привели к их полному истреблению. Те же, что выжили, спрятались глубоко в недрах земли, дабы не рисковать собственными жизнями.

— Алый, — ответил на вопрос чародейки Фолл. — А что, есть разница?

— В Ливиграде, если ты не забыл, тоже есть дракон, — скрипнула зубами Мира. — Думаешь, эти двое не устроят потасовку прямо посреди жилых районов?

— За то, чтобы Зородан не лез к бирюзовому, я доплатил ему сверху, — выдохнул первый герой. — Редко встретишь столь ценящего сокровища красного дракона. Может, он в золотые решил перебраться?

— Очень смешно, — потёрла переносицу Мира, продолжая ворчать. — Сначала поход в Ливиград, потом приглашение Зородану... А дальше ты соберёшь армию и пойдёшь войной на Империю?

— При всём желании за год мне Сангвина с прислужниками не одолеть, — отмахнулся Фолл. — Достаточно лишь обескровить государство и одолеть императора.

— "Достаточно лишь", тьху, — злилась чародейка. — Эх... Иди уже, куда собрался. Провожать не буду — ты не мой ученик.

— Ты чудо, — рассмеялся мужчина, а затем поднялся, подступив к камину. — Передай Беатрис, что я был рад вновь быть окружённым её заботой.

— Передам, передам, — поднялась вслед за ним архимаг, подходя поближе. Прищурилась, посмотрев Фоллу в глаза. — Если с ними что-то случится... Больше я тебя перизимовать в башню не пущу.

— Хорошо, — кивнул ей первый герой, улыбаясь. — Ещё увидимся, Мира.

— Береги себя, Фолл, — сказала чародейка, и Фолл, вежливо поклонившись, исчез в ворохе белых искр. Пламя в камине недовольно заурчало — ему не нравилось, когда рядом было что-то ярче, чем его свет. Архимаг, легонько вздохнув, опустилась в кресло, окидывая взглядом пустые рабочие места своих учеников. Их записи, книги, в которых ребята делали свои заметки, их тренировочные мечи, чьи рукоятки торчали из-за кипы манускриптов. Наконец, она взглянула на соседнее кресло, в котором каждый день сидел Фолл, проводя вместе с ней лекцию за лекцией. Вместе они, как в старые-добрые, смеялись, подшучивали, порой осыпали друг друга прямыми оскорблениями в жарких спорах, не стесняясь учеников. Она знала, что будет скучать по первому герою так же, как и по троице подопечных.

Беатрис вспорхнула в воздух из-за дивана, опускаясь на его край. Маленькая фея приглаживала золотые волосы, поглядывая яркими зелёными глазами на чародейку, никак на её внезапное появление не отреагировавшую. Поболтав с минуту короткими ножками, старшая фея слегка наклонила голову, продолжая сверлить женщину понимающим и отчего-то несущим насмешку взглядом. Под таким напором Мира сдалась, сложив руки на коленях.

— Что?

— Не что, а почему, чаровница, — раздался переливчатый смех в опустевшей общей зале. — Сколько вижу вас с ним, столько диву даюсь — отчего же вы такие неприступные? Один всегда в работе, всегда в пути, а как останавливается, так сердце никому не открывает... Ты же — всегда здесь, всегда в одиночестве, а сердечко твоё такое же — не открывается, не показывается. Даже тому, кому следовало бы его открыть.

— Не лезь мне в душу, Беа, — злобно осадила фею Мира. — Всему есть предел. И... Не до этого мне. Дел полным-полно — пока Фолла нет, я буду разгребать все отчёты и собирать информацию от агентов Сада.

— Видится мне, чаровница, что таким образом "не до этого" будет до конца ваших дней... — с грустью протянула Беатрис. — Ты же понимаешь лучше других, что чувства нельзя держать под замком...

— Послушай...

— Нет, это ты послушай! — сжала кулачки старшая фея. Её голос стал громче, а слова — полными гнева. — Сколько всё это длится? Герой, не герой, архимаг, не архимаг, все вы — существа с душой и сердцем. Ты хоть знаешь, как он о тебе говорит? Всегда отпускает комплименты твоим платьям, всегда замечает твои новые украшения, всегда вспоминает истории, которые ты, быть может, даже не помнишь... Он признаёт твою доброту, искренность, заботу о близких — да всю тебя, вместе с глупой порой прямолинейностью и грубостью, с которой ты обращаешься с ним!

— Беа, это... Не так просто... — протянула чародейка, и по её опечаленному лицу было видно, что слова верно слуги достали что-то глубоко внутри архимага. — Может, это и глупо — вот так молчать. Но что, если там у Фолла есть кто-то другой? Может, даже семья... Мы ведь никогда не говорили о том, какую жизнь он оставил в своём мире. Откуда мне знать, что я не лезу в пропасть?

— Глупые вы... — прошептала Беатрис.

— Вы?

— Он мне то же самое сказал... — насупившись, ответила старшая фея. — Может, у тебя и есть кто, а он будет третьим лишним. И эта ваша работа! Слушать не могу и не хочу! Неужели так трудно просто быть вместе, раз вас тянет друг к другу...

— Ты не знаешь всей истории, — Мира устало приложила ладонь ко лбу, буравя подчинённую взглядом из-под неё. — Фолл... Если бы я могла, я бы сделала всё, чтобы он не стал героем. То, что ему пришлось пережить здесь, не должно быть испытано живыми. А он — испытал. И отчасти это моя вина. Если бы... Если бы только моих сил хватило, чтобы всё повернуть вспять!

— Разве это причина молчания? — не сдавалась Беатрис.

— Да, — Мира поднялась, поправляя синее просторное платье. — Я уйду. Меня не будет где-то полгода... Присмотри за башней, пожалуйста.

— Чаровница! Что ты творишь?! — старшая фея взвилась в воздух, зависая перед лицом волшебницы. — Куда ты?!

— Твои слова заставили меня задуматься, — протянула архимаг, и по лицу Беатрис пробежала дрожь — она услышала, сколь сильное волнение звучало в её словах. — Но здесь и сейчас я ничего поделывать не смогу... Нужен план. План, который, как ты и сказала, позволит нам "открыть сердца" друг другу.

— Госпожа... — фея отлетела назад, со страхом глядя на чародейку.

— Плевать на отчёты, плевать на работу, — со сталью в голосе процедила Мира, а её тусклые чёрные глаза вдруг вспыхнули, заблестели, маниакально глядя куда-то мимо Беатрис. — Ты права, Беатрис. Я устала. От "архимага" осталось только название, скрип стульев и шелест книг в библиотеке. Я была чем-то большим, чем просто титул. Искатель сокровищ, авантюрист, исследователь, детектив... Всё это вместе — и при том ничем из этого.

— Чаровница, прости меня, — вытянув руки, маленькая фея с виноватым видом теребила подол платяишка. — Наговорила того, чего не надо было.

— Нет, ты сказала всё правильно, — выдохнула Мира, приходя в себя. — Если буду сидеть тут и ничего не делать, то рискую и остаться ни с чем. Хочется, спустя целый век, хоть немного побыть эгоисткой. И я побуду — не как архимаг Мира, а как безымянная чародейка.

— Хорошо, госпожа, — кивнула ей Беатрис. — Я рада, что вы решились. Н-надеюсь, вы не злитесь...

— Злюсь? — рассмеялась архимаг. — Нет, нет.

— Тогда почему вы так торопитесь уйти? — напряжённо спросила старшая фея, от страха переходя на официальный тон. — Неужели... Вы хотите покинуть башню навсегда?

— Всё просто, — женщина пригладила серые волосы, а улыбка спала с её лица, уступив место серьёзному и уверенному в себе выражению. — Послушаю-ка я совет Фолла. "Когда не можешь что-то изменить, обрети силу, используя всё время, что можешь потратить". Я слишком долго оставалась в стороне. Император, Бог, герои, катастрофа... Я исправлю всё. Даже если умру!

— Чаровница! — вспыхнула Беатрис, облетев архимага, направившуюся к двери, прочь из башни. Старшая фея преградила ей путь, выставив перед собой маленькие ручки. — Это не в твоём стиле — принимать такие решения! То, что случилось, случилось не просто так!

— Ты знаешь, сколько мы потеряли за всё то время, что герои бороздили Крэйн, — спокойно и в то же время холодно протянула Мира. — Сколько бессмысленных смертей, сколько бессмысленного хаоса. Хочешь, раскрою тебе маленькую тайну? Фолл рассказал, когда мы путешествовали вместе, а Сад только зарождался. То, какую миссию возлагает Бог на тех, кого похитил из другого и запихнул в наш мир. "Он погряз в крови и зле, и только чистые сердцем избранные могут спасти его. Спасите Крэйн, уничтожьте зло!".

— Это ведь... Правильная цель? — нахмурилась Беа, пытаясь понять, почему в глазах её госпожи стояло открытое презрение.

— Это обманчивая цель, — поправила её чародейка. — Каждый понимает её по-своему. Испуганные, не понимающие, что к чему, герои оказываются выброшены в неизвестный, чужой мир. Больше половины решали "очистить" вообще всё, стереть старое и построить новое. Часть решала истребить все расы, кроме людей. Ещё одна возжелала власти над Крэйном... Вот уж кто был глупее всех. И лишь горстка придурков-идеалистов решила, что одними смертями и разрушениями другие смерти с разрушениями не остановить. Фолл был первым, и именно он попытался оглядеть наш мир изнутри, понять, что же в нём такого

"кровавого и злого". И он понял — Бог обманул его. Этот мир — самый обычный. Да, здесь свои порядки, свои тёрки между разными слоями общества... Те же конфликты эльфов с гномами.

— Я не понимаю! — сжала кулачки Беатрис, с вызовом глядя на Миру. — Как это связано с тем, что вы хотите сделать?!

— Мне нужно вернуться в прошлое, — ответила чародейка. — Но так далеко не прыгнуть, никаких сил не хватит. Мне нужно поговорить с Ним... И попросить отменить своё решение. Не призывать сюда героев. Взамен я сделаю с Крэйном всё, что Богу будет угодно. Очищу, спасу, уничтожу...

Беатрис замолчала, потрясённо глядя на Миру. Плечи архимага нервно подрагивали, губы шевелились, вторя мыслям, обуревавшим её. В какое отчаяние она впала, эта сильная и мудрая женщина, прожившая больше века? Очевидно, что в отчаянье невероятных масштабов. Такое, что ей не осталось ничего, кроме как приложить усилия, дабы перечеркнуть всё, что произошло за последние пятнадцать лет. Её встречу с Фоллом, их дружбу, все тяготы, всё мимолётное счастье, которое они испытали вместе. Все изменения на Авроре, всю кровь и боль, пот и страх. В какой-то степени она, как и первый герой, желала всё исправить. Но смириться с ужасом от потерь, который Фолл пожелал нести с собой, архимаг не смогла. Всё это время она размышляла, думая, что всё как-нибудь само успокоится. Но чувствам не прикажешь — а потому у неё было сразу две причины стереть из времени всё, что приносило колючее, до жути невыносимое ощущение.

Её привязанность и, прямо скажем, любовь к первому герою.

И всё то, что он пережил из-за того, что Бог отправил его в Крэйн.

Всё это должно быть уничтожено, как будто никогда и не существовало.

— Я поняла, чаровница, — тяжело вздохнула Беатрис. Её голос погрубел, и в то же время наполнился глубокой печалью. — И буду молиться духам леса за твой успех. Но что... Как же Лорелеи, Ирис и Арт?

— Герои будут жить свою спокойную жизнь там, где родились, там, где должны были быть, — прояснила Мира. — Лори тоже. И знаешь, Беа...

— Да, чаровница.

— Если у меня ничего не выйдет, Фолл обязательно всё исправит. И катастрофу предотвратит, и Сангвина руками Арта свергнет. Он меня, наверно, не поймёт. И будет сокрушаться, зачем я так поступила. Если он придёт к тебе с вопросами — передай... Передай, что я была слишком труслива. Для всего.

— Хорошо, госпожа, — кивнула старшая фея, опускаясь на пол рядом с камином. Мира потрепала её по голове, в последний раз улыбнувшись. А затем вышла за одну из дверей в общей зале, оставляя Беатрис в одиночестве. Она вновь вздохнула, взлетая и отправляясь на кухню — нужно было привести волшебную башню в порядок.

Так много всего происходило одновременно и в самых разных местах в следующий час. В Ливиграде во всех академиях были отменены первые утренние лекции, потому что преподаватели были вынуждены отчитываться о том, где они были в каждый из прошлых дней недели. Где-то в императорском дворце читал странный отчёт о найденном среди развалин сгоревшего Иггдрасиля Сангвин, а на собрании кланов гномов Железных Гор впервые заговорили о жуткой чуме, что поднялась из недр их шахт. На общем собрании Совета Сенстонии о чём-то в ужасе кричал Эрнст, именитый орк-кузнец, а высоко-высоко, в небесах, выше того уровня, на котором летают драконы, сидело на облаке, нахмурился густые

брови, существо, только что уловившее в воздухе что-то неприятное. Что-то странное, тревожное. Сильные мира сего получили первую весть о том, что скоро придёт нечто опасное. Скоро придёт... Или уже пришло.

Катастрофа? Вмешательство третьей силы? Ужас из глубин породы?

Никто пока не знал.

Очередное утро в Крэйне.

...Тем временем тройца учеников первого героя и архимага вошла в Фарэй, подбираясь по его каменным улочкам к хорошо заметному по красному кирпичу зданию гильдии искателей приключений. Прямо под вывеской из грубых, выточенных из китовой кости букв стояла повозка с двумя лошадьми, окружённая людьми в чёрных плащах. На их спинах красовался узор — два скрещенных полуторных меча. Классический знак отличия наёмников из приключенцев. Исследователи подземелий и руин, например, имели на своих одеждах выглядывающий из-за треугольного щита короткий меч. Вежливо поздоровавшись с нанимателями, товарищи подошли ближе, к высокому эльфу с соломенными волосами и блестящими жёлтыми глазами. Тот, окинув их взглядом, удовлетворённо кивнул.

— Все в сборе, — дважды хлопнув, он позвал общавшихся между собой наёмников к себе. — Моё имя Кирагас, я отвечаю за эскорт на протяжении всей поездки. Вас порекомендовали из гильдии, поэтому я надеюсь, что вы не доставите нам проблем. Путь предстоит неблизкий.

— Ну, ну, Кир, взгляни на них — они же так молоды, — показалась чья-то пышная шевелюра из-за груды мешков и ящиков на повозке. Прищурившись от уже вышедшего на небо солнца, ребята разглядели две вещи — густые седые волосы с бородой и маленькие серые глаза. — Эстебан, к вашим услугам, молодёжь.

— Здравствуйте, — синхронно поклонились все трое.

— Видишь, Кир? Вот так надо здороваться с нанимателем, — рассмеялся, судя по всему, торговец. — Да, вы всё правильно поняли — я владелец каравана и тот, кто оценивает ваш вклад в его защиту от посягательств всяких... Паскудных личностей.

Эльф демонстративно сплюнул, показав своим людям знак — и те, не говоря ни слова, погрузились на повозку, оставив место как раз на троих. Эстебан вернулся к поводьям, а когда ребята погрузились, заняв узкие лавочки впритык с остальными наёмниками, щёлкнул ими, отправляясь в путь. Ирис внимательно взгляделась в лица молчаливых мужчин: все в шрамах, один хромым, другой одноглазый, третий однорукий. Их снаряжение при близком рассмотрении оказалось потрёпанным, но качественным — на рукояти клинков в ножнах были видны следы эрозии и многолетнего использования, на сапогах почти стёрлась подошва, но они всё ещё крепко держались на ногах. Если учесть также то, сколько безоговорочно они слушались лидера, становилось очевидно, что перед тройцей находились довольно опытные наёмники.

Арт старался не поглядывать по сторонам, а потому смотрел себе под ноги, держась за ножны меча, созданного для него Фоллом. Без настоящего кузнеца меч не мог быть заточен, а в мастерстве этом первый герой, увы, ничего не смыслил. Зато заверил парня, что колоть этот меч будет только в путь, и даже зачарованные доспехи ему будут нипочём. Такой же меч носила с собой Ирис, а у Лорелеи имелся свой — покороче, выкованный, по словам волшебницы, в самих Железных горах.

Пока они проезжали Фарэй наискось, у Кирагаса вдруг возник вопрос.

— Не в моих принципах задавать личные вопросы, но вы, ребята, не выглядите

закалёнными в боях, — он поставил ладони на колени, пристально вглядываясь то в одного, то в другого. — Конечно, я уважаю рекомендацию гильдии... Но что-то ко мне закрадываются сомнения на ваш счёт.

— Убивать нам приходилось, — ответила за всех Лорелеи. — В этом можешь не сомневаться.

Он замолчал, посмотрев женщине в глаза.

А затем рассмеялся — бодро, уверенно.

— Ха-ха-ха! Ладно, отдам тебе должное — уверенности на словах тебе не занимать, — отсмеявшись, он с улыбкой посмотрел уже на своих людей. Те, к удивлению троицы, также улыбались или посмеивались в ответ. — Дай-ка угадаю — ты у нас мама-птичка, которая выгуливает птенцов?

Арт вовремя ущипнул Ирис, после этих слов готовую взорваться.

— Я старше, — кивнула Лори. — Но и они кое-чего стоят.

— Тогда представимся, — хлопнул себя по бедру глава охраны каравана. — Рядом с тобой — Гор, — молодой мужчина с реденькой бородкой кивнул, отсалютовав от края капюшона. — Возле пацана — Ульринадин, для друзей просто Уля, — сидевший справа от Арта одноглазый наёмник коротко кивнул. — Рядом с Улей — Лафас, моя правая рука, — одноногий мужчина в годах помахал посмотревшим на него ребятам. — Напротив него — Маркус, он в отряде недавно, — единственный, кроме эльфа, полностью внешне здоровый человек неловко улыбнулся — он явно ощущал себя не в своей тарелке. — Нас, может, и не много, но и караван у тупорылого гнома маленький. Как его ч...

— Эй! — окликнул Кирагаса через плечо Эстебан, чья массивная фигура занимала почти всё место кучера. — Имей совесть, засранец!

— Если бы её имел ты, мы бы не тащились с твоими камешками через отстойники, куда даже имперская гниль не заходит, — парировал эльф, впрочем, по его улыбке и по хохоту купца стало понятно, что этим двоим не впервой вести подобные разговоры. — Ладно, свежая кровь. Теперь вы.

— Ирис, — приложила руку к груди девушка. — Волшебный мечник. Моя специальность — призыв големов.

— Не эфирное усиление? — повернулся к ней одноногий. — Значит, самоучка. В академиях, если с клинком управляешься, тебя только основам и учат. Рад знакомству.

Ирис пожалла сухую протянутую ладонь, сохраняя нейтральное выражение лица.

— Призыватель... — задумчиво протянул Кирагас. — Это хорошо. Засада — дело такое... Всегда хорошо, когда нас на самом деле больше, чем кажется на первый взгляд.

— Я Арт, — кашлянув, представился герой. — Мечник-ассасин.

— Приятно познакомиться, — кивнул ему эльф. А после небольшой паузы продолжил. — Без обид, пацан, но крови на твоих руках точно нет. Я по Авроре хожу не первую декаду, так что такие вещи легко чую.

— Он вас не подведёт, — вступилась за младшего Ирис. Наёмники посмотрели на неё с удивлением — столь возмущённым и агрессивным был её голос.

— Нет, нет, я не говорю, что это плохо или что это меня так уж напрягает, — поморщился от её слов Кирагас. — Вообще, редко когда встретишь в Крэйне кого-то, кто до сих пор никого не убил. Извини, Арт. Не буду больше лезть. Надеюсь, у нас всё пройдёт гладко.

— Спасибо, — коротко отозвался Арт, возвращаясь к лицезрению дна повозки.

— Лорелеи, — отозвалась женщина. — Волшебница. Маг крови.

— Вау! — вытянулось лицо начальника каравана, а вслед за ним — и лица остальных его бойцов. — Ты, случаем, не ученица архимага?

— Она самая, — вяло улыбнулась чародейка — за столько времени ей осточертела реакция других на её мастера. — Вам, кажется, не помешает маг. Как боевой, так и целитель.

— Ха! — ухмыльнулся Кирагас. — Ты права, услуги вашей братии всегда дорого обходятся. А эта скупая туша не хочет даже лишний медяк потратить, если ему это не выгодно!

— Я всё слышу!

— За дорогой следи, — огрызнулся эльф. — Значит, давайте введу вас в курс дела, пока мы не доехали...

По плану начальника охраны каравана, пресловутый караван должен был состоять из двух важных звеньев — транспортной повозки, где лежал весь товар, и повозки с боевым составом наёмников. Руды, драгметаллы, драгоценные камни — всё это можно было выгодно продать в Ливиграде, правда, пошлина в имперских городах быстро эту грудку ресурсов проредит. Поэтому они и выбрали маршрут, избегающий города Золотой Империи. Сперва они поедут строго на запад, пересекут номинальную границу Сенстонии и Империи, останавливаясь на ночь либо в деревнях, либо разбивая лагерь чуть поодаль от дороги. Потом будут придерживаться юго-западного направления, пройдя аккуратно возле границы с Железными Горами. Наконец, преодолев и этот участок, обогнут государство гномов и направятся на юг, напрямик через леса, вне основного торгового тракта. Так и доберутся до Ливиграда, выехав прямо к нему из леса.

Весь путь, по словам Кирагаса, должен был занять чуть больше месяца.

Наконец, покинув Фарэй, повозка остановилась возле небольшого домика с сараем, почти полностью утонувшем в снегу. Тяжело вздохнув, эльф свистнул своим — и уже вместе с троицей новичков принялся расчищать завал ржавыми лопатами. Пока работники пахали, Эстебан, откинувшись на повозке, лениво закурил до ужаса вонючую самокрутку, на что Кирагас тут же опустил его прилюдно. Впрочем, начальству было плевать на оскорбления, пока всё, что было нужно, было сделано. Так, расчистив сарай и распахнув его потемневшие от влаги деревянные двери, наёмники вывели из его нутра ещё одну повозку, раза в два больше своей. По её бортам стояли целых четыре колеса, а под зелёной тканью, накрывшей её, то и дело что-то гулко стучало. Они запрягли в неё одну лошадь, а один из команды эльфа, кажется, Гор, запрыгнул на место кучера. Заметив непонимающие взгляды троих новичков, мужчина усмехнулся.

— Зачаровано магией! Вся повозка весит вместе с грузом ещё меньше нашей. Удобно!

— И стоило мне маленького состояния, — покачал головой со своего места Эстебан, пока остальные грузились на места. — Итак, все готовы? Поссать никому сгонять не надо? Хорошо. Отправляемся!

С освободившимся пространством на лавке стало просторнее. Снег не валил, а морозный воздух пока не впивался в тело. Дорога была ухабистой, но в меру. Небольшой лесок постепенно приближался, а всё кругом сверкало, заставляя жмуриться. Охрана, откинув капюшоны, устроилась поудобнее — кто-то вытащил из сумы, стоявшей под лавкой, просторный и толстый плед, решив немного вздремнуть, другие принялись перебрасываться свежими новостями — политика, задница официантки в трактире, деньги и, конечно, воинская слава. Вне всех держались, кроме троицы, севшей вместе, только Маркус и

Кирагас. Первый, закинув ногу на ногу, занялся чтением. Книжка была тоненькой, а буквы на обложке выцвели, потому и название никто из любопытствующих не сумел разглядеть. А второй, подсев к новичкам, улыбнулся от ушей до ушей — очевидно, ему хотелось познакомиться с ними поближе.

— Вы интересная компания, — произнёс эльф, почесав подбородок. — В Фарэе я вас раньше не видел, хотя Маркус, кажется, как-то встретил тебя, Лорелеи, на рынке. Друг друга вы очевидно хорошо знаете, иначе бы не держались так дружно. Пацан, я не оправдываюсь, но глядя на тебя вблизи вижу, что меч ты держишь хорошо. Ссадины на ладонях — особенно на пальцах, мозоли между большим и указательным... Такие же у твоей подружки Ирис. А вот повреждения на руках чародейки я совсем не ожидал увидеть. Почему ты не сказала, что умеешь обращаться с клинком?

— Обычно моей магии оказывается достаточно, — пожала плечами волшебница. — А ты... Довольно наблюдателен. Профессиональное?

— Хм... Можно сказать и так, — кивнул Кирагас.

— Я... Тоже владею эфиром, — осторожно вставил Арт. — Не на том уровне, как Лори, но... Думаю, на достойном.

— Хорошее умение — правильно оценивать себя, — оценил эльф его слова. — Вы полны сюрпризов, ребята. Надеюсь, один из тех, что я ещё не раскрыл, не выйдет нам боком.

Его взгляд стал хищным, готовым убить каждого, кто двинется, на месте — и им он впился, в первую очередь, в Лорелеи. Впрочем, та выдержала его с лёгкостью — всё-таки путешествие с Фоллом серьёзно её закалило. Увидев, сколь невозмутима оказалась чародейка, начальник охраны рассмеялся, помахав перед собой ладонью.

— Шучу, шучу. Говорил же, что не люблю лезть в личную жизнь. Кто бы не попросил за вас гильдию, был весьма умён...

— Э... — первым выдал своё удивление Арт, чем вызвал у Кирагаса очередной смешок.

Ирис с Лори посмотрели на эльфа взглядом, похожий на его собственный мгновение назад, и под ним он был вынужден отступить.

— Эй, эй! Не нужно так сильно желать меня убить — вас много, а я один, — хмыкнул он. — Я понял это, как только вас увидел. Внешний вид — одно дело, но здесь я применил то, что в нашем мире часто забывают — логику. Если позволите, расскажу.

— Сделай одолжение, — скрипнув зубами, протянула Ирис.

— Первое — то, что вы уже слышали. Я вас просто не знаю. А кроме Фарэя, городов поблизости нет. Как и академий, как и неисследованных руин или подземелий. Что скажете? Логично?

— Да, — ответила за всех Лорелеи.

— Отлично, — улыбнулся Кирагас — он явно наслаждался процессом. — Второе — рекомендация. Никому из гильдии нет дела до Эстебана или моего отряда — и ни разу за все наши походы гильдия не выпрыгивала из портков, чтобы дополнить команду для, цитирую, обеспечения полной безопасности. Вывод следующий — вам нужно было сопровождение, но по официальным каналам вы его найти не смогли. Кроме того, рекомендательное письмо пришло ко мне от клерка среднего звена — печать-то его, а вот почерк — похож, но нет. Всё было подстроено так, чтобы никто не догадался, что вас к нам прислали сверху. С самого верха, я имею в виду.

— А чей это был почерк? — с интересом придвинулся поближе одноглазый Ульринадин.

— Эх, Уля-Уля, тебе даже с двумя глазами не понять, насколько это прекрасная была подделка, — на выдохе рассмеялся эльф. — Раньше, когда я служил при Первом Советнике Сенстонии, его часто навещал глава гильдейского отделения — скромный такой человек, такого не отличишь от серой массы. Они вместе составляли приказы и договора, отправляя меня, как посыльного...

— Глава отделения Сенстонии?! — округлил единственный зрячий глаз мужчина, чья фигура соперничала по массивности с Эстебаном.

— Он самый, — кивнул эльф, а затем перевёл взгляд на замолчавшую троицу. — Не стоит так унывать. Я же сказал, что не стану лезть с расспросами в ваши жизни. Просто если вас сюда впихнули по личному приказу главы гильдейского отделения искателей приключений, я более чем уверен, что вы нам не враги. И уж точно не какие-нибудь шпионы Империи. Верно говорю, мужики?

— Да, капитан! — дружно прогремело в воздухе. Эстебан чертыхнулся, обрушивая на наёмников грубый гномий мат вперемешку с обычным.

— Фолл постарался... — обречённо вздохнула Лори. — Наш друг... И в какой-то степени — учитель.

— Что ж, надо будет как-нибудь познакомиться с этим вашим учителем, — хохотнул Кирагас. — Иметь такие связи — это ж кем надо быть... Ладненько, поболтали о вас, теперь давайте о деле. С тварями Крэйна знакомы?

Дальнейший путь прошёл без напряжения. Лори, Ирис и Арт делились своими знаниями с Кирагасом и подключившимися к разговору наёмниками. Постепенно с разговора о чудовищ команда перескочила на политику — отряд Кирагаса был счастлив узнать, что троица, как и они, непереваривают Империю. О причинах неприязни и даже вспыхивавшей то и дело в речах Ирис ненависти ребята тактично умалчивали, да и мужчины не лезли не в своё дело. Затем кто-то отпустил комплимент в сторону Лори, заслужив насмешки и подколы со стороны остальных. Женщина тоже восприняла это с улыбкой; Арт же, преодолев неловкость, забрал всё внимание Кирагаса, решив расспросить его про Эстебана и рыцарей. Из рассказов Фолла парень помнил, что все, кто служил при Совете Сенстонии, были членами какого-либо ордена. Эльф, видя в Арте азарт и некое благоговение перед рыцарской жизнью, добродушно рассказ всё самое чистое и доброе — опустив грязные и неприятные детали.

Эльф когда-то был капитаном ордена, по сути, от этой должности до главы — один шаг. Воевал и с Империей на границе, и с отрядами гномов, кстати, как раз недалеко от Фарэя. Принцесс, конечно, из замков не спасал, но драконов видел. Одного, отдалённо. Смеясь, Кирагас припомнил, что убежал оттуда прочь, едва не обмочившись от страха. И ему не было за это стыдно — любой живущий в Крэине поступил бы точно так же. Служба его, в целом, шла хорошо, но после заключения мира с Империей эльф не смог смириться и покинул свой пост, познакомившись в одном трактире с Эстебаном, набиравшим команду сопровождения на постоянной основе. Гном сразу ему не понравился — но плату обещал щедрую, потому и согласился. Вместе с Кирагасом его орден покинули Лафас и Ульринадин, решив следовать за капитаном до конца. Они же и прошли с ним через огонь и воду — или, как выразился сам Лафас, через дерьмо и ещё раз дерьмо.

Остальные прибились к отряду позже. Гор просто искал работу, а с Маркусом они познакомились случайно, в отделении гильдии. Эльф упомянул и ещё одного старого знакомого — сказал, что она присоединится к ним возле Железных Гор.

— Анко — это такая женщина, ребята, — обратился Кирагас к своим воинам. — Мои способности и рядом с ней не стояли. Эй, новички... — привлёк он внимание троицы. — То, как я вас раскрыл, Анко бы исполнила за секунду. Всё-таки это её работа — детективничать... А я так — кое-чему у неё научился.

— Что ж вы её себе не захапали тогда, капитан, — поржал Ульринадин, шутливо ударя эльфа в плечо. — Раз такая женщина!

— Да что ты понимаешь, дубина, — хмыкнул начальник охраны. — Ей ни хрена не интересно. В голове только дела, дела, дела. Расследования, исследования, тайны. Трудоголичка!

— Тьху ты, — раздосадовно сплюнул за край повозки его товарищ. — Такие самые страшные...

— Не скажи... — покачал головой эльф. — Вот знал я как-то одну...

Так, под смех, шутки и разговоры караван продолжил своё движение, въехав в лес. Он частично поредел — только пятиметровые сосны да ели стояли, безучастно взирая на проезжавшие телеги и гоготавших наёмников. Ирис, хорошо чувшая опасность и странности, периодически посматривала на Маркуса. Вслед за ней это делала и Лори — её природная способность потихоньку била тревогу, хотя город исчез за горизонтом всего пару часов назад. Они были уже достаточно глубоко, поэтому вскоре замолчали и воины, положив руки на рукояти мечей. Конечно, караван пока ехал по проложенному торговому тракту, который был относительно безопасным — но в Крэйне никогда нельзя было быть в чём-то абсолютно уверенным. Все наострили уши, вслушиваясь в мерные удары лошадиных копыт по земле, слегка припорошенной снегом. Вглядываясь в чёрные и коричневые остовы деревьев, воины ожидали сигнала — шороха, воя, крика или скрипа чей-то ноги по снегу.

Но его не поступило. Смеркалось, но выехать из леса до наступления темноты караван не успевал. Поэтому, съехав с тракта на более-менее просторный пустырь, наёмники поспрыгивали с повозки, принявшись раскладывать вещи в широкий круг. В его центре вскоре развели костёр, возле которого, стоило солнцу окончательно скрыться, и присели, разминая затёкшие ноги. Эстебан сел со всеми, поближе к огню. Арт, Ирис и Лори опустили против подветренной стороны, укутавшись в полосатые шкуры, заботливо выданные Лафасом. Одноногий воин был похож на маму, хлопотавшую над сыновьями — Уле он помог снять повязку с глаза, Кирагасу — расчистить снег и растелить шкуры на сумках, вместе с Гором поправил тент на грузовой повозке. Эльф же плюхнулся перед костром, стоило всем приготовлениям закончиться, и широко зевнул.

— А-а... Так, дозор. Уля с Гором — до полуночи, Лафас, Арт — до последних звёзд, потом разбудите меня с Ирис. Мы с тобой, девчушка, до рассвета сторожить будем. Если захочешь, потом сможешь подремать в дороге.

— Хорошо, — кивнула Ирис. Остальные, также покивав, принялись за ужин. Большинство жевало вяленое мясо, запивая водой из фляги, а вот Эстебан, вытащив из своего багажа котелок, установил его над костром, накидал туда снег и подрядил Маркуса порезать овощи, взятые вместе с котелком.

Мужчина с короткими чёрными волосами без лишних вопросов принялся за готовку, пока начальство продолжило копаться в сумке. Там нашёлся пропитавшийся кровью свёрток, содержимое которого гном также передал Маркусу вместе с кульком соли. Через полчаса воздух наполнился ароматом супа-похлёбки путешественника — простого блюда из нескольких кусочков мяса, моркови, картошки, розмарина и можжевельника. Все желающие

наливали его себе в розданные тарелки, с удовольствием поглощая густую массу. Арт и Ирис с удивлением посмотрели на посуду — она была не деревянной, а из тонкого листа металла. Лори шёпотом прояснила ребятам, что эта технология — секрет гильдии. Походная посуда часто была некачественной и быстро приходила в негодность, а вот металл выдерживал даже самые длительные путешествия. Да и мыть его было куда проще.

Наевшись, все улеглись спать. Дозорные, опоясавшись мечами, отошли поодаль, в лес, подальше от выдававшего их пламени. Кирагас, подбросив в костёр сухих поленьев из запасов, подсел к Эстебану, только-только скрутившего очередную самокрутку. Подпалив её от костра, он затянулся, вытянув ноги вперёд и прикрыв глаза от удовольствия. Троица новичков уже дремала, когда состоялся их разговор.

— Что думаешь? — тихонько спросил у него эльф.

— Отличные тела, — также тихо отозвался гном. — Меня пугает ученица архимага... Она может стать неприятным сюрпризом, когда доберёмся до Никке. За остальных всё равно выручим огромную сумму, так что её, в случае чего, в расход.

— Да-а, Эстебан, ты всё такой же чёрствый ублюдок, — вздохнул эльф, посмотрев на спящих. — А вот меня напрягает другое. Если их сюда приставил сам глава отделения гильдии, может, они что-то заподозрили?

— Это просто богатые детишки со связями, — отмахнулся от него купец, затягиваясь и выпуская в чёрное небо густой серый дым. — Для гильдии я всё такой же простой торговец рудой и самоцветами. По документам всё сходится, да и причина, как ты знаешь, для обхода городов Империи имеется. Двойное дно надо уметь маскировать, мой остроухий друг.

— Хм, — лоб Кирагаса пошёл морщинами, когда он погрузился в размышления. — Может, кто-то что-то в Никке прознал?

— Даже если кто что и разнюхал, те, с кем я имею дело, не позволят слухам распространиться, — пожал плечами гном, лениво откидываясь спиной на сумки. — Ты какой-то странный весь день... Общаешься с этими... Что, неужели баба какая понравилась? Помоложе или постарше? Ну, мы всегда договоримся...

— Иди ты, — раздражённо протянул эльф. — Э-эх, ладно... Скажи, когда надо будет подсыпать марику, я подряжу Маркуса, — он тоже откинулся, укрываясь свободной шкуркой.

Марика. Ягода с сильным усыпляющим воздействием, часто используется травниками для анестезии. Выглядит как маленький розовый овал с семенами в трёх небольших углублениях на нём. Растёт повсеместно, но найти её сложно — кусты низкие, на одном уровне с травой, да и умело под неё маскируются. Пять плодов марики, высушенные и растёртые в порошок, быстро погружают в сон даже самых страшных чудовищ. На людей действуют безотказно, а вот эльфы, по природе более стойкие, иногда сопротивляются эффекту.

— Конечно, — сверкнул пятью золотыми зубами Эстебан. — Доброй ночи, мой дорогой друг.

— Угу-м... — ответил Кирагас, отрубаясь.

Маленькая группка аферистов-работотворцев ещё не подозревала, что у судьбы на их счёт совсем другие планы. Нет, никто из троицы не услышал разговор гнома и начальника охраны и не решил рассказать всем, чтобы втихую перерезать караванщиков. Это было бы слишком банально для истории, к тому же, за целый день общения все трое утомились так, как не утомлялись на своих тренировках. То была психическая усталость — мозги требовали разгрузки. Но кроме спящих и двух дозорных, в этой истории были и другие действующие

лица, чьё время пришло спустя полтора часа после объявления общего отбоя. Сейчас как раз выступили первые звёзды — а значит, скоро Уля с Гором должны были пойти к костру, чтобы разбудить себе смену.

Одноглазый великан даже не почувствовал, как в его зрячий глаз вошёл кинжал, брошенный из-за дерева чуть слева. А когда его ноги подкосились, упал и Гор, что шёл рядом — его голова, марая бородку снегом и кровью, покатила по земле. Они оставались во тьме, а их тела быстро оттащили ещё дальше, под шапки елей. Силуэты в чёрных одеждах приблизились к костру, окружив его по периметру. В руках они держали короткие сабли и обоюдоострые клинки, но вместо незамедлительной резни они начали сжимать кольцо, осторожно приближаясь к разбитому лагерю. Они чего-то ждали. И дождались — спустя минуту от лежавших на сумках караванщиков встала фигура, показав условный знак во тьму.

Силуэты подошли в упор, показавшись в отблесках слабевшего пламени. Один из них, неосторожно наступив на снег, вызвал короткий хруст. Всего один, слабенький, но его уже было достаточно, чтобы Арт поднял голову, спросонья оглядев стоявшего практически перед ним человека.

И заорал, что есть мочи, почти сразу получив хлёсткий удар носком ботинка в челюсть. Лагерь пробудился, раздались крики, но было поздно — ближайšie к охране воины в чёрном обхватили их за шеи сзади, начав душить. Те, кто успел встать и схватиться за оружие, быстро поняли, что окружены. Так, спина к спине оказались Ирис, Лори и Кирагас. Арт лежал на животе, а под его головой тихонько набегала кровь. Ирис, скрипнув зубами, откинула остатки сна, сложив руки перед собой.

— Первый батальон — штурмовики! — перед ней, заслонив собой силуэты, встали десять бойцов в бело-сером камуфляже, тут же вскинувших автоматы. — Огонь!

К чести незваных гостей, надо сказать, что они быстро сориентировались и отступили во тьму. Грохот выстрелов быстро исчез: один за другим призванные солдаты девушки падали и исчезали в ворохе искр — в их горле торчала рукоять кинжала. Ирис, пережив потерю без ощутимых повреждений, обнажила клинок, вглядываясь во тьму. Возле костра остались только они и Арт, лежавший без сознания. Но чувство опасности не отступало — враг всё ещё бродил где-то там, вне видимости.

— Сука! — выругался эльф, крепче хватая свой меч. — Это ещё кто?!

— Не знаю, — злобно ответила Лори. — Скорей всего, следовали за нами весь день. Или ждали в окрестностях.

— Убийцы, — прошептала Ирис. — Лори, я чувствую, что нас могут убить в считанные секунды. И кажется, на призыв ещё чего-то мне просто не дадут времени.

— Да, я тоже чувствую, — выдохнула волшебница. — Один готовит кинжал, два других натянули тетиву, ещё трое обходят нас... Почему не убивают?

— Мы нужны им живыми? — встрял эльф, чей шок просто фонтанировал из него. — Но нахера мы им сдались!?

— Эстебана и остальных вырубил и уже оттащил куда-то в лес, — протянула чародейка. — Мы можем рискнуть и напасть первыми...

Арт двинулся, кое-как встав на четвереньки. Лори вовремя остановила Ирис, бросившуюся было за младшим братом. Парень, оглянувшись на собравшихся у костра товарищей, сплюнул кровью, утерев губы. Затем поднялся, вытащив клинок из ножен, и подошёл к ним, пятясь спиной.

— Ты в порядке? — спросила Ирис, вглядываясь во тьму.

— Прилетело... Сильно, — через боль произнёс парень. — Их слишком много. Я чувствую как минимум двадцать человек.

— Двадцать? — ахнула Лорелеи. — Твою-то мать...

— Они остановились, — прошептал Кирагас, напрягая зрение. — Думают, наверное. Прикидывают, стоим ли мы, чтобы брать живыми... Как знал, Эстебан, крыса ты кузнечная!

— Хватит, — остановила его чародейка. — Сперва нам нужен щит... — она опустила на землю, принявшись чертить в воздухе над ней рунические символы, вспыхивавшие вслед за её движениями синим эфиром. — Ирис, Арт, защищайте меня.

— Да, — синхронно кивнули ребята, заслонив собой товарища. Но не успели они это сделать, как силуэты ринулись в атаку, показавшись из тьмы на совсем слабый свет огня.

— М-мать! — выругалась Ирис, отражая первый выпад сабли, направленный на её лицо. Она едва успела заслониться от пинка сбоку, отвести меч противника в сторону и поднять своё оружие ввысь, обрушивая на него хорошо выученный удар. Человек вскрикнул и упал лицом в снег, издавая бурлящие звуки из рассечённого лица и горла. Лори поднялась, вступая в схватку, но силуэты очевидно превосходили их числом.

Более того, они сражались умело, далеко за пределами обычных разбойников. Даже прошедшие тренировки Миры и Фолла ребята с трудом отражали удары, то и дело переходившие в тычки. Их сметали, и даже встав бок о бок, ребята получали пинки, хлёсткие удары по бёдрам, коленям, а иногда — в живот. Очевидно, их не хотели убивать, иначе всё закончилось бы, ещё не начавшись. Кирагас сражался отважно, насколько позволял его опыт и выдержка бывшего рыцаря: несколько силуэтов легли под его ногами, чтобы больше не подняться. Лори шептала чары, отражая сталь, и вскоре люди в чёрных одеждах возле неё вспыхнули, будто спички, закричав и рухнув в снег, пытаясь сбить пламя, прожигавшее их до костей. Живые факелы вскоре замерли, но волшебница не заметила, как потерял сознание эльф за её спиной, а потому получила один добротный удар по затылку, мгновенно её вырубивший. Парень рубанул с плеча, срезая голову фигуры, атаковавшей его подругу.

Оставшись одни, Арт и Ирис встали буквально спина к спине, держа оружие в руках. В них всё ещё были силы сражаться, а силуэты, воспользовавшись паузой, мигом окружили их. Сквозь обёрнутые чёрной тканью лица виднелись их глаза, в которых отображалось неподдельное уважение и удивление. Заметив взгляд врага, ребята в очередной раз убедились — перед ними не обычные разбойники. Даже Арт это понял, хотя сейчас проходил его первый настоящий бой. В порыве гнева он оборвал жизни примерно пяти человек, поэтому сейчас его руки дрожали от переполнявших голову эмоций. Он пытался сдерживать их, понимая, что не время было давать слабину. За его спиной тяжело дышала Ирис, в голове которой были те же мысли.

Всего за несколько минут они сумели проредить ряды врага, уменьшив его численность до половины от исходной.

— Хватит! — раздался голос, показавшийся им знакомым. Один из силуэтов опустил ткань, скрывавшую его лицо, явив на свет пламени... Маркуса. Острые скулы, узкие карие глаза, правда, теперь он не улыбался. Аура, исходящая от человека, совершенно противоречила той, которую ребята почувствовали в повозке. Вместо неловкости и лёгкого стеснения его взгляд и мимика выражали уверенность и авторитетность. Его голос был расстроенным, и в то же время — напористым. — Сдайтесь. Хватит лить кровь.

— Ублюдок, — выругалась Ирис, не стесняясь сплюнув ему под ноги. — Стоило догадаться. Всё-таки Фолл был прав — никому здесь нельзя доверять.

— Поддерживаю, — справившись с эмоциями, протянул Арт. — Зачем... Ты нас предал, Маркус? Что мы тебе сделали?

— Я вас не предавал, — устало вздохнул мужчина. — Я изначально не был на вашей стороне. Эти... — он указал взглядом на лежавшего рядом эльфа. — Были моей целью. Вы просто попались под горячую руку.

— Зачем тебе караванщики? — спросила девушка, и звучали её слова весьма угрожающе.

— Всё... Сложно. Сложите оружие, и мы поговорим. Обещаю, вас не убьют. Вы и так поняли, что если б мы хотели — вы бы уже кормили собой червей.

— Всё всегда сложно, — вновь сплюнула Ирис. — Я слышала речи, как твоя, уже много раз. — Когда к ней приходили герои, прося помощи и защиты. Каждый раз это оказывалось ловушкой, чтобы девушка ослабила защиту. — Слишком много. За ними всегда скрывается какая-нибудь подлость.

Она дрожала — несмотря на показную уверенность, одного взгляда на Маркуса хватало, чтобы у Ирис начали подгибаться колени. Он внушал ужас — словно убивал не раз, не два и не три. Человек, настолько опытный в таком ремесле, не мог не пугать. Арт, знакомый с этим делом куда меньше, чувствовал лишь силу, исходившую от Маркуса. Силу, преодолеть которую в одиночку он был неспособен. А ощущая спиной, как дрожит Ирис, парень понял, что и с ней они его не убьют. Арт судорожно пролистывал в памяти наставления Фолла — о том, как следует поступать, когда деваться совсем некуда.

— Ирис... — протянул он через несколько мгновений, опуская меч. Девушка, посмотрев через плечо на него, обречённо выдохнула, падая на колени вместе с клинком, что воткнула в землю. Держась за рукоять, она переводила дыхание, затем закашлялась кровью, пока Арт, вложив оружие в ножны, с вызовом взглянул на Маркуса.

— Мудрое решение, — кивнул тот, резко вытянув руку в сторону. Воины в чёрном тоже опустили своё оружие, принявшись оттаскивать убитых товарищей во тьму. Следом туда был отправлен и бездыханный начальник охраны вместе с Лори. — Следуйте за мной. В темноте трудно ориентироваться, поэтому старайтесь идти шаг в шаг. И без фокусов.

Арт кивнул в ответ, нагибаясь, чтобы помочь подняться Ирис. Девушка, обхватив его за шею, кое-как выпрямилась. Они двинулись за Маркусом и силуэтами в покрытый чернотой лес. Медленно, потому что Ирис едва передвигала ногами — но силуэты, кажется, приняли это во внимание, потому что их шаги стали слышны всё реже и реже — Арт чувствовал их, но не видел. Понимал, что они рядом, на одном уровне, выжидают. Вздохнув, парень сжал кулаки протянув руку и обвив ею Ирис за талию. Получив полную опору, девушка пошла чуть быстрее, да и чертыхаться через шаг перестала.

— Ты хороший воин, — пробубнил Маркус, не оборачиваясь. — Либо самородок, либо у тебя был невероятный учитель. Даже дети, которые воспитываются в академиях Золотой Империи, не держат меч так, как ты. Ты силён, но владеешь только основами, никаких продвинутых техник. То же касается и девушки — Ирис, кажется? А эти големы... Я думал, мы прямо там и поляжем. Придумай им защиту, иначе уязвимые места слишком легко поразить.

— Вот уж... Спасибо... чертила... — выругалась девушка. — Может, объяснишь, наконец, что тут происходит?

— Ты скажешь мне ещё одно спасибо, когда узнаешь, какая вас ждала участь, — хмыкнул Маркус, продолжая путь через деревья.

Через полчаса они вышли на поляну, окружённую пухлыми елями. На ней, как и в лагере, распологался костёр в кругу очищенной от снега земли. И несколько грубо сшитых спальных мешков, разложенных подле него в несколько рядов. При свете пламени был заметен краешек спущенной с колёс повозки, набитой какими-то мешками под завязку. Ирис быстро заметила, что вокруг костровища было полно углей, а свежего снега на всём обозримом пространстве не наблюдалось. Они были тут довольно давно, может, неделю или две. Фолл рассказывал о том, как правильно определить временной промежуток в такой ситуации. Полезно для путешествий, чтобы различать очевидную ложь мародёров и разбойников, часто представлявшихся путникам только-только вставшими лагерем "здесь, недалеко в лесу".

Наконец, они сели перед костром. Оставшиеся чёрные силуэты притащили из тьмы безвольные тела караванщиков. Другие вынесли пожитки с повозки. Один из них нёс на руках Лори, и приблизившись к Арту с Ирис, осторожно положил её рядом с ними. Даже будучи оглушённой, женщина морщилась, словно пытаясь позвать на помощь, а её кулаки так и не разжались, выпустив меч. Ирис провела ладонью по её серебристым волосам, сожалея, что так и не выучила ни одного исцеляющего заклятья. Арт внимательно посмотрел на Маркуса, опустившегося справа от них. Тот, подбросив хвороста в костёр, уселся в позе лотоса, выудив откуда-то из лежавшей рядом сумки маленькую флягу. Сделав один большой глоток, выдохнул, затем спрятал её обратно, переведя взгляд на парня.

— Не знаю, как вы связались с командой Кирагаса и Эстебана, но вы совершили большую ошибку, — произнёс он наконец. — Эти ребята — работоторговцы. Работают с кем-то в приграничном городе Никке, может слышали? Да вы, смотрю, не особо с географией знакомы.

— Это рядом с Железными Горами, — протянула Ирис, осторожно вытягивая ноги, успевшие промёрзнуть, вперёд, к огню. — Ай-й... И откуда ты знаешь, что они торгуют людьми? Мне вот показались вполне себе нормальными караванщиками.

— Покажите им, — распорядился мужчина, и силуэты, успевшие притащить ящики, которые были заметны под тканью на главной повозке, опустили их возле костра. Треск пламени смешался с треском вскрываемых контейнеров, а из них люди в чёрных одеждах вытащили под локти... Эльфов. В первых пяти ящиках были женщины, в двух следующих — мужчины. В последних трёх лежали дети. И все — полностью обнажённые, с кандалами, сковавшими их по рукам и ногам. — Отвар марики с цветком карна. Один глоток — и ты впадаешь в летаргический сон, все процессы в организме замедляются, а тело не испытывает никаких потребностей. Прекрасный вариант для скрытой транспортировки с места на место. Уберите... — повинувшись приказу, силуэты положили эльфов обратно, накинув на них тёплые шкуры, чтобы не продрогли на морозе.

— Какого ж хера... — шокировано выдала Ирис. Затем закашлялась, утирая губы от крови. — Проклятье... Дети...

— Да, Эстебан просто сказочно разбогател, продавая их на чёрном рынке, — сочувствующе протянул Маркус. — Вас ждала та же судьба. Особенно тебя, Ирис, и вашу подругу. Не считайте меня за плохого человека, но у вас прекрасные тела. Такие очень высоко ценятся.

— Это отвратительно, — прошептал Арт. У него в голове не укладывалось — вот этот образ мерзких торговцев живым товаром и образ рыцаря в сияющих доспехах, в котором он видел Кирагаса. Всё серело, выцветало и таяло. Парень сжал кулаки, сдерживаясь, чтобы не

встать и не прикончить ублюдков собственными руками. Страх убийства отступил, и теперь он был готов на всё, чтобы принести справедливое возмездие.

— Тише, тише, — успокоил его Маркус. — Мы охотимся за ребятами повыше. Теми, кто скупает людей и эльфов. Я понимаю, что вы чувствуете, но убивать их прямо здесь и сейчас — не вариант.

— Мы ведь порешили твоих товарищей, — с вызовом бросила Ирис. — Наверно, сюда ты нас привёл, чтобы прикончить.

Он несколько секунд вглядывался в её глаза, а затем тихонько вздохнул.

— Сколько же ты пережила, девушка... Хотя это — дело не моё. Как я уже говорил, вас не тронут. Хотите — забирайте одну из повозок и езжайте своей дорогой. Но перед этим — уж извините, надо убедиться, что вы не заодно. Обыскать сумки, — кивнул он своим людям. Те направились к сгруженным воедино пожиткам караванщиков и троицы, принявшись рыться в походных сумках. — Судя по вашим лицам, вы не боитесь, что мы там что-то найдём.

— Кроме сменных портков — ничего, — хмыкнула Ирис. — Слушай, нет, я серьёзно. Ты не собираешься мстить нам? Мы же убили...

— Мы все знали, на что идём, — помотал головой Маркус, прерывая её. — У нас... Есть правило. Избегать ненужных жертв. И мы следуем ему, буква в букву.

— Вы? А кто вы вообще такие? — встрял в разговор Арт.

— Для вас — просто случайная встреча в лесу, — равнодушно пожал плечами мужчина. — Буду признателен, если вы никому об услышанном и увиденном не расскажете. О... — один из силуэтов отделился от общих сумок, двигаясь к костру. — Кажется, вы мне соврали. И что же там такое, что мне стоит уви... — его глаза округлились, когда Маркус увидел, что за предмет нёс в ладони его человек. Он вскочил, словно не веря своим глазам. Подошёл в упор, выхватив блеснувшую металлом вещь из рук товарища, и ринулся к Арту с Ирис, остановившись в двух шагах от них. — Откуда это у вас?!

Ребята дружно посмотрели на круглую печать, выполненную в виде раскидистого древа на фоне паутины из серебристого металла. Она была довольно маленькой — легко умещалась в ладонь. Их головы напряглись, вспоминая, что это такое. Точно, Фолл дал им это с собой в дорогу, попросив держать всегда в сумке и показать только тем, кто представится как Эсмеральда или Йоран. Но откуда взялся гнев во взгляде Маркуса? Нет, там был не только он. Вместе с гневом в нём прятался полнейший шок, непонимание и удивление до глубины души. Его рука, державшая печать, дрожала.

— Откуда!? — повторил он свой вопрос, чуть ли не нависая над сидевшими ребятами. — Отвечайте, пока я не выпустил вам внутренности!

— Шеф... — окликнули его воины, вернувшиеся от груды сумок. — Больше ничего не нашли.

— Плевать! — отмахнулся он от них, продолжая ждать ответа.

— Нам дали, — набравшись смелости, ответил Арт.

— Уж если угрожаешь, то не проси потом не называть тебя плохим человеком, — процедила Ирис, охватив клинок обеими руками. Рассмеялась, глядя ему в глаза. — Так и знала, что ты ублюдок.

— Так... — Маркус выдохнул, приходя в себя. — Раз вам дали, то скажите мне, кто это был. Пожалуйста... — он выделил последнее слово таким тоном, что всем вокруг стало ясно — терпение командира чёрных одеяний было на исходе.

— Наш учитель, — произнёс парень, вслед за Ирис взяв меч поближе к себе. — Фолл.

— Ах, Фолл, — рассмеялся во весь голос Маркус. — О-ох... — он дёрнулся, в одно мгновение обнажая саблю и приложив её к горлу Арта. Тот не успел даже понять, в какой момент сталь оказалась у его шеи, а потому нервно сглотнул. — Я не шучу. Говорите, кто дал вам этот знак.

— Мы ответили, — преодолевая боль, девушка поднялась, опираясь на меч. — Фолл, наш учитель, дал нам это. Вставай, Арт. Лучше умереть стоя.

Герой молча встал, игнорируя лезвие, выпрямляясь перед Маркусом, оказавшимся, на деле, чуть ниже его. То, чему его учил Фолл — бесстрашие перед смертью. Будь безответственным — в конце концов, будь ты хорошим или плохим, ты всё равно станешь мёртвым. А так, может, сама смерть охереет от такой наглости перед ней. Да передумает тебя забирать. Отступив на шаг, Арт встал рядом с Ирис, держа меч наготове.

— Не похоже, что они лгут, шеф, — донеслось из-за спины Маркуса. — Может, не стоит?

— Нет... — он выдохнул, а затем вдруг вложил саблю в ножны. — Они не понимают, что им вручили. Даже не понимают, что за одно только подозрение их могут отправить в казематы к ментальным магам на препарацию разума... Вполне в нашем духе, на самом деле. Исполнителям всё знать не обязательно, а?

— Шеф?

— Снимите маски, — протянул мужчина. — Мы среди своих.

Оставшиеся в живых чёрные силуэты опустили ткань, скрывавшую их лица, с какой-то странной теплотой уставившись на недоумевающих Арта с Ирис. Те, заметив, как спало напряжение в воздухе, опустили оружие, но возвращаться к костру, как поступили остальные воины в чёрном, не спешили. Маркус остался стоять, вертя головой, словно не веря тому, что понял.

— Йоран мне голову оторвёт... — смеясь, протянул он. — Ладно, ребята. Расслабьтесь. Ваша безопасность теперь — наша главная прерогатива.

— В каком смысле? — напрягшись, спросил Арт.

— Позвольте представиться, как полагается, — игнорируя вопрос, сказал Маркус. — Маркус де Лоран, валет Легиона, печально известного по всему континенту клана убийц. Я и воины под моим началом приветствуют членов Сада, — он глубоко поклонился, почти касаясь лбом своих ног. Выпрямился, с улыбкой глядя на вздрогнувших при знакомом упоминании парня и девушку. — Мы искренне сожалеем о том, что случилось.

— Да чтоб меня, — нервно рассмеялась Ирис. — Хочешь сказать, эта блестяшка — символ Сада?

— Не просто символ, — поправил её мужчина. — Эту печать невозможно подделать, а всего их существует восемь штук. По одной на каждого управляющего Сада — Фолл, Мира, Эсмеральда, Йоран, наш глава, Нера, Триша, Крон и Гиалэр. И раз одна из них при вас, то, полагаю, выдана она была лично Фоллом.

— Мы так и сказали, — протянул Арт. — Так вы... Ваш клан входит в Сад?

— Да, мы являемся организацией, занимающейся преимущественно шпионажем, — тут же ответил Маркус, будто ожидая этого вопроса. Я вновь приношу извинения за то, как мы с вами обращались. Если позволите, мы доверим судьбу пленённых караванщиков в ваши руки.

— Прекрати с этим выканьем, — выдохнула Ирис. — Давайте сперва сядем у костра. Если честно, всё это меня ужасно задрало. Сперва мутные караванщики, теперь это...

Хватит с меня.

— Как поже... Хорошо, — поправился мужчина, занимая место, где сидели до этого Арт с Ирис. Очевидно, уступая свою удобную лежанку им. Переглянувшись, парочка вновь опустилась возле пламени, отогревая уставшие тела.

Они быстро поняли, что остальные чёрные силуэты смотрели на них, во-первых, с первобытным страхом, а во-вторых — с ещё большим уважением, чем то, что появилось во время сражения. Ребята потихоньку начинали понимать масштабы Сада, о котором Фолл говорил с таким спокойствием, как будто это было нечто простое и всем известное. Легонько вздыхая, они постарались вытерпеть несколько минут тишины. Потом очнулась Лори, которую они едва успели успокоить. Волшебница была готова с места в карьер взорвать тут всё к чёртовой матери. Воины Легиона стыдливо опустили головы, надеясь, что её гнев пройдёт без потерь среди их рядов. Заняв своё место рядом с Артом и Ирис, женщина медленно приходила в себя, потирая ушибленный затылок.

— Работоторговцы, значит, — протянула она, поглядывая в сторону связанных в одну кучу караванщиков. — Вы, ребята, могли бы сразу начать с разговоров.

— Мы не могли знать точно, что вы не на их стороне, — пожал плечами Маркус. — Хорошо, что всё обошлось. Иначе не сносить мне головы, это точно...

— Вы хотите поймать тех, с кем они работают в Никке, — повторила слова из объяснений товарищей волшебница. — Ну, раз уж мы потеряли сопровождение, то думаю, что пойти с вами — лучшее решение.

— Мы с удовольствием сопроводим вас до места назначения, — склонил голову мужчина.

— Нет уж, — отмахнулась Лори. — Мы вам поможем. Про нас, скорей всего, уже в курсе, поэтому подозревать не будут. Что-нибудь придумаем, пока едем...

— Нет! Нельзя подвергать членов Сада опасности! — попытался воспротивиться валет Легиона, но сдался под усталым и убийственно раздражённым взглядом чародейки. — Хорошо... Спасибо. С вашей помощью выйти на верхушку чёрного рынка Никке станет куда легче.

— Мы в курсе, а поэтому попросим об ответной услуге, — хитро подмигнула женщина Арту с Ирис. — У нас хорошее снаряжение, но оно далеко от идеала. У мастера не нашлось посоха для призывателя — поэтому Ирис вынуждена концентрировать эфир самостоятельно, что тратит время и куда больше сил, чем нужно. Арту же пригодилась бы броня — без кузнеца Фолл не смог придумать ничего, кроме зачарования обычной одежды.

— Достать всё это в Никке не составит труда, — кивнул Маркус. — А что для тебя?

— Кофе, — бросила Лорелеи, устраиваясь поудобнее. — С молоком.

— Зимой? — ахнул мужчина.

— И летом — одним цветом. Кофейным, с белым, — добила его волшебница. — Если все согласны, то я безумно хочу спать. Иначе голова меня просто убьёт...

— Согласна, — протянула Ирис, залезая под плотную толстую шкуру. Только Арт, поднявшись, пересел к Маркусу. Мерно трещал костёр, а вскоре в воздухе послышались спокойное дыхание двух уставших представительниц прекрасного пола.

— Ты ведь... Убийца, верно?

— Да, и один из лучших, — кашлянул мужчина, смотря на парня с непониманием. Тот же глядел на пламя, не мигая.

— Трудно это... Жить с кровью на руках?

— Зависит от крови, — пожал плечами Маркус. — Точнее, от того, чья она. Невинных? Женщин, стариков и детей? Или ублюдков, вроде караванщиков Эстебана?

— Прости... — парень задрожал — эмоции догнали его, а осознание того, что он убил хороших людей, только делало его чувства паршивей. — За твоих товарищей.

— Эй, эй, — валет Легиона слегка опешил — он не ожидал такого от паренька. — Ты что, впервые сегодня убил?

— Да.

— Всё это просто большая ошибка, — покачал головой Маркус. — Не стоит брать в голову. Я их тоже совершал... Ну, в прошлом. Каяться — можно. Убиваться по этому — глупо.

— Как будто это так просто... — тяжело вздохнул Арт.

— А кто сказал, что всё в жизни легко? — улыбнулся ему мужчина. — Хотя ты торгуешь арбузами, режешь глотки за золото или по уши в политике — всё одно столкнёшься с трудностями. С переживаниями, в конце концов. Йоран... Знаешь, он любит это повторять. Мы — существа с душой и умеем чувствовать. Все наши чувства, каждое их проявление... Это означает, что мы живы. Главное не теряться в суматохе.

— Не теряться... В суматохе?

— Ага. А это, ты, может, уже слышал. Есть три типа людей — хорошие, плохие и мёртвые. Что первые, что вторые неизбежно становятся третьими. Поэтому живи, пока живётся. Будь добрым, будь злым, бесчестным или честолюбивым. Только знай — за каждым действием следуют последствия. Не всегда отражающие деяния. Например, не всегда за добро ты получишь добро, и даже не всегда на зло тебе отплатят злом. Убийство — сухое действие, без эмоциональной окраски. Её ему придаёт это... — от тыкнул себя пальцем в грудь. — А над этим властвует это... — он вновь тыкнул, только в этот раз — на свой висок. Вот и думай головой.

— Я запомню, — кивнул ему Арт. Поднялся, чтобы лечь спать.

— Ты напоминаешь Фолла, — бросил ему вслед Маркус. — Только моложе и... Чувствительней. Он, правда, не был столь немногословен.

— Наверно, потому что я — это я? — повернулся к нему Арт, улыбаясь.

Мужчина рассмеялся. Да, перед ним и впрямь стоял протезе первого героя.

— Да. Потому что ты — это ты.

Простая разница.

Глава пятая. Вершина пищевой цепи

Утро прошло на удивление обыденно, под хруст снега под подошвами сапогов легионеров. Они переоделись из чёрных одеяний в удобные на вид, и на вид же потрёпанные костюмы рядового путешественника. В основном: куртки с подшитым поверх кожи мехом и чересчур длинные штаны, которые пришлось подвязывать в районе бедёр. К поднявшейся первой Лори подошёл Маркус, передав пилюлю от головной боли. Женщина приняла ту с благодарностью, а затем разбудила остальных, разминая затёкшее после бурной и кровавой ночи тело. Арт встал молча, принявшись протирать глаза свежим снегом. Вслед за ним, едва не послав волшебницу сквозь пятый сон, очнулась Ирис. Первым делом девушка принялась искать свой меч и, перетряхнув всю постель из сумок, выудила спрятавшийся в самую глубь клинок, тут же вложив его в ножны на поясе. Члены клана убийц проводили время в работе — кто-то готовил телеги к отправке, запрягая лошадей, другие загружали туда ящики караванщиков, третьи варили что-то резко пахнущее лимоном на небольшом котелке над костром. Маркус руководил людьми, не забывая поглядывать на троицу.

Две мысли тревожили мужчину, повывавшего на своём веку всякое. Первая — дело, которое они собирались провернуть в Никке. Вторая — как ему с таким количеством человек обеспечить безопасность трём членам Сада? Даже один уже являлся персоной, за которой следовал по пятам чуть ли не весь состав местного отделения Легиона. А здесь у них — целых три, и, в отличие от глав Сада, постоять за себе в суровом Крэйне они не были способны. Маркус проснулся даже раньше своих воинов, но не стал подниматься, предпочтя потратить время на размышления. Безусловно, Фолл лично приложил руку к тренировкам Арта, Ирис и Лорелеи. Ни один из них не струсил перед лицом явно превосходящего противника, приложив все силы, чтобы дать отпор. Но в распоряжении молодой парочки не было ни единой техники, не говоря уже о простом чувстве боя. Девушка, как успел понять Маркус, долгое время пользовалась своими големами, лично не участвуя в сражении. Парень же вообще впервые убил...

Другое дело — женщина-волшебница. В сражении с ней Маркус почувствовал опыт, и опыт немалый. Пусть она ещё не продемонстрировала навыки в фехтовании, лидер отряда легионеров был уверен — они у неё были. Если бы не численное превосходство, позволившее выключить чародейку из игры во время схватки, вполне вероятно, что сейчас у него вообще не имелось бы людей в распоряжении. Что ж, что случилось, то к лучшему.

Так или иначе, ребят следовало начать тренировать.

С этим желанием Маркус подошёл к рассеившейся троице, опустившись перед ними на корточки.

— До Никке путь не близкий, — протянул он. — И, пусть это прозвучит грубо, вам двоим ещё расти и расти.

Взгляды Арт и Ирис, как и ожидал Маркус, выражали одно-единственное слово: "Отвали".

— У нас будет неделя. Если хотите, я готов научить вас парочке трюков. Продвинутых или хотя бы средних техник не обещаю — не то время, не те обстоятельства. Что скажете?

Все трое переглянулись, а молодёжь в итоге остановила свой взгляд на старшей.

— Валяйте, — отмахнулась Лорелеи, поднимаясь с постели. А затем подошла к котлу, завязав разговор с легионерами, продолжавшими варить что-то странно пахнущее в нём.

— Значит, решено, — кивнула Ирис. — Спасибо, что предложил.

— Это честь для меня, — выпрямился Маркус, протягивая вставшим вслед за ним ребятам руку. Обменявшись рукопожатиями, мужчина повернулся к одной из телег, стоявших поодаль от остальных. Лошадей рядом с ней не было, зато на самой телеге сидели, надёжно связанные по рукам и ногам, выжившие караванщики. — Уверен, вам есть, что им сказать. Мы выходим через час... Только не убивайте, пожалуйста. Они нам ещё пригодятся.

— Поверь, это последняя мысль, посетившая меня, — скрипнув зубами, протянула Ирис, уверенным быстрым шагом двинувшись по направлению к телеге с пленниками.

Арт, тяжело вздохнув, посмотрел на Маркуса. Мужчина увидел в глазах паренька ещё большее презрение, чем то, что звучало в словах Ирис. Так, вслед за старшей сестрой отправился и младший брат.

— Значит, лимон, корица, порошок ливиградского дуба... — задумчиво протянула Лори, поглядывая в мутную чёрную воду, в которой кружилась цедра и коричневая взвесь. — Интересное сочетание.

— Мы зовём это чаем рассвета, — улыбаясь в пышную бороду, произнёс один из стоявших у котла убийц. Его товарищ хмыкнул, протянув руки поближе к костру. — Помогает проснуться и зарядиться, правда, слишком часто употреблять его опасно.

— Да, ливиградский дуб в принципе токсичен, — понимающе кивнула Лори. — Мастер... То есть, Мира рассказывала, что он применяется, в основном, в изготовлении ядов.

— Мы ни в коем случае не заставляем вас его с нами пить, — подошёл к компании Маркус. Его воины вытянулись по струнке, но мужчина лишь помотал головой: соблюдение субординации сейчас было ни к чему.

— Да нет, почему, судя по запаху, здесь микродоза, — пожала плечами волшебница. — Кстати об этом! А как вы определяете дозировку?

— Э-э... На глаз, госпожа, — почесал затылок бородач.

— Без госпожи, просто Лори, — поморщилась женщина. — Понятно... — а следом перевела взгляд на Маркуса. — Благодарю за помощь в обучении Арта с Ирис. Из меня, сам понимаешь, учитель так себе. Всё-таки мы не далеко друг от друга ушли.

— Я всё ещё думаю над тем, где мне найти молоко и столь дорогой кофе посреди зимы, — неловко улыбнулся мужчина. — Всегда пожалуйста. Это меньшее, что мы можем сделать для членов Сада.

— Сколько лет об этом Саде слышу, но никогда не представляла себя в его рядах, — выдохнула чародейка, посмотрев за плечо Маркуса, на парочку, запрыгнувшую на телегу с работоторговцами. — Точно, вспомнила. Пока мы не выдвинулись... Только никому не пугаться!

Маркус непонимающе посмотрел на чародейку, сделавшую шаг назад от котла. Она начала читать заклинание, а закончив, присвистнула, топнув ногой по снегу. Валет Легиона, да и весь остальной его состав вздрогнул, когда посреди спокойного лагеря раздался гром, а следом в пространство перед котлом забили молнии. Поднялся ветер, бросивший белое в глаза, а когда люди их протёрли, то перед Лорелеи стояла крупная сова с жёлто-серыми перьями. Фарион, глубоко поклонившись волшебнице, не произнёс ни слова, лишь смотрел на неё большими золотыми глазами.

— Передай в башню, что мы столкнулись с Легионом. Всё в порядке, мы не ранены и продолжаем путь. Первая остановка будет в Никке. Уже из города я пошлю следующий отчёт.

— Excusez-moi, madame, — протянул Фарион, покрутив головой. — Фолл, равно как и madame Мира, ныне находятся вне стен волшебной башни. Об их espace мне неизвестно.

— Что? — подумала Лори, что ослышалась. — Мастер и Фолл покинули башню? Зачем?

— J'ai été prévenu, — шумно выдохнула грозовая сова. "Меня предупредили". Его высокий обычно голос вдруг стал непривычно низок. Будто и самому Фариону не нравилось то, о чём его попросили. — Их дела за пределами понимания простых смертных. До тех пор, пока вы не окажетесь в Ливиграде, я буду сопровождать вас. Сие есть dernière demande Мира, и я не смею её ослушаться.

"Последняя просьба", да?

— Фарион! — разозлилась чародейка, пока Маркус жестам просил своих людей продолжать заниматься своими делами. — Что произошло, когда мы покинули башню? Понятно, почему исчез Фолл — он и так собирался это сделать. Но мастер! Почему ушла она?!

— Madame... — опустил голову Фарион, не в силах выдержать пронзительный взгляд Лори. — Вы знаете, как это обычно бывает в делах наших. Сложности, перепитии, le circonstances... Не спрашивайте вашего скромного слугу. Ибо ответ мой принесёт вам лишь горе, если не сказать — un soup au coeur. Я выражаю радость, что с вами всё хорошо. Впредь я буду рядом, чтобы подобное malentendu... — он, не поворачивая тело, развернулся головой на сто восемьдесят градусов к громко сглотнувшим членам Легиона. Уже глядя на них во все глаза, Фарион закончил. — Не повторилось.

Лори, напряжённо вздохнув, отпустила его восвояси, напоследок обменявшись поклонами.

В то же время, никак не отреагировав на гром и молнии возле котла, на телеге на спокойных тонах разговаривали с пленниками два героя.

Рты они освободили только Кирагасу с Эстебаном. Лафас, увидев, как ребята обнажили клинки, предпочёл не дёргаться. Напротив эльфа на скамью сел Арт, напротив Эстебана — Ирис, многозначительно положив руки на рукояти мечей.

— А вы, новички, оказались знаменитостями, — хмыкнул Кирагас, чьи жёлтые глаза поблекли, хотя взгляд был полон силы. — Сад, значит? Слухи-то иногда оказываются правдивы... Скажи, а, Эстебан?

— Заткнись, — прорычал гном в бороду. Он слегка дрожал — ночь на холоде явно не пошла ему на пользу. Седые волосы слиплись, как и у эльфа, а часть бороды и вовсе заледенела. — Хуже не то, что это Сад, а то, что это Легион. Пропади я пропадом... Лучше бы остался в Железных Горах да батрачил в шахте...

— Поздно сожалеть, — сказала Ирис, с искренней злобой глядя в глаза начальнику каравана. — Знаете, я думала, что проблемы с доверием — это временно. Оказалось, в словах Фолла была чистая правда. В этом мире нельзя никому верить.

— И что? — огрызнулся Эстебан. — Поняла — и радуйся, сука! — и сплюнул, целясь в девушку, но промазал, попав прямо на свою бороду. Арт остановил дёрнувшуюся было Ирис за плечо, покачав головой. Перевёл взгляд на Кирагаса, замолчавшего, как ему и сказал Эстебан. Эльф посмотрел в ответ — и где-то там, в глубине, сквозило сожаление. Эльф всё-таки когда-то был рыцарем — и не мог не испытывать чувство вины за то, что делал.

— Ты так рассказывал о своём прошлом... — на вдохе протянул Арт, а гном лишь расхохотался. Тут уже Ирис, не выдержав, ударила кулаком, сметая лёд с бороды Эстебана.

Кирагас продолжал молчать. — Кирагас... Ты же был героем. Ну, рыцарем, пускай — название не важно. Клялся защищать справедливость и закон, спасти тех, кто в спасении нуждался... Как ты мог пойти на похищение и продажу своего родного народа?

— Слышал, Кирагасина? — толкнул гном того плечом, вновь заржав. — Ха! Этот малец взывает к совести! К совести, мать мою за ногу!

— Ответь, пожалуйста, — пальцы Арт сжались вокруг рукояти клинка.

Кирагас, помотав головой, тяжело вздохнул.

— Паренёк... Надеюсь, тебе никогда не придётся делать тот выбор, который вынужден был сделать я.

— О-о, теперь у нас тут изливание души! — вновь завёлся гном. — Какой же ты выблядок, Кирагас! Каким был, когда я тебя подобрал, таким и остался! Тьху, собака... Чтоб тебя свиньи обосрали!

— Объясни, — твёрдо стоял на своём парень. В его голосе отражалось волнение, напряжение, и чистая юношеская обида на обманутые идеалы, которым он был так верен. Ирис не вмешивалась, хотя ей очень хотелось врезать Эстебану ещё разок.

Эльф выпрямился, прислонившись спиной к краю повозки.

— Деньги, Арт, — тихо произнёс он. — Мы все тут из-за денег. Я, Лафас, Ульринадин и Гор. У нас с Лафасом и Улей волчий билет — я соврал, мы ушли не сами. Нас выгнали из ордена с позором. Кроме как ухода в наёмники, выбора у нас особо не было. Всё, что мы умеем — это воевать... — он замолчал, закрыв глаза. — Мы не просто не смогли смириться с поражением от Империи — мы пошли напрямую к Совету Сенстонии. Глупая идея, очевидно. Но... Что сделано, того уже не вернуть. Давай дальше... Наёмниками мы зарабатывали копейки, а потом как раз вовремя подвернулся Эстебан с его заманчивым предложением... Остальное ты и так знаешь.

Ирис с сожалением вздохнула. Частично Кирагаса и его отряд можно было понять. Но никак не оправдать.

— Зачем идти на такое? — не сдавался Арт. — Деньги... Есть много других способов заработать.

— Для рыцаря, выгнанного с позором? — криво усмехнулся Кирагас. — Не-а, не-а, ни за что. Мы потому и зарабатывали так мало, потому что никому не хотелось иметь в сопровождении или на деле кого-то вроде нас.

— Верно, потому вы и со мной! — хохотнул гном. — Потому что вас, сынков шлюх, никто не хотел к себе брать! А я приютил! Приютил — и что в итоге? Не справились, насрали в портки и сидите тут теперь...

— Ещё одно слово — и тебе насрут на лицо, — процедила Ирис, блеснув зелёными глазами. — Буквально. Не фигурально.

Гном, судорожно сглотнув, замолчал.

Кирагас покачал головой, снова посмотрев на парня.

— Я не горжусь тем, что делал. Но признаю, что делал это по доброй воле, — его голос больше не дрожал — видимо, эльф смирился с тем, что судьба всё-таки настигла его. — Нам нужны были деньги — и мы их получили. Что что, а своё слово в таких делах гномы обычно держат. Говорила мне Анко бросить всё и перебраться на восток... Жаль, не послушал.

— Мне... Тоже жаль, Кирагас, — выдохнул Арт.

Шаблоны в его голове стремительно рушились — он всё больше и больше понимал, что людям свойственно меняться. Что они не всегда постоянны — и что порой тяготы и

обстоятельства заставляют их делать вещи, противоречащие принципам и идеалам. Рыцари, воины в сияющих доспехах, герои, призванные, чтобы принести в Крэйн добро и свет — никто не исключение. Арту, маленькому герою, вскоре тоже предстоит выбор. И далеко не один. Внутри себя он решил, что не отступит от своих слов. Он защитит тех, кого поклялся защищать... И спасёт мир, как полагается герою. Но обязательно ли для этого убивать и разрушать? Да, это тёмная, обратная сторона героизма, которую уже успел увидеть Арт. Но ведь и свет остаётся во тьме! Поэтому, не отступая от самого себя, парень решил стать этим светом, прекрасно зная о тьме. И начнёт он...

— Кирагас, — парень поднялся, поднимая вслед за телом и клинок. Эльф тихонько рассмеялся, кивая ему. Но вместо удара Арт положил меч на плечо начальнику охраны. Тот невольно вздрогнул, недоумённо глядя на оружие возле его шеи. — Я восстанавливаю тебя в должности рыцаря. И принимаю в орден — где я его глава, а ты — мой подчинённый.

Ирис, округлив глаза, смотрела на разворачивавшееся действие. Как и Эстебан, скривившись рожу, словно и впрямь наелся чего-то коричневого и явно невкусного.

— Мой орден... Он без имени, — кашлянул Арт, сохраняя серьёзное выражение лица. — Но там служат люди, желающие заслужить прощение. И я, как его глава, клянусь — они его заслужат.

— Ты... Серьёзно, паренёк? — скулы эльфа подрагивали, а в его голове кружился целый ворох мыслей. Одна выделялась среди них. Та, которую он решил озвучить. — Ты предлагаешь мне... Мне? Искушение?

— Да, — кивнул Арт. Взгляд его янтарных глаз выражал две вещи — желание помочь сошедшим с пути справедливости и уверенность в собственных словах. Критические обстоятельства, переворот устоев — всё это подтолкнуло парня к принятому решению. К тому же, Фолл учил его никогда не сомневаться в своих чувствах. Что в жизни, что во время боя. — Примешь ли ты моё предложение о вступлении?

— Я... — Кирагас опустил взгляд, посмотрев на связанного Лафаса. Старый товарищ по ордену тихонько кивнул. — Да. Принимаю. Клянусь в верности до самой смерти и после неё. Клянусь духами ветра и леса, клянусь Иггдрасилем, что не предаю и буду служить верой и правдой.

— Меня устраивает, — улыбнулся Арт, убирая клинок с плеча Кирагаса. А затем он разрезал путы в два лёгких движения, полностью освобождая эльфа. Тот, выдохнув, принялся разминать затёкшие запястья. — Твой друг... — Арт повернулся к Лафасу, сидевшему чуть поодаль на той же скамье, что и он. — Полагаю, вы с ним одного мнения.

Эльф кивнул, и парень развернулся к последнему пленнику, разрезая и его верёвки. Наконец, они оба стояли на повозке на коленях, зачитывая единую для всех рыцарей всего континента клятву верности. В этот раз — официальную. Закончив, вслед за Артом они спрыгнули в снег, а герой задержался, обратившись к Ирис.

— Я объяснюсь перед Маркусом. И спасибо... Сестра.

— Пожалуйста, младший, — хмыкнула Ирис, всё ещё до глубины души потрясённая случившимся. Она ни за что бы не подумала, что Арт, по её представлению, наполненный грёзами о героизме и юношеским максимализмом, сможет принять столь взрослое и взвешенное решение. Сама она ни за что не стала бы прощать работорговцев, как бы сильно их ни понимала. — Тогда я подойду попозже. Мне... — она посмотрела на Эстебана, сжавшегося в комок под её взглядом. — Ещё есть, чем тут заняться.

— Хорошо, — кивнул ей Арт, а затем сделал приглашающий жест замершим в

ожидании Кирагасу и Лафасу. — Пойдёмте.

Как только тройца удалилась, Ирис повернулась к гному, упрямо сверлившему её взглядом. Она не желала мириться с тем, что ублюдки, продававшие эльфов, как какие-то игрушки, будут жить дальше, да ещё и в её команде. Но идти против решения Арта не решалась, сделав собственные выводы. У её младшего брата чересчур доброе сердце, и это... Восхищало девушку. И в то же время — настораживало. Сама она давно сошла с пути героя, решив жить свою жизнь так, как сама того пожелает. А принцип в её жизни был простой — око за око, зуб за зуб. Их обманули, потенциально — сдали в рабство за горсть золотых. Что в таком случае делать мстительной Ирис с тем единственным виновником, что остался перед ней?

— Я не стану убивать тебя, — улыбнувшись, протянула девушка вздрогнувшему от её слов Эстебану. — Всё-таки пообещала Маркусу. Но поверь, мразь... — она ухватила его за бороду, силой притягивая к себе. Шрам на её щеке покрылся чёрной плёнкой, пугая Эстебана ещё больше. — Путь до Никке будет для тебя ночным кошмаром...

...К котлу Арт с остальными подходили уже под аккомпанемент криков и хрипов владельца каравана. Маркус, внимательно выслушав паренька, позволил Кирагасу с Лафасом остаться без оков — но оружие выдавать запретил. Мужчины благодарили legionera на коленях, однако без слёз. Со смесью из страха и понимания оглядывались они на оставшуюся позади телегу, где до сих пор кричал Эстебан. Неизвестно, что именно делала с ним Ирис, но вопли гнома были наполнены ужасом и болью. Так, посидев у котелка в тишине, ребята провели остаток утра. Как только к основной тройце присоединилась Ирис, убийцы поднялись, опустошая кружки с варевом, что держали в руках всё это время, давая напитку остыть. Из любопытства к ним присоединилась Лори, от одного глотка начав плевать во все стороны. Глядя на реакцию чародейки, Арт с названной сестрёнкой отправили идею пить странный чай в долгий ящик.

Погрузившись на две телеги — одна из которых была нагружена пожитками и товаром каравана, вся компания двинулась в путь. Лорелеи отмалчивалась, отказываясь говорить, как прошла встреча с Фарионом. Всё, что она сказала ребятам — это то, что грозная сова впредь будет поблизости, чтобы прийти на помощь. Арт с Ирис не придали особого значения такому краткому ответу, думая каждый о своём. Постепенно повозки выехали на основной тракт, пролежавший через лес — его сильно запорошил снег, но ехать здесь было куда проще, чем среди деревьев. Оставшиеся без плащей бывшие члены каравана быстро замёрзли, поэтому Арт, с подачи Маркуса, предоставил им новые. Укутавшись в одежду, мужчины прижались друг к другу, мысленно благодаря Бога, что не лишились сегодня головы. О товарищах, чьи тела превратились в лёд, они предпочитали не вспоминать.

Прах к праху.

В спины светило блеклое зимнее солнце, хрустел под колёсами и лошадиными копытами снег. Legionеры говорили о чём-то своём, Маркус рассматривал карту, положив ту на колени для удобства во время тряски. Им предстояла целая неделя пути, но сейчас, в самом его начале, никто не размышлял о том, что будет в его конце. Разве что Ирис то и дело поглядывала на гнома, севшего дальше всех, почти вплотную к месту кучера. Legionер, сидевший за вожжами, скопился на Эстебана, но прогонять того не стал, ибо выглядел мужичок ужасно. Борода резко стала сливаться со снегом вокруг, а под глазами появились чёрные круги, словно гном не спал последние несколько дней. Стоило их с Ирис взглядам пересечься, как Эстебан вздрагивал, вжимаясь в дерево повозки так сильно, как только мог.

В голове он успел десять раз умертвить девушку, разумеется. Правда, постепенно его страх перебарывал желание отмщения всем и вся.

Это лишь дело времени, когда Эстебан начнёт шарахаться от каждого шороха. Магия, которую изучила Ирис под присмотром Миры, была гибридом иллюзии и ментальных чар. Лучшего инструмента мести без физических увечий и не придумаешь.

Так прошёл день. Затем привал, первые тренировки вместе с Маркусом, сперва досконально изучившим, на что все трое новичков по-настоящему способны. Легионеры, сперва хрипло посмеиваясь над движениями Арта с Ирис, быстро закрыли рты, когда увидели, что вытворяла Лори. Кажется, за десять с лишним часов дороги чародейка решила выместить всю свою ярость на спарринговом партнёре — коим выступил, к его сожалению, лидер отряда убийц. Несмотря на многолетний опыт и навыки, он с трудом принимал меч Лорелеи на прямой блок, едва-едва успевая перейти в контратаку, которую женщина попросту пресекала, наваливаясь на Маркуса с новым градом точных и тяжёлых ударов. Они плясали на расчищенном от снега кругу под розовым закатным солнцем целых три минуты, пока волшебница не рухнула на снег, потеряв все силы. Опираясь на свой меч, мужчина помог ей подняться под восторженные возгласы легионеров и даже её товарищей, получивших свою порцию синяков.

И покатилося, день за днём. Долгая дорога, редкие остановки для отдыха лошадей и сбора хвороста для костра, тренировки, затем ужин и короткий сон без сновидений. Тренируясь по несколько часов из раза в раз, Арт с Ирис выматывались до такой степени, что отключались, стоило им рухнуть на постель из собранных в кучу сумок. А Лори, чья выносливость ещё во времена занятий с Фоллом была куда выше, чем у парочки, тихонько обходила этих двоих, укрывая вторым слоем из очередного плаща. Холодало стремительно, и волшебнице не хотелось, чтобы кто-то из её друзей заболел. В конце концов, возле костра с котелком каждый раз оставалась только она и Маркус, что всегда нёс первую смену дозора.

Так они и сошлись — чародейка и убийца, на удивление хорошо понимавшие друг друга с самого первого дня.

— Вы хорошо ладите, — ковыряясь палочкой в углях, протянул глава отряда легионеров. Это была вторая ночь, которую они проводили вот так — только вдвоём, на единственном поваленном дереве, возле костра. — Словно мать с дитятками.

— Ха-а, — покачала головой Лорелеи, кутаясь в плащ — под полночь ледяной ветер становился только сильнее. — Можно сказать, мы были вынуждены поладить. Полтора месяца под одной крышей, общие занятия каждый божий день... Как тут не сдружиться.

— Так тебя тоже тренировал Фолл? — осторожно поинтересовался Маркус, накидывая капюшон — ветер доставал даже его.

— В том числе, — кивнула волшебница. — Я путешествовала с ним какое-то время, а до этого он иногда навещал нас с мастером в башне... Там, возле Фарэя.

— Выходит, ты ученица Миры.

— Она самая.

Маркус легонько вздохнул.

— Тяжело это, наверное. Когда у тебя в учителях такая знаменитость. Уверен, тебе не особо нравится, когда вас сравнивают...

— Или начинают восхищаться, лишь услышав имя мастера, — хмыкнула Лорелеи. — Сперва это надоедало, потом — раздражало. Теперь я и вовсе стараюсь лишний раз не говорить, кто я и откуда.

— А откуда ты? — повернулся к ней мужчина, сохраняя невозмутимое выражение лица. Лори поняла, что этот вопрос был не про то, откуда она родом, а про нечто большее.

В лесу мерцали зимние светлячки — таким же блеклым светом, что и солнце днём. Шумели птицы, ухали совы, обычные, не грозвые. Чёрные тела деревьев нависали над лагерем, а на небе, затянутом мёртвыми облаками, не было ни звёздочки. Крэйн, на самом деле, страшный мир. Кто бы что ни говорил. В нём огромное место занимают трагедии — большие и малые, небольшие и доводящие людей до ужасных вещей. Каждому здесь есть, о чём плакать ночью, заливая горе крепким алкоголем. Кто-то потерял отца в пасти твари, кого-то в детстве продали в рабство, другой напился и удушил собственную жену, кто-то остался без семьи из-за войны с Империей... Редкие счастливики даже не понимали, насколько хорошо живут, поскольку обычно это были люди далёкие от простого, приземлённого быта. Грубо говоря, трагедий в жизни не было только у богатых и властных. Что людей, что гномов, что орков с эльфами.

Вот только когда Крэйн всё-таки достигал их, обычно случалось что-то по-настоящему отвратительное и жуткое.

— Я... Пятая дочь графа Костаэлля, — на выдохе ответила Лорелеи.

Маркус не вздрогнул, лишь понимающе кивнул.

— Ясно. Можешь не продолжать, если не хочешь.

— Да какая уже в жопу разница, — помотала головой чародейка. Вздохнула, глядя не на костёр, а куда-то далеко-далеко, сквозь него, в воспоминания, до сих пор полыхавшие в её душе. — Отец правил землями к югу от Империи, возле нынешней границы с Железными Горами. Мы были обычной богатенькой семьёй — всегда в золоте, всегда при наряде, лучший стол, дворец для каждого члена рода... Вот уроды, на самом деле. Нам никогда не было дела, что творилось на землях, которыми управлял отец. И за безответственность мы поплатились...

— Я только слышал о трагедии, которая постигла дом Костаэлля, — откашлялся мужчина. — Вроде как, Сангвин Четвёртый пришёл к власти, когда...

— Когда с Железных Гор пришла чума, — закончила за него Лори. Её голос был полон сил, но дрожал, словно женщина из последних сил сдерживалась, чтобы не проявить эмоции. — Мне исполнилось восемнадцать в тот день. Совершеннолетие, сам понимаешь... Мама всё утро наряжала меня, готовя к церемонии. Отца не было, а слуги сказали, что господин уехал по делам в столицу. Да уж, папаня у меня был тот ещё... Шельмец. Я ведь... В общем и целом, была типичной дочуркой богатого придурка. С детства купалась в роскоши, а к простому люду относилась, как к сброду. С братьями и сёстрами у нас была холодная война за наследство, но меня она не касалась. По крайней мере, не должна была касаться, пока не стукнет восемнадцать.

В мой восемнадцатый день рождения чума пришла прямо ко дворцу. У главных ворот, где собирались крестьяне, чтобы, как обычно, кричать мне поздравления из-за ограды, в этот раз пришла разъярённая толпа. С язвами на лицах, отвратительной вонью, что просочилась вплоть до входа в семейный особняк, и с оружием в руках. Они кричали, что граф их бросил, что весь его род нужно уничтожить, ибо он — проклят... Как бы то ни было, тогда я даже не поняла, что они приняли чуму за кару Бога. Дальше всё как в тумане...

Помню, как мама в панике сказала мне спрятаться в подземелье. Помню, как братья взяли свои мечи, закрывая спинами сестёр. Они были слишком высокомерны, чтобы прятаться от челяди. Помню, как вопила стража, из последних сил сдерживавшая ворота,

которые вскоре рухнули, пуская заражённых людей внутрь. Ты же знаешь, что это была не простая чума? Фолл говорил, что в его мире что-то такое есть только в книгах. Зо... Зо-омби, кажется. Обращённых чумой он назвал именно так. Повезло ему, видимо... Раз это у них есть только в литературе, не в жизни. Толпа, пришедшая отомстить, по их мнению, виновнику всего, что с ними произошло, быстро превратилась в орду чудовищ, больше не похожих на людей. Крики и треск разрывающейся плоти продолжались очень долго... Но постепенно стихли.

Я сидела в подземелье день. В грёбанном нарядном платье, с накрашенными лучшей на рынке помадой губами, с румяным личиком, изгвазданном из-за пролитых слёз, со сраным чепчиком на голове, будто я младенец, а не взрослая девушка. В туфлях за несколько тысяч золотых... Какой смысл в золоте? Кто спасёт тебя, когда деньги больше не важны? Я плакала, конечно. Очень много, пока глаза не начали болеть. Звала маму, звала отца, звала братьев с сёстрами... А в ответ, приблизившись как-то к люку, услышала только...

Чавк, чавк, чавк. Хлюп, хлюп, хлюп. Кто-то кого-то пожирал, не ради еды, а из какого-то инстинкта. Знаешь, Маркус, тогда я в первый и в последний раз намочила свои портки. Дорогушие, сука, портки. И сидела на холодных каменных плитах, в обмоченном платье, в потных туфлях на босую ногу, сжимая мятый чепчик в руках. Всё произошло так быстро — так быстро для меня, но как это было для людей? Для тех, кто пытался выжить в условиях той чумы? Отец, как я потом узнала, игнорировал жалобы и просьбы послать людей на помощь. Вскоре к нему и вовсе перестали приходить. Земли не пали в мгновение ока только благодаря поддержке гильдии искателей приключений, что мобилизовала всех доступных наёмников и направила их в заражённые города. Н-да... Инфантильная дочка богатея, которая даже не дышала воздухом простых смертных.

Сангвин, пришедший к власти как раз в то время, отказался присылать подмогу, выпроводив отца прочь. Но его вина не в отказе... Исследуя спустя несколько лет остатки чумы вместе с мастером, я выяснила, что Сангвин был тем, кто выпустил чуму. Из-за его решения проверить эффективность нового живого оружия я... Потеряла всё. Плевать на богатство. Я любила свою семью. Не так, как обычно любят дочери в богатых семьях — пока дают золото, я люблю, а когда нет — ненавижу и плюю под ноги при встрече... Я их по-настоящему любила. И отца, пропадавшего в поездках в столицу, и маму, отдававшую нам всё своё время, и братьев, и сестёр, которые по-своему обо мне, как о младшей, заботились...

Когда я очнулась там, в подземелье, то поняла, что потеряла нечто большее, чем статус, деньги и власть.

Тогда я впервые осознала ценность человеческой жизни. Любой, даже случайной — потому что каждому кто-то может быть дорог. А убивая, мы отнимаем у кого-то близкого и любимого. Поэтому я попросила Фолла научить меня, как побеждать, не лишая живых существ жизни. Но о том, как я встретила его и мастера, я расскажу как-нибудь в другой раз. Сейчас, сам понимаешь. Хватит с меня воспоминаний.

— Да... — тихонько прошептал Маркус, осторожно положив ладонь в перчатке на плечо волшебницы. — Извини. Вообще не стоило поднимать эту тему.

— Насрать, — так же тихо ответила Лорелеи. Выдохнула, собираясь с силами. Стянула края плаща, кутаясь в него до упора. Маркус тщетно попытался заглянуть в лицо чародейки, но не вышло. Лишь выглядывавшие наружу кончики серебристых волос трепыхались на ветру. — Я ненавижу Империю. Это всё, что тебе должно быть ясно. За людей, которым плевать на других. За императора, которого заботит что угодно, но не народ. Я ненавижу их

всех в равной мере — и крестьян-идиотов, не видящих в упор причин своего горя, и властителей-упырей, которым на крестьян всё равно. Нет нигде такого же сброда, как в Империи. Нигде. И я скорей умру, чем позволю Золотой Империи нарушить хоть чей-то покой.

— Справедливо. Только позволь один вопрос, — убрав руку, протянул Маркус, глядя на пламя под котлом. — Как в тебе уживаются два чувства — желание не убивать и кровавая ненависть к имперцам?

— Я не маньячка, — вяло усмехнулась Лори, помотав головой. — В первую очередь мне жизненно необходимо прикончить Сангвина. Это месть, за которую я легко отдам жизнь. Уже потом разберусь с самой Империей. А этот принцип... Я убиваю только из нужды. Если есть возможность этого не делать, я предпочитаю ей воспользоваться. Так понятно?

— Хм, — поводит губами мужчина. — Вполне, — и, ещё какое-то время посидев в тишине, он продолжил. — Естественно, тебя это особо не заденет, но... Мне жаль. То, что с тобой случилось... Это паршиво. Сожалею.

— Дела прошлых дней, — на вдохе сказала чародейка, проводя по лицу ладонью. Через пару минут закончила, уже смотря на товарища по бревну. — Фух... Спасибо, что дал выговориться. Аж легче стало.

— Нет проблем, — пожал он плечами. — Не уверен, правда, стоило ли тебе говорить всё это мне... — с этими словами Маркус многозначительно посмотрел на импровизированные постели, на которых дремали в причудливых позах Арт с Ирис.

— Где дети, а где взрослые, — тихонько рассмеялась Лори, поднимаясь с поваленного дерева. — Уже поздно. Пойду и я в царство сновидений. Доброй ночи...

— Доброй ночи, — пожелал ей в спину Маркус, подбрасывая сухих палочек в костёр. Первые его предположения оказались верны — у чародейки были воля и стойкость, недоступные многим. Оставалось только догадываться, сколько времени она провела в том подземелье, без еды и воды, пока её наконец-то кто-то не спас. То, с какой яростью она защищала Арта и Ирис, лишней раз доказывало, что своих товарищей волшебница берегла так, как только могла. Пускай Маркус не разделял её взглядов, он более чем понимал Лорелеи — понимал и уважал за принятые ею решения.

Не будь она уже ученицей Миры, он бы посоветовал ей отправиться к архимагу, наплевав на все протоколы и указав точное её место проживания.

Эта и все следующие ночи прошли спокойно. Несколько раз во время путешествия на повозках отряд наткнулся на диких зверей, и каждый раз расхотелся с ними, как в море корабли. Лорелеи заранее использовала магию иллюзии, чтобы скрыть запахи, звуки и даже изображение, заметные извне. Хоть Ирис рвалась в бой, чародейка попросила её приберечь свою ярость до Никке. Уже там она сможет насражаться в волю, если так можно сказать. Арт говорил всё реже, часто уходя в себя на несколько часов, отвлекаясь разве что на тренировки и принятие пищи. Старшая сестра пыталась разговорить паренька, но тот упрямо отказывался рассказывать, что его тревожило. Для Лори его мысли были очевидны: герой медленно, но верно принимал реалии Крэйна. Всё чаще она видела его поодаль от остальных с Маркусом, но детали разговора что первый, что второй утаивали.

Есть удивительное явление, присущее лишь существам разумным.

Когда они берут простые для большинства вещи и усложняют их до такой степени, что сам чёрт ногу сломит. Возьмём за пример убийство, что уже не раз поднималось на протяжении всей истории. Ирис относилась к отнятию чужой жизни легко — ибо для неё

так было привычной. Девушка сама не раз становилась жертвой собственного доверия, а раз другие желали прикончить её, то к чему было задумываться о самом смысле их действий? Убей — и забудь. Но то — Ирис, что выросла в суровых, даже по меркам Крэйна, условиях.

Арт, с другой стороны, проявлял милосердие. Сам факт того, что ему приходилось убивать, удручал паренька. Всё же сияющий образ героя в его голове противоречил крови и бездыханным телам. Однако, он понимал, что без этого в текущих обстоятельствах никак. И всё же излишняя жестокость была ему чужда, пускай это и рисковало выйти однажды ему боком. До сих пор Арт не понимал, сколь сильно подобное отношение может навредить ему. Оставив парня в неведении, об этом решила позаботиться его старшая сестра. Пускай случайно, но они оказались связаны и здесь.

И, наконец, Лори. Её принцип был проще, чем у Арта, и сложнее, нежели у Ирис. Убивать из нужды — хорошее оправдание для мести, если так посмотреть. И опять же, до сих пор никто не видел, чтобы чародейка проявляла себя, как кровожадная бестия. Разве что Фолл, остановивший её в таверне Мортиса, но то — совсем другая история. Говорят, что месть слепа. Лори прекрасно это понимала. И боялась, что однажды поднимет свой меч против тех, кого следовало пощадить и отпустить с миром. Имперцы... Одно слово — и чародейке было плевать на оправдания. Что ж, только время покажет, как всё выйдет в конце концов.

Ведь этот взгляд — лишь один из многих. Отряд легионеров, Маркус, Ирис, Арт, Кирагас, Лафас, Лорелеи... Это только малая часть всего, что происходило вместе с их путешествием. Параллельно с ним шёл по улицам столицы Золотой Империи Фолл, собираясь на встречу с информатором Сада. Где-то в Пангонии наращивали силы остатки эльфийских старейшин, чесали затылки в Железных Горах лидеры кланов гномов, пытались выяснить природу очередной чумы, поднявшейся из недр шахт. В Ливиграде было объявлено чрезвычайное положение из-за инцидента, связанного с серым эфиром, а Сангвин, пролистывая один-единственный отчёт в своём кабинете в сотый раз, тихо скрипел зубами, постепенно осознавая, что ждёт континент в ближайшем будущем.

Катастрофа, о которой предупредил Фолла Бог, близилась. Несмотря на время, отведённое до неё, сильным мира сего казалось, будто она уже на его пороге. Но ребятам, что вот-вот должны были приехать в Никке, были чужды волнения. Они желали своего — отмщения, силы и исполнения мечтаний. Как говорят, есть сюжет большой, а есть — маленький.

И оба одинаково важны для произведения.

— С пятки на носок, аккуратно, не слишком быстро, — командным голосом посвящал Маркус подопечных в азы скрытности. — Я слышу тебя, Ирис!

Может, Валет Легиона и не владел мечом, как его лидер, но кое-что из его тренировок ребята подцепить успели. Особенно Ирис, которую мужчина отучал во всём полагаться на магию. Всё может подвести — не успеешь закончить читать заклинание или оно окажется не эффективным. Навыки же могут спасти в трудную минуту, особенно в Крэйне, где опасность поджидает за каждым углом. Училась молодёжь прилежно, да так, что Лорелеи, после того разговора державшаяся во время тренировок поодаль, решила вновь присоединиться к ребятам.

Арт всю развивал свою способность. В лесу, где каждый звук мог его выдать, он чувствовал себя на огромном тренировочном полигоне. Несколько раз ему удавалось подобраться к Маркусу, выступавшего в роли охотника, вплотную. Однако, мужчина успевал

почувствовать парня за мгновение до того, как он заносил свой клинок. Работать было над чем, пускай дар Арта и стирал его из осязаемого пространства. К сожалению, дар Ирис в время дороги развить не получилось — Маркус не смог придумать, как ей усилить то, что она уже умела. Поэтому, кроме полностью скрывавших лицо и шею шлемов на головах солдат, её стиль боя ни капли не изменился.

Как итог, ребята поднаторели в скрытном передвижении даже в условиях снега, лежавшего повсеместно. Их тела, подготовленные за полтора месяца ада в волшебной башне, с лёгкостью перенимали всё, чему их обучал Маркус. Как держать кинжал, как убивать в одно движение со спины, как использовать эфир, чтобы скрыть свои эмоции от эмпатов вроде самого лидера отряда. Для этого так называемого сокрытия ауры использовался тёмный эфир, которым требовалось окружить глаза, нос и мозг. Ирис с Лори выучили это умение всего за день, а вот Арту понадобилось почти пять из семи. Зато на тренировочных спаррингах он порой обходил даже чародейку, задевая её горло, ключицы или живот кончиком деревянного меча. Стоило Маркусу показать, какие ещё движения можно делать из стандартной стойки фехтовальщика, как результаты паренька стали в разы лучше, чем у остальных.

Хотя Маркус понимал, что это не только его заслуга. На третий день, вечером на привале, к Арту подошли Кирагас с Лафасом, предложив обучить его приёмам, что демонстрировались в рыцарских академиях. Герой согласился, и с того момента проводил целых три тренировки за привал — скрытность и тихое убийство, спарринги с остальными и оттачивание ударов с членами его ордена без имени.

— В академии проводили различие ударов — тяжёлых и лёгких, — говорил Кирагас с неловкой улыбкой на тонких губах. Эльф старался этого не показывать, но ему было приятно вспомнить своё прошлое, когда он носился в лёгком тренировочном костюме по ристалищу, пытаясь повторить приёмы наставника по фехтованию. — Есть также рубящие и колющие, если мы говорим о мече. Самый простой, от которого сложно уйти — это тяжёлый колющий... Встань в стандартную стойку, обхвати рукоять двумя руками, отведи её до уровня правого плеча... Да, да, локоть оставь отставленным в сторону, так легче... Вдохни, и ударь — от груди, с нашагиванием, как уже умеешь...

Снег, круживший кругом, отбросило волной, что разошлась во все стороны от удара. Арт кивнул, с благодарностью смотря на Кирагаса. Лафас, человек, выглядевший куда старше эльфа, рассмеялся, хлопая старого товарища по плечу. Парень был золотом — чистым, настоящим, без единой примеси. Золотое сердце и талант, который он развивал семимильными шагами. С их тренировок началось и более близкое общение — Кирагас рассказывал о жизни при Первом Советнике Сенстони, Лафас — о рыцарской рутине, с перекошенных койках в казармах и супе с опилками, который порой приходилось есть голодными и холодными зимами. Оба выживших караванщика приняли свой шанс на искупление ошибок, полностью отдавшись тренировкам и разговорам с Артом.

Легионеры всё ещё поглядывали на них недружелюбно, но в открытую свои мысли не высказывали. Потихоньку даже стали приглашать к общему костру, пускай и проходили такие ужины в абсолютной тишине со стороны бывших рыцарей. Ирис относилась к ним с презрением, которое и проявляла при каждом удобном случае. Мужчины мирились с этим, учитывая то, что они всё-таки сделали.

А что Эстебан?

Гнома стороной обходили вообще все. Кормили объедками, от чего его грузное тело

постепенно уменьшалось, а на ночь оставляли с одним тонким плащом, который он даже поправить-то толком не мог. Впрочем, его заботило не это. А Ирис, приходившая каждый вечер. Девушка садилась напротив дрожавшего от страха и холода гнома, в течение долгих десяти минут просто сверля его взглядом. Не говоря ни слова, не вздыхая, почти не моргая. Эстебан начал бояться одного цвета её глаз — от каждого взгляда на тёмно-зелёные ели по дороге он задыхался, будто сама Ирис глядела на него из густых крон.

Да, так это и работает. Если выгнанных из ордена с позором рыцарей легионеры могли хоть как-то понять и даже считать, пусть и не сразу, за людей, а не ублюдков, то гном, организовавший всю эту схему, вызывал лишь всеобщее презрение. Даже Арт не подходил к нему, ибо пареньку нечего было сказать Эстебану. Лори разделяла желание Ирис поскорей избавиться от него, но лично связываться с гномом не хотела. Она знала, что его время скоро придёт. Как только они покончат с торговлей людьми в Никке, гном расстанется с жизнью. Правда, ещё предстояло выяснить, как именно Маркус собирался это проверить.

На седьмую ночь, когда со всеми вечерними делами было покончено, Маркус позвал всех на общее собрание. Разложив около костра карту на земле, мужчина опустился перед ним в позу лотоса, попросив собравшихся внимательно посмотреть на рисунок. На нём был схематично изображён город с окрестностями — несколько втекающих в него крупных торговых трактов, трое врат, возле каждого из которых было подписано "Охраняется шпионами чёрного рынка". Никке был небольшим городом по сравнению с другими имперскими поселениями, однако он выделялся среди прочих двумя вещами. По крайней мере, так объяснял Маркус.

Первое, что заметно бросалось в глаза при взгляде на карту, это извилистая линия стены, отображавшая деление Никке на две части — западную и восточную. На западе стоял рынок, жилые районы и церковь, а на противоположной стороне находились земли во владениях богачей. Особняки, роскошные лавки и фабрики — ими была наполнена восточная часть города. Всё просто и ясно, как день — бедные работали на богатых. Ничего необычного. Правда, в отличие от других городов, в Никке хватка Золотой Империи была ослаблена церковью, чьё влияние распространялось как на восток, так и на запад. Религиозны были и богатые, и бедные.

Второе, о чём рассказал Маркус — чёрный рынок в Никке подчиняется именно церкви. Через свои каналы они находят и скупают "товар" — от реликвий, артефактов и магических побрякушек до живых существ, в том числе людей и эльфов. Особенно ценятся девушки и женщины — их продавали на отдельном аукционе. Эстебан не единственный их поставщик, однако он имел дело с чёрным рынком довольно давно, а потому ему доверяют. От гнома требовалось провести отряд в логово зверя — взамен ему была предложена свобода. Ушлый делец Эстебан понимал, что его всё равно убьют, однако предопределённой смерти предпочёл шанс на выживание и спасение собственной шкуры. Когда начнётся суматоха, он рассчитывал ускользнуть и бежать прочь из Никке, куда глаза глядят. Лучше — в Железные Горы, благо до земель гномов было всего пара дней пути на лошади.

По плану, легионеры спрячутся в таких же ящиках, что и погружённые в сон эльфы. Арт, Ирис, Лори и Кирагас с Лафасом пойдут в открытую вместе с гномом. Разумеется, в случае предательства последнего был предусмотрен запасной вариант — ящики с убийцами останутся открытыми, и даже если весь чёрный рынок выползет, чтобы устранить их, они одержат верх. Если попасть внутрь всё-таки удастся, Маркус планировал сорвать аукцион, для которого Эстебан вёз товар. Запереть всех собравшихся в одном помещении, а затем...

— Перерезать им глотки, — закончил лидер отряда Легиона. — Всем, до единого. Никто не должен уйти. Не тратьте время, чтобы переубедить их, или выслушать мольбы о сохранении жизни — если бы они хотели, они бы не пришли туда вовсе. Не слушайте слова о том, что у них семья и маленькие дети. Если мы хотим полностью устранить проблему, необходимо уничтожить её корень. А корень — это они. Продавцы и покупатели.

— Сурово, — со вздохом протянул Арт, потирая запястье, которое повредил на последней тренировке. — Но... Я верю, что это правильно.

— Пусть и не путь героя, э? — толкнула его локтем в бок Ирис. — Ла-а-адно, не грусти. В конце концов, представь, что кто-то из этих упырей купил меня или Лорелеи. Что бы они с нами сделали?

Лицо парня стремительно побагровело от ярости, мгновенно вспыхнувшей в его жёлтых глазах.

— То-то же, — кивнула младшему сестра.

Кирагас положил руку на плечо Арта, поддерживая того в его словах. Лафас, сидевший напротив, вслед за Ирис кивнул.

— Мы достигнем Никке к вечеру завтрашнего дня, — продолжил Маркус. — Аукцион начинается ровно в полночь. У нас будет часа два на подготовку, потом мы грузимся на повозки и едем туда, куда укажет Эстебан. Если тот... — он повернулся, глядя на застывшего на скамье в одной из телег гнома. — Выкинет что-то странное — убейте и подайте нам знак.

— Понятно, — протянула Лорелеи. — Вы уверены, что справитесь со всем чёрным рынком в прямом столкновении? Думаю, их охраняют не самые слабые воины и маги.

— Вы же скрещивали с нами мечи, — мягко улыбнулся мужчина. — Мы прошли через много сражений против магов. Вряд ли нас чем-то удивят... Разве что среди продавцов или покупателей найдётся старший жрец. Их защитные чары могут стать проблемой.

— Я проникну через любой барьер, — с уверенностью заявил Арт. — Каким бы плотным ни был эфир, из которого собираются щиты, он всё равно пропустит меня, если использую способность скрытия.

— Видишь? — посмотрел на чародейку Маркус. — Мы всё предусмотрели. Кстати, парень, ты почему не удивляешься, что церковь заодно с чёрным рынком?

— Фолл мне рассказал, — отмахнулся тот. — Что большинство принадлежащих к церкви на самом деле просто пользуются положением, чтобы обрести власть и деньги. Что низшие, что высшие чины. И знаете — я ему верю.

— Глупо было бы полагать, что Фолл стал бы лгать тебе, — хмыкнул лидер отряда. — Так... Теперь проникновение в сам город. Войдём в открытую всем составом — нас раскроют на месте, поэтому пойдём через четвёртые ворота — их нет на карте, потому что она прошлогодняя. Их сторожат имперцы, но тем будет достаточно пары золотых, чтобы отвалили...

Остальные детали Маркус придержал, отправив всех новичков спать. Осталась только Лори да Кирагас с Лафасом, дослушавшие план Легиона. Ничего нового — так, моменты с провиантом, с информаторами, ожидавшими их в Никке, расположение точек отхода, схронов, куда, если всё пойдёт не по плану, можно будет уйти, скрывшись от погони. Бывшие рыцари и не подозревали, что у клана убийц была столь широкая сеть укрытий по столь отдалённому городу. Видимо, операцию они готовили давно — а они просто удачно подвернулись под руку. Лафас, будучи по натуре любопытным человеком, чей интерес к неизвестному не исчез даже с возрастом(и был причиной потери его ноги), осторожно

спросил Маркуса, как они вышли на Эстебана. Всё оказалось куда проще, чем казалось — Ульринадин проболтался обо всём по пьяни в одном трактире. Тяжело вздохнув, мужчины помянули почившего товарища.

Наконец, разошлись по постелям и легионеры. Оставшись в очередной раз только вдвоём, Лорелеи и Маркус уселись возле костра, приложив спины к краю повозки, поставленной в упор со стороны леса — так было легче обороняться в случае чего. Разлив по кружкам чай, они сидели в тишине ночи, слушая треск пламени, пожиравшего древесину. Тиха была та ночь — даже совы не ухали во тьме, не шуршали по снегу копыта оленей, волков и лосей. Несмотря на то, сколь громко шумел отряд, готовясь к ночлегу, ни одна тварь, населявшая лес, не сунулась к ним. Маркусу было непривычно такое спокойствие, хоть он и знал, что оно вышло таким благодаря чарам Лорелеи. Чародейка расходовала приличный запас сил, поддерживая иллюзию на протяжении всей дороги.

Уже за одно это лидер отряда убийц был ей очень благодарен.

— Спасибо, — вдруг сказал он, повернувшись к женщине. Заметив её непонимающий взгляд, неуверенно повёл плечами. — Подумал, что лучше сказать сейчас. Завтра времени не будет. Если бы не ты, я бы потерял ещё больше товарищей. Особенно там, в глубине леса, пару дней назад. Самые дикие территории...

— В конце концов, мы с ребятами сами проредили ваши ряды, — со вздохом ответила волшебница. — Считай, что мы квиты.

— Значит, после Никке ты не будешь обеспечивать нас защитой? — хрипло рассмеялся мужчина.

— Посмотрим, — загадочно улыбнулась она, блеснув алыми глазами. — Ха-ха! Будет тебе. Конечно, обеспечу. Зря я столько лет училась, а?

— И то верно, — кивнул ей Маркус, отпивая чай из кружки. Сушёные листья мяты кружили на поверхности, придавая напитку особый аромат. — Слушай, насчёт кофе...

— Тихо, — громким шёпотом выпалила Лори, вскакивая так быстро, что пролила на землю чай в своей руке. — Что-то сорвало эфирный капкан... Там... — она указала ладонью в сторону леса, в окружении которого они находились. Раз не со спины, не с дороги, значит, с высокой вероятностью... — Второй! Приближается!

— Понял, — поднялся Маркус, выхватывая клинок из ножен. Его меч был чёрным — само лезвие, казалось, поглощало пламя костра. — Подъём! — закричал мужчина, смотря во тьму, туда же, куда смотрела Лори.

Легионеры повскакивали, все как один без единого слова обнажая оружие и выстраиваясь в боевой порядок в виде полусферы перед Маркусом. Через мгновение на свет показались остальные, потряхивая головами, чтобы выпроводить остатки только начавшегося сна. Ирис встала позади всех, складывая руки вместе.

— Призрачный батальон — штурмотряд!

Рядом с убийцами в чёрном встала пара десятков солдат, синхронно снявших автоматы с предохранителей. Их обмундирование отличалось от того, что было прежде — теперь вместо камуфляжа они носили плотную броню, делавшую их фигуры ещё массивнее. Головы и верхнюю часть тела скрывала единая конструкция, заканчивавшаяся сферическим шлемом, а в нагрудных карманах блестели чеками противопехотные гранаты. Несколько бойцов, что стояли впереди остальных, держали в руках не автоматы, а помповые дробовики. Закончив призыв, Ирис сплюнула на землю кровью, тут же вытерла губы и присоединилась к Лори, встав с ней плечом к плечу. Судя по сбитоному дыханию и бледному лицу, девушка выжала из

себя все силы, оставив немного только для того, чтобы не упасть на месте. Фолл потратил много дней, чтобы объяснить ученикам, сколь опасны могут быть чудовища, для которых иллюзии чародеев не являются преградой. Поэтому Ирис не пожалела сохранённой энергии, дабы быть готовой.

Арт вышел вперёд, остановившись рядом с воинами Легиона. Лес впереди рушился с грохотом и рокотом — нечто, напавшее на след отряда, поняло, что скрываться бесполезно. Ирис тихо материлась, а легионеры поддерживали её — словно по всем канонам, их путешествие не могло обойтись без неприятных сюрпризов. Маркус ждал, что скажет Лори, судя по покрывшимся белым светом глазам, ощупывавшая округу через эфир. Звуки лопавшихся стволов деревьев становились всё ближе, и люди ощутимо напряглись, готовясь к столкновению. И будто по мановению волшебной палочки, не дойдя до лагеря каких-то сто метров, все шумы и звуки прекратились. Лори всё ещё искала неизвестное чудовище, но отыскать его вслепую не могла.

— Всем оставаться на местах, — спустя первую минуту ожидания, командовал Маркус. — Кто-нибудь, выдайте Кирагасу и Лафасу оружие.

Бывшие рыцари с благодарностью приняли короткие клинки, вставая в общие ряды. Поодаль вопил сквозь кляп во рту Эстебан, оставшийся связанным на пустой повозке. Естественно, идти за ним никто не стал. Однако гном, кое-как спустив кляп движением челюсти, заорал, что было сил.

— В этом лесу не охотятся! Никогда! Хоть бы вся деревня с голоду помирала! Мы тут сдохнем! Это... — все живые синхронно перевели взгляд на повозку, которая поднялась над землёй. Её окутали щупальца — тонкие и покрытые шипами. В отблесках костра отряд увидел фиолетовое нечто, в считанные секунды поглотившее и повозку, и Эстебана, продолжавшего вопить, как свинья, ужаленная в нос. — Сука-а-а...

С последним криком гном исчез в тысячах тонких щупалец, утащивших его прочь, в лес. Лорелеи подняла руки к небу, зачитывая заклинание.

— Озари мой путь, ослепи врагов моих, яви мощь дня посреди тьмы ночи... Свет!

Над макушками деревьев вспыхнула яркая жёлтая сфера, осветившая весь лес кругом. И там, среди деревьев, всего в сотне шагов от костра, люди увидели тварь, что пришла ими поживиться. Крэйн — опасный мир, говорил Фолл ребятам. Будьте осторожны, когда ходите по землям, где мало людей. Ибо там чересчур велик шанс, что у тех земель есть хозяин, что не будет рад незванным гостям. Заучивая бестарий, Арт с Ирис не переставали удивляться, сколь многообразны чудовища, населявшие этот мир. Змееобразные, паукообразные, рептилии самых разных размеров и видов... И это — только верхушка айсберга. Существами-соперниками драконов по редкости и численности были химеры, что мутировали, пожирая других монстров.

Обыкновенные химеры встречались повсеместно — гибриды волка и медведя, ядовитых ос и какой-нибудь жабы.

Самыми распространёнными из подвидов считались шипастые химеры, похожие на черепах, однако двигавшиеся чрезвычайно быстро в "сложенном" состоянии — в шаре из своей внешней кожи-оболочки. Они часто встречались в диких, не обжитых землях, но не представляли угрозы для крупного города, где всегда дежурил отряд сильных волшебников, способных отгнать тварь подальше.

Но существовали и уникальные химеры — те, что ещё не были внесены в бестиарий. Каждый такой случай был особенным, и нередко помещался в учебники истории того или

иною государства как трагедия, унёсшая множество жизней. Такие твари представляли угрозу целым странам, впрочем, быстро уничтожались, ибо были всё ещё животными, неспособными долго скрываться.

Особь, с которой столкнулся отряд легиона, в бестиарии называлась "*summo cibum torquem*", или "вершина пищевой цепи". Чудовище, поглотившее плоть и силы не только других тварей, но и человека, орка, гнома или эльфа. Химерам не всегда удавалось слиться с разумными существами, но если это всё-таки происходило, получался монстр, обладающий не только инстинктами, но и собственным "Я". Говоря простым языком — такая тварь была на одном уровне с уникальными химерами.

— Твою-то мать... — выругалась Ирис, глядя на огромное фиолетовое тело паука. Вместо привычного тёмного овала с кучей глаз на отряд смотрела полусгнившая человеческая голова, принадлежавшая какому-то бедолаге. Сейчас её пересохшие губы расплылись в улыбке, вываливая из приоткрывшегося рта несколько трупных червей, с тихим звуком плюхнувшихся в снег под массивной тушей.

Чудовище наполовину находилось в земле своей задней частью — и тут уже все поняли, что перед ними была только треть или четверть громадного туловища. Щупальца шевелились под ним, обхватывая покрытые кровью ноги химеры. Она поглощала пустую повозку — вместе с Эстебаном, переставшим кричать. Трещало дерево и ломалась плоть — где-то там явно были жвалы, пережёвывавшие пищу. От улыбки на лице мертвеца собравшимся возле костра поплохело — даже легионеров пробрала жуть и отвращение.

— Ирис, — обратился к девушке Маркус, пока чудовище продолжало сверлить их белесыми глазами. — Сколько продержатся твои големы?

— Солдаты? Не знаю... Мне кажется, химера сможет атаковать нас всех разом.

— Да, отвлечение тут не поможет, — помотала головой Лорелеи. Её глаза сияли алым — волшебница собирала эфир, чтобы прочитать ещё одно заклинание. — Мы атакуем — мы умрём. Побежим — умрём. Останемся на месте — умрём, но медленно.

— Фатально, — сухо протянул Арт, крепче сжимая клинок. — Думаю, стоит попытаться...

— Стой, малец, — прервал двинувшегося было на превосходившее всех здесь собравшихся чудовище парня Маркус. — Мы поступим следующим образом. Берите лошадей — их хватит на вас троих. Мы задержим химеру, выиграв вам достаточно времени. Скачите без остановки — и к полудню будете у Никке.

— Ты предлагаешь нам вас тут бросить?! — повернулась к нему Ирис. — Издеваешься?

— Мы будем сражаться, — упрямо произнёс Арт, впрочем, не двигаясь дальше. Химера продолжала методично жевать плоть и древесину, будто из интереса ожидая, что предпримут её жертвы. — Фолл говорил...

— Мне плевать, — выдохнул валет Легиона. — Вы члены Сада. Мы — ваше сопровождение. Отдать жизнь, чтобы вы выбрались отсюда — это наш долг. Полагаю, эльф и одноногий с нами солидарны.

Кирагас с Лафасом, бросив один взгляд на Арта, синхронно кивнули. Им нечего было терять. Если это — их шанс искупить все грехи и отправиться восвояси из этого мира с чистой душой, то они с удовольствием примут смерть. Арт скрипнул зубами, застывая на одном месте. Опять жертвы... Как тогда, с деревней. Как старейшина, оставшийся, чтобы задержать Сангвина. Снова и снова, из раза в раз... Сколько это будет повторяться? Пока Арт не станет сильнее? Но что, если... Когда это всё-таки произойдёт, защищать будет

попросту некого? Отступи он сейчас, сможет ли простить себе жертву легионеров и новообретённых товарищей?

Даже Ирис, легко выбиравшая что-то одно из двух в сложных ситуациях, сейчас отказывалась подчиняться словам Маркуса. Убежать, поджав хвост... Отвратительно. Жить в страхе, жить, будучи не способной хоть что-то изменить — это путь, по которому она идёт? Ни за что. Она уже потеряла тех, кто был ей дорог. Их трупы она не сумела даже похоронить. И это снова должно повториться? Нет. Только через её труп.

— Как член Сада, я останусь с вами здесь, — протянула Лори, и в голосе её проскользнула сталь. Правда, и Маркус стоял на своём.

— Не глупи, — помотал он головой. — Скорее. Оно уже заканчивает с повозкой...

— Это наше решение, — добавила чародейка, а затем громко свистнула, поднимая свой взгляд вверх. В место перед ней ударили золотые молнии, а по всей округе прокатился гром, заставивший химеру на секунду прекратить свой поздний ужин. Или, скорей, десерт, учитывая поглощённого Эстебана. Фарион, расправив крылья, учтиво поклонился Лорелеи, тут же повернувшись к химере.

— Одно слово, *madame*, и я обрушу на это *créature dégoûtante* весь гнев моего рода! — высоким голосом с нотками самолюбия провозгласила сова.

— Вы психи, — обречённо вздохнул Маркус, хотя его воины, несмотря на прямую угрозу их жизни, улыбались. Вместе с бывшими рыцарями, с беспокойством и с каким-то общечеловеческим пониманием взглянувшими на него. Мужчина собрался, сплюнув в снег. Выдохнул, поднимая меч над головой. — Да будет так. Легион!

— Призрачный батальон! — с ухмылкой на лице выкрикнула Ирис.

— Фарион! — повелевающим жестом взмахнула рукой Лорелеи.

— Ребята... — со смесью радости и удивления протянул Арт.

И уже все вместе, дружным хором, они закончили.

— В АТАКУ!

И они сошлись.

Волна и камень, лёд и пламень.

Не стоит упоминать стихи и прозу, ибо сражение с химерой, захихикавшей тонким фальцетом полусгнившими голосовыми связками, никоим образом не было красивым, драматичным и приятным глазу. Взревели дробовики, отправляя свинец в массивное тело, затрекотали короткими очередями автоматы, молчаливо ступили на снег перед химерой легионеры, в мгновение ока рассеиваясь по лесу, будто пыль. Лорелеи убавила яркость призванного шара света, нараспев читая слова нового заклатья.

Маркус вышел вперёд, прямо перед химерой, отставляя ногу назад, готовясь к прыжку. Химера двинулась на людей, ломая остатки леса под носом и выпуская во все стороны из-под земли новые и новые щупальца. С треском, клёкотом и шорохом они устремились со скоростью пули к людям, цепляя их за ноги, обвивая шеи и в считанные секунды превращая живых в мешки из переломанных костей и плоти. Фарион взмыл в воздух, поднимая снег в воздух, а в чёрных небесах на опасной близости к полю битвы стремительно собрались тучи, в которых то и дело били яркие жёлтые молнии.

Крики пришли быстро, вместе с первыми смертями. Легионеры хрипели, не в силах противостоять ужасающей силе, ломавшей их, будто тряпичные куклы. Ржали кони, пугливо бросаясь прочь, натягивая верёвки, привязавшие их к деревьям поодаль. Сталь схлестнулась с плотными отростками, тут же выпустившими шипы. Люди закричали вновь — шипы

проникали в плоть, причиняя ещё большую боль. Арт разрубал их, успев освободить нескольких воинов клана убийц, но остальные, в последний раз булькнув, исчезли под телом химеры. Та вновь гаденько захихикала, перемещаясь на восьми волосатых ногах ещё ближе. Фарион, закончив с подготовкой, ударил, за секунду оказавшись прямо над чудовищем.

Сотня с лишним молний ударила по твари сверху, а в воздух тут же поднялся запах жжёного мяса. Химера заурчала, атакуя мгновенно сместившуюся сову щупальцами с уже выпущенными шипами. Фарион уклонился, и тогда атаковала Лори. Пока легионеры при поддержке Арта с Ирис отступали назад, она выткала из эфира несколько чёрных копий, по щелчку пальцев отправив их вперёд. Заклинание попало — одно из орудий даже пронзило голову, продолжавшую смеяться над живыми. Для химеры подобное оскорбление стало поводом для ещё большей агрессии.

Теперь её жертвой пали големы, продолжавшие поливать грузное тело свинцом. Она не могла их убить, а броня не позволяла переломать жизненно важные сочленения, поэтому чудовище просто складывало солдат пополам, ломая позвоночник. Спасибо, что они не были живыми и не чувствовали боли — а потом стреляли, даже когда щупальца сковали их тела и подняли в воздух. Маркус, поняв, что химера отвлеклась, понёсся вперёд, окутав чёрный меч густым слоем синего эфира. Подпрыгнув на месте, валет Легиона приземлился на тварь сверху, тут же вонзив оружие в место чуть дальше от головы.

Щупальца двинулись, ослабив хватку. Отбивавшиеся от них легионеры почувствовали облегчение, подступая в упор к монстру, направившему весь доступный арсенал на усевшегося сверху Маркуса. Тот, не теряя времени зря, двинулся вперёд, вспарывая тушу. Плотная кожа и не менее плотное тело замедляли процесс, но мужчина не сдавался, на ходу уклоняясь от бивших вслепую отростков. Арт ушёл в тень, перемещаясь за спину к чудовищу и скрываясь от взглядов остальных. Оказавшись возле ступки торчавших из-под земли отростков, он вгрызся в них мечом, разрубая их слой за слоем. Некоторые двинулись в его сторону, но химера была слишком сосредоточена на угрозе впереди и сверху, чтобы беспокоиться за свой зад.

Фарион не мог ударить, чтобы не задеть Маркуса, наносившего сейчас наибольший вред чудовищу. Поэтому кружил поблизости, перенимая на себя часть его атак. Легионеры, подхватив инициативу лидера, рубили пронзавшие землю щупальца, выступавшие, как уже выяснилось, своеобразной паутиной химеры. Та, наконец осознав угрозу, атаковала всех без разбора, больше не охватывая воинов отростками, но пробивая их насквозь — вместе с бронёй и одеждой. В очередной раз пролилась кровь, и несколько тел, захлёбываясь в алом, опустили свои мечи. Земля сотрясалась каждый раз, когда химера выпускала новые фиолетовые плети. Ирис отдала приказ големам, присоединяясь к легионерам, прорубавшимся всё ближе и ближе к заветной туше чудовища. Призванные солдаты ринулись в обход, заходя химере во фланги.

Через мгновение к крикам, хрипам, хрусту и грохоту добавились новые выстрелы — теперь почти в упор. Химера дёрнулась, подпрыгивая вместе с Маркусом на себе, и обхватившись щупальцами за стволы деревьев, что остались целы. Она поползла вверх, прочь от клинков. Гигантский клубок тёмно-фиолетовых щупалец, сбив Арта, терзавшего его, с ног, двинулся за ней.

— Рубите деревья! — крикнула Лорелеи, собирая эфир для третьего заклятья.

Оставшиеся в живых легионеры, включая ещё державшихся Кирагаса и Лафаса, быстро сменили непонимание и панику на готовность к действию. Клинки вгрызлись в древесину, и

совместными усилиями были повалены всего за минуту две из из пяти сосен, за которые уцепилась химера. Потеряв опору, чудовище едва не рухнуло, но устояло. С гулким звуком рухнули многовековые деревья, поднимая целую снежную бурю. Накатил ветер, бросая колючий снег в горячие лица полных адреналина людей. Их становилось всё меньше, и абсолютно все уже достигли своего предела. Маркус, находясь в паре десятков метров над землёй, упрямо вскрывал химеру из последних сил, с каждым движением терпя боль от хлеставших его по всему телу шипастых щупалец. Химера билась на деревьях, билась также, как и люди — насмерть.

Вершина пищевой цепи вдруг поняла, что её вполне может загрызть стадо муравьёв, оказавшихся чуточку умнее.

Правильно говорят, что самоуверенность — медлительный и скрытный убийца.

Наконец, пали оставшиеся деревья, и грузное тело паука обрушилось вниз, в очередной раз поднимая снег выше головы отряда. Когда снег развеялся, химера уже вновь стояла на лапах, покачиваясь из стороны в сторону и ударяя во все стороны отростками, вспарывавшими воздух со свистом. Трескался лес, продолжали ржать кони, в панике едва не доводя себя до удушья. Легионеры набросились на чудовище с мечами наголо, атакуя полкругом — теперь их целью были ноги твари. Они оказались куда прочнее щупалец, но удары оставляли на них следы, которые быстро углублялись дружной работой воинов. Химера взревела, совершая маленький прыжок и разворачиваясь на триста шестьдесят градусов. Приземлившись, наконец-то смахнула Маркуса с себя. Мужчина ударился спиной о ближайшее дерево, рухнув лицом в снег с приличной высоты. Щупальца устремились к людям, пронзая их, лишая головы и конечностей. Ирис едва увернулась, от одного из них, выстрелившего прямо из-под земли — кажется, чудовище успевало зарывать свои нити даже сейчас.

Тогда ударили Фарион с Лори — треск и гром смешались с взрывом полыхавшего шара из обломков деревьев и комков земли. Ударная волна отбросила всех сражавшихся прочь, особенно пострадал Кирагас — обхватившее его ногу щупальце осталось на нём, искусственно вызвав серьёзное растяжение. Эльф взвыл, отрезая отросток и отползая прочь вместе с остальными. Из големов Ирис осталось всего двое — и по приказу призывательницы они принялись оттаскивать раненых назад, к лагерю. В игре теней и света чародейка не заметила, когда на химере оказался Арт, которого вместе с химерой настигла совместная атака.

Когда развеялся снег и пар, исходивший от изрядно прожаренной туши чудовища, люди увидели парня, стоявшего во весь рост. Не успев опомниться, легионеры и остальные закричали, бросаясь вперёд, чтобы спасти Арта. Правда, ему это, казалось, было не нужно. Одежда была порвана в нескольких местах, а на обнажённой коже шипели ожоги, но их товарищ был жив. Маркус, кое-как поднявший голову, был свидетелем прямого попадания по пареньку как молний, так и огненного метеорита Лорелеи. Лидер отряда уже мысленно похоронил его, но это...

Заставило его сердце ударить вновь, пуская кровь и адреналин телу. Наплевав на боль, Маркус поднялся, опираясь на клинок. Химера не двигалась — не то уже была мертва, не то готовилась к финальному броску. Никому не было видно, куда смотрел Арт, да и смотрел ли вообще. Но одно все увидели, как один — парень взмахнул мечом, нанося всего один, но хорошо заметный удар.

Воздух пошёл волнами от подымавшейся до огромных значений температуры. За

мгновение до удара клинок Арта вспыхнул, удлинившись и став в разы толще. Он ударил не мечом — он ударил огромным мясницким лезвием, прорвавшимся сквозь панцирь химеры, как нож через масло. Эфир, выпущенный им в одно мгновение, заставил Лори и Ирис, чувствительных к магии, упасть на колени, не выдержав силы и давления. Как только отрубленная верхняя часть тела химеры рухнула на землю, вслед за ней упало и всё остальное. В новой поднявшейся снежной завесе люди бросились искать Арта, как выяснилось, съехавшего вниз по округлому тельцу. Щупальца чудовища замерли. Все, как по команде.

Тогда чудовище издало последний звук. И то была речь, речь мертвеца, поглощённого тварью когда-то эльфа. Оно говорило тихо, так, как могло. И обращалось к Арту, что съехал по его туше вниз, аккуратно напротив отрубленной "головы". Оно смотрело прямо ему в глаза, пытаясь понять, что сделало не так. Это должна была быть идеальная охота. Химера долгое время наблюдала за ними — за осторожной чародейкой, за бдительным узкоглазым человеком, за опасной девушкой с умением призывать непонятных существ, отличавшихся от людей, но до боли на них похожих. Она выбрала идеальное время, идеальный момент... Так почему она проиграла?

Собрав мысли в кучу, чудовище спросило человека, что должен был сегодня умереть.

— Ты... Бессмертный?

Он не ответил. Только посмотрел на монстра не своими глазами. Вместо героического ярко-жёлтого в его зрачках плескался тёмно-серый, цвет, которого одинаково боялись и который одинаково уважали что разумные, что неразумные существа Крэйна. Химера вздрогнула — теми нервными окончаниями, что у неё ещё остались. Пробирались сквозь снежный туман люди, кричала Ирис, надрывая горло. Вместе с ней звала товарища Лори, метался туда-сюда Фарин, пытаясь высмотреть в завесе след Арта. Стылали легионеры, на остатках воли осматривая тушу чудовища по кругу.

— Ты-ы... — никто, наверно, до этого не знал, что глаза мертвеца могут изображать удивление, расширяясь и увеличиваясь в размерах.

Арт сидел неподвижно, продолжая смотреть на чудовище.

— Ты-ы... — повторило оно. — М-м... Монстр!

И умерло, испытав последний в своей жизни страх. Арт, помотав головой, тихо ойкнул, увидев перед собой отрубленную тушу. Кое-как поднялся, ответив на звавшие его крики друзей и товарищей. Наконец, все объединились, собрав воедино перед покорённым костром то, что осталось от отряда. Никто не спрашивал, как у Арта получилось то, что получилось, или то, как он выжил от удара, едва не прикончившего химеру. Только Ирис сдерживала слёзы, обнимая парня так, что у того затрещали уже сломанные рёбра. За Маркусом ухаживала Лорелеи, оставив заботу о парне на его старшую сестру. Остальных легионеров также восстанавливала она, переходя от одного человека к другому. Странно, но среди собравшихся не было Кирагаса.

Тот стоял у разрушенного леса, в нескольких шагах от умершего чудовища. Стоял перед одним телом. Одним из многих, павших здесь и больше не поднявшихся. Кое-как наклонившись, бывший рыцарь закрыл глаза старому товарищу, которому ныне не суждено было открыть их. Прочитав короткую молитву, эльф поковылял к лагерю.

Состояние Маркуса оставляло желать лучшего — обе бедренные кости были сломаны, позвоночник повреждён, а часть треснувших рёбер вошла в лёгкие, вызывая серьёзное внутреннее кровотечение. Лори замедлила его, но до полного исцеления требовалось куда

больше сил, чем у неё осталось. Фарион встал рядом с женщиной, когда чародейка отошла ненадолго к другим раненым.

— Ты bravо сражался, guerrier, — обратилась к нему грозная сова. — Прими мою благодарностъ за твою жертву, — Фарион поклонился в ноги прислонившемуся спиной к повозке лидеру отряда. А выпрямившись, невозмутимо продолжил. — Да будет тебе известно, что madame Лорелеи любит две ложки sucre к кофе с молоком. Используй сие сакральное знание, коли выживешь.

Маркус вымученно улыбнулся, шутливо попытавшись отдать сове честь. Вновь поклонившись, Фарион исчез под аккомпанемент из ударивших в то место, где он стоял, золотых молний. Стонали легионеры, часть из которых уже потеряла сознание. Лори старалась спасти всех, кого могла, но остатки её сил стремительно таяли. В очередной раз попытавшись собрать зелёный эфир для заклинания исцеления, она поняла, что больше применять магию не выйдет. Поэтому побежала к сумкам, вынимая из своей склянки, порошок и чистую ткань, в обнимку с которыми и вернулась к воинам.

Пришло время использовать алхимические навыки. Хотя в простонародье их называют лечением, в противовес всем известной исцеляющей магии. Вскоре к ней присоединилась Ирис вместе с двумя выжившими големами. Те, слушая указания чародейки, выполняли их со скоростью и точностью, недоступной уставшим людям.

Так закончилась седьмая ночь их общего путешествия.

И один Господь знает, что ждёт их впереди...

Глава шестая. La femme fatale

Очередное ранее зимнее утро в Крэйне. Безжизненное солнце, блеклый рассвет и стоны раненых в ночной схватке легионеров. Лес молчал, будто приняв жертву отряда, и наблюдал за выжившими с неловким сожалением: ни одна тварь более не подходила ближе, несмотря на спавшую защиту. Верно, Лорелеи, выжатая досуха морально и физически, сумела отключиться только под первые лучи бесстрастного светила. Возле неё дежурил Фаррион; остальные сидели возле наспех собранного после разрушения предыдущего костра, тихонько переговариваясь. Маркус сидел на сумках под кожаной накидкой, когда-то бывшей его плащом. Нормального сна не было ни у кого — все легионеры ютились в положении лёжа возле костра, шипя и кривясь от боли, пронзавшей их от каждого движения. Буквально два человека и Кирагас могли спокойно ходить, чем, собственно, они и занимались, таская то хворост, то собирая пожитки обратно на телегу.

Огромный и смердящий чем-то миндальным почерневший труп химеры заслонял добрую часть переломанной чаши.

Ирис, только открыв глаза, призвала столько солдат-големов, сколько сумела. Благодаря ей никто с утра не заоченел, правда, в воздухе повис очевидный вопрос: что им делать теперь? Смерть Эстебана — лишь меньшая из текущих проблем. Из полноценного отряда в тридцать человек после двух стычек по пути от легионеров осталась лишь четверть с небольшим, включая парализованного Маркуса. А те, что выжили, вряд ли сумеют сразиться в ближайшие несколько дней. Можно сказать, что операция по зачистке чёрного рынка провалилась, не начавшись. Хмурые лица воинов это только подтверждали.

Лори валялась без сил, а кроме неё, навыками целителя здесь никто не обладал. Всё, что сумела сделать Ирис, успевшая подцепить от старшего товарища хоть что-то — это заменить бинты и шины, уже наложенные чародейкой, да нанести на раны те же мази, что лежали в её сумке. Арт был бледен и с трудом сумел поесть наспех приготовленный суп путешественника, после чего отправился обратно спать. Эльф, закончив с костром и погрузкой, присел рядом с парнем, обняв выданный ночью клинок. Мало кто говорил, большинство погрузилось в собственные мысли, пытаясь придумать выход из сложившихся обстоятельств.

А обстоятельства были, мягко говоря, говно.

Ирис, закончив обход выживших, осторожно под села к Маркусу, укрывшись краем плаща. Лоб девушки покрыла испарина, а тяжёлое дыхание только завершало общую картину вымотанного за целый час непрерывной работы человека. Кое-как собравшись, она обратилась к лидеру легионеров:

— Неприятно это говорить... Но чёрный рынок подождёт.

— Мысли читаешь, — хрипло рассмеялся мужчина, тут же ойкнув, схватившись за правый бок. — Ч-чёрт...

— С каждым днём пути холодало всё сильнее, — продолжила Ирис. — Да и снегопады начинались всё чаще. Если застрянем в лесу, то вскоре тракт заметёт так, что добраться до Никке будет невозможно. Нужно... Двигаться сейчас.

— Что там, что там нас убьют, — помотал головой Маркус. — Вам стоит...

— А ну-ка заткнись, пожалуйста, — без смеха или издёвки, с одним лишь серьёзным взглядом на вооружении, прервала его девушка. — Заливать старую песню про Сад и про

нашу важность каждый сраный раз, когда встаёт вопрос о безопасности отряда, будешь Лори, не мне. Маркус, послушай... — она повернулась к нему, заглядывая в уставшие и обречённые карие глаза. — Мы все здесь в одной лодке. Там, где я жила раньше, не было важных и не важных — что ребёнок, что взрослый, что старый, что молодой, богатый, бедный — все старались и помогали друг другу. Если ты не понял этого ночью, то пора понять сейчас. Вы здесь не останетесь. Никто не останется.

— У тебя храброе сердце, — выдохнул мужчина, проводя ладонью по волосам, покрывшимся льдом из крови и пота. — Л... Ладно, — он положил руки на землю, кое-как устраиваясь в сидячем положении по-удобнее. — Кому-то из вас придётся сесть за лошадей.

— Кирагас знает, как с ними управляться. Что ещё?

— Ворота... Четвёртые, в Никке, — закашлялся Маркус, орошая свежий снег рядом алыми каплями. — Они с восточной стороны города. Нужно будет полностью обойти его... А потом — позвольте золоту говорить за вас. Только не переусердствуйте — если дать слишком много, имперцы заподозрят, что с нами что-то не так. Они всё равно заподозрят, конечно... Но так будет спокойней.

— Поняла, — кивнула Ирис, переводя взгляд на задремавшего возле Арта эльфа, до сих пор крепко сжимавшего ножны с клинком в объятьях. — Сегодня многие потеряли что-то дорогое. Надеюсь, после Никке подобного не повторится.

— До города ещё нужно добраться, — осадил её валет Легиона. — Поговорим о планах позже, когда и если дойдём.

— Хорошо, — не стала спорить девушка, поднимаясь, что уйти.

— И ещё...

Ирис остановилась, повернувшись обратно к мужчине.

— Спасибо, юная леди, — выдавил из себя улыбку Маркус, и тут же рассмеялся, стоило Ирис скривиться от очередного недопрозвища.

— Пожалуйста, — легонько вздохнула она, отходя к телеге, на которой лежала Лорелеи. Фарион, учтиво поклонившись девушке, пропустил её непосредственно к скамьям.

В воздухе стоял аромат крови, смерти, отчаянья и остатков еды. А, и ещё химеры, провонявшей, вероятно, вообще на всю округу. Ирис присела напротив побледневшей чародейки, поставив локти на колени и позволив ладоням подпереть лицо. Очевидно, что она переживала. Кроме того, из всех товарищей только она осталась в сознании, а это взваливало на девушку определённую ответственность. Неизвестно, когда очнётся Арт — он потерял слишком много сил в сражении. А без Лори, мозгового центра троицы, Ирис терялась, не зная, что толком делать и о чём думать. Сейчас, наметив план, девушка немного успокоилась, изо всех сил стараясь не поддаваться отчаянию. Хотя и понимала, что в текущем состоянии от отряда легионеров может остаться один только Маркус.

И то, если повезёт. Холод, тряска в телеге, снегопад, что пошёл спустя некоторое время после рассвета и, судя по всему, не планировал кончаться... Без защиты Лори в дороге на них вполне могут напасть другие твари, и пускай сейчас Ирис чувствовала себя уверенно, не факт, что она сможет обороняться в одиночку столь долго, чтобы добраться до Никке. С другой стороны, на ногах всё ещё была пара человек, да и Фарион мог бы подсобить в сражении против чудовищ. Однако до Никке полноценный день пути — и это в бодром темпе, а с ранеными воинами, очевидно, придётся ехать помедленней, если они хотят сохранить им жизнь.

— Madame... — осторожно положил массивное крыло на плечо Ирис Фарион. — Всё

хорошо. Оуи, наши обстоятельства оставляют желать лучшего, однако...

— Я в порядке, Фарион, — помотала головой девушка, продолжая смотреть в деревянное дно повозки. — Просто думаю о том, что терять ещё кого-то не хочется. Мне хватило деревни и старейшины... С лихвой хватило, м-мать твою.

— Моя la tatan милейшая женщина, к слову, — убрав крыло, проковыляла на центр прохода грозовая сова. — Когда-нибудь я вас обязательно познакомлю. Удивительное дело — сырое мясо под чесноком и солью! Обязательно попробуйте, madame. Ручаюсь, не пожалеете!

— Ха-ха, — вяло рассмеялась Ирис. — Ага. Как-нибудь, если получится.

Фарион замолк, и только движения острого клюва выдавали волнение на безэмоциональном лице фамильяра Миры. Тяжело дышала Лори, то и дело вздрагивая в сумбурном сне. Чародейка то морщилась, то улыбалась, пытаясь поднять руки, упрятанные под плащ. Его заботливо поправлял Фарион, безмолвно стороживший волшебницу. Наконец, Ирис позвали откуда-то издали, и та, подняв взгляд, увидела легионеров, вставших возле сложенных в ряды тел. Их также укрыли плащами — и с какой-то стороны мёртвые сейчас не отличались от живых. Кивнув взлетевшей на край повозки грозовой сове, девушка спрыгнула, направляясь к тому, что вскоре должно было стать кладбищем.

Големы, бродившие в округе с автоматами наперевес, синхронно повернулись, направляясь вслед за призвавшей их героиней. Так, выхватив сапёрные лопатки, они принялись вскрывать промёрзшую землю, пока Ирис с воинами Легиона перетаскивали тела павших товарищей поближе. Бесконечно выносливые и сильные солдаты закончили с первой могилой всего за несколько минут, тут же переходя к следующей, всего в полуметре от неё. Ирис дождалась, пока легионеры бросят тело вниз и скажут прощальные слова, а затем свистнула, призывая часть своих солдат для закапывания. Ей нечего было сказать им, кроме как "Спасибо" и "Простите".

Заворачивая в плащ очередное тело, она с содроганием узнала в нём того самого бородача, разливавшего каждое утро и вечер горячий суп. Шрам на щеке заболел, да так, что захотелось взвыть. Ирис, сдержалась, не проронив ни слезинки, молча передав труп легионерам. Очередной пустой, глухой звук, с которым тот рухнул вниз. А следом — звук лопат, с шорохом опускавших на него землю. Шорх, шорх, шорх. Ещё пара минут — и на расчищенном кладбище возвышался очередной небольшой холмик, в который легионеры в таком же молчании воткнули клинок, принадлежавший павшему. В Крэйне не было крестов или иных знаков — кладбища здесь были полны личных знаков тех, кто лежал в недрах могил.

Мечи для наёмников, рыцарей и искателей приключений. Посохи магов, рабочие инструменты крестьян, короны или иные регалии властителей. Последние иногда достаивались могильных плит — но это скорей исключение, подтверждавшее правило. Те легионеры, что пали от рук троицы в первый день их знакомства, были похоронены так же — но без их ведома, и не в земле, а в снегу. Сейчас кладбище было полно рукоятей и едва-едва выглядывавших из-под земли лезвий. Закончив, выжившие легионеры отошли в сторону, шёпотом поминая друзей и товарищей.

Ирис стояла рядом, думая, что бы на её месте сделал Фолл. Понаблюдав за привычками первого героя, девушка с уверенностью говорила себе, что тот бы, очевидно, закурил. Нет, будь он здесь, никто из легионеров бы не погиб. Знали ли Фолл с Мирой об этом? Может, предполагали? Нет, глупости... Всё это — Крэйн. Как он есть. Тот страшный и тёмный мир,

о котором постоянно рассказывал старейшина. Ирис всегда считала, что старый эльф преувеличивал. Ага, как же. Сперва торговцы людьми, теперь разумное чудовище, хохотавшее над своими жертвами... Ирис была искренне рада, что встретила своих товарищей. Если бы не они, считай, свет в огромном облаке тьмы, то девушке тяжело даже представить, чтобы с ней стало.

Глядя на кладбище, возведённое на пустыре, она удивлялась, как только Арт мог быть столь уверен в том, что делает. Спасать мир! Спасать невинных! Героизм, да? Всё это вызывало у Ирис только смех. Здесь бы выжить сперва, а уже потом заниматься чем-то столь забавным, как это. Под слабым, холодным солнцем, в окружении белого колючего снега ей казалось, что герои — это просто фикция. Так, красивое название для тех, кого кинули сюда, чтобы что-то исправить. Людей, обречённых на страшную участь. И... Исправить что? Бог этого мира почему-то очень не любил конкретику. С другой стороны — там, за невидимой преградой из неведомой магии, была Земля — то, что оставила позади Ирис. Тепло и уют, мир без войн, мир, где было спокойно и тихо.

Крэйн был хуже. По всем критериям. Для Ирис несвойственно испытывать жалость к себе — но в тот момент, под свист ветра, она вдруг подумала, что ей хочется сбежать. Бросить свою месть, бросить всё — и вернуться в мир, где нет всего этого дерьма. Позабыть, как страшный сон. Не помнить смертей близких, не помнить всепожирающего пламени Сангвина, не помнить горя, печали и отчаянья. Не знать этих чувств. Быть счастливой.

Зачем? За что? Потому что её счёл достойной тот Бог? А кто он, чёрт подери, такой, чтобы вертеть судьбами людей?

До Ирис наконец-то дошло. Она ненавидела не этот жестокий Крэйн, не Империю, что отняла у неё всё то дорогое, что только было. Она ненавидела Бога — то крутое существо, всевластное и всемогущее. В его силах было самостоятельно изменить этот мир без постороннего вмешательства. Но Бог этого не сделал. Не так важны причины, сколько последствия. Сжав кулаки, Ирис пообещала себе, что станет настолько сильной, что уничтожит эту тварь. За всё, через что прошла она и те герои, что пали до неё. Око за око, зуб за зуб. Только так.

И никак иначе.

Наконец, лагерь начал сбор. Пожитки уже были погружены на повозку, так, чтобы оставить место для всего оставшегося в живых состава отряда. Призванные солдаты Ирис помогали расположиться на скамьях раненым, часть из которых вынуждено положили в проходе, прямо под ногами. Кирагас, щёлкнув вожжами, привёл телегу в движение. Все те, кто мог смотреть, глядели на медленно удалявшееся прочь место стоянки. На огромное тело химеры, ещё долго остававшейся на горизонте. На кладбище, возникшее меньше чем за час. Лорелеи, успевшая проснуться, сидела на самом краю, сложив ладони воедино возле колен. Скомканые серебристые волосы блестели свежим снегом, потихоньку валившим с небес. Арт всё ещё спал, укрытый двумя плащами — своим и эльфа, бывшего караванщика. Кирагас, кажется, не ощущал холода, а потому оставался в одной куртке, с уверенностью направляя лошадей.

Кое-как выбравшись на основной тракт, отряд начал свой путь к Никке.

Ирис держала её солдат поблизости — они поддерживали темп, оставаясь на одном уровне с повозкой. Небольшая часть, соорудив из обломков второй повозки сани, тащила по снегу ящики с бессознательными эльфами. Бросить их, чтобы хоть немного ускорить темп, никто не смог. Повезло, что они были не на той телеге, что сожрала химера вместе с гномом.

Так, в молчании, прошёл час. Затем второй, третий, четвёртый — следом небольшой перерыв, чтобы дать лошадям отдохнуть, а Лори — заняться легионерами, чьё состояние было хуже всех. Некоторые воины курили тонкие самокрутки, выдыхая аромат трав и табака в пропитанный потом и кровью воздух. Маркус не стал лишать своих товарищей этой маленькой радости — всё-таки это мог быть их последний перекур.

Потихоньку лес начал редеть — и вскоре горизонт впереди стал полностью чистым, единым белым сплошным маревом. Снегопад усилился, а потому видимость, стоило отряду всё-таки выбраться из чащи, упала до нуля. Так, что даже сани с отрядом солдат, тащившихся всего в десятке метров за повозкой, пропали из виду. Только шорох берцев, буривших снег, доходивший до колен, свидетельствовал о том, что сопровождение всё ещё было, и было в порядке. Изредка легионеры и ребята на скамьях вздрагивали, услышав рокот выстрелов где-то в снежном потоке. Ирис успокаивала их — просто волки или земляные крабы. Последние зарывались в почву, атакуя случайного путника, забрёдшего в лес, могучими клешнями, подобными капканам.

Справиться с ними для вооружённых штурмовиков не составило труда.

Через ещё пару часов повозка снова остановилась, в этот раз для привала. Сгрузив раненных и расчистив почву, отряд кое-как развёл костёр. Фарион, только вернувшийся из разведки, оповестил их, что Никке довольно близко — ещё несколько часов в том же темпе. Смеркалось быстро — и желательно было успеть до полной темноты. Хоть в снегопаде этого заметно не было, но отряд проезжал совсем недалеко от покинутых на зиму ферм — они стояли далековато, как и парочка мельниц у замёрзших рукавов рек, проходивших совсем рядом с городом. Перекусив наспех сваренной похлёбкой, легионеры наконец-то оживились, принявшись делиться впечатлениями от прошедшего сражения. Мрак с их лиц как рукой сняло — всё-таки убийцы привыкли к смерти и относились к ней, как к чему-то естественному.

Пара человек даже сумела задремать, сидя спина к спине. Эльф, всё дежуривший возле Арта, переговаривался с ним. Рассказал Кирагас и о гибели Лафаса, и о странном пламени, в которое обратился меч паренька, когда тот отрубил химере голову. Арту нечего было сказать ему — воспоминания о конце сражения стёрлись, и последнее, что он помнил, это приближавшийся к нему огненный шар. Потом — только то, как очнулся возле трупа чудовища. Вскоре к их разговору присоединилась Ирис, за ней — Лорелеи. Беседовали они о простом — о битве, о будущем, о припасах, о Никке. Аккуратно обходя тему того, что с ними будет, когда они всё-таки достигнут города.

Чародейка, выслушав версии Кирагаса и Арта, принялась внимательно обследовать паренька. Физическое состояние, что удивительно, было в норме. Парень, хоть и был подавлен, держался молодцом — сказывались ежедневные тренировки. Он и в целом стал больше — от хлипенького тела зелёного героя не осталось и следа. Под плащом скрывались мышцы — одинаково сильные и развитые что на корпусе, что на руках и на ногах. Не найдя ничего путного даже с помощью эфира, Лори сдалась, настоятельно попросив Арта упомянуть случившееся перед Фоллом или Мирой — случись так, что они снова пересекутся. Как же всё-таки жаль, что никто из ребят не знал главного — и первый, и вторая прекрасно знали, что случилось.

Фолл давно связал себя с Фарионом таким же контрактом, что и Мира — а потому они могли в любое время и в любой час смотреть на мир глазами грозовой совы, слышать то, что слышал Фарион, и чувствовать то, что чувствовал он. Для грозовой совы подобное

вмешательство оставалось незамеченным. Поэтому что архимаг, с сожалением вздыхавшая на другой стороне Железных Гор, что первый герой, приближавшийся к Никке сквозь снежную бурю, заставшую его в дороге, были озабочены произошедшим. Нет, они не застали странные изменения, через которые прошёл Арт во время схватки, но увидели её последствия.

Мира была слишком далеко, чтобы оказать подопечным помощь. Да и её сейчас, прямо скажем, заботило немного другое. Чародейка, покинув земли Сенстони, изучала в своей старой лаборатории новую чуму, вспыхнувшую на территории кланов гномов. Фолл, с другой стороны, был ближе — а потому двигался навстречу отряду, надеясь застать их до того, как они попадут в Никке. Для этого был ряд причин — одну из которых назвал ребятам с легионерами Фарион.

— Город пылает, — щёлкнув клювом, протянула грозовая сова. — *La révolution...* Я почувствовал белый эфир — большой объём. Бунтуют бедные районы, вся западная половина Никке...

— Млять... — кратко выругался Маркус. — Хочешь сказать, что внутрь мы не попадём?

— Я этого не говорил, *guerrier*, — подвигал головой вправо влево Фарион. Янтарные глаза вспыхнули, как бы вежливо попросив не перебивать. — Насколько известно, четвёртые врата, через которые мы хотели пройти изначально, находятся со стороны районов богачей. Потому сей путь исключать нет нужды, важно лишь учесть, что ситуация нестабильна — так, что *grêtres* пришлось вмешаться. Что же до причин бунта... Мне неизвестно. Множество *raysans* на улицах с оружием в руках, а церковь устраняет их с особым... *La ferveur*, хочу заметить.

Рвением.

— Бунт в такое время... — устало вздохнул Маркус, потирая лоб. — Словно продажи людей нам было мало. Судя по всему, все наши информаторы либо убиты, либо скрылись — вполне вероятно, второе. Точки отхода и схроны тоже могли быть скомпрометированы — а значит, нам теперь даже идти некуда... Чёрт!

— Держи себя в руках, — буднично протянула Лори, откашливаясь. — Кхм... Фарион, как думаешь, кто в итоге победит? Может, бунт закончится ещё до того, как мы подойдём к Никке...

— Сомнительно, *madame*, — опустил клюв тот. Собравшиеся возле костра люди обречённо переглянулись. — Церковники применяют боевые чары, не сдерживающие. Кажется, будто в их интересах подавить *la révolution* силой. Ох, да, прошу меня простить — причины мне всё-таки неизвестны, но я слышал кое-что, пролетая над толпой. Они кричали что-то о ложном боге... Забавное *la manifestation*, должен признать. С учётом того, что Бог в Крэйне только один. Так, *raysans* выглядели, словно их одолела иллюзия — такая, что двигает безумцами... И *héros*.

Он перевёл взгляд на Арта, едва заметно покачав перьями.

— Бунт, который поднял сильный чародей, — решила пораскинуть мозгами Лори, слегка наклонив голову и прикрыв глаза. — Ты думаешь, это как-то связано с политикой?

— Увы, *madame*, — щёлкнул клювом Фарион. — То мне неизвестно.

Кружил по лагерю снег, резал лица льдинками ветер и едва-едва пробивалось сквозь поднимающуюся бурю солнце Крэйна. Сев плечом к плечу, люди восстанавливали силы для последнего рывка. То и дело в белоснежном потоке показывались тёмные силуэты солдат Ирис, завершавших очередной обход по периметру. Холод пробирался под плащи, хваткой

мертвеца впиваясь в кости и тела стойких воинов. Лори использовала все восстановленные силы на исцеление, оставив немного на самый крайний случай. И для того, чтобы не упасть на месте, конечно. Отряд держался, но продолжаться это могло не долго. Если они не выдвинутся в ближайшее время, Никке утонет в снегу... И в пламени бунта.

Неизвестно, что вообще произойдёт быстрее.

— Маркус, что мы вообще знаем о положении в Никке? — обратилась к замолчавшему лидеру легионеров Лори. — Чем больше деталей о его внутренней политике, тем лучше. Возможно, у нас получится сложить общую картину...

— Шаг первый — понять, шаг второй — действовать в соответствии с обстановкой, — ухмыльнулся мужчина. — Когда-то Фолл твердил это каждый божий день. А потом мы взяли — и записали это в кодекс Легиона...

— К делу, — поёживаясь, попросила его чародейка.

Маркус, поморщившись от боли, пронзавшей всё его тело каждый раз, когда он пытался подвинуться самостоятельно, начал повествование. Вкратце — он объяснил взаимоотношения между богатыми, бедными и церковью в Никке. Богачи всю использовали крестьян и оплачивали стражу, обеспечивая себе безопасность. И в то же время защищая сам город: всё-таки большой бюджет на стражников означал минимальный риск нападения тварей. Бедняки, хоть и жили в относительном достатке, чувствовали себя обделёнными. Что забавно, они надеялись, что Империя придёт сюда и наведёт свои порядки. Сангвин проводил жёсткую, но справедливую политику — любой труд вознаграждался в соответствии с затраченными усилиями вне зависимости от статуса и социального положения.

Правда, Империя уже была в Никке — номинально, в виде одного отделения императорской канцелярии. Единого правителя у города не было — только чистый капитализм, если можно так выразиться. У кого золото — у того и власть. Богачи делили этот пьедестал с церковью — а последние, в свою очередь, держали бедняков в узде. По логике вещей, бунтарские настроения витали там довольно давно, но никто не ожидал, что всё вспыхнет столь быстро и с такой яростью. Что-то послужило последней каплей в чаше терпения народа, но что — оставалось загадкой в виде фразы о ложном боге. Если это и впрямь была иллюзия, а не внушение, то она, должно быть, была наложена очень сильным магом. Раз уж даже церковь не сумела её уничтожить.

Таким образом, стали очевидны две вещи. Первое — бунт не был выгоден ни церкви, ни богачам, а значит, начали его не они. Простой вывод, но довольно важный. Второе — если жрецы вместо спасения людей, как им полагается по должности, начали вырезать бунтовщиков, то о бунте они, скорей всего, знали и заранее подготовились. Что странно, ведь вскоре должен был состояться аукцион чёрного рынка — из чего и был сделан вывод об отсутствии выгоды для церкви. Вся ситуация в целом выглядела странной — от начала и до конца. Ирис предположила, что в Никке образовался некий культ, о котором и узнала церковь. Но было слишком поздно — а потом вспыхнула революция.

С этой версией согласилась и Лори, хотя Маркус отнёсся к ней скептически. Культисты с верой, отличной от единой и принятой по всей Авроре, уничтожались на месте. Вырезались вместе с семьями — всегда, без исключения. Потому что у церкви были доказательства существования Бога, и они рьяно противились всем, кто говорил об иных божествах. Грубо говоря, единая религия стала такой не просто так. Арт с Ирис были явным тому доказательством — ведь они лично встречались с тем самым существом. Идиотизмом

было полагать, что Он разрешит в своём мире религию, отличную от той, что проповедовала веру в него. И опять же, если это не культ, а сильная иллюзия...

Отряд терялся в догадках, решив спустя некоторое время отложить их на потом. Погрузившись на повозку, они продолжили путь сквозь буран, обмотав свободными плащами ещё и головы, оставив только прорези для глаз. Холод стал невыносим, и многие раненные начали сражение уже с подступавшим сном. Одно погружение в который — и воины рисковали не проснуться. Поэтому переговаривались, буквально лоб в лоб, лишь бы не заснуть. Постепенно им стало уже плевать на то, что происходило в Никке, всем просто хотелось в тепло, подальше от несносной погоды. Ирис, продолжительное время державшая солдат поблизости, отключилась, положив голову на плечо Арта, погрузившегося в себя.

Лори смотрела, как один за одним исчезают в буре призванные воины в полном обмундировании. Осталась лишь пара — тех, что тащили сани с ящиками. Точно, им ведь нужно будет позаботиться и об эльфах, которых вёз Эстебан. Как решить этот вопрос в текущей ситуации, было непонятно. Маркус разминал руки, пытаясь согреться, а Кирагас, напрягая глаза, пытался разобрать дорогу впереди. Эльфа давно пробрал озноб — но он продолжал управлять лошадьми, понимая, что без него отряд просто встанет. Те легионеры, что ещё стояли на ногах, получили серьёзное обморожение. Их отогревал Фарион, спрятав потерявших сознание мужчин под крыльями. Битва с холодом и бураном продолжалась, и пока что ей не было видно ни конца, ни края.

— Шеф! Дамиан... Он... — повысив голос, позвал Маркуса один из легионеров, закутанных в плащ. Отбросив мысли, посещавшие его, мужчина перевёл взгляд на подчинённого. И скрипнул зубами, увидев молчаливое сожаление во взгляде. Посмотрев на воина, лежавшего в проходе, на который указывал товарищ, Маркус покачал головой.

В повозке стало ещё уютней, чем до этого. Коченевший труп в такой тесноте не вызывал счастья, улыбок и радуги, это очевидно. Ещё паршивей было то, что отряд не мог себе позволить похоронить скончавшегося от холода и ран легионера, ибо любая остановка означала потенциально ещё больше смертей. Маркус окликнул Кирагаса, справившись о том, как эльф держался за вожжами. Тот прикрикнул, сказав, что никакая буря его не сломает. Удовлетворившись ответом, валет Легиона вернулся к молчаливому размышлению. Тряска становилась невыносимой — каждая секунда на скамье отражалась болью, расходившейся по всему телу Маркуса. Он давно не чувствовал своих ног, да что там — вся нижняя часть тела коченела. Хорошо, наверно, что его парализовало во время сражения. Так хотя бы эта жгучая боль не била по голове.

Силы каждого были на исходе. Побледневшие лица за покровом одежд выражали отчаянье одними только глазами, что были на виду. Люди переглядывались, начав возводить в своих мыслях молитвы Господу, надеясь, что хоть это поможет им добраться до Никке до полной темноты.

Нет, чуда не случилось. Через два с половиной часа Лори призвала светлячок, поскольку тьма сгустилась настолько, что Кирагас не мог разглядеть даже лошадиные головы всего в полутора метрах перед собой. Шарик света, сияя, будто маяк, поднялся вверх, освещая повозку с её содержимым и совсем немного одинаковой белой дороги. Ветер стучал в ушах, стучали сердца храбрых воинов, сжимавших кулаки и царапавших свою кожу, лишь бы не поддаться сну, что подкрадывался незаметно, как убийца в тени. Фарион с грохотом и молниями сместился прочь, под облака, чтобы дать отряду знать, сколько ещё времени. Легионеры, которых он грел, застучали зубами от холода, тут же схватившего их за горло.

Любой другой человек, гном, орк или эльф на их месте давно бы умер — но воля и выносливость бойцов Легиона были на такой высоте, что даже сейчас, будучи ранеными и искалеченными, они держались.

— Стой, Кирагас! — закричала вдруг Лори, сразу после крика спрыгивая с телеги в снег. Поравнявшись с застывшим наверху эльфом, она устремила свой взгляд вперёд, в бурю. — Впереди эфир! Не природный!

— Думаешь, кто-то в такой буря пойдёт к нам навстречу?! — прокричал эльф, чьи ладони покрылись коркой льда. Острые уши прижались к голове, а зубы вытанцовывали чечётку похлеще той, что звучала на скамьях позади.

— Странно, да?! — перекрывая свист и шум ветра, задала чародейка риторический вопрос. Собрав эфир на кончиках пальцев, отправила его в шар света, что засиял ещё ярче.

Тогда, посреди мельтешившего снега, в непроглядной тьме, они увидели чей-то силуэт. Арт, силой выхватив клинок из ножен, спрыгнул вслед за старшей подругой, вставая за ней с оружием, направленным на силуэт. Ирис, успевшая придти в себя, встряхнула головой, присоединяясь к младшему брату. Рядом, щёлкнув предохранителями на автоматах, встали на колени штурмовики. Кто бы или что бы это впереди ни было, троица была готова стоять насмерть. Маркус, скрипя зубами, вытянул из кожаных ножен кинжал, приложив тот к груди. Легионеры, нахмурившись, все, как один, посмотрели на силуэт, что приближался. Постепенно стали видны очертания — они, очевидно, принадлежали человекоподобному существу. Оно двигалось уверенно, словно его не смущала буря — не пригибаясь, не закрывая руками лицо.

Вскоре отряд увидел, что незнакомец вообще шёл, засунув руки в карманы бежевого пальто. Загребая сапогами снег, словно на обычной прогулке по пути домой. Наконец, неизвестный вышел на свет полностью, явив себя перед ребятами и легионерами.

Это была женщина со светло-коричневыми волосами, подвязанными в пучок. В больших круглых очках, занимавших добрую треть её лица. Аккуратный нос, плавная линия губ — ей, казалось, нисколько не мешал снег, круживший вокруг с приличной скоростью. Бежевое пальто уходило в ноги, под ним виднелась плотная чёрная кофта, чуть ниже — облегающие штаны одного цвета с пальто, а на ногах — чёрные сапоги с блестящими серебром застёжками. Она была довольно высокой, одного уровня с Артом, и, что поразило вообще всех, улыбалась самой сумасшедшей улыбкой, что только видели члены отряда. Остановившись на расстоянии, что принято называть вежливым, она вынула руки из карманов, демонстрируя чёрные перчатки, сжимавшие в руках пачку сигарет. Щёлкнула зажигалка, прятавшаяся в другой её руке, зашипела, неслышно, но видимо для наблюдателей, сигарета. Затянувшись, женщина выпустила в воздух густой серый дым, тут же смешавшийся с бурей.

— Чтоб я провалился, — не веря своим глазам, протянул Кирагас. А затем, повысив голос, окликнул странную незнакомку. — Анко! Это я!

Женщина перевела на него взгляд серых глаз, слегка поднимая уголки губ в приветственном жесте. Впрочем, вперёд не двинулась, продолжая дымить. Никто не двигался, ожидая, как себя поведёт человек, столь спокойно ощущающий себя во время ужасной бури. Кирагас, поняв ситуацию правильно, замолк, принявшись отчищать ладони от льда. Кое-как оторвав их от вожжей, эльф тихонько вздохнул. Арт, Ирис и Лорелеи анализировали незнакомку, кто-то лишь внешне, кто-то — через эфир. Брат с сестрой поняли главное — что одежда, что сигареты, что зажигалка...

Всё это не принадлежало Крэйну.

Впрочем, после героев, сгинувших здесь, очевидно, осталось много вещей. Оставался маленький, но всё же шанс того, что женщина перед ними не являлась героем. Потому что это было бы странно — от неё веяло силой. Не только эфир, круживший вокруг неё — сама улыбка, взгляд, каждая деталь в ней была пропитана такой мощью, что даже Лори, видевшая Миру в моменты ярости, задрожала перед ней. Анко... Такое знакомое имя. Чародейке показалось, что она где-то его уже слышала. Не только от Кирагаса, упомянувшего свою знакомую ещё во время их первого дня в дороге. Но не только сила напрягла волшебницу.

— Ты не говорил, что твоя подружка — маг времени, — проговорила она, продолжая смотреть прямо на курившую неизвестную.

— Чего? — повернулся к ней эльф. Среди легионеров также пронеслись удивлённые возгласы. Маг времени? Чародей, владеющий серым эфиром? Что занесло сюда столь важную персону? — Ты... Уверена?

— Абсолютно, — кивнула Лорелеи. — Она это даже не скрывает — вокруг неё, кроме всех остальных, кружится и серый эфир. Плотный.

— Как-то не вежливо обсуждать человека, что стоит прямо перед вами, не вовлекая его в беседу, — вдруг подала голос женщина в пальто. Он звучал устало — и в то же время он посмеивался, но не в открытую, а лишь тоном. И, естественно, он принадлежал взрослой женщине за тридцать. По крайней мере, такой вывод сделали все, кто его услышал. — Привет, Кирагас. Давно от тебя вестей не было. Неужели, погиб? Нет, ты слишком упорный чтобы подохнуть.

— Анко... — растерянно протянул эльф, глядя то на женщину, то на собравшихся в кулак товарищей. — Ну, хватит! Времени и так в обрез! Опустите оружие — пожалуйста...

Лори помотала головой, собирая остатки эфира в теле. Всё это слишком странно — бунт в Никке, неизвестный маг времени в таком захолустье... Если она что и поняла, путешествуя с Фоллом, так это то, что когда всё вокруг кажется неестественным и нелогичным, значит, в этом всё вокруг скрывается что-то важное. И уж точно не достойное доверия, раз оно скрывается. Впрочем, та самая Анко, проигнорировав напряжение, повисшее в воздухе, шагнула вперёд, приближаясь к лошадям. Потрепав одну из них по гриве, улыбнулась замершим ребятам, бросив сигарету в снег. Та, едва слышно зашипев, утонула в покрове.

— Ну, ну, и ну, — подошла она в упор, демонстративно осматривая Лори с ног до головы. Затем проделала то же самое с Артом и Ирис, сохраняя на лице ту самую полубезумную улыбку. — Кто бы мог подумать, кого я здесь встречу! Кроме рыцаря на пенсии, целых три ребятёнка прямиком с...

— Эй! — окликнул её с телеги Маркус. — Именем Легиона! Прошу, пошевеливайтесь! Разберёмся со всем, когда прибудем в Никке. Завязывайте... — это он сказал уже ребятам, медленно опустившим оружие. Големы, поднявшись с колена, разошлись. Ирис смотрела на Анко с недоверием, впрочем, как и Лори. Погрузившись на телегу обратно, отряд продолжил движение.

Анко, придерживая пальто, запрыгнула на вожжи к Кирагасу. Буря грохотала так, что все звуки, включая дыхание, тонули в ней. Арт держал меч обнажённым, да и Ирис, выхватив автомат у одного из своих творений, без зазрения совести направила его дуло в спину чародейки. Которой, казалось, было плевать, что о ней думают. Она лишь вновь закурила, закинув ногу на ногу. Странная встреча посреди бурана окончилась мирно, но троицу

обуревали сомнения. Интуиция подсказывала им, что Анко была источником опасности. Что-то на уровне эмпатии говорило о том, что одна только дорога с ней на борту приведёт к непредвиденным последствиям. Впрочем, уже через полчаса, когда холод и ветер вновь стали сильнее, ребята отбросили мысли о странной волшебнице, сосредоточившись на выживании и сохранении тепла.

Вскоре вернулся Фарион, сперва покружив на повозкой, сверля затылок Анко подозревающим и пронзительным взглядом. Опустившись следом на свободное место на скамье, грозовая сова рассказала, что уже через час они должны достичь Никке. Поправив направление движения деликатным похлопыванием крыла по плечу Кирагаса, Фарион вновь пустил погреться легионеров, успевших заоченеть за время его отсутствия. Их раны только усугублял холод, но воины не сдавались, в благодарность даже обнимая Фариона из последних сил, что у них остались.

И так, выдержав в последний раз все тяготы бури, они подошли под стены города-крепости Никке. Ещё издали ощущался запах гари. Однако из-за бурана даже находясь совсем рядом, отряд не мог разглядеть огромное облако смога, поднявшегося над бедными районами. Двинувшись в обход, они направились на восток, вынуждено замедляясь из-за саней, тащившихся позади. С другой стороны, буря стихла, перестав стучать по ушам, и в телеге в кои то веки развязался пусть и скромный, но всё же разговор. Правда, не между ребятами или легионерами, а между Кирагасом и таинственной чародейкой, что курила без остановки всю дорогу.

— Хорошо, что мы встретились на пути, — выдохнул Кирагас, прихлёстывая вожжами. — Я бы замучился искать тебя в той суматохе, что творится за стенами.

— Ха-ха! — громко рассмеялась Анко. — Скажешь тоже. Вместо фальшивой радости от встречи лучше расскажи, где ты успел потерять весь свой маленький отряд.

— Это... Долгая история.

— Подозреваю. И наверняка она как-то связана с этими детьми и их сопровождающей... И вообще — во что ты ввязался на этот раз, Кирагас? В курсе ведь, кто эти благородные мужчины за нами?

— Легион, — кивнул эльф, легонько вздыхая. — А ты как обычно... Быстро всё понимаешь.

— Я не была бы я, — пожала плечами женщина, вновь затягиваясь очередной сигаретой. Откуда только у неё столько? Кирагас был готов поклясться, что видел последнюю сигарету в её пачке раз десять за то время, что она доставала их оттуда. — Слушай, по поводу серого эфира...

— Ничего и знать не хочу, — решительно остановил её эльф. — Для меня ты была и остаёшься Комодо Анко, старым приятелем и хорошим другом. В этом мире легко потеряться, если лезть в чужую личную жизнь. Во всех смыслах потеряться.

— Хоть что-то ты понял, — хмыкнула его собеседница, внимательно смотря на дорогу, открывавшуюся под светом чар Лорелеи. — Молодец, что не стал спрашивать. Я бы всё равно не сказала тебе всего.

— Уважаю твою честность, но порой она меня задевает, — ещё раз вздохнул Кирагас. — Ладно, кроме шуток... Ты знаешь, что происходит в Никке? Нам нужно в город... Сама видишь, в каком состоянии отряд.

— Чтобы ты заботился о чём-то, кроме собственного зада? — воскликнула она. — Вау, Кирагас! Удивляешь. А кроме шуток — знаю, и знаю всё. Но говорить не стану. Нас всё-таки

слушают...

С этими словами она отсалютовала сигаретой внимательно следившим за ходом беседы легионерам и ребятам. Эльф сдержал третий вздох, приближаясь к воротам. Заметив стражу, очевидно удвоенную из-за бунта, он помахал закованным в чёрные латы воинам рукой, привлекая внимание. Те, без слов обнажив клинки, поспешили к повозке навстречу. Правда, опознав Анко, вальяжно рассеявшись рядом с эльфом, вытянулись по струнке, коротким жестом отдав честь. Правда, у ворот отряд задержался вновь — телегу осмотрели, мельком, правда, равно как и сани, что довели до конечной солдаты Ирис. Стража не столько смотрела на их вещи, сколько следила за тем, как вела себя Анко, которой было вообще по барабану. Лишь раз она обратилась к стражникам, нагнувшись с сиденья набок.

— Эти — со мной. И если что, их здесь не было. Как и меня.

— Д-да! — встал по стойке смирно имперец. Судя по алой эмблеме быка на шлеме, командир отряда. Мужик подрагивал от улыбки Анко, да и ребятам, внимательно смотревшим за ней, стало не по себе. Так улыбаются, когда хотят убить — и так улыбаются только безумцы. Подлинные, те, кто поддался безумию по собственному желанию.

Что-то с этой женщиной было определённо не так...

Свистнув на стену, стража подала знак своим коллегам на ней. Стены были высоченными — одна из причин, по которой увидеть тучи дыма извне никому не удалось. Буря совсем стихла, стоило телеге заехать внутрь, за толстенные створки, тут же со скрипом поехавшие обратно. Маркус облегчённо вздохнул, а вслед за ним вздохнули и остальные — они справились, выдержав буран и заметённую ко всем чертям дорогу. Никке встречал их покрытыми снегом улицами, по которым туда-сюда бродили наряды стражи в полном облачении. Где-то вдалеке, за домами, бил церковный колокол. Не домами — особняками, каждый в несколько этажей, обнесённый чугунным забором, с парадной с семейным гербом над входной дверью. В основном, конечно, здания были из серого камня — угрюмо, зато дёшево. Видимо, даже богачи не могли себе позволить кирпич — из него строились разве что дворцы коронованных персон. Проехав мимо домов, отряд свернул по главной улице внутрь, вглубь города.

Повсюду виднелись фонари, освещавшие от силы половину всего, что происходило на улицах. В некоторых окнах горел свет, но чаще они встречали отряд тишиной, пустотой и тьмой.

Наконец, подняв головы, они увидели дым, поднимающийся за второстепенной стеной, отделявшей восток от запада. Следом — огни пожаров, полыхавших на той стороне. Маркус покачал головой — люди умирали, а за что — толком и не ясно. Арт сжал свой меч покрепче, уже продумывая, как ему улизнуть, стоит отряду оказаться в безопасности. Этим они с Ирис были похожи — оба были готовы бросаться в самое пекло, если это соответствовало их принципам. Парень понимал, что бунт это дело страшное и серьёзное, но понимал также и то, что там явно есть люди, которые просто хотят сохранить свою жизнь. Вряд ли им поможет церковь или стража — поэтому не остаётся другого выбора, кроме как пойти и спасти их самостоятельно. Сестра чувствовала желание брата, но сил отговаривать его от очевидной глупости у неё не было. Лори, прекрасно понимая их обоих, продолжала молчаливый надзор за Анко, вскоре спрыгнувшей с места кучера на землю.

Уже так, просто идя рядом с медленно проезжавшей мимо домов с зашторенными окнами повозкой, женщина продолжила курить. То, как к ней относилась стража, вызывало ещё большие подозрения. Лори усердно пыталась вспомнить, где же она всё-таки слышала её

имя. Что чародейка пропустила, так это то, сколь внимательно в свою очередь изучала их Анко. Кажется, Кирагас говорил, что научился дедукции именно у неё. Осматривая снаряжение, лица, внешность, следя за поведением, маг серого эфира делала вывод за выводом. Оставим пока что её личность загадкой, ведь в каждом произведении должна быть толика тайны. И, в конце концов, осталось не так много времени перед тем, как её раскроют.

Доехав до края улицы, повозка остановилась. Легионеры, разминая уставшие и замёрзшие тела, спрыгнули на дорогу, направившись к дому, возле заборчика которого отряд и сделал перерыв. Как оказалось, они достигли финала — перепрыгнув через забор, воины в плащах постучали определённым образом по двери, дожидаясь ответа. Он пришёл через несколько минут, показавшихся замученным людям вечностью. Следом дверь открылась, пропуская воинов внутрь. А из-за дома, откуда-то со стороны, тут же вынырнули силуэты, сжимавшие в руках лампы. Открыв калитку, они подобрались к телеге, осветив лица Маркуса и остальных. Один из людей кивнул лидеру отряда, жестом подозвав товарищей. Начался разбор товара — и живого, и мёртвого.

Тело единственного окоченевшего легионера перенесли прочь. Раненные пошли следом — их брали сразу три человека, чтобы не повредить никого в процессе. За Маркусом пришли аж пятеро, унося его на руках, будто какую-то принцессу. Напоследок он попросил Арта и компанию следовать за ними и доверять тем, кто их встретил. Пожав плечами, ребята покинули телегу, проходя по расчищенной дорожке к парадной очередного богатого особняка. Видимо, это была последняя надежда Легиона — убежище только для членов клана. Отозвав големов, к ребятам присоединилась Ирис, отряхивая свой плащ от снега. Оглянувшись, она заметила, что Анко внутрь не спешила. Они о чём-то переговаривались с Кирагасом прямо у телеги.

Женщина, на удивление, не курила, а стояла, сунув руки в карманы пальто. Эльф активно жестикулировал, что-то ей объясняя, но та лишь качала головой. Потом Ирис окликнули спереди, и девушка, подхватив клинок, поспешила вперёд, в распахнутую настежь дверь. Фарион остался снаружи, объявив, что изучит окрестности ещё раз. Может, удастся выяснить нечто большее, чем одна странная фраза.

Дом внутри показался товарищам гораздо больше, чем снаружи. Возможно, дело было в высоких потолках и светильниках на колоннах, стоявших вокруг широкого и просторного зала, куда они и попали, пройдя парадную. Повсюду бродили силуэты в чёрных плащах, многие — в масках, уже знакомых по первой встрече с людьми Маркуса. Троицу тут же поймали, сопроводив в сторону, на кухню. Покинув большой зал, они оказались в помещении поменьше, но в нём было гораздо теплее. Вместо белых снег со странными узорами здесь была деревянная облицовка, а почти всё пространство занимали печи, котлы и плиты. В воздухе разливался аромат чего-то горячего и вкусного. Арт с Ирис тут же заняли свободные места за пустым столом. Лори задержалась, оглядываясь ещё раз. У плит и печей хлопотали всё те же воины, не обращающие на них внимания.

Отодвинув металлический стул, женщина опустилась на него, стряхивая остатки снега с серебристых волос и одежды. Да уж... Поездочка выдалась ещё та. Вот тебе и первая самостоятельная миссия. Впрочем, свою задачу Лори выполнила — и Арт, и Ирис достигли безопасного места в целостности и сохранности. Осталось понять, насколько здесь всё-таки безопасно, а если и безопасно, то надолго ли. Через несколько минут перед ними без лишних слов поставили дымящиеся тарелки с супом вместе с ложками на каждого. Повара убежали, неся по одному котлу на двоих. Видимо, раненых будут кормить прямо с ложечки.

Какое-то время на кухне было тихо, и ребята, впервые спустя весь путь после сражения с химерой, разговорились о своём.

— Большой город, — уверенно лопаю суп, протянула Ирис. — В несколько раз больше Фарэя...

— Он один в округе, — объяснила ей Лори. — На многие километры кругом нет ни одного поселения, разве что мелкие деревеньки. Обычно от одного большого города до другого примерно день пути. От Никке до, скажем, ближайшего к нему Коралла, на лошадях где-то пара недель. И всё — пустырь, голые земли и реденькие леса. Летом, с другой стороны, здесь красиво... Я была возле Никке, пару лет назад. Вместе с мастером...

— Хорошо, что мы присоединились к Маркусу, — облизывая ложку, выдохнул Арт. — И эта женщина... У неё странная улыбка. Не пугающая, а... Соблазняющая?

— Боже, — опустила взгляд Ирис. — Ешь, пожалуйста. Иначе я тебя тресну.

— Спокойней, — осадил их обоих чародейка. — Пока всё тихо. А что до этой Анко... Думаю, Кирагас нам расскажет.

— Когда? — вымученно улыбнулся Арт. Ему казалось, что разговор по душам, тем более на такую тему, эльф поднимет отнюдь не скоро. Впрочем, Лорелеи улыбнулась в ответ, слыша скрип двери за спиной.

— Сейчас.

Кирагас вошёл, молча присоединяясь к столу. Вид у него был потрёпанный, а на лице было выражение, подобное смертнику. Поняв, что суп ему не положили, он вскочил, самостоятельно отыскав среди множества шкафчиков свободную тарелку, в ящиках в столешнице — ложку, а потом, воспользовавшись единственным оставшимся котлом, вернулся к столу. Ирис смерила его презрительным взглядом, но слова против не сказала. Лори лишь пожала плечами — они с ним были в одной лодке. Это — обитель Легиона, не Сада или ещё чьего бы то ни было. Какой бы подход не использовали ребята — будь то идейный Арта, прагматичный от Лори или циничный от Ирис, вывод всё равно был один. Если Кирагас не захочет, он не расскажет им вообще ничего.

Но эльф, чувствуя себя виноватым перед товарищами, и в особенности — перед Артом, ставшим за время путешествия его маленькой путеводной звездой. Бывшему рыцарю вспоминалось прошлое — когда он следовал за идеалами чести и справедливости. Ими же руководствовался и паренёк, которого эльфу повезло встретить. Паренёк, обещавший ему искупление.

— Кхм... — отложив пустую тарелку, прокашлялся Кирагас. — Извините, что ваше знакомство вышло таким. Анко чудаковатая, но хорошая женщина.

Забавная то была картина — взрослый мужчина в оправданиях перед двумя практически детьми и ещё одним взрослым. Впрочем, возраст в Крэйне не играл столь важную роль, ибо он зачастую был тут обманчив. И то, что кому-то только стукнуло восемнадцать, вовсе не означало, что опыт, знания и навыки соответствовали простому представителю молодёжи.

— Я спрошу прямо, — впившись взглядом в эльфа, протянула Ирис. — Насколько вы близки?

— Недостаточно для того, чтобы она рассказала мне о себе всю правду, — кивнул в ответ Кирагас. — Но достаточно, чтобы я ей доверял. Маг времени... Что угодно мог подумать о ней, но только не это.

— Кто она... Такая? — спокойно задал свой вопрос Арт. Лори тоже наострила уши, ибо эта тема корёжило её сердце с самой встречи в буране.

— Много кто, — хмыкнул бывший рыцарь. — Кажется, официальная её должность — имперский сыскной работник первого ранга. Но, проще — она искатель приключений, иногда выполняющая заказы от властей Золотой Империи.

— Н-да, — покачала головой Лорелеи. Чародейку проняло — от этой имперской шавки за милю воняло кровью. Вот что она ощутила — не только силу, но и опыт. Опыт в убийстве, причём не малый. Его можно было сравнить разве что с Фоллом, на чьих руках было столько крови, что вовек не отмыться. А раз она уже проводила параллели с первым героем — значит, Анко была опасна. Очень опасна.

Всё-таки Лори была магом крови — а они очень чувствительны к подобного рода вещам. С другой стороны, Арт, услышав, что их теперь уже знакомая служила Империи, сник, очевидно испытывая противоречивые чувства. Парень не мог признаться пока что и сам себе — но та чародейка притягивала его взгляд больше, чем было нужно. Что-то странное, таинственное тянуло его к ней, даже сейчас, после признания Кирагаса. Янтарные глаза паренька потускнели, да и сам он замолчал, уступая слово Ирис с Лорелеи. Эльф, заметив реакцию спасителя, покачал головой — по крайней мере, он сказал ему правду.

— Сыскной работник... Детектив, что ли? — уточнила Ирис, и эльф кивнул. — Я-ясно... У меня от неё мурашки по коже. И это в такой-то холод!

— Она опасна, — озвучила свои мысли Лорелеи. — Кирагас, Анко не говорила, куда пойдёт дальше? Нам бы... Уж прости, но лучше нам с ней не пересекаться. По своим причинам.

— Это странно, на самом деле, — кашлянул тот. — Она ответила, что уходить от нашего убежища не собирается. Сказала только, что её ждёт, цитирую, "поистине легендарная встреча". С кем-то знакомым, наверное?

В головах всех собравшихся пронеслось одно-единственное слово, заставившее сердца забиться чаще, руки — потянуться к оружию, а гнев и страх в душе — вспыхнуть, как спичка.

Император.

— Мы должны уйти, — поднялась Ирис. — И предупредить Маркуса... Чёрт, да почему всё так внезапно каждый чёртов раз!

— Э-эй, вы чего?! — непонимающе уставился на них эльф. — Я же говорил, ей можно верить! Она на не выдаст!

— Если ты прожил столько в этом мире и до сих пор веришь человеку, который от тебя скрывал свою личность, то ты идиот. И в скором времени, если не поторопимся — будешь идиотом мёртвым, — процедила Ирис, в чей голос закрались стальные нотки. Зелёные глаза мрачно смотрели на Кирагаса, а глубокий шрам на щеке пульсировал тёмным эфиром — Ирис была на взводе. — Собираемся.

Арт с Лори вышли из-за стола, подвешивая ножны на пояс. Оружие пока что никто не вынимал, но ребятам уж очень хотелось это сделать. Кирагас, смирившись с их решением, последовал за Артом, уходящим последним. Соломенные волосы эльфа слиплись, да и сам он явно поник, осознав, что его товарищи видят в Анко угрозу, для противодействия которой нужно было бежать. Он знал эту сумасшедшую много лет — ещё в то время, когда был рыцарем. Чудачка, везде проводившая свои расследования... Кто бы знал, что на деле она ловила шпионов. Сначала в Сенстонии — имперских, теперь в Империи — сенстонских. Политика не мешала их отношениям — эльф был свободным наёмником, Анко — искателем приключений, пусть и номинально.

Каждый зарабатывает на хлеб так, как может. Осуждать — легко, пройти путь этого

человека в его обуви, фигурально — совсем другое.

Поймав одного из сновавших легионеров, Лори вкратце обрисовала тому ситуацию. Тот, уверенно кивнув, вынул из кармана плаща маленькую флейту, как следует вдохнув и сыграв на ней короткую и пронзительную мелодию. Всё движение внутри особняка остановилось. А через мгновение — продолжилось, но с утроенной скоростью. Люди переворачивали мебель, громили посуду, оставляли следы клинкам на стенах, затем кто-то принёс чан с дурно пахнущей жидкостью, принявший обливаться ею всё вокруг. Товарищи остановились возле лестницы на второй этаж, прямо у перил, благо легионеры не сновали на выход, а только изнутри.

Наконец, несколько воинов в масках спустили Маркуса, взволнованно смотревшего на четвёрку стоявших отдельно ребят. Их передёрнуло — от мужчины осталась только верхняя часть; обе ноги, почти до паха, были ампутированы. Впрочем, не было времени на сожаления и соболезнования — вполне вероятно, сейчас на них надвигался шторм куда серьёзней того, что они только что пережили. Передав Маркусу информацию, слово в слово, что они получили от Кирагаса, ребята наконец-то получили конкретные указания — покинуть особняк, перелезть через забор за ним и ждать легионеров там.

Кратко поблагодарив, они пулей выскочили наружу, обратно в снег. Скопленные силы полыхали в венах, и ребята во всю понеслись направо, огибая особняк по дуге. Пару раз едва не столкнулись со спешившими куда-то и откуда воинами, но те, быстро их узнав, продолжили свой путь. Анко на улице видно не было — только шла по своим делам стража, мерно грохоча сапогами по каменной дороге. Кутаясь в плащи, все четверо добрались до заднего двора, кое-как перебрались через забор, что здесь был повыше, чем с парадной, и приземлились уже на той стороне, с волнением глядя на здание, в какой-то момент полыхнувшее. Окна выбились изнутри, осыпая всё кругом осколками стёкол. Легион был скор на реакцию — и уже через минуту к забору подбежала маленькая толпа из одетых в чёрное бойцов.

Преодолев забор, они очутились рядом с ребятами. Маркуса перетаскивали осторожно, стараясь не повредить только что зашитые раны. Поддерживаемый двумя коллегами, валиет Легиона походил на поломанную куклу — задранная голова, руки, из последних сил цепляющиеся за плечи товарищей. Вымученно улыбнувшись, он вытянул из кармана свежей рубашки под плащом самокрутку, и, чиркнув спичкой, закурил. Ребята не успели оглянуться, как толпа проредела, полностью исчезнув в тенях, создаваемых редкими уличными фонарями. Рядом с ними осталось человек пять — и двое из них были заняты Маркусом.

— Паршивое время для кофе, а? — хрипя и кашляя кровью, протянул тот, глядя на Лори. Та подошла к нему, приложив ладони к груди. — Эй, слушай, для этого тоже...

— Тише, — заткнула его чародейка. От её ладоней пошло блеклое зелёное свечение — и боль, пронзавшая тело лидера легионеров, постепенно отступала. Благодарно кивнув волшебнице, он затянулся, выпуская в и так чёрное небо ещё более чёрный дым. — Это временная мера. Выживи, и... — она запнулась, подбирая слова. — Я верну тебе ноги. Для этого нужен алхимический стол и пара месяцев свободного времени, но... Ты, главное, выдержи.

— Выдержу, — улыбнулся ей Маркус. — Ладно, ребятки. Скоро за вами придёт бричка — садитесь, и не говорите ни слова. Вас вывезут из Никке в ближайшую деревню, а там...

— Что — там? — агрессивно уточнила Ирис. — Езжай с нами. Подлатаем, в конце

КОНЦОВ.

— Какой из меня теперь защитник важных персон, — тряхнул чёрными волосами мужчина. — Если нам на хвост упала Империя, то ни о какой защите не может быть и речи. И, пожалуйста, давайте без третьего раза — в этот раз я физически не могу оставить вас здесь. Буквально... — он рассмеялся, посмотрев на Ирис. — И фигурально.

— Шеф... — подал голос один из воинов в маске.

— А, пустое, — ответил на печальный взгляд и возглас тот. — Да где чёртова бричка!

Вместо ответа на его вопрос совсем рядом, в упор, ударило что-то небольшое, но тяжёлое. С такой силой, что камни от мостовой разбросало во все стороны, а в месте приземления поднялась такая завеса, что и руки свои разглядеть не вышло. Откашливаясь, ребята обнажили оружие вслед за легионерами, стоявшими рядом. Непонятное нечто, врезавшееся в улицу, поднялось и начало двигаться, будто бы размахивая руками. Только когда завеса развеялась, люди увидели, что это было не так. Это было не одно существо — им были два человека, один из которых избивал другого. В силуэтах ребята узнали и атакующего, и защищавшегося.

Впечатав колено в живот, Фолл ударил с локтя, сметая очки Анко в сторону. Поднялся ветер, прогоняя остатки взвеси из воздуха прочь — в удар была вложена сила, и сила немаленькая. Помятое и изгвазданное в пыли и грязном снегу пальто женщины из бурана дёрнулось вместе с её владелицей, каким-то неизвестным образом устоявшей на ногах. На первом герое был всё тот же плащ — сменил он только сапоги на простые, но удобные в дороге ботинки тёмно-коричневого цвета. В ярких карих глазах учителя и друга ребят плескалась злоба и ненависть, такие, которые они не видели ни разу за всё то время, что знали его.

Ударив Анко в последний раз, он отшагнул, давая ей поднять свои очки из снега, протереть их, утереть тонкую струю крови, стекавшую с уголка губ, и улыбнуться Фоллу, слегка наклонив голову — дико, безумно, как, впрочем, и всегда с ней. Несмотря на эмоции, обуревавшие столь спокойного обычно первого героя, он посмотрел в сторону, узнав в застывшей непонятной группе людей Лори и Арта с Ирис. Издав раздражённый вздох, Фолл повернулся к ним, игнорируя лыбившуюся женщину. Та, впрочем, тут же принялась поправлять пальто и съехавшую кофту, обнажившую её плечо и живот: снизу, кроме неё, ничего не было.

— Хорошо, что успел, — выдохнул мужчина, движением головы приглашая остальных поближе. Маркус смотрел на него, как на человека, который вечно опаздывает и никак своим опозданием никого не удивляет. Легионеры не двинулись, уступая место троице, двинувшейся к стоявшему всего в нескольких метрах Фоллу.

Первой начала Лори, с опаской поглядывая на Анко, продолжавшую улыбаться. Бр-р. Жутко.

— Привет... — протянула она, тут же заслужив короткий кивок. Время поджимало — очевидно, даже Фолла.

— Фолл, — улыбнулась ему Ирис, получив такой же кивок. Фолл перевёл взгляд на Арта, единственного, в чьих глазах плескалось непонимание, а ещё глубже — осуждение. Полностью прочитав паренька с ног до головы, первый герой лишь покачал головой — он знал, какой эффект оказывает Анко на молодых и здоровых. Особенно на героев.

— Хо-о, так я была права! — рассмеялась женщина. Грубо, хрипло, но при этом томно, словно мёд. Она имела по-настоящему удивительный голос. — Целый выводок птенцов! Вот

так совпадение, вот так совпадение...

— Заткнись, — процедил сквозь зубы Фолл, и даже Лори вздрогнула — столь агрессивным она видела его впервые.

— Ты её знаешь? — спросила чародейка, глядя то на Фолла, то на Анко, вдруг сменившую улыбку на уставшее выражение лица.

— Знаю, к сожалению, — протянул первый герой. — И вас это никак не касается.

— Как интересно! — хмыкнула Анко, привычным жестом наклоняя голову. — Заметьте, детишки, он не говорит вам, почему пытается меня убить. Хотя знает, знает, хитрый лис, что у него не выйдет!

Фолл поморщился — видимо, её слова были правдой. Арт сделал шаг вперёд, готовясь к конфронтации.

— Фолл, — начал он. — Что она тебе сделала? Чёрт возьми, да пускай это Империя! Она могла сдать нас прямо там, у ворот, но не сделала этого! И Кирагас сказал, что ей можно верить!

— О-ох, снова и снова, ничегошеньки не меняется, — поморщилась вдруг Анко, отходя в сторону. Выудив из пальто сигареты, закурила, с улыбкой помахав эльфу, застывшему вместе с легионерами. Кажется, одними губами он произнесла всего одно слово — "Прости". — Давай, вводи их в курс дела, пока я курю.

— Твоего разрешения ещё не спрашивал, — огрызнулся Фолл, впрочем, тут же легонько вздохнувший, чтобы придти в себя. Обратившись к ребятам, продолжил. — Это недоразумение — Комодо Анко. Впрочем, одно имя вам ничего не скажет. Если вкратце, то она... — он бросил один, но весьма выразительный взгляд на курившую женщину. — Ренегат. Герой, бросивший всё и ушедший в самоволку. Ей не интересно спасение мира или тех, кто здесь живёт. Всё, что ей важно — это... Вот уж простите, но грёбанная жизнь. Свою шкуру она ценит куда дороже остальных — но при этом хоть как-то помогать отказывается.

— Ты же такой си-и-ильный! — вновь рассмеялась Анко. Фолл повернулся к ней, сжав кулаки. — Ну, давай! Попробуй ещё раз! Ударь меня здесь, в прошлом, будущем — всё одно я вернусь и буду смеяться тебе в лицо!

— Эгоистка, — выдохнул Фолл, возвращаясь к троице подопечных. — От мозга до костей. На мир ей плевать, на героев ей плевать, главное — пожить в своё удовольствие. Сейчас она работает на Империю, и весь этот бунт в Никке — её рук дело.

— Что?! — воскликнули ребята, с новыми чувствами посмотрев на Анко. Та лишь пожалала плечами, сбрасывая безмолвные обвинения, будто пушинки.

— Жизнь — не жизнь без небольшой искры, — хохотнула чародейка в бежевом пальто. — Впрочем, на детали ты, как один Божок, скупись. Эй, ты... — она обратилась к Арту, застывшему, будто изваяние. — Ты хороший парень. Добрый, что аж противно. Даже Кирагаса простил, хотя узнал, чем он промышлял. Дам тебе один совет — и ты лучше послушай, я их просто так не раздаю. Вали от Фолла. Просто уйди и живи себе спокойно, не задумываясь ни о каком спасении мира или катастрофе. Забудь прошлые обиды на Империю — и проживи так, как хочется тебе, а не так, как тебе говорят. Поверь, для такого как ты, это лучший вариант.

— Мне снова тебе челюсть сломать? — буднично, уже в привычной манере, спросил Фолл.

— Валяй, — тут же улыбнулась ему Анко. Вдруг вздохнула, поправляя съехавшие очки. — Интересно, что ты им сказал? Что всему миру — хана? Что ему нужен герой,

способный противостоять апокалипсису? Так, да? Вижу, вижу, что так. Господи, не меняешься, Фолл. Вроде давно по земле ходишь, а методы всё те же.

— Объяснитесь, — вновь вышел вперёд Арт, вставая между Фоллом и чародейкой. Лори и Ирис не вмешивались, предпочитая слушать, а не вступать. — Пожалуйста.

Странно, почему стража до сих пор не появилась. То ли Анко предвидела это, попросив убрать патрули с этой улицы, то ли все свободные имперцы направились в западные районы, помогать подавлять бунт. Так или иначе, вопросы уже были заданы, и вернуть их обратно не был способен даже сам Бог. Слова Анко были искренними, пусть в них и сквозила насмешка над Фоллом, которого уважали и слову которого верили ребята. Атмосфера накалилась до предела — так, что Арт, не выдержав, решил выяснить всё раз и навсегда. Справедливость, которую парень так лелеял, сейчас кричала о том, что нужно выслушать и ту, и другую сторону, не доверяя изначально ни одной.

— Хо-хо, ты его таким взял, или воспитал? — выгнула широкую бровь Анко, продолжая посмеиваться в лицо первому герою. — А, не важно. Во-первых, в курсе ли ты, мальчик, что ты — последний?

— В каком смысле? — тихо переспросил Арт.

— Герой, — хмыкнула Анко, затягиваясь. Выпустив дым в чёрные небеса, снова вздохнула, как учитель, объясняющий что-то ученику в пятидесятый раз. — О-о, не знаешь. А вот твой товарищ позади... — она наклонилась, заглядывая в глаза Ирис снизу вверх. — Видимо, решил, что это не столь важная информация.

— Ты..! — Ирис потянулась за мечом, но Фолл, вдруг положивший свою ладонь на её, остановил девушку.

— Ирис... — посмотрел на старшую сестру Арт, не в силах поверить, что она что-то от него утаила. Сжав кулаки, он повернулся к Анко. — Говори.

— Отлично, зажёгся огонёк интереса! Всё просто, мальчик. Господь... — она провела ладонью над головой. — Решил, что хватит с Крэйна героев. Навоевались — достаточно. Но ведь герои ещё живы! Часть из них даже несёт тот же крест, что этот чудак нам впихнул. Спасает, ха-ха, мир! Как же быть? Просто убить их уже не выйдет — в конце концов, есть Фолл, против которого даже небесный дядька не выступит в открытую. Тогда Боженька придумал хитрость — некий большой потоп. Ну, знаешь, может быть, как у нас было... А-а, плевать. В общем, ему нужно было нечто, что сумеет устранить героев, не задев сам Крэйна. Да, представляете! Господь решил вас всех тут порешить! Вот так шутка, а?

— Этого... Не может быть... — с шоком на лице и душе Арт посмотрел на Фолла, наивно полагая, что первый герой обличит женщину во лжи. Но тот стоял, непоколебимо. Ни один мускул не дрогнул на непроницаемом лице. Только карие глаза поблекли, подтверждая сказанное. — Фолл! Что всё это значит?

— А я скажу, — охотно влезла в начавшуюся было панику Комодо Анко. — Господь наш уж очень любит игры. До такой степени, что не мог не допустить в игру второго игрока. И им стал, кто бы мог подумать — наш с вами драгоценный Фолл! Сильнейший герой, первый герой, превзошедший Бога... Ох, сколько пафоса, и ничего по делу. Бог назначил Фолла так называемым... Как же это на нашем-то будет... Точно, *наблюдателем!* Хотя это слово не полностью передаёт то, что сказал Он. Говоря простым языком — вмешиваться в катастрофу напрямую Фолл не может, в конце концов, он куда сильнее Господа. Зато может найти и воспитать другого героя — замену, способную противостоять жнецу, вызванному Богом из тёмных миров, отражений Крэйна. Вы же знаете, что существует множество других

версий Крэйна? А? О, блин, даже базовых знаний нет. Чтоб меня... Так или иначе, Фолл разумно полагая, что простые оправдания в спасении собственной шкуры не сработают, придумал байку о том, что катастрофа та заденет весь мир — собственно, наш с вами знаменитый апокалипсис, о котором кто только из года в год не слышал!

— Фолл..? — теперь дрожал голос и Лори. Чародейка, верившая и доверявшая первому герою, сейчас содрогалась от услышанного.

— И кто теперь из нас эгоист? — рассмеялась Анко. — Но стойте, всё-таки в чём-то его слова были правдивы. Вы же не хотите подохнуть, я полагаю? Ты, мальчик, и ты, девочка. И ты, Фолл. Вместе с Сангвином нас пятеро — пять человек, которых Господь хочет выпроводить из своего мира. Желательно, через лишение жизни.

— Зачем ему это... — обречённо протянул Арт, сдерживаясь, чтобы не ударить Фолла, продолжавшего молчать и этим только делавший хуже пареньку, чья жизнь и сам смысл существования рухнули в одно мгновение. Ирис же, зная лишь малую часть того, что сказала Анко, была столь же потрясена, как и её младший брат.

— Пути Господа что в этом мире, что в нашем, неисповедимы, — пожала плечами женщина, заканчивая сигарету. Отправив ту щелчком прочь, она вновь спрятала руки в карманы пальто. — Что приводит меня к теме сегодняшней дискуссии... Фолл, от чьих рук погибли норны?

На лице первого героя впервые отразились чувства. В этот раз — гнев вперемешку с раздражением.

— Это мне и самому было бы интересно узнать, — произнёс он.

— Норны? Это ещё кто? — срываясь на крик, спросил Арт.

— В нашем мире они существовали лишь в мифах, — ответил ему Фолл. — Норны, всемогущие чародейки, отвечавшие за время и поливавшие водами святого источника Урд корни великого древа — Иггдрасиля. Здесь они существуют в реальности — ну, существовали, до недавнего момента. Каждая была лучшей из лучших волшебниц, повелевавших серым эфиром. В одиночку с ними не справился бы даже Сангвин — их просто не взяло бы его пламя. Но... Это был не он, если ты спрашиваешь об этом, Анко.

— Что, чёрт подери, здесь творится... — обречённо выдохнула Лори.

— Эй, ребят, — окликнула всю троицу, застывшую чуть ли не со слезами на глазах, Анко. — Может, Фолл вам и врал. Но в одном вы можете быть уверены — хоть он и спасал вместе с вашей ещё и свою шкуру, он делал это искренне. В конце концов, он делал это ради вашего же блага. Повторю свой вопрос: вы же не хотите подохнуть, верно?

В её голосе не было более усмешки или осуждения, только прямой вопрос, адресованный, в первую очередь, Ирис и Арту. Те, сложив в голове два и два, кивнули. Если сводить всё лишь до такого... То да, умирать им не хотелось. Тем более по прихоти Бога, который их же сюда и прислал.

— Ты теперь меня защищаешь? — сделав акцент на "меня", покачал головой Фолл. — Ладно, к теме. Я читал отчёт Сангвина — норны погибли одновременно, от вспышки серого эфира. Его разлилось под Иггдрасилем столько, что и продохнуть негде.

— Ох, ох-ох-ох, — женщина нахмурилась, опустив взгляд на землю и скрестив руки под грудью. Подперев голову ладонью, она что-то проворачивала в ней, то и дело выдавая обрывистые фразы шёпотом. Закончив, она посмотрела на Фолла, и теперь в её серых глазах стояла тревога. — Что-то не так, Фолл. Ваша с Ним игра — только ваша. Я поклялась не вмешиваться, и слово своё держу. Хотела лишь прояснить всё для молодёжи... Но здесь что-

то иное. Если ни ты не трогал норн, ни Сангвин, да и Господу оно не нужно... — она рефлекторно провела взглядом сперва по Ирис, затем по Лори, остановив его на Арте. — Эй, паренёк... У тебя недавно, случаем, не было провалов в памяти?

Все трое дружно переглянулись. Очевидно, что все вспомнили произошедшее во время сражения с химерой. Анко вздрогнула, отступив на шаг назад. Видеть до этого столь расслабленную и постоянно смеющуюся женщину в таком напряжении было... Страшно. По-настоящему.

— Ой-ой-ой... — выдала она, снимая очки. — Фолл...

— Анко? — в голосе мужчины проскользнуло беспокойство. Анко, отходя ещё дальше, вдруг остановилась, сжимая пальцы на дужках очков.

— Кажется, мы все ошибались, — выдохнула наконец она, надевая очки обратно. Стоило ей это сделать, как линзы в них треснули, покрывшись сотней мелких трещин. — А, ч-чёрт. Какие же вы все... Придурки. И я с вами... Глупая, глупая Анко.

— Да скажи ты уже, в чём дело! — подступил к ней Фолл, и тут же замолчал, глядя за спину, за край пальто. — Это ещё что за...

— Господь, какой бы он мудрый ни был, поступил как идиот, у которого много денег... — Анко повернулась к зияющей пустоте, из которой начало выбираться нечто, очевидно, потустороннее. — Отдал их все за один очень-очень дорогой лотерейный билет. Правда, в результате — проиграл...

— Все — назад! — закричал Фолл, поднимая руку, чтобы выставить щит от энергии, пульсировавшей в портале.

— Господь бросил клич в бесконечное множество миров-отражений Крэйна через серый эфир... — закончила Анко, одним движением выбрасывая сломанные очки прочь. — И то, что оттуда пришло к нам...

Решило уничтожить и героев, и Крэйна, и Бога.

Глава седьмая. Время приходит за всеми

Почему мы лжём?

Ну и вопрос, конечно. Сколько существует человечество, ровно столько же времени существует наша ложь. Что самим себе, что друг другу. Надо признать, что ложь выступает антиподом правды — как свет и тьма, они держат друг друга в балансе. Как это доказать? Легко. Представьте мир, где все говорят только правду. Бр-р. Хотя и правда — понятие относительное. Иногда это могут быть только чувства человека в данный конкретный момент, его эмоции — возможно, он и не считает так, как сказал вам в пылу отчаянья, горя или чего-то такого. Теперь представьте мир, где каждое слово, каждая мысль, высказанная вслух — чистая ложь. О-о, наверно, ещё хуже, чем обратная сторона монеты. Так или иначе, мир, состоящий только из правды или только из лжи — жуткий, отвратительный и пугающий, пардоньте, до усрачки.

Поэтому в нашем мире есть полуправда и недоговорённость. Эдакий способ аккуратно отвести разговор в другую сторону.

Каковы первопричины? Ох, устанешь перечислять. Собственная выгода, стремление чего-то добиться от человека, стремление выглядеть иначе в чьих-то глазах... Иногда ложью мы защищаем то, что нам дорого, или выпутываемся из сложных и неудобных ситуаций. Иногда — всё вместе. Но то — размышления общие, ничего конкретного нам не подающие. Перейдём к примеру.

Почему солгал Фолл? И ведь не только Арту, Ирис и Лори — он солгал и Мире, да что там — всему Крэйну! Конечно, легко подметить, что первый герой защищал не только себя, но и запуганного, лишившегося дома и опоры паренька, который прожил в незнакомом мире всего каких-то полгода. Защищал и Ирис, воспитывая её с названным младшим братом, преподавая им техники выживания в столь суровой среде, как их мир жестокого тёмного фэнтези. Неужели всё это было исключительно ради спасения собственной шкуры? Столь открытый эгоизм как-то не совпадает с искренностью, что проявлял Фолл к ребятам. К тому же, если Фолл сильнее самого Господа, то что мешает ему самостоятельно сразиться с напастью, что призвал тот?

Ах да, оковы.

Удобный сюжетный ход, рояль в кустах, чеховское ружьё, которое выстрелило с самого начала — называйте, как пожелаете. Одно ясно — что это, не ясно. Заклинание? Некая свержмагия? Что же такого сделал Бог с Фоллом, да ещё и по доброй воле последнего? А, хрен его знает. Выкладывают карты на стол только в конце партии. Всё, что было до — умелый блеф и манипуляция. Итак, суть.

Фолл не может сразиться с катастрофой сам, ибо связан оковами Бога. Для спасения оставшихся героев ему нужен один, тот, у кого есть потенциал стать равным ему. Времени в обрез, поэтому Фолл использует все связи, чтобы помочь маленькому и неопытному Арту подняться как можно быстрее. Интересно, почему именно он? Почему не Бог Войны Ирис? Конечно, она тоже стала протеей первого героя, однако все ставки тот делал исключительно на паренька. Вполне вероятно, что Фолл знал что-то ещё — что-то, что уже стало не столь важным в стремительно настигших их обстоятельствах. Их всех переиграла... Скажем, судьба. Злой рок — звучит как-то чересчур пафосно.

За карточный стол сел третий игрок.

Тот, что показался из портала, ведущего, судя по виду, в абсолютную бездну. Бесформенное тёмное нечто, покинувшее свою чёрную обитель, вылезло на городскую улицу, одним присутствием заставляя чувствительных к эфиру магов закричать, прикрыв уши руками. Ирис с Лори рухнули там же, где стояли, а по ладоням, прижатым к голове, устремились тонкие ручейки крови. Легионеры, правильно распознав возглас Фолла об отступлении, подхватили их, оттаскивая прочь, назад. Показалась стража, наконец-то понявшая, что случилось нечто, выходящее за все рамки приличия. Комок плотного эфира, коим являлась катастрофа или её осколок, выбил, будто сердце, всего один ритмический рисунок.

Броня стражников пошла волнами. Имперцы не успели даже захрипеть — в их телах зародилась и активно задвигалась новая жизнь, рождённая из помещённого туда эфира. Физическая материализация — потустороннее существо сразу показало, что не намерено шутить. Даже Мире, величайшему магу среди не-героев, не под силу нечто... Такое. Из-под сочленений пластин пробились чёрные щупальца; тела стражников задрожали, расширяясь. С треском лопались застёжки и заклёпки, ломались и сминались шлемы, являя миру изуродованные, обращённые сосуды, состоявшие целиком и полностью из эфира тьмы. Фолл, бросив один взгляд, оценил каждого из бывших людей в восемь баллов из десяти. Пока легионеры уводили ребят прочь, Арт продолжал стоять, не мигая глядя на существо, что...

Также смотрело на него в ответ.

Первый герой, легонько стукнув парня по затылку, поймал опавшее тело, осторожно положив его на повреждённую мостовую. Анко, оставшись без очков, сбросила пальто, оставшись в кофте. Чародейка больше не смеялась — но и плечи её не дрожали. Хорошо быть безумным — даже столь жуткая тварь тебя не пугает. Сам же пульсирующий комок размером со взрослого человека Фолл оценить не смог. По одному только обращению стражников катастрофа тянула на десятку, и это... Напрягало. Первый герой давно не сражался в полную силу: и обычно в таких ситуациях вокруг оставалась выжженная безжизненная пустошь на многие километры вокруг.

Они же стояли посреди ещё живого города.

Существа, покрытые выходящими из всех отверстий в одежде и боне щупальцами, прошагали вперёд, будто занимая место авангарда. Фолл шагнул, вставая рядом с Анко, слегка шокированно увидев на лице женщины уже знакомую улыбку. Помотав головой, он оглянулся, убедившись, что легионеры, перехватив и обмякшего Арта, ушли с улицы прочь. Нужно было выиграть время, пока они не покинут Никке. Жертвы будут, и это очевидно. Глупо было бы полагать, что при схватке, что маячила впереди, никто случайный не пострадает. Учитывая, против чего они с Анко собирались биться, этот огромный город на отшибе Золотой Империи и вовсе сотрётся в пыль.

— Вспоминается нашествие океанского народа, — хохотнула Анко, вынимая из пачки последнюю сигарету. Задымив, запихнула пустую пачку вместе с зажигалкой в карман штанов. — Хорошее же было время... Старое-доброе ультранасилие. Всё как я люблю!

— Что это... Такое?

— Фолл, ну надо же тебе испортить момент, — затянувшись, выдохнула женщина. — Ясно же — катастрофа. Пришла сюда, потому что почувствовала угрозу. Даже дурак смог бы сделать этот вывод.

— Сможем ли мы это одолеть? — хрустнув кулаками, задал ещё один вопрос Фолл.

Воздух вокруг стоял на месте, ветер боялся поднять даже пылинку без ведома трёх существ, что замерли друг напротив друга. Буря остановилась — хоть за это спасибо.

— Уж если *ты* спрашиваешь, то ко мне закрадываются сомнения, — хмыкнула Анко, нарисовав огоньком сигареты в воздухе перевёрнутую восьмёрку. — Знаешь ведь, одна бесконечность может быть больше другой... При правильной формулировке.

— Пожалуйста, Анко, без нотаций и лирических отступлений, — помотал головой первый герой.

— В нём весь эфир, — сухо протянула она в ответ. — Тёмный, белый, красный, зелёный, оранжевый, синий, золотой, фиолетовый, жёлтый, голубой, серый... Только прозрачного не хватает. Спрессованный, плотный, едва разглядеть можно.

— Мы... Можем попробовать увести эту хрень куда-нибудь в менее людное место?

— Паришься о жителях Никке? — в открытую рассмеялась Анко. — Уже поздно играть в спасителя... Во всех смыслах, Фолл.

— И без тебя знаю, — тяжело вздохнул тот. — Эх, ладно... Попытка — не пытка. Эй! — он двинул головой, будто привлекая внимание ужасавшего комка материи. — Раз уж ты соизволил сюда придти, так может, пойдём куда-нибудь, где нет каких-либо преград? Пустырь в паре километров от Никке выглядит отличным местечком для сражения.

— Пф... Пфа-ха-ха! Ты реально... С этим заговорил? Боже, Фолл...

— *Время. Приходит. За. Всеми.*

Голос прозвучал одновременно из изуродованных ртов стражников. Впрочем, даже это не было способно напугать Анко или Фолла. Они стояли уверенно, пускай и находились... В размышлениях. Касаемо того, стоит ли сражаться с потусторонним жнецом, пришедшим на клич Бога, здесь и сейчас. Услышав бессмысленную фразу, оба героя лишь напряглись — обычно за такой следовало нападение без предупреждения. Впрочем, существо продолжало сверлить их... Взглядом, да. Только глаз у него не было. Или были, но невидимые? Неизвестно.

— Пускай оно придёт за нами подальше от города, — первым сориентировавшись, сказал Фолл. — В конце концов, что ты теряешь? Убегать от тебя мы не собираемся, в этом можешь быть уверен.

Анко не стала в этот раз смеяться, ожидая, как отреагирует тварь.

— **Время. Приходит. За. Всеми.**

— Полагаю, это "да"? — неуверенно передёрнул плечами Фолл.

Вместо ответа по левую руку от них открылись порталы, приветливо сиявшие всё той же абсолютной чернотой. Посмотрев друг на друга, герои сделали один-единственный и уверенный шаг, исчезая в бездне. Вышли они на свежий воздух — на пустырь, о котором и говорил Фолл. Где-то вдалеке виднелись очертания чьей-то фермы, а позади встал редкий лесок, из которого не так давно выехали Арт с остальными. Снег больше не падал, да и буря, кажется, прекратилась абсолютно везде, где шла до этого. На небесах сияли звёзды, а под ногами хрустело белое марево. Все десять обращённых стражников стояли напротив героев на том же расстоянии, на котором были в городе. Покачиваясь, их тела издавали низкий утробный звук, похожий на протяжный стон.

— Эх, пальто стоило мне целого состояния... — печально протянула Анко. — Фолл... Хотя ладно. Спрашивать тебя о причинах не стану. Уверена, ты, как обычно, хотел, как лучше. А получилось как всегда.

— Я... Чувствую, что могу сражаться, — с каким-то странным удивлением произнёс

вдруг Фолл. — Значит, это не катастрофа. Скорей, её часть.

— О-о, так ты всё-таки присоединишься к веселью! — рассмеялась женщина, пригладив зачёсанные назад светло-коричневые волосы. — Ладно, древняя чупакабра, или как там тебя по матушке-батюшке...

— Это странно, Анко... — нахмурившись, добавил первый герой. — Если оковы не сработали с осколком, это значит, что он как минимум равен мне. Только такой уровень угрозы может их снять...

Воздух вокруг задрожал от концентрации силы. Задрожала и земля под ногами — снег, вздрогнув, побежал по кругу от толчком, бивших от силуэтов двух героев. Анко была, пожалуй, единственной, кто почти дотянул до девятки по шкале оценки Фолла. Она была опытным чародеем, прошедшим немало сражений. Большую часть когда-то бок о бок с первым героем. Они сражались вместе так давно, что воспоминания должны бы уже потеряться где-то в недрах разума. Но дар Фолла не позволял ему забыть, а потому мужчина невольно улыбнулся, пропуская огромные объёмы эфира по телу, давая ему насытить плоть и укрепить её. Анко, в последний раз затянувшись, деликатно выпустила сигарету из пальцев, выдыхая чёрный дым в такие же чёрные небеса.

— Давай, тварь! — закричала женщина, и молнии ударили в снег перед ней, вызывая гром, а следом — мелкие частички камней и крупных льдинок, закруживших вокруг Анко, повинуюсь её силе. — Фолл!

— Иду!

Дистанцию в несколько метров он сократил на скорости, превышавшей звук. Потому и грохот пришёл позже, уже после того, как в рядах обращённых стражниках образовалась дыра. Часть из них просто исчезла — испарилась, стёртая в пыль. Фолл замахнулся, обрушивая кулак на тех, кто потянулись к нему следом. След от удара в виде вспоротой почвы и поднявшегося в воздух снега устремился вперёд аж до горизонта. Анко наблюдала, как в считанные секунды от призванного отряда чудовища осталось лишь воспоминание. Хрустнув шеей, Фолл зашагал к комку, никак не его движения не среагировавшего. Заглянуть в голову к космическому ужасу, увы, не выйдет. Он вообще не мыслит нашими категориями, если понимаете.

— Рассвет, — произнёс Фолл, поднимая над собой огромный меч, окутанный ярким белым эфиром. Подняв, опустил, ударив обеими руками, чтобы разрубить комок на части, но гигантское лезвие, едва соприкоснувшись с чёрной материей, вспыхнуло, взрываясь мириадами осколков, разлетевшихся во все стороны. Анко, побежала, по пути нашёптывая заклинание.

— Дамоклов меч!

Новая громадина, в этот раз из эфира тьмы, со свистом рассекла небо, рухнув на "голову" чудовища. И вновь взрыв, от которого пришлось закрыть глаза — чёрный эфир резонировал с эфиром внутри потустороннего существа, разрываясь ещё ярче, чем белый. Тогда Фолл ударил по-старинке — голым кулаком, заряженным таким количеством эфира, что с лёгкостью мог заставить целый континент треснуть напополам. Анко не поняла, что случилось — звук опять пришёл после действия. Фолла отбросило; первый герой пробурил затылком землю, остановившись в небольшой дымящейся ямке. Правда, первый герой тут же исчез, атакуя ещё раз — в этот раз на скорости, что выдал в первый раз.

Теперь к плотному клубку из материи и эфира понеслась ладонь первого героя, вспыхнувшая и на мгновение вернувшая в округу день посреди ночи. И свет тот также погас,

стоило удару попасть. Фолл отпрыгнул, приземляясь рядом с вставшей, как вкопанная, Анко. Помотал головой, приходя в себя. Два сильных заклятья — а тварь даже не пошевелилась. Разумеется, энергии Фолла не было конца — в конце концов, даже Бог не был ему соперником. Но катастрофа... Превосходила все ожидания.

И тогда она пошла в наступление — сотни щупалец со свистом рассекли пространство, направляясь к героям. Фолл разрубил их голой ладонью, тут же переходя к чародейке, в чей щит отростки ударили, практически за секунду его преодолев. Щупальца отступили, формируя очередные неказистые фигуры, отдалённо напомилавшие гуманоидов. Встав спина к спине, Анко и Фолл защищались от атакующих со всех сторон тварей. Чудовище пустило в ход и чары — их эфир прожигал любую защиту, и только первый герой успевал отражать их, опять же, голыми руками. Каждое парирование, каждое отражённое заклятье заставляло почву под ними вздрагивал, а очередное извращённое создание — стираться в порошок. Фоллу не нужно было даже касаться их, достаточно было направленного движения.

Каждый его удар оставлял в воздухе след, уходя далеко-далеко вперёд, ломая деревья, вспахивая землю и порой рассекаясь при попадании в потустороннюю тварь. На текущем этапе пал бы и Сангвин, и Мира, но для Фолла это была только разминка — и чем активней наступали существа, тем быстрее двигался первый герой, уничтожая их ещё до того, как они формировались из чёрных щупалец. В один момент он развернулся, снося ногой монстра, подобравшегося к Анко со спины. У подошвы ботинка вспыхнуло и тут же погасло белоснежное пламя — похожее на то, что использовал Император. Чародейка сосредоточилась на том, что умела лучше всего — на анализе и дедукции. Изучая существо, продолжавшее сыпать им чуть ли не на головы всё новых и новых отвратительных созданий, Анко изо всех сил пыталась выяснить его слабое место.

Но не находила.

Фолл поймал момент небольшой паузы, призывая в руку копьё с расширявшемся к краю наконечником. Узнав в узорах, покрывавших гладкий металл, легендарный Гунгнир, Анко ахнула — и закрыла уши от грохота, что навело оружие, брошенное прямо сквозь бесконечную массу бесформенных существ в отражение катастрофы. Очередная вспышка на этот раз продержала день посреди ночи целых десять секунд. Но и после попадания тварь продолжила атаку, заставив Фолла тяжело вздохнуть. Да, его силы были практически бесконечны, и сражаться вот так он мог хоть до конца времён, но... Времени, вот ирония, на это у них не было. Наконец, проредив толпу монстров несколькими ударами, Фолл сместился в лоб к чудовищу, принявшись избивать его — буквально вколачивая бесформенную массу в землю. Та отвлеклась — за Фоллом двинулись его творения, издавая уже знакомые противные стоны.

Анко сформировала в ладонях Хронозаряд, посылая маленький серый кинжал в обход, прямо в "спину" чудовища. Раздался новый взрыв, и на мгновение время вокруг в прямом смысле этого слова замерло. Через секунду пошло вновь, конечно, но это заставило жнеца сменить приоритет — вокруг женщины выросли новые громадины, замахнувшиеся плетями на месте рук.

— Да что ж такое, — обронил Фолл, в миллисекунду оказываясь рядом, чтобы аннигилировать очередную пачку из нескончаемого потока. Выдохнув, он отряхнулся от частичек земли, попавшей на одежду, приготовившись к продолжению банкета.

— Что ещё может сработать? — выдохнула Анко — её чары осушили волшебницу почти

досуха. Козырь чародейки — клинок, предрекающий судьбу, не сработал в самом начале. Дамоклов меч был создан для противодействия врагу, что превосходил чародейку в разы. Сила заклятья увеличивалась в соответствии с тем, сколь могуч был оппонент. Раз меч лопнул, едва коснувшись существа, значит, разница между ним и Анко была... Неизмеримой.

— Огонь Преисподней, — прикинул Фолл. Буднично, будто они не рисковали сейчас жизнью, пытаясь отбросить катастрофу обратно туда, откуда она вылезла. — Жемчужина Семи Морей... Или, в конце концов, Молот Дракона. Хотя, Анко... Я ведь вложил много эфира в свои удары. А твари хоть бы хны.

— Бей всем подряд... — пытаюсь справиться с вышедшим из-под контроля дыханием, сказала чародейка. — Мы не можем позволить катастрофе прорваться раньше положенного срока. Уверена, Бог как-то сдерживает влияние жнеца... В противном случае меня бы убило меньше, чем за секунду.

— Стой позади, — кивнул ей первый герой. — Каждое заклинание высвобождает очень много эфира...

Он вышел вперёд, складывая ладони в причудливые символы, попутно собирая в них энергию — та, пульсируя, окружала и всё его тело, усиливая чары, что Фолл готовил. И здесь, без шуток — вздрогнул весь мир. От объёма циркулировавшей в одном живом существе эфира, собиравшегося обрушиться на врага. Задрожали Железные Горы — посыпалась каменная крошка в шахтах, плеснулось пиво в кружках в многочисленных трактирах, пошла волнами водная гладь — каждого океана, моря, реки или озера. В императорском дворце вздрогнул во сне Сангвин, тут же вскакивая на роскошной постели в холодном поту. Ливиград сошёл с прежней высоты, резко опускаясь на два метра вниз; падали люди, теряли равновесие учителя, державшие очередной ответ перед руководством академий города-государства. Гулко отозвалась броня на рыцарях Дорана, игравших в карты во множестве замков на своих постах, пронеслись шорохом мурашки на могучих телах драконов, поднявших головы в направлении силы, собиравшейся там, в далёких землях людей.

Где-то высоко-высоко в небесах вздрогнуло, напрягая глаза, ещё одно великое существо.

Твари, ринувшиеся к Фоллу, сгорели в белоснежном пламени, не дойдя до первого героя. Его карие глаза стали серыми, от них тянулся шлейф того же цвета, будто сигаретный дым, поднимаясь вверх. Сложив ладони вместе в финальном жесте, он выдохнул:

— Сокруши бессмертных, уничтожь их плоть и души... Молот Дракона! — и, не останавливаясь, продолжил. Сияй, Жемчужина Семи Морей! Покажи мне силу народа глубин, силу, что одного возраста с этим миром! Рви и терзай, Огонь Преисподней, жар, плавящий чешую драконов!

Невидимая и неизвестная сила обрушилась на клубок чёрной материи, в прямом смысле этого слова вбивая его в землю. "Материя", кожа жнеца, лопнула, высвобождая наружу клубы тёмно-фиолетового дыма. Проклятая тварь взвыла, ощущая на себе мощь чар, способных убить саму суть, естество живых — их души. Но никто не дал ей времени опомниться — и семь бирюзовых водяных стен, кристально чистых, так, что в них отражалось всё кругом, разрезали существо, закричавшее ещё громче. Анко упала на колени, закрывая уши — вопль лез в её разум, пытаюсь подчинить своей воле. Казалось бы, что могут сделать потоки воды?

Если они двигаются в замкнутом пространстве со скоростью звука, буквально стирая

сами себя в процессе, то очень даже многое. Раны на "теле" катастрофы стали шире, стали рваными, и теперь фиолетовый дым окружал его полностью, стелясь по земле, до сих пор покрытой снегом. Правда, ненадолго — следом на него обрушился живой огонь, объявший всё пространство вокруг уничтожителя миров. Те чары, которыми Сангвин сжёг Иггдрасиль, теперь казались детской игрушкой по сравнению с жаром, на секунду чуть не оставившим на лице Анко фатальные ожоги. Чародейка едва успела выставить щит, замедляя распространение пламени, но и даже так Анко сильно пострадала — и это она, оставшаяся на приличном расстоянии.

Так прошла целая минута.

Огонь испарил дым, оставив на чёрной массе существа белые следы. Оно существенно уменьшилось, раза в два по сравнению с тем, каким было до этого. Фолл скрипнул зубами, мотая головой. Очевидное дошло до Анко на секунду позже — даже после всех заклинаний осколок катастрофы был жив. Учитывая, что уже Огонь Преисподней не повредил его так, как первые два удара, следовал вывод...

Оно адаптировалось. Первый герой видел это своими глазами — эфир, бежавший по бесформенному существу, становился ещё плотнее, что по определению было невозможно. Оно собирало его откуда-то извне, ибо энергия, оставшаяся от использованных чар в виде взвеси, осталась не тронутой. Сколь не была бы поражающей воображение сила атаки, ужас внушала не она — а то, что существо до сих пор, пардон, существовало.

Через мгновение оно изменилось, формируя из оставшейся массы новый облик — в этот раз, человеческий. Безликий, бесполой силуэт чёрного цвета, выпрямившийся на месте осколка катастрофы. Из одной из его рук вытянулся клинок с узким лезвием — того же оттенка, что и всё остальное.

— Всё никак не сдохнешь, — прорычал он, вынимая два коротких меча из воздуха, отчаянно вскрикнувшего от нового гигантского объёма эфира, пропущенного через него. — Анко, если это — только часть силы жнеца, то что будет, когда он войдёт в Крэйн полностью?

Фолл был взволнован — взволнован и напряжён, видя перед собой всё ещё способную сражаться тварь. Первый герой бил наверняка — под связкой из трёх таких чар встал бы на колени и Бог, сражайся они здесь. Это при условии, что все три, как сейчас, попали бы по нему.

— Даже вам с Богом вместе будет его не остановить, — кивнула чародейка, изрядно вспотевшая от стоявшего целую минуту невыносимого жара. — Проклятье... Заигрались мы. Кто бы мог подумать, что этот небесный дядька настолько тупой. Фолл... Серый эфи...

— Нет, — крутанул мечи тот, двигая правую ногу вперёд, чтобы занять боевую стойку. — Никаких игр с пространственно-временными материями. Ты знаешь правила — одна ошибка, и Крэйн схлопнется в чёрной дыре.

— Ладно... Пока что это вариант на крайний случай, — закусила губу Анко, вытирая пот со лба. — Не хочется здесь помирать.

Тварь оказалась у Фолла ещё до того, как женщина закончила предложение. Оба клинка, что держал первый герой, двинулись, отражая первый рубящий удар, направленный на горло. Противное ощущение, исходившее от непонятого тёмного материала оружия чудовища, дало понять — один удар, и Фолл труп. Нет, в нём не было большого количества эфира — это было нечто инородное, нечто, чуждое Крэйну. Инородное — и жуткое, такое, что даже Фолл вздрогнул, оказываясь в опасной близости от него. Впрочем, то, как

развернулось дальнейшее сражение, показало, что осколок катастрофы не владел техниками фехтования — он рубил мечом из любой позы, стойки или положения тела, рассчитывая на грубую силу.

Гулкие удары звенели на пустыре, заставляя деревья на многие километры позади покачивать кронами. Анко быстро потеряла оба силуэта из виду, замечая их только в миллисекунды, когда их оружие сталкивалось друг с другом. Пронзительный свист звучал кругом постоянно, ибо что Фолл, что жнец — оба двигались на скорости звука. Временами выходя и за это барьер, так, что перед глазами Анко были их клинчи, произошедшие мгновение назад. Удар за ударом, выпад за выпадом — один уклонялся, второй нападал. Конечно, чародейка этого видеть не могла, но Фолл уже дважды насадил чудовище на один из своих мечей, тут же отступая, ведь видимых повреждений это не наносило.

Тем не менее, первый герой не зря носил звание сильнейшего существа в Крэйне. Там, где пали бы все остальные — он стоял и бился, не давая существу и шанса себя задеть. В один момент он окружил себя серым эфиром — и теперь вместо схватки Анко наблюдала кино, отснятое несколько минут назад. Осколок катастрофы понял, что от ударов, наносимых в прошлом, настоящем и будущем, уклоняться будет тяжеловато. Их бой превратился в шахматную партию — где оба игрока играли на сразу пяти досках, делая ход за ходом. Где-то проигрывал один, где-то — другой, и это отражалось на общем положении других игр.

Например, если удар первого героя доставал жнеца в прошлом, в будущем подобное движение уже не срабатывало. Чем выше риск — тем выше награда, говорят люди. Правда, это работало в обе стороны. Фолл медленно, но верно теснил чудовище, что, казалось, исчерпало лимит собственных сил. В то же время чудовище изучало его движения — всё лучше и лучше адаптируясь к ним, в считанные минуты перенимая уловки и техники. Один нюанс — у первого героя было два меча, и это преимущество он использовал на полную. Считать абсолютно всё для твари было невозможно, поэтому та, терпя рану за раной, с шорохом затягивавшейся на её теле, перешла в глухую оборону.

Так, через десять минут, оказавшихся на деле несколькими часами безостановочной схватки, Фолл нанёс отбил последний удар жнеца, скрестив оба клинка на его "шее", будто ножницы. И ножницы сделали то, для чего были созданы — отрубая противнику голову. Первый герой отпрыгнул, оказываясь рядом с Анко. Теперь он точно его задел.

Существо, подобравшись к своей упавшей черепушке, буднично подняло её, вставляя на место, как какой-то конструктор.

— Есть ещё что-нибудь, кроме потенциального риска уничтожения всего Крэйна? — сплюнув, спросил Анко Фолл.

— Вложи всё, что есть, — утерев кровь с губ, предложила женщина. — Не будем больше играть с эфиром. Это другой риск, Фолл. Риск твоей смерти.

— Если высвобождение всего эфира, что находится во мне, изгонит эту тварь, то я всеми руками за, — хмыкнул тот в ответ. — Но... Говоря твоими словами — не хочется мне тут подышать.

— Отдача от столь грубой техники... — выдохнула чародейка, поправляя кофту. — Вполне может тебя убить, учти.

— И без тебя знаю, — бросил Фолл, в одну секунду принимая критически важное решение. — Помнишь, есть на Земле такая поговорка — кто не рискует, тот...

Отростки, выстрелившие из открытых буквально в метре от героев порталов, не дали

ему договорить. Фолл успел испепелить те, что неслись к чародейке, а остальные попросту стекли вниз, образовав маленькие чёрные лужицы под ногами. Слабо. Достаточно, чтобы прикончить Анко, но далеко от уровня, нужного, чтоб хотя бы поцарапать первого героя. Эфир польхал в его теле, циркулируя по нему и всё разгоняясь, разгоняясь и разгоняясь. Вокруг стало вновь неожиданно тепло — а спустя мгновение уже горячо.

— Врубай уж, — откашлялась Анко. — На полную, Фолл. Не загоним "это" обратно сегодня — и Крэйн может не увидеть завтра.

Фолл не ответил, внимательно изучая существо третьим глазом, через эфир. Спрессованный эфир бежал по всему силуэту чудовища, также, как это происходило в теле первого героя. Ясно. Они использовали одну и ту же схему наращивания сил. Постепенно вдавливая педаль газа, ожидали момента для форсажа, чтобы разогнаться на полную только в нужный момент. Также, как и у Фолла, у твари была абсолютная защита. Её давал не только эфир — само тело первого героя, насыщаемое им изо дня в день, укреплялось, становясь непробиваемой вообще никаким оружием. Неудивительно, что их атаки не сработали. Анко оказалась права — решить всё оказалось возможно только одним ударом.

Печально, что грандиозное сражение заканчивается вот так, без пафоса и новых взрывов.

Но иногда самое простое решение означает наиболее правильное.

— Ставь щит! — крикнул Фолл, выпрямляя пальцы на обеих ладонях. Между ними бегали разноцветные искры, ещё больше накаляя воздух повсюду.

— **Время. Приходит. За. Всеми.**

— Да, и за тобой тоже, — выплюнул первый герой, на мгновение прикрыв глаза, чтобы задержать дыхание. И рванул вперёд — так, что невооружённому глазу показалось, будто он телепортировался, а не пробежал из точки А в точку Б.

В место столкновения ударил луч света — ещё раз возвращая день посреди ночи. Погасли звёзды, а у Анко перехватило дыхание. Закашлявшись, она рухнула на мокрую землю, пытаясь справиться со спазмами, одолевшими желудок. Ей было плохо — в глазах рябили огоньки, всё тело, казалось, разрывало на части. Это невероятная масса эфира, что высвободился с обеих сторон, проносилась мимо, возвращаясь туда, откуда пришла — в Крэйн. Женщина дёргалась на земле ещё с минуту, изо всех сил пытаясь заглянуть туда, где соприкоснулись Фолл и чудовище. Столб всё ещё бил вниз в том месте, пульсируя и испуская эфир на все триста шестьдесят градусов. Анко совсем поплохело — чародейка использовала всё, что у неё было, чтобы стабилизировать состояние и не отключиться.

Всё произошло в мгновение ока — меньше, чем за секунду. День стоял на дворе всё дольше, а столб света, убежавший в небеса, продолжал сиять. Даже, казалось, становился только ярче. Анко коротко вскрикнула — из ярко-жёлтого фигура впереди стала краснеть, тускнеть, и, наконец, чернеть. Ночь снова опускалась на земли возле Никке, и теперь даже безумная чародейка испугалась за то, что могло произойти. Фолл сделал так, как она и предложила — зарядив весь эфир, что у него был, он уплотнил энергию до состояния спрессованной пыли, высвободив её в одном ударе, способном уничтожить, вероятно, даже Бога. Пугающая мощь.

Но ещё больше пугало то, что столб всего через мгновение, как почернел, исчез. А тьма, набежавшая вдруг со всех сторон, стала сгущаться. Чёрный туман поднялся вверх, сперва на метр, затем на два, поглощая вообще всё, что видел глаз. Потеряв возможность видеть, Анко кое-как поднялась на ноги, двинувшись вперёд, туда, где в последний раз видела тварь

вместе с Фоллом. Не было слышно даже звука её шагов, не говоря уже о дыхании. В одну секунду волшебница ослепла и оглохла, двигаясь дальше только из упорства и силы воли. В её голове бегали, будто крысы, мысли — о том, что будет, если Фолл не сумел изгнать катастрофу.

Уже сейчас стало ясно, что полностью одолеть её у него не выйдет. Разница, пусть и небольшая, но всё-таки имелась. И если Фолл здесь... Нет-нет, этого не может быть. Этого не могло быть. Он из любой передрыги выберется. С ним всё в порядке. Он же герой! Первый герой, самый-самый. Наверно, даже главный. Ему сам Бог не помеха... Он не мог тут взять и...

Анко опустилась перед наполовину обуглившимся телом на колени. В этот раз чародейка задрожала. Её волю не сломило ничто из всего, что она познала в этом мире — но видеть Фолла таким... Куском ещё живого трупа, цепляющегося за жизнь исключительно благодаря невероятному телу, практически полностью состоявшему из эфира. Всего одного взгляда Анко хватило, чтобы понять — из этого положения не выбираются. Никто не выбирается. Никогда. Туман редел — и в нём не было видно следа или присутствия того жуткого существа. Только голос раздался в голове чародейки, заставив её ещё раз вздрогнуть всем телом.

— *Время. Приходит. За. Всеми. Скоро вы это ощутите...*

— УБЛЮДО-О-ОК! — закричала Анко в небеса, зная, что не получит более ответа. Сорвав голос, она вдруг... Заплакала. Тихо, без всхлипов, как плачут обычно мужчины. Обхватив ладонь Фолла руками, чародейка поднесла её к поближе к себе.

— Анко... — тихо прошептал первый герой. Такой сильный... И такой хрупкий. — Ты... Была права... Мы все... Ошибались... Эта тварь... Страшней... Всех нас... И Бога...

— Фолл... — так же тихо протянула волшебница. — Это я... Не надо было тебе бить во всю... Чем я только думала...

Никто не застал смерть величайшего из героев. Никто, кроме его старого боевого товарища, что выжила, дабы рассказать о ней другим. Туман рассеялся, а на пустыре тихонько насвистывал ветер — ему более некого было бояться. Фолл пал, пал внезапно, без предупреждения. Он бился в полную силу — и всё, что сумел, это изгнать катастрофу, не дав ей воплотиться на все сто процентов. Очевидно, то была лишь часть её мощи — иначе их бы стёрли, как Фолл стёр обращённых стражников.

В пыль.

Конечно, что Фолл, что Анко относились друг к другу с презрением. Но это не отменяло их безграничное уважение друг к другу — за те идеалы, которым каждый следовал, не делая ни шагу назад. Фолл, изменявший континент и продолжавший быть героем, которого этот мир заслуживал, и Анко, живущая в своё удовольствие, не заботясь так называемой большой картиной. Их связывало прошлое — и сейчас оно уходило вместе с остатками жизни, что ещё сохранились в умирающем первом герое. Эфир покидал его — и правда, одна бесконечность может быть больше другой. Даже бессмертное тело не выдержало цену, что заплатил Фолл ради изгнания катастрофы.

Ради откладывания неизбежного.

Фолл вдруг двинулся, залезая целой рукой во внутренний карман плаща. Вынув чудом уцелевшую Летопись Бога, он вручил манускрипт Анко, чуть виновато улыбаясь сквозь кровь, сочившуюся из каждого повреждённого сосуда. Даже на пороге смерти мужчина мог двигаться и говорить — едва-едва, но всё же. Небольшой прощальный подарок за всё то, чего

он достиг за то время, что прожил в Крэйне.

— Передай... Арту...

— Передам, — на выдохе протянула та, утерев слёзы. — Ч-чёрт, Фолл... Фолл, ну почему из всех придурков, которых я знаю, это должен был быть именно ты!

— За... бавно... Да..? — хрипло рассмеялся он. — Эй, Анко... Я прожил... Долгую.. Жизнь... Жалеть... Не о чем...

— О-о, избавь меня от слёзовыжимательных фраз, — сжав кулаки и книгу в руках, чародейка поднялась, впрочем, всё ещё глядя на смотревшего куда-то в небо первого героя. — Я позабочусь о мальчиках с девочками. В конце концов, без тебя они — наша последняя надежда.

— Теперь... Вдруг... Бес... покоишься... О других? — даже на пороге смерти Фолл уколол волшебницу в самое слабое место. Та лишь покачала головой — теперь смеяться или злиться не было нужды. — Я... Буду... Наблюдать... Там...

— Ага, словно Рай с Адом и впрямь существуют, — хмыкнула Анко. — Хотя тебе видней. Это ты у нас заглянул за грань реальности. Что уж нам, простым смертным. А-а... Фолл. Если найдёшь способ вернуться... А ты найди. Обязательно. И вернись уж пожалуйста. Над кем мне тогда смеяться? Кого обличать? С кем драться, когда скучно, а?

— И то... Верно... — кое-как кивнул ей первый герой. — Как-то... Я... Потерялся... Анко... В... Ха-а, ха-ха-ха... Воспоминаниях...

— Странно — для человека с идеальной памятью... Надо, наверно, извиниться. Я была паршивым другом.

Фолл не ответил.

— Фолл? Эй! Эй, Фолл!

Очередной крик эхом разошёлся по пустырю.

— ФО-О-ОЛЛ!!!

Анко не сдержалась — и ударила кулаками по груди, в которой больше не билось героическое сердце. Вот так умирают герои — практически в одиночестве, вдали от близких и дорогих им. Лучше уж так, наверно, чем видеть тех самых близких и дорогих на всё том же пороге смерти. Одно печально в жизни героя — она неизбежно заканчивается паршивой смертью. Случай, когда он умирает в своей постели от старости, лишь подтверждают правило.

Отчаянье, которое не передать словами, боль, которую ничем не заглушить — всё это чувствуют обе стороны. И умирающий, и те, кто находится рядом с ним. По всему миру пронеслась новая волна — крик чародейки, крик, возвестивший о смерти первого героя. Стража, друга, наставника, товарища, заклятого врага. Опустили свои головы драконы, прощаясь с Фоллом. Подняли кружки, полные до краёв, гномы, без смеха и улыбок провожая его в последний путь.

Прикрыли глаза на своих тронах властители — Совет Сенстони, Настоятели Ливиграда, Сангвин, пробудившийся ещё раньше прочих. Главы пяти рыцарских домов, управлявших Дораном, встали на колени в церкви, молясь, чтобы путь на ту сторону для Фолла прошёл тихо и быстро. Запели эльфы, завывая тризну по герою, полностью изменившего жизнь их расы. Где-то возле Железных Гор вздрогнула Мира, сжимая кулаки — для неё ещё ничто было не кончено. Члены Сада отвлеклись от ночных дел и от сна, складывая воедино ладони, чтобы сказать слова прощания тому, кто подарил им смысл жизни — будь то месть, жажда справедливости, денег, силы, или исполнение мечтаний.

Наконец, тяжело вздохнуло существо в далёких небесах, осознавая свою ошибку. Если тот, кто превзошёл Бога, погиб, пытаясь упредить катастрофу, значит, её масштаб превосходит всё, о чём пресловутый Бог мог только подумать. Разумеется, Он услышал всё, о чём говорили Анко с Фоллом. Услышал и, раздосадованный, смирился. Ему, откровенно говоря, плевать было на всё и вся.

Но даже Он был опечален гибелью первого героя.

Фолл сделал то, что было нужно. Отдав самое дорогое, что есть у нас, живых — его жизнь.

— Ты был придурком, — поднялась Анко, смотря на застывшее тело. — Самым сумасшедшим придурком, которого я знала. Если бы мне пришлось выбирать, кто стал бы самым крутым у нас на деревне, я бы выбрала тебя... Добродушный, до тошноты придиричивый, когда дело касается нас, героев... Суровый, но не кровожадный... Ч-чёрт, Фолл! Ты...

Она осеклась, увидев предмет, что непонятным образом возник в руке первого героя. У него же не было сил... Не было возможности управлять эфиром! Так как он...

Чародейка подняла свои очки с ладони Фолла, помедлив секунду, а затем надев их, с шумом выдыхая. Прижав к кофте Летопись Бога, Анко прошептала слова заклятья, закрыв глаза. Она не смогла нормально сказать ему "Прощай", но она сумеет обеспечить ему достойные похороны. Такие, чтобы никто и никогда не сумел потревожить могилу человека, сама жизнь которого была воплощением слова "герой". Анко вложила в чары не только эфир — но и свои эмоции, чувства, обуревавшие её. Горечь от потери, жажду отмщения, сожаление и страх, ощущение пустоты — и всё это только усилило магию.

— Повинуйся мне, серый эфир... — шептала чародейка, двигая свободной ладонью в воздухе. — Дай отдых тому, кто это заслуживает. Запечатая его, скрой от глаз, скрой от взора малых и великих, слабых и сильных... Принеси заслуженный покой, о серый эфир. Повелеваю... — она задрожала, сдерживая слёзы. — Могила Эпохи.

Обугленное тело исчезло в земле в облачке серого дыма, что обволокло его со всех сторон. Никакого опознавательного знака, подходящего для могилы, рядом не было. Поэтому Анко, пошарив в карманах штанов, вынула оттуда пустую пачку сигарет. Положив ту на место, где лежала голова Фолла, чародейка повернулась в сторону Никке, зашагав прочь, к городу. Тот смотрел на неё монолитом стен, безмолвно, безжизненно. Бунт прекратился — как и любое движение внутри. Все живые существа дрожали, спрятавшись, где могли, ожидая развязки. Не понимая, что она уже наступила. Те из них, кто остался на улице, сопровождалась Артом, Ирис и Лори в убежища. Троица не покинула Никке...

И сдерживала эмоции, чтобы не зарыдать от осознания чудовищной потери.

Легионеры ретировались прочь; с ними не было Маркуса, оставшегося с двумя верными ему бойцами в восточном районе города, чтобы увидеть, чем всё закончится. Почувствовав смерть Фолла, мужчина зарыдал, даже не прикрывая лицо. Слёзы просто текли по нему, создавая бесконечные ручейки и падая в снег.

Так почему же первый герой солгал?

Потому что не был на самом деле таким уж и героем?

Нет, всё куда прозаичней. Одно стоит сказать уже сейчас — он не рассказал правду, чтобы защитить своих товарищей. Потому что правда, хоть и гонятся люди за ней из столетия в столетия, порой может нанести фатальные увечья тем, кто её услышит. Фолл знал многое — если не всё... Об этом мире. И о его сумасшедшем Боге, который был не тем, чем

казался буквально всем остальным. Сейчас он выложился на полную в схватке на смерть, оттянув неизбежное. Изгнав жнеца, решившего вторгнуться в Крэйн раньше положенного срока.

До истечения которого оставалось по прежнему два года, пять месяцев, шесть дней и девятнадцать часов.

— Жаль, Фолл... — прошептал император, восседая на золотом троне в окружении щebetавших советников. — Я много не успел тебе сказать...

Мир, замерев на секунду, продолжил свою жизнь.

— Сюда! — закричал уже в который раз Арт, махая рукой двум девушкам, эльфу и раненому гному. Пережившее бунт население бросило оружие, пытаясь укрыться от пожаров, полыхавших повсюду. За стену им было, очевидно, не перебраться. Единственный вариант — подвалы лавок и магазинчиков, разбросанных по западной части Никке.

Вокруг кружил дым, пахло сгоревшим деревом и чем-то масляным. Лори, опустившись на один из перевёрнутых ящиков, разбросанных по улице, где они стояли, согнулась, пытаясь уместить в голове всё, что случилось за последний час. То, что сказала Анко, то, что подтвердил Фолл. Если всё это время он пытался спасти оставшихся в Крэйне героев, то зачем помогал и ей? Из чувства вины? Почему поддерживал её желание отомстить Империи? Было ли что-то ещё, что он посчитал ненужным рассказывать? Кто эти двое, упорно зазывающие людей в распахнутые недра подвального помещения? Арт, Ирис... Герои. Такие же обманутые, или обманувшие?

В критической ситуации нам свойственно возводить вокруг иллюзорные стены из предубеждений, недоверия и подозрений. Лори сломалась ещё до того, как пришло то жуткое существо. Смерть Фолла раздробила остатки её разума, сметая их в совок, следом выкинув прочь. Чародейка потерялась в собственных мыслях, порой забывая даже дышать: столь сильно было потрясение.

Ирис делала то, что умела лучше всего — игнорировала всё, что мешало ей выполнять поставленную задачу. Закинув руку еле ковылявшего гнома себе на плечо, она чуть присела, спускаясь вместе с ним внутрь. Там, среди разбросанных бочек и мешков, смотрели блестящими глазами на девушку жители Никке. Опустившись с пострадавшим на холодный камень, героиня выпрыгнула наружу, мельком взглянув на застывшую Лори. Тяжело вздохнув, Ирис проводила взглядом спины ещё одной группы выживших. Бунт прекратился совсем недавно, но разведённый в процессе пожар рисковал сожрать все западные районы. Церковь не спешила на помощь, да оно и понятно — пробежав по улицам города, ребята видели кучу трупов в сероватых одеяниях.

Кирагас был тут же, стоя позади Арта. Эльфу было неудобно, но он следовал инстинктам, оставаясь рядом с теми, с кем следовало. Раздобыв на одном из трупов ещё и щит, бывший рыцарь был готов выступить против любой угрозы, появившись та поблизости. Впрочем, основные силы, убивавшие бунтовщиков, отступили на восток, за стены. Следовало ещё и разобраться в первопричине беспорядков — Анко сказала, что это полностью её вина. Эльф с силой сжимал в руках оружие, понимая, что если это правда, то он потеряет к подруге всё уважение. Да, иногда она заходила за грань, но не до такой степени. Кирагас не почувствовал гибель Фолла, ощутил он лишь дрожь земли.

Раздалось лёгкое шипение. Лорелеи вздрогнула, поднимая взгляд в небеса. Арт с Ирис, оглянувшись вокруг, последовали её примеру. Кап, кап, кап. Сверху начинался дождь. С чёрного, непроглядного неба падали капли, с шипением остужая тела, раскалённые камни и

полыхавшую древесину. Шипение вскоре стало звучать повсюду — дождь быстро набирал обороты, поливая собой Никке и всех его жителей. Каждое разумное живое существо в ту бесконечно долгую ночь поняло, что дальше будет только хуже. Каждое, вне зависимости от его знаний, интеллекта или сил. Странное чувство, ощущение опасности. Словно всё, что бы они не делали, как бы не сражались — за мир, за себя, за свои мечты или ради своих целей... Всё — бессмысленно.

Первой силуэт в стене дождя, заслонившей, спрятавшей от взгляда всё кругом, заметила Ирис. Подав знак Арту, она обнажила клинок, прекрасно увидев, кто именно шёл к ним, наплевав на низкую температуру. Дождь зимой. Кто бы мог подумать! Он был ледяным, разумеется. Кирагас закашлялся, но остался на месте, смотря на Анко в порванной кофте и без пальто. Чародейка брела медленно, едва перебирая ногами. По пустому взгляду серых глаз было видно, что сил у женщины практически не осталось. К груди она прижимала книгу — пальцы обхватили корешок так, что весь манускрипт дрожал на ходу. Добравшись до ребят, она протянула Летопись Арту, не смотря тому в глаза.

— Так это... — выдохнул облачко пара парень. — Правда.

— Фолл... Он... — Лори поднялась, подходя к застывшей с книгой в руках Анко и Арту. — Нет!

— Покойся с миром, первый герой... — тихо прошептал Кирагас. В горле эльфа резко пересохло — в отличие от остальных, он только сейчас понял, что произошло.

— Это твоя вина! — сжав кулаки, приблизилась к волшебнице времени Ирис. — Это ты, сука, забрала его!

— Ирис! — вдруг повысил голос Арт. — Ты видела ту... Тварь. Лишь посмотрев на неё, я едва не лишился жизни!

Анко молчала, продолжая держать Летопись Бога на вытянутой руке. Парень, осадив сестру, взял манускрипт, кивая чародейке. Та, кивнув в ответ, всё в том же молчании отошла в сторону, прямо на дорогу, полную воды. Затем Анко рухнула на колени, закрыв глаза. Она не могла говорить, не могла думать, не могла слышать, о чём говорили остальные. Всё, что покоилось в голове Комодо Анко, заключалось всего в одной фразе.

"Он не заслужил такой смерти".

— Значит, это его завещание... — скрипнув зубами, протянула Лори. — Отлично! Книга с записями о прошлых героях очень нам поможет!

— Раз он передал её нам, значит, на то была причина... — хоть Арт и побледнел, увидев Летопись, он всё ещё держал себя в руках.

В отличие от Ирис, чей гнев не мог найти выхода. Она тяжело дышала, пытаясь справиться с эмоциями, посмотрела на Анко, ставшую безжизненной статуей, затем сплюнула под ноги, убирая меч в ножны и разворачиваясь прочь.

— Куда ты?! — тут же дёрнулся Арт.

Девушка застыла, не поворачиваясь к нему. Грохотали небеса, шуршал дождь, хлопали ставни в ближайших домах — ветер набежал нешуточный. Ирис всё-таки догнали чувства. Опять... Она опять доверилась кому-то, кроме себя, опять позволила взять себя под крыло, доверить спину. И опять этот кто-то умирает, а она оказывается слишком слабой, чтобы хоть что-то сделать. То чудовище... Если оно до сих пор не здесь, то Фолл уничтожил его. Уничтожил, отдав жизнь. Сколько ещё близких должны умереть, прежде чем Ирис сможет их защитить? Как долго это будет продолжаться? С неё хватит.

— Брат... — Арт вздрогнул, услышав это обращение. — Ненавижу я дождь.

— Ирис...

— Пойду, прогуляюсь. Встретимся вечером...

Ирис соврала. Она любила дождь. Потому что в нём никто не слышал, как она плакала. Никто не видел её слёз, хоть она и знала, что за них её никто бы не осудил. Но такой была Ирис — человеком, кто терпеть не мог проявлять слабость перед другими. Вымещать гнев, бурливший в душе, на тех, кого считала близкими, девушка не хотела. Так, в её голове созрел план. Не дождавшись ответа от Арта или Лори, Ирис побрела вперёд, обхватив ладонью рукоять в ножнах на поясе. Этот город растоптал её надежду.

Теперь она растопчет его.

Око за око, зуб за зуб... Жизнь за жизнь.

Проводив старшую сестру взглядом, Арт тяжело вздохнул.

— Парень... — Кирагас положил руку ему на плечо, качая головой. — Пойдём. Становится совсем невыносимо...

— Да, — кивнул ему тот, направляясь в подвальное помещение. Они хотели подождать Лорелеи у входа, но женщина, застывшая возле стоявшей на коленях Анко, дала им понять, что у неё ещё остались вопросы без ответа. Смирившись, эльф и герой протопали внутрь, исчезая в едва освещённом факелами помещении.

Так, возле едва разгонявших тьму городских фонарей, на опустевших улицах осталось всего две личности.

— Что это... Была за тварь?

— Осколок катастрофы... — протянула Анко, глядя на рябь, что расходилась по воде меж камнями от падавших одна за другой капель. — Послушай, мне... Жаль...

— Поздно извиняться, — выдохнула чародейка. — Выходит... Это всё? Он... Не вернётся?

— Смерть — единственная вещь, которую никто не в силах поменять. Что здесь, что в моём мире.

— Чёрт... — горькие, горячие слёзы текли по щекам Лорелеи.

— Я знаю, что ты хочешь спросить, — монотонно сказала Анко, всё также не двигаясь ни на йоту. — И нет, я не стану тебе отвечать. То, почему Фолл так поступил с вами, уже не важно. Важно то, что все мы... В полной жопе. Крэйн падёт через два года, и... Я понятия не имею, как хоть кому-то из вас набраться сил, чтобы выстоять против жнеца...

— Это другое название катастрофы?

— Да... То, что вызвал сюда Бог, чтобы уничтожить героев. Никто не мог и предположить, что эта тварь решит слопать тут вообще всё... Слушай, девочка... — Анко подняла голову, заглядывая в алые глаза волшебницы. — Раз его нет, то у нас остаётся только один выход. Те двое... Арт, Ирис. Их выбрал Фолл. Если бросишь их сейчас...

Лори вздрогнула, не находя слов, чтобы ответить. Анко видела чародейку насквозь. Ложь Фолла, катастрофа, его смерть... Это сломало Лорелеи. Всё это время она думала, будто и впрямь помогает спасать мир. Оказалось, всё это было только ради кучки призванных сюда людей. Почему Фолл не рассказал всё сразу? Почему ушёл, не сказав ничего напоследок? Как он только мог... Они ведь были друзьями. Учитель, ученица. Мастер и протезе. Старший товарищ и его отчаянно желающая мести подруга. Лори не могла описать, насколько дорожила Фоллом. Конечно, она видела, что на его ложь у него были свои причины. Но это не отменяло факта...

А, Анко была права. Всё это уже не важно.

— Я не стану бросать всё на полпути, — наконец-то ответила чародейка. Её алые глаза вспыхнули, вторя её решимости. — Он бы не стал. Мой мастер бы не стала. Каким бы тернистым не был бы мой путь... Я выбрала его сама, решив, что он — верный.

— Молодец, — вдруг улыбнулась Анко. — Вижу... Фолл знает, как выбирать товарищей. Я помогу вам... Обязана помочь. Это последнее, что я могу сделать для старого друга.

— Мне казалось, ты его ненавидела.

— Мы расходились во взглядах на жизнь, — помотала женщина головой. — Несмотря на это, Фолл был тем, кто помог мне достичь всего, что я имею. Все силы, весь опыт — я бы не получила, если б он не вытаскивал мою задницу из передрыг. Я презирала его за всё его "геройство"... Всегда считала, что это напускное. Просто оправдание для себя любимого. Не мне тебе это говорить, девочка, но люди лицемерны. В большинстве своём.

— Фолл верил в то, что делал, — твёрдо и уверенно проговорила Лори.

— Да... Теперь вижу... — хмыкнула Анко, а затем поднялась с колен. — Лорелеи... Давай вместе спасём этот мир.

Волшебница застыла, глядя на протянутую ладонь в чёрной перчатке. Кивнув, она пожала её, заключая маленький, но очень важный союз. Решение было принято — и обе стороны сочли его верным. Наиболее верным в сложившихся обстоятельствах. Лори знала, что если сбежит сейчас, будет корить себя за бегство всю оставшуюся жизнь. Герои, не герои, ложь или нет — сейчас у них у всех общая цель. Если Крэйн будет уничтожен, то чародейка не сможет отомстить. Те двое, к кому она успела привязаться... Их нельзя оставлять в одиночестве. Без правильного направления со стороны старшей подруги они потеряются в этом большом мире. Этого хотел бы Фолл. Этого хотела бы для Лори Мира.

— Пойдём, — вытянула её из мыслей Анко. — Скоро в статуи превратимся, если будем так под дождём стоять...

Вместе они скрылись в подвале, заперев за собой вход. Но это был не конец сей главы — нет, было то, что нельзя оставить за кадром, описав парой строк. Человек, что не смог принять смерть Фолла, человек, решивший выместить свой гнев на тех, кто был ближе всего. Герой, который устал терять дорогих ему. Девушка с русыми волосами и зелёными глазами, чей шрам на щеке полыхал так, что приносил ей физическую боль. Она ушла уже довольно далеко от остальных, проникая за стену в распахнутые настежь ворота. Туда, вперёд, в восточный район. К ублюдкам, которые остались не тронутыми после всего, что сделали.

Она не знала, как именно Анко связана с бунтом, возникшим в Никке. Но для Ирис было очевидно, что чародейка выполняла приказ Империи, ибо работала на неё. Всё встало максимально просто в её глазах — влияние церкви и богачей, едва заметное присутствие имперцев, возмущения бедных районов... Всё, что требовалось от Анко, это посадить в головы людей семя сомнения. Пускай через чары, плевать. Ирис поняла, кто был заказчиком, а кто — исполнителем. Золотая Империя расширяла своё влияние, даже если для его расширения требовалось наступить на горло церковникам, заправлявшим здесь.

— Чёрный рынок... — стоя среди десятков трупов в чёрных доспехах, склонилась она над ещё живым командиром. — Организация, которая заправляет в Никке... Вы, ублюдки, решили захватить её, чтобы подчинить город...

— О чём ты... — сквозь кровь и боль протянул мужчина, чей смятый шлем валялся в двух шагах. — А-А-А!!!

...и закричал от боли, пронзившей грудь. Ирис прошила доспехи насквозь, остановив

давление на рукоять.

— Я уничтожу её, — процедила она. — Уничтожу чёрный рынок. Все ваши планы... Весь бунт, который вы подняли — всё это пойдёт к чёрту. Говори, если хочешь жить...

Капитан имперского патруля вздрогнул, заглядывая в блестящие изумрудные глаза. Ветер трепыхал промокшие волосы, а глубокий шрам на щеке Ирис поглощал свет уличных фонарей, пряча его в абсолютной черноте. Мужчина не знал, кто она и откуда ей известны детали секретной операции в Никке, но он полностью отдавал себе отчёт в том, что эта девушка не собиралась с ним шутить.

— Ц... Церковь... Храм возле северной стены... Там... Аукцион... И все... Остальные...

— Спасибо, — кивнула ему Ирис, вынимая меч из груди. А затем подняла ногу, обрушивая сапог на лицо воина. Сплющивая то в лепёшку, так, что во все стороны брызнула кровь и остатки мозга. Никакого крика, только мерный звук дождя сопровождал ужасающую сцену.

Это то, что она была способна сделать. Чтобы защитить хотя бы тех, кто остался. Отомстить за людей, которые здесь погибли. Чувства от потери Фолла были перекрыты желанием мести в том формате, который был доступен для Ирис. Она была слишком слаба, чтобы уничтожить Империю, слишком слаба, чтобы помочь Фоллу в сражении против той твари, но здесь и сейчас ей было плевать, что именно делать. Всё, чего желало её истерзанное сердце — это ослабить боль, пронзившую его. Раз вариант был только один — она с удовольствием им воспользуется.

По тёмным пустым улицам брела Ирис, таща за собой клинок. Волосы спускались с плеч однородной массой, но даже так они не могли закрыть её глаза. Сталь со скрежетом волочилась по мостовой, пугая и без того ужаснувшихся кровавой расправой жильцов, оставшихся в своих домах. Но не столь пугал случайных наблюдателей внешний вид девушки, сколько её взгляд, сиявший зелёным в тенях, будто лик самой смерти. Ирис этого ещё не осознала, но с ней произошло явление, что чародеи по всему континенту называют эфирным резонансом. Он наступает, когда эмоции и чувства пользователя магии затмевают его разум. Не стоит путать его с берсерками — их ярость и кровожадность совершенно отличаются от того, через что проходила сейчас девушка.

Эфир в её теле тёк с непереносимой для волшебников скоростью. Контролировать такое состояние и вызывать его самостоятельно могли лишь лучшие из лучших — например, Фолл, чей боевой стиль частично строился на подобном усилении. Ирис не понимала, что с ней творилось, но ощущала силу, бившую из всех щелей. Конечно, это скажется на её психическом и физическом здоровье, как только эффект спадёт. Однако до тех пор, пока девушка не отключится или не умрёт, эфир будет наращивать скорость. Разогреваясь, усиливая чары и каждое движение.

Борозда в каменной дороге, которую оставляло за собой лезвие вслед за шагами Ирис, была тому наглядным подтверждением.

Кроме сумасшедшего вреда для организма, был у резонанса и ещё один минус. Мыслить здраво чародей с таким эффектом попросту не мог. Правда, зачем это было Ирис, кто уже поставил перед собой одну конкретную цель?

Пока остальные приходили в себя, плакали или кричали, Ирис добралась до церкви, возвышавшейся даже над местными роскошными особняками. Над двойной дверью висел знак церкви — скрещенные посох, меч, книга и лук на фоне щита. Знак объединения всех и

каждого человека, орка, гнома или эльфа в этом мире. Ага, как же.

Вошла Ирис, разумеется, без стука, ударив в центр створок ногой. Те слетели с петель, с шумом прокатившись пару метров вперёд, к скамьям, заполненным людьми в богатых одеждах. Платья, камзолы, фраки, хрустальные бокалы с вином в руках — любой бы понял, что перед ним зажиточная часть Никке. Вернее, те, кто был причастен к чёрному рынку и его делам с церковью. Остальные прятались в особняках — в конце концов, они считали храм не столь надёжным, сколь фамильное гнездо. Так, увидев на пороге вестника смерти с окровавленным клинком в руках, тщедушные богатеи заорали, вскакивая и убегая прочь, к каменному алтарю, за которым стоял священник в серых одеяниях. Переворачивались скамьи, падали грузные мужчины, вопили их жёны, бросая тех на произвол судьбы.

— Кто ты, дитя, потревожившее наш покой?

Громкий мужской голос прокатился по зале, отражаясь эхом в витражах, поблёскивавших узорами на стенах.

Ирис ему не ответила. Девушка прыгнула, не как воин, но как зверь, держа меч за рукоять обратным хватом, будто нож. Вновь раздались крики, ибо люди отчётливо видели в глазах незнакомки её намерение — и то заставляло их дрожать в ужасе. Они не знали, зачем, не знали, как, не знали, кто. Всё, что им осталось, это верить в силу старшего жреца, взявшего в обе руки свой массивный посох с белым камнем в наверху. Тот сверкнул, и Ирис, несшаяся вперёд на скорости, впечаталась лицом в полыхнувший синим ячеистый щит. Он, проявившись на мгновение, тут же исчез. Героиня, встряхнув головой, резанула клинком пространство перед собой.

Сотня голубых искр вспыхнула, взлетая в воздух, а следом медленно опадая на пол и на людей, застывших с раскрытыми ртами. Столкнувшись с поверхностью, искры исчезли, а священник, потерявший силуэт Ирис от неожиданной вспышки, потерял следом и свою голову. Девушка села за ним, сжимая клинок всё в том же положении. На лезвии была свежая алая кровь.

— ПОМОГИТЕ!

— КТО-НИБУДЬ!

— МИЛЛИОН ЗЛОТЫХ! Я ЗАПЛАЧУ! ОТПУСТИ МЕНЯ-Я-Я!!!

— ДА ТЫ ХОТЬ ЗНАЕШЬ, КТО Я ТАКОЙ?!

Бессмысленные вопли. Что просьбы о помощи, что просьбы о пощаде, что попытки выбить себе жизнь путём демонстрации собственной важности и значимости. Их деньги, их связи — всё перестало играть роль, как только Ирис поднялась, переходя к тому, что в простонародье называют...

Резнёй.

То, что планировал несколько месяцев Легион, было сделано Ирис за одну кровавую ночь. Она была грубо, но эффективно — даже артефакты, что носили на себе богатеи, не спасали их. Подоспевшие на помощь жрецы более младшего ранга, завидев ауру, исходившую от девушки, поспешно ретировались. Чёрный рынок пал, ибо пала его основа — те, кто был готов тратить здесь золото. Однако, и это не было концом тех смертей, что приносила своим оружием потерявшая себя Ирис. С каждой отнятой жизнью ей становилось легче, это да. Отступала боль, ровнее билось сердце, тише кричали мысли в голове.

После жрецов на крики и хрипы пришёл штурмовой отряд Золотой Империи, приехавший за соком общества, дабы увести его прочь из Никке. Два десятка отборных бойцов, закованных в чёрные доспехи с алыми символами государства, которому они

служили. Они вошли в храм, увидев только то, что осталось от богачей — истерзанные и обезглавленные трупы, усеявшие скамьи и пол залы. Кровь была повсюду — затмевала витражи, полностью охватила собой алтарь, испачкала трёхметровую картину святого, что находилась как раз за алтарём. Ирис, с ног до головы покрытая ею, повернулась на звук, хрипло зарывчав. Осталась последняя вещь, чтобы закончить её отчаянный крестовый поход.

Ради Фолла. Ради неё. Ради тех, кто погиб сегодня и тех, кто остался жить в ужасе.

Она сама не поняла, как то, что она делала, стало походило на то, что сделал бы герой.

В любом случае, имперцы, завидев труп старшего жреца, быстро поняли, что к чему.

— Ликвидировать, — отдал приказ капитан штурмового отряда, глядя на вставшую на четыре конечности девушку сквозь узкую щель забрала.

Надо сказать честно, против двух десятков латников у Ирис без её дара не было и шанса. Будь она в нормальном состоянии, то, скорей всего, отступила бы, сбежав в образовавшуюся дыру в одном из витражей. Туда вылетело чьё-то грузное тело. Но для текущей Ирис вид имперских доспехов только пробудил ещё больше жажду крови. Столь близкое чувство того, что перебив их, она сможет наконец-то выдохнуть спокойно. Поэтому девушка бросилась в атаку, уже полностью перейдя на "животную" манеру передвижения.

В несколько прыжков сократив дистанцию, она замахнулась клинком, в новом движении обрушивая его на стоявшего впереди всех мечника. Её встретил щит, в этот раз — настоящий, окованный железом округлый кусок дерева. И, как и раньше, Ирис налетела на него всем телом, отлетая назад и тут же вскакивая. Латник был уже рядом, замахиваясь своим мечом.

Ирис не боялась смерти. Сейчас для неё она стала бы избавлением.

Но вместо ожидаемого удара латник замер, с непониманием опустив голову в шлеме, с ужасом глядя на наконечник копья, пробившего его грудную клетку и вышедшего на несколько сантиметров с другой стороны. Вздрогнув, имперец рухнул на колени, а затем завалился набок, истекая кровью. Весь отряд синхронно обернулся, чтобы увидеть в свете редких уличных фонарей силуэты в тёмных одеждах. Их головы скрывали чёрные маски, а в руках они сжимали короткие клинки, кинжалы и копья.

— Ирис! — прозвучал знакомый хриплый голос откуда-то среди фигур. Те расступились, показывая на свет Маркуса, которого держали под обе руки его товарищи. Именно он, судя по сбитому дыханию, метнул копье. — Далеко же тебя занесло, малая!

— Кто вы? — грубо оборвал его приветствие капитан имперского отряда.

Маркус улыбнулся, сощуривая узкие глаза.

— Имя нам — Легион. И сегодня...

Вместе с ним закончили предложение остальные воины в чёрных одеждах.

— ВЫ УМРЁТЕ!

Так, чёрный рынок, церковь и Золотая Империя утратили своё влияние над Никке за одну страшную ночь. Все имперские маги, причастные к иллюзии, вызвавшей бунт в городе, были вырезаны тогда же. Император, проглядев через несколько дней отчёт о случившемся, пожал плечами, скомкал бумагу и запихнул её в нижний ящик рабочего стола. Для Сангвина маленькое поражение не означало ничего. В то же время Никке, выдохнув после всех событий, потрясших его, зажил тихо и относительно спокойно. Церковь прислала замену павшим в боях с бунтовщиками, имперцы, скрытно находившиеся в пределах стен, ретировались прочь, оставив за собой только канцелярское отделение. Закон и порядок были восстановлены, но последствий, обычно следовавших за бунтом в пределах земель Империи,

не было.

Никого не взвесили на фонарях и никого не казнили показательно на площади бедного западного района Никке.

Товарищи же, объединившись с Легионом, вернувшись, чтобы закончить запланированное, отправились в Ливиград.

Комодо Анко пошла с ними.

...Никто так и не узнал, что случилось с Фоллом. Смерть первого героя решили скрыть от общественности, увековечившей того в легендах и сказаниях. В какой-то степени он стал по-настоящему бессмертным — его помнили, его любили, почитали и уважали на одном уровне с Богом. К сожалению, время, действительно, приходит за всеми.

Скорбевшие вернулись к своим делам. Мира продолжила изучать чуму в землях гномов, Сангвин — заниматься делами Империи, ребята — тренироваться, чтобы стать сильнее. Так банально, скучно и просто. Но, как известно, пока сказка сказывается, пока герои идут вперёд, пока злодеи потирают руки, составляя очередные злые планы...

Ничто ещё не кончено.

Так, где-то в пути, прижимая к сердцу Летопись Бога, тряся в телеге Арт. Через мгновение он вскрикнул от удивления, перепугав товарищей и легионеров, что сидели рядом. Никому он, конечно, о причине своего крика не сказал. Только посмотрел на пустующее место на скамье, будто увидел там кого-то. Призрака, быть может?

— *Умерев столь легко, я не имел бы права называться сильнейшим... Мой дорогой ученик.*

Глава восьмая. Демон ста мечей

Восемь месяцев спустя.

Окрестности Ливиграда, парящего города.

Пятнадцатый парящий остров, Холм Единства.

— Плечо.

Свист клинка. Скрип зубов. Выдох.

Блок.

— Шея.

Судорожный вдох. Блок. Контратака.

— Пах.

Сокращение мышц. Шорох одежды. Свист ветра.

— Лицо.

Глухой звук удара ладони о рукоять. Возвращение в исходную стойку. Вертикальный разрез.

Разворот, вторящий движению корпуса. Блок.

— Я не сказал, что это будет живот.

Выдох. Капли пота, падающие на сухую землю.

— Молодец. Будь оппонентом шестёрка, он бы открылся, атакуя единственную уязвимую зону после твоего движения.

Чистое голубое небо над головой. Светлые белые потоки облаков, текущих куда-то по своим делам. Шелест деревьев на горе, журчание ключа, бьющего откуда-то с вершины. На вершине — один человек. Лёгкая рубашка, потёртые, во многих местах изношенные до дыр тренировочные штаны. Обуви на нём не было. Вся одежда пропиталась потом, прилипая к мускулам. Янтарь глаз блестел, глядя на камень в трёх шагах перед собой. Один из многих на этом парящем острове. Их было много — на горе, под горой, возле неё... Но там, где любое другое существо увидело бы просто камень, этот человек видел нечто особенное.

Он видел там мужчину в сером кимоно, рассевшемся на том камне, будто в роскошном кресле. Скрестив руки на груди и закинув ногу на ногу, черноволосый человек покачивал головой, решая, что сказать своему подопечному. Наконец, их взгляды встретились. Блеклый, едва различимый в серой плёнке, что окутала радужку, карий цвет не блестел на солнце, подобно другим, янтарным глазам.

— Хорошо постарался, Арт.

Парень кивнул, опускаясь на землю там же, где стоял. Вытянув ноги перед собой, он на мгновение закрыл глаза, отпуская эмоции, что, как обычно, пришли во время тренировки. Гнев. Удивление. Смятение. Печаль. Он проводил несколько часов от своей ежедневной рутины в этом странном занятии: занимаясь чем-то, что Фолл назвал "боем с тенью". Каждый день, без выходных. Со временем одна только мысль об отдыхе вызывала у парня отвращение — ибо каждый пропущенный день мог стать причиной его поражения в будущем. Но даже так он не мог не задаваться вопросами. Сможет ли он превзойти Фолла, первого героя? Сможет ли достичь того, чего не смог его наставник? Сможет ли стать настолько сильным, чтобы одолеть жнеца, что был призван в Крэйн Богом?

Фолл рассказал ему всё, о чём они говорили с Анко. Всё, что успел выяснить, и всё, что смог предположить.

— Ты стал лучше, надо признать, — откидываясь на камне чуть назад и подставляя лицо тёплым солнечным лучам, протянул первый герой. — Закончим тренировку базовых движений пораньше. Всё-таки сегодня у тебя совместная тренировка с наставниками.

— Хорошо, — кивнул парень, поднимаясь с земли и отряхивая штаны от пыли. — Фолл... Ты уверен, что им не стоит знать?

— Я точно начну считать, в который раз ты спрашиваешь меня об этом, — тихонько вздохнул первый герой. — Сад меня уже похоронил. Не стоит тревожить мертвецов.

— Но ты жив.

— Жив ли?

Фолл встал с камня. Затем замахнулся, ударяя тот ребром ладони. Его рука прошла сквозь породу, утонув в ней практически полностью. Он вынул её, демонстративно поднимая вверх. Ткнул на неё пальцем второй руки.

— Это — живой? Я... Всего лишь остаточное изображение, мой дорогой ученик. Огромная куча серого эфира, заложенная в артефакте. Как только иссякнет энергия, я исчезну. Это не бессмертие и не вторая жизнь.

Разумеется, Арт об этом знал. И разумеется, лучше ему от этого не становилось. Тот Фолл, что стоял перед ним, не отличался от того, что погиб, защищая их. Он хранил в себе волю, личность и память прошлого себя — всё, что есть в человеке, записанное на эквивалент плёнки в мире меча и магии. Так как владельцем Летописи Бога теперь был Арт, то и видеть и слышать Фолла мог только он. Подумать только, что первый герой предусмотрел вероятность собственной смерти. Тем не менее, сердце добродушного паренька разрывалось на части. Видеть своего наставника, слышать его речь, разговаривать с ним, когда его тело уже предано земле... Это было до ужаса печально. Ведь от того становилось только хуже — от знания того, что и этот контакт рано или поздно оборвётся.

Что до остальных?

Ирис и Лорелеи занимались на соседнем парящем острове. Старшая сестра была одной из немногих среди тех, кто навещал Арта. Ещё была пара учителей, приглашённых изначально Фоллом. Они с Ирис практически не говорили о том, что случилось в Никке. Ни о смерти Фолла, ни о резне, которую она устроила в восточной части города. Оба названных родственника изменились после тех событий, и никто особо этого не скрывал. Арт практически перестал говорить, закрывшись в себе, Ирис, наоборот, решила погрузиться в дела этого мира полностью. Кажется, сейчас она уже находилась в ранге капитана в организации Сада. Маркус, что иногда приходил сюда вместе с ней, шутил о том, что у девушки появилось раздвоение личности.

Одна была приветливой, хоть и грубоватой особой, не признававшей никакой власти над собой и следовавшей только тому, что говорит ей сердце.

Вторая была кровожадной и яростной фурией, что обрушивала на противника ад во время сражения. Будь то чудовища, разбойники, бандиты, культисты, сошедшие с ума — она не делала исключений.

За шесть месяцев обучения и продвижения по рангам в рядах Сада Ирис заслужила прозвище "Джокер Легиона", ибо постоянно работала именно с этим кланом убийц, хотя в организации было несколько подобных. За её тренировки отвечал Йоран, глава Легиона и один из лидеров Сада. Лорелеи помогала ей в продвижении по пути чародея. За Артом присматривала Эсмеральда, орк из племени Зурукхай. Весьма странное распределение — яростную и безжалостную Ирис наставлял холодный и спокойный убийца, а тихим и

молчаливым Артом занималась представительница одной из самых буйных рас на континенте. Никому, вероятно, кроме самого Фолла, было неизвестно, почему они решили распределиться именно так.

Раз в месяц наставники проводили совместную тренировку для каждого из учеников в отдельности. В частности, в неё был включён спарринг. Эсмеральда против Ирис, Арт против Йорана. Когда это случилось впервые, ребята наконец-то поняли, кто были эти странные личности, коим доверил их обучение первый герой. Никакая ярость не была способна сравниться с той, что показывала во время схватки Эсмеральда, и никакие уловки или трюки не могли обмануть Йорана. Они были стенами, которые за шесть долгих месяцев тяжёлой работы ни один из учеников не смог преодолеть. И не удивительно — что первая, что второй оценивались Фоллом в восемь баллов из десяти.

В свободное от занятий время Арта с Ирис навещала Комодо Анко. Чародейка приносила книги, деликатесы из города и свежие новости. Никто не спрашивал, почему она до сих пор тут. Никто не гнал её прочь, хотя Ирис явно выказывала своё презрение. Лидеры, да и практически весь Сад, знал, кто она такая. Как и знали они о том, что эта женщина сражалась с Фоллом бок о бок до самой его смерти. Каким бы ни было их собственное отношение к ней, сейчас оно не являлось приоритетным. Раз Анко решила остаться и помочь, то пускай будет так. С Ирис и Лорелеи Анко говорила о магии, изредка давая советы в том или ином её аспекте. Несмотря на то, что Ирис её на дух не переносила, даже она признавала, что советы чародейки давала дельные. Так, обе волшебницы росли над собой, пробивая потолок за потолком.

С Артом ситуация сложилась иначе. Он был до ужаса немногословен даже с близкими — а уж в разговорах с Анко вообще говорил по слову на предложение. Поэтому они общались через Кирагаса — единственного, кто был с парнем постоянно, двадцать четыре часа в сутки.

— Тебе не стоит унывать о ком-то вроде меня, парень, — хмыкнул Фолл, подходя к Арту поближе. Положив руку на его плечо, он улыбнулся. — Сосредоточься на том, что сейчас по-настоящему важно.

— Да, — на выдохе ответил парень.

Земля под его ногами была испещрена сотнями порезов, оставленных клинком. Порой едва заметных, а порой настолько глубоких, что доходили до камня на глубине в метр с небольшим. Здесь же находились бесчисленные следы обуви и босых ног — они сливались воедино, завершая картину тренировочной площадки. За спиной Арта стоял лес — многовековые дубы и заросли, что образовали глухие джунгли, без знания нужной тропы в которых можно было легко потеряться. Не зря этот парящий остров назывался Холмом Единства. Тот лес облюбовал эльф, поселившись где-то в его глубине. Сам парень проживал в хибарке — пять минут по протоптанной дорожке от тренировочного поля. Куча сброшенного в одно место сена служила ему кроватью, старая бочка, что ловила ежедневные дожди — умывальником. Сад был готов предоставить куда более комфортные условия, но Арт, следуя совету Фолла, отказался.

И уже спустя полгода понял, почему его учитель попросил его так поступить.

— Арт! — раздалось откуда-то из зарослей. Парень повернулся на голос, опираясь на клинок, что упёр в землю.

Трава разошлась, показывая на свет знакомую растрёпанную шевелюру. Бледно-зелёные просторные одежды скрывали Кирагаса так, что и умелый следопыт не различил бы. Кивнув

товарищу, Арт перевёл взгляд на вышедшую вслед за ним Анко. Чародейка шла, спрятав руки в карманы своего нового пальто. Чёрного, с высоким воротником, достигавшим уровня лица. На сапогах скопилась дорожная грязь и трава.

Её парень встретил молчаливо, стараясь не смотреть в сторону Фолла, устремившегося вперёд. На мгновение он встал перед Анко, и та замерла, словно ощутив дисгармонию. Помотав головой, чародейка поправила очки, проходя сквозь первого героя. Услышав тяжёлый вздох, Арт перестал отслеживать перемещение наставника, сосредоточившись на посетителях.

— Ты вырос, мальчик, — проговорила Анко, слегка наклонив голову. — Фолл был прав, выбрав тебя. Моей силы воли не хватило бы даже на пару недель.

— Спасибо, — сухо ответил Арт на комплимент, вариациями которого женщина сыпала во время каждой из их встреч. — Кирагас, скоро придут учителя. Встреть их, пожалуйста.

— Да, господин, — склонился эльф. А затем скрылся в зарослях без единого звука. Парень заметил Фолла, вставшего за спиной Анко. Первый герой скрестил руки на груди, сверля взглядом затылок старой боевой подруги.

— Как... Сестра?

Анко всегда навещала его после встречи с Ирис.

— Как обычно, — Анко неуверенно пожала плечами. — Празднует завершение двадцатой миссии. Такое чувство, будто на её острове собралась половина Сада.

— Ясно, — кивнул парень, поднимая меч на плечо. — Прогуляемся.

— У тебя есть, что мне сказать? — бросила ему в спину Анко. Впрочем, без дальнейших пререканий начиная движение прочь с тренировочной поляны, к тропинке, что убегала в лес с другой стороны. Там было куда просторней, никаких зарослей или могучих деревьев — только мелкие кустарники и тонкие берёзы. — Редкое явление.

— Что должно произойти с миром, чтобы она перестала язвить..? — донёсся до ушей Арта очередной вздох Фолла. Парень ухмыльнулся, постаравшись не выдать свою усмешку звуком.

— Для начала — новости, — уверенно произнёс последний герой, первым вступая на извилистую тропу, проложенную чьими-то сапогами задолго до него.

— На континенте беспокойно, — начала Анко, мельком оглядывая тренировочную поляну и что-то прикидывая в своей голове. — Империя захлёбывается в проблемах своих вассалах. Гномы просят помощи с очередной чумой в своих шахтах, Ливиград просит разобраться с террористическими актами, до сих пор гремящими в самом сердце города. Сенстония наращивает военную мощь, ей в тайне помогает Доран... Кто-то может сказать, что назревает новая большая война. В такое-то время, а!

— А церковь?

— Сангвин могущественен, но даже ему не закрыть рты всем, — с лёгкой улыбкой продолжила чародейка. Она улыбалась, ибо со временем даже столь зелёный и ни черта не понимающий в политике юнец стал задавать правильные вопросы. Этот — один из них. — Машина пропаганды церкви Единого Бога сменила свой курс. Не знаю, выяснили ли они что-то в своих исследованиях возле Никке, или кто-то другой слил им информацию... Так или иначе, отовсюду повыскакивали пророки с возгласами о грядущем конце света. Хорошо хоть ковчег не просят строить...

— Значит, время уходит.

— Именно так, мальчик. Бежит сквозь пальцы, как корабли, словно облака, подобно

теньям. В Ливиграде будет ещё какое-то время безопасно. Может, месяц или два. Потом волнения захлестнут город. На границах Империи люди уже паникуют — правда, до массовых беспорядков ещё не дошло.

Фолл поравнялся с Артом, уверенно проходя сквозь кусты и деревца на своём пути.

— Я думаю, пришла пора тебе встретиться с тем, кто выкует тебе меч.

— Эсмеральда и Йоран говорят, что я всё ещё не достоин оружия драконов, — монотонно отметил Арт, поворачивая на перекрёстке направо. Впереди уже маячил краешек полусгнившей постройкой.

— А как ты понимаешь это самое "достоин"?

Арт замолчал, раздумывая над ответом. Анко, чувствуя его замешательство, встряла в размышления.

— Драконы бывают разные, мальчик. Кто-то уважает исключительно грубую силу, и не покорится, если ты хоть на йоту слабее. Для кого-то важны мудрость и знания — такие ни за что не склонятся перед глупцом, сколько бы силы у него не было. Скорей умрут. Другие смотрят на то, что у тебя в сердце. Сколь умел, хитёр и мудр бы ни был претендент... Если он возьмёт оружие, выкованное из яйца дракона, с дурными намерениями — пиши пропало. Печально только то, что я не знаю, какой дракон поджидает тебя. Не знают этого и твои наставники... Но я хочу, чтобы ты рискнул. Помнишь же — чем быстрее ты станешь сильнее, тем выше наши шансы на выживание.

— Помню, — сказал Арт, выходя на небольшой кусок пустоши перед хибарой. Подойдя к чёрной бочке возле зиявшего дверного проёма, опёрся на неё, окуная в прохладную воду голову. Умывшись и кое-как избавившись от ветра в сознании после тренировки, парень опустился на порог, приставив клинок к косяку.

Анко встала рядом, из вежливости оглядывая местность, в которой последний герой жил последние шесть месяцев. Обычно она бы начала пялиться на него, словно желая вывернуть душу наизнанку. Видимо, сегодня было сделано исключение, ибо у чародейки была просьба. Которую она уже озвучила.

Возможно, озвучила.

— Ну, пойдёшь ты или нет — дело твоё. Адрес узнаешь у Кирагаса.

— У тебя всё?

Анко чуть вздрогнула, сдерживая агрессию, мгновенно вспыхнувшую в ней. Никто не мог обращаться с этой чародейкой столь грубо и легкомысленно. Никому это не прощалось, а обиды Анко не забывала. Единственным, с чьим обращением она мирилась, был Фолл. Арт во многом напоминал ей его — то, каким спокойным парень оставался вне зависимости от ситуации, то как держал себя в разговоре с ней, то, сколь упорен он был, сколь целеустремлён и убеждён в том, что каждое его действие — верное.

— Нет, — на выдохе протянула Анко. — Ирис приглашает тебя на праздник. Они будут на острове Синих Фонарей ещё пару дней. Кроме неё, там сейчас Лорелеи, Маркус, твой знакомый, а также ещё одна личность, с которой я бы рекомендовала тебе познакомиться. Крон Изгнанник, один из восьми лидеров Сада.

— Старый пердун нашёл время, чтобы заглянуть в Ливиград? — со смесью удивления и радости откликнулся на её слова Фолл. Однако, посмотрев за молчуна Арта, кашлянул, сбавляя обороты. — Кхм... Поступай, как знаешь. После тренировки с наставниками у тебя всё равно будет полдня свободного времени. Обычно ты бы потратил его на дальнейшие занятия и на практику своего дара, но...

— Я понял, — ответил обоим последний герой. — Два дня. Я навещу сестру и остальных в течение двух дней.

— Хорошо, — преувеличенно равнодушно кивнула ему Анко. Поправив очки, заглянула парню в глаза. — У меня что-то на лице?

— Нет, нет, — помотал головой Арт — он отвлёкся и посмотрел на Фолла, вставшего за левым плечом чародейки. — Благодарю. Если это всё — Кирагас проводит тебя обратно.

— Странный ты, — искренне призналась женщина ему. — Как не приду, кажется, как будто ты где-то потерялся. Смотришь в одну точку в случайном направлении. У тебя, случайно, новых провалов в памяти не было?

— Детектив, — со смехом протянул Фолл. — Йоран с Эсси даже не подозревают ничего, а она вон — догадывается. Не подавай ей лишних поводов грузить тебя вопросами дальше. Отвечай твёрдо и уверенно. Лучше — глядя в глаза.

Так Арт и поступил.

— Нет.

Сощурившись, Анко на какое-то время сверлила его взглядом. Следом, легонько вздохнув, махнула рукой в знакомой чёрной перчатке.

— Как хочешь. Вернусь через месяц.

Как только чародейка исчезла из поля зрения, Фолл подошёл к парню, хитро тому подмигнув.

— Приводи себя в порядок и возвращайся на тренировочное поле. Я пока подумаю, что нам делать с делами политическими...

— Нам?

— Я. Не. В. Состоянии. Коммуницировать.

— Прости, — выдохнул Арт, поднимаясь с порога и заходя в хибару.

Стол с тремя ножками. Стул с дыркой в сиденье. Мешок картошки в углу, рядом с "кроватью". Фолл научил парня вышивать — и несколько таких мешков превратили кучу соломы в скромный матрас. По углам стояло снаряжение — манекен, одетый в кожаную броню с металлическими вставками, короткий меч в ножнах возле него, простенький лук, болтавшийся на плече деревянного болванчика. Колчан, полный самодельных стрел, покоился рядом. В руках обычного человека каждое из орудий было довольно слабым — меч выглядел старым и изношенным, то же самое касалось и лука, чья тетива выглядела так, словно вот-вот была готова порваться. Однако, в руках Арта, чьё владение эфиром выросло с простеньких заклинаний до применения ауры, эти предметы были способны пробивать магические щиты и рубить тела чудовищ.

Тренируясь с луком, последний герой тренировал скорость прочтения чар. Тренируясь с мечом, тренировал свою выносливость и контроль эфира. Фолл описывал эти занятия как две стороны одной монеты.

Скорость и сила — две составляющие как нападения, так и защиты.

Фолл окликнул Арта с дверного проёма.

— Давай договоримся — в этот раз без эфирного ускорения. Мне искренне доставляет видеть шок на лицах твоих наставников, но ты не умеешь контролировать эту технику.

Эфирное ускорение. Техника, которую изобрёл Фолл. Она же — способ, в теории дающий чародею или воину бесконечную силу. Чем быстрее течёт эфир по телу или вокруг его — тем сильнее становятся чары, тем лучше становится восприятие, тем быстрее двигается тело и тем больнее бьёт оружие в руках его владельца. Разумеется, чем больше

объём перемещаемого эфира, тем сложнее эту технику применять. Поэтому необходимо "спрессовать" эфир, сделать его настолько плотным, насколько возможно. Сделать всё это без идеального контроля и понимания сей энергии не представляется возможным, поэтому никто на всём континенте не использует метод Фолла.

Слишком рискованно. Тем более для применения в бою, когда вовсю бьёт адреналин.

Да и помимо этой техники, Фолл использовал несколько второстепенных.

— Ты ведь сам говорил мне, что её можно и нужно использовать только против в разы превышающего моей предел противника, — справедливо заметил Арт, доставая из мешка одну картофелину среднего размера. Сев за стол, подбросил её на ладони — та подвисла в воздухе, а из середины ладони последнего героя ударило пламя, обхватившее овощ.

— Тебе повезло, что никто из этих двоих ничего не понял, — вздохнул первый герой. — Иначе тебе пришлось бы ответить на очень много вопросов.

— Ну... Ладно. Я не могу полагаться только на твою силу.

— Правильные мысли, дорогой ученик!

Арт кивнул, вгрызаясь в запечённую картошку. Помимо боевых, у эфира было множество бытовых применений. Например, можно было резко понизить чувствительность полости рта, спокойно обедая только что приготовленной едой. Правда, иногда можно забыться и начать пожирать свой язык. После одного такого инцидента Фолла обучил паренька направленному исцелению. Конечно, конечно, не восстановит, но потерянный палец или покорёженный собственными зубами язык — вполне.

Закончив с едой, парень, как обычно, замолчал, витая в собственных мыслях.

— Фолл... У тебя была семья?

— Ты имеешь в виду...

— До того, как ты попал в Крэйн.

Как-то не принято было задавать такие вопросы. Все, кто был знаком с героями, прекрасно понимали, что эти люди могли потерять. Точнее, кого. Те, кто остались там, в другом мире. Близкие, родные, любимые, быть может. Однако Арт, будучи молодым, задавал такие вопросы в лоб, не стесняясь. Наверно, потому что доверял своему наставнику даже после всего, что случилось.

— Семья... Наверно, слишком громко было бы назвать это семьёй.

Голос Фолла изменился. Стал тише, язвительней. В нём сквозили осколки ненависти — ненависти и... Понимания.

— У меня есть брат. Старший. До сих пор, наверно, на мир через решётку смотрит...

— Он в тюрьме? — удивился Арт.

Фолл посмотрел парню в глаза. В тусклых серых глазах первого героя полыхнула столь глубокая боль, что Арт невольно вздрогнул.

— Порой то, что мы, люди, совершаем, выглядит со стороны как нечто... Плохое. Начни мы оправдываться, другие будут подозревать нас ещё больше. Даже если причины были справедливы, Арт... Сущность поступков это не изменит. Это горькая правда того, во что ты так веришь.

— Я не понимаю...

— Моя семья, та, которая была — состояла из ужасных, отвратительных созданий. Отец — чиновник, мать — "дипломированный экстрасенс". Первый свёл в могилу своего брата, моего дядю, обманов заставив того заложить квартиру и вложить всё, что было, в один банк, который крышевал. Вторая "перебила" бабушек с дедушками — тонна средств,

восстанавливающих энергетику, всякие пищевые добавки, пробуждающие дух... Пищевое отравление, суицид, инсульт. За десять лет, за которые мне стукнуло восемнадцать, в семье остались только я, мой брат, да эти двое.

Арт молчал, сжимая кулаки.

— Брат... Ну, он всегда был вспыльчивым. А ещё дотошным — всегда понимал, когда я притворялся спящим... Вот во сне он их и перебил. Когда узнал, что они сделали с телом дяди. Ты бы знал, сколько извращенцев готовы купить труп в хорошем состоянии...

— Я зря спросил, Фолл. Извини.

— Нет, пускай это будет тебе уроком, — помотал головой Фолл. — Когда общественность узнала, на него обрушилось столько ненависти, сколько вам с Ирис и не снилось. Разумеется, тюрьма, разумеется, максимальный срок. Никто не стал копать — "друзья" отца быстро закрыли дело. Да и плевать всем было, Арт. Вот тебе мораль. Не важно, какие у тебя были причины — если суть поступка ужасна, то и остальные увидят его таким. Нет красивой и чистой справедливости, как в сказках, чтоб добро восторжествовало, а зло было побеждено.

Арт смотрел в пол, переваривая сказанное.

— На то и есть сказки, — кашлянул Фолл. — Готов ли ты к тому, что мир увидит тебя злодеем, когда ты поступаешь, как герой? Будем надеяться, что ответ на этот вопрос ты не получишь.

Первый герой развернулся, ступая прочь.

— Иди. Тебя уже, скорей всего, ждут.

— Я запомню, — с полыхавшими в глазах эмоциями сказал Арт. Затем поднялся, выходя прочь из хибары.

Фолл за ним не последовал.

Спустя пять тихих минут снаружи раздался голос. Судя по звуку, принадлежал он мужчине средних лет, отчётливо ощущавшего, что хибара так и не осталась пустой.

— Дух, призрак, демон, неуспокоенная душа... Я всё гадал, что за странные эманации исходят с пятнадцатого острова. Кто бы мог подумать, что это будешь ты...

Фолл встал, медленным шагом выходя наружу. Там, на одном из поваленных брёвен, сидел человек, державший в руках трость. Там была воткнута в землю, поддерживая его спину. На человеке был светло-зелёный плащ с золотым обрамлением, поблёскивавшим при свете солнца. Фолл ухмыльнулся, подходя к человеку поближе.

— Ты вовремя, Скай.

— Ха! — первый герой этого не видел, но знал, что человек улыбнулся. — Зовёшь меня по имени, смертный? После всего, что ты сделал?

— Ты и так знаешь, что у меня не было выбора, — выдохнул Фолл, садясь на бревно рядом с мужчиной, чьё лицо скрывал навес капюшона. — Давай избавим друг друга от ненужных приветствий и нежностей и перейдём сразу к делу.

— Делу? — хмыкнуло нечто, что Фолл назвал Скаем. — Какое дело может быть у тебя, Фолл, ко мне? Смертный, драконам не сняться сны... Но я до сих пор вижу в кошмарах истерзанные тела моих братьев и сестёр. Их горячая кровь, мои сломанные крылья... И ты, в центре всего это. Ты, и этот... Это.

— Какой уже раз мы ведём с тобой этот разговор? — устало протянул Фолл. — В десятый? В десятитысячный?

Дракон-хранитель Ливиграда замолчал, смотря на хибарку, на лес вокруг неё, на чистое,

голубое небо над нею. Разумеется, его взор убежал куда дальше этого острова и даже этих земель — ибо только бирюзовые драконы способны видеть дальше остальных. Дальше сильных этого мира, дальше самых могучих волшебников времени. В их жилах течёт чистый серый эфир — высшая форма воплощения энергии, материальная. Ни один человек, орк, гном или эльф не способен превзойти этих великих существ.

И только эти существа из мира смертных способны по-настоящему повернуть время вспять.

Однако, есть такая поговорка. Меньше знаешь — крепче спишь.

— Я впервые вижу тебя мёртвым, первый герой.

— Хоть что-то новое.

— Это — твоё решение? После всего, что было? После всего, что ты перепробовал?

— Не могу сказать точно, но да. Я слишком много вмешивался. Пускай события пойдут... Как пойдут.

— Хочешь стать наблюдателем? — слегка повернул голову дракон. — Этого от тебя и ждёт Он.

— Вот здесь, как мне кажется, мы с тобой и ошиблись, — смотря туда же, куда и Скай, произнёс Фолл. — Свяжав меня, Бог хотел, чтобы я действовал против его воли. Он знал, что я не оставлю так просто его деяния. Но что, если всё проще? Что, если мне просто нужно быть настолько пассивным, насколько возможно?

— Катастрофа грядёт, — положил вторую ладонь на трость Скай. — И мы не сможем это предотвратить. Когда твои воспоминания ожили?

— Как только мы прибыли в Ливиград.

— И ты всё равно не рассказал никому? Мира, Анко, Сад...

— Как я и сказал — наблюдение и только.

— Я знаю ещё одно существо, которое только и делает, что смотрит на нас свыше. Ни к чему хорошему его пассивность не приводит. Никогда.

— Меня всегда удивляла параллель между мудростью и депрессией. Если ты всё знаешь, Скай, то почему боишься попробовать что-то новое? Когда это великие и могучие существа бросали всё, посвящая себя унынию и пессимизму?

— Мы в одном шторме, Фолл. Но в разных лодках. Если не сделаешь ход ты...

Без звука и без предупреждения капюшон дракона слетел, а у его горла оказался мерцающий серебристый клинок. Фолл стоял перед ним, и на лице первого героя отражалось непоколебимое бесстрашие.

— Даже если я сгусток серого эфира, Скай, я всё ещё могу тебя прикончить. Не вынуждай меня лить кровь там, где этого можно было избежать.

Густые кудрявые волосы дёрнулись, когда мужчина, опираясь на трость, поднялся, игнорируя клинок, двинувшийся вместе с ним. В бирюзовых глазах бушевала буря — они сверкали, сверля взглядом Фолла.

— Ты потратишь всё, что у тебя есть, на сражение со мной. Ты и впрямь настолько сумасшедший?

— Проверь, — сощурился первый герой. — Не стану повторять дважды. Вмещаешься — и твоя голова слетит первой.

— Мы все умрём... — вырвался через минуту вздох со стороны дракона мудрости. — Снова.

— Если я прав, то этого не случится, — пожал плечами Фолл, развеивая меч.

— Ты и раньше так говорил. Фолл, ты не думал, что это — наша судьба? Быть погребёнными в пасти катастрофы...

— Опять пессимизм. Ты дракон или недовымерший эмо?

— Кто?

— А-а, не важно, — махнул рукой первый герой. — Думал, конечно. Но если это — судьба, то почему мы можем её изменить?

— А кто сказал, что мы вообще можем? — с очередным вздохом спросил Скай.

— Он, — тихо ответил Фолл. — В последний раз, перед своей смертью, он сказал, что мы можем всё исправить. Мы можем победить катастрофу.

— М-м... — задумался дракон. — Даже жаль, что Он этих слов не вспомнит. Что ж, хорошо. Да будет так. Делай, что должен, первый герой.

— Вот и ладошки. Теперь к делам насущным... Сколько, Скай, у нас в этот раз игроков? Сколько сейчас тех, кто сохранил воспоминания несбывшегося будущего?

— Несколько, — тут же произнёс мужчина.

Фолл вздрогнул, скрипнув зубами.

— Кто?

— Кроме нас с тобой и катастрофы есть ещё кто-то. Это не Господь, очевидно. Кто-то четвёртый.

— А кроме меня ты передавал кому-то свою кровь? — напряжение в голосе первого героя можно было резать ножом — настолько плотным и сильным оно было.

— Нет, я бы запомнил.

— Тогда ты случайно забыл мне рассказать, что у тебя есть другой знакомый бирюзовый дракон?

— Нет, Фолл, я последний из своего рода.

— Бессмыслица какая-то... — выдохнул Фолл. — С другой стороны — надо ли говорить, что я был прав? Этот раз — особенный. Что-то в этот раз будет не так, как раньше. И у меня всё ещё не идёт из головы гибель норн — этого тоже ещё ни разу не случилось.

— Как всегда, всё, что у нас остаётся — это надежда... — буднично произнёс Скай, пряча руки в карманы накидки и выходя вперёд. Фолл не двинулся с места, посмотрев в спину старому товарищу. — Дитя, которое ты взял под свою опеку, первый герой... Уверен ли ты, что он способен уничтожить то, что не сумели мы? Не сумел обратить Господь, не сумел одолеть ты, не получилось сдержать у Сада? Герои и злодеи Крэйна умирали, сражаясь изо всех сил... И даже объединяясь, мы не смогли это сделать. Чем он отличается от нас?

Фолл не ответил.

— Ты и сам не знаешь. Первый герой, ты ставишь всё на одну карту, надеясь, что она принесёт победу в заведомо проигрышной игре.

— Ты сам это сказал. Всё, что у нас осталось — это надежда.

Голос Фолла был тих. В нём не было уверенности или спокойствия, только тёмная и болючая обречённость.

— Э-ах... — выдохнул бирюзовый дракон. — Не знаю, что ты в нём увидел. Но это первый случай, когда ты рассказал кому-то о том, что оставил в своём мире. Могу я узнать, зачем?

— Зачем посвятил Арта..? — задумчиво переспросил Фолл. — Возможно, просто захотелось. Он ведь первый спросил меня.

— Ясно... Фолл, — Скай поднял голову, взглянув на небеса. — Я сожалею, что ты застрял здесь вместе со мной. Поэтому, как бы не повернулся этот раз... — дракон обернулся, заглядывая первому герою в глаза. — Я последую за тобой до конца.

— Даже если я опять решу уничтожить твой род?

— Ты уже понял, что даже с силой драконьих сердец катастрофу не одолеть. К чему проливать кровь вновь?

Фолл хмыкнул, кивая хранителю Ливиграда.

— Хорошо. Спасибо, Скай. Быть может, наши лодки ближе, чем кажется.

— Быть может, — улыбнулся, обнажая два ряда заострённых зубов, мужчина. — До встречи, первый герой. Надеюсь, не последней.

— До встречи, хранитель.

И Фолл, и Скай, в последний раз взглянув друг на друга, испарились в воздухе.

На некотором расстоянии от места их разговора, на тренировочном пустыре, усеянном следами от клинка, уже разговаривали Арт, Йоран и Эсмеральда. После стандартного обмена поклонами они приступили к обсуждению будущего поединка — спарринга с лидером Легиона.

Йоран был высоким мужчиной азиатской внешности, с длинными чёрными волосами, спадавшими ниже уровня плеч, и холодными синими глазами. Через левый его глаз проходил глубокий шрам, частично закрытый тёмной повязкой. Одет он был в чёрное кимоно; сейчас, правда, его верх был скинут, обнажая испещрённое шрамами в меру мускулистое тело. У Йорана не было излишней накачанности, наоборот, его тело было сложено аккуратно, будто бы в идеальных пропорциях. Одного взгляда хватало, чтобы понять, насколько один из лидеров Сада был крепок. Обычная сталь не оставляла на его коже и следа — это Арт понял, всё-таки достав своего учителя в одном из ежемесячных поединков.

Рядом с Йораном, закинув огромную секиру на плечо, стоял ещё один наставник. Эсмеральда, воительница из расы орков. Впрочем, она не была чистокровным представителем суровой зеленокожей расы — её мать принадлежала к человеческому роду. Наверно, поэтому женщина была столь красива, несмотря на слегка выдвинутую вперёд челюсть, из-за чего один из её клыков был постоянно обнажён, соприкасаясь с верхней губой. Средней длины русые волосы слегка трепыхались на ветру, бродившем на пятнадцатом острове. Никто бы не смог распознать её натуру, взглянув в блестящие фиолетовые глаза.

Да, Эсмеральда была прекрасна, и даже общая массивность её фигуры, присущая оркам, не могла это скрыть.

— Говоришь, сегодня полегче? — задумчиво спросила воительница. Даже когда она говорила спокойно, её голос разносился эхом по всему острову. — Арт, мы не сможем продвинуться в твоём обучении, если вдруг резко начнём снижать сложность поединка. Скажи, ледышка?

— Она права, — приседая рядом с разложенной курткой от кимоно, ответил Йоран. Его сухой и безжизненный голос можно было назвать по-настоящему безэмоциональным. — Редкость. Ученик, готовься.

— Что я пропустил? — сперва показавшись на глаза Арту, и только затем задав вопрос, произнёс Фолл. — Арт, неужели ты боишься, что Йоран тебя в порошок сотрёт без эфирного ускорения?

— Эй, ледышка! — хоть слова Эсмеральды прозвучали возмущённо, её улыбка с головой выдавала тот факт, что воительница давно привыкла к их с Йораном, мягко сказать, противостоянию. — Эх, ладно. Бери меч, Арт. Начнём с демонстрации.

— Да, учитель, — поклонился парень ей, повернувшись, чтобы отойти.

— Если хорошо себя сегодня проявишь, этой ночью я награжу тебя чем-то особенным, — тихо добавила Эсмеральда.

Кончики ушей повернувшегося к ней спиной парня заалели. Он продолжил движение, отходя на почтительное расстояние от молчаливо проверявшего своё снаряжение Йорана и улыбавшейся, как ни в чём не бывало, второй наставницы.

Фолл присвистнул, сдерживая смех. Конечно, для него не было секретом, что кое-кто кое с кем спал. Более того, он даже подтолкнул Арта к подобному решению, мотивируя это тем, что постоянная жизнь в уединении без женского тепла сведёт того с ума. Жить одними тренировками и скудной едой попросту невозможно. А у Эсси были и опыт, и время, и возможность. Разумеется, всё случилось только после полного согласия со стороны Арта. Фолл сказал, что если тот решительно откажется, то заставлять его никто не станет. В конце концов, Арт мог посвятить своё сердце кому-то из тех, кого встретил во время своей жизни в Крэйне.

Что ж, что случилось, то случилось.

Наконец, оба участника демонстрации встали друг напротив друга. Примерно три метра разделяло их — изувеченного шрамами мужчину с катаной в ножнах и парня с обычным клинком средней длины в обеих руках. Демонстрация служила проверкой продвижения самостоятельного обучения Арта — проверкой того, насколько он освоил сто мечей.

Демон ста мечей. Это первое прозвище, которое получил Фолл за время своих странствий по Авроре: где-то спустя пять лет. Путешествуя по континенту, он встречал множество удивительных личностей — в том числе и тех, кто посвятил свою жизнь клинку. Переняв у них основы, Фолл начал изобретать собственные техники, связанные непосредственно с мечом. И каждому такому "мечу" он давал своё название — до тех пор, пока их число не достигло сотни. Чем дольше он развивался, тем ужасающей и сложней становились эти техники. Так, в сражении с океанским народом первый герой показал все сто мечей, оказавшись в окружении. О той битве до сих пор слагают песни и легенды — столь поразительной и невероятной она была.

Постепенно Фолл отошёл от дел, занявшись магией. Но техники, с тех пор получившие собственные имена, не растеряли былой мощи. Поэтому для Арта, тяготевшего больше к клинку, нежели к волшебству, не было возможности для развития лучше, чем изучение ста мечей.

Разумеется, для идеального исполнения хотя бы одного из мечей было несколько требований. Поэтому парень неустанно тренировал свой эфирный контроль наравне с телом — всё для того, чтобы быть способным выполнить техники правильно.

Полностью овладев техниками Фолла, Арт, по словам первого героя, должен быть способен одолеть Сангвина. Однако, для катастрофы этого было недостаточно. Понимал это и сам парень, заранее готовя себя к ещё более серьёзным тренировкам.

— Учитель, — поклонился он Йорану. Тот повторил его действие, тут же вставая в боевую стойку, вытягивая руку, сжимавшую катану, вперёд. — Что мне показать сегодня?

— Тринадцать, двадцать один, семьдесят три, — монотонно произнёс лидер Легиона, не моргая. Его холодный взгляд мог испугать даже бывалых воинов, но для Арта,

привыкшего к нему, он не нёс никакого эффекта.

— Он просит показать Хвост Дракона, — хмыкнул Фолл, сидевший в позе лотоса за спиной Арта. — Не забывай менять положение спины, когда делаешь шаг вперёд. Следи за направлением носков и пяток — особенно в конце.

— Понял, — кивнул Арт, притягивая меч поближе к груди. — Тринадцатый меч — меч потока!

Синий эфир окружил лезвие меча, когда тот двинулся вместе с Артом, нанося диагональный удар под идеальным углом в сорок пять градусов. Удар был сделан вместе с шагом, поэтому Йоран, легко поспевая за движением, выставил катану в блок. Голубой клинок сошёлся с ней с гулким звоном. Отведя его назад, Арт атаковал вновь, словно соединяя первое действие со вторым. Новая диагональ оказалась рассечена — плавно, как течёт вода. Наконец, после нового блока, Арт ушёл в сторону, атакуя с разворота и вкладывая в третье движение всю накопившуюся энергию после первых ударов.

Звон стали оповестил об окончании первой связки. И разумеется, это было не всё — не успела голубая вуаль от тринадцатого меча развеяться, как Арт, только занявший исходное положение, ударил опять, в этот раз — с нашагиванием, вертикально.

— Двадцать первый меч — меч гор!

Движение таза вместе с дёрнувшимся вперёд вместе с вертикальным ударом правым плечом сделали движение резким и в то же время плавным — практически идеальным вертикальным рассечением. От нового столкновения мечей во все стороны ударил ветер, встряхивая волосы как сражавшихся, так и Эсмеральды, поглядывавшей за зрелищем в стороне. Теперь клинок Арта наполнял зелёный эфир — и он же придавал удару, и ударам после него плавность и скорость. Йоран успевал отступать и поднимать катану для очередного блока, но то был Йоран — скорость и мощь каждого из казавшихся простыми ударов была способна по-настоящему рассечь горы.

Фолл улыбался — всё-таки именно он правильно совместил эфир с движениями меча и тела.

Как только три удара оказались заблокированы, Арт отшагнул, отводя свой меч вбок, почти в упор к правому плечу.

— Семьдесят третий меч — меч небес!

Сталь переполнил белый эфир. В этот раз удары были горизонтальными, и с каждым новым Арт сокращал дистанцию, делая шаг за шагом, и бил всё выше, заставляя Йорана внимательно следить за углом, под которым он блокировал движение — одна ошибка, и катану бы попросту разрубило. Кроме того, парень, несмотря на повышение уровня, на котором он бил, сам при этом приседал всё ниже, аккуратно расставляя ноги так, чтобы оставаться полностью устойчивым. Поэтому Фолл и попросил его следить за пятками с носками — при неправильном положении энергия, которую Арт вкладывал в удар, свалила бы его с ног.

В последний раз гулко прозвучала сталь. Арт, остановившись с отведённым в сторону мечом, замер на одном колене. Синий, зелёный и белый света, оставшиеся в воздухе, переплелись, образуя трёхцветную ленту, истончающуюся к самому верху. Поток, горы и небеса. Плавное движение, перетекающее в сильное, а затем — в резкое. Всё это — практически непрерывно, не оставляя противнику и шанса на контратаку. Правда, и малейшая ошибка привела бы к дыре в обороне. К счастью, раз Йоран ни разу не ударил в ответ, Арт выполнил все три техники правильно.

Учитель и ученик поклонились друг другу, возвращаясь на траву перед лесом к Эсмеральде.

— Ура! Молодчина, Арт. Так его, ледышку!

— Неплохо. Удивительно, что ты видел эти техники всего пару раз.

Конечно, Йоран был тем, кто показал Арту все три меча, которые он продемонстрировал сейчас. Арт обладал безусловным талантом, о котором говорил в своём письме наставникам Фолл, поэтому Йоран доверил проверку навыков парня Эсмеральде. Расчёт был на то, чтобы довести Арта до предела — без полного понимания каждого движения одолеть Эсмеральду во время спарринга у того бы не вышло. Однако, уже спустя пару месяцев тот показал ужасающий даже по меркам гениев Крэйна результат, оставив на секире наставницы три глубоких борозды от меча гор.

Вряд ли кто-то бы сейчас догадался, что Фолл обучил паренька всем нюансам собственных техник.

— Словно тебя сам Фолл учил, — хохотнула Эсмеральда, но сбилась, встретившись взглядом с Йораном. — Кхм. Забудьте, я этого не говорила. Арт, сколько ещё мечей ты изучил?

— Сорок девять, — спокойно ответил тот, заслужив уважительный кивок со стороны Йорана.

— Далеко от совершенства, но хорошо в сравнении с затраченным временем, — произнёс лидер Легиона, меняя катану на два кинжала, которые повесил себе на пояс. — Пять минут. Отдохни. Потом — спарринг.

— "Далеко от совершенства", тьху, — сплюнул Фолл, хлопая Арта по плечу. Тот это, конечно, не почувствовал. Смутившись, первый герой убрал руку, продолжая мысль. — Сам-то Йоран знает только семьдесят три. Ты его не вини, Арт. По нему моя смерть ударила больше всех.

Лишь краем уха слышал Арт о взаимоотношениях между Йораном и Фоллом. Раб прислуживавший одной гильдии убийц. Йоран был искалеченным, изувеченным подростком, когда встретился с первым героем. Без цели, без смысла к существованию — парень должен был вскоре умереть либо от побоев, либо от голода. До их встречи Фолл не знал, что гильдия убийц использует рабов, как не знал и о том, что рабство в этом мире существует повсеместно. И тогда первый герой, конечно, не смог пройти мимо. Вырезав гильдию вместе с лидером, он освободил слабого из едва дышавшего Йорана из подземелья, в котором тот коротал свои деньки.

Фолл задал ему один вопрос, повернувший жизнь несчастного раба вспять.

— Ты ведь знаешь, что если человек хочет жить, он должен иметь для этого смысл? Найди свой. В конце концов, мы — существа с душой и умеем чувствовать. Отыщи в своих чувствах свой смысл. Тогда ты будешь жить, а не существовать.

Вот так началась долгая и крепкая дружба между этими двумя. Из-за долгого заключения в рабстве Йоран практически разучился говорить, и это положило начало его закрытости и холода в его голосе, взгляде и словах. Тем не менее, Фолл научил будущего главу Легиона искренне беспокоиться и заботиться о других — помогать тем, кто в помощи нуждается и помощь заслуживает. Наверно, поэтому Легион столь верен Йорану — их лидер, пускай немногословный, всё-таки человек с большой буквы. Маркус, думавший, что цитирует Йорана, на самом деле цитировал Фолла. Видно, что для того едва живого паренька слова первого героя оказались чем-то большим, чем просто красивая обёртка.

— Наставник, — окликнул отошедшего в сторону Йорана Арт. — Какой из ста мечей — сильнейший?

Эсмеральда, кивнула, поворачивая голову к мужчине.

— Да, кстати. Раз уж... Ты понимаешь. Ты единственный, к кому можно обратиться с таким вопросом. Мне тоже интересно.

— Смотря в чём — сильнейший, — после едва заметной паузы протянул Йоран, поглядывая в лес. Видимо, искал Кирагаса, обычно приносившего им еду. — Скорость? Разрушение? Точность?

— Как ты любишь занудствовать, — легонько вздохнула Эсмеральда. — Назови тогда пять лучших, чтоб меня. Хоть это можешь сделать, ледышка?

— Могу, — повернулся к ним Йоран, смерив взглядом Арта. Тот не отвёл свой взор. Кивнув, мужчина продолжил. — Пятый меч — меч грома и молнии, девяносто девятый меч — меч осколков, пятидесятый меч — меч эфира, сотый меч — меч бога, и...

Йоран замолчал, на мгновение посмотрев туда, где в глазах Арта стоял Фолл. Ни один мускул не дрогнул на лице мужчины, не двинулись его руки, не поднялись его брови, не шелохнулись его волосы. Он закрыл глаза, с шумом выдохнув.

— Третий меч, меч дружбы.

— Я не ослышалась? — с некоторым шоком в голосе спросила Эсмеральда. — Меч дружбы?

— Я ответил на твой вопрос, ученик? — игнорируя воительницу, обратился Йоран к Арту.

— Да, наставник, — вежливо поклонился парень. — Мы можем приступить к спаррингу. Я готов.

— Занимай позицию, — кивнул ему Йоран.

— Эй! Эй, ледышка! Я впервые слышу о третьем мече! Расскажи хоть, что это!

Фолл остался на месте, с горечью глядя своему другу в спину. Это всегда трудно — знать, насколько плохо близкому, но быть не в состоянии сделать хоть что-то. Мы можем быть чем-то заняты, нас может не быть в нужном месте в нужное время — и от этого груз вины становится ещё тяжелее. Могли ли мы что-то исправить? Можем ли изменить что-то сейчас? Фолл — не мог.

Поэтому просто смотрел, сдерживая злобу от собственного бессилия. Он уже видел, как умирают его товарищи. Видел не раз и не два. Но первый герой на то и первый герой — он не стал немым к чувствам своим и чужим даже после этого.

— Йоран почти прав, — сказал Фолл, когда Арт проходил мимо него. — Из тех мечей, что он знает, третий — сильнейший. Но из всей сотни это будет первый. Я не покажу его тебе, парень, пока ты не будешь готов.

— Почему? — тихо спросил Арт.

— Потому что мир не готов ко второму Сангвину, — скрежетнув зубами, ответил ему первый герой. — Первый меч — то, что сделало императора столь опасным оппонентом. Он не сомневается в том, что делает, он искренне верит в то, что его дело — единственно правильное и справедливое. Поэтому его первый меч столь опасен... — Фолл вздохнул, качая головой. — Иди. Хорошего спарринга. И никакого эфирного ускорения.

...дальнейшая тренировка прошла как по маслу. Фолл практически не вмешивался, изредка давая Арту советы по тактике во время схватки с Йораном и Эсмеральдой. После спарринга один на один были бои два на одного, к которым парень привык меньше всего

остального. Лидер Легиона свободно переключался между катаной и кинжалами, атакуя с одинаковой силой и скоростью как в лоб, так и со стороны слепой зоны. Эсмеральда легко сокращала дистанцию, а её массивное оружие погибели двигалось в её руках, словно спичка. Весь этот ад, через который и опытный-то воин не сумел бы пройти, был нужен для выработки у Арта чувства боя.

Расценивать дистанцию между собой и противником, между оружием и плотью соперника, воспринимать траекторию во время замаха и движения, правильно отвечать на каждую атаку — всё это делало из Арта настоящего монстра боевых искусств. Он привыкал к боли, привыкал к потерянным конечностям: у Йорана всегда под рукой были эликсиры, восстанавливавшие тело Арта в считанные секунды. Привыкал парень сражаться на пределе, постепенно тот самый предел расширяя. Всё более умело применял он свой дар, за секунду исчезая из поля зрения и появляясь с уже занесённым для атаки клинком. В сочетании с техниками ста мечей его атаки становились всё более и более смертоносными. В схватках один на один он уже сейчас не уступал ни Йорану, ни Эсмеральде, однако двойной натиск был для него всё ещё чересчур.

Так, алый и синий эфиры в очередной раз захлестнули его. Эсмеральда, в последний момент развернув секиру плоской стороной, ударила ею Арта в плечо, вынося его вперёд ногами на пару метров вперёд. Тело оставило небольшой след от приземления, а Йоран, вставший рядом с судорожно кашлявшим парнем, приставил к его горлу катану.

— Мёртв.

— Да, Арт, в этот раз ты как будто несобранный. Может, ещё раз?

— Нет, — ответил ей за парня Йоран. — Мы здесь уже три часа. Он вымотался.

— Ледышка, теперь ТЫ о нём беспокоишься? — рассмеялась воительница, закидывая секиру на плечо и подходя к ним поближе. — Хотя да, выглядишь ты паршиво, Арт. Как плечо?

— Сломано... — кое-как справившись с болью, ответил покрытый пылью и комьями земли парень. — Кажется...

— Неси эликсир, ледышка, — легонько вздохнула Эсмеральда, бросив своё оружие, чтобы помочь парню подняться. — Ну, давай, давай, Арт... Не так уж и сильно я тебя...

— Идите к сумкам, — вдруг повернулся в сторону леса Йоран. Из зарослей, словно почувствовав взгляд мужчины, вышли две фигуры. Одна из них принадлежала Кирагасу, другая, слегка побитая, человеку в чёрных одеждах и в такой же маске.

— Ого, сообщение от Легиона, — ковыляя вместе с Артом прочь, хмыкнула Эсмеральда. Кирагас, отделившись от посетителя, направился к ним.

Легионер, склонившись, поприветствовал лидера.

— Говори, — тихо произнёс Йоран, пряча катану в ножны.

Мужчина, выпрямившись, передал ему свёрнутый лист пергамента. Развернув тот, Йоран погрузился в чтение. Закончив, сжёг пергамент, кивком отпуская подчинённого восвояси. Чёрная фигура исчезла в зарослях, а сам глава Легиона, тяжело вздохнув, направился к разложенным вещам, возле которых поила Арта зельем воительница орков. Раны паренька исчезали на глазах, взгляд прояснялся, а речь становилась более связной. Трудно недооценить воздействие чистейшего эликсира.

Эсмеральда, не отвлекаясь от осмотра Арта, обратилась к Йорану.

— Что-то серьёзное?

— В Ливиграде вспышка чумы, — сократил весь доклад глава Легиона. — Той же, что

сейчас расходится по Железным Горам.

— О... Чёрт! — воительница вскочила, с ужасом глядя на Йорана. — Там же сейчас День Матери!

— День Матери? — не понял её Арт.

— Праздник, — кратко объяснил Йоран. — Очень много детей.

— Это та же чума, что едва не поглотила Империю в прошлый раз, — злобно протянула Эсмеральда. — Зо... Зомби, кажется? Мать твою, Йоран. Пойдём, чего стоишь!

— Я с вами, — поднялся Арт, ища взглядом Фолла.

— Нет, ты остаёшься на острове, — остановил его Йоран, надевая куртку от кимоно. Вторая наставница, уже забрав секиру с тренировочного поля, вернулась к ним. — Слишком много хаоса. Мы не сможем тебя защитить.

— Прости, Арт, — выдохнула Эсмеральда, всем видом показывавшая, что готова броситься в самое пекло. — Тебе лучше не видеть того, что там будет.

— Я способен за себя постоять, — упорно стоял на своём парень. Кирагас смотрел на него напряжённо, разрываясь между молчаливой поддержкой и желанием внести свою лепту. — Ирис же идёт? Я уверен, что идёт. Я не слабее её.

— Арт! — скрежетнула зубами воительница. Затем вздохнула, качая головой. Йоран молчал, ожидая её решения. Всё-таки за Арта отвечала именно она.

— Я бы не рекомендовал тебе идти, — тихо произнёс Фолл, глядя куда-то прочь, в горизонт. Солнце потихоньку спускалось с небес, окрашивая те в алые тона. — Столкновение с реальностью тем больнее, чем меньше ты его ожидаешь. Но — дело твоё, ученик. Мешать тебе, сам понимаешь, я больше не могу.

— Я пойду, — уверенно произнёс Арт, закрепляя ножны с мечом на поясе. — Чем больше нас там будет, тем больше мы спасём.

— Сейчас не время геройствовать... — отчаянно сказала Эсмеральда.

— Нет. Возможно, сейчас — самое время, — вдруг изменил своё мнение Йоран.

— Ледышка..?

— Пускай. Эльф, ты идёшь с ним.

— Конечно, — кивнул Кирагас.

— Тогда вы действуете независимо, — глава Легиона щёлкнул пальцами, вынимая из воздуха маленькую металлическую печать, на которой был выгравирован кинжал, пронзавший череп. Передав печать Арту, продолжил. — Покажи это легионерам, если пересечёшься. И запомни — заражённых надо устранять на месте.

— Разве нет какого-то лекарства? — удивился Арт, пока Кирагас пересчитывал стрелы и осматривал свой короткий клинок.

— Нет, — холодный взгляд синих глаз выражал только предельную уверенность в собственных словах. — Однажды заразившись, они обращаются навсегда. Фолл говорил, что с нынешним уровнем технологий создать лекарство от этой чумы невозможно. Только уничтожить всех носителей, а затем сжечь их тела. Эсмеральда, идём.

— Наконец-то, — выдохнула с облегчением воительница, кивнув Арту. — Ладно, и я пойду. Береги себя, зайчик.

— Да, наставник, — поклонился ей парень, и Эсмеральда рванула прочь вслед за исчезнувшим в одно мгновение из поля зрения Йораном.

Вместе с Кирагасом они побежали к хибаре, похватав остатки вооружения. Арт, переодевшись, ждал эльфа снаружи. Тот появился в плаще и большим луком за спиной —

его основным. Тот, что поменьше, он использовал в основном для охоты в пределах острова. Кивнув друг другу, они устремились к северной части холма — там находился второстепенный телепорт, позволявший обитателям парящих островов спускаться вниз. На каждом острове был ещё и главный, который вёл на одну из площадей Ливиграда. Вот к нему можно было попасть ещё и через второстепенный — так было куда быстрее. Наставники сразу двинулись туда, ибо с их скоростью пользоваться запасным телепортом было не нужно.

Активировав груду камней, двинувшихся после вкладывания зелёного эфира, Кирагас с Артом замерли, готовясь к перемещению. Фолл, прислонившийся к основе постепенно образовывавшегося портала, легонько вздохнул. У него уже были догадки по поводу того, кто был причиной странной чумы, вновь обрушившейся на земли разумных существ. Если в прошлом этим занимался Сангвин, решивший создать собственное биологическое оружие, то в этот его вина была сомнительной. Судя по докладам Анко, чума была серьёзно видоизменена. Заражённые теперь не превращались в болванчиков, желавших только крови — их тела искажались, источая серый и чёрный эфир.

Сперва норны, повелительницы времени, уступающие только бирюзовым почти вымершим драконам. Теперь чума, как-то связанная с серым эфиром. Кажется, в Ливиграде тоже были инциденты, связанные с ним. Всё это происходило впервые. Вполне вероятно, что это делал неизвестный четвёртый игрок, кто-то ещё, кто сохранил свои воспоминания о будущем, что ещё не случилось. Катастрофа, чьё воплощение удалось изгнать, не могла более воплощаться и влиять на Крэйн, пока не войдёт в него полностью, то есть по истечении срока. Если это дело рук неизвестного, то какова его цель?

Арт и Кирагас вошли в портал, выходя на открытую местность прямо на краю парящего острова. Здесь тоже была груда камней и вырезанная в нём же площадка. Вложив в первую зелёный эфир, товарищи приготовились к бою. Они должны были выйти на Красной площади — одной из самых крупных площадей Ливиграда, парящего города. Вполне вероятно, что на той стороне их ждало сражение, поэтому Арт обнажил клинок, вцепившись в него, как в спасительную трость. Он уже убивал.

Какая разница может быть сейчас между заражёнными, которых уже не спасти, и чудовищами Крэйна?

По крайней мере, так думал Арт, закрывая глаза перед вспышкой перемещения. Рядом с ним то же самое сделал Кирагас, держа стрелу на тетиве лука в своих руках.

Кто бы знал, как прав был Фолл, не рекомендуя парню идти в самую гущу событий.

Глава девятая. Ты... Бессмертный?

Наконец-то наш занавес можно официально считать поднятым. Все актёры на позициях, весь реквизит на месте, зритель в предвкушении свет, камера — мотор...

На большой сцене должны выступать большие игроки.

В их руках — актёры помельче, в руках тех — фигуры без имён, в руках тех — цифры, номера.

Каждый из них хочет стать большим актёром. И никто не знает, какую цену надо для этого заплатить.

Фолл. Первый герой, видевший на своём веку то, что обычный крестьянин не сумеет даже вообразить. На его стороне Сад — огромная группировка, чьи побеги разбегаются по всему континенту. На его стороне последний герой и последний бирюзовый дракон, дракон мудрости. Бесчисленное число магов и воинов всех мастей. Условия его победы — гибель катастрофы.

Катастрофа. Жнец, призванный в Крэйн богом. Существо, желающее пожрать этот мир из-за своего неуголимого голода. Или ещё чего, кто ж его знает, этот вселенский ужас из бездны иных миров. Его сила неизмерима — никто, даже сам Господь, не знает, на что это существо способно. Фолл сражался с ним в несбывшемся будущем, раз за разом откатываясь назад, чтобы начать всё сначала с помощи крови Ская. Оно одиноко, однако, как и все большие игроки, знает о несбывшихся событиях.

Третий, неизвестный персонаж. Как два остальных игрока, он знает, что произойдёт. Он уже прожил эту жизнь до её финальной точки, однако ни перед кем из коллег по сцене не появился. Каковы его мотивы и цели? Сколь он силён? Какие фигуры держит в руках, чтобы расставить их в нужных местах? Амплуа таинственного незнакомца, не иначе. Станет ли он союзником Фоллу или же примкнёт к катастрофе, сея хаос и разрушения?

И разумеется, как и в любой хорошей игре, в нашей есть элемент случайности. Переменные, высчитать или предсказать которые ни у кого из трёх игроков не выйдет.

Время — наша завязка и развязка. И только время покажет, кто же в конце концов одержит верх.

...Ливиград кричал. Огромный парящий город визжал, как резанная свинья — визжал и кровоточил. Повсюду вопили женщины и дети, пытались перекричать их мужчины, звучала брань, ругань и хрипы. Жители Ливиграда не знали, куда бежать. Порталы были перекрыты, как только власти узнали о чуме. Неизвестные существа, отдалённо напоминавшие людей, бросались на ещё живых, зачастую убивая их ещё до того, как те обратятся в им подобных инфицированных. Площадь, на которую ступили из портала Кирагас и Арт, была полна паникующих, мечущихся из стороны в сторону людей вперемешку с эльфами и стражниками-гномами.

Родители прижимали к себе детей, дети жались к ногам родителей, повсюду слышался топот, новые крики, вопли ужаса и стоны раненных. Либо тех, кто пострадал от чумных, либо тех, кого задавила толпа. Она была здесь — и в самую гущу её вошли эльф и парень в полном боевом облачении. Стража, увидев посетителей и смерив тех взглядами, проигнорировала тех. Не орут, не бегут куда попало, оружие наготове — сразу видно, они пришли сюда не просто так. Гномы всё же народ смекалистый, и именно их бригады сторожили улицы парящего города.

— Куда мы идём? — перекрикивая толпу, повернулся Кирагас к Арту.

— Вперёд! — уверенно прокричал Арт, начиная продираться сквозь людскую массу. Кто-то плакал, сидя на каменных плитах, кто-то обнимал близких, кто-то истекал кровью, практически потеряв сознание.

На площадях собирали выживших для переброски через порталы на землю. Эвакуация проходила спонтанно — чума вспыхнула в нескольких районах сразу, поэтому централизовать и направить жителей Ливиграда в определённое место определённым маршрутом стража парящего города не смогла. Легионеры и члены Сада помогали, чем могли — Арт, выбравшись наконец на относительно пустое пространство, завидел спины воинов в чёрных масках среди толпы. Его наставников не наблюдалось, наверно, ушли в город. Отряды, распределённые по Ливиграду, устраняли заражённых, но они были слишком рассредоточены, чтобы изолировать полностью поглощённые чумой районы.

— Где ещё остались люди? — поймав за бороду пробежавшего мимо них гнома, спросил Арт.

— Вы кто? Вы какими судьбами тут?!

— Мы среди тех, кто пытается прекратить эту панику, — ответил за Арта Кирагас. — Направь нас, воин. Пожалуйста.

— Понятно, сумасшедшие, — смачно сплюнул на камень дороги стражник. — Туда, откуда я пришёл, лучше не идите... — он сбился, пытаясь восстановить дыхание. — Кха-кха... Там... Толпа этих. Чумных. Сюда идёт! Всё, не могу больше! Пусти, малец!

Арт отпустил бороду, выпрямляясь и осматриваясь. К площади, возле которой они стояли, вели семь широких дорог, как бы соединяясь на её месте, вливаясь, как реки — в озеро. Всюду возвышались пятиэтажные дома из белого и рыжего кирпича. Однотипных зданий практически не было, ибо каждый проект спонсировался кем-то с тугим кошельком. Обычно в Ливиграде жили семьями — большими семьями, целыми семействами даже. Часть зданий принадлежала известным гильдиям, в том числе гильдии искателей приключений: в Ливиграде был крупнейший её филиал. Изукрашенные фасады, яркие цвета, рисунки, складывавшиеся из окон и балкончиков — парящий город был прекрасен.

Тем печальней было видеть его улочки, по которым шли светлейшие умы континента, залитыми кровью и наполненными криками.

На пяти главных площадях собрались перепуганные жители, и ещё часть из них пряталась в домах или до сих пор блуждала по многочисленным переулкам. К площадям стекалась стража, выходила из порталов подмога — в основном те же гномы в железной броне и с двуручными топорами, либо же воины в чёрных одеяниях. Отдельно выделялись искатели приключений — вооружённые разнообразней всех прочих и с яркими алыми повязками на рукавах. Мимо Арта пробежало ещё несколько пар с детьми. Он вышел на улицу, со стороны которой они пришли, внимательно вглядываясь во тьму, опустившуюся на неё.

Темнело стремительно.

— Я чувствую тёмный эфир, — взволнованно проговорил Кирагас, вставая в стойку для стрельбы. — Такая темнота — не естественная.

— Да, — согласился с ним Арт, обнажая клинок.

— Эй! Давайте сюда, если хотите жить! — окликнули их гномы со стороны площади. Впрочем, товарищи этот зов проигнорировали. Впереди уже показалась угроза, и отступить они были не намерены.

Мимо мигавших магических фонарей брела густая толпа. Именно брела — едва передвигая ногами, спотыкаясь и падая на каменную дорогу, чтобы тут же быть растоптанной идущими позади. С первого взгляда было сложно оценить количество заражённых. Но их было много — очень, очень много. Арт с содроганием увидел в поглощённых чумой жителях Ливиграда детей в окровавленных и изорванных одеждах. Рядом с ними брели мужчины в выходных костюмах и женщины в лёгких летних платьях, чей фасон был изуродован чьими-то когтями и зубами. Их кожа была серой, а глаза — пустыми. Лишь взглянув на них через эфир, было ясно, какая энергия переполняла эти мёртвые тела.

— Они не чувствуют боли и игнорируют ранения, — спокойно протянул Фолл, смотревший вместе с Артом на орду мертвецов. — И они уже не живые. Не воспринимай их как живых. Когда чума распространяется по телу, носитель уже мёртв.

— Кирагас, — сжав меч крепче, сказал Арт. — Прикрывай меня. Не дай подобраться с фланга.

— Слушаюсь, глава, — кивнул ему эльф, натягивая тетиву. — У меня только пятьдесят стрел. Имейте это в виду.

Крики на площади за спиной стали громче. И участились — этого не видели эти двое, но кроме толпы, против которой собирались выступить они, к площади с каждой из улиц стекались другие. По разбросанному по камню серпантину и лепесткам роз — символу единения со своими родными в честь Дня Матери, шли мёртвые, загнавшие живых в угол. Порталы на землю всё ещё были заблокированы — город впускал всех желающих, но никого не выпускал. На площади стояли тележки с готовыми шпашками и лакомствами. Перевернутые, они как бы говорили, что праздник кончился.

— Лучше не оборачивайся, — предупредил его Фолл. — Пробивайтесь с Кирагасом вглубь — что-то происходит в эвакуированной зоне города. Ты это на своём уровне не чувствуешь, поэтому лучше послушай меня.

— Мы пробьёмся через толпу, — повторил слова первого героя Арт. — Мне кажется, что-то должно твориться в мёртвой зоне, там, где сейчас нет ни живых, ни чумных.

— Хорошая догадка, — согласился с ним Кирагас. — Я открою вам дорогу, глава.

— А ты?

— Я бы предпочёл остаться здесь. Вдвоём мы рискуем застрять. Мне до вашей скорости далеко.

— Ладно, — шагнул вперёд Арт. — Защищай жителей. Я вернусь.

— Обязательно, — со всей уверенностью протянул эльф, пуская первую стрелу: толпа была уже совсем близко. Заряженный зелёным эфиром снаряд с громким хлопком проделал широкий тоннель в живой стене. — Желаю удачи, Арт.

Куски тел, обнажённые кости, перемолотые останки и чьи-то рыки наполнили и без того "живое" пространство. Арт ушёл в пустоту, возникая прямо возле бреши. Первый его удар съёс две головы, второй располовинил троих. Сталь рассекала плоть легко и непринуждённо: каждое движение было отточенным и сильным, пускай в него и не вкладывался эфир. Оттолкнув пинком бросившихся к нему зомби, парень ушёл в пустоту вновь, смещаясь вглубь тоннеля, проделанного Кирагасом. Тот выстрелил вновь: уже в сторону, отвлекая мертвецов. Их ряды должны были поредеть, но нет — бреши стремительно заполнялись, словно орда была бесконечной. Арт рисковал быть окружённым, но несколько стрел, выпущенных подряд в ближайших инфицированных, освободили место

для манёвра.

Парень побежал, прижав руки к себе. Использовать дар стало опасно — можно было не рассчитать расстояние и попасться в чьи-то цепкие руки, тут же став подножным кормом. Со всех сторон хрипели и гудели мёртвые, некоторые уже успевшие посинеть, некоторые — всё ещё свежие, светло-серые. Прыгнув на группу тварей, загородивших проход, Арт вытянул ноги вперёд, вынося тела ловким сдвоенным ударом стоп. Тут же поднявшись, рванул дальше. Кирагас продолжал стрелять — стрелы увечили толпу, которая, потеряв из виду Арта, переключилась на живых, кричавших за спиной эльфа.

Гномы окружили выживших, встав единой стеной вокруг площади в два ряда. Впереди стояли стражники со щитами и палицами, позади — легионеры с короткими клинками и копьями. Они видели, что одна орда была практически уничтожена, но с ужасом взирали на остальные, сокращавшие дистанцию между ними. Фолл, взглянув на место будущей кровавой бани, тяжело вздохнул, поворачиваясь и начиная движение по улочке, мимо Кирагаса, продолжавшего тратить боезапас. Мертвецы проходили сквозь первого героя, не замечая его.

Один из них вдруг остановился, замахиваясь едва державшейся на остатках сухожилий рукой.

Фолл ударил ладонью, разрубая тело на две неровные части. Сплюнул, продолжая идти дальше, вслед за Артом, уже скрывшимся далеко за поворотом впереди. Серый эфир был далеко не стабильной вариацией этой энергии. Иногда он прорывался в материальную реальность, и контролировать это Фолл никак не мог.

Догнал он парня через несколько минут, в одном переулке, где Арт как раз разобрался с несколькими инфицированными, перегородившими проход. Стояла непроглядная тьма — только магические фонари мерцали чистым белым светом, позволяя продираться сквозь опустевший город. Арт этого не заметил, но высоко-высоко, прямо под звёздами, кружили стаи воронов. Их карканье звучало тихо, но повсеместно, постепенно нарастая. Фолл, переступив через изувеченный труп, приблизился к переводившему дыхание ученику. Тому было тяжело — не физически, но морально. Он заглядывал в лица тех, кого убивал. Не мог не заглядывать, это получилось само собой.

Там отражались страх, ужас и отчаянье, что испытывали жители Ливиграда перед смертью. Прижавшись к стене и оперевшись на клинок, Арт сдерживал дрожащее тело, пытаясь придти в себя. Дети... Там было столько детей. Маленьких и постарше, мальчиков и девочек. Наряженных, праздник всё-таки. Злоба и боль переполняли сердце парня, искренне не понимавшего, зачем что-то такое вообще произошло. Это не бунт в Никке, не истребление деревни Сангином — там были причины, пускай те, с которыми Арт не соглашался. Но так или иначе — они были обозначены. А это? Зачем кому-то творить подобный ужас, обрекая столько невинных на судьбу, что куда хуже смерти?

— Не думай слишком сильно, — словно отчитывая Арта, протянул Фолл. — Вредно для жизни. Идём дальше, мы всё ближе к источнику эфирного возмущения.

— Кха-а... — выдохнул Арт, отлипая от стены и подхватывая клинок в обе руки. Двинувшись прочь из переулка, он задал первому герою вопрос. — Что там может быть?

— Не знаю, — честно ответил Фолл. — Может, источник чумы. Или те, кто её выпустили, что в теории может быть одним и тем же.

— Где... Наставники?

— Сад сосредоточен на площадях, чтобы вывести выживших прочь из города, — пожал

плечами мужчины, двигаясь чуть впереди ученика. — Полагаю, Йоран с Эсмеральдой сейчас где-то там же. Сражаются с инфицированными, выигрывая время для эвакуации. Ирис... Я чувствую её рядом с Лори. Где-то на юге, на Синей площади.

— Значит, они в порядке, — тихо произнёс Арт, выходя на другую широкую улицу. Здесь было много тел, более не двигавшихся, и почти не было заметно заражённых — только единицы бродили туда-сюда, не зная, куда им деться.

Парень вдруг замер, вглядываясь в брошенную повозку. Возле неё валялись яблоки странного чёрного цвета. Часть из них была надкусанной, обнажая такое же чёрное нутро. Фолл остановился возле одного из таких, приседая, чтобы рассмотреть получше. Арт подошёл к телеге, взглянув на неё через эфир. Огромная туча чёрного и серого цветов стояла на месте "товара", развеивая все сомнения — перед ними была одна из отправных точек чумы. Арт дёрнулся, услышав из ближайшего переулочка шорох, и поднял меч, вставая в боевую стойку.

— Н-не надо! Мы живые!

Женский дрожавший голос. Фолл поднялся, глядя на женщину в изорванном платье, показавшуюся на блеклый свет магических фонарей. Перед ней шёл, едва двигая ногами, ребёнок. Арт вздрогнул — на руке мальчика, возле предплечья, виднелся почерневший укус.

— В-вы из стражи? М-мы спрятались... Когда всё... Началось... О господи, господи боже...

Выжившая едва стояла — было видно, что истерика выжала из неё все силы. Ребёнок, с другой стороны, практически не издавал звуков — только грудная клетка то и дело поднималась, показывая, что он ещё жив. Фолл покачал головой: ситуация была простой и понятной. Для него. Может быть, для Арта тоже. Парень до сих держал клинок наготове, сверля взглядом женщину и ребёнка.

— Пожалуйста, спасите нас! Мой Эван... Его укусила одна из этих... Из этих существ!

— Это прозвучит чересчур клишированно, но ему уже не помочь, — выдохнул Фолл. — Здесь никого нет. Сама она до площади не доберётся, да и ты знаешь, что там сейчас творится.

— Ваш... — Арт сбился, подбирая слова. — Чума распространяется через укусы. Эван обречён.

Эта речь далась ему тяжело, но он всё-таки смог выдавить её из себя. Женщина сжала плечи ребёнка крепче, отступая вместе с ним назад. В её взгляде проскользнули нотки безумия — можно было с уверенностью сказать, что сегодня она уже кого-то потеряла. Слёзы и дрожавшие ноги выдавали этот факт с головой.

— Н-нет... Н-нет же, это...

— Хочешь решение? — сухо и громко спросил Фолл, в чью спину на мгновение взглянул Арт. — Убей обоих. Мы теряем время.

— Убить? — подумал, что ослышался Арт.

— Да. Спасти ребёнка ты не можешь, спасти женщину — тоже. Оставить её здесь с ним — то же самое, что оставить её на верную смерть. Убей обоих — это будет милосердно.

— Что вы... Что это... — слёзы, кажется, пересохли, и теперь изо рта выжившей вырывались только хрипы.

— Я...

— Так поступил бы я, — пожал плечами Фолл. — Как поступишь ты, решаешь, что логично, тоже ты.

Арт с шумом сглотнул, приближаясь к паре из ребёнка и женщины.

— Не подходите! Пойдите прочь! Мой Эван живой! Видите, с ним всё... Всё нормально...

По рукам и плечам выжившей ударила волна — она вздрогнула всем телом, одновременно с тем, как голова её сына полетела на мостовую. Обезглавленный труп остался стоять, поддерживаемый руками матери. Она не смогла издать и звука — только рухнула на колени, продолжая обнимать безголовое тело сына. Арт встряхнул клинок, избавляясь от крови, попавшей на него. Слова были излишни. Фолл кивнул, разворачиваясь, чтобы двинуться дальше. Но Арт сдвинуться с места не смог, через силу глядя на сцену, будто вырванную из фильма ужасов.

— Ваш сын...

— МОНСТР! — завопила женщина, подняв голову и впившись взглядом в Арта. — ТЫ МОНСТР! ЧУДОВИЩЕ! УБИЙЦА!

— Я сделал то, что мог...

— ТВАРЬ! УБЕЙ МЕНЯ! УБЕЙ МЕНЯ ТОЖЕ! ЭТО ЖЕ ТАК ЛЕГКО, ДА?! ДА?!

— Игнорируй, — донеслось до парня.

Но он стоял. Стоял и слушал хриплые крики матери, потерявшей сына. Он был героем — но можно ли было этот поступок назвать геройским? Поступил ли он по справедливости? Грань, казавшаяся столь чёткой для Арта, теперь искажалась, размывалась, практически полностью исчезая. Правильный поступок и хороший поступок — это две разные вещи. Далеко не всегда пересекающиеся меж собой. Парень сжал клинок, пытаясь справиться с эмоциями, что переполняли его. Чувство вины, гнев, недоумение — всё это смешалось в единый отвратительный коктейль.

Женщина вскочила, бросаясь на парня с коротким кинжалом, спрятанным в складках её платья.

Инстинкты, выработанные за множество тренировок, оказались быстрее разума. Арт шагнул вперёд, делая грубый, но чёткий укол. Сталь разорвала плоть, пронзая живот и выходя снаружи, обрубая позвоночник чуть выше уровня таза. Выжившая вздрогнула, оружие выпало из её рук, тихо звякнув о мостовую. Парень смотрел на неё с ужасом, не веря собственным глазам. А женщина, подняв окровавленную руку, поднесла её к щеке Арта, вместе с кровью выплёвывая последние слова.

— Убий... ца...

С глухим звуком рухнуло тело. С тем же звуком была потеряна очередная, одна из многих, жизнь на этой улице.

— Фолл... — Арт не нашёл в себе сил, чтобы заплакать. Меч дрожал в его руках, грозя выпасть из ослабевших ладоней. — Я убил её... Я убил... Невинного...

— Возьми себя в руки, Арт, — подошёл к нему первый герой, сдерживая вздох. Время пришло куда быстрее, чем он думал. — Таков наш мир. Мир, в котором мы — герои.

— Мы — герои? — полным разочарования и шока голосом переспросил Арт. — Это? Это — героизм? Это — наша справедливость?

— Да. Да, и ещё раз да. Суровая, покрытая кровью и страхом, справедливость. Быть героем — это делать то, что нужно, тогда, когда нужно. Чтобы спасти и чтобы помочь.

— Я не понимаю... Мы правда не можем их спасти? Ты ведь... Ты ведь сильнейший. Неужели нельзя исцелить..? Хоть как-то...

— Если бы было можно, я бы давно это сделал, — мрачно протянул Фолл. — Не всегда

наши поступки, Арт, однозначно белые или однозначно чёрные. Они могут быть... И серыми. Как сейчас.

— И много ты... Вот так... Поступал? — выдавливая из себя каждое слово, произнёс Арт.

— Больше, чем хотелось бы. Вот тебе изнанка героизма, Арт. Нас могут и будут ненавидеть — потому что мы делаем то, что нужно.

— Чтобы спасти и помочь...

— Да, чтобы спасти и помогать. Мир... Далеко не всегда видит нас в том свете, в каком мы есть на самом деле. Поэтому нельзя зависеть от его мнения. Герой — это не то, что говорят другие. Герой — это то, что у нас с тобой внутри. Твоя справедливость.

— Моя справедливость — вот это? — озлобленно выдал парень.

— А что альтернатива? — повысил голос Фолл. — Оставить её здесь, чтобы её убил собственный ребёнок? Какие у тебя были иные варианты? Что было лучше того, что ты сделал в итоге?

Арт замолчал, переваривая услышанное. Все идеалы, кое-как укрепившиеся в его голове, рушились один за другим. Свет, чистота, праведность, справедливость, героизм... Это не про благородство и не про бескорыстность. Это про что-то другое. Что-то, чего боялся всем сердцем Арт. Поступать так, как надо, вне зависимости от того, что подумает мир... Арт не мог это принять. Он был молод — и молодость в этом случае играла против него. Он испугался ответственности, хотя думал, что сможет её принять. Её груз оказался чересчур тяжёлым, таким, что Арт не сумел его вынести.

— Я не хочу...

— Арт...

— Я не хочу быть героем! Я не хочу убивать! Не хочу делать ужасные вещи!

— Тебе придётся. Во-первых, чтобы выжить. Во-вторых, чтобы жить потом без сожалений. Оставь ты эту женщину здесь и сейчас — и вина съела бы тебя заживо без соли.

Через истерику до первого героя донеслись слова обречённого человека.

— История не любит сослагательных наклонений, наставник...

— Парень, соберись! Мы посреди шторма, и ты в нём — на едва целой лодке! Хочешь, чтобы жертва Ливиграда ушла в пустую? Хочешь, чтобы отнятые чумой жизни оказались неотомщёнными? Что это с тобой ни с того, ни с сего!

Арт пересмотрел всё. Всё, что видел в этом мире. Деревня, башня Миры, путь в Никке бунт в городе, тренировки в Ливиграде. Везде, куда бы он не пошёл, за ним следом бежала смерть. Он прятался от неё, крайне редко встречаясь лицом к лицу. Он думал, что станет рыцарем в сияющих доспехах. Но доспехи те тускнели и тускнели, пока не рассыпались в прах, оставив обнажённое и крайне уязвимое сердце. Катастрофа, гибель всего мира, кровь и боль, крики умирающих... Психика парня попросту не выдерживала наплыва, ибо время не успевало залечить гигантские раны, оставленные прошедшими событиями на его душе.

В этом моменте Ирис было куда проще. Она здесь выросла, постепенно привыкая ко всем жестокостям. У них с Артом были разные характеры — до той степени, что там, где Ирис спокойно рубила мертвецов и ещё живых заражённых, Арт не мог смириться с убийством даже одного. У него была потрясающая подготовка — подобного ему воина ещё следовало поискать, и это за шесть-то с небольшим месяцев! Но подготовка тела не означала подготовку головы. Да и никто не может подготовить человека к такому. Поэтому Фоллу оставалось только надеяться, что парень справится с переполнившими его эмоциями.

— Я отомщу, — тихо произнёс Арт. — Ты... Ты прав, Фолл. Я ничего не мог сделать. Но и героем я быть не хочу. Я буду тем, кто я есть. Как сказал Маркус. Я — это я. Артём. Твой ученик. Не ты, не герой. Если мне надо убивать... Я убью. Если мне надо спасать — я буду спасать. И защищать. Но это — не героизм. Не добро, не свет, не справедливость. Это — здравый смысл. Я не могу спасти всех. Я не могу защитить всех, как это делаешь ты. Герой — тот, кто на это способен. А я — нет. Я — не герой.

— Пра... — начал было Фолл, тихонько вздохнув.

— Какая милая беседа с самим собой, — донёлся странный голос откуда-то справа. Арт вздрогнул, поворачиваясь и поднимая свой меч. Он не смог почувствовать, как этот неизвестный приблизился. — Надо же! А я всё думала, кто же тамышь, что избежала мышеловки.

— Используй эфирное ускорение, — с волнением в голосе протянул первый герой, вглядываясь в силуэт незнакомца. То, что доносилось из его бесформенного рта, звучало как смесь из сотни других голосов — мужских и женских, старых и молодых. Это существо до боли напоминало осколок катастрофы, только куда менее ужасающий своей подавляющей мощью.

Но даже так — тварь перед ними была серьёзным соперником для Арта.

Арт застыл, концентрируя эфир в своём теле. Уплотнив каждый его сантиметр, он сосредоточился на скорости, заставляя энергию течь быстрее. Разогнав её до предела, на котором ещё мог контролировать поток, парень вновь посмотрел на фигуру, окликнувшую его. Она напоминала человеческую — только во все стороны из тела торчали фиолетовые отростки, а голова напоминала приплюснутый со стороны лица череп, наполненный серым эфиром.

— Занятно, — слегка наклонило голову существо. — Интересный трюк. Где ты этому научился, мышонок?

— Кто ты? — скрипнув зубами, произнёс Арт. Он хорошо помнил ту тварь, что вылезла из портала в Никке — и эта напоминала ему её. Его чувства обострились, так, что он легко мог контролировать каждый мускул в своём теле. Он слышал каждое движение в нескольких метрах вокруг себя, и даже давление, излучаемое существом, ощущалось для него как нечто осязаемое.

— Неправильный вопрос, — переливчато рассмеялась фигура. — Правильно будет спросить — а кто ТЫ?

— Он здесь не один, — со злобой в голосе сказал Фолл. И правда — покинув тьму, к существу шагнули ещё два таких же — одно повыше и крупнее, другое — поменьше и чуть более бесформенное. — Сбежать они тебе не дадут, даже не пытайся. Все три примерно одного уровня, но тебе лучше держать дистанцию хотя бы с одним. Двух сразу можешь попробовать взять сразу. Используй преимущество в мобильности — как ты, они перемещаться не могут.

— А это такая забава — рассказывать всем желающим слабости товарищей? — Фолл вздрогнул, почувствовав на себе взгляд существа. — Кто ты такой, невидимый компаньон маленького мышонка?

— Оно меня... Слышит? — повернулся Фолл к Арту. Тот нервно сглотнул, сжимая меч крепче.

— Слышу громко и чётко, — рассмеялось женским смехом существо. — Я чувствую странную энергию... Ты — маг?

— Круче, — прорычал первый герой. — Остаточное изображение.

— Ты опасен, — протянула фигура грубым мужским голосом. — Опаснее мышонка.

Крыса. Крупная крыса.

Будем говорить так.

Фолл?

Да, да. Телепатия — хороший трюк, когда надо. Забудь про сражение — убирайся отсюда.

Но как?

Я выиграю тебе время.

Ты же не можешь соприкасаться с материей!

Если приложу усилия — могу. Только для этого нужно очень, очень много энергии. Обойди их улочками и двигайся в том же направлении, откуда они пришли. Источник диссонанса — не эти твари. Что-то другое, далеко впереди, за ними. Отыщи его и уничтожь. Вдарь чем-нибудь покрепче.

Фолл... Ты же не умрёшь?

Я уже мёртв, дорогой ученик. Два раза мёртвые не умирают. Иди.

Хорошо. Догони меня, как закончишь.

Фолл не ответил. Встав по центру улицы, прямо напротив трёх силуэтов, он вытянул руку, формируя в ней клинок с длинным лезвием. Арт рванул назад, но силуэты, сосредоточив свои взгляды на первом герое, не стали дёргаться за ним в погоню. Видимо, решили, что тот решил убежать прочь.

— Повторю вопрос, — дождавшись, пока Арт скроется в переулке в конце улицы, произнёс Фолл. — Кто ты? Жнец? Третий игрок? В Ливиграде никогда не было чумы. Ни в этот раз, ни во все предыдущие.

— Ты... — существо сбилось с мысли, сверля взглядом вдруг проявившихся на его теле бесчисленных глаз человека перед собой. — Что тебе известно?

— Очень много, — улыбнулся Фолл. — Впрочем, вопрос мой, видимо, не по адресу. Ты — всего лишь пешка. А вот до короля или королевы я ещё доберусь.

— Ты — мертвец! Как смеет жалкое остаточное изображение позорить имя Великой?!

— Полагаю, ответ придётся выбивать силой, — пожал плечами Фолл, играючи крутанув клинок одной рукой. Волна сжатого воздуха, возникшая от одного этого движения, разрубила камень по правую руку от него, оставив в том глубокую борозду, протянувшуюся на несколько десятков метров вперёд.

Три фигуры заметно вздрогнули, отступая на шаг.

— Бойтесь, твари, — хмыкнул первый герой. — Так раз бойтесь, может, расскажете? Зачем выпускать чуму в Ливиград? Зачем убивать норн? Какие цели вы преследуете?

— Отойдите.

Новый голос раздался на опустевшей улице, и Фолл вздрогнул, узнав его. Он не мог поверить своим глазам — из неестественной тьмы, упавшей на город, на свет выступила фигура в столь знакомом чёрном вечернем платье. Цокали каблуки по камню, трепыхались на лёгком ветру тонкие серые волосы. Лишь глаза поменялись — вместо тусклого чёрного они теперь смотрели мерцавшим серым.

— Мира... — ошарашенно протянул Фолл. — Ты — третий игрок? Но...

— Я не знаю, о чём ты говоришь, — вздохнула чародейка, взмахом руки стирая три фигуры, попытавшиеся возмущённо воскликнуть что-то своё. Впрочем, их крик утонул в

пустоте. — Я не знаю, что это за игроки, о которых ты говоришь, Фолл.

— Что ты сделала, Мира?! — с ужасом в голосе проговорил первый герой.

— Перешагнула грань дозволенного, — хмыкнула волшебница, поведя плечами. — Я...

Пыталась найти решение, Фолл. Изучала новую чуму, возникшую в Железных Горах.

— Решение? К чему? — дрожавшим голосом спросил Фолл.

— Ты... Вряд ли поймёшь, — голос Мира был полон сожаления и какой-то странной усмешки. — Я хотела всё исправить. Хотела спасти тебя... Вас. Героев. Это ведь ошибка... — она рассмеялась. — Ошибка Бога. Ваш призыв сюда... Все те страдания, что ты испытал. Я хотела, чтобы этого никогда не случилось. Но меня отвергли. Он отверг.

— Что ты, чёрт подери, несёшь?! — шагнул Фолл вперёд. — Я ведь... Я говорил, что не жалею, что попал сюда. Да, жизнь здесь была временами паршивой — но это не повод просто стирать всё, что здесь было! И у тебя... У тебя никогда не нашлось бы сил, чтобы обернуть время вспять!

— Я же сказала, — выдохнула чародейка. — Я искала решение. Эта чума... Модифицированное, изменённое бракованное оружие Сангвина. Его создала катастрофа — я столкнулась с её частью, когда исследовала шахты. В процессе сражения меня заразили... Так что теперь я, в какой-то степени, тоже осколок катастрофы. С самосознанием, разве что.

— Ты... Это ты выпустила чуму в Ливиград, — со злобой сказал первый герой.

— Всё это исчезнет, Фолл, — улыбнулась ему Мира. — Чума... Обращает живых существ в сосуды с серым эфиром. Как только я наберу достаточно энергии, я смогу сделать то, чего желаю. Я оберну всё вспять. Ты будешь жить — там, в своём мире... Живой и здоровый. Без... Без Крэйна. Без Сада. Без меня.

— Ты сошла с ума... — тихо произнёс Фолл. — Мира, ты творишь чистое зло! Очнись!

— Какая разница? — пожалала плечами волшебница. — Всего этого не будет, когда я закончу с заклинанием. Не будет героев, не будет катастрофы. Всё будет так, как должно было быть изначально.

— Зачем? — отчаянно прокричал первый герой. — Мира, почему тебе так важно всё это вернуть? Неужели ты боишься, что мы не справимся?

— Дурак ты, — вздохнула с болью в голосе Мира. — Я люблю тебя, Фолл. Я делаю это только ради тебя. И чтобы мне самой не было так больно, как сейчас.

Фолл замолчал, смотря на улыбающуюся чародейку. В её улыбке и взгляде сквозила такая вселенская тоска, что первый герой почти сразу понял, что всё, что сказала только что его подруга — чистая правда. Он не замечал в упор то, что было на поверхности. Это его вина. Если бы он только сказал ей что-то тогда, перед уходом. Если бы только не делился чувствами по поводу жизни в Крэйне... Что ж, что сделано, то сделано. Миру нельзя было переубедить — она видела каждое своё действие как нечто, что в дальнейшем исчезнет. Чего в дальнейшем не будет существовать. Она не остановится ни перед чем — всё-таки Фолл её знал хорошо. Даже слишком хорошо.

Однажды поставив перед собой цель, Мира добьётся её всеми средствами, даже если для этого потребуется отдать собственную жизнь.

— Прости, Мира, — выдохнул первый герой, поднимая свой клинок. — На кону стоит весь мир. Я понимаю твои мотивы и признаю, что они в той или иной степени справедливы. Но здесь... Что цель, что средства — всё одно, дерьмо. Я дам тебе один шанс. Отступи. Забери отсюда чуму, освободи Ливиград. И... Для всех нас будет лучше, если ты покончишь с собой. Мы не можем давать катастрофе силу.

— Я... — Мира вздрогнула, услышав эти слова. Для неё не было ничего важнее того, что хотел сказать ей Фолл. И сейчас, когда он напрямую сказал, что миру будет лучше без неё, чародейка испытала тяжелейший удар. — Ничего. Всё исчезнет, и ты ничего не вспомнишь. Как будто и не было.

— Тогда я вынужден буду тебя остановить, — встал в боевую стойку Фолл. — Даже если буду должен вновь умереть здесь и сейчас.

— Фолл... — прошептала Мира. И тут же помотала головой, отбрасывая ненужные мысли. — Хорошо. Сразимся, раз ты так этого хочешь.

В её ладонях побежал, концентрируясь, серый эфир. Земля задрожала — так, что это ощущалось даже далеко от места их схватки — там, на одной из площадей помельче, по которой брёл Арт. Восстановив равновесие, он обеспокоенно посмотрел в сторону улицы, на которой остался Фолл. Мертвецов здесь практически не было, только остатки праздника, брошенные повозки, перевёрнутые ларьки и осколки стекла, валявшиеся повсюду. И, конечно, тела. Раздавленные в давке, возникшей во время вспышки чумы, обезглавленные ожившими трупами и разорванные ими же на части. Кровь блестела в бледном свете мерцавших магических фонарей, часть из которых покосилась, а часть не работала вовсе. Дома взирали на двигавшегося по краю площади парня мёртвыми чёрными окнами — никто из жителей не надеялся на спасение в собственном жилище.

Всё-таки умные люди. Понимают, что мертвецы легко вынесут даже крепкую дверь, навалившись всей толпой.

Арта переполняла уверенность. Пусть свет в его сердце погас, он знал, что идёт по пути, который выбрал сам. Не обязательно правильному, но по тому, в котором только он решает, как поступить. Избавившись от принципов, он ощутил себя, на удивление, свободным. Он размышлял о пути героя, как о единственно возможном для него. Но увидев, как приходится поступать, чтобы поступать правильно, так, как надо, убедился, что героем ему не быть. Фолл, был парень уверен, знал куда больше, чем говорил.

О героях.

И знал, что рано или поздно он, Арт, столкнётся с реальностью. Даже пытался подготовить его к этому — но парень всё равно оказался не готов. Правда, отойдя от шока, Арт убедил себя в одном — бежать он не станет. Убегать от собственных решений и от собственных поступков — путь кого угодно, но не его. Он спасёт мир — не как герой Арт, но как Артём. Просто человек.

Всего лишь человек.

Арт перешёл улицу, выходя на другую, что тоже вела к площади, которую он только что пересёк. К ней же вела улица, на которой они встретили те фигуры, похожие на катастрофу. Парень сразу увидел, что здесь скрывалось нечто странное и подозрительное — никто не смог бы не заметить огромное фиолетовое дерево, пустившее корни в камень возле одного из окружённых забором зданий. Кто-то очень богаты жил там, а потому там имелась земля, необходимая растению. Оно возвышалось на чьим-то садом, выломав собой забор. И возле него, уже заметив Арта, стояло одно тёмное создание. Арт стиснул зубы, ускоряя шаг.

Эфирное ускорение всё ещё держалось, поэтому в своей победе парень был уверен. Он столько тренировался — так когда же ему показать результат своего обучения? Если это дерево — главный источник чумы, то устранив его, он избавится от заражения в городе и предотвратит ещё больше потенциальных жертв.

С этими мыслями Арт сократил дистанцию, подбираясь к стоявшему неподвижно

существо. Как только Арт подошёл совсем близко, фигура двинулась, вставая посреди улицы. За её спиной виднелся клинок — довольно длинный, чем-то напоминавший любимый меч Йорана. Только сейчас парень заметил, что это существо куда "живее" тех, кого он встретил до этого — оно имело детализированное тело: кожаную броню, тонкие штаны и сапоги, даже кинжал на поясе. Вероятно, при жизни это был искатель приключений. И опытный — такое снаряжение явно стоило не копейки.

— Уходи, мальчик, — прогудел мужчина, мотая головой, словно предупреждая Арта. — Спасайся, пока можешь.

— Вы... Это вы распространяете чуму?

— Разуй глаза, — выдохнула фигура. — Разумеется. Это — её источник.

Арт окинул взглядом дерево, что, кажется, выросло за то время, что он шёл к нему. Чёрные листья становились крупнее, а серые ветви расширялись всё дальше, к небесам. И кажется, что на дереве вскоре должен был созреть плод. Арт не знал всей истории, но чётко понимал, что должен это предотвратить.

— Вы... Вроде бы меня понимаете. Почему вы помогаете кому-то, кто убивает простых людей?

— Мой разум был сохранён, чтобы я мог отличить союзника от врага, — ответил мужчина. — Так, я могу контролировать себя. Но если ты попытаешься тронуть это древо — не обессудь, парень. Ты силён, я вижу. Но против меня у тебя нет шансов.

— Обнажайте клинок, — скрипнув зубами, произнёс Арт. — Сразимся, как полагается.

— Молодо-зелено, — выдохнула фигура. — Совсем свою жизнь не цените. Киара такая же... Бросалась на амбразуру, лишь бы спасти кого-то. А зачем? Себя бы в таких условиях унести... Надеюсь, они с Эваном убрались отсюда подальше.

— Э... Эван? — вздрогнул парень.

— Ты что-то знаешь о моём сыне? — подался вперёд воин, опуская только что покинувший ножны меч. — Прошу тебя, расскажи! Это всё, чего я желаю!

— Мне... Мне жаль, — сглотнул Арт. — Ваш сын... И ваша жена... Они...

Мужчина поднял ладонь, останавливая парня.

— Не продолжай, — его голос был полон боли. — Я услышал. Спасибо, что сказал. Я... — он поднял клинок, вставая в боевую стойку мечника. — Не могу обещать, что сохраню тебе жизнь. Но я не стану заражать тебя, чтобы ты стал одной из этих тварей. Считай это благодарностью.

— Хорошо, — выдохнул Арт, собираясь с силами. — Но я всё-таки рассчитываю одолеть вас, неизвестный воин.

— Тогда покажи, чего стоишь, неизвестный парень! — отчаянно рассмеялся искатель приключений, шагая вперёд и начиная сражение.

Его меч двигался быстро, словно мужчина не чувствовал его веса. Каждый удар заставлял Арта вкладывать всё тело в блок, лишь бы остаться на ногах. Фигура не давала ему продохнуть — удар переходил в тычок, за разворотом тут же следовал пинк, за пинком — новое горизонтальное или вертикальное рассечение. Парень не мог найти в движениях мечника прорезь, а держался так вообще исключительно за счёт эфирного ускорения. Темп, в котором бился искатель приключений, был попросту сумасшедшим.

Стиснув зубы, Арт начал пользоваться теперь ещё и даром. Но даже исчезая и в одно мгновение атакуя противника из слепой зоны, у парня не получалось его достать. Изгибая тело под невероятным углом или легко изменяя траекторию клинка мужчина раз за разом

избегал стали, спокойно парируя неожиданные атаки Арта. Более того — он начал к ним адаптироваться! Парень словно дрался с одним из своих наставников — столь ловким, оппортунистским и чрезвычайно агрессивным был стиль сражения его врага. Кроме того, это существо, кажется, не знало усталости — после пяти минут непрерывной схватки его движения не замедлились, а удары не ослабели.

— Двадцатый меч — меч земли! — произнёс Арт, атакуя крутящимся движением, словно закручивая спираль. Полный боевого азарта мужчина выставил меч в надежде на блок начавшейся было столь рьяно атаки, но она спала, обходя защиту и вновь ускоряясь в середине.

— Ч-чёрт! — выругался мужчина, отпрыгивая прочь.

А в место, где он только что стоял, прилетел клинок, полный импульса и заряженный смесью чёрного и зелёного эфира. В камне образовалась небольшая яма диаметров в полтора метра. Арт, мотнув головой, поднял меч, готовясь к продолжению.

— Где ты выучил это? — кашляя от поднявшейся пыли, спросил мечник. — Столь элегантная и разрушительная техника... Подумать только, что что-то такое существует в этом мире!

— Вы решили сдаться? — с некоторой надеждой в голосе спросил Арт.

— Куда там! — рассмеялся мужчина. — Это лучший бой на мечах за всю мою жизнь! Ты задел меня... Почти задел, малец. Отдаю тебе должное — если бы этот удар достал меня, я бы расстался с ногами, если не с доброй частью пуза. Но теперь... — давление, что испытывал Арт на протяжении всей схватки, стало ещё сильнее. Так, что он начал задыхаться, потеряв контроль над полем боя. Впрочем, мужчина этим не воспользовался. — Теперь я хочу биться во всю силу! Покажи, парень! Покажи мне ещё, пожалуйста! Я уже мёртв, мои родные мертвы — и всё, что у меня осталось, это воинская честь! Если это от техники вроде той, что ты показал... Я воссоединюсь с семьей с улыбкой на устах.

— Кто вы... Кто вы, чёрт подери, такой?!

— А? — на мгновение потерялся мечник. — Я — глава филиала гильдии искателей приключений Ливиграда. Был главой. Незавидная у меня судьба, а?

Арт кивнул, понимая, почему его соперник был столь силен. Главы филиалов гильдии искателей приключений пугали даже властителей — столь много у них было власти, да и сил каждой такой личности было не занимать. Опытнейшие и лучшие из лучших искателей приключений вставляли во главу филиала гильдии... Был бы здесь Фолл, он бы оценил их где-то на уровень семи-восьми баллов из десяти. Точно выше, чем тот, что был у трёх бесформенных фигур. Но чуть ниже, чем уровень его наставников. Они были настоящими монстрами — в сражении насмерть он бы не смог достать их всего одним из ста мечей.

Это означало, что у парня был шанс. Как обычно в таких историях, маленький.

Но он был.

— Продолжим? — взмахнул мечом мертвец.

Арт кивнул, первым бросаясь вперёд.

— Мне нравится твой подход! — хохотнул мужчина, повторяя его движение.

Но перед самым столкновением Арт ушёл в пустоту, давая клинку оппонента вспороть воздух.

И уже появившись прямо за его спиной, парень продолжил замах.

— Двадцать первый меч — меч гор!

Разрушительный и элегантный вертикальный разрез мужчина пропустил, двинув таз

вперёд, давая лезвию расщепить позвоночник меж лопатками. Он уже повернулся, чтобы встретить новую атаку, но, округлив глаза, отпрянул, пропуская и второй взмах. Ветер ударил в стороны от ужасающего удара, легко сломавшего бы меч бывшего лидера филиала гильдии. Арт шагнул, поднимая свой клинок вновь. Никаких шансов. Однако его противник правильно оценил свои шансы — и снова отпрыгнул, избегая атаки. Выдохнул, улыбаясь.

И ринулся вперёд, не давая Арту передышки.

— Ещё... — в каком-то пьяном азарте кричал мечник. — Ещё!

Подбородок. Плечо. Шея. Лоб.

Удар за ударом блокировал Арт, потеряв инициативу. Для применения техники ста мечей ему требовалась пауза. Буквально секундная, даже меньше, но даже её он получить не мог. Всё, что было нужно — это отвести меч на правильную позицию. Начальные движения в каждом из ста мечей были самыми важными — порой даже важнее, чем финальные. Если первый взмах или укол оказался неверен — то и все следующие будут такими же, кривыми-косыми.

Правый глаз. Предплечье левой руки. Живот. Грудь. Горло.

А мечник дрался грязно. Бил в колени, заставляя опускать оружие, пинками вынуждал отступать, легко меняя оружие из руки в руку чуть ли не во время уже начатой атаки, внося хаос и смятение в видение боя Арта. И двигался мужчина быстро — ещё быстрее, чем раньше. Даже с эфирным ускорением на пределе возможностей парень мог лишь едва-едва поспевать за ним. От применения дара он отказался — чем больше он это делал, тем легче давалось оппоненту уклонение. Нельзя было дать ему полностью адаптироваться к внезапному исчезновению и появлению, иначе Арт потеряет последнее преимущество.

— А-А-А!!! — закричал Арт, вкладывая в парирование все силы. Меч мужчины отлетел в сторону, но тот уже уводил его обратно для новой атаки. Это была... Возможность. Для сильнейшей доступной Арту атаки. — Второй меч — меч зеркал!

Меч, который изобрёл Фолл, сталкиваясь из раза в раз с противниками, чей боевой стиль был столь непредсказуем, что выучить и адаптироваться к нему во время сражения не представлялось возможным. Эта техника была практически полностью завязана на импровизации, однако некоторые утверждённые движения в ней всё-таки были. Во-первых, это постоянное движение вперёд. Не в сторону, не назад, а только вперёд. Во-вторых...

Мечник двинул катану, выставляя блок.

Траектория, по которой бил Арт, изменилась буквально за несколько мгновений, меняя угол, под которым столкнулась сталь. Арт уже бил снова — уколом, который вовремя парировал мечник. Он уже рванул в атаку, но отступил, глядя, как меч парня вместо возвращения на исходную для блока против контратаки летит в нападение вновь.

Каждое движение. Каждое блокирование. Каждый удар.

На всё находилось отражение. Искажённое, будто глумившееся над тем, как сражался бывший глава филиала гильдии. Он отступал, но не понимал, почему. Всё в ударах парня было не так — всё было криво, всё было... Хаотично, бесформенно. Так не сражаются подготовленные и натренированные мечники, в том числе профи из искателей приключений. И тем не менее, в этом хаосе появлялся порядок — порядок, который вносил своими ударами мужчина.

Чтобы что-то отражать, перед зеркалом должно что-то быть.

На укол сверху шёл разрез снизу. На тычок шёл вертикальный разрез. На горизонтальное рассечение следовал тычок — и всё такой же, как и всё остальное. Кривой. Непонятный.

Будто мужчина сражался с неопытным новичком. Но нет. Нет! В этих движениях чувствовалась сила, и их скорость ни капли не страдала от неправильного с точки зрения учебников исполнения ударов.

Мужчина отступил на несколько шагов, замирая с потрёпанным мечом в руках. На нём было множество зарубин — коих не наблюдалось после их первого раунда. Весь этот хаос едва не поглотил мечника. И пускай он уже был мёртв, он ощутил, как покрылась несуществующим потом его спина, и как пробежался импульсами по телу страх. Страх перед чудовищем, что изобрело эту технику. Не разгадай мечник её секрет, то погиб бы, потерявшись в хаотичных ударах, следовавших в ответ на его движения.

— Ты слишком молод, чтобы создать нечто подобное, — выдохнула фигура. — Или, быть может, ты гений этого поколения?

— Это не моя техника, — покачал головой Арт. — Я перенял её у моего учителя.

— Что ж, тогда твой учитель — гений среди гениев, — рассмеялся мужчина. — Остальные ведь тоже его рук дело? Да-а... Чувствуется рука мастера. Чёрт, даже обидно, что я мёртв!

Арт остановился, судорожно дыша. Он стоял на колене, опираясь на свой меч. Три техники ста мечей вместе с эфирным ускорением довели его до предела. Не соринтерируйся мечник вовремя, парень бы уже стоял на его телом. Скорей всего, обезглавленным. Но тренировок было недостаточно, чтобы подготовить его к столь длительному и изнурительному сражению. Его оппонент был опытным воином. Таким, с которым по-настоящему стоит считаться. Возможно, Фолл бы даже дал ему восемь баллов. Удивившись, конечно, ибо почти всех восьмёрок он знает поимённо.

— Видимо, это твой предел, — выдохнул воин. Вздрогнул, посмотрев в сторону улицы, где Арт оставил Фолла. Вновь взглянул на парня. — Извини. Мне правда жаль, но я должен закончить здесь и поспешить на помощь моему хозяину. Если тебя это утешит, когда я встречу твоего учителя — я расскажу ему, что ты погиб, как герой.

— Герой... — рассмеялся Арт, отхаркивая кровь. Эфирное ускорение начало повреждать внутренние органы — дальнейшее поддержание этой техники было опасно для жизни. — Во-первых, я не герой... — преодолевая боль и всё ещё держа эфирное ускорение, произнёс он. — Во-вторых... — он поднял меч, вставая в стойку. — Я ещё не погиб.

Он собрал эфир, что струился по телу. Ощутил его, каждый кубический сантиметр. Ощутил — и сжал, уплотняя ещё сильнее. Напрягся — и ускорил энергию, доводя себя до абсолютного предела физических возможностей. Больше выжать его тело на текущем уровне развития и эфирного контроля не могло. Перед глазами плавали круги, но сосредоточившись, Арт сумел убрать всё лишнее из поля зрения — улицу, дерево, дома и фонари, оставив только фигуру с мечом руках. Только противник. Всё остальное погрузилось во тьму.

Воин двинулся, замахиваясь для новой атаки.

Арт удивился тому, сколь медленным было его движение. Словно в кино, в замедленной съёмке. Он легко мог его парировать. Да что там — он легко мог прямо сейчас вонзить свой клинок ему в сердце, сделав всего два шага! Но... К сожалению, мечник был прав. Это был его предел. И буквально — и фигурально. Всего два шага и один удар разделяли Арта и победу — но сделать их он уже не смог. Замахнувшийся клинок лидера филиала гильдии достиг своей цели, погружаясь в грудную клетку Арта и пронзая сердце. Парень вздрогнул, избавляя свой организм от ещё одной кучи крови.

Мужчина отшагнул, вынимая меч и слыша, как падает с глухим звуком на камень тело.

— Ты бы стал хорошим другом Эвану, — тихо произнёс мечник. — Он всегда хотел подружиться с кем-нибудь постарше. Прости меня, неизвестный парень. Прости, что не узнал твоё имя. Прости — и прощай.

Мужчина повернулся, чтобы уйти прочь. Даже сделал два шага по улице, даже вздохнул, испытывая глубокое сожаление и печаль. И вздрогнул, услышав едва прозвеневшую сталь. Он обернулся — так резко, как смог, ошарашенно глядя на тело, что однозначно перестало проявлять хоть какие-то признаки жизни. Паренёк был мёртв, мечник в этом точно убедился. Его многолетний опыт это подтверждал — тело испытало высочайший уровень перегрузок, а затем потеряло своё сердце. Тут никто бы не выжил... Разве что этот кто-то — монстр или чудовище из дикой природы Крэйна.

Парень, которого мужчина счёл убитым, поднимался, опираясь на меч. Легко и непринуждённо, словно проснувшись от долгого сна.

— Ты... Бессмертный?

Парень отрицательно покачал головой, крутанув свой меч в воздухе. Воин тут же притянул свой поближе — это движение не походило на то, что показывал его противник до этого. В одной этой "разминке" чувствовалось нечто иное. Бывший глава филиала гильдии легко различал движения, проложенные тренировками, от движений, проложенных опытом в реальных сражениях. В том, что продемонстрировал парень сейчас, воин увидел то, что заставило его напрячься, готовясь к ещё более ожесточённому сражению.

И он наконец-то увидел ещё одно отличие между парнем до и парнем после. Его глаза. Вместо мутного янтаря в них полыхал тёмно-серый. Серое пламя, наверно, одно из самых страшных. Его выдыхал Уроборос — бирюзовый дракон далёких времён, тех, когда люди ещё ютились в пещерах. С тех пор об этом пламени сохранились лишь легенды — и эти легенды тщательно изучал он, лидер филиала гильдии. Хобби у него такое было — история.

Согласно обрывкам древнейших историй, это пламя — символ вечности. Оно сжигает само время — и ничто не способно его остановить.

— Парень... Что ты такое? — прошептал мужчина, здраво оценивавший свои шансы на победу. Сейчас от одного вида паренька его бросало в дрожь, в которую бросаться он способен не был, ибо был мёртв.

Но "Арт" не ответил. Поднял клинок, заставляя мечника напротив отшагнуть.

— Ты... Чудовище... — выдохнул воин, собирая волю в кулак. — Что ж, тогда..!

— Девяносто первый меч, — буднично, абсолютно равнодушно произнёс парень. — Меч абсолютного разрушения.

Он ударил, не давая мечнику среагировать. Тот умер, как только удар настиг его. Но даже так он посмотрел на маленькую, тоненькую линию, оставленную после движения в камне. Она убегала от клинка, замершего параллельно земле, далеко далеко вперёд, прямо к мужчине. Его тело, вернее, две аккуратные его части, рухнули с глухим звуком. А дорожка всё бежала — бежала всё дальше, рассекая улицы, здания, трупы, перевёрнутые повозки и ларьки, рассекая лепестки роз и серпантин, лежавшие на камнях и парившие в воздухе. Наконец, достигнув самого края, тонкая линия исчезла. А тьма, сгустившаяся над Ливиградом, оказалась поделена надвое. Один удар клинка разрубил не только то, что было перед ним — он разрубил огромный кусок пространства на несколько десятков километров впереди и в высоте.

В приоткрывшееся окошко заглянула луна, озаряя синим светом парящий город.

"Арт" повернулся к серому дереву, выросшему уже на уровень самых высоких домов. Замахнулся, готовя новый удар.

— Девяносто первый меч — меч абсолютного разрушения.

Взмах. Удар. Дерево качало ветвями и чёрными листьями, полностью игнорируя движение парня.

— Материя, которую нельзя разрушить... — слегка удивлённо протянул "Арт". — Времени у меня мало... — он замахнулся вновь. — Пятидесятый меч — меч эфира.

Взмах. Удар. Во все стороны разошёлся разноцветный эфир, огромные объёмы которого высвободились после удара. Дерево оставалось невозмутимым.

— Не реагирует на резонанс... Эта энергия не принадлежит этому миру.

"Арт" снова замахнулся, отставив ногу в сторону.

— Это первый и последний раз, когда я применяю этот меч. Первый меч... — и ударил, закрыв глаза.

Дерево, вздрогнув, рухнуло, срезанное наискось.

— Меч героя.

...на разрушенной улице, среди обратившихся в груды камня и кирпича домов, на руинах того, что когда-то было мостовой, лежало одинокое тело. Покрытое бледной фиолетовой кровью, оно практически не дышало. Где-то вдалеке, заметив его, двигались две фигуры. Плащ одной полыхал рыжим огнём, а с каждым шагом второй дрожало само пространство вокруг. Они спешили — ибо чувствовали, что что-то было с этим телом не так. Но на самом ли деле то тело было одиноко?

Фолл, склонившись над Мирой, держал её за руку, закрыв свои глаза.

— Всё... Такой же... Силач... — улыбалась чародейка пухлыми губами, с которых стекала тонкая струйка крови. Алой крови. Видимо, частично она всё ещё оставалась человеком. Растрёпанные серые волосы покоились на камнях, разорвано было чёрное вечернее платье. И едва-едва блестели ставшие вновь чёрными глаза, выражавшие бесконечную печаль. — Фолл...

— Я здесь, Мира, — тихо ответил первый герой.

— Я... Много кого оставила... Ни с кем... Не попрощалась...

— Так же, как и я.

— Так же... Как и ты... — слабо кивнула архимаг. — Я... Хотела, как лучше...

— Я знаю, Мира. Ты не виновата... Это я — дурак.

— ...а получилось, как всегда, — хрипло рассмеялась Мира. — Ха-а... Спаси... Этот мир... Раз так... Хочешь...

— Спасу, — кивнул ей Фолл. — В этом весь план.

— План... Ха-ха...

Пауза.

— Эй, Фолл... Скажи, хоть раз...

— Что?

— Скажи, что любишь меня... Пожа... луйста...

Фолл выдохнул, открывая глаза.

— Это твоё последнее желание?

— О большем... И мечтать не могу... Помнишь ведь... Это место... Здесь мы... Основали Сад...

Их первая встреча.

Рынок Фарэя. Шумно, тесно. Запах океана. Запах рыбы — сырой и жаренной. Запах цветов — тех, что растут на равнинах вдалеке от города. В этом переплетении запахов сталкиваются двое — запах пота, крови и сигарет с запахом дешёвых мужских духов. Воинское облачение и кожаная накидка путешественника. Короткий меч и старый магический посох. Уставший воин и храбрая искательница приключений. Случайный взгляд, случайное касание. Случайный разговор ни о чём. Грубость, заинтересованность, наконец — компромисс.

Их первое сражение.

Нижний уровень склепа в пещере, что в Железных Горах. Спина к спине. Меч наготове, взятый, будто дубинка, посох. Обоюдный смех. Кровь. Боль. Слезы. Раны. Снова смех. Вдохи и выдохи. Путь вглубь. Плохая карта. Её грубость. Его понимание. Запах разложившейся плоти и дешёвого мужского одеколona. Она никогда не говорила, почему пользуется именно им. Он никогда не спрашивал. Их свёл случай. Они решили, что только на него надеяться нельзя.

Их путь в далёкий Ливиград.

Смех и байки у костра. Запах супа-похлёбки путешественника. Нападение мародёров. Глубокая рана. Ворчание под треск пламени. Тряска на лошади. Стёб друг над другом. Вопросы магии. Вопросы жизни. Вопросы мира. Откуда он. Откуда она. Герой и чародейка. Дорога, полная тепла и счастья. Засада на постоялом дворе. Крики. Кровь. Потеря сознания. Шёпот, где-то совсем близко. Бледная волшебница. Ненужный посох. Несколько недель отдыха. Бледный воин. Страх в его глазах. Вялая улыбка на её губах.

Ливиград.

Их совместная работа. Запах старых книг в библиотеке. Шорох страниц, тихое бульканье пера, обмокаемого в чернила. Треск очков от щелбана. Возмущение. Смех. Просьба не шуметь. Разговор о будущем. Предложение союза. Обсуждение. Название. Составление организации. Спарринги возле казарм стражников. Практика магии у неё. Практика меча у него. Потом — наоборот. Его занудство. Её понимание. Запах пыли и пота. Запах дорогих женских духов. Подарок. Носки. Смех. Всё громче и громче. Разговоры других. Хохот воительницы. Хриплый смех гнома. Вздох молодого мужчины. Ухмылка дракона. Хмурые брови эльфийки. Громкое молчание пожилой женщины. Запах сигарет.

Железные Горы.

Работа в исследовательском комплексе. Он пытается помочь. Она пытается работать. Он не понимает. Она пытается понять. Усталость. Запах реагентов и зелий. Груда раскрытых манускриптов по всему столу. Скрипучая кровать. Доклады. Расходы. Доходы. Информация. Разговоры до рассвета. Магия. Отравление. Горечь потери. Он хочет разрушения. Она останавливает его. Он успокаивается. Благодарность. Вино. Секс. Портрет.

Доран.

Разбойники, убийцы, шпионы. Верный посох в её руке, верный меч в его. Позади — старое время. Впереди — нечто новое. Их сад. Место, где каждый может найти себя. Она создала это ради него. Он создал это ради неё. Работа в замке. Редкие спокойные ночи. Гладкое звёздное небо, усыпанное огнями. Запах тёплой постели и новой книги. Теперь книги пишет она. Он смеётся. Читает. Соглашается. Они спорят. Смеются вместе. Дорогие мужские духи. Дорогие женские духи. Крики отчаянья вперемешку со смехом. Его печаль. Её прямолинейность. Понимание. Она пишет картины, он позирует ей. Он курит. Она пьёт вино.

Золотая Империя.

Усталость. Редкий смех. Молчаливые ночи. Холодная постель. Вино после полуночи. Новые доклады. Новая работа. Запах крови и духов, пропитавший воздух. Он всё такой же. Она всё такая же. Они неизменны. Это притягивает. Система баллов. Недоумение. Понимание. Осознание. Помощь. Сад — повсюду. Она сделала всё, что могла. Его дорога ещё не кончилась. Обещание помочь. Клятва. Совместная сигарета. Последние сборы в парящий город. Последняя картина. Он смеётся. Она вздыхает. Собрание документов. Артефакты в одной сумке с посохом. Она давно не брала его в руки. Он ей больше не нужен.

Воин улыбается. Чародейка улыбается ему в ответ.

Ливиград. Снова.

Семь их последних ночей. Боль в спине. Хохот. Разговоры до рассвета. Снова. Запах дешёвых мужских духов. Снова. Серые волосы, рассыпанные по подушке. Пепел сигарет, винные пятна на простыне. Тепло прикосновения. Тепло душ. Смех. Совсем немного — работа. Финальные сборы. Контракт с магическим существом. Он называет его французом. Француз называет его *le idiote*. Взгляд карих глаз. Взгляд чёрных глаз. Так близко. И уже потом — так далеко. Он провожает её.

Башня архимага.

Шутки про горный хрусталь. Лёгкая обида. Непонимание. Смех. Объятыя. Последние подарки. Ей — его верный меч. Ему — её верный посох. Снова смех. Запах дождя. Мокрая сигарета меж двух пальцев. Махание рукой. Удаляющийся силуэт. Она не забудет. Он не забудет.

Они сделали всё, что было надо. Забыли только сказать друг другу те самые слова. Они им были не нужны. Почему-то в этом мире они им не понадобились. Все и так всё прекрасно понимали. Наверно, она боялась. Может, боялся и он. Всё могло быть не так. Всё могло быть иначе. Но время не поворачивается вспять.

По крайней мере, не для таких тривиальных вещей.

— Тогда да, архимаг. Конечно... — Фолл всё же заплакал, сжимая руку Миры ещё крепче. — Да. Я тебя люблю. Навсегда.

— Ах... Нахрена я... Только... Всё это... Дерьмо... Сделала, а... Могла бы... Просто... Попросить... Вот так...

— Я... — Фолл хотел сказать что-то ещё, но его прервали.

— Лори, ты уверена, что... Стой! Это...

— Мастер!

Две фигуры наконец-то приблизились к Мире, опускаясь на колени возле неё.

— Мастер, как же это... — паниковала Лорелеи, пытаясь понять, что случилось. Она даже выронила свой новенький посох, купленный, как и обещалось, Маркусом.

— Наставник Мира... — сжимала кулаки Ирис, едва сдерживая крик отчаянья. — Что вы здесь делаете... И кто... Кто посмел это с вами сделать?!

— Девочки... — перевела на них взгляд архимага. — Вы... Так выросли... Как я давно вас... Не видела...

— Мастер, оставайтесь со мной, — бросила сумки на землю Лори, принимаясь рыться в них. Но замерла, когда ладонь чародейки осторожно опустилась на её запястье. Со слезами на глазах Лорелеи взглянула на своего мастера, более не сдерживая плач. — Мастер, пожалуйста... Вам нельзя здесь умирать...

Ирис не плакала. Вернее, она не могла поверить, что плакала. Она отказывалась

принимать тот факт, что горячие и горькие слёзы текли по её лицу, падая на тёплый камень. В последний раз она плакала в тот день, когда потеряла Фолла. Фигуру, за которой она следовала, человека, которого безмерно уважала. Какие бы тяготы она не испытывала после, как бы сложно и грустно ей не было после, она не давала волю чувствам. Но сейчас, когда она наконец-то встретилась с наставницей, показавшей ей мир эфира, мир волшебства — она встретила её, фактически, на похоронах. Она снова не успела.

И снова не была достаточно сильной.

Вид едва живой Миры разбил Ирис сердце.

Она поднялась, впиваясь ногтями в кожу ладоней. Тёплая кровь закапала на покорёженную мостовую.

Пока Лори плакала, Ирис стояла, не шевелясь.

— Я... Мне... Жаль, Лори... — едва собирая слова в предложения, протянула Мира. — Твой мастер... Не такая идеальная... Какой ты... Видела меня...

Фолл, до сих пор державший руку архимага, выдохнул, всё ещё не показывая эмоции. Ему нужно было идти — Арт мог быть в опасности.

— Знайте... Вы... Все... Арт... Ты, Лори... Ты, Ирис... Вы навсегда... Будете моими учениками... Моими... — она в последний раз улыбнулась, посмотрев на Фолла. — И Фолла...

— Мастер... — сквозь слёзы кричала Лорелеи. — Мастер! Мастер, нет!

— Поэтому, Арт, я, на самом деле, ненавижу быть героем, — протянул Фолл, поднимаясь и вытирая слёзы. Из руки Миры он достал помятую сигарету. — Потому что вот такие моменты потом видятся тебе даже наяву. Потому что все, кого я знаю... Все, о ком я пекусь, уходят... В конце концов.

— Наставник... — прошептала Ирис, чьё тело дрожало. Фолл остановился, подойдя к ней.

Положив руку на её плечо, покачал головой.

— Не сдавайся.

— А?!

...И ушёл, куря промокшую не то в крови, не то в слезах сигарету.

Ирис дёрнулась, ища взглядом знакомый голос и знакомую фигуру. Она задрожала ещё сильнее — шок грозил девушке потерей сознания. Искра, тонкий луч света — это было оно. Потеряв всю надежду, Ирис была готова опустить руки. Бросить всё, как когда-то хотела. Но это... Есть ли жизнь после смерти?

Именно этот вопрос задала себе Ирис, выдыхая и восстанавливая расшатанный разум.

Если да, то наверняка Фолл был единственным, кто мог бы подняться из глубин бездны ради этих двух слов потерявшейся в этом большом и страшном мире девушке.

Все что-то потеряли. Все сделали, что могли. Потери неизбежны. Мы должны смириться с ними и идти вперёд, стараясь не оборачиваться. Чтобы не заплакать и не опустить руки. Те, кто остался там, позади, на нашей дороге...

Они бы не хотели, чтобы мы плакали.

Они бы хотели, чтобы мы шли дальше.

Глава десятая. Диалог в твоей голове

Прошло несколько дней после трагичных событий в Ливиграде. Улицы до сих пор не были отмыты от крови — на рыжем и сером кирпиче, на чёрном камне — повсюду виднелись следы сражений, смерти и ужасов заражения. Легион потерял больше половины своих воинов, пытаясь защитить население на площадях. Клан убийц временно прекратил любую деятельность на континенте, объявив официальный траур. Большая часть стражников парящего города не пострадала — они не занимались зачисткой города, почти всё время сражений находясь в одном и том же месте. Сам Ливиград тоже объявил траур, выставив на улицах множество синих флагов — так чародеи, учёные, алхимики и кузнецы прощались со своими друзьями и семьями. Академии были временно закрыты, а все их студенты отправлены по домам, прочь из общежитий, к родным.

Иногда к родным — на похороны.

Провели похороны и одного из лидеров Сада. Закрытые, разумеется. На одном из престижных кладбищ, доступных директорам и лидерам гильдий. Гроб, что опустили в вязкую землю, был пуст. Тело архимага было отправлено с военным конвоем в сторону Сенстонии — Мира должна была упокоиться на пороге её волшебной башни. Помимо тех, кто был близок с ней, на "захоронении" присутствовали старшие жрецы церкви Единого Бога, а также официальное лицо от гильдии приключений. Вернее, это был глава гильдии — он с несколькими подчинёнными хоронил тело одного из своих друзей. Арт не мог избавиться от чувства вины, но Фолл, тихо кутивший рядом, помог ему справиться с грузом. Кроме того, с группой тех, кто стоял возле выкопанной могилы чародейки, находился ещё один отряд.

В чёрной броне с алой символикой.

Впереди тех воинов, в парадном мундире, стоял, опустив руки вдоль тела, император.

Он пришёл самостоятельно, обратившись с просьбой к Йорану и Эсмеральде, отвечавшими за похороны. Сказал, что никто не собирается забывать их вражду, но здесь и сейчас они не должны скрещивать клинки. Этот день — эти мгновения прощания — не должны были быть обагрены кровью. Из-за Сангвина на церемонии не было Ирис и Лорелеи. Император был мрачен — столь мрачен, что не проронил ни слова, когда пришёл его черёд прощаться с ушедшей. Он взглянул на запёртый гроб, положил на него ладонь, что-то прошептал одними губами, а затем развернулся и ушёл в портал, не забыв сопровождение. Фолл долго смотрел ему вслед. Никто не знает, что было в тот момент в их головах.

Десятилетия кровопролитной работы. Десятилетия сражений, подготовки и путешествий. Огромный труд нескольких личностей. Огромная организация, созданная ими. Сад прощался с Мирой без слёз. Те его лидеры, что не смогли посетить церемонию, прислали письма, что были похоронены вместе с чародейкой. Их слова, быть может, она когда-нибудь услышит. Если жизнь после смерти действительно есть, конечно. Арт, вставший перед гробом последним, не знал, что сказать. Вся ситуация казалась ему сюрреалистичной, будто во сне. Фолл поделился деталями произошедшего, поэтому последний герой находился в полнейшем шоке.

Ибо он был единственным живым, кто знал, почему погибла архимаг. Но не мог никому об этом рассказать. Круговорот событий, унёсший жизни сперва Фолла, а теперь и Миры, продолжал закручиваться с ещё большей силой. И в центре его стоял Арт — теперь парень

хоть немного это понимал. Он должен стать сильнее — любыми доступными способами. Хоронить ещё кого-то будет для него слишком. Достаточно смертей. Достаточно боли. Достаточно страданий.

Примерно тех же мыслей придерживалась Ирис — практически сразу после похорон вернувшись к тренировкам. Легион перестал действовать в пределах Ливиграда, а потому девушка сосредоточилась на самосовершенствовании. К сожалению, никто более не видел Лорелеи после траурной церемонии и поминок. На деле же чародейка переехала к Арту и Кирагасу — эти двое, закрывшиеся ото всех изначально, были для неё идеальной компанией.

Комодо Анко осталась в парящем городе, изучая причины и следствия чумы. Как сильнейший ныне маг времени, она была обязана разобраться в случившемся. Арт хотел попросить её остаться, но чародейка была чересчур упрямой. Объяснить ей всё, по очевидным причинам, парень не мог. Поэтому он отпустил её с сожалением в сердце — он прекрасно знал, что ничего она там не найдёт.

Кирагас неведомым образом выжил и вернулся на пятнадцатый остров вместе с Артом. Эльф был перемазан в крови — своей и чужой, а стражники-гномы, что бились вместе с ним, попросили передать свои благодарности таинственному лучнику, что спас их от неминуемой гибели.

Так, прошла неделя. Лето гремело на парящих островах, не думая ослаблять позиции. Были дни сухие, были дни влажные. Всё чаще по утрам, выбираясь из своей хибары наружу, Арт наблюдал густой туман, буквально поглотивший его остров. Что удивительно, последний герой вообще не пострадал. Кроме небольшой потери памяти, о которой он рассказал Фоллу, у него не было никаких травм или ранений. Однако, в глубине души он чувствовал, будто с ним что-то происходит. Что-то непонятное и страшное. Фолл очень долго смотрел на него, будто пытаясь это непонятное и страшное разглядеть. Затем попросил на время забыть о том, что было, и вернуться к ежедневным занятиям с мечом и эфиром.

Наступил день, когда Арт, по договорённости с Йораном, должен был отправиться в кузню. Клинок из яйца дракона был готов, но солнце было ещё высоко — а по просьбе наставника парень обязан был прибыть к закату. Поэтому сейчас, покончив с тренировкой тела и оттачиванием техник ста мечей, Арт отдыхал на краю острова, усевшись на тёплом камне. Впрочем, отдыхом это было назвать нельзя — рядом стоял рыжий бородач, от которого несло так, будто он пил, не просыхая.

В ворохе спутанных волос было трудно разглядеть лицо. Его, кроме прочего, закрывал железный шлем, делавший крупный череп не менее крупного гнома ещё больше. Его тело закрывал панцирь, на локтевых и коленных сочленениях которого блестели острые пятисантиметровые шипы. Оружие Крон Изгнанник не носил — вместо него один из лидеров Сада дрался, используя собственные кулаки. Те тоже были закрыты бронёй — и на каждой фаланге пальца также наблюдались шипы, правда, поменьше, нежели на броне.

— Будь почтителен и вежлив, козьявка, — бурчал грубым, шершавым голосом Крон. — Твой меч выковал дракон! Обосраться мне от просроченного пива! Дракон!

— Спасибо за совет, — сохраняя спокойствие, ответил Арт. Это был уже десятый совет за сегодняшний день — пьяный гном донимал парня ими даже во время тренировок.

— Да... — выдохнул мужичок, прикладываясь к пузатой фляге. — Без Фолла и Миры Сад потерял былую мощь. Вернись сейчас драконы — и мы бы пали, один за другим. Хотя кому какое в гузно дело — мы и так помрём. Может, от Империи, может, от катастрофы.

Этого... Как его? Жнеца...

— Пьяная рожа, — покачал головой Фолл, стоявший возле горного обрыва. — Что он вообще знает о драконах... Эх.

— Мы справимся, — сказал Арт, глядя на облака, плывшие совсем рядом. Под ними лежали огромные пустые поля, на которых работали орки. Ферм возле Ливиграда было много — несмотря на сосредоточенность парящего города на чём-то более сложном и комплексном. Еда была нужна всем и всегда.

— Мы? Быстро ты себя в Саду прописал, — рассмеялся Крон, сплёвывая. — Козьявка, не строй ложных надежд.

— На вашем месте я бы проявил уважение, *le flâneur*, — щёлкнул клювом Фарион, сидевший, сложив крылья, бок о бок с Артом на камне. — Дитя потеряло менторов. Обоих.

— А я потерял двух друзей, — выплюнул гном. — И мне похер на уважение. Делать горькую, как гной, пилую — сладкой, это не про меня. Я буду с тобой откровенен, козявка... — он повернулся к Арту, опуская флягу. В маленьких белесых глазах не было чувств — гном был слеп. — Мы в таком дерьме... Хуже не придумать, честное гномское. Когда ушёл Фолл — я вздрогнул, но устоял. Когда ушла Мира — я не смог стоять прямо. Я ёбнулся на задницу, и это, скажу я тебе, было до ужаса страшно... Те, кто мог хоть что-то тут поменять — их больше нет. А ты с сестрой...

— Ни слова более, — дёрнувшись от жажды крови, что вспыхнула от тела Арта при этих словах Крона, произнёс Фарион. — Мы все в тяжёлом положении. Но на них... На *protégé* героя Фолла и *madam* Миры... Сейчас возложены наши жизни. Как смеете вы принижать их старания!

— Захлопнись, голубь, — прорычал Крон, мотнув огромной, почти соразмерной его телу, рыжей бородой. Фарион раскрыл клюв, не веря в абсурдность оскорбления. — Может, Йоран с Эсси что-то в вас двоих и видят. И занимаются вами, как с родными детьми. Тьху... Но как по мне — вы всего лишь дети, козявка. Дети не должны отвечать за целый мир. Дети не должны отвечать за взрослых. Не работает это так. И никогда не будет работать.

— Обратись к нему на "ты", — посоветовал Фолл. Грозовая сова предпочла промолчать, решив, что существо рядом не достойно его речей. — Должен признать, иногда и Крон говорит правильные вещи. Но выбора у нас, дорогой ученик, сам понимаешь — нет.

— А мне плевать, что это так не работает, — выдохнул Арт. — Тебя вообще трогать не должно, что, как и с кем мы делаем. Если хочешь распалиться и ворчать — вали на соседний остров.

— У тебя есть яйца, козявка! — громоподобный голос вдруг вырвал из себя злые нотки, вставив на их место восторженный тон. — Но что бы ты не сказал и что бы не считал, правила есть правила. С этого дня Сад начнёт подготовку к войне. Нам её не выиграть... И сомневаюсь, что боженька решит встать со своего трона. Нельзя надеяться на кого-то в этой жизни, козявка. Только на себя. Мы всегда так жили. И так мы умрём.

Крон сделал два больших глотка из фляги, следом выбросив ту с обрыва. Разорвав облака ударной волной, поднятой от одного его движения, бутылка улетела вниз по широкой дуге.

— Что бы ты не делал, делай, если хочешь, — протянул мужичок, проведя ладонью по бороде. — Главное, не мешайся под ногами... — он развернулся с явным желанием уйти. Но вдруг замер, вновь обратившись к Арту. — Козявка... Даже Фолл говорил, что не в силах отвечать за весь Крэйн. Раз он доверил свою роль тебе... Ты...

— Крон... — тихо вздохнул Фолл, качая головой.

— Если хочешь нас всех спасти, превзойди его. То, что они с Мирой построили за столько лет — превзойди нас. Превзойди их и превзойди Сад. Это — твои условия. Невыполнимые условия, козявка. Хочешь совет? Сдайся. Сдайся и прячься — так у тебя будет больше шансов выжить. Потому что...

Он повернулся полностью, широко улыбаясь. Слёзы, застывшие в его глазах, блестели под полуденным солнцем.

— Потому круче нас — только яйца!

Крон расхохотался, исчезая в лесу.

— Не обращай внимания, — со вздохом протянул Фарион, осторожно приобняв Арта крылом. — Крон... Необычный гном. Его все и всегда бросали. Семья, родной народ, любимая — его оставили все. Поэтому этот *le biberon* носит титул "Изгнанник". И поэтому доверяет только себе... Он этого не показывает, но к вам с Ирис у него особое отношение.

— Я заметил, — саркастично хмыкнул Арт.

— Нет, вы не поняли, — убрала своё крыло грозовая сова, спрыгивая с камня и встав перед парнем. — Он... Фактически, надо признать, что он так хотел вас защитить. Он не хочет, чтобы единственной надеждой Сада, да и всего, пожалуй, Крэйна — были вы двое. Не потому что вы недостойные или что-то в этом духе. Просто... Ах, как же это на вашем языке...

— Я услышал, Фарион, — кивнул последний герой. — Хорошо. Так или иначе, я не держу на него зла.

— Вот... И правильно, — щёлкнул клювом Фарион. — Я отправлюсь в Сенстонию. Пожалуйста, передайте *madam* Лорелеи мои искренние извинения за то, что я не смог попроситься с ней, как следует.

— Передам. Ещё свидимся.

— Вне всяких сомнений, — расправила крылья грозовая сова. — Примите пожелания удачи в обретении клинка, вышедшего из-под молота дракона. Поверьте, она вам пригодится.

Арт поднялся, кланяясь Фариону. А тот, поклонившись в ответ, исчез, хлопнув крыльями, в ворохе золотых молний. Последний герой повернулся, глядя в лес. Из зарослей, осторожно отводя руками от лица ветви, вышли две фигуры. Фолл удовлетворённо кивнул — парень всё лучше чувствовал эфир, и даже чародейки, практикующие его сокрытие, не могли спрятаться от подопечного первого героя.

Ирис поприветствовала брата лёгким кивком. Лори предпочла обойтись без этого — молча проковыляв к нему на камень, рухнув там же. Её подруга последовала примеру, правда, не стала ложиться на спину, встав там же, где до этого стоял Фолл — у самого обрыва. Лорелеи скинула сапоги, выдыхая с облегчением — она проходила в них весь день. Арт снова сел, в этот раз в позу лотоса, для удобства.

— Мы только с тренировки, — устало протянула чародейка с алыми глазами. — Как ты вообще тут жил... Не могу представить и дня без удобной постели.

— Привык, — пожал плечами Арт, посматривая в спину Ирис. Та скрестила руки на груди, думая о чём-то своём.

— А где Фарион? — спустя минуту вздохов спросила Лори.

— Отправился чуть раньше, — ответил парень. — Просил передать свои извинения.

— Ясно, — кивнула волшебница, массируя ступни. Её взгляд поник: Лори явно

хотела что-то обсудить с грозовой совой напоследок. Держалась она молодцом — гибель мастера на её руках не сломила волю ученицы архимага. — Ирис! Хватит глазеть, садись с нами. Здесь хотя бы не такое пекло, как на поляне.

Девушка, опустив руки, присоединилась к подруге и младшему брату.

К слову сказать, благодаря усилиям Ирис Легион смог значительно сократить потери. Воины, не знавшие усталости и державшие в руках таинственные орудия, рвавшие заражённых, как мясницкие ножи, стали предметом обсуждения тех, кто застал их в действии. Сама волшебница билась бок о бок с ними и Эсмеральдой — их жестокий, грубый и невероятный боевой стиль остался в памяти каждого выжившего. После всего этого они долго говорили с Артом — сверяли события, делились впечатлениями и пытались выяснить, кто мог убить Миру. Мстительная натура Ирис не дала ей оставить гибель архимага вот так просто, как остальным.

— Ирис... — начал было Арт, но замолк, стоило Ирис заключить его в объятия. Она стала делать это спонтанно — просто видя его рядом, в случайных местах в случайное время. Сжав брата покрепче, девушка выпустила его только спустя минуту.

— Я в порядке, — вяло улыбнулась она. С растрёпанными русыми волосами игрался ветер, накатывавший на край парящего острова волнами. — Как твоя тренировка?

— Лучше, — коротко ответил парень.

— Ты сегодня... К кузнецу?

— Да. Надеюсь... Всё пройдёт нормально.

— Да уж, надейся, — хмыкнула Лорелеи. — За всю историю мечи из яиц дракона можно пересчитать по пальцам. Во-первых, сами по себе яйца этих существ на чёрном рынке практически не появляются. Во-вторых, те же, кто их покупает, предпочитают вырастить себе стражника и хранителя земель, нежели отдать нечто столь ценное кузнецу. Кроме того, драконы, выращенные в таких условиях, гораздо меньше своих сородичей из дикой природы — и куда слабее при этом. Так, что уже не называются драконами — они больше похожи на виверн.

— Мой основной клинок тоже был выкован из яйца дракона, — выдохнул Фолл, и в голосе его слышалась ностальгия. — Из яйца алого дракона.

— Кажется, один из мечей Фолла тоже был сделан таким способом... — протянула чародейка. — Ладно. Деталей я всё равно не знаю. Могу только пожелать тебе удачи, Арт.

— И я, — кивнула Ирис. — Удачи, Арт. Пусть всё будет хорошо.

— Кстати, ты ещё не знаешь, какой будет у тебя?

— М? — не понял Арт.

— Какой дракон, — поправила себя Лори. — Я слышала, что такие мечи, по сути, живые существа. Зависит от способа обработки яйца, конечно, но в большинстве случаев они сохраняют сознание и даже могут помочь своему мастеру, если сочтут того достойным.

— Да, мне про это рассказывали, — выдохнул парень, вспоминая слова Анко. — И... Нет, не знаю. Лотерея.

— Каким бы он ни был, это сделает тебя сильнее, — уверенно сказала Ирис, ткнув брата кулаком в плечо. — Может, даже сильнее Сангвина.

— Ха-ха, — рассмеялся Арт. — Будем надеяться.

— Нет, — разрушил лёгкую атмосферу надежды и спокойствия голос первого героя. — Даже если всё пройдёт успешно, ты не ровня императору. Не обижайся, Арт, но он был тем, кого я обучал ещё при жизни. И чьё обучение я почти полностью завершил.

Арт, кашлянув, замолчал.

— Вот бы у тебя был какой-нибудь крутой... — мечтательно протянула Лори. — Мы ворвёмся во дворец, перебьём стражу, поднимемся к трону Сангвина... Поставим его на колени, выведем наружу и отрубим голову!

— Все драконы крутые, — хихикнула Ирис. — Вряд ли среди них можно выделить кого-то самого-самого. Хотя идею со взрывом во дворец я всецело поддерживаю.

— Ещё бы! — рассмеялась Лорелеи. — Ха-а... И это будет только первым шагом. Сперва Золотая Империя лишится императора, а потом мы разорвём её изнутри! Соберём тонны артефактов и победим катастрофу!

— Так и будет, Лори, — хмыкнула девушка. — Арт, слушай. Насчёт тебя и Эсмеральды...

— О-о, — тяжело вздохнула чародейка. — Я вчера спать нормально не могла. Будьте, пожалуйста, потише!

— Эй! — стремительно покраснел парень.

— Нет, мы не хотели лезть в твою... В вашу... Личную жизнь... — смутилась Ирис. — В конце концов, Лори тоже с Маркусом...

— Эй! — чуть ли не пискнула Лорелеи: столь внезапным было упоминание её отношений с валетом Легиона. — Капельку уважения к старшим!

— У меня просто в голове не укладывается, — наконец-то нашла нужные слова старшая сестра Арта. — Вы же наставник и ученик.

— Это — лучшая часть всей картины, — искренне рассмеялся Фолл, держась за живот. — О-ох, парень. Ха-ха, оставлю-ка я вас. Пересечёмся, когда пойдёшь к кузнецу.

Арт кивнул, глядя в спину удалявшейся фигуре, постепенно расплывшейся в серое облако, вскоре слившееся с воздухом.

— Подслушивают всякое... — фыркнула Лори, надевая сапоги обратно и продолжая бубнеть. — Он свободный мужчина, я свободная женщина... В современном обществе живём...

— Кхм, — проигнорировала Ирис подругу, переводя взгляд на Арта. — Ты... Точно в порядке?

В погоне за силой и опытом Ирис вдруг поняла, что начала забывать о близком человеке, который провёл сражение в Ливиграде в одиночку. Лори шла с ней рука об руку, но Арт — Арт был один. Что этот остров, что битва в парящем городе... Весь его путь был полон одиночества. Тот факт, что парень находился теперь в столь интересных отношениях с одним из своих наставников, заставил его сестру сомневаться в правильности своих действий. Да, её питала месть, но ведь она же полыхала в Арте. Потому, когда Лорелеи заявила, что переезжает на пятнадцатый остров, Ирис собрала вещи вместе с ней. Она не оставит его. Ни за что. Когда погибла Мира, у Арта осталась только Ирис.

Понимавшая его боль и понимавшая всю тяжесть судьбы мальчика, заброшенного в иной мир.

— Я справляюсь, сестра, — тихо произнёс Арт.

— Ты же герой, в конце концов, — выдохнула Лори.

— Нет, — грубо оборвал её парень. — Нет. Героев не существует. Я понял это в Ливиграде.

— Я так и знала! — воскликнула Ирис. — Что-то случилось там, пока меня... Нас не было рядом!

— Что ты имеешь в виду? — как-то слишком спокойно, почти холодно, спросила чародейка.

— Нас так называют — но это не так. Рыцари в сияющих доспехах, спасающие всех кругом — это выдумка. Мы не можем спасти всех — не можем защитить всех. Мы поступаем не по совести, а по нужде. Делаем не то, что правильно, а то, что надо. Потому что у нас есть для этого сила.

— Ты... — Лори сбилась с речи, заглядывая в янтарные глаза, сиявшие уверенностью. — Ты вырос, Арт. Не знаю, как и почему. Вот бы Фолл услышал твои слова...

— Хватит разговоров, — Ирис выхватила руку Арта, буквально силой развернув его к себе. — Что произошло в Ливиграде?

Арт скрипнул зубами — вспоминать это вновь ему не хотелось. Однако, посмотрев на напряжённое лицо старшей сестры, парень не смог ей отказать. Долгие десять минут он пересказывал события, немного изменив их, чтобы не подставить Фолла. Избежал он в своём рассказе и упоминания об очередной потере памяти. Ирис с Лори слушали внимательно, практически не перебивая. Девушка то хмурилась, то ахала, то сжимала кулаки. А во время той части, где Арт бился с неизвестным мечником, начала встречать с вопросами. Чем детальней парень описывал схватку, тем больше Ирис поражалась вслед за Лорелей. Тому, сколь всё-таки силён стал Арт. Все уже и так поняли, кем был его соперник — его тело хоронили на том же кладбище, что и Миру.

Лидер филиала гильдии искателей приключений. Это не такая простая должность, как кажется на первый взгляд.

Всё-таки эта гильдия — одна из самых старых. И, что логично, одна из самых могущественных, наряду с гильдиями купцов, исследователей и учёных. Она занимается всем, что касается работы и найма искателей приключений: от их регистрации до их похорон. Внутри организации существует система званий — как и в случае с Легионом, взявшим за образец карточную колоду. Авантюристы, доказавшие свою силу и опыт, получали возможность стать офицером — они занимались административной работой, принимали заказы и раздавали их искателям приключений, что заходили в гильдию. Став ещё опытнее и могущественнее, набравшись связей в той области, где был расположен филиал, офицеры переходили в разряд заведующих филиала. В каждом отделении этой гильдии могло быть только два заведующих — один постоянно двигался между городами, навещая отделения гильдии и руководя офицерами, второй занимался экстренными заказами высокой сложности, параллельно выполняя поручения лидера филиала.

Наконец, лидером филиала становился один из заведующих, назначаемый лично главой гильдии.

В руках такого человека было сосредоточено всё влияние гильдии в регионе. А это огромная власть. С лидерами филиалов считались главы государств и церковь — ибо эти личности были не только верны идеалам гильдии, но ещё и обладали силой, способной посоперничать с гениями среди гениев.

Что до идеалов, так они были предельно просты и понятны. Гильдия искателей приключений призывала каждого жителя континента помогать нуждающимся, оказывала помощь в экстренных случаях вроде нападения монстров, а во многих городах они играли роль ещё и стражи. Эти ребята были кем-то вроде народных героев. Конечно, это не значит, что все авантюристы были добряками, ведь искатели приключений не являлись, фактически, членами гильдии. Они были её наёмными работниками.

Однако, эта гильдия придерживалась нейтралитета, когда речь заходила о политике. Поэтому кроме оказания поддержки жителям регионов и помощи в устранении чудовищ или мародёров она была, де факто, бесполезна.

Возвращаясь к началу разговора, то, что Арт одолел лидера филиала, говорило об уровне его мастерства. Конечно, никто и подумать не мог, что Арт, на самом деле, проиграл. И никто не знал, что по этой же причине он тренировался в несколько раз усерднее, доводя тело до изнеможения изо дня в день. Человек, что устал видеть смерть, сделает всё, чтобы она не появилась перед ним вновь. Или ослепнет, если ничто другое не сработает.

— Эфирное ускорение... Я почувствовала его след, но не думала, что ты применил его на пределе своих возможностей, — протянула Лори, с беспокойством осматривая Арта через эфир. — Ты мог пострадать. Даже не так — я уверена, что ты должен был пострадать. Твоё тело не могло даже в теории быть готово к подобным перегрузкам.

— Остаётся вопрос, — вторя подруге, сказала Ирис. — Как ты вообще смог добраться до ближайшей площади?

— Как-то получилось, — сухо ответил парень, с каждым подобным разом всё лучше и лучше обучавшийся правильно лгать, глядя в глаза.

— Та семья... Надеюсь, им обеспечили достойные похороны, — выдохнула Ирис, отворачиваясь от брата. Её переполняли смешанные чувства — от вины до искренней и глубокой печали. То, как Арт отзывался теперь о героях, тронуло девушку. Почему-то ей захотелось обнять его вновь, но Ирис подавила это желание, замолчав.

— Арт, ты отлично справился, — глядя на поникшую Ирис, добавила Лорелеи. — Думаю, Фолл бы тобой гордился.

— Ха-ха, — усмехнулся Арт, согласно качая головой. — Что-то мне подсказывает, что это не совсем так.

Кроме обмена историями, они с первым героем практически не говорили. Лишь в последние пару дней Фолл "ожил", сам начав обращаться к парню. Причина была очевидна — вероятно, сейчас ему было паршивей остальных. Если весь Сад оплакивал Миру, то он, помимо горечи, ощущал многотонный груз вины. Даже Арт это понимал, поэтому не стал расспрашивать первого героя в деталях. Вся ситуация выглядела до отвратительного паскудной — все улыбались, все пытались смеяться, обходя неудобные темы. Но правда в том, что время бежит без остановки — и чем дальше и дольше, тем будет хуже.

Видеть изнанку ситуаций Арт научился у Фолла. Каждый его комментарий, раскрывавший истинную натуру слов или личностей, показывал, что судить книгу по обложке — крайне глупая идея. Возможно, в этом и был урок, который хотел преподать первый герой — последнему. Так, сдерживая вздох, парень продолжил сидеть на камне, переговариваясь с Ирис и Лори. Он тоже улыбался, ибо куда деваться.

Никто не заметил, как прошёл час. Небо потихоньку розовело, а ветер разгуливал по краю острова всё свободней, порой бросая в лицо мелкие камни, а иногда и вовсе затыкая чей-то не вовремя открытый рот. Попрощавшись, троица разошлась кто куда. Ирис отправилась вниз, на основную часть парящей суши, Лорелеи, вслед за подругой обняв Арта, двинулась на тренировочное поле. Чародейке требовалась практика в использовании зелёного эфира. С этим ей согласился помочь Кирагас, с разрешения, разумеется, своего господина.

Арт остался на месте, поднявшись и подойдя к обрыву. Облака поредели, а небо стремительно наливалось алым. Скоро лет кончится. Лето, которое парень не почувствовал.

Где сейчас его ровесники? Ходят в школу? Играют? Гуляют? Пьют дешёвое пиво и курят тонкие самокрутки? Или, быть может, нервничают перед свиданием? Сидят за учёбой, готовясь к экзаменам? Рубятся в комп до глубокой ночи? Наверно, наслаждаются жизнью. Или нет, не совсем так — они не понимают, что наслаждаются ею. Ведь чем старше мы становимся, тем больше нам начинает нравиться беззаботное детство. Редкая для Арта возможность немного задуматься о том, что могло бы быть, обернувшись для него слезами.

Он плакал молча, как и полагается стремительно возмужавшему человеку. Плакал, не вздрагивая и не хлюпая носом.

Всё, что у него было отнято. Не важно, кого или что винить — факт есть факт. Всё это осталось за границей миров, незримой и неосязаемой. Впрочем, Арт понимал, что выбор за него никто не делал. Он мог остаться в деревне — мог отказаться быть учеником Фолла и Миры, мог сбежать, в конце концов. Вариантов, при которых на его плечи не легла бы та ответственность, что была сейчас, имелось множество. Но он их не выбрал. Он выбрал самый трудный, тернистый и болезненный путь. Неизвестно, была ли это сила воли, неведомым образом сохранившаяся в испуганном и молчаливом попаданце, или же Арт действовал по наитию, исходя из ощущений.

Важно то, что уже сделано.

Утерев слёзы и тряхнув головой, чтобы придти в себя, парень развернулся, направляясь к вспомогательной площадке телепорта. Как только эфирный след Арт исчез в лесу, из пространства возле камня на твёрдую поверхность шагнул силуэт в бирюзовом плаще. Склонившись над местом, что окропили слёзы, фигура замерла на несколько секунд, тихо вздыхая.

— Ужасные мы существа, Фолл... Дитя идёт по бульвару разбитых надежд, а мы только и делаем, что толкаем его вперёд, заставляя самостоятельно вытирать свои слёзы...

Затем Скай выпрямился, повторяя свой вздох. И ударил посохом оземь, исчезая в яркой вспышке сиреневых огоньков.

Через полчаса Арт встал у знакомой каменной арки. Положив руку на пьедестал-активатор, влил в него эфир. Где-то вдалеке звучали короткие очереди, им вторили взрывы и треск множества падающих деревьев — там занималась Ирис. Её дар постепенно эволюционировал, как это было когда-то с Ди. Ирис... Лори, Кирагас, наставники, Маркус... Фолл и Мира. Да, парень многое потерял, оказавшись в Крэйне. Но он не был одинок — здесь были те, кто разделял тот груз, что лежал на его плечах. Ему пришлось стремительно повзрослеть — это не нормально, так не должно быть. Но вместе со взрослением пришло осознание — осознание ценности чувств, которые связывают разных людей меж собой. Дружба, узы, любовь — всё это стоило того, чтобы идти дальше.

Такие мы, люди. Нам не столь важны глобальные причины, сколько множество мелких, ничтожных по сравнению с ними. Мы десять раз подумаем, чтобы взяться за спасение мира, но прыгнем в самое пекло, если наши близкие окажутся в беде. Это странно, кто-то может сказать — нелогично, но это то, кто мы есть.

Камни замерли, образуя широкую арку, внутри которой мерцал синим цветом портал. Арт хмыкнул, без раздумий шагая в него. Ему было, ради кого жить.

И ради кого умереть.

На той стороне всюду двигались люди. Конечно, не только они — отряды стражи, грохоча щитами, проходили мимо площади, метались туда-сюда рабочие и лекари — Ливиград восстанавливался. Зализывал раны, если можно так выразиться. Кроме портала

пятнадцатого острова, активны были ещё штук десять — такие же синие, означавшие проход в обе стороны. В них то и дело заскакивали жители с огромными сумками на спине. Большинству было предложено переехать в деревни на земле, чтобы не мешать реставрации и очистке города, и большинство же этим шансом воспользовалось. На серых плитах стояли кипы книг и бумаг, обёрнутые в кожу посохи, мечи и кинжалы, сваленные рядом. К некоторым порталам выстроились очереди — в одну такую Арт случайно и вышел, вызвав небольшую панику.

Впрочем, всё быстро разрешилось, как только парень отошёл в сторонку, подняв руки в примиряющем жесте. Кто-то продолжал ворчать ему в спину, но Арт не обращал внимания. Он двинулся по северной главной улице, где было меньше всего людей. Ещё бы — она вела к району мастерских. Кузницы, магические лавки, лавки травников и лекарей, магазины с эфирными артефактами... Чего там только не было. Уже через несколько минут Арт проходил мимо разноцветных окон с вывесками, на которых сияли драконы, быки, лошади, львы и прочие существа, чьи глаза были выполнены из настоящих магических драгоценных камней. Столь странной ощущалась пустота при взгляде на все эти чудеса, собранные со всего Крэйна.

Почти все владельцы либо закрылись и переехали, либо просто закрылись, скрывшись от посетителей. Здесь более нечего было ловить как случайному прохожему или торговцу, так и учёному мужу. Иногда стёкла в лавках были выбиты — на них виднелась серая кровь вперемешку с алой. Арт выдохнул, сосредоточившись на дороге перед собой. Здания здесь редко достигали трёх этажей, поэтому район ощущался приземлённым, почти пригородом. Рыжий, чёрный, зелёный и белый кирпичи складывали единую картину, которую можно было назвать по-настоящему завораживающей.

Арт редко бывал в Ливиграде — и от того грустил, ибо город в его изначальном виде он больше не застанет. Здесь всегда было оживлённо, чисто и красиво. Что люди, что земная твердь, что город, что атмосфера в нём... Маленькая утопия, отстроенная в тихом уголке Крэйна. Ливиград не зря называли городом-государством — здесь было всё, что требовалось простому гражданину. Адекватные законы, права и обязанности, возможности для развития, практически нулевая преступность, доступ ко всем благам, вплоть до установленных лишь в имперском дворце новомодных санузлов. Если бы Арт выбирал, где ему остаться жить в этом мире, он бы однозначно выбрал Ливиград.

— Он не всегда был таким, — кивнув Арту из тени переулка, протянул Фолл. Показавшись на свет, показал на одну одноэтажную лавку, дверь которой выглядела постарше прочих. Во-первых, потому что была полностью деревянной. Во-вторых, потому что была вынесена наружу и приставлена к полностью прозрачному стеклу, за которым покоились многочисленные полки. Сейчас — пустые. Получив внимание парня, Фолл продолжил. — Ливиград, имею в виду. Вот этот магазинчик... "Ларри Хоббот — зелья, эликсиры, сушёные почки пауков пещерных, гончих адских и прочих, а также прочая, прочая". Здесь раньше собиралась преступная богема парящего города — подвал удачно расположен, прямо возле залежей белой эфирной руды, блокирующей поисковые чары.

— В Ливиграде были преступники?

— Сказал же — он не всегда была таким... Мирным. Помнишь чёрный рынок в Никке? Здесь был свой... Куда больше и злей. Ливиград — центр науки и магии всего континента. Представляешь, чем тут торговали? Орудия массового разрушения, эликсиры из драконьей крови, из живых товаров — аристократы, инженеры и исследователи.

— Хорошо, что всё поменялось, — добавил от себя Арт, рассматривая лавку, ставшую какой-то неприятной, словно от неё воняло чем-то давно сгнившим.

— Мг-м, — прогудел Фолл, поджигая сигарету. Он уже привык к существованию в виде серого эфира — поэтому доставал сигареты не из пачки, а сразу из воздуха. — Хотя у них с чёрным рынком в Никке была одна общая черта. Угадаешь, какая?

— Церковь.

— Бинго! — рассмеялся первый герой, затягиваясь. — Вообще, тебе следует знать об этой конторке больше. Пойдём неспешно, как раз времени на лекцию и хватит.

— Ты выглядишь... До странного спокойным, — заметил Арт, продолжив движение по улице, что потихоньку поднималась всё выше, будто на холм.

— Я понаблюдал немного за Лори с Ирис, — пожал плечами Фолл, по привычке уходя чуть вперёд. — И та, и та поднялись до сумасшедших высот — Ирис вплотную к восьмёрке, Лорелеи — аккуратно к семи. И более того — они правильно тренируются. Ты ведь не знал, что у Лори проблемы с синим и зелёным эфиром?

Арт помотал головой. Фолл этого не увидел, но всё равно рассмеялся.

— Да-а... Кирагас поможет ей преодолеть этот барьер. А Ирис? Она же один в один как Ди! Догадаться полностью высвободить весь эфир, призвать столько всего, сколько только можешь, и заставить всё это работать без остановки... Ирис расширяет свой максимальный запас энергии, а также контроль. С таким подходом к самостоятельному обучению я могу предположить, что она достигнет уровня Ди где-то через полгода. Уже через полгода! Может, меньше.

— Все стараются, — тихо произнёс Арт. — Мы знаем, что на кону.

— Ты, наверно, ждёшь моей оценки... — Фолл обернулся, мельком оглядывая вставшего, как вкопанный, парня. — Не могу сказать. Если то, что с тобой произошло во время потери памяти, было эфирным резонансом... Слишком много переменных. И слишком уж на разные оценки они намекают.

— Это из-за того лидера филиала..?

— Да. Ты не мог его одолеть, — голос Фолла стал сухим, и в то же время — куда более задумчивым. — Разницу в опыте и навыках чистой силой не закрыть. Единственный вариант — эфирный резонанс. Если помнишь, такое случилось и с твоей сестрой.

— Она не могла встать где-то неделю, — кивнул парень. — А эфиром вновь начала пользоваться только спустя месяц.

— Верно подмечено, — выдохнул первый герой. — А теперь посмотри на себя — ни единой царапины. И эфиром управляешь спокойно — даже лучше, чем раньше. Скажи, ты точно всё мне рассказал? Что почувствовал резкий прилив сил, когда не хотел умирать, и затем одолел того мечника?

— Конечно, — спокойно солгал Арт. Никто не должен был слышать о тех ощущениях, через которые прошёл парень, когда меч пронзил его сердце. Он и сам не до конца понимал, что с ним произошло, но был уверен — этому есть рациональное объяснение. Однако, говорить Фоллу, что он, Арт, умер там, на поле боя... Это было слишком.

— Хм, — поводил челюстью туда-сюда первый герой. Затем вздохнул, поворачиваясь и продолжая путь. Махнул рукой, приглашая Арта следовать за ним дальше. — Ладно, разберёмся с этим потом. Теперь к церкви... Что бы ты сам хотел узнать?

— Почему они... — Арт замолчал, продумывая свой вопрос. — Кхм... Зачем они поддерживают преступность?

— Хороший вопрос, — сказал Фолл, затягиваясь. Подняв указательный палец вверх, продолжил. — Первое! Церковь Крэйна — это не про мир, дружбу, жвачку и прощение врагов своих. Если у каждой страны сложились собственные традиции, по которым в них устанавливается власть — будь то община друидов в Пангонии, Совет в Сенстонии, королевский род в Золотой Империи или административный блок в Ливиграде... То в церкви Единого Бога всё всегда было наперекосяк. Ведь у них вся власть — от Него. Отсюда следует... — указательный палец поднялся ещё выше. — Второе! Церковь вообще не признаёт других властителей. Например, у них не раз случались конфликты с Пангонией... Карательные экспедиции в Нам'ярр вообще не хочется вспоминать. Так-то оно так... Да только не совсем. Это они за глаза не признают — в лицо же, наоборот, улыбаются. Они не могут не признавать силу. Однако, их эгоизм превосходит таковой у любого случайного тирана — они искреннее полагают, что их слово — закон, а каждое их действие одобренно свыше и, следовательно, правильно.

— Так как это всё связано с покровительством чёрных рынков? — не понял Арт.

— Потому что церковь — это в первую очередь люди. Другие расы для них — ничтожества, низшие существа. Слышал про жадность гномов? Забудь. Старшие церковные чины не видят границ — они для них тупо не существуют. Есть только жажда ещё большей власти — а как иначе её заполучить, если напрямую они встретят сопротивление от других государств? Только подпитывать оборотную сторону жизни — всю грязь, что есть в любой стране, куда не пойдешь. Так было в Никке — всем заправляла церковь, хотя де-факто город принадлежит Золотой Империи.

— Неужели все церковники — такие?

— Конечно нет, — хмыкнул Фолл. Улица становилась всё шире, а случайных прохожих становилось всё меньше. Алые лучи закатного солнца били в спину, создавая длинные чёрные тени. Ливиград готовился ко сну. Вполне вероятно, ко сну с кошмарами. — Большинство верующих искренне желают того, что у церкви написано на бумаге. Мир во всём мире, дружбу народов и рас, равенство в каждом уголке Крэйна, помощь ближнему своему... Опять же, в Никке был пример их благотворительности — до бунта церковь раздавала беднякам хлеб, причём в довольно больших объёмах...

— И никто за всё время не раскрыл им глаза, — вздохнул парень, качая головой. Фолл рассказывал ему печальную историю, в которую искренне не хотелось верить.

— Не то чтобы никто... — выдохнул Фолл густой дым. — Просто люди, вступившие в церковь, неизбежно становятся фанатиками. Проповеди промывают им мозги, кому-то медленней, кому-то быстрее. Они — её армия. Армия без солдат, без стратегии, без генералов. Здесь патовая ситуация — никто не может запретить веру и религию, ибо они прочно закрепились в умах и душах жителей Крэйна, однако та самая религия обращает веру против них. Поэтому церковь стоит опасаться — пожалуй, ещё больше, чем Золотую Империю. Что до тех, кто остаётся адекватным даже после промывки мозгов — так они живут себе спокойно, ходят в храмы, молятся, иногда получают благословения... Вполне себе. Есть ещё святые — они же предсказатели и предсказательницы, другое название — жрицы и жрецы.

— А это кто? Что-то вроде Ванги у нас?

— Э-э, не смейся, — хохотнул первый герой, оценив отсылку. — Они получили настоящее откровение Бога. Что-то вроде переписки с плохим соединением — сообщения приходят, а ответы идут целую вечность. Через них Он иногда раздаёт указания — да и в

целом поддерживает церковь, чтобы вера не угасла.

— Жрецы и жрицы, да...

— Им сейчас тяжело, — добавил Фолл, вновь затянувшись. — Руководство церкви отказывается верить предсказаниям, люди, услышав их, начинают паниковать... Вот мы-то с тобой знаем, что катастрофа — реальна. А для остальных, пока что, это просто слухи. К сожалению, святым сейчас лучше молчать. Иначе мир перевернётся с ног на голову — и церковь поведёт этот переворот под эгидой защиты всех верующих.

— Хочешь сказать, они даже уничтожение мира используют ради получения власти?

— Уже. Анко тебе рассказала — по всему континенту высказывают пророки. Церковь предупреждает всех о катастрофе, не веря толком в неё... Они воспользуются шансом, чтобы захватить власть хотя бы в граничащих с Империей государствах. Но когда жнец вторгнется по-настоящему — никто не будет к нему готов. Хотя это, конечно, всего лишь мои мысли. Всё может сложиться и иначе. В конце концов, пути Господа неисповедимы... — последнюю фразу Фолл произнёс с ярко выраженным сарказмом.

— Значит, кроме Империи, у нас есть ещё один враг, — напряжённо протянул Арт, выходя на небольшую площадь, по которой свободно гулял ветер. Здесь вообще не было людей — только чёрные и цветные стёкла лавочек и магазинчиков устало смотрели на проходившего мимо них посетителя. — Кажется, пятая лавка справа...

— Империя... — тихо произнёс Фолл, а затем сплюнул, затягиваясь в последний раз. — Ладно. И так наговорили тут всего. Шестая. И не лавка — прояви уважение. Это кузнечная мастерская — одна из лучших в Ливиграде. А тот, кто в ней работал последние пару дней, вообще за гранью человеческого понимания слова "лучший".

Арт кивнул, направляясь к одной из вывесок. Она была крупней прочих, но вместо изображения на ней была выгравирована только надпись. "Кузница Эрнста, кузнечных дел мастера". Кроме того, сама вывеска была не деревянной, а полностью каменной — парень почувствовал слабый фиолетовый эфир, исходивший от неё. Теперь понятно, как она держалась над входом, ведь сиреневый эфир отвечал за гравитацию. Стёкла здесь были цветными, но сейчас чёрными от копоти, поднявшейся, очевидно, откуда-то изнутри. Прямо перед двойной дверью с колокольчиком стояла наполовину расплавленная наковальня, в которой застрял приличных размеров молот.

— Да-а... Времена идут, а кое-кто не меняется, — рассмеялся Фолл, глядя на зрелище у входа. — Ну, чего стоишь. Время нужное, место нужное. Мне за тебя дверь открыть? Смелей.

Надавив на ручку, парень толкнул дверь, заходя внутрь. Первое, что бросилось в глаза — это огромный слой копоти, покрывший всё, куда падал взгляд. Чернота скрывала стойку продавца, множество клинков, палиц, кинжалов, копий и сабель с топорами всех сортов и размеров. Это те, что мог распознать Арт. Помимо прочего, здесь были и ятаганы, вакидзаси, танто, катаны, нагинаты, рапиры, одати и палицы. Большой процент от содержимого мастерской был явно создан по чертежам героев, ибо подобное оружие попросту не существовало в Крэйне до их появления. Впрочем, Арт понял это и без глубоких познаний в разновидностях холодного вооружения, просто увидев за стеклянной стойкой, чудом избежавшей чёрной заразы, пистолет.

— Это...

— Тэ-тэ, — кивнул Фолл. — Не волнуйся, это макет. Кроме героев, ни одно разумное существо не распознает истинное назначение этого куска металла. Но хватит разглядывать хаос, устроенный Зороданом — тебе во-о-он за ту дверь, справа. Точнее, через то, что когда-

то было дверью...

— Да уж... — выдохнул Арт, осторожно продвигаясь между стеллажей, застеклённых стендов, стоек и манекенов, одетых в броню со всего света: от уже знакомого доспеха рыцарей Золотой Империи до кожаной брони с металлическими вставками, один в один повторявшую ту, что носил сейчас парень. Пройдясь по углям, когда-то бывшим целостной деревянной конструкцией, парень прошёл в заднюю часть мастерской.

Там, развалившись в обитом алым бархатом кресле, дымил трубкой силуэт, что сидел спиной к вошедшему Арту. В печи перед ним двигались сами по себе меха, разгоняя горячий воздух по кузне. Справа от кресла лежала на боку ещё одна наковальня, раза в два больше той, что валялась на улице. Эта была относительно целой — разве что края оплавилась и успели затвердеть обратно. Каменные стены были украшены узорами — в них угадывались письмена, кажется, рунопись — язык древних гномов. Что интересно, владельцем кузницы был орк по имени Эрнст — один из известнейших представителей кузнечного ремесла на континенте.

Наконец, на чугунной табуретке в двух шагах от кресла, покоился обёрнутый в несколько слоёв белой толстой кожи, клинок.

Количества эфира в воздухе заставило Арта затаить дыхание, замерев прямо на входе. Фолл прошёл вперёд, с улыбкой поглядывая то на наковальню, то на дымившего в кресле дракона. Энергия здесь была стабильной, но её было так много, что можно было ослепнуть, взглянув на кузню через эфир.

— Арт? — грубо спросил силуэт, не поворачиваясь. Только серые колечки развеивались у потолка, растворяясь в пыли, поднимавшемся от двигавшихся мехов возле печи. — Проходи, не стесняйся. Я не кусаюсь.

— Добрый вечер, — кашлянул парень, наконец-то проходя дальше. Поравнявшись с Фоллом, повернулся к фигуре в кресле.

Кровавое золото. Первые два слова, что пришли к нему в голову, когда Арт наконец-то разглядел Зородана, драконьего кузнеца. Он не выглядел крупным, каким обычно представляются людям кузнецы, нет, он был вполне обычного "размера" — разве что чувство чего-то огромного и жуткого выдавало истинную натуру выглядевшего как человек существа. Густые, прямые золотые волосы и несколько алых прядей, нависавших над слегка сморщенным лбом. Бакенбарды и никакой бороды. Красные глаза, что поблёскивали в тени, испускаемой Артом. Поймав взгляд парня, дракон кивнул.

В его ладони покоилась трубка, набитая табаком, что пах, как цветочная поляна. Отложив её в сторону, вернее, попросту оставив висеть в воздухе, Зородан улыбнулся.

— Принимай работу, мальчуган, — и хрипло рассмеялся, указав взглядом на свёрток с мечом. — Зря только не пришёл с кем-нибудь из Сада. Раз Фолла нет, нужен кто-то, кто оценит изделие по достоинству.

— Не переживай, я ближе, чем ты думаешь, — усмехнулся первый герой, отходя в угол кузни и обращаясь уже к Арту. — Пока просто бери меч и садись на табуретку.

— Понял, — привычно ответил сразу двум собеседникам Арт, осторожно взяв свёрток в обе руки и опустившись напротив Зородана. В спину бил горячий воздух, поэтому парень, поморщившись, воспользовался синим эфиром, чтобы хоть немного охладить собственное тело.

— Ну, коль такое дело... — дракон подался вперёд, указывая двумя пальцами на меч, что положил к себе на колени Арт. — Расскажу тебе, как несведущей овечке, всё от и до.

Мне заплатили, так что не благодари и слушай. Если понял, кивни.

Арт, слегка замешкавшись, выполнил указания кузнеца.

— Для начала — состав и характеристики, — он откашлялся, словно перед публикой, и только потом продолжил. — Чистый мифрил — тридцать процентов, скорлупа яйца неизвестного дракона — три процента, кровь неизвестного дракона — два процента, драконий жидкий эфир, категория — алый, десять процентов, спирт, жидкий эфир, категория — белый, десять процентов, сок Иггдрасиля стопроцентной концентрации — пять процентов, жидкий эфир, категория — серый, один процент, живая руда — двадцать процентов, драконье железо — девять процентов...

— Спирт? — подумал, что ослышался, Арт.

— Хорошо, ты меня внимательно слушаешь, — с улыбкой, больше напоминавшей оскал, протянул дракон. — Нет, спирта там не было. Что-нибудь ещё?

— Э... Проценты. Проценты не совпадают.

— Верно, — покивал Зородан. — Меч ещё не завершён. Вынь его — а я расскажу, для чего был нужен каждый материал.

Парень послушно распустил нити, связывавшие воедино белые слои кожи. Они опали, стоило последней нити развязаться, обнажая сиявший собственным светом металл. Даже Фолл присвистнул — меч сам по себе излучал эфир, и даже больше — в комнате будто стало на одного дракона больше. Столь сильна была аура, исходившая от клинка.

— Метр с небольшим, двустороннее лезвие, прямая гарда, без инкрустации драгоценных камней, — хоть Зородан говорил буднично, в его низком голосе была слышна гордость. Меч действительно не выглядел дорого — но синие и алые прожилки, пульсировавшие по всей его длине, словно живые, не оставляли сомнений в том, что Арт держал в руках оружие, выкованное из яйца дракона. — Сперва металлы. Мифрил — понятно, лучше для крепкого меча не сыскать. Драконье железо необходимо для адаптации крови и скорлупы — они хорошо соединяются вместе. Живая руда понадобится в том случае, если дракон, чьё яйцо я использовал, сохранит своё сознание и душу. Говоря вашим языком, мальчуган, с ней меч станет сосудом для разумного существа.

— Для справки, Арт, — вышел из теней Фолл, вслед за парнем оглядывая клинок. — Одни только эти материалы... Скажем так, ты мог бы купить несколько островов на Земле, и у тебя ещё останется.

— Фолл не скупился на золото, — заметив, как округлились глаза Арта при перечислении, протянул дракон. — Идём дальше...

— Постой... те, — остановил его последний герой. — Так почему меч ещё не закончен?

— На это есть причина, — выдохнул Зородан, разгоняя пыль прочь от своего кресла. — Но дослушай сперва о составе. Жидкий эфир наделяет металл особыми свойствами, а также скрепляет их воедино, создавая не просто клинок, но артефакт. Белый очищает любые примеси и грязь, а также стирает дракону память, чтобы он не помнил о времени, что провёл в яйце. Для твоей же безопасности. Серый эфир помогает клинку не стареть, не разрушаться с годами. Драконий эфир...

— Это его кровь, — вставил Фолл, отходя обратно.

— Ничего особенного, — кашлянул дракон, беря в руки трубку и продолжая дымить. — Он помогает сплаву лучше проводить любую другую энергию. Это универсальное свойство любого драконьего эфира.

— Понятно, — уверенно кивнул Арт. Несмотря на грубость и подавляющую ауру,

исходившую от Зородана, он показался парню на деле весьма скромным кузнецом. Как для дракона, конечно.

— Дальше — сок Иггдрасиля. Он нужен не для меча, а для дракона в нём. Раз яйцо разрушено, только он придаст парящему под Богом сил для развития и эволюции. Дракон будет расти вместе с тобой, Арт.

— То есть... Всё получилось? Дракон сохранил своё сознание?

— Даже больше — мне, как его собрату, было тяжело с ним справиться. Несмотря на то, что он всего лишь дитя, несмотря на очищение белого эфира — он задал мне ту ещё трёпку. Возможно, сперва тебе будет тяжело. Главное — чтобы ты с ним... Как это на человеческом... Подружился.

Арт замолчал, переваривая услышанное.

— Дракон, в зачаточном состоянии давший отпор алому... — задумчиво пробормотал Фолл. — Возможно, он такой же. Мало кто из их вида способен на яростное сопротивление старшему.

— Исходя из этого, я называю тебе причину, которую ты столь желал, — Зородан поднялся, подшагивая к Арту. — Меч не завершён, потому что не обрёл своего хозяина. Оставшиеся десять процентов — твоя собственная кровь.

— Я готов, — с уверенностью в движениях и голосе Арт положил ладонь на лезвие, но дракон остановил его жестом, качая головой.

— Это не просто передача фиксированного объёма — это соединение душ через кровь. Фолл вряд ли успел тебе рассказать, но в случае успеха ты получишь голос в твоей голове. Навеки, пока не вернёшься к земле. Некоторые мои братья весьма болтливы... — Зородан хищно улыбнулся, демонстрируя клыки. — Поэтому взвесь все за и против. Ещё не поздно уничтожить душу дракона в мече, и оставить его просто как мощный артефакт в форме клинка. Если всё понял, то я пойду.

— Да... Спасибо!

— А, пустое, — дракон уже развернулся, махнув рукой. — Я выполнил то, за что мне заплатили. Не больше и не меньше. Вряд ли мы ещё когда-нибудь увидимся, мальчуган... — он вдруг остановился, повернувшись к Арту. — Поэтому позволь дать тебе один совет. Бесплатно, потому что Фолл был хорошим человеком, который пил и ел, подобно дракону. Мы, парящие под Богом, своевольные существа. Своевольные — и крайне свободолюбивые. Если ты почувствуешь угрозу, лучше разорви контакт. В твоём случае — просто убери ладонь с лезвия. Фолл дорожил тобой — и было бы весьма неприятно для меня убивать его ученика.

— Понял, — поднялся с табуретки Арт, вежливо поклонившись дракону.

— Иди, иди уже, сентиментальная ты рептилия, — вздохнул первый герой, улыбаясь.

— За сим моя работа сдана, и я откланиваюсь. Береги себя, Арт, — в шутку козырнул Зородан, покидая кузню. Последние серые дымные колечки разбежались у потолка, растворяясь в завесе пыли.

Так, Арт остался наедине с мечом. Фолл опустил в кресло, которое ранее занимал кузнец, задымив очередную сигарету. Некоторое время была слышна лишь печь, шипевшая и полыхавшая жаром. Меха остановились, стоило дракону уйти, поэтому вскоре в комнате стало комфортно находиться. Арт перестал подпитывать тело эфиром, охлаждавшим его, утерев выступивший пот с лица. Его ладонь так и осталась на лезвии, и казалось, что любое движение вызовет кровотечение. Меч был нем, и только давление эфира от металла выдавало в нём признаки жизни. Прошла долгая минута, затем вторая, третья и четвёртая с

пятой.

Фолл докурил, щелчком отправив бычок в бездну.

— Сложно это — формировать контракт с драконом? — тихо спросил Арт, глядя в серые глаза первого героя.

— Зависит от тебя и дракона, — пожал плечами тот. — С твоим характером ты не понравишься разве что дракону тьмы. И я крайне сомневаюсь, что твой именно такой.

— Потому что он оказал сопротивление Зородану?

— Это раз, а два — потому что я сам пользовался его силой. Это совершенно точно не тёмный эфир. Яйцо помогало мне во время странствий, поэтому можешь не сомневаться.

— Хорошо. Тогда... — ладонь скользнула вбок, на острую часть клинка, и провела по нему вверх, до острия. Тёмно-алая кровь потекла по металлу вниз, потихоньку капая на пол. Синие и красные прожилки стали пульсировать чаще, впитывая её. Арт ощутил слабость и недомогание, схожее с анемией. Сжав лезвие крепче, он расширил рану, позволяя своей крови окропить весь клинок, от и до.

Перед глазами побежали белые вспышки, как от эффекта стробоскопа. Парень зажмурился, терпя жгучую боль, становившуюся всё сильнее с каждой секундой. Вспышки стали столь частыми, что теперь вместо тьмы при закрытых глазах Арт видел белый фон. Затаив дыхание, он ждал... Сам не зная, чего именно. Фолл молчал, а чувства стали пропадать одно за другим. Пропали звуки кузни, пропали запах копоти, пыли и металлический привкус во рту. Затем исчезла потребность в дыхании — Арт будто сам попал в пустое белое пространство, которое видел перед собой. Следом исчезло тело — больше не давила снизу табуретка, не била жаром в спину печь, не держались на каменном полу ноги.

Сидел он или стоял? В каком месте он был? Что было впереди, что вокруг? Все вопросы, что задавал себе Арт, не находили ответа. Остался только меч и то место, где он соединялся с парнем — ладонь, обнявшая металл. И так, после всей подготовки, исчезла боль.

— Открой глаза, пожалуйста. Мне неловко разговаривать с тобой, когда мы не смотрим друг на друга.

В огромном пустом белом пространстве раздался голос. Мягкий, высокий и... Женский. Арт вдруг понял, что может расслабиться. Выдохнув несуществующими лёгкими, он поднял веки, тут же встретившись взглядом с фигурой, стоявшей в двух шагах перед ним.

Молодая женщина в сером одеянии, отдалённо походившем на церемонную робу, смотрела на Арта с улыбкой. Трудно было определить её телосложение — тонкая, быть может, шея была сокрыта капюшоном её одежды, и лишь прекрасный лик, не скрываемый капюшоном, позволял хоть немного оценить незнакомку. Тонкие чёрные волосы падали на узкие плечи, справа на груди виднелась круглая эмблема с надписями на неизвестном языке. Маленький нос, чуть пухлые губы и слегка утопленные внутрь голубые глаза с густыми ресницами складывали общую картину. Вне сомнений, незнакомка излучала величие. Если бы Арт не виделся с Богом, он бы подумал, что Он сейчас стоял перед ним.

— Ты...

— Дракон, — кивнула она. Голос определённо срывался с её губ, но расходился по пространству, будто эхо. — А ты — последний герой.

— Откуда ты знаешь? — задал Арт первый вопрос, что пришёл к нему на ум.

— Через твою кровь и кровь моего соплеменника, — проговорила она, легонько

вдыхая. — Это не то, о чём тебе нужно спросить, глупый. Я дам тебе ещё один шанс. Давай.

— Я... — парень замолчал, справляясь с нахлынувшими эмоциями. Он не успевал адаптироваться — говорить и думать, не ощущая собственное тело, было проблематично. — Контракт... Скажи мне, достоин ли я тебя?

— Ты бы не попал сюда, отвергни я тебя, — тихим, переливчатым смехом ответила ему незнакомка. — Контракт, если тебе удобно так это называть, заключён. Моя сила принадлежит тебе, и только тебе, славный герой. Хотя мне кажется, тебе не нравится этот титул.

— Верно, — сосредоточил все мысли на одном направлении Арт. — Я тот, кто я есть. И совершенно точно — не герой.

— Тогда кто ты? — слегка наклонив голову, спросила фигура в сером одеянии. — Мы, драконы, не воспринимаем людей как существ, достойных внимания. Лишь единицы, уникальные личности среди вас привлекают нас, но на интересе всё и заканчивается. Если ты не герой, то почему я должна подарить тебе себя?

— Причина... — Арт впал в ступор — столь очевидный вопрос застал его врасплох. — Чтобы спасти мир от катастрофы.

— Мир спасают герои, — наклонила голову в другую сторону незнакомка. — Ты — не герой. Ты не можешь спасти мир.

— Нет, но... Героев ведь не существует. Можно стремиться к этому... Я пытался, правда... Я верил в это. В чистую справедливость, в свет, в благородство. А получил — необходимость. Нужду. Правильно и справедливо — разные вещи. Настолько разные, что...

— Ты считаешь, что ты не герой, только потому что твоё представление о героизме расходится с реальностью? — задумчиво протянула женщина. — Спроси тех, кто выжил в Ливиграде. Спроси тех, кого ты спас в Никке. Спроси Кирагаса, чью душу ты реабилитировал. Спроси их — герой ли ты?

— А та женщина и ребёнок, павшие от моего меча? — Арта вдруг переполнила злоба и отчаянье — и он даже не мог понять, на что злился. — Я поступил правильно, но не справедливо. Так не поступают герои.

— Глупости, как раз так они и поступают, — вздохнула фигура. — Вам не нужны громкие слова, чтобы быть защитниками невинных и ужасом злодеев. Ты утратил веру в слово, но не в деяния. Ведь так, Арт? Что поменялось, когда ты отказался от титула? Ты разочаровался в героях, но ты продолжил идти по дороге, называемой героизмом. Ты хочешь спасти, защитить и уберечь других...

— Я вынужден, — мрачно протянул он. — Это не альтруизм. Это эгоизм. Я защищаю тех, кто мне дорог. Мне плевать на остальных.

— Хм, — нахмурилась женщина. — Да, это так. Путь героя тернист, и на нём хватает тяжёлых решений. Пускай ты отказался от титула, меня волнует другое — готов ли ты выбирать? Жизнь полна удивительных перипетий судьбы — и лишь герои способны по-настоящему на неё влиять. От того, что выберешь ты, будет зависеть Крэйн — и не только он, но и всё и вся, что в нём находится. Я спрошу ещё раз, Арт. Готов ли ты выбрать правильно, но не по справедливости? Отличишь ли ты одно от другого?

— Да. После Ливиграда, после всего, что со мной случилось — да, я готов, — твёрдо и чётко проговорил парень. — Я иду своей дорогой к своей судьбе. И победа будет печатью моего довершения.

— Победа ли... — в голосе незнакомки проскользнула глубокая печаль. — Что ж. Не

называй себя героем, коль того желаешь. Но знай, что ты идёшь по его пути. Я сопровожу тебя так далеко, насколько смогу. Дальше — дело за тобой.

— Благодарю, — Арт поклонился, но стоило ему выпрямиться, как фигура вдруг оказалась совсем близко. Разница в их росте была в полголовы, поэтому женщина вытянула руку, проведя ладонью по щеке парня.

— Ты правильно опасаясь громких слов, — с дрожью в голосе сказала она. — И идёшь ты тоже по верному пути. Но принесёт ли он тебе счастье? Сумеешь ли ты вынести груз своих решений? Прости... — она отступила, дрожа всем телом. Справившись с внезапно накатившим волнением, она продолжила. — Я не могу рассказать тебе всего. До поры до времени лишь услышь одно...

Её голос потонул в сиянии белого пространства, ослепившего и оглушившего Арта.

— ...Не доверяй первому герою.

Белое в глазах замерцало, и через несколько мгновений чувства вернулись к Арту, открывшему глаза в успевшей замолчать кузне. Фолл всё так же сидел в кресле, у его ног шуршала груда пепла и бычков. Заметив, что его ученик пришёл в себя, он поднялся, подходя поближе. Арт дёрнулся от него, как ошпаренный.

— Тихо, тихо, — успокаивающим тоном протянул Фолл. — Ещё привыкнешь. Сознание дракона — тот ещё аттракцион. Время там течёт куда медленней... В реальности уже наступила глубокая ночь. Убери ладонь с меча — не то чтобы он мог тебе навредить, теперь, когда ты его хозяин, но всё же.

— Кха-кха... — Арт закашлялся, справляясь с сухостью в горле. Всё ощущалась по-новому — каждое давление, каждый вдох, каждый запах — всё врезалось в сознание острым лезвием, оставляя глубокие, взрывающие голову следы. Парень был бледен, как смерть, но всё равно нашёл в себе силы подняться, опираясь на клинок. — Ч-чёрт...

— Пойдём на свежий воздух, — двинулся Фолл на выход. Арт, кое-как двигая ногами, направился за ним. Очутившись на площади, погрузившейся во тьму, он перевёл дыхание.

Повсюду зажглись белые магические фонари, освещая серые плиты и разноцветный кирпич. Опустившись на расплавленную наковальню, Арт выдохнул, собираясь с мыслями. У него было много вопросов — слишком много для того, чтобы начать их задавать. Встреча с драконом в мече перевернула его мир с ног на голову, даже хлеще, чем в предыдущие разы. Рассуждения лезли в голову сами собой, но Арт гнал их прочь, разумно предпочтя бессмысленным сейчас логическим цепочкам простой отдых. Фолл стоял рядом, хлопая его по плечу.

— Отлично, даже лучше, чем хотелось, — хмыкнул первый герой, отходя в сторонку. — Идеальная совместимость. Взгляни на меч, Арт! Он и ты теперь — одно целое. Ваши ауры, ваш эфир — всё вместе!

Арт рефлекторно опустил взгляд на клинок между своих ног. И вздрогнул, ощутив его, как часть собственного тела. Усилием воли подавив желание отбросить меч прочь, парень продолжил ожидание, медленно но верно приходя в себя. Всё было так, как и сказал Фолл — аура, исходившая от металла, теперь ощущалась, как родная. Где-то глубоко в сознании поднималось чувство абсолютного превосходства — несмотря на слабость, Арт чувствовал в руках силу, способную одним движением сметать с лица земли тысячелетние горы. От этого было чуть легче, но тошнота и общее полубоморочное состояние всё никак не проходили.

— Нормально, нормально. Подлатаем тебя на острове, выспишься — а там уж и проверим, насколько ты вырос. Но по моей оценке — ты прыгнул на два балла минимум. Ты

восьмёрка, Арт. Твёрдая, уверенная восьмёрка.

— Ага... — смеясь, протянул Арт. — Не ощущается на восемь баллов, Фолл...

— Не дрейфь, это сперва так. Расскажи хоть, как прошла ваша встреча? Ты много говорил, с непривычки-то? Или вы просто глазели друг на друга?

— Говорили... — утерев пот с лица, выдохнул последний герой. — И ещё... Этот... Дракон — женщина...

— Говорили? — переспросил Фолл, вдруг резко став серьёзным. Его больше заботил тот факт, что диалог состоялся, нежели то, что дракон оказался самкой. — Молодые драконы не умеют коммуницировать с другими разумными существами. Мыслеобразы — да. Она показывала тебе картинки?

— Нет... Она говорила... Мы... Говорили...

— О чём, Арт? — из голоса Фолла исчезли восторженные ноты, а серьёзность уступила место напряжению и требованию.

— О героях, — уклончиво ответил Арт.

— И?

Арт поднял взгляд, посмотрев Фоллу в глаза.

— И всё.

Первый герой кивнул, замолчав. Вышел вперёд, засунув руки в карманы штанов. Арт старался не смотреть в его спину, обняв меч обеими руками. Лезвие не трогало его плоть — он легко держал его без всякой защиты. Кроме того, придя в себя, Арт ощутил связь, соединение между ним и незнакомкой в мече. Через эту связь ему передавались эмоции и чувства — и сейчас дракон в клинке пребывал в печали. В столь сильной, что Арт, не осознавая этого, загрустил сам.

— Ох, чёрт, — Фолл резко развернулся, подходя к Арту. — Вставай. На Ливиград наложили Купол Безмолвия.

— Что..? — непонимающе протянул парень, впрочем, делая, как ему сказали.

— Это заклинание белого эфира, — скрежетнул зубами первый герой, поворачиваясь в сторону площади и задирая голову вверх. — Одно из высших. Раз город и так почти пуст, вывод только один — за тобой кое-кто пришёл.

— Но кто?! — воскликнул Арт, прижимая клинок к груди. — Стой... Белый эфир. Неужели..?

— Церковь начала действовать раньше, чем мы думали, — сплюнул Фолл, призывая серый клинок с длинным лезвием. — Ублюдки. И месяца с трагедии не прошло — а они уже устраняют помехи. Внаглуую! В открытую!

— Фолл? Что нам делать?! — стараясь не поддаться панике, спросил парень.

— Готовься к бою. Если диалог в твоей голове научил тебя чему-то новому — будь готов это новое применить. Чёрт... После сражения с Мирой у меня осталось не так много сил. Я постараюсь помочь советом и оценить врага, но на большее не рассчитывай.

— Понял, — кивнул Арт, беря меч в руки. Придётся провести боевое крещение, даже не показав дракону его дом. — Выходите, церковники! Я знаю, что вы здесь!

Из одинокого портала, вспыхнувшего молочным пламенем, на каменные плиты площади Ливиграда ступил не менее одинокий силуэт. Арт не обратил на это внимание, но Фолл вздрогнул, и аура, исходившая от первого героя, стала напоминать жажду крови живого человека. Не сосредоточься парень на силуэте, он бы оказался парализован — настолько жуткую ненависть источал Фолл.

Перед ними, разведя руки для соответствующего этикету поклона, стоял, облачённый в белую робу, третий епископ церкви Единого Бога.

Известный также под неофициальным титулом "Мясник Церкви".

Глава одиннадцатая. Трудно быть богом

Есть множество различий между верой и религией.

И одно из важнейших — вера, в первую очередь, это бог. С большой буквы, с маленькой, единый, многоголосый, в образе пантеона, в образе идолов, в образе креста... Выбирай — не хочу. За историю человечества сколько всего только не было — от всем знакомых Зевсов с Одинами до Перунов и богов древних африканских племён. Нельзя однозначно утверждать, верна ли чья-либо вера — просто исходя от самого слова. Мы вольны верить в то, во что хотим. Молиться, кому или чему желаем.

Но религия, о, здесь всё становится сложнее. Потому что религия — это в первую очередь люди. Пророки, священнослужители, названий много — суть одна. Кто-то трактует своих богов, кто-то говорит от их имени, а кто-то и вовсе выступает их заменителем. Религия основана на вере, но не одной ей она кормится. Люди, приближенные, как им или кому-то ещё кажется, к богу или богам, получают в руки власть и возможность контроля тех, кто стоит возле них. Будь то власть, основанная на статусе, на деньгах или авторитете... Всё одно. Такая огромная власть развращает даже самых стойких. А уж когда кроме богатств ты владеешь ещё и силой, что исходит от твоего бога... Тут и дураку ясно, что произойдёт.

Даже на Земле высшие церковные чины стоят на одном уровне с главами государств. Что уж говорить о Крэйне, где в их руках находятся ещё и высшие заклинания, способные стирать с лица земли целые цивилизации. Правда, здесь вступает в силу другой фактор — все так привыкли к наличию в мире Бога, что перестали уделять ему необходимое внимание. И когда Бог предупредил Крэйн о катастрофе через жрецов, церковь решила, что Он таким образом даровал им возможность. Какую? Ха-а...

Возможность подчинить себе всё и вся.

Ведь вопрос веры в Крэйне не стоял. Стоял другой — вопрос религии. Эльфы поклонялись Иггдрасиллю и духам природы, гномы — духам железа и камня, орки вообще не имели собственной конфессии, прибываясь то к людям, то к остальным. Конечно, все знали, что Бог есть. Но то, что было ближе, роднее, имело куда больший вес, чем незримое и нейтральное существо. Поэтому-то церковь не могла поставить на колени Крэйн — мир давал отпор, пусть и не намеренно.

Теперь же всё поменялось. Реальна ли катастрофа — об этом церковники подумают в другой раз. Всё, что им интересно сейчас — это уничтожение старых устоев и полная интеграция собственной религии во все уголки континента. Более никто не сможет и слова сказать против них, ибо у церкви появился мотив. Под покровом защиты и спасения жителей Крэйна они разрушат, растерзают государства, долгие столетия противостоявшие их контролю. Глупые, глупые люди. Впрочем, сил им не занимать.

За всю историю существования церкви Единого Бога в ней установились чёткие иерархические рамки. Будем сравнивать их с системой баллов Фолла — так будет проще. Уберём также мелочь, вроде храмовых священников или рядовых, только прошедших посвящение верующих.

К пяти баллам приравнивались старшие жрецы, отвечавшие за поддержание и распространение религии в регионе. Они также занимались вопросами подчинения преступного мира, отчитываясь напрямую Его Святейшеству.

К семи, и почти к восьми баллам приравнивались епископы Круглого Стола. Так

назывался высший исполнительный и законодательный орган церкви. Епископов было семеро, каждый со своим спектром задач и полномочий.

Наконец, к восьми баллам по оценке Фолла приравнялись два архиепископа, отвечавшие лично перед Его Святейшеством.

Патриарх... О нём мало что известно. Фолл с ним не пересекался, но учитывая влияние церкви и тех, кто служил в ней на старших должностях, вполне вероятно, что он был на одном уровне с Мирой и Сангвином. Даже в сравнении с императором Золотой Империи Его Святейшество являло собой образец харизмы, холодного расчёта и крайне острого ума. Наблюдая за успехами первого героя, Патриарх быстро понял, что церкви Единого Бога не удастся ни одолеть, ни привлечь того на свою сторону. То, что Фолл не трогал их во время своих странствий, послужило причиной отстранённости Патриарха и выдачи первому герою статуса неприкосновенности, чего-то вроде дипломатического иммунитета.

И сейчас Арт, перепрыгнувший энное количество баллов благодаря связи с драконом, встал перед человеком, посвятившим себя и свою жизнь всего одному занятию.

Как не сложно догадаться, этим занятием было убийство. Мясник Церкви, третий епископ, он же...

— Самсон, епископ церкви Единого Бога, приветствует вас! — с широкой улыбкой, сверкая большими светло-зелёными глазами, поприветствовала Арта фигура, вышедшая из портала. Его роба источала яркий белый свет, похожий на свет магических фонарей, мигавших на площади вокруг.

— Ты... — в голосе Фолла была ненависть, чёткая и неприкрытая. — Арт... Ты должен его убить. Во что бы то ни стало, ты обязан перерезать ему плотку. Отрубить голову, повесить на пику и выставить напоказ, чтобы все видели...

— Ох, Боже, Боже мой, какая отвратительная энергия исходит от твоего меча, — показушно скривился Самсон, следом поднимая руки к тёмным небесам. — Но возрадуйся, заблудшая душа, ибо я — твоё спасение! Как от греха неверия, так и от греха плоти...

— Что от меня нужно церкви? — вставая в боевую стойку, выпалил Арт. Фолл замолчал, но аура жажды крови, поднимавшаяся от его тусклого силуэта, с каждым мгновением становилась всё сильнее.

— "И сказал он — молитесь, и да не тронет вас тьма", — процитировал вместо адекватного ответа епископ, сохраняя пафосный и высокопарный тон. — Я молился, дитя, каждый день, с тех самых пор, когда услышал, какой чёрный путь ты избрал... Я молился, чтобы тебя не тронула тьма. Но мои молитвы не были услышаны... Это значит, что Господь выбрал меня, дабы я очистил тебя!

— Этот мир полон дерьма разного рода, Арт, — тихо процедил Фолл, впившись взглядом в качавшуюся, будто в трансе, фигуру. — Зла, подлости, отчаяния... Чаще всего это дерьмо не скрывается. Не прячется — чего ему, к нему и так все в Крэйне привыкли. Тёмное фэнтези же... Вот только самое отборное и мерзотное дерьмо прячется на самом светлом месте. Мужчина перед тобой известен перед простым людом как добрый дядя, спонсирующий приюты с домами престарелых, да носящий на руках детей и раздающий золото беднякам. Как и бывает в жизни, у любого действия, места или личности есть обратная сторона.

Зло. Этот человек чистое зло. Нет более ужасного зрелища, нежели видеть, как срастается маска добра с кожей зла.

Уже знакомый женский голос раздался в голове Арта сам собой, словно он там давно

уже был. Парень кивнул, готовясь к бою. Правда, епископ нападать не спешил. Опустив руки, он, слегка наклонив голову, стал разглядывать Арта, будто прицениваясь.

— Хм... Такой молодой возраст и такая сила. Слухи не ввали — ты действительно уникальная душа. Тем печальней, что ты выбрал путь тьмы, дитя... Я подарю тебе очищение плоти и духа. Обещаю, будет больно.

— Десятки тысяч... Нет, миллионы... — шептал, чтобы не закричать, Фолл. — Он и его сподвижники под предлогом этого же "очищения" довели до смерти в своих подземельях неисчислимое количество людей, эльфов, орков и гномов. Попытки огнём, водой, кислотой, выворачивание наизнанку... Ты знал, Арт, что после снятия всей кожи при нужном наборе чар человек может прожить ещё несколько часов? А орк, например, и вовсе несколько дней?

— Будет больно — ибо только через боль мы приближаемся к истинному лику Господа! — закончил тираду епископ, а его роба ослепительно вспыхнула, заставляя Арта зажмуриться на мгновение.

— Мне неприятно это говорить, — повернулся Фолл к парню, качая головой. — Но если дело дойдёт до ручки — смерть будет куда приятней, чем попадание в руки к нему. Я видел тех, кто оставался в живых после пыток третьего епископа. Каждый, Арт, абсолютно каждый из них закончил свою жизнь своими руками. Ужас, пережитый в подземельях церкви, не смыть простым освобождением.

— Я иду, дитя! — рванул вперёд Самсон, замахиваясь... Голыми руками. Конечно, его пальцы были согнуты, образуя подобие крючьев, но тем не менее... Столь очевидный промах в сражении с мечником был недопустим даже с учётом разницы в силе.

Арт шагнул навстречу, резанув воздух перед собой. Без техники, без вкладывания эфира — меч всё сделал сам. Пульсирующая алым и синим сталь столкнулась с белой робой и сероватой плотью, разрубая их без какого-либо сопротивления. Епископ взвыл, отпрыгивая на несколько метров. Вместо правой руки он обнимал левой ладонью обрубок, из которого била фонтанчиком кровь, забрызгивая серый камень площади Ливиграда.

— А-а-а... — перестал он вопить, начиная качать головой из стороны в сторону. — Ох, эта боль... Моя сладкая, тёплая кровь... Как больно... Как чисто! Как свято!

— Он поехавший? — осторожно уточнил у Фолла Арт.

— Мягко сказано, — криво усмехнулся тот. — Не теряйся. Это восемь баллов — таких простая потеря конечности не остановит. В его случае — наоборот, ты дал ему необходимый катализатор.

— Катализатор? Для чего?! — вздрагивая от разошедшегося во все стороны от фигуры епископа ветра и эфира, прокричал парень.

— Господь, будь моим свидетелем! Я желал очистить заблудшую душу, но моего желания было недостаточно... Я прошу тебя, о мой Бог! Даруй мне силу, дабы я остановил тьму! Даруй мне крупицу своей силы, дабы очистил я плоть агнца, сошедшего с пути добра!

Белый эфир начал концентрироваться в теле епископа. Энергия наполняла каждую его клетку, становилась плотнее, как при исполнении техники эфирного ускорения. Секунда за секундой устрашающее давление от фигуры в белой робе росло, поэтому Арт, не теряя времени зря, сам пошёл в атаку.

— Стой! — только и успел закричать Фолл, но было поздно. Арт ушёл в пустоту, выходя прямо за спиной епископа с уже занесённым для удара клинком. Его дар позволял как сокращать дистанцию, так и разрывать её — с одинаково огромной эффективностью.

Однако вместо разрубания плоти случилось иное. Сталь, стоило ей столкнуться с

одеждой священника, получила ответный удар, будто ударив в нечто упругое. Арта унесло назад на огромной скорости — так, что парень пробурил собой каменные плиты аж на пять метров. Он и так не мог использовать свои козыри из-за слабости после образования связи с клинком, а это простое действие уже выбило из него всё дыхание.

Епископ обернулся, покрывая площадь восторженным смехом, полным гордости и благоговения. И медленно, раскачивая верхнюю часть туловища, направился в завесу каменной крошки, поднятой Артом. Парень кашлял, пытаясь двинуться с места. Фолл сел рядом, напряжённо глядя вперёд, туда, где шёл Самсон. Ударив рукоятью клинка о землю, парень обрёл опору, кое-как принимая сидячее положение вместо лежачего. Глупо было бить по наполненному эфиrom телу простой сталью. Но не слишком ли поздно об этом было думать?

Сияющая фигура встала перед Артом, соединив ладони в молитвенном жесте. Стоп, ладони? Не прошло и минуты после ранения, а епископ уже полностью восстановился. Его роба источала такой свет, что разглядеть лицо Самсона не представлялось возможным. Арт не мог даже вдохнуть — настолько подавляющей была аура вблизи. Фолл скрежетнул зубами, поднимаясь со своим серым клинком в руках. Епископ не видел первого героя — но это не означало, что удар смог бы его прикончить. Всё просто — если б мог, Фолл бы уже убил его собственными руками.

— Запомни, дитя — тебя поставил на колени не я, а Господь, — всё ещё держа ладони вместе, произнёс Мясник Церкви. — Та боль, что ты испытываешь — это воля Его, твои страдания — это очищение, это дар Его...

— Ублю... док... — выплёвывая кровь, прокашлял Арт, изо всех сил сжимая рукоять меча.

— Я заберу тебя, дабы очищение достигло своей полноты... — протянул хищно изогнутую пятерню епископ, намереваясь схватить парня за волосы.

Короткая очередь с грохотом прошла грудь епископа, вынужденного отступить на пару шагов от импульса. Арт повернул голову, разглядев на другом конце площади Ирис с автоматом в руках. Рядом с ней, ошестившись самыми разными видами вооружения, стояли бойцы в бело-сером городском камуфляже. Епископ получил ещё несколько пуль, стоило ему двинуться вперёд. Арт, сплюнув, попытался подняться.

— Как смеете вы прерывать очищение Его?! — пронёсся эхом голос епископа по площади, однако он был подавлен слаженным и непрерывным автоматным огнём. Ирис вытянула вперёд руку, жестами отдавая солдатам приказы. Четверо бросились к Арту, остальные принялись расходиться по периметру, беря Самсона в окружение.

Сама девушка тоже побежала к брату, пока епископ продолжал глотать свинец. Пули заставляли его затыкаться, но не наносили вреда даже робе, не говоря о плоти. Достигнув Арта, Ирис сама положила его руку на плечо, силой ведя за собой. Слева встал ещё один боец, и уже вдвоём они повели парня в сторону. Епископ кричал, пытался звать к Господу, но небеса оставались безмолвны. Хорошо иметь дело с сумасшедшими — они порой тупят, вместо того, чтобы действовать. Так, доведя Арт до края площади, Ирис осторожно убрала с себя его руку, заглядывая младшему брату в глаза.

— Жив?

— Жив, — с благодарной улыбкой ответил тот. — Ты вовремя... Сестра.

— Тебе стоит сказать спасибо не мне, — с непонятым раздражением в голосе протянула Ирис. — Кое-кто предупредил нас о грядущем нападении церкви на Ливиград. Но

об этом — потом.

Самсон наконец-то понял, что в этом граде из свинца и грохота выстрелов упустил главное — свою цель. Его руки разошлись в стороны, и вместе с движением с ладоней сорвались широкие белоснежные лезвия, всего пара ударов которых разрубала големов Ирис на несколько частей вместе со снаряжением и оружием. Девушка поморщилась, качая головой.

— Сражаться можешь?

— Да, — уверенно кивнул Арт, заслужив щелбан от старшей сестры. — Ай!

— После такого от меня ни на шаг, — с взрывоопасным блеском в зелёных глазах сказала Ирис. — Понял?

— Понял, — потирая лоб, произнёс Арт. — Этот епископ... Очень опасен.

— Поэтому нам нужно действовать слаженно, — глядя в сторону площади, где падали на камень в виде разрубленных кусков её големы, протянула девушка.

Фолл стоял рядом, не вмешиваясь в их разговор.

— Сад снаружи, пытается вскрыть барьер, — добавила Ирис, бросая на землю автомат и сбрасывая с плеча ремень с посохом. — Выиграем время — а потом эта мразь поплатится за то, что сделала с тобой.

— Ха-а... — усмехнулся парень. Затем повернулся вместе с сестрой к площади, беря в обе руки меч. — Какой план?

— Простой, — оскалилась она. Шрам на щеке чародейки налился чёрно-зелёным, а красный камень в навершии посоха засиял, прогоняя через себя эфир. Её бойцы синхронно сняли винтовки с предохранителей. — Я его отвлекаю, ты его херачишь. Найдёшь ведь, чем?

— Спрашиваешь ещё, — рассмеялся Арт, вливая меч тёмный эфир. Простейшая логика — свет перекрывает тьму, а тьма закрывает свет. Лучше против чистого белого эфира не сыскать. — Вперёд!

Новый этап схватки с епископом начался пышно. Под бесперебойные выстрелы, под ступавших на дрожавшую землю солдат, призываемых Ирис, под издевательских смех Мясника Церкви, словно игравшегося с заблудшими агнцами. Его высокомерие играло брату с сестрой на руку — пока тот ржал, они готовились к решающему удару. Где-то из-за домов просвистели миномёты, обрушивая на Самсона всю мощь современных методов ведения войны. Выстрелы, взрывы и магия утюжили площадь, в центре которой стояла сиявшая даже под градом снарядов фигура. Арт двигался по дуге, постепенно сокращая дистанцию между ним и епископом.

Разумеется, тот быстро всё понял, прекратив реагировать на атаки Ирис. Та била без продыха — огненным ливнем, миниатюрными цунами, лезвиями ветра, оставлявшими в камне глубокие борозды. Всё это разбивалось о робу Самсона, пару раз крайне неприятно облапавшего взглядом девушку. Мясник Церкви уделял особое внимание детям и женщинам — их страдания приносили ему ещё большее удовольствие, чем боль и ужас мужчин и пожилых подопытных. Арт ушёл в пустоту, прячась от взора епископа, медленно но верно приближаясь к тому для применения техники ста мечей. Впрочем, однажды увидев парня, Самсон больше не выпускал того из поля зрения.

— Ты сам идёшь ко мне, о заблудшая душа! — восторженно протянул третий епископ, в очередной раз поворачиваясь аккуратно в аккуратно туда, куда переместился Арт. — Вха-ха-ха! Похвально! Первая идея Господа — не противься судьбе! Ты понимаешь меня, ведь так?

— Заткнись, — брёл Арт, слегка оглушённый рокотом и взрывами, продолжавшими

раздаваться кругом ежесекундно. — Я иду к тебе, чтобы убить. И поверь, ничто меня не остановит.

— Хо-хо! — поаплодировал Самсон. — Какая жажда крови от героя! Я видел такую лишь однажды!

Фолл вздрогнул, со злобой глядя на смеявшуюся фигуру. Никакой кошмар не мог сравниться с тем, что снилось первому герою после встречи с третьим епископом церкви. Вид изувеченных тел, но хуже того — вид искалеченных душ, вот что не давало Фоллу покоя. И вид этой гадкой, наполненной благодатью улыбки. Этот человек был уверен, что каждый его шаг, каждое его слово — всё это принадлежит Господу и исполняется по воле Его. Если бы не обстоятельства, Фолл уже давно бы лишил Самсона головы. Но то — дела прошлых лет. Сейчас сразиться с третьим епископом предстояло Арту и Ирис.

— Ты и впрямьходишь на него, — мечтательно протянул Самсон, облизывая ставшие серыми губы. Вероятно, его тело изменило цвет из-за техники, которую он использовал. Какова её суть? Загадка. — Как жаль, о дитя, что судьба свела меня с тобой, а не с ним. Этот герой... О, я воспевал тот день, когда встретился с ним! Как бы я хотел скрестить с ним клинки, по-настоящему, как полагается двум истинным последователям Его!

— Что? — слегка окосел Арт, переводя взгляд на вновь вздрогнувшего Фолла. Даже Ирис на мгновение прекратила шептать заклятья, инстинктивно посмотрев на парня.

— Не спрашивай, — обратился первый герой к парню через телепатию. — Игнорируй всё, что он говорит. Сосредоточься на сражении.

— Так иди же, дитя! Прими очищение Его! — провозгласил епископ, продолжая улыбаться.

— Раз ты так просишь, — прорычал Арт, бросаясь вперёд.

— Прекратить огонь! — скомандовала Ирис, ударя посохом в камень.

Выстрелы и свист миномётов стихли. Епископ стоял с распростёртыми объятьями, даже прикрыв глаза от невероятного удовольствия, что испытывал от каждой секунды сражения. Арт ушёл в пустоту, в очередной раз атакуя Самсона из слепой зоны. Правда, теперь его удар не был простым движением относительно опытного мечника — клинок уже был занесён для исполнения нужной техники.

— Двадцать первый меч — меч гор!

Движение таза слилось с ударом, идеально выполняя каждый элемент созданной Фоллом череды поступательных ударов. Земля с ужасом вздрагивала каждый раз, когда Арт опускал свой меч, а епископ, несмотря на улыбку, в одно мгновение лишился сперва левой, а затем и правой руки, отступая на несколько шагов, чтобы не попасть под третий, финальный взмах. Арт остановился, выдыхая. Зелёный эфир слился с тёмным воедино, по частям разрушая и серое тело, и белую робу епископа. Впрочем, падать или хоть как-то показывать боль Мясник Церкви отказывался. Кровь пропитала порванную робу, две конечности валялись рядом, на потрёпанных каменных плитах, но мужчина всё равно стоял, не дрожа.

Арта парализовало от осознания того, насколько фанатично уверен в своих действиях человек. Он не защищался от ударов — он принял их стеной из собственного тела. Он не контратаковал, не отступал, чтобы регенерировать повреждённые руки. Он стоял, глядя Арту, пришедшего его убить, прямо в глаза. А в глазах епископа не было ни капли страха или сомнений. Фолл был прав — он не просто поехавший. Это его собственная шизофрения, переросшая критическую фазу и образовавшая нерушимый щит, который епископ называл "верой".

— Ну почему ты противишься... — с горечью в голосе протянул епископ, встряхивая серыми руками, которые более не покрывали церковные одежды. — О заблудшая душа... Тебе не одолеть слугу Господа, ибо Он со мной. Его идеи — все три священные идеи, они воплощены во мне! Я — его протезе! Я — его отражение в мире смертных! Ничто не одолеет меня, ибо ничто не способно убить Бога!

— Он верит в то, что является Богом, — проговорил Фолл в голове Арта. — Это как-то ломает ограничения на его разуме, позволяя играючи управляться с белым эфиром. Чтобы прикончить его, нужно нечто, способное, как он и сказал, убить Бога.

— И что мне делать? — также у себя в голове спросил Арт.

— Есть три меча, способных на нужное нам деяние, — ответил Фолл уже вслух, встав рядом с парнем. Епископ продолжал нести чушь, которую пропускали уши Арта. — Первый, сотый и шестьдесят восьмой.

Шестьдесят восьмой меч, меч вечной тьмы. Эта техника относилась к разряду многоступенчатых, то есть сложных. Если с мечом гор у Арта не было никаких проблем, да и остальные изученные были более-менее понятны, то этот меч вызывал у парня крик отчаяния — настолько там всё было до отвратительного трудно. Начиная от подпитки клинка тёмным эфиром и заканчивая исполнением серии ударов. Но это был единственный из трёх мечей, который хоть на сколько-то освоил парень. Пускай это не убьёт епископа — это может хотя бы заставить его заткнуться. Бесперебойный поток словесного поноса, изрыгаемый Самсоном, бил похлеще любой дубинки.

— Арт, назад! — закричала Ирис, снова ударяя посохом о камень. Канонада продолжилась, а парень, исчезнув в пустоте, вышел из неё уже поодаль, в десяти метрах от епископа.

— Вторая идея Господа — не закрывай глаза на зло, творящееся в мире, — тихо, но так, что замолчали автоматы, проговорил Самсон. Ирис упала на колени, сблёвывая кровью. Несколько десятков големов, стоявших вокруг Мясника Церкви, в одно мгновение скончались. С небес ударили яркие лучи света, испепелившие их всего за секунду. Но Ирис была готова — дёрнув с пояса зелье с алой жидкостью, она осушила сосуд, отправляя тот в короткий полёт прочь. Утерев губы, девушка кивнула Арту, с беспокойством взглянувшего на неё.

Как бы говоря, что она научилась на своих ошибках.

— НЕ ОТВЛЕКАЙСЯ! — заорал Фолл над ухом, и Арт рефлекторно выставил ме вперёд, останавливая прыгнувшего на него епископа.

Тело того окончательно посерело, включая лицо. Роба продолжала сиять, а скрюченные пальцы обнимали лезвие, позволяя густой чёрной крови течь по нему, капая на каменные плиты под ногами. Лицо мужчины перекосило, теперь его переполняли злоба и ненависть, но с этими эмоциями он улыбался. Жуткое зрелище. Если бы не крик Фолла, Арт оказался бы в тисках. Почему-то парень был уверен, что эти пальцы легко могли войти в его грудную клетку, вырывая оттуда сердце.

— Зло! Зло течёт в твоих венах, отравляя землю и тех, кто стоит рядом с тобой! Дитя, Господь любит всех... — епископ сжал меч Арта, так, что тот более не смог двинуть его ни на йоту. — Но зло... О, искоренять зло — Его работа!

— Вливай эфир в меч, если не хочешь лишиться вместе с ним и рук, — протянул Фолл, державший свой серый клинок у горла Самсона. — Живее!

Эфир перетёк из тела Арта в сталь, заставив ту почернеть. Как только тьма на металле

достигла матового блеска, епископ отступил — на новых ладонях виднелись сильные, пузырившиеся ожоги. Исцеление, которым обладал церковник, действовало мгновенно. Был ли у него лимит? Никто не знал. Арт встал, как вкопанный, боясь сдвинуться с места. Его боевое чутьё подсказывало ему, что одно движение — и он труп. Епископ перешёл в боевой транс — опустив руки, он покачивался из стороны в сторону, нащёптывая слова молитв. Остатки его робы болтались на его иссушённом теле обрывками ткани, однако его это не заботило.

— Призрачный батальон, — провозгласила издали Ирис. — Сапёры!

Вокруг епископа один за другим встали солдаты, сжимавшие в обеих руках по лопате. Остро наточенной сапёрной лопате, в полном боевом сапёрном облачении — прочном и несокрушимом даже в их с Артом родном мире. Синхронно замахнувшись, солдаты начали атаку. И на удивление, епископ начал двигаться — он не подставлялся более под удары, но искусно от них уклонялся, будто танцуя на поле битвы. Его скрюченные пальцы действовали как дубины, отражая лопаты и сметая големов одного за другим. Арт отмер, отходя назад. Сапёры умирали, но на их место вставали новые — епископ не успевал одолевать их достаточно быстро. Фолл мрачно улыбался, глядя, как теснили воины Ирис Самсона.

— Хорошая идея перейти с дальнего боя на ближний, — хмыкнул первый герой, а затем тяжело вздохнул. — Но скоро ему надоест и это. Удовольствия от убийства големов нет — они не испытывают эмоций, а следовательно, не вдохновляют Мясника.

— Значит, потом мой черёд, — выдохнул Арт, встряхнув головой, чтобы придти в себя. Успокоившись, обратился внутрь себя — к эфиру, что тёк по его телу. Объяв его полностью, Арт отдал приказ к ускорению. Пришло время повысить ставки. И пусть Фолл неодобрительно цыкнул, парень уже всё для себя решил.

Он убьёт этого человека здесь и сейчас. Его просто нельзя оставлять в живых. Что неизвестный дракон, что Фолл — все сказали то, что думали о нём. Третий епископ был злом — настолько чёрным, что оно обращалось в свет. И лишь где-то на подкорке сознания Арт задал себе вопрос о том, почему Фолл не убил его раньше, раз они пересеклись во время его странствий по Авроре, континенту. Чтобы Фолл, считавшийся сильнейшим в Крэйне, обошёл вот такого ублюдка стороной? Что-то здесь не чисто. Но пока — пока необходимо было сосредоточиться на схватке.

— Как вы, пользуясь дарами Его, можете восставать против Него?! — обличающе закричал епископ, разрубая очередного голема. — Я вижу это — в ваших душах! Как смеете вы?! Я не потерплю подобной ереси!

Огромный луч белого света ударил в место, где стоял Самсон, а как только луч исчез, Мясник остался в одиночестве. Ирис судорожно глотала очередное зелье исцеления, пытаясь справиться с болью, пронзившей её. Собирать силы воедино для призыва чего-то посерьёзнее простых солдат она не могла, ибо прекрасно понимала, против кого сражается. Ещё больший удар от отдачи после уничтожения призванных отрядов она могла не пережить. Может, танки или артиллерия задержали бы епископа подольше, но отдача от их, вполне вероятно, мгновенной гибели легко была способна вывести Ирис из строя. Как минимум.

Как максимум — убить на месте.

— Следуй идеям Его, — обратился епископ к Арту. — Не противься судьбе, позволь мне уничтожить зло в твоей душе. Позволь мне очистить тебя! — последняя фраза была выкрикнута в прыжке. Быстром, смазанном — Арт едва успел среагировать.

— Шестьдесят восьмой меч — меч вечной тьмы! — наполняя разогнанным чёрным эфиром меч, произнёс парень, следом отводя клинок назад.

Епископ завопил, захлёбываясь в оскорблениях, но атаку не прекратил, замахиваясь пятернёй почти лоб в лоб у последнего героя. Арт закрыл глаза, как и полагалось при исполнении техники. Он до сих пор не понимал, для чего это требовалось — ведь всё те же движения он мог выполнить и с открытыми. Впрочем, полностью пропавшее свечение, бывшее в опущенные веки, свидетельствовало о том, что первый этап Арт выполнил правильно.

Он ударил перед собой, буквально выстреливая клинок от груди. Не беспокоясь о поражении противника, отвёл меч, проводя им в воздухе перед собой полный круг. На самом верху, подняв клинок вертикально к небесам, Арт обрушил его вновь, подаваясь вперёд и опускаясь на колени в завершение удара. И уже там, у земли, парень вынес клинок вверх, держа угол в сорок пять градусов. Огромная масса накопленного и разогнанного ещё больше после всех движений чёрного эфира высвободилась, ударяя из острия. Арт встал вслед за движением, замирая на месте. Наконец, как только поток энергии иссяк, парень открыл глаза.

Абсолютная чернота пронзала площадь, затмевая собой звёзды. Тоннель, след от удара, остался на месте даже после исполнения техники. Опустив взгляд, Арт обнаружил слегка подрагивавший таз с двумя ногами, на котором кое-как болталась потускневшая роба. Встряхнув клинок, парень завершил шестьдесят восьмой меч, развеивая вечную тьму. Звёзды вновь зажглись на закрытом ею участке, а проделанный чёрный тоннель растворился, став полностью прозрачным. Остатки третьего епископа каким-то чудом всё ещё стояли, хотя он совершенно точно был мёртв.

Парень рухнул на колени, чувствуя отдачу от техники. Закашлялся, сплёвывая кровью на серые плиты. Всё тело полыхало — эфир, покинувший его с огромной скоростью, оставил внутри ранения, с которыми Арт ещё долго будет соблюдать постельный режим. Тем не менее, дело было сделано. В конце концов, после такого ни одно живое существо не...

Ноги, облепленные остатками белой робы, двинулись, делая первый неловкий шаг.

— Да ладно?! — заорала Ирис, бросаясь вперёд. Арт же с ужасом смотрел, как с треском формируются кости — позвоночник, рёбра и грудная клетка. Затем на то, как нарастает на них плоть — спинной мозг, органы, сосуды, вены, артерии, как сплетаются воедино мышцы, уже начиная сокращаться вслед за новым шагом целой части тела.

Наконец, сформировался череп, тут же обросший сосудами, хрящами и наконец — кожей. Моргнув светло-зелёными глазами, епископ обрёл зрение, тут же впившись взглядом в Арта. Повернул голову вбок, хрустнув шеей, сжал и разжал ладони, любуясь своим новым, всё таким же серым телом. Сделал пару кругов кистями, двинул тазом, обретая равновесие. Никаких сомнений — епископ смог регенерировать, несмотря на чудовищные повреждения его тела. Впрочем, одно в нём изменилось — он более не улыбался.

И это вгоняло Арта в ещё большую панику. Мрачный изгиб сухих тонких губ, уголки которых были опущены, искажая лик Мясника Церкви, сеял ужас в сознании последнего героя. Все звуки вокруг пропали — только сердце громко-громко стучало, словно надеясь поработать в последний раз.

— Третья идея Господа — не дай злу проникнуть в твою душу, ибо лишь она бессмертна и несокрушима пред ликом времени, — протянул епископ, вытягивая вперёд скрюченную пятерню. Арт захрипел, чувствуя, как сжались его кости, сдвигаясь с исходного положения.

Чем больше Мясник Церкви сжимал пальцы, тем сильнее было давление. Рёбра повернулись внутрь, пронзая тело, грудная клетка сократилась, обвивая собой лёгкие. Арт не смог даже вдохнуть, судорожно глотая воздух ртом.

Парень рухнул на спину, дёргаясь от боли, переполнявшей его.

— Очистись, падшая душа, — тихо произнёс третий епископ, слегка наклонив голову. Боль заполняла разум Арта, не давая ни секунды на противодействие. Молчал Фолл, молчал дракон. Ирис, добежавшая до них, замерла, не зная, что делать.

— Стой, мразь! — закричала она, целясь в епископа из автомата. — Отпусти моего брата!

— Я отпущу его, — медленно кивнул мужчина, продолжая сжимать пятерню. — Как только очищу его душу от скверны. Обещаю.

Длинная очередь разорвала наступившую тишину. Пули застыли в воздухе, не добравшись до епископа, а затем опали на землю с тихим звоном. Ирис вдавливала спуск, но магазин уже опустел. Её шрам наполнил алый эфир — девушка едва справлялась с эмоциями. Выпустив автомат из рук, она дёрнула с ремня посох, направив тот на полуобнажённую фигуру. Но епископ не обращал на неё внимания — он смотрел только на Арта. Лишь глаза его сияли маниакальным блеском, выдавая эйфорию, что испытывал Мясник Церкви.

Арту было больно. Вернее, это чувство не передать словами, а называть просто болью — не уважать то, что он терпел. Его выворачивало наизнанку — пальцы загибались в обратную сторону как на руках, так и на ногах, локтевые суставы выгибались, грозя вот-вот сломаться. Фолл стоял рядом на коленях. Сквозь кровавую пелену, почти ослепившую Арта, тот увидел спокойное, лишь слегка наполненное печалью лицо. Кажется, Фолл уже привык терять близких — и сейчас готовился к потере ещё одного. Возможно, ему было частично всё равно — ведь он уже умер однажды. Или, быть может, первый герой рассчитывал на то, что Мясник сохранит Арту жизнь?

Неизвестно.

— Отпусти... — протянула Ирис, шагая вперёд. — Прекрати! Возьми меня вместо него!

— В иных обстоятельствах — с радостью, дитя, — пожал плечами епископ, не отрывая взгляда от дёргавшегося в конвульсиях Арта. — Но сейчас я выполняю приказ Его Святейшества. Я возьмусь за твою душу, как только закончу очищение твоего непутёвого братца.

— Сука, — сквозь зубы бросила Ирис, сжимая посох.

— Вернись на путь света, заблудшее дитя, — проговорил епископ, почти полностью сжав ладонь в кулак. — Прими Его идеи, прими Его благодать... О, я чувствую... Я чувствую, как ты очищаешься... Как ты возвращаешься на истинный путь!

— Я могу отключить твоё сознание, — произнёс Фолл. — Но урон, причинённый телу, будет куда серьёзнее. Когда Мясник поймёт, что ты ничего не чувствуешь, он вполне может захотеть покровсать тебя сильнее. Кивни, как сможешь, если согласен.

Расслышав слова Фолла, Арт, прикусив язык, двинул головой. Первый герой щёлкнул пальцами, и парень, в последний раз дёрнувшись от неопикуемой боли, сбежал из темницы плоти в темницу собственной головы. Однако события на площади приняли другой оборот — потому что на сцену вышел ещё один персонаж, изо всех сил спешивший на помощь Арту с Ирис.

— Йо-хо-хо, дядя, а ты знаешь, как задирать мелких! — переливчатый, издевающийся

женский смех раздался откуда-то с улицы совсем рядом. Епископ повернул голову, ища его источник, однако обнаружил в том месте лишь пустоту.

— Ты... Еретик! — продекларировал он, разжимая ладонь. Тело Арта, поломанное в нескольких местах, замерло.

— Не меня ищешь? — вновь рассмеявшись, спросила Анко совсем близко, разводя руками в карманах свежего коричневого пальто. Ирис вздрогнула — она не заметила, как и откуда пришла эта женщина. — Давай-ка отойдём в сторонку, дядя. Негоже задирать мелочь. Разборки взрослых дядь и тёть должны решаться между взрослыми дядями и тётями, согласен?

— Ересь! — возмущённо воскликнул третий епископ, поворачиваясь к чародейке. Та, поправив очки, полностью проигнорировала его возглас, успев лишь подмигнуть Ирис, опустившей посох. — Как смеешь ты наруша...

Его тело, вернее, две его равные половинки, рухнули на камень, орошая всё кругом тёмной кровью. Анко пожала плечами, опуская ладонь в чёрной перчатке.

— Не люблю, когда на меня кричат, — хмыкнула она, ожидая, пока епископ не поднимется, вновь регенерировав. — Хочешь ты или нет — разбираться ты будешь со мной. Ирис, забери Арта. Бегите на восток — там смогли пробить портал через Купол Безмолвия.

— Хорошо, — сориентировалась девушка, мигом обогнувшая Мясника Церкви по дуге, чтобы добраться до брата. Она ожидала подвоха, но нет — мужчина стоял, сверля взглядом Комодо Анко. Видимо, чем-то она ему настолько не понравилась, что он решил забить даже на приказ Его Святейшества. Ирис трудно было его за это винить. Подхватив Арта за руки, девушка зашагала прочь, слегка сгибаясь под весом парня.

Так, на площади осталось всего два человека. Один маг и один церковник.

— Давно не виделись, Мясник Церкви. С годами твоя рожа стала ещё более безобразно непорочной. Так и хочется поделить её на ноль, — хоть и сыпала оскорблениями, Анко продолжала посмеиваться. — Сегодня я закончу то, что начал Фолл. И поверь...

Сарказм в её улыбке перетёк в злобу и неприязнь, а сама она — в оскал. Хищный, азартный — азарт охотника, настигшего добычу. Из серых глаз чародейки вспыхнуло пламя того же цвета, а площадь, и без того изувеченная в сражении, пошла широкими и длинным трещинами. Серый эфир, наполнивший пространство вокруг, заставлял саму твердь земную уступать ему место. Но и епископ не дрогнул, только замолчал, собирая белый эфир в ответ. В противовес Анко, он сосредоточил энергию вокруг и внутри своего тела, усиливая и без того жуткую иссушённую плоть. Близилось сражение между двумя восьмёрками — а это уже совсем не шутки.

— ...я покажу тебе, как трудно быть Богом, — закончила Анко, взмывая в воздух, чтобы избежать множества белых лучей, ударивших с небес в место, где она только что стояла.

А вдали, на пустых ночных улочках Ливиграда, брела Ирис, с титаническим упорством продолжая нести на себе Арта. Сил на призыв у неё не осталось, а подпитка себя эфиром могла спровоцировать очередной приступ. Энергии и так осталось мало, и вся она тратилась на восстановление выносливости. Её младший брат едва дышал, Ирис даже не была уверена, жив ли он вообще. Её это не волновало — она поставила себе цель и шла к ней с уверенностью тысячи баранов.

Фолл брёл рядом с ней, со смесью печали и отчаяния поглядывая на болтавшегося на спине девушки Арта.

В то время как тот, скрывшийся ото всех и вся в своей голове, очнулся в полностью

белом пространстве, уже знакомом после первой встречи с его драконом.

Она стояла там же, в том же сером облачении, на таком же расстоянии. Только не улыбалась, а смотрела на кашлявшего несуществующим телом парня. Наконец, он "поднялся", встряхивая головой.

— Ты достойно сражался, Арт, — с плохо скрываемым волнением в голосе протянула женщина, кланяясь своему хозяину. — Мне жаль. Я не смогла достойно поддержать тебя, ибо наша связь ещё слишком слаба.

— Но... Фолл сказал, что всё прошло идеально? — осторожно спросил парень, собирая мысли в кучку.

— Мы связаны крепко, — кивнула фигура, до сих пор остававшаяся без имени. — Но для использования полного объёма моих сил тебе, как и мне, нужно вырасти над собой.

— Как ты любишь говорить загадками, — неловко улыбнулся парень, выдыхая.

— Мне жаль, — повторила фигура, прикрыв на мгновение глаза. — Однако, заметь — если бы ответы на все вопросы в нашей жизни доставались по одному только желанию, мы бы жили в крайне скучном мире.

— Да уж, — хмыкнул Арт. — Могу я хотя бы узнать твоё имя? Моё ты, кажется, знала сразу.

— Разумеется, — наконец-то посветлело лицо женщины. — Джикая. Это то, как произносится моё имя на вашем языке. Ты можешь звать меня Джей, если пожелаешь.

— Интересное имя, — покрутил его в голове Арт. — Что ж, будем тогда знакомы... — он протянул руку, подмигнув фигуре. — Артём. В этом мире — Арт.

— Это... — женщина уставилась на протянутую ладонь в ступоре. — Ах, да... — она подалась вперёд, пожимая её, и тут же отступая, словно парень поймал её на чём-то постыдном. — Мне жаль. Мои знания в людских обычаях весьма... Противоречивы.

— Ты слишком много извиняешься, — выдохнул парень. — Всё нормально. Ты была со мной во время боя — я это чувствовал. И этого мне вполне сейчас достаточно.

— Я рада, — поклонилась Джикая, а выпрямившись, сделала приглашающий жест. — Если позволишь, мы присядем. Я уверена, у тебя много вопросов.

За её спиной в белом пространстве проявился простой круглый деревянный стол, а рядом — два стула из светлого материала, в котором Арт с удивлением узнал... Пластик. На столе, стоило им подойти, появились две кружки, от чёрной жидкости в которых исходил пар. Присев, парень понюхал содержимое, опознав то как чай. Женщина, поправив волосы, с хитрой улыбкой отсалютовала ему кружкой, первой отпивая ароматный напиток. Вслед за ней пригубил его и Арт, с наслаждением расслабляя несуществующее тело. Как это так — оно и есть, но его и нет? Чудеса, не иначе.

— Скажи, Джей... — поставив кружку на место, начал Арт. — Как ты сохранила свою память? Зордан говорил, что белый эфир должен был очистить её полностью.

— К сожалению, это вопрос, давать ответ на который ещё слишком рано, — склонила голову женщина, и на её лице отразилась искренняя печаль. — Ты сам всё поймёшь, Арт. Быть может, ты бы хотел спросить что-то ещё?

— Э-э... — стушевался парень. — Сколько тебе лет?

Кружка в руках Джей вздрогнула, едва не расплескав горячий чай вокруг.

— Кхм... — поставила она её на стол. — Арт, неужели тебя не учили, что задавать дамам подобный вопрос — моветон?

— Ну... — он почесал затылок, не зная, что на это ответить. — Просто мы так спокойно

на "ты" общаемся. Может, ты куда старше меня? А я тут... Без уважения.

— Между хозяином и драконом нет граней приличия, — сохраняя невозмутимое выражение лица, протянула Джей. — Но так и быть, я отвечу. Нельзя же постоянно извиняться... — последние слова она сказала со вздохом. — В переводе на ваше исчисление я сейчас примерно одного возраста с тобой. Если поточнее — чуть старше, на год или два.

— Да? — с недоверием проговорил Арт, отпивая чай. — А выглядишь как минимум на двадцать семь...

— Это облик, который я приняла, дабы свободно общаться с тобой, — правый глаз женщины задёргался, но ни её лицо, ни её тон не выдали лёгкого раздражения. Впрочем, Арту хватило и этих знаков.

— Тогда закрыли тему, — примиряюще сказал он, грея руки о горячую керамику. — Давай, чтобы мне было проще. Почему я не должен доверять Фоллу? Какой ты дракон? Что за выбор, о котором ты отзывалась с такой печалью? Почему ты так хорошо ко мне относишься, хотя мы буквально недавно встретились? Вот эти вопросы — на них ты ответить не можешь, верно?

— Твоё понимание превосходит мои ожидания, — коротко кивнула Джей, а затем в один глоток осушила весь чай, оставшийся в кружке. Впрочем, та тут же наполнилась вновь.

— Я задам другой, — поднял взгляд на собеседницу Арт. — Расскажи мне о Боге. Я только что бился с фанатиком, всю плевавшимся его именем направо и налево, но конкретики так и не услышал. Может, ты, я, Фолл, катастрофа — это всё ещё впереди, но вот его историю я бы хотел услышать уже сейчас.

— Что ты желаешь услышать о Нём? — слегка наклонив голову, уточнила она.

— Зачем он всё-таки похищал нас, превращая в героев? Зачем решил потом избавиться, если мы старались, как могли, выполнить его указания? Не все, конечно — но ведь Фолл сделал больше, чем все герои, вместе взятые.

— Это... История о глупце, — тяжело вздохнула Джей, глядя в чай, дрожавший в её кружке. — Я расскажу, Арт. Пожалуйста, не перебивай — я отвечу на все попутные вопросы в конце. Хорошо?

— Да, конечно, — кивнул парень, обратившись в слух.

— Трудно быть Богом, Арт, — начала фигура, и её голубые глаза потускнели. — Когда ты можешь всё, легко потерять связь с реальностью. Творить, разрушать, убивать и воскрешать — всё рано или поздно надоедает. Когда в твоих руках бесконечная сила и бесконечный запас времени, волей-неволей думаешь о том, как бы себя развлечь. Так, Богом был сотворён Крэйн. Не по щелчку пальцев, конечно, медленно, шаг за шагом. Земли холодные, земли тёплые, земли пустые, земли полные. Горы, реки, озёра, океаны, материк, острова, природа — как художник, Бог нарисовал огромное полотно, в котором не хватало только одного — действия. И так появились первые люди, орки, гномы и эльфы.

Одних он наделил невероятной адаптацией — люди могли жить в любых условиях, плодятся, как тараканы. Какие бы невзгоды не сопровождали их, они всегда умудрялись выходить сухими из воды.

Другие получили талант к воинскому делу — так, орки воевали на заре времён, потеряв возможность развить собственную культуру. Лишь спустя многие тысячелетия они встали на один уровень с человечеством.

Третьих Он наделил выносливым телом и талантом к добыче руды и строительству. Первые гномы были легендарными инженерами, способными из куска камня и частички

эффира сотворить осадное орудие с подавляющей разрушительной мощью.

Наконец, эльфы, которых поселил Господь в дикой природе, получили неразрывную связь со свободными духами. Дабы они могли спокойно жить в уединении, Он сотворил Иггдрасиль — великое древо, становившееся всё сильнее с духами погибших эльфов, обретавших покой возле его корней.

Кроме разумных существ, Бог сотворил много неразумных и полуразумных тварей, ныне называемых животными и чудовищами. Последние — дальние родственники первородных полуразумных монстров, которых Он сотворил из художественного интереса.

Шло время. Долго, Арт, шло. Столетия бежали за столетием, тысячи лет сменяли другие, и мир, сотворённый им, потихоньку начинал жить собственной жизнью. Разумеется, при каждом Его появлении каждая раса падала ниц, нагло раболепствуя. Богу это не нравилось, поэтому он перестал навещать Крэйн, наблюдая за ним издали. Наконец, началась новая эпоха — когда каждая цивилизация продвинулась настолько, что начала соперничать с другими. Войны прогремели по Крэйну, но Господь не вмешивался, позволив событиям течь, как текут. Он ждал мира во всём мире, ждал, пока цивилизации помирятся и начнут договариваться друг с другом. В Его голове это было чем-то вроде сюрприз-вечеринки — как только сотворённые им народы прекратят вражду, он хотел появиться, предстать перед ними во всём своём величии, подарить каждому народу благословение и поблагодарить за правильное стремление к добру, которым так гордился Он сам, как творец.

В конце концов, не так интересно разрушать, сколько творить. Так и Господь, которому не были знакомы ваши концепции добра и зла, выдумал себе свою собственную. Всё, что стремится к покою и миру, называется добром. Противоположные действия — злом. Но давай оставим его психологию на потом — сейчас не время для подобных глупостей.

Так, Господь прождал много тысяч лет. Но так и не дождался. Войны продолжали идти — уже и внутри народов, разделившихся на отдельные части. Изучая изменившийся Крэйн, Бог узнал о вашем представлении добра и зла. Узнал — и понял его превратно. Он решил, что как только вы уничтожите всё зло, наступит желаемое для него — мир во всём мире. Разумеется, мы с тобой понимаем, что сводить такое к простой поляризации "добро — зло" не выход. Вражда, предательство, кровь и боль — это не столь просто, как кажется. Мир начал загнивать, а Господь — паниковать. Чудовища досаждали даже самым продвинутым среди цивилизаций — гномам и людям.

А войны всё не прекращались. Вмешиваться самому было нельзя — ведь тогда исчезнет весь эффект самостоятельного достижения покоя и мира. Господь хотел, чтобы народы Крэйна сами пришли к тому, чему он хотел их научить. Он обратился за помощью в иные миры — и так набрёл на Землю. Отыскав там подходящую кандидатуру, он снабдил человека оттуда минимумом информации и частичкой своей силы, выпустив в Крэйн. Бог не мог изменить всё сам, но мог направить посланника.

Так, появился первый герой, с которым ты хорошо знаком. Первый выбор Господа был верен — этот человек влюбился в Крэйн, поставив себе цель исполнить волю Бога. Кроме того, у него была воля, чтобы добиться её. Однако терпение Его было на исходе — поэтому, спустя какое-то время, он не выдержал и вновь обратился к Земле, призвав ещё одного героя. Потом ещё и ещё — Он сам не заметил, как перешёл с качества на количество. К счастью, его старания были оплачены сполна — один только первый герой, набравшись сил, перевернул Крэйн с ног на голову.

И, что больше всего понравилось Господу, не столько силой меча, сколько силой слова.

Созидание, не разрушение — первый герой был правильным, с точки зрения Его, человеком. Прекратилась резня внутри народов — люди обрели единство, кланы гномов разобрались со своим устройством, эльфы обрели возможность путешествовать без оглядки на традиции, орки получили собственную письменность и развитие культуры, перестав резать друг другу глотки. Однако многолетняя вражда между отдельными цивилизациями не позволила достичь желаемого, и тот мир, который хотел увидеть Господь, не наступил. Наступило шаткое затишье, нарушаемое теми самыми героями, что расползлись по Авроре, огромному континенту, сотворённому Богом.

Не выдержав, Он обратился за помощью к единственному, кто, как казалось, его понимал — к первому герою. Тот давно перерос человеческие пределы, ибо его сотворил не Он. Но к своему ужасу Бог получил осознание реальности через грубые, колючие слова героя. Тот обличал его в высокомерии, в полном игнорировании собственного творения. Первый герой высказал Ему всё, что думал и что понял, странствуя по Крэйну. Если бы Господь хотел, он бы давно сделал этот мир комфортным и приятным глазу. Не без изъянов, не утопичным, не идеальным, но всё же. Он мог — но не сделал. Потому что хотел, чтобы этого добились те, кого он сотворил? Глупости.

Первый герой полыхал пламенем справедливой злобы. Где был Господь, когда люди убивали друг друга? Когда ели детей, когда им нечего было есть? Где был Он, когда эльфы убивали случайно забредших в их леса жителей деревень, вне зависимости от пола и возраста? Где прятался Он, когда гномы травили друг друга, сражаясь до отрубленных голов за каждый клочок гор? Все знали, что Он здесь есть. Все знали, что Он может это остановить. Но его бездействие только подстёгивало народы, осознавшие, что они остались в одиночестве.

Поняв свои ошибки, Он обратился к избранным — к тем, через кого раньше помогал цивилизациям развиваться. Через пророков и провидцев. Всё, о чём просил Господь, это верить в него. Верить в то, что он всё исправит. Так, началась золотая эпоха для людской церкви Единого Бога. Именно после этого откровения появились такие ярые фанатики, как тот, с которым ты бился сейчас, Арт.

Что ж, мой рассказ ещё не окончен. Господь желал всё исправить, это факт. Однако ему нужно было избавиться от тех, кого он сам когда-то призвал сюда. Я, возможно, открою тебе тайну, Арт, но однажды попав в Крэйн, отсюда никак не выбраться. Силы Господа хватает, чтобы переместить человека с Земли — сюда, но обратно — слишком энергозатратный процесс даже для Него. Поэтому Крэйн потребовалось очистить — и Господь снова обратился за помощью в иные миры. Правда, перед этим был его финальный конфликт с первым героем — тот стал куда сильнее Его, а потому требовал особого внимания.

Хм... Ты уже слышал об оковах, наложенных Богов на первого героя взамен на сохранение его существования в Крэйне. Это противоречит моим словам о том, что вернуться из Крэйна на Землю нельзя. Это так. На Землю — нет. Слишком далеко. В другие миры — легко. Пусть это потратит всю мощь Господа, ради устранения угрозы он был готов пойти даже на такой риск. И разница в их силах не была столь огромна, чтобы Фолл мог хоть как-то изгнанию противиться. Потому он согласился на условия Бога, на их небольшую игру.

Ты главная фигура на стороне первого героя, Арт. Точнее, должен был быть ею, если бы ложь не вскрылась. Если бы мир не узнал, что катастрофа, вызванная Богом, предназначалась только для уничтожения героев. Но увы, беда не приходит одна.

Понадеявшись на авось, Бог призвал сюда существо, в разы превосходящее что его, что первого героя по уровню влияния на мироздание. Это... Нанесло критический удар по его психике. Окончательно разочаровавшись в себе и во всём, что делал, Бог закрылся от мира, оставшись наблюдателем, которым и был, по сути, всё это время.

Более того — он озлобился, отказавшись снимать оковы с первого героя, способного хоть что-то сделать. Что до самих оков... Я не могу рассказать тебе всего, но могу дать подсказку. Ментальная магия куда сильнее, чем ты думаешь, Арт.

Так, я завершаю свой рассказ. Надеюсь, он пришёлся тебе по вкусу.

— Не то слово, — тихо протянул Арт, отхлёбывая из кружки. — История... Вот уж точное олицетворение фразы про благие намерения и дорогу в ад.

— Да, — согласно кивнула Джей. — Этого не было в рассказе, но я думаю, что лучше поведать об этом сейчас. Драконы, которых сотворил Господь самыми первыми, были прототипами народов и полумозговых существ Крэйна. Мы были Его советниками, пока нас не осталось совсем мало, и Он не закрылся от всего мира.

— Отвечаешь на ещё не заданный вопрос, — рассмеялся парень, удовлетворённо покачав головой. — Спасибо, Джей. Мне было важно это услышать. Теперь всё стало чуточку понятней.

— Ответ и ты на мой, пожалуйста, — подняла взгляд женщина, с ожиданием посмотрев на Арта. — Ненавидишь ли ты Его? После всего, что услышал? Он не считается с вашими чувствами, он счёл вас ненужными — и решил выбросить, как отработанный материал...

— Что я чувствую по отношению к Нему? — задумчиво переспросил Арт. — Не знаю. Даже Фолл, вроде как, Его не ненавидит. А у него, судя по твоему рассказу, есть свои счёты с Богом. Так что не уверен, стоит ли мне презирать Его.

— Я поняла, — кажется, на лице Джей промелькнуло облегчение, которое она постаралась скрыть. — Этого достаточно.

— Спасибо за твой рассказ, — мягко улыбнулся Арт. — Как думаешь, сколько времени прошло снаружи?

— Примерно пара дней, — не делая паузы, ответила женщина. — Твоё тело должно быть в порядке — я чувствовала сильную ауру белого эфира, много раз покрывавшего его.

— Тогда нам пора прощаться, — поднялся парень, в десятый раз опустошая кружку. Джей встала вслед за ним, отвешивая церемонный поклон в пояс. — И... Перестань мне постоянно кланяться. Чувствую себя... Странно. Не очень хорошо.

— Как пожелаешь, — кивнула Джей, а стол и стулья с кружками возле них исчезли, слившись с белым пространством. — Я бы хотела спросить тебя ещё... О твоих воспоминаниях до того, как ты попал в Крэйн...

— Нет, — вдруг спала улыбка с лица Арта. В его голосе прорезалась непривычная ему сталь — острая, бившая прямо в сердце того, кто её слышал. — Если ты их видишь — хорошо. Но говорить об этом я не буду. Никогда. Ни с кем. Даже с Ирис. Даже с Фоллом. И с тобой тоже.

— Я поняла, — подавила желание вновь поклониться Джей. — Тогда на этом мы прощаемся, Арт. Береги себя. Я постараюсь быть рядом — теперь, когда наша связь окрепла.

— Благодарю, — коротко кивнул ей Арт, исчезая из белого пространства. Женщина осталась в одиночестве, и тяжёлый вздох сорвался с её уст. Чёрные волосы встрепнулись, когда она резко повернулась, сжимая кулаки.

Прошептала голосом, полным отчаяния:

— Это всё, что я могу, Арт... Это невыносимо больно — видеть, как ты мучаешься... Не так... Так, быть может...

Ты спасёшь нас всех.

Глава двенадцатая. Ад пуст, все бесы — здесь

Арту снился до ужаса реалистичный сон. Полтора месяца, что он провёл в башне архимага, тренируясь под руководством Миры и Фолла. Кроме выжимавших все силы спаррингов, бесконечных пробежек, силовых упражнений и ежедневных лекций, у него с Ирис, что удивительно, находилось и время на себя. Что ещё и странно, ибо со стороны постороннего наблюдателя они только и делали, что выкладывались на полную. Когда только успевали есть и немного погрузиться в мысли? Конечно, кроме общения ни о чём с сестрой и наставниками Арт заваливал Фолла целой тонной вопросов. От простых, вроде принципов эфира и фехтования, до более комплексных, вроде вопросов выживания. Уже тогда парень понимал, насколько страшен и тёмн Крэйн. Так, во сне они с первым героем возвращались с вечерней лекции по коридору, полному портретов, написанных Мирой.

— Как выжить? — Фолл отвёл взгляд последней картины в коридоре, переведя его на Арта, остановившегося возле двери в свою комнату. — Либо я что-то не понимаю, либо я уже отвечал тебе на этот вопрос, ученик.

— Стать сильнее — лишь временное решение, — с напряжением в голосе протянул парень. — В этом мире... Очень много тех, кто куда могущественнее меня. Тех, кто совершенствовался годами — например, Сангвин. Как мне одолеть их? Нет, не так... Как мне выжить при встрече с ними?

— До вашей встречи ещё много времени, — положил руку на плечо Арта Фолл, качая головой. — Но, знаешь... Способ есть. Вряд ли он тебе понравится, потому что это не то, чем должны руководствоваться герои.

— Я бы хотел сперва выслушать, — упорно стоял на своём последний герой, глядя Фоллу в глаза.

Тот усмехнулся, кивая. Будто уверяя сам себя, что когда-нибудь эти слова пригодятся ученику.

— Что ж... Если ты по-настоящему хочешь выжить, но не можешь позволить себе стать холодной машиной для убийств, то вместо машины ты должен стать животным. Рвать, кусать, брыкаться, рычать, бежать напролом — чистые инстинкты, никакой рациональности.

— Животным? — неуверенно переспросил Арт.

— Сейчас ты вряд ли поймёшь... — выдохнул Фолл, убирая руку с плеча парня и вынимая ею пачку сигарет. Сунув табачный свёрток в зубы, улыбнулся. — Да и, повторюсь, герои до такого не опускаются. Благородство, понимаешь ли, не позволяет. Ты... — Фолл вздохнул, вынимая сигарету изо рта. Покрутив её между пальцами, продолжил. — Ты видишь нас как спасителей, как свет в абсолютной тьме. Не могу сказать, что это неправильно. В конце концов, ты ещё молод, да и героем стал совсем недавно... Но если ты попадёшь в ситуацию, когда ты по-настоящему, без какого-либо выхода, не будешь способен выжить, когда уйдёт вся надежда, когда не останется товарищей, что стоят с тобой плечом к плечу...

Фолл говорил, и блеск его глаз тускнел.

— Тогда ты либо умрёшь, либо обратишься в животное в попытке выжить.

— Ты... Скажи, Фолл, ты сталкивался с подобным? — тихо спросил Арт, раздумывая над тем, что сказал первый герой.

— Больше, чем хотелось бы, — хмыкнул он. — Возможно, ещё слишком рано такое говорить, но Арт — нет ничего ценнее для живого существа, чем его собственная, пардон, жизнь. А мы, по своей натуре, привыкли защищать то, что имеет для нас ценность. Так, свою жизнь мы защищаем с несравнимым ни с чем рвением.

— Я готов отдать свою жизнь, если это защитит кого-то, кто мне дорог, — сжав кулаки, сказал парень. — Потому что так поступают герои.

— Ха! — хохотнул Фолл, поджигая сигарету. Вернув её в зубы, затянулся, выпуская серый дым под низкий потолок. — Видишь вот эту картину... — он ударил пару раз по золотой рамке, в которой находился портрет. Там, сунув руки в карманы брюк, стоял высокий молодой мужчина с голубыми глазами, короткими рыжими волосами и усталой улыбкой на губах. Мужчина был запечатлён в процессе работы, судя по разбросанным вокруг него бумагам и манускриптам. Позади виднелся край стола и чёрной древесины, с которого капали чернила на пол, покрытый алым ковром. — Этот красавчик — Ди.

Арт вздрогнул, вглядываясь в мужчину пристальнее. Он выглядел, несмотря на улыбку, воодушевлённым. Учитывая, что этот герой был инженером, не так удивительно, что его работа приносила ему счастье.

— Ди пришёл в Крэйн, когда Сад уже был построен, — подняв голову, чтобы заглянуть старому другу в глаза, протянул Фолл. — Поняв, что из этого мира ему не выбраться, как бы умён он ни был, Ди, как и ты, решил посвятить себя нашей единой цели — его спасению. Хоть он и был куда старше тебя, идеализм и максимализм, присущие молодым героям, в нём никуда не делись, даже с годами. Знаешь, что его на самом деле погубило? Кажется, ответ очевиден — яд нам'яррского ленточного василиска. Чуть глубже — его погубили гномы, ещё глубже — гномья чёрная зависть к его таланту. Но на самом деле, Ди погубила его наивная вера в то, что он может всё контролировать. Что он герой, а героев не могут предать, не могут ложно обвинить... Вера в то, что раз он герой — значит, он автоматически на стороне добра для всех, кто знает о том, что он герой. Он был готов отдать жизнь за гномов, которые его убили. Иронично, не правда ли?

— К чему ты ведёшь? — пристально глядя уже на Фолла, спросил Арт.

— Не разбрасывайся громкими словами, — ответил тот, затянувшись. — Строй свою жизнь. Сражайся за неё сам. И не жди чего-то светлого от других просто так, по факту того, что ты герой. Это первое. Второе... Что ж, — он выдохнул, пряча на мгновение портрет в облаке серого дыма. — Второе ты, быть, может, поймёшь потом. Если нет — да и плевать, не такая уж и важная вещь.

— Почему не сказать мне сейчас?

— Потому что сейчас ты искренне полагаешь, что суть героев — в спасении этого мира и тех, кто здесь живёт.

— А это не так?

Фолл замолчал, посмотрев на парня. Затянулся, криво усмехнувшись.

— Доброй ночи, Арт.

— Арт!

Парень вскочил, дрожа от холодного пота, покрывшего его тело. Тяжёлое одеяло оказалось спущено, демонстрируя жуткие шрамы, оставленные на обнажённом теле его же собственными костями. Порезы от прорубивших кожу рёбер, рваные следы от вышедших из суставов бедренных костей... Протерев глаза, Арт обнаружил себя в маленькой комнате с белыми стенами, половину которой занимала кровать, на которой он, судя по всему, провёл

эти несколько дней. Возле кровати стоял стол с магическим светильником, освещавшим ровным жёлтым светом все семь квадратных метров. Рядом со столом, сдерживая слёзы, сидела Ирис, вглядываясь в его бледное лицо. Вяло улыбнувшись, парень кивнул ей, что послужило для сестры сигналом к объятьям.

— Ты едва дышал... — едва не придушив Арта, бормотала Ирис сквозь всхлипы. — Тобой занималась лично Нера...

— Одна из лидеров Сада? — нашёл в себе силы удивиться парень, замечая краем глаз матовый блеск синего и алого. Клинок покоился в кожаных ножнах, прислонённый к краешку кровати. — Я думал, они сейчас заняты...

— Её вызвал Крон, открыв прямой портал из Пангонии, — наконец-то освободив Арта от железной хватки, вернулась на табуретку Ирис. — Потому что никто из целителей не мог гарантировать, что ты проживёшь хотя бы день.

Нера, негласная правая рука друидов Пангонии. Без её вмешательства Золотая Империя выжгла бы земли эльфов давным-давно. Потрясающий талант к исцеляющей магии, не менее потрясающие навыки в дипломатии, начиная с угроз и заканчивая элегантно и острой, как острие кинжала в ночи, манипуляцией. Нера заведовала внешней политикой Сада, действуя как официальное лицо в диалоге с властителями Крэйна. В противовес Йорану и Эсмеральде, её главным оружием выступала речь. И, что странно для политика, она была весьма позитивной личностью. Кто-то из близких мог даже назвать её жизнерадостной. Что тоже странно — ибо быть жизнерадостным в Крэйне крайне, крайне рискованно. И тяжело.

Очень тяжело.

— Ну, мне уже лучше, — хрипло рассмеялся Арт, вытирая одеялом пот с лица. — Сестра, что творится в мире?

— Я... — Ирис поднялась, выдыхая. — Кхм. Я не могу тебе рассказать.

— Чего? — удивился парень. — Почему?

— Потому что не знаю, — чуть покраснела девушка, отведя взгляд в сторону.

— Она сторожила твой сон все эти дни, — раздался голос Фолла из тёмного угла комнаты. — Прогоняла всех, кто хотел с тобой увидеться, чтобы кислород не сжигали. Не вини её — у неё, кроме тебя и Лори, никого не осталось.

— По... понял, — кивнул Арт.

— Вот и... Хорошо.

Ирис поднялась, покачиваясь. Сколько часов в сутки она спала? Два, может, три, судя по гигантским кругам под глазами. Арт улыбнулся, чтобы заверить старшую сестру — он в порядке. Уже — в порядке.

— За дверью ждут посетители, — кашлянул Фолл, вмешиваясь в идиллию. — Отпусти уже Ирис. Пускай отдохнёт хоть немного — дел невпроворот.

Послушав совет первого героя, Арт попрощался с девушкой. Та, почти сразу прекратив вялое сопротивление, в последний раз обняла паренька, а затем проковыляла прочь, оставив дверь открытой. Уже с дрожью в ногах — Арт был готов поставить свою гордость на то, что Ирис отрубится, как только упадёт в постель. Выдохнув, парень осторожно пошевелил руками, проверяя подвижность. Сбросив ноги с края кровати, попытался встать. Поняв, что в текущем состоянии это бессмысленно, парень подвинулся к стене, сжимая и разжимая кулаки. Тело слушалось слабо, но после уцербра, нанесённого ему, это было настоящим чудом. Фолл наблюдал за его действиями, пусть и скрывал, но с весьма пристальным вниманием.

Порог скрипнул, когда в комнату вошла массивная женская фигура. Бледно-зелёная кожа, лёгкая железная броня, подбитая кожей и мехом — даже не глядя на лицо, Арт понял, кто именно вошёл. Эсмеральда, сверкая яркими фиолетовыми глазами, опустилась на колени перед замершим парнем.

— Я провинилась перед тобой, Арт, — с печалью в могучем голосе протянула она. — Мы должны были защищать тебя, особенно в такой важный момент, но...

— Всё нормально, — успокаивающе произнёс парень, не отлипая от стены. — Наставник, я выжил благодаря вашей помощи. Не вините себя — церковь напала неожиданно. Никто не мог это предугадать.

— Я всё равно должна понести ответственность, — притянув руку к груди и сжав её в кулак, воительница подняла взгляд, посмотрев Арту в глаза. — С этого дня я буду сопровождать тебя везде и всегда, ученик. Нельзя дать трагедии повториться.

— Они потеряли меня, они потеряли Миру... — с сожалением в голосе сказал Фолл, стоявший за спиной Эсмеральды. — Ты — их последняя надежда. Прими с честью, Арт.

— Хорошо, — выдохнул парень. — Да будет так...

— Я рада видеть тебя в здравии, — перешла на более спокойный тон женщина из племени орков. — Могу я... — она выпрямилась, со странным блеском в глазах задавая свой вопрос. — Обнять тебя?

Арт только двинул головой, а его шею уже обвили сильные руки наставницы. Это были неловкие, но чувственные объятия. Эсмеральда, можно сказать, видела в Арте кого-то кроме ученика. Это нельзя было назвать любовью — вроде той, что связывала алыми нитями Фолла и Миру. Для Эсмеральды Арт был забавным младшим товарищем, с которым было весело тренироваться и проводить ночи. Чем больше времени они проводили вместе, тем трудней ей было расстаться с ним. Она искренне боялась, что парень может потеряться, стоит ему остаться наедине с собой. О чём может думать человек его возраста, на глазах которого целая деревня, которая приютила его, сгорела в жутком пламени? Затем смерть тех, кто преподавал ему уроки жизни в этом мире — одновременно и близких друзей Эсмеральды.

Так что да, это была не любовь. Серьёзная привязанность — на одном уровне с той, что испытывала Ирис.

Выпустив Арта, воительница поднялась вновь, едва не задевая макушкой потолок.

— Наставник, — кашлянул Арт, переводя дыхание. Что там говорил Фолл? Строй свою жизнь сам, да? — У меня есть просьба. Вернее, не так, это скорей предложение.

Эсмеральда кивнула, награждая парня улыбкой. Он уже вернулся в строй — пусть его тело ещё не готово, его дух всё так же силен.

— Вы сказали, что...

— Можно на "ты", Арт, — продолжая улыбаться, перебила его Эсмеральда.

— Кхм... Ты сказала, что провинилась предо мной и должна понести ответственность. Как насчёт... Вступления в мой орден?

— Орден? — задумчиво переспросила женщина. — Это тот орден без имени, про который так любит рассказывать твой грубый эльф?

— Да, я и Кирагас пока единственные, кто там есть, — неловко подтвердил её слова Арт. — Но суть ордена определяю я — его глава. Если вы... Если ты согласна, то можешь считать, что никакой вины передо мной у тебя нет.

— Идёт, — протянула руку Эсмеральда. За эти дни она многое успела обдумать — в том

числе факт того, что Сад больше никогда не будет прежним. Паренёк, который сидел перед ней сейчас — последняя надежда Крэйна. И её собственная надежда на лучшее будущее. Нет ничего плохого в том, чтобы встать под его знамя. В конце концов, люди любят всё усложнять. Всё равно у всех них одна цель, а всё остальное — лишь ненужная бюрократия.

Арт двинулся на кровати, следом пожимая крупную ладонь.

— Спасибо, наставник. Думаю, ты вполне заслуживаешь звания заместителя главы.

— Ха-ха! — рассмеялась Эсмеральда. — Тогда я пойду задирать твоего эльфа. Или теперь уже нашего? Ха-ха-ха!

Помахав Арту, женщина выпорхнула из комнаты с грацией, которой позавидовали бы эльфы. Фолл восхищённо присвистнул — действия Арта не укладывались в его привычное видение этого странного героя. Проявить жалость и понимание к бывшему врагу уже достойно главы какого-нибудь рыцарского ордена, но пригласить туда своего же наставника? Понимал Арт это или нет, он собирал вокруг себя верных союзников. Ирис, Кирагас, теперь и Эсмеральда... Их верность принадлежала не Саду — они были верны и верили Арту, не организации. Его молчаливость, его упорство, его высказывания — это завоевало сердца самых разных личностей. И Фолл чувствовал, что это ещё не конец, нет, наоборот — это только начало.

Начало чего-то большего.

Как когда-то создали из разбитых, потерянных личностей Сад Мира и Фолл, так и Арт теперь собирал вокруг себя тех, кто следует за ним беспрекословно.

— Оно и к лучшему, — прошептал Фолл себе под нос. — Мы своё отжили. Потрепыхаемся ещё немного, а потом — дорогу молодым.

Следующим в комнату вошёл Йоран, буквально согнувшись пополам в поклоне. Арт слегка опешил от столь резкого движения главы Легиона, тут же попросив того поднять голову. Йоран был тих, но его синие глаза говорили за него всё, что мужчина не мог сказать вслух. Горечь сожаления, едва заметный огонёк надежды и облегчение — вот что говорили они.

— Эсмеральда не рассказала тебе новости? — поправив волосы, трепыхавшиеся на уровне плеч, уточнил глава Легиона. — Хм... Это на неё не похоже. Тогда будет ли достаточно слов от меня?

— Да, вполне, — выдохнул Арт, сторя от нетерпения. Чёрт подери — уже третий посетитель, а он до сих пор не в курсе, что произошло, пока его тело восстанавливалось!

— Мир в состоянии войны, — проведя ладонью по повязке, закрывавшей его левый глаз, произнёс Йоран. — Церковь Единого Бога начала полномасштабное наступление — в приграничных имперских городах вспыхнули восстания. Мобилизованы рыцарские ордена из Дорана, а воздушный флот Сенстонии уже на территории Золотой Империи.

— Не теряют времени зря, — хмыкнул Фолл. — Империя достала всех — разве что гномы, скорей всего, сейчас не в состоянии сделать хоть что-то. До сих пор разбираются с чумой, полагаю.

— Империя отреагировала молниеносно — почти все восстания были подавлены полностью. Однако, сейчас между церковью и Сенстонией с Дораном идут переговоры. Они не союзники. Скорей — враги с общей целью.

— А мы? — тихо спросил Арт.

— Сад следит за ситуацией, — в своём стиле коротко ответил Йоран. — Восстания затронули и Ливиград. Сейчас всё уже кончилось — церковь отвела фанатиков прочь, к

южным границам Золотой Империи.

— Сангвин... — задумчиво протянул Фолл. — Верно. Империя стала угрозой всему континенту. Сенстония и Доран смирились, приняв её власть, но не сдались. Видимо, амбициям императора о расширении на юг пришёл конец. Нам'ярр может спать спокойно.

— Цели — разные, — сухо добавил от себя глава Легиона. — Государства пришли мстить Золотой Империи, но церковь желает подчинить себе всех. Мы закрывали глаза на их жадность слишком долго.

— Значит, война? — напряжённо сказал Арт.

— Если мы не вмешаемся, никому не будет дела до катастрофы, — кивнул Йоран. — Кроме того, твои тренировки в Ливиграде окончены. Ты получил меч из яйца дракона, ты овладел множеством техник. Моих — и Фолла. Ты обладаешь достаточной подготовкой, чтобы принять участие в сражениях на территории Золотой Империи.

— Я понял, — выдохнул парень, прикрыв на мгновение глаза. — Когда мы выдвигаемся?

— Мы ждали твоего пробуждения, — вдруг улыбнулся Йоран, поднимая перед собой ладони с семью оттопыренными пальцами. — Неделя. Приведи себя в порядок за это время. Потом возможности не будет.

Арт кивнул, и глава Легиона, ещё раз поклонившись, вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь. Фолл чувствовал за стеной других посетителей, но они пока не спешили заходить внутрь. Поэтому, заняв табуретку перед кроватью, первый герой задумчиво посмотрел на Арта, вернувшегося к холодной стене.

Но первый вопрос в их диалоге задал не Фолл.

— Сколько у нас осталось времени?

— Один год, восемь месяцев, двадцать четыре дня, три часа и одна минута, — кивком утверждая вопрос ученика, ответил первый герой. — Йоран прав. Ты научился всему, что мог в такой ничтожный срок. Остальные мечи я покажу тебе по дороге к землям Империи. Но если ты всё ещё желаешь победить Сангвина в честном бою, тебе нужно взяться за изучение ещё и боевых чар. Атака и защита при помощи заклятий — без высокого уровня ты не сможешь даже поцарапать императора.

— "Если всё ещё желаю"? — со злобой в голосе проговорил Арт. — Будь моя воля, я бы оставил его на растерзание церкви и союзников, чтобы потом добить и их.

Брови Фолла удивлённо подскочили.

— Ха-а... — выдохнул он. — Действительно не по-геройски. Но ты должен понять, что у Сангвина есть свои причины поступать столь безжалостно и сурово. Вы с Ирис и Лори ненавидите его и Империю — и вы имеете на то полное право.

— Не понимаю, — помотал головой Арт. — Ты сейчас его защищать собираешься? Я не только слышал о его деяниях — я видел их своими глазами! Моя деревня была выжжена дотла вместе с краем, который ты возродил своими силами! Как это можно оправдать? Как я должен что-то там "понять", Фолл?

— Кажется, ты слишком спешишь, — кашлянул первый герой. — Не могу тебя винить. У тебя более чем достаточно причин его ненавидеть и презирать. Но я всё же прошу... — его голос стал тише, а речь — меланхоличней. — Выслушай меня.

— Хорошо. Но что бы ты не сказал — я всё равно убью его, — вспыхнули в янтарных глазах Арта алые огоньки.

Фолл кивнул, соглашаясь с ним.

— Сангвин... Не здоров. Видишь ли, ты почти сразу оказался рядом с теми, кто знал, что тебе нужно больше всего. Покой, тренировки, лекции, друзья и учителя. В то время как Сангвин путешествовал по Авроре несколько лет перед тем, как мы с Мирой его отыскали. Он познакомился с жестокостью Крэйна не так, как это сделал ты. Он сделал это в абсолютном одиночестве. Он ведь тоже... — Фолл тяжело вздохнул. — Я не могу это больше скрывать. Начало вашего пути идентично. Абсолютно. Блеск в ваших глазах, желание спасти этот мир, сокрушить тьму и вдохнуть свет в сердца жителей Крэйна — это то, что вас объединяет. А расходятся ваши дороги немного позже, когда вы оба стали сильнее. Когда Сангвин отправился в свободное плавание, покинув Сад. Мрак, желчь, кровь и боль — это оставило на его душе жуткий шрам. Такое не смыть теплом близких и любимых. Наверно, он и сам это понимал, поэтому и ушёл... Ладно, что я вокруг да около. В деревню, к которой Сангвин прибил, когда только попал в Крэйн, пришли разбойники. Не типичные, из разряда тех, что грабят на большой дороге. Те, кто находит удовольствие в убийстве, в боли женщин, в хрипах стариков и воплях детей. Сангвин сражался, как мог. Отдам ему должное — он вырезал каждого ублюдка, зашедшего в деревню.

Но когда он очнулся среди трупов, в деревне не осталось живых.

Наверно, уже тогда он подумал о том, сколь жесток Бог этого мира, и сколь отвратителен Крэйн. Почему это должен был быть он? Что эта деревня сделала этим людям? Почему никто не пришёл им на помощь? Он не понимал, а вскоре и перестал стремиться к пониманию. Сангвин мне как-то сказал...

"Мне плевать, что станет со мной. Я изменю этот мир — и убью его Бога".

Тогда я ещё не знал, что он имел в виду на самом деле. Сангвин разочаровался в Крэйне. До такой степени, что плевать ему было, что о нём подумают другие. Он отказался от титула героя, отправившись в великую Золотую Империю. Она стала первым инструментом его мести — и поначалу он даже правил, как полагается хорошему императору. Женился, завёл детей. Мы с Мирой даже навещали его во дворце — он стал светлее, чем раньше. Он не смог исправить Крэйн как герой, поэтому решил сделать это, как государь. Под его руководством Золотая Империя расцвела — преступность была искоренена, а монстры, рыскавшие на территориях, устранялись карательными отрядами рыцарей, верных Императору. Люди, орки, гномы и эльфы вздохнули с облегчением — наконец-то появился властитель, искренне желавший что-то здесь поменять.

Обида и злоба, которую Сангвин затаил на мир, потихоньку уходили. Он даже простил Бога — всё-таки тот, хоть и не делал ничего хорошего, в то же время не делал ничего плохого. Его душу ничто не могло залечить, но он сам шёл к исцелению, просто живя свою жизнь.

Затем его жену распяли культисты. Сперва похитили, изнасиловали, а затем распяли. История, что стара, как мир. Причины? Сангвин ликвидировал почти всю деятельность церкви Единого Бога на территории Золотой Империи. Для Его Святейшества этого было достаточно, чтобы применить сей акт устрашения. Как забавно, Арт. Мы далеко не всегда знаем, какие последствия имеют наши действия. Даже если можем попытаться предугадать, мы никогда не сможем быть уверены на сто процентов.

Весь Сад присутствовал на похоронах. Сангвин держал на руках детей, которым недавно исполнился год. Они должны были уехать в Пангонию — такой отдых на природе для всей семьи. Но не это было рождением "Чёрного пламени", второго имени Сангвина сейчас. Как можно догадаться, после смерти жены последовало похищение и умерщвление близнецов, в

которых Император души не чаял.

Глупые, глупые люди. В этот раз вскрылась коррупция — связи государственного аппарата Империи с церковью Единого Бога. Как ещё грёбаные фанатики могли похитить детей прямо из-под носа Сангвина? Это случилось спустя полгода после похорон. Комодо Анко помогла ему в расследовании — так он вышел на контакты властителей Дорана, Сенстонии и нескольких кланов гномов Железных Гор. Говорю же — глупые люди. Они искренне полагали, что финансируя и помогая церкви расправиться с семьёй Сангвина, они сумеют захватить власть. Каждый метил на кусочек Империи — в конце концов, жадность и амбиции — типичные черты характера власть имущих. Эти идиоты думали, что Сангвин растеряет хватку и легко отдаст им то, чего они желали.

Доран помог фанатикам преодолеть рыцарей, охранявших дворец.

Сенстония обеспечила им пути отхода на своём воздушном корабле.

Гномы выдали им устройства, чтобы спрятать их эфирный след.

Пангония, по своей глупости, приютила беглецов. Не зная, что на неё тоже падёт гнев.

Вот тогда был рождён он. Чёрное пламя, единственный властитель Золотой Империи. Сангвин Четвёртый. И даже будучи ослеплённым жаждой мести, Сангвин не стал принимать поспешных решений. Похоронив детей, он собрал нас, лидеров Сада. Всё, что он попросил тогда — это не вмешиваться. Что бы не произошло дальше, он попросил нас просто стоять в стороне. Это был последний раз, когда Сангвин искренне улыбался. На его лице не было слёз — только сухая обречённость. Он всё для себя решил в тот день и в тот час.

Ты скажешь, что под жернова военной машины Империи попали невинные. Конечно. Сангвин перестал сдерживать свой гнев, перестал скрывать машину, в которую превратился, попав в Крэйн — в бездушный мешок из плоти, который умеет только воевать и убивать. Из доброго, искреннего императора он стал тем, каким ты знаешь его сейчас. Холодным, безжалостным человеком, для которого не существует слишком высокой цены за желаемое. После трагичных событий он решил воплотить в жизнь то, что сказал мне когда-то. Он изменит этот мир — собственным огнём, силой и волей. Убьёт Бога за всё то, что он не сделал.

И вернётся домой. Потому что Крэйн для него перестал иметь хоть какую-то ценность.

— Мне... Всё равно, — как только Фолл замолчал, Арт решился на продолжение диалога. — Это его не оправдывает. Если он... Если Сангвин всё ещё хочет что-то здесь изменить, он должен был остаться тем, кем был раньше. Правильным императором.

Фолл покачал головой, поднимаясь с табуретки.

— Сангвин разочаровался в Крэйне. Его "изменения" отличаются от того, что думаешь ты. Он хочет подчинить этот мир себе — огнём и мечом, как я и сказал. Потому что иначе, по его мнению, ничего не сдвинется с мёртвой точки. Народы Крэйна продолжают резать друг друга, политики будут продолжать подминать под себя больше, чем могут охватить, и плевать они хотели на простых жителей своих государств. Так это видит Сангвин. Я... — плечи Фолла дёрнулись, он сплюнул, доставая сигарету из выпрыгнувшей из воздуха пачки. — Не прошу тебя простить его. Не прошу понять. Если ты только сможешь перестать его ненавидеть... Этого мне будет достаточно.

В серых глазах первого героя отразилась печаль. У него тоже было много причин, чтобы испытывать злобу к Сангвину. Но в то же время он прекрасно знал, что его бывший ученик и близкий друг стал таким не просто так. Такова уж наша жизнь — ярлыки героев и злодеев не всегда обозначают истину, нутро. Арт был единственным, кто услышал настоящую историю

становления императора. Для Лори и Ирис образ Сангвина остался прежним — и лишь в глазах последнего героя он пошатнулся. Слегка, но всё же.

То, что рассказал Фолл, заставило Арта задуматься. Глубоко, настолько, насколько было возможно. Но прежде, чем Арт захотел озвучить выводы, сделанные им после слов и просьбы первого героя, дверь отворилась и в комнату вошёл Кирагас. Эльф преклонил колена, приветствуя главу безымянного ордена. Арт выслушал его историю, а затем они обсудили будущее. Кирагас был счастлив услышать, что в их полку прибыло. Однако, услышав, кто именно присягнул на верность Арту, эльф слегка помрачнел. Видимо, ему не очень нравилось то, сколь легко согласилась на предложение Эсмеральда. Впрочем, Кирагас предпочёл оставить свои мысли в стороне, сосредоточившись на беспокойстве о начальстве.

После Кирагаса комнату паренька навестил Крон. Слепой гном шутил и смеялся, присев на судорожно скрипнувшую кровать. Всё ещё называя Арта козявкой, конечно, но уже потечески трепля его по волосам, словно названного сына. Он услышал о сражении с Самсоном в деталях от Ирис, и сейчас старого гнома переполняли тёплые чувства. Парень хорошо показал себя в битве против в разы превосходившего его противника, и если бы не дичайшая регенерация епископа, он бы сумел его одолеть. Так что да, Крон гордился Артом. Проведя полчаса за болтовнёй ни о чём, гном отсалютовал парню, пообещав напоследок проставиться за свой счёт.

Потом пришла Анко, пару минут без слов просверлив Арта взглядом. Кивнув своим мыслям, она вышла прочь, не говоря даже уходя ни слова. Последними забежали Лори с Маркусом и Фарионом. Чародейка обнимала парня дольше всех. Затем, коротко справившись о его здоровье, женщина удалилась под предлогом срочных дел. Маркус, пожав Арту руку, вышел вслед за ней. Грозовой сыч спрашивал парня о сражении с епископом, вытаскивая из него каждую деталь. Фарион хотел запечатлеть историю — после смерти Миры эта обязанность упала на него. С каждым новым посетителем Арту становилось легче, все тяготы отходили на второй план, а мысли потекли в русло отдыха и спокойствия.

Но кое-что не давало ему покоя. Близкие люди, те, кто волновался за него всё это время — было ли это у Сангвина? Тот, кто отправился в одиночное плавание, отпустил своих друзей, начав новую жизнь. Когда он потерял всё, что у него было... Он всё ещё остался в одиночестве. Никто не обнимал его, как Арта. Никто не говорил, что виноват перед ним или что он молодец, что держится на плаву. Так, размышляя, Арт дошёл до того, чего не мог ждать от него сейчас Фолл. Несмотря на резкое высказывание после всей истории первого героя, теперь парень понял.

Он его понимает. Понимает, как можно стать таким холодным и жестоким. Понимает, почему тот разочаровался в Крэйне. Ведь и сам Арт тоже разочаровался в этом мире. Пусть и не так, как Сангвин. Арт не просто решил не ненавидеть императора — он решил простить его. За всё, что было сделано и чего уже никак и никогда не вернуть.

Фолл, глядя на посветлевшее лицо парня, тихонько хмыкнул, удаляясь. Парню нужно было побыть в одиночестве.

Так прошла отведённая неделя. Сад собирался быстро — Арт удивлялся, сколько новых лиц он встречал в коридорах дворца на первом парящем острове. Де-юре он принадлежал администрации Ливиграда, но де-факто им заведовал Сад, используя гигантский особняк как штаб и базу для операций. Здесь был, пардон, и свой сад, убежавший до самого края огромного острова. Этот кусок земли превосходил тот, на котором занимался Арт, в несколько десятков раз. Изнутри казалось, что он вполне мог сравниться с Ливиградом.

Здесь не было других зданий или следов постороннего вмешательства, только дикая, нетронутая природа. Густой лес, две горные реки, целое озеро далеко на севере, множество цветочных полей, к концу лета наполнивших воздух концентрированным приторным ароматом.

Если подойти к краю острова и осторожно взглянуть на землю, что в нескольких километрах внизу, можно было увидеть боевые формирования. Армия Сада, наконец-то собравшаяся воедино. Несколько десятков грубо сколоченных деревянных шалашей с высоким, в несколько метров, костром в центре, занимало племя Эсмеральды. Воины орков, внемля зову своего лидера, стянулись со всего континента верхом на химерах-волкодавах — их чёрная шерсть легко выделялась на зелёных полях земель Ливиграда. Солдаты Йорана в знакомом тёмном кимоно занимали палаточный лагерь рядом с племенем Зурукхаи. Эти мечники превосходно владели катанами — Йоран после одной из тренировок признался, что самостоятельно привнёс культуру самураев в Крэйн. Для него меч был дорогой свободой.

Лучшее решение для бывшего раба.

Следом прибыли боевые отделения волшебников. Они горели желанием отомстить — пусть и не знали, что на самом деле случилось с Мирой. Чародеи разных уровней, в разных разноцветных одеждах, молодые и старые — их было очень, очень много. Их представителем стала Лорелеи, как сильнейшая и единственная последовательница покинувшей этот мир архимага.

После чародеев на поля под Ливиградом прилетели на грифонах с жёлтым оперением гномы. Скромный отряд всего в сотню бородатых лиц казался маленькой точкой на общем фоне, но это были гномы, абсолютно верные Крону и Саду. Старые друзья, родственники вплоть до десятого колена — всё-таки для этого народа было кое-что важнее верности золоту и металлу. Крон потратил целый час, обнимая и расцеловывая каждого лично. Арт улыбался и смеялся — он чувствовал поддержку каждого, кто собирался под первым островом. То, что когда-то построили Мира и Фолл, сейчас сияло, будто драгоценный камень.

Лишь Фолл понимал, что это последний раз. Последняя вспышка былой славы организации, нет, дома для заблудших душ, что сотворили они. Понимал и спокойно воспринимал этот факт.

Наконец, прибыли воины эльфов. Сколько их было? Казалось, что здесь собралась чуть ли не вся Пангония. Рейнджеры, целители, волшебники — они распределились по уже образовавшимся группам, оставив лишь рыцарей в золотой броне с зелёной обводкой. Нера всё ещё отсутствовала — грозная сова, присланная ею, передала просьбу эльфийки встретиться у границ Золотой Империи.

Последними пришли искатели приключений под руководством Тришы, старой чародейки. Когда-то давно она занимала должность главы гильдии искателей приключений, но к сегодняшнему дню уже много лет как сидела на пенсии. Что до самих искателей...

Их было много — таких разных людей, орков, гномов и эльфов. Распределением их по уже образовавшимся отрядам занимался Йоран. Кто были эти странные личности? Если просто — агентами Сада. Если чуть сложнее — это были те, кого Сад спас. Те, кто был обязан этой организации жизнью, и те, кто искренне верил в её правое дело. Искатели стекались со всего континента — их было так много, что вскоре поле перестало быть зелёным и обратилось в оттенки рыжего, чёрного, зелёного, алого и белого.

Все они ждали своего часа. Возможности отплатить Саду за доброту и принятие их, кто

опустился на самое дно этой жизни. Кто помог преодолеть утрату, кто помог отомстить, кто помог пережить ужасы Крэйна, кто защитил и защищал их всё это время, не закрывая глаз. Они — те самые побег, что бережно высаживала эта организация изо дня в день. Каждый воин из собравшихся здесь был готов положить свою жизнь ради Сада.

Потому что когда-то Сад был готов положить свою за них.

В этом мире было столько тьмы, столько боли и крови — но надежда, которую лелеял, как в колыбели, Сад, сейчас взревела отчаянным пламенем. Тёмное фэнтези? Да, несомненно. Но фэнтези же! Где есть чёрное, будет и белое.

За сбором армии наблюдал с высоты пятнадцатого острова Скай, теребя свой плащ. Его переполняло волнение — начиналось то, что он видел уже много, много раз. И всё равно — каждый раз был как первый. Видеть величие Сада, узы, что скрепляли меж собой совершенно отличавшихся друг от друга личностей... Это было невероятно. Хранитель Ливиграда уже десять раз проклял себя, что ушёл медитировать в пещеры в тот самый день, когда церковь атаковала город, который он должен был защищать. И это случилось уже дважды! Нет, с чумой Скай отказался помогать самостоятельно, едва понял, кто за ней стоял. Фолл должен был встретиться с Мирой. Значит, не считается?

Как бы не так!

Драконов вообще сложно понять. Они вроде похожи на людей, но порой высокомерны, как эльфы, упрямы, как гномы, и жестоки, будто орки. А порой и вовсе походят на Господа: молчаливого, холодного, пустого. К счастью, они не сходят с ума, как он. Поэтому в ту неделю, отведённую на сбор и подготовку, Скай провёл в раздумьях. Нужно ли ему присоединиться? Нет, он ведь никогда не был официально в Саду. Более того — в Саду был другой дракон, поэтому вмешательство Скай не требовалось. Он и так знал, что их ждёт победа. Впрочем, какая именно — полная или пиррова, предстояло выяснить. Слишком много переменных, слишком много неожиданных деталей...

Как и любой другой мудрый и эгоистичный дракон, Скай решил выждать момент, понаблюдав за развитием событий. Фолл, стоявший рядом с ним в последний день перед отправкой, понимающе кивнул. Такое решение было вполне в духе его старого друга.

Близился вечер седьмого дня. Завтра, ранним утром, Сад выдвинется на север — к южным границам Золотой Империи, которые сейчас толком никто не охранял. Империя была занята — внутренние конфликты, продолжавшиеся даже после жестоких карательных подавлений восстания, фанатики, осаждавшие крепость за крепостью, флот Сенстони, что почти не встречал сопротивления, рыцарские корпуса Дорана, маршировавшие напрямик к столице... Мало кто знал, что прямо сейчас в игру вступит ещё одна сила. Что интересно, не являющаяся союзником ни одной из других. Но история пока до этого не дошла.

Мы поднимаемся ввысь, к беседке глубоко в дворцовом саду, где распивали чай с мёдом Арт и Лори. Ирис отправилась спать пораньше, Маркус был занят внизу, Эсмеральда почти не контактировала с остальными, равно как и другие лидеры Сада — все сейчас строили планы, продумывали стратегии и расставляли отряды для будущих сражений. Только парень с чародейкой и грозовой совой сидели вместе, наблюдая за закатом. Розовые небеса вполне соответствовали сирени, что цвела кругом. Красота, одним словом.

Но понятное дело, что мысли этих троих были совсем не здесь, не среди сирени, запахов цветов и красоты пейзажа.

— ...Сомнительно, Арт, — продолжая мысль, начатую ранее, проговорила Лори. — Я перестала надеяться после смерти мастера.

— Но ты всерьёз собралась... Ты всерьёз собралась пойти или умереть?

— Обижаешь меня, — переливчато рассмеялась Лори. В этом ироничном и весёлом смешке отчётливо полоснули Арта осколки отчаяния. — Даже Фарион согласен. Мы... Больше нет тех, к кому можно вернуться. Больше нет места, которое я могу назвать домом.

— Hélas, c'est vrai, — щёлкнул клювом Фарион. "Увы, это правда". — Сие решение... Никому не даётся легко. Madam Лорелеи выбрала свою судьбу. Сама. Как и полагается волшебнику.

— Для меня Сад умер вместе с Мирой, — сжав пальцами фарфоровую ручку кружки, чародейка вздохнула. — Эта война — я отдам себя ей. Учитывая, с кем мы собираемся сражаться, я умру быстрее, чем пойму, что умерла.

— Как-то... Больно слышать от тебя такое, — напряжённо протянул Арт, барабанив пальцами по столу. — Что бы сказала Ирис, услышав это? Лори, ты наш товарищ... Ты наш друг. Я вообще не понимаю, почему мы об этом говорим.

— Потому что я хочу, чтобы хоть кто-то знал, — улыбнулась чародейка, и её тусклые алые глаза в последний раз вспыхнули. — Маркус... Я не смогу сказать ему это в глаза. Что хочу умереть с честью, как чародейка, как воин Сада — ибо больше у меня нет смысла жить.

— Лори! — даже древесина вздрогнула от резкого голоса парня. — Да что с тобой такое?!

Арт отвёл взгляд, ища им Фолла. Но первый герой не спешил появляться, чтобы дать важный совет в столь важный момент. Арт был сам по себе. Скрежетнув зубами, парень снова посмотрел в глаза Лорелеи. Подруга, товарищ, наставник... Было много титулов, которые он мог бы ей дать, ни капли не сомневаясь. Теперь понятно, почему она убежала в тот раз и почти не виделась с ним после того, как Арт очнулся. Она боялась. Боялась, что кто-то её остановит, что поднимется шум, что её начнут отговаривать от столь глупой затеи. Она не просто глупая — она, пардон, идиотская. Арт был уверен, что Фолл был бы с ним солидарен.

— Арт, вы... Вы с Ирис большие молодцы. За такой короткий срок вы выросли над собой так, как я не сумела за столько лет обучения у мастера. Вот что значит — герои...

Арт прикусил язык, чтобы не закричать от злости.

— Мы столько прошли! Мы сражались вместе, мы... Мы слёзы лили вместе! Лори, ты... — Арт сам не заметил, как вскочил и начал кричать на самом деле. — Лори, как ты можешь так поступать! Если тебе не дорога собственная жизнь — подумай о том, что станет с Маркусом? Что станет с Ирис? Что станет со мной?

— Вы уже взрослые, — опустила чародейка взгляд на чай, плескавшийся чёрной массой в белом фарфоре. — Няня вам не нужна. Так это и происходит в Крэйне — те, кто выживают, взрослеют столь быстро, что легко обгоняют старших. Фолл говорил, что в вашем мире такое тоже не так уж и редко.

— Арт... Mon ami, я знаю, насколько трудно это принять. Я сам... — Фарион поник, по его жёлтым перьям пробежала волна, словно грозовая сова вздрогнула всем телом. Наверно, так оно и было. — Решил, что отправлюсь вместе с madam Лорелеи. Мы сразимся вместе — как сражались много раз до. Мы бросимся на самого Дьявола, connard Сангвина, если увидим его!

— Я не могу это принять, Фарион! — Арт сделал два шага в сторону, затем замер, сжав кулаки. Развернулся, вновь оказываясь лицом к Лори. — Я не стану это принимать! Мы на грани... Катастрофы. Полного звиздеца, чёрт возьми! А вы тут... О своей смерти! Так легко!

Словно это ничего не стоит!

— Это стоит куда больше, чем кажется, — абсолютно спокойно ответила Лори. — Я веряю свою жизнь судьбе. Даже если я выживу после всего, что грядёт... Я уйду. Так далеко, чтобы никто и никогда меня не нашёл.

— Ты издеваешься?! — всерьёз намерился отвесить чародейке пощёчину Арт. — Приди в себя! Что за абсурд вы оба несёте? У вас есть мы с Ирис, у вас есть Сад... Так почему... — он вздрогнул, понимая, что по щекам катились слёзы. Он поклялся себе, что больше никого не потеряет. Ту же клятву, параллельно с парнем, принесла себе и Ирис.

— Я бы ушла ещё раньше, — легко призналась женщина, и здесь парень перестал сдерживаться. Фарион осуждающе двинул клювом, а Лори, повернув голову, ощутила, как расплзается по щеке вглубь и в стороны боль от крепкого, сильного удара ладонью. — Всё, что осталось — моя месть. После того, как Сангвин умрёт, в этом мире меня ничто держать не будет.

— Так вот в чём дело, — прорычал Арт. — Из-за мести? Из-за мести ты отказываешься от меня и от Ирис? От друзей? От... — у него перехватило дыхание. — От любви?

— Осторожней со словами, *mon ami*, — тихо произнёс Фарион. — У *madam* Лорелеи было две цели: стать архимагом под руководством леди Миры и отомстить Золотой Империи, лишившей её семьи, детства и юности. Она посвятила свою жизнь этим двум *la chose*. Провалившись в исполнении первой цели, она сосредоточилась на последней. После исполнения мести...

— Я сама, Фарион, — чародейка поднялась, затем, задвинув стул, посмотрела Арту в глаза. — Мастер предупреждала меня. Меня предупреждал Фолл. Я слушала, но не слышала. Моя месть поглотила меня, Арт. Я просто... Я больше ничего, кроме желания её исполнить, не чувствую. Я знаю, что должна оберегать вас, беспокоиться о вас с Ирис, но я... Я просто не могу. Что-то внутри гонит меня в бой. Я... Наверно, можно сказать, что я сошла с ума, да?

Она улыбнулась, и в улыбке той было столько боли, что Арт невольно вздрогнул, отступая.

— Маркус, наверно, сам уже всё понял, — тихо усмехнулась Лори. — Не разрушай его сердце, Арт. Это моя последняя просьба.

Арт прикусил язык, успокаиваясь от металлического привкуса крови, наполнившего рот. Сплюнув, он махнул рукой, разворачиваясь прочь.

— Делайте, что хотите... С меня хватит...

Его шаги удалялись вдаль, постепенно затихая. Где-то вдалеке, у особняка, хлопнула застеклённая дверь на задний двор. Лори, отодвинув стул, вернулась за стол, отпивая чай из кружки. Фарион щёлкнул клювом, опуская взгляд золотых глаз вниз, словно провинившись чем-то перед своей хозяйкой. Чародейка потрепала его по крылу, ободряюще улыбаясь. Ничего, ничего. Даже эту боль она больше не чувствовала. Абсолютно все чувства притупились, исчезли, их заменила стальная уверенность в собственных действиях. Лори детально изучала психологию под руководством Миры и Фолла, поэтому прекрасно понимала, что с ней произошло. Не поняла только, когда именно это случилось. После смерти первого героя? После гибели Миры? Неизвестно.

Психопатия — такая странная вещь. Не знаешь, когда придёт, не знаешь, уйдёт ли вообще.

Фарион, поклонившись чародейке, упорхнул прочь без грома и молний. Грозовая сова

полетела на запад, через земли гномов, прямо в волшебную башню архимага. Лори попросила забрать оттуда несколько вещей, которые пригодятся ей на поле боя. О, она покажет всё, чему научила её Мира и что преподал ей Фолл. Она сошла с ума? Да плевать! Подлинный эгоизм нельзя перебить какой-то дружбой и любовью! Плевать на друзей, плевать на любимых — есть только месть, и путь к ней будет усыпан трупами.

Лори знала, что никто не рискнёт её останавливать. Лидеры Сада поймут, Ирис с Артом — поймут чуть позже. Или не поймут вовсе, но остатки человечности внутри чародейки молились о том, чтобы ребята всё-таки поняли. Поняли — и простили. Никто не сможет заставить Лорелеи отказаться от принятого решения...

Стул, стоявший напротив чародейки, дёрнулся, пододвигаясь. Качали ветвями окрашенные в алый деревья, полыхая разноцветными огнями, практически ослеплявшими случайного зрителя. Чиркнула зажигалка, вмешался в общий цветочный запах горький, вонючий запах табака. Перед Лори тут же встала картина покрытых снегом равнин, пустошей на много километров вперёд и назад. И силуэт, с лёгкостью идущий по глубокому снегу вперёд, сохраняя при этом дистанцию аккурат в аккурат в два метра.

У Лори не осталось душевных сил, чтобы удивляться.

— Скажи, Фолл... Как там, по ту сторону?

— Ад пуст, все бесы здесь, — без улыбки проговорил первый герой, откидываясь на сиденье и затягиваясь. Выпустив густое облако серого дыма, посмотрел серыми глазами в глаза чародейки. — Я боялся, что это всё-таки произойдёт. После стольких лет терзаний ты... Потеряла себя. Графиня Лорелеи де Костаэль, ты стала тем, кого ненавидишь всем сердцем. Думаешь, Сангвин такой просто потому что он — злой? Этот человек потерял то же, что потеряла ты — он потерял свою семью.

— Я не отнимала чужие взамен, — прищурилась Лорелеи, начиная задаваться вопросами. Уж не галлюцинация ли это? — Не вершила насилие ради насилия.

— Верно, — криво усмехнулся первый герой. — Ты поступила хуже. Вместо спасения, тоненьких соломинок, за которые полагается хвататься утопающему, ты решила утонуть. У Сангвина не было даже этого. Ты могла сойти с этого пути. Но нет, Лори, ты решила наплевать на тех, кто был готов протянуть тебе руку помощи.

— Каким образом это хуже?! — опешила чародейка.

— Это хуже для тебя самой, — пожал плечами Фолл. — Сангвин ничего не почувствовал, когда твоя семья погибла. Но ты — скажи мне честно, чувствуешь ли ты себя в полном порядке после слов, что сказала Арту? Легко ли тебе после твоего решения? Можешь ли ты уверенно сказать, что совсем ничего не чувствуешь?

— Это не важно... — голос Лори вздрогнул, и вслед за ним вздрогнула она сама. — Они поймут.

— "Они поймут", "они примут", "они знают, что я чувствую и почему я это чувствую" — это твои оправдания? — повёл плечом Фолл, открыто насмехаясь над словами чародейки. Затянувшись, он продолжил. — Почему ты решилась на столь радикальные действия? Твою месть разделяют и остальные. Да и мужчина у тебя наконец-то появился. Правда, не в твоём вкусе.

— Не в моём вкусе, — откинулась на стуле женщина, повторяя действие Фолла. — Ха-а... Ха-ха-ха! Фолл! Это правда ты? Не иллюзия моего собственного разума?

— Не во плоти, но я — это я, — рассмеялся вслед за ней первый герой. — Ты не настолько сумасшедшая, уж поверь мне.

— Тяжеловато в это поверить, когда я веду диалог с мертвецом, — выдохнула Лорелеи, поправляя белое платье в зелёный горошек. Её любимое. Когда-то она хотела надеть его на свадьбу — но те мечты давным-давно сгорели. — Фолл... Я подвела вас. Я подвела тебя и мастера. Вы ушли... А я осталась. Больше некому упрощать меня оставить мстить. Больше некому успокаивать мои кошмары... Ты ведь...

— Я знаю, — кивнул Фолл. — Тебе снится та ночь. Твой день рождения. Вторжение заражённых мертвецов. Прятки в подzemелье. Холод, запах собственных выделений и страх, сковывающий душу. Я знаю, Лори. Но ведь ты и сама сказала, что... Вы выросли. Не только Арт и Ирис. Ты тоже выросла над собой. Нельзя постоянно опираться на других — я сказал это Арту, скажу и тебе. Строй свою жизнь сама.

— Фолл... — чародейка была на грани нервного срыва.

— И что, что нас уже нет? — весёлым голосом спросил первый герой, рисуя дымящейся сигаретой в воздухе перевернутую восьмёрку. — Ну, мы бы всё равно когда-нибудь бы умерли, этого не избежать. Ты должна победить свои кошмары сама. И от мести тоже должна отказаться сама — никто, сколько бы кто не говорил тебе об этом, не сможет тебя переубедить.

— Я уже не справилась... — чародейка сжала чашку обеими ладонями, и та задрожала, едва не расплескав уже остывший чай. — Я подвела вас! — с этими словами она смахнула кружку прочь. Та улетела в кусты, разбрасывая повсюду бодрящий напиток. — Фолл! Скажи что-нибудь!

Но первый герой только курил, глядя на вскочившую молодую женщину, что только что вернула себе частичку собственной души. Ей не плевать на то, что думают мертвецы — какое ещё нужно подтверждение того, что она всё ещё живой человек? Фолл отбросил бычок в сторону, тут же доставая новую сигарету. Лори кричала, плакала и топала каблуками по деревянному полу беседки, прятая их от последних лучей красного солнца Крэйна. Через несколько минут она осипла, но не прекратила пытаться кричать сквозь кашель. Она знала всё то, что говорил ей Фолл. В отличие от ребят, в каждом разговоре и лекции узнававших от Миры и первого героя нечто новое, Лори была далеко впереди. Кроме того, она всё-таки была умной женщиной.

— Я... подвела вас... — из последних сил просипела Лори, стоя на коленях. Слезы высохли, и в глазах щипало. Ещё немного — и она вошла бы в эфирный резонанс. Чародейка отчаялась, подумав, что Фолл был всё-таки иллюзией. Частичка её сознания, которая не могла отпустить. К ней уже приходила Мира — во снах, правда, не наяву. Улыбалась, обнимала и хлопала по спине. Словно Лорелеи не сделала ничего плохого. Словно всё было в полном порядке.

Лори вздрогнула, ощутив на плече тяжесть чьей-то руки. Подняв взгляд, она увидела полностью закрытое тенями лицо. Алое и розовое прятало Фолла от неё, но в голове женщины возникло чёткое ощущение — он улыбался. Спокойно, ободряюще, как только умел. Искренне. Он улыбался так каждый раз, когда она приходила к нему, получив очередной выговор за всплеск эмоций во время занятий с Мирой. Так он улыбался, когда она говорила с ненавистью о Сангвине — улыбался, словно знал что-то, чего не знала сама Лори.

— Ты сделала всё, что могла, — протянул Фолл, всё ещё держа руку на плече чародейки. — И даже больше. Ты была рядом с ребятами, когда им это было нужно больше всего. Ты отважно сражалась... Здесь, в Ливиграде. Там, в Никке. Ты сохранила связь,

образовавшуюся между вами тремя. Это серьёзное достижение... — Фолл затянулся, выдыхая густой дым в сторону. — Мы... Мы гордимся тобой, Лори. И ни я, ни Мира не хотели бы, чтобы ты сгорела в огне своей мести. Мы бы хотели для тебя... Ну, знаешь. Счастья. Как и для Арта, как и для Ирис.

— Наставник... — Лори улыбалась, пытаясь не упасть в обморок, постепенно подступавший к ней. Психика, и без того разрушенная после разговора с Артом, сейчас грозила развалиться на части. — Спасибо... Я...

— Поступай, как считаешь нужным, — вдруг щёлкнул её по носу первый герой, от чего чародейка на миг зажмурилась.

А когда открыла глаза, в воздухе остался только вонючий запах табака. Она поднялась, сдерживая рвущийся наружу крик. Посмотрела налево, направо. Вернулась за стол, воткнувшись в него лицом. Поморщилась — запах почему-то не уходил. Подняв голову, она замерла, увидев аккуратно прислонённую к кружке Арта зажжённую сигарету. Уголёк на её конце тлел, постепенно обращая табак и бумагу в пепел. Лори осторожно протянула руку к ней, беря табачный свёрток между пальцев. Выдохнула, мотая головой.

Затянулась, тут же хрипло закашлявшись.

Слёзы вновь выступили у уголков глаз, но женщина смеялась, смеялась — и жила. Она слышала то, чего ей так не хватало — и потому, в этот самый миг, была счастлива. Некоторое время она курила сигарету, а закат уже подошёл к концу. На первый остров опустилась тёмная ночь — фонарей в саду особняка не было. Только уголёк едва-едва освещал её ладони, дрожавшие, словно само тело не верило в то, что происходило с Лорелеи. Она не задавала глупых вопросов, вроде того, что это только что было. Важно было то, что это с ней случилось. Будь то иллюзия, игры её разума или настоящий Фолл — она переубедила себя.

Так прошли полчаса. Чародейка пришла в себя, запустив под потолок беседки шарик белого света. Маленькую горку пепла, скопившуюся на столе, унёс ночной ветер, гулявший по островам. Лори спрятала остатки сигареты в пространственный карман, и поднялась, задвигая за собой стул. Ей нужен был хороший сон, чтобы завтра быть готовой к действию. О многом нужно было много кому рассказать, но... Это подождёт. Прямо сейчас, в этом моменте, Лори хотела насладиться тишиной и спокойствием, которое чувствовала впервые за столько времени.

Она обрела покой, которого так боялась.

Но что-то заставило женщину остановиться, едва покинув беседку. Чей-то незнакомый эфир двигался впереди, судя по всему, прямо по каменной дорожке, проложенной в земле и опоясывавшей весь сад. Незнакомец не прятался, двигаясь уверенно, словно боясь упустить Лорелеи из виду. И тем не менее — её никто не окликал. Небольшую вспышку паники быстро подавил рефлекс, и Лори, выпустив белый эфир, сотворила сперва Звёздный Купол против неожиданной атаки в лоб, а затем, вынув из пространственного кармана новенький посох с изумрудом в навершии, окутала себя ветром, чтобы сражаться, если что, и врукопашную. Светлячок, следовавший над её головой примерно в двух метрах, по мановению руки сместился вперёд, освещая...

Чёрные инквизиторские одежды и широкополую шляпу того же цвета. Фигура среднего роста однозначно принадлежала мужчине, и в руках он держал маленькую книгу с бежевой обложкой. Нет... Это была обложка из человеческой кожи. Лори вздрогнула, собираясь с силами.

Второй епископ церкви Единого Бога, не говоря ни слова, поклонился ей, прижимая книгу к груди.

— Я не хотел прерывать столь важный момент, — наконец заговорил он, выпрямившись, и в голосе его прорезалась усталость. — Но всем нам, понимаете, нужно выполнять свой долг.

"Чёрно-белый Инквизитор". Так окрестили второго епископа те, кто видел его в деле. Если Самсон отвечал за пытки, допросы и так называемое "очищение", занимаясь этим скрыто, то Никкодин выступал как официальный представитель церкви Единого Бога. Где? Ха... Правильней спросить — когда. Во время карательных экспедиций, во время расследований еретических течений, во время прямого столкновения с иноверцами — везде и всюду следовал Чёрно-белый Инквизитор со своим орденом, действуя безжалостно и бесчеловечно в отношении тех, на кого указывала ему церковь. Он не был жестоким в привычном понимании этого слова — ему просто чужды были жалость и прощение. И, в отличие от Мясника Церкви, Никкодин был полностью разумен.

Наверно, именно поэтому он не напал, едва наступила тьма, на беззащитную Лори. Наоборот, он выдал своё присутствие и появился лицом к лицу, не боясь поимки или поднятия тревоги.

— Епископ, — сплонула чародейка. — Ты выбрал крайне хреновое время и крайне хреновое место, чтобы напасть на нас.

— Понимаете, моя цель здесь не Сад или ваши друзья, — выдохнул епископ, сохраняя невозмутимое выражение лица. — Вы — моя цель, графиня Лорелеи дэ Костаэль. Мне приказано привести вас — живой или мёртвой — в город, вполне вероятно, хорошо знакомый вам. Жители Угира не сдают нам замок уже пару дней, а это сильно замедляет продвижение вглубь Золотой Империи. Они... — он поправил воротник инквизиторской робы, откашливаясь. — Скандируют, не побоюсь этого слова, что вы вернётесь и защитите их. Что род, правивший этими землями, вернётся и защитит их. Видите ли, это идёт вразрез с планами моей церкви. Поймите, пожалуйста. Я надеюсь, вы пойдёте без сопротивления. Я не желаю вредить невинным.

Лори покачала головой, собирая эфир в своём теле. Схватка предстояла тяжёлая — ведь против неё был не просто чародей, а опытный боевой маг, прошедший сотни схваток с еретиками, зачастую владевшими чарами, до сих пор неизвестными даже Мире. Он привык к трюкам, привык к неожиданным ударам — это воин, хорошо знающий себя и никогда не недооценивающий соперника. Кроме того, раз он назвал её полное имя — значит, ему ещё и хорошо известно, кто Лори такая.

Что ж.

— Чему быть, — повела посохом чародейка, выбрасывая вперёд свободную руку. Перед глазами второго епископа маячил один-единственный средний палец. — Того, ебать, не миновать!

Глава тринадцатая. Всё как у людей

Это был паб в северной части парящего города. С хорошей мебелью и не менее хорошей выпивкой. Не самый популярный, не самый затхлый — паб как паб. Вкусное пиво, мягкие огни магических светильников на стенах, низкая барная стойка, за ней — несколько опоясанных железом деревянных бочек с забитыми пробками. Мягкие стулья, дубовые столы, стеклянные кружки, наполненные до краёв. Паб был прекрасен, особенно в преддверии глубокой летней ночи. Есть нерушимое правило любой истории, где упоминается подобное заведение. Там она либо начинается, либо заканчивается. Но, в противовес уже сказанному, в любом правиле есть свои исключения.

Это — одно из них.

Паб был пуст. Не звенел колокольчик у двери, не бегали туда-сюда официанты в стильных костюмах, сшитых на заказ, не бродили за широкими окнами жители Ливиграда. Да и барная стойка пустовала — владелец давно покинул это место, сбежав куда подальше от начавшейся войны. Такие уж разумные существа. Страх сковывает нас, и он же побуждает нас к действию. Вести с полей разлетались в мгновение ока, и в течение недели о начавшемся конфликте узнал практически весь Крэйн. Равно как и про войско, собиравшееся на землях парящего города. Крэйн давно не видел крупномасштабных войн. Хотя давно — понятие относительное. Сколько прошло времени с завоеваний Золотой Империи? Лет пять, примерно. Есть, кстати говоря, ещё одно чувство, помимо страха. Называется интуицией.

Каждый эльф, орк, гном и человек на интуитивном уровне понимал, что близится конец. Близится что-то большое и страшное, что-то, что затронет весь континент, а вместе с ним — и весь мир. Война уже унесла множество жизней, и чем дальше она будет идти, тем больше будет жертв. Учитывая, кто бился на полях сражений, эта война вполне могла стать финальной в истории Крэйна. Падёт ли Золотая Империя? Уже не важно. Важно то, что государства будут в прямом смысле этого слова обескровлены. Доран потеряет большинство своих рыцарей, Сенстония потеряет флот, церковь лишится старших святых, а Империя, если и сдастся, то только после гибели Сангвина. Все сильные мира сего потеряют пресловутую силу, если не вообще жизнь.

Но вернёмся к пабу. Там, за ближайшим к двери столиком, сидели три фигуры, держа ладони на стеклянных рукоятках кружек, наполненных до краёв. Фолл пил тёмное, Сангвин — светлое.

Третья фигура в огромном, закрывавшем лицо белом плаще, пила ливиградский стаут.

— За встречу, — тихо произнёс первый герой, поднимая кружку. Три стеклянных сосуда столкнулись друг с другом, плеснулись напитки, едва не переливаясь через край. Три личности сделали несколько больших глотков, после чего поставили кружки обратно, утирая губы.

— Как Лори?

— Справляется, — пожал плечами Фолл, отвечая императору. Золотые нити наплечников парадного костюма сверкали, сливаясь с алкоголем в кружке Сангвина. — Хотя не думаю, что она выживет. Как вы, друзья, знаете, война — дело такое...

— А тот парень? — приложившись к пиву, продолжил свои вопросы Сангвин. — Арт, кажется?

— Я беспокоюсь за его психику... — выдохнул первый герой, вынув из воздуха пачку сигарет. Закурив, откинулся на сиденье. — Но не думаю, что что-то случится в преддверии войны.

— Да, война... — Сангвин замолчал, посмотрев на молчавшего третьего собеседника. Хмыкнув, опустил в себя ещё несколько глотков холодного алкоголя. — Война никогда не меняется.

Фолл затаился, выпуская густой серый дым под потолок паба, к чёрному дереву, украшенному щитами с рыцарскими гербами. Золотой дракон на красном фоне, белый лев на тёмном, двуглавый алый орёл на жёлтом... Каких тут только не было. Многие известные рыцари посещали этот паб, отмечая повышение или завершение обучения в одной из многочисленных академий Дорана. Даже жаль.

Никто из них не вернётся домой.

Заметив взгляд первого героя, император тяжело вздохнул.

— Хорошие солдаты следуют приказам до конца.

Фолл рассказал ему всё. От временной петли, в которой оказался, до того, что происходило, пока Сангвин не видел. Как умерла Мира, и как умер он, Фолл. Скрывать было нечего — всё-таки первый герой доверял императору, ибо знал его характер. Решив что-то для себя, он не изменится, что бы не случилось. А Сангвин, как понял Фолл, уже давн смирился с тем, что его ждёт. Война уничтожит Золотую Империю, а вместе с ней — и все надежды императора. А раз умрут его надежды, то заодно погибнет и он. Что ж, Сангвин действительно уже сделал свой выбор — и слова первого героя лишь утвердили его.

Он решил умереть — но умереть на собственных условиях. Может, эта жизнь и предрекала ему гибель, но место и время император решил выбрать сам.

— Именно поэтому я предпочитаю действовать в одиночку, — повёл сигаретой в воздухе Фолл. — Если жертвы и будут, то только я... Или те, кого я не успел спасти.

— Герой, — печально протянул император. — Я удивляюсь, как ты остаёшься прежним. После всего... После всего.

— Ты меня знаешь, Саш, — легонько рассмеялся мужчина. — Иначе просто не могу.

— За это я тебя и уважаю, Фолл, — улыбнулся Сангвин, поднимая кружку. Два сосуда столкнулись, и два человека выпили за не озвученный тост. — Хорошие солдаты следуют приказам. Герои — выполняют их до конца.

— Если рассматривать нас с такой точки зрения, то да, — блеснув серыми глазами, отражавшими взор императора, кивнул первый герой. — Ха-а... — Фолл вдруг помотал головой, словно разочаровавшись в собственных мыслях. — Миру скоро придёт конец, и вот мы здесь... Собираемся воевать. Как же глупо и мелочно... — с кривой улыбкой посмотрел он на третьего собеседника. — И как же правильно это ощущается. Словно так и должно быть.

— Мир — не группа людей, — пожал плечами Сангвин. В его голосе, несмотря на весёлость, сквозила печаль. — Крэйн уж тем более. Менталитеты разные, принципы, по которым живём — разные. Наверно, поэтому здесь и нужны были герои. Чтобы сделать то, что не могли государи и сильные мира сего. Перевернуть всё с ног наголову — построить нечто, отдалённо напоминающее наш мир.

— Словно наш мир многим лучше Крэйна, — затаился Фолл. — Я смотрю, ты уже плевать хотел на свои стремления изменить здесь всё.

— Потому что я не герой, — откинулся на сиденье вслед за первым героем император.

— Где-то это я уже слышал, — с улыбкой сказал Фолл, посмеиваясь. — Но ведь это не единственная причина, верно?

— Я просто уже как-то... Смирился. Дела прошлых лет забылись, а начинать что-то новое или продолжать собственную месть... Кажется бесполезным и бессмысленным. Если жнец одолел тебя, то у меня нет против него и шанса. К чему трепыхаться? Всё и так решено.

— Слыхал? — мотнул головой в сторону императора первый герой, глядя на третью фигуру. — Даже упорный Сангвин сдался. Ничего не хочешь нам сказать?

— Что вы хотели бы услышать? — раздался голос, не похожий ни на чей другой. В нём слились голоса женщин и мужчин, детей и пожилых — хриплые и высокие, низкие и плавные. Это был всем знакомый голос — и при этом не знакомый никому.

Господь сидел, опустив плечи. Его поза выдавала расслабленное, меланхоличное состояние. Словно ему, откровенно говоря, было плевать на всё и вся. Вероятно, так оно и было.

Фолл с Сангвином переглянулись.

— Что мне жаль? К чему лгать?

— Иногда для спокойствия души ближнего своего надо немножечко солгать, — саркастично рассмеялся император, прикладываясь к кружке.

— Я никогда не лгал никому из вас.

— Ты утаивал детали, — поправил его Фолл. — Это порой хуже лжи. Если бы мы сразу знали, что здесь и как... Быть может, всё сложилось бы как-то иначе.

— Поздно сожалеть, — выдохнул Сангвин. — Мы прошли свой путь. Ты, может, и вернёшься, чтобы начать заново. А мне и так хорошо.

— Ты, кстати, ошибся, — тихо вздохнул первый герой. — После стольких жизней, если я что и понял, так это то, что героям здесь не место. Мы как временные костыли, чтобы программа работала хоть как-то. В нашем случае — чтобы Крэйн был чуточку светлее. Таков ведь был изначальный замысел, а, старик?

— Да, — двинул головой Господь. Затем одним глотком осушил кружку, щелчком пальцев наполняя её вновь. — Я желал моему творению покоя и процветания. Я желал утопии. Я был слеп. И глуп. Те, кем я заселил Крэйн, никогда не прекратят лишать друг друга жизни. Может, оно и к лучшему? Жнец поглотит всё. Не останется ничего и никого. Я уйду в небытие, чтобы больше никогда не терзать себя чувством вины за содеянное.

— Это что-то вроде того, когда художнику не нравится собственная картина? — с ожиданием во взгляде спросил Фолла Сангвин.

Первый герой кивнул, ухмыляясь.

— Ещё один пессимист, — протянул он. — Хватит, друзья. Мы здесь не как Господь, первый герой или император. Мы здесь как старые приятели, собравшиеся за одним столом, чтобы помянуть прошлое и не думать о будущем.

— А ты чего ещё ожидал от тёмного фэнтези? — выдохнул Сангвин, прикрыв глаза. — У нас должна была быть чудесная история о том, как из ужасной эпохи раздора и крови мир переходит в свой золотой век. И ты должен был быть героем, который совершил бы подвиг длиной в жизнь. Что мы получили вместо этого? Психопата с синдромом Диогена, огромную кучу решивших поиграть в героев человечков, и мир, который срать хотел на наши желания и стремления сделать его лучше. И чья, собственно, это вина?

— Моя? — повернул голову Господь.

— Моя? — тихонько спросил Фолл.

— Спросите меня, когда погрём, — отмахнулся Сангвин. — Пока — не знаю.

— Ты... — начал было Он. — Не собираешься винить меня за свою смерть? Нет... За гибель твоей семьи?

— Можно ли винить кузнеца за то, что его мечом лишают жизни невинных? — пожал плечами император. — То, что сделано... Сделано ими. Орками, гномами, эльфами, людьми. Разными, одинаковыми, сильными, слабыми. И даже так... Я не держу зла. Потому что всё и так уже понятно. Моя смерть или моя жизнь — ничего от этого не изменится. Мёртвые не вернуться, будущее не повернёт в правильную сторону. От меня концовка нашей истории... Не зависит.

— Значит, ты и впрямь смирился, — выдохнул Фолл, потушив сигарету о ладонь. Отпив алкоголь, провёл пальцем по краю кружки. — Но ты знаешь, Саш... Что, если я скажу тебе, что наш счастливый конец не принесёт тебе никакого удовольствия?

Господь вздрогнул, услышав слова первого героя. Император открыл глаза, недоверчиво посмотрев на говорившего.

— Ты... Видел?

— Да, — тихо произнёс первый герой. — Мы можем победить. Вернее, не так... Мы не можем победить. Но мы можем добиться правильного завершения истории. Как ты и говорил, Саш. Золотого века для Крэйна. Как желал ты, Господь. Мира и спокойствия. Без крови, без постоянных сражений и войн. Без поглощения Крэйна катастрофой.

— Интересно, — скрестил руки на груди Сангвин. — Что ж, надо было догадаться, что после стольких попыток ты хотя бы раз смог закончить всё как надо. В чём подвох?

— Я не могу рассказать, — покачал головой Фолл. — То, чем всё кончится, зависит от него... От паренька, которого я воспитываю. От Арта.

— Вау! — искренне удивился император. — Кто бы мог подумать, что в кои-то веки решать будешь не ты.

— Всё... Куда сложнее, — с печальной улыбкой проговорил первый герой. — Но да, да. Выход есть. Проблема в последствиях.

— Я так понимаю, мы поэтому до сих пор в дерьме? — выгнул бровь Сангвин. Фолл кивнул, и император рассмеялся. — Да-а... Никакого удовольствия, значит? Есть у меня пара идей. Но — плевать. Мне всё равно помирать через недели две-три.

— Как планируешь? — поддержал смену темы первый герой.

— Хочу выйти против твоего ученика, — на выдохе произнёс он. — Раз ты у нас теперь полупокер, между эфиром и материей, то остаётся только он.

— Арт? — с непониманием в голосе уточнил Фолл. — Не Его Святейшество, не флот Сенстонии, не рыцарские корпуса Дорана?

— Эти слабаки не заслуживают чести сразить меня, — с гордостью сказал Сангвин. — Или ты предпочёл бы, чтобы я сразился с кем-то из Сада?

— Нет... — тихо ответил первый герой. — Думаю, тебе бы тоже не хотелось скрещивать клинки с бывшими товарищами.

— Правильно, — кивнул император. — Фолл... — его голос стал серьёзнее, а сам он подался вперёд, сложив ладони на столе. — Там, на похоронах... Когда я хоронил Изабель и Руперта... — в серых глазах впервые проскользнуло жуткое чёрное пламя. Проскользнуло — и тут же исчезло. — Ты мне кое-что сказал. Помнишь, что именно?

— Ты забыл, какой у меня дар? — вздохнул мужчина. — Конечно. "Если ты захочешь уничтожить этот мир, то я остановлю тебя".

— И это вместо слов сожаления и сочувствия, — покачал головой император. Впрочем, улыбка на его лице говорила о другом — о том, что он не винил Фолла от слова совсем. — Я много думал после этого. Мир вокруг стал таким серым... Пустым. Ненужным. Хрупким. Е моих силах было расколоть его на части, выжечь дотла... Но я подумал, что это было бы слишком просто. Что все мои страдания это не искупит, не отменит, не избавит душу от боли. Поэтому я решил заставить этот мир страдать. Страдать, как я.

— Я понимаю, почему ты решил так поступить, — произнёс Фолл, доставая новую сигарету. Запах табака наполнил паб, оставляя в носу неприятные ощущения. — Не знаю... Как поступил бы на твоём месте я.

— Тебе и не нужно, — хмыкнул Сангвин. — Это всё равно уже в прошлом. Покойники не встанут, счастье не постучится в дверь... Потерялись мы, друг. Все мы — ты тоже считаешься, психованный.

— Я не могу понять — оскорбление это или комплимент, — со вздохом протянул Господь. — Но я согласен. Мы потерялись. Я в себе. Вы в моём мире. Это неправильно. Но это случается.

— На Земле, наверно, сейчас Новый Год празднуют... — со смехом прошептал император. — Эх, да... Выпьем?

Все трое, не говоря ни слова более, чокнулись, опрокидывая в себя пиво. Поставив кружки, выдохнули. Фолл и Сангвин — с улыбками, Господь — с очередным вздохом.

— Ладно, думаю, можно и по домам, — мотнул головой император, прогоняя туман перед глазами. — Сколько лет прошло, а пиво здесь по градусу всё ещё крепче водки. Как только это можно пить?

— Зато вкус отличается, — парировал Фолл: он много лет вдалбливал в головы народов Крэйна новаторские способы обработки алкоголя. — Ты же на него не жалуешься.

— Тоже верно, — хохотнул Сангвин, поднимаясь и выходя из-за стола. — Ну, тогда до встречи на поле битвы.

Фолл пожал сухую ладонь, прощаясь со старым другом. Он был прав — им предстоит встретиться. Да, сегодняшний вечер выглядел как встреча давних друзей, не имеющих друг к другу никаких претензий. Однако там, вне этого паба, вне этой ночи, всё было иначе. Там Сангвин будет сражаться до конца, как машина, коей он и является. Он не остановится, встретив Фолла или кого-то, кого хорошо знает. То же самое касалось и самого первого героя — он уже решил, что Господу необходимо умереть от рук Арта. Без этой силы парню не удастся противостоять жнецу. Что же до Господа... Тот всё ещё держал злобу на героев. Нет, именно на первого героя. За то, что тот отказался помочь ему исправить Крэйн, за то, что кинулся на него с обвинениями много лет назад.

Они ненавидели друг друга. Искренне. И всё-таки собрались здесь, чтобы посидеть в приятной атмосфере в последний раз. То, что сделано, не изменить. Остаётся только смириться с последствиями и действовать, оглядываясь на них. Сангвин желал достойную смерть, придерживаясь давнего желания — заставить Крэйн страдать. Господь желал возмездия, такого личного и жестокого, какое только возможно. Фолл...

Тяжело сказать, что было в голове первого героя. Всё же он был единственным, кто на самом деле увидел правильный конец этой истории. Почему же он сказал, что этот конец не принесёт счастья? Кто знает.

Это только предстояло выяснить.

Выйдя наружу, на одну из улочек Ливиграда, Господь и Фолл остановились. Первый

герой продолжал дымить, глядя на небо, затянутое тучами. Где-то далеко сейчас сражалась Лори — вполне вероятно, это был её последний бой. Фолл сожалел о слишком многом и о слишком многих, чтобы бежать ей на помощь. Он не избежал печальных последствий множества петель, ведь когда ты видишь, как умирают твои любимые из раза в раз, очередная смерть становится просто... Событием. Частью неизбежного. Просто зарубкой на уже и так измученной душе. Никто не знает, через что пришлось пройти первому герою. Но одно было ясно.

Сдаваться он не собирался.

— Это был ты, — не спрашивая, но утверждая, произнёс Фолл. — До самого конца... Господь, когда ты избавишься от этой привычки?

— Я создатель и творец, — монотонно ответило ему существо. — Почему не рассказал Сангвину?

— А что бы это поменяло? — пожал плечами первый герой. — Только испортил бы атмосферу.

— Как ты...

— Как я понял? — с презрительной улыбкой посмотрел на незримое лицо под плащом Фолл. — Ты ведь не глуп. И последствия своих действий видишь куда дальше, чем кто бы то ни было. Ты дал церкви пророчество через жрецов, прекрасно зная, что это приведёт к полномасштабной войне. Тебе плевать, что станет с жизнью в этом мире. Тебе просто хочется хлеба и зрелищ.

— Похоже, ты единственный, кем я не могу манипулировать, — откровенно признался Он, выдыхая множеством голосов. — Но так заведено. Я создал этот мир — и я вправе менять его по собственному желанию. А ты не вправе осуждать меня за использование народов Крэйна...

— Почему? То, что ты творец, автоматически означает, что жители Крэйна и гроша ломанного не стоят в твоих планах? Что ты можешь играть с ними, как маленький ребёнок с машинками? Разбивать, склеивать воедино, бросать в песочнице или гадить на них с высоты своего величия?

— Если я захотел посмотреть на то, чем мои творения занимались каждую эпоху, то как ты смеешь говорить, что это неправильно? Простому человеку не понять мотивы высшего существа.

— Теперь мы играем в "у кого писька больше"... — вздохнул первый герой. — Он ведь убьёт тебя. Арт достанет тебя — и ты ничего не сможешь сделать, как со мной. Я ведь прав? Прав, даже не вздумай врать. Призыв жнеца потратил все твои силы — ты сейчас даже при всём желании никого с Крэйна не изгонишь.

— Я не вмешиваюсь только по одной причине, — повернулся Господь к нему, во множестве голосов отчётливо была слышна угроза. — Потому что ты всё ещё готов отдать ради моего мира всё. Как и я. Как только это изменится — я уничтожу всех, кто помогает тебе.

— Какие мы страшные, — рассмеялся Фолл. — Ты не меняешься. Сейчас, тогда, в прошлый раз и во все разы до него — ты остаёшься манипулирующим, вонючим, озлобленным на всех, кто противится твоей воле, куском дерьма. И что странно, именно ты дал мне надежду. Именно ты сказал, что выход есть. Что мы можем... Выиграть.

— Я... Сказал тебе это? — голос Господа был полон искреннего удивления. Не, даже шока, словно Он не верил в истинность слов первого героя.

— Да, — кивнул Фолл. — Поэтому я не сдался и нашёл способ. В любом случае, от тебя теперь мало что зависит... Потому что ты не увидишь, какой конец ждёт этот мир.

— Пардон?

— Я же говорю — Арт убьёт тебя. Это одно из условий завершения истории. Правильного или нет — вопрос отдельный.

— Этого не может быть, — множество голосов пробубнили эти слова злобно и с недоверием. — Я творец. Я обязан существовать. Со мной существует Крэйн.

— Одна из прелестей путешествия во времени — это видеть твоё опарашенное личико, — с гоготом произнёс Фолл. — Ещё свидимся, Господь. Когда-нибудь. Может, в этот раз, может, в следующий.

— Ты..!

Широкий плащ встрепенулся, серая ладонь полоснула воздух, но Фолла в том месте уже не было. Испарился, исчез, убежал — говорите как хотите, но первого героя рядом не наблюдалось. Господь прорычал что-то на древнем языке, растворяясь в воздухе вслед за первым героем. Так закончилась их встреча — финальная встреча перед войной, что неизбежно унесёт жизни миллионов, если не миллиардов. Встреча эта имела свои последствия... Потому что Господь впервые отказался от своего нейтралитета. Чудовища, населявшие Крэйн повсеместно, получили приказ убивать всё, что движется и дышит.

Четвёртая сила вступит в войну. Так же, как и остальные, она враждебна всем прочим. Предугадал ли это Фолл? Или просто сказал всё, что было у него на уме?

А, нет. Это слишком скучно. В чём удовольствие задавать вопросы, если не хочешь давать на них ответы? Лучше вернуться на первый остров, в сад на заднем дворе особняка, где развернулось сражение между вторым епископом и Лорелеи. Столкновение боевых магов не походило на сражение мечников или сверхсуществ, вроде битвы осколка катастрофы и Фолла. Нет, оно было по-своему прекрасно и интересно. Настоящее зрелище, надо сказать.

Плескалась магма, полыхали деревья и кусты вокруг, трескались камни под ногами, сверкали молнии над головой, тряслась земля, когда одни чары сталкивались с другими. Зелёный, синий, алый, оранжевый, фиолетовый, чёрный и белый кружили вокруг, обращаясь в форму, которую придавали этим цветам Лори и Никкодин. Бившие во все стороны молниями громовые стрелы, метеоритные дожди, которые и подожгли сад, снаряды белоснежных комков эфира — и это только начало! Шла лишь первая минута сражения, но никто из чародеев не сдавал позиций.

Они двигались по кругу, осыпая друг друга заклятьями. Громкий голос Лори перекликался со спокойными и монотонными зачитываниями епископа.

— ...Восстаньте! — закончила чародейка чтение, и на Никкодина, отставившего ногу назад, бросились голые скелеты, сошедшие из фиолетовых порталов за спиной Лори.

— Пой, ветер, — без единого признака страха в глазах начал епископ. — Круши камень, режь тела моих врагов... Лезвия крови!

Четыре алых дуги сорвались с его пальцев вместе с сильным ветром, разрубая скелетов и направляясь напрямик к Лори. Её собственный щит, сотворённый из комбинации чёрного и синего эфира, пошёл трещинами, стоило лезвиям разбиться о него. Чародейка выплюнула кровавый сгусток, утирая губы и с ненавистью глядя на противника. Трещали деревья за спиной и впереди, бил в затылок жар, стекал по лбу пот. Это пятый раз, когда епископ прорывал её защиту. Контратаки всегда доставали Лори, и она ничего не могла с этим

поделать. Ветер ударил в лицо, заставляя зажмуриться, а Никкодин уже вытянул руку вперёд, зачитывая следующее заклятье.

Практически никакого шанса для удара. Идея подойти в упор была сразу же отброшена Лорелеи — она была уверена, что у епископа было полно заклятий, действующих вблизи. Эфир, который она успевала собрать для сражения, стремительно таял, а враг не показывал, что устаёт. Совсем. Перед волшебницей встала огромная непробиваемая стена из опыта, умения и знаний — стена, которая ещё и стремительно надвигалась на неё.

— Ветра севера, я прошу вас... — захлёбываясь кровью, протянула чародейка. — Баклер Потока!

Перед ней, собираясь в единую структуру, образовался щит, сотканный из синего и зелёного эфира. Природная энергия была одной из самых эффективных в роли защитных чар, так как одинаково хорошо справлялась как с массовыми атаками, так и с направленными в единую точку. Синий эфир лишь укреплял её, позволяя существовать дольше без подпитки со стороны заклинателя.

Епископ, сохраняя невозмутимое выражение лица, вдруг остановился, опустив руку.

— Ещё немного, и вы умрёте, графиня, — произнёс он, прижимая книгу к груди. — На области лежит Купол Безмолвия — помощи вам ждать неоткуда. Поймите...

— Заткнись! — грубо прервала его Лори, посылая вперёд несколько полыхающих шаров. Те разбились о проявившийся на мгновение стеклянный многогранник, закрывавший всё тело Никкодина. Сложная структура формы заклятья обеспечивала весьма универсальную защиту от любых атакующих напрямую чар. Остатки пламени разлетелись во все стороны, присоединяясь к пожару. Горела уже беседка — вместе с остатками чая, вместе с фарфором, оставшимся на столе.

Хороший был чай.

— Мне... — он замолк, когда три новых сгустка огня ударили в его щит. — Не хочется лишать вас жизни.

— Это же во имя церкви! — в открытую усмехнулась Лори. Церковь она ненавидела той же ненавистью, что и Золотую Империю.

— Я Его воин, — со вздохом произнёс мужчина в инквизиторских одеждах, опуская руку с книгой вдоль тела. Взгляд чёрных широких глаз из-под огромной шляпы заставил чародейку на мгновение остановиться. Ведь в этом взгляде были заметны искренность и честность. Что с этим епископом не так? — Я Его солдат. Я следую приказам тех, кто говорит с Ним. А значит, следую приказам Его. Но не все приказы следует исполнять дословно. Повторюсь, графиня. Я не желаю убивать невинных. Вы ничего не сделали церкви... И мне лично. Мне бы хотелось, чтобы вы... — золотые копья, ударяя по земле молниями, со свистом прошили воздух и воткнулись в стеклянный щит, застревая в нём. Затем последовал взрыв, покрывший окружение епископа густым серым дымом. Как только тот развеялся, он закончил. — Чтобы вы пошли со мной живой.

— Вы все такие болтливые?! — тяжело вздохнула Лори, сдерживаясь, чтобы не рухнуть на горячий камень дороги. Она столько времени провела в тренировках, выучила столько заклятий, но ни одно из них не могло даже задеть Чёрно-белого Инквизитора. Если такой солдат служит церкви, то какие же чудовища стоят на самом вершине? — Ч-чёрт...

— Я прошу не так много, — сказал епископ, придерживая шляпу. — Вам нужно сказать всего пару слов, чтобы город сдался.

— Ага, и потом я буду вольна идти на все четыре стороны, — скрипнула зубами

чародейка, прогоняя через тело остатки эфира. Пришло время формировать чары для последней, самоубийственной атаки. — Вы всё равно все умрёте. Мы... Сад уничтожит вас. Скомкает, пережуёт и выплюнет. Ни один фанатик не уйдёт.

— Да, это так, — вдруг кивнул Никкодин, заставив Лори округлить глаза. — Я видел вашу армию. Как бы я не молился, нам не сломить вас. Но что вы прикажете делать мне, графиня? Сдаться на милость судьбы? Предать тех, ради кого я столько убивал, сжигал и разрушал?

— Ты... Ты ненормальный священник.

Лори прекратила собирать эфир, прищурившись. Что-то здесь было не так. Поведение епископа отличалось от того, как вёл себя, по словам Ирис, Самсон. Вместо чистой уверенности в своей силе и в Боге в голосе Никкодина слышались боль, печаль и самоотверженность. С его навыками он давно мог убить изо всех сил сопротивляющуюся Лори — убить легко и не напрягаясь. Она глупо полагала, что сможет хоть что-то ему противопоставить. Нет, для него она была муравьём, которого ничего не стоит раздавить мимоходом. Был бы здесь Фолл, он бы удивился, что делает столь близкий к девяти баллам чародей в рядах церкви.

— Никкодин, верно? — поправив волосы, спросила Лори. — Ты не похож на фанатика, самозабвенно следующего за Его Святейшеством.

— Потому что я таковым не являюсь, — показалось, или робкая улыбка вспыхнула на невозмутимом лице?

— Тогда я не понимаю, почему ты продолжаешь служить тем, в кого не веришь.

— Солдат должен исполнить свой долг до конца, — покачал головой Чёрно-белый Инквизитор. — Церковь спасла мне жизнь, когда я был ещё ребёнком. Всё, что я могу сделать — положить свою, чтобы защитить её. К тому же... — его глаза блеснули, и в них отразилась стальная воля. Уверенность в своих действиях и словах, присущая тем, кто никогда не отступает от своих клятв. — Я верю в Него. И верю в то, что церковь поступает согласно воле Его.

— Ты ведь знаешь, что катастрофа — Его рук дело? — хмыкнув, спросила чародейка, постепенно приходя в себя. Пламя билось в испуге от её слов, предпочитая пожирать деревья и кусты где-нибудь подальше.

Епископ чуть вздрогнул, опуская голову. Шляпа скрыла его взгляд, но атмосфера стремительно изменилась. Лори сказала что-то, чего говорить не следовало. Вторая глупая вещь за сегодня. Нет, если считать разговор с Артом, то уже третья. В воздухе отчётливо встал запах смерти. Это запах, которые невозможно различить, пока не почувствуешь самостоятельно. Жажда крови вперемешку с железной волей — вот то, что может породить его.

— Ересь, — тихо произнёс епископ, поднимая голову. — Вы только что признали себя еретиком, графиня. Мне жаль... — он раскрыл книгу, а страницы в ней начали перелистываться сами собой, и столь быстро, что взгляд Лори едва успевал за ними следить. Когда страницы достигли середины, их шелест замолк. — Устав церкви Единого Бога, статья семьдесят восьмая, пункт три, секция А: "жизни еретиков подлежат уничтожению в любых условиях и в любой ситуации, вне зависимости от их силы, влияния, родственников или иных факторов".

Вот оно. Причина, по которой этого тихого и скромного мужчину называли Чёрно-белым Инквизитором. Он не смел прикоснуться к невинным, предпочитая сражению —

уговоры, но стоило встать перед ним еретику, как отношение менялось на диаметрально противоположное. Ересь второй епископ уничтожал беспрекословно, словно машина, выполняющая поставленную задачу. Лори поняла, что время разговоров закончилось. А также поняла, что дольше ещё минуты она не протянет. Епископ откровенно жалел её, не задевая внутренние органы, не лишая её возможности восстановиться после атаки и не бросаясь в бой в полную силу.

Теперь же мельчайшие частицы раздробленных в процессе сражения камней поднялись в воздух вокруг Никкодина. Всего на несколько сантиметров, но они поднялись все. Полыхающие ветки, пепел, камень и земля — область, подвластная контролю епископа, легко охватывала весь задний двор вместе с садом. Как опытная волшебница, Лори сразу поняла, что это означало.

Смерть.

Она приближалась с каждым шагом епископа. Раскрывая свою пасть, облизывая клыки, чудовище, что могло в один укус съесть Лорелеи, двигалось к ней. Но Лори не привыкла отступать перед противником, каким бы сильным и страшным он ни был. У неё было что-то, что выделяло её среди других чародеев — такая же железная воля, что плескалась в чёрных глазах её противника. Если ей суждено умереть здесь и сейчас, то она постарается сделать эту смерть настолько запоминающейся, что о ней будут слагать легенды.

Лори всегда хотела, чтобы истории о ней передавались из уст в уста даже после её гибели. Когда-то давно, когда она была маленькой девочкой, она мечтала о принце на белом коне, собственный замок, может, даже маленькое королевство. Свадьба, дети, счастье... Семья. У всех нас есть свои грёзы.

Не всем им суждено сбыться.

Но можно попытаться сразиться за то, чтобы сбылась хотя бы их часть.

Это одна из тех вещей, что делает нас — нами.

— Я, Лорелеи, ученица архимага Миры, маг крови, объявляю! — с ухмылкой глядя в глаза замолчавшему епископу, продекларировала Лори. — Ты умрёшь сегодня здесь, второй епископ церкви!

Его глаза расширились, когда земля перед чародейкой пошла волнами. Двинув ладонью снизу вверх, Никкодин выставил сплошную стену из белого эфира, в которую ударила разрушительная сила. Вывороченные камни остановились прямо возле свежего щита, но... Они не ударили в него. Епископ двинул головой, увидев в сантиметре от себя лицо Лори с полыхавшими тёмно-алым глазами и безумной улыбкой.

— Открылся! — крикнула она, ударяя кулаком, объатым синим эфиром, в грудь епископа. Шляпа слетела, опадая где-то в стороне, а сам Никкодин, пролетев несколько метров вглубь полыхавшего сада, поднялся, слегка пошатываясь.

Эфирный резонанс магов крови отличался от того, что происходило с обычными чародеями и воинами, использующими эту энергию. Их уникальный талант — талант обретать таланты, делал из них идеальных учеников. За что бы они не брались, они могли использовать эфир так, как не мог никто другой — для обучения. Буквально. Так, когда эмоции завладевали их разумом, эта уникальная особенность открывалась с совершенно другой стороны. Вместо стандартного ускорения течения эфира, позволявшего во время резонанса атаковать быстрее и сильнее, эфир в теле магов крови замедлялся до значений, при которых жизнь любого живого существа в Крэйне не представлялась возможной. Он останавливался, уплотнялся, рос, собираясь из воздуха, да даже из-под земли, если

требовалось. Они теряли возможность использовать большинство чар, да.

И это, вероятно, самый незначительный минус.

Зато плюс заключался в другом — их тела, накопившие в кратчайший срок огромное количество неподвижного эфира, фактически становились неразрушимыми. Любое постороннее вмешательство попросту поглощалось, лишь ещё больше усиливая чародея. В таком случае единственным способом убить вошедшего в эфирный резонанс мага крови было отрубить ему голову.

А теперь попробуйте сделать это, когда магом крови, сражающимся в таком состоянии, является волшебница, преуспевшая ещё и в изучении рукопашного боя. Это лишь одна из причин, по которой Лори занималась с мечом. Но она, безусловно, одна из важнейших.

Никкодин, к сожалению, подобными знаниями не обладал. Поэтому его ответом стало бесшумное чёрное лезвие, отрубившее Лори ногу. Чародейка вскрикнула, падая на задницу, а епископ уже шёл, готовя над головой очередное заклятье. В его голове еретик перед ним уже был мёртв, стоило всего лишь пробить ему сердце и...

Кровь не шла из покалеченной ноги. Зелёный, синий и красный эфиры побежали вдоль повреждённой конечности, в считанные секунды восстанавливая её. Чёрные копья, обязанные прикончить Лори, разбились о её грудь мелкими тёмными осколками. Она поднялась, глядя на вставшего перед бушующим рыжим пламенем человека. Он был быстрее. Он бил сильнее. Он был опытнее.

Но Лори могла сделать это. У неё был шанс победить его благодаря своей уникальной натуре.

— Подхвати меня, Ветер Войны! — с перекошенной улыбкой протянула Лори. Аура, окружившая её тело, стала зелёной с алыми вкраплениями. — Благослови меня, земля...

Кулаки, которые сжимала чародейка, покрылись... Натуральной бронёй, сотканной из бело-зелёного эфира. Перчатки, из-под которых при ударе вылетели искры, выглядели как нечто, способное пробить толстую стену, вставшую перед Лорелеи. Спиритуализация, также известная как материализация эфира — способность обращать эфир в нечто, похожее на реально существующие предметы. Не просто копья, шары или стрелы, нет. Оставьте это новичкам, только познающим мир магии. Призыв чего-то постоянного, чего-то, способного действовать, как элемент брони, а то и вовсе оружие... Это одна из высших ступеней в изучении эфира.

— Я же сказала, — приняв боевую стойку, хмыкнула Лори. — Ты здесь умрёшь.

— Отдам тебе до... — не договорив, епископ выгнулся назад, не двигаясь с места, буквально образовав верхней и нижней частями тела прямой угол. Там, где было его лицо, со свистом пролетел закованный в бело-зелёное кулак. Лори ухнула, продолжая своё движение апперкотом. Коротким и рваным, будто она била не руками, а клинком. Разумеется, метила чародейка в пах, открытый прямо перед ней.

Епископ опёрся о землю ладонями, спаренным ударом пяток отталкивая волшебницу от себя. Та не отправилась в полёт, лишь слегка присела, буравя ногами и без того повреждённый камень. Сплюнув кровью, она бросилась в очередную атаку, но епископ ответил новым мгновенным заклятьем: теперь тело Лори рассекло белоснежное лезвие, появившееся вместе со взмахом руки Никкодина.

Дёргавшиеся остатки туловища, левой руки и головы с ненавистью посмотрели на приближавшегося врага. Он уже шептал слова следующих чар, видя, что даже такой урон не прикончил чародейку. И да, три эфира вновь покинули её оставшееся тело, восстанавливая

всё то, что оно потеряло. Подняв с дорожки руку, волшебница выкрикнула:

— Ветер пустыни, воды океана, кровь чудовищ — Роза Тьмы!

Епископ зарычал, пытаясь избавиться от фиолетовых лиан, буквально выстреливших из поднятой ладони Лори. Они обхватывали шею, сковывали руки и лезли в лицо, тут же проникая под кожу — эта тёмная магия игнорировала магические щиты, так как фактически являлась физическим объектом. Отравляющий потоки эфира в теле Никкодина яд стремительно распространялся по телу, но епископ продолжал стоять, сопротивляясь.

— Пламя Очищения... — процедил он и вспыхнул, как спичка. Мгновенно и пышно легко сжигая лианы, что оплели его грудь и лицо. Жар ударил по Лори, заставив зажмуриться. Тем не менее, когда епископ сделал очередной шаг, она вновь стояла на ногах.

— Давай и белой магией померимся, — на выдохе сказала она. — Вечное солнце, жизнь этого мира, явись предо мной! Длань Света!

— Как ты смеешь! — закричал епископ, чей взгляд полностью заблокировал сияющий белый шар, сорвавшийся с рук чародейки. Его стеклянный многогранный щит треснул, но удержал магию от повреждения тела. Зажмурив глаза, Никкодин открыл их только тогда, когда кулак Лори вошёл в его живот, заставляя согнуться пополам.

Следующий удар "разогнул" епископа, а последний смёл его челюсть в сторону, заставляя вслед за ней улететь и тело. Чёрно-белый Инквизитор рухнул лицом в разрушенную каменную дорогу, но не успел он двинуться, чтобы встать, как сокрушительная сила схватила его за волосы, на мгновение поднимая и тут же с грохотом впечатывая обратно в каменные обломки. Кровь осталась на них, но Лори и не думала останавливаться. Всё ещё держа потерявшегося епископа, она посильней вдавила его в землю, а затем пошла вперёд, таща его за собой. Фактически, волшебница вспахивала Никкодином дорогу.

Это длилось недолго, всего минуту. Как только они достигли беседки, ноги Лорелеи снова оказались срезаны, и она упала на спину, корчась от приглушённой боли. Епископ, положив обе ладони на поверхность перед собой, оттолкнулся, подбираясь, чтобы подняться. Выпрямившись, сплюнул обломками зубом и крови, повернувшись к уже восстановившейся чародейке.

— Ты чародейка... И нет, — утерев кровь с губ, протянул он. — Еретик не способен использовать белую магию. Я был... Не прав.

Лори замерла в испуге. Эмоции, которые только что полыхали в чёрных глазах второго епископа, заставили её сердце замереть. Настолько они ужаснули даже стойкую волшебницу. Но ещё больше её поразило то, что случилось потом. Никкодин подошёл к ней, протянув руку. Интуитивно взяв её, она почувствовала толчок, с которым епископ чуть ли не насильно поставил её на ноги. Пламя в саду стихало, и тени рисовали свой рисунок на двух фигурах и их окружении. Весь запал Лори пропал, стоило Чёрно-белому Инквизитору отойти, чтобы забрать книгу, выпавшую где-то в стороне. Что... Это только что было?

— Не понимаю... — со смесью разочарования и удивления в голосе сказала Лорелеи. — То ты всеми силами пытаешься оставить меня в живых, то всеми силами пытаешься убить. Определись уже, что ли.

— Я просто следую приказам, — уже в привычной монотонной манере ответил епископ. — Это — долг солдата.

— Твою-то мать... — искренне вздохнула Лори, развеивая перчатки. Вся ситуация, а точнее, её абсурдность, вызывала у неё только смех. — Даже не знаю, что тебе сказать. Ты, видимо, хороший солдат. Только глупый человек.

— Одно другому не мешает, верно? — нацепив шляпу, ответил епископ. — Видите, как интересно получается, графиня. Мы враги, но не рвём друг другу глотки. Это называется честью. Честь понять другую сторону конфликта, понять и принять, что мы так или иначе не придём к соглашению.

— Но это идиотизм! Ты ведь видишь, что творит церковь!

— Я лучше, чем кто бы то ни было, знаю, что творят те, кто стоит надо мной, — со скрипом печали в голосе произнёс Никкодин. — Но это не меняет моей позиции. Я обязан церкви жизнью. Я Его солдат. И я выполняю приказ. В такие времена у меня остаётся только моя честь... И я не могу с ней расстаться. Видя вашу уверенность, я начинаю жалеть о том, что делаю, но...

— Но честь есть честь, — кивнула Лори. — Я понимаю.

— Благодарю, графиня, — поклонился Никкодин. — Что ж... Тогда приступим к третьему раунду?

— Если честно, я потеряла какое-либо желание тебя убивать, — с новым вздохом сказала чародейка. — Ты можешь... Просто вернуться и сказать, что твоя миссия провалилась? Мы всё равно столкнёмся на поле битвы вновь. А город... Он не принёс мне ничего хорошего. Там я похоронила свою семью. Сдастся он вам или нет — мне, откровенно говоря, плевать.

— Вы хороший человек, графиня, — с улыбкой, пробравшей Лори до костей, произнёс епископ. — Но плохой солдат.

— Ха, — улыбнулась она в ответ. — Я ведь надрала тебе зад.

— Безусловно, — кивнул он. А потом — вздрогнул, переводя взгляд за спину волшебницы. — Уходите, графиня. Вы знаете, что такое честь, отдам вам должное. Я желаю, чтобы вы добились своей мести... И чтобы те, кто вам дорог, остались живы. Но я вынужден откланяться...

Его рука дёрнулась, отражая снаряд, взорвавшийся ворохом чёрного эфира в трёх метрах в стороне, в саду. Скорость, с которой двигалось заклинание, не оставляла сомнений — за спиной Лорелеи стоял кто-то, кто превосходил её как минимум в несколько раз. Чародейка оглянулась, встретившись взглядом с серыми глазами. Каштановые волосы легонько шевелил ветерок, а на лице играла безумная, давно знакомая Лори улыбка. Слегка наклонённая голова, ладони, спрятанные в карманах пальто... Атмосфера вновь изменилась. Теперь ауру такой близкой смерти источали уже двое.

И Лори среди них не было.

Комодо Анко вскинула брови в фальшивом удивлении, приближаясь и вставая рядом с Лорелеи.

— Еретик, — сухо и агрессивно протянул епископ, сверкая чёрными глазами, полными ненависти и злобы.

— Доброй ночи, — хлопнула Анко по плечу чародейки, двигаясь вперёд. Лори, повернувшись, не сдержала крик — в двух шагах от неё лежал изуродованный труп в монастырской серой робе послушника. Четвёртый епископ, Святой Отшельник, не был похож на себя. Его замершее в предсмертной гримасе лицо выражало дикую боль, один глаз вывалился и держался на остатках сосудов, правая щека была пробита чем-то острым, лысый череп был вскрыт, демонстрируя обратившийся в водянистую бесформенную жидкость мозг, а в приоткрытом рте шевелилось огромное множество личинок. Жуткое зрелище, даже для Лори.

Справившись с рвотным позывом, она поспешила прочь. Не оглядываясь. Ей на ум пришёл разговор с Йораном во время их свободного времени. Лидер клана убийц говорил мало, но всегда по делу — такое нравилось Лорелеи, и она часто приставала к нему с расспросами о той или иной личности. Как-то раз такой разговор зашёл и про Комодо Анко, до сих пор остававшуюся таинственной даже в сравнении с лидерами Сада. Йоран, и без того обычно выглядевший хмурым, помрачнел ещё больше, стоило чародейке спросить о ней.

— Анко? Хм... Лорелеи, я видел много героев. Со многими бился плечом к плечу. Многие пали от моего клинка. Но Анко... Я бы не хотел быть её врагом. Лучше десять раз выйти против Фолла, клянусь тебе. Лучше отрезать себе руку или прыгнуть в пасть к дракону... Она — герой, который пугает больше, чем самые отвратительные чудовища. У неё есть прозвище, известное ограниченному кругу лиц...

Епископ презрительно сплюнул, снимая шляпу. Положив её рядом с собой, бросил внутрь неё и свою книгу.

— Монарх Ночи.

— О? — вытянула губы Анко, а затем рассмеялась. Её серые глаза поглощали остатки пламени, что бушевало в саду. Оно в них просто не отражалось, словно всё, что было внутри этой женщины... Это тьма. — Я думала, что хорошо известна, как приличный маг времени. Полагаю, всё меняется, когда дело доходит до ваших святых задниц.

Некромантия. Запретная чёрная магия, применяемая исключительно теми, кто был готов выступить против церкви Единого Бога, или же теми, кто получил на неё особое разрешение. Стандартные чары некромантии были известны любому начинающему магу, но изучать что-то кроме, скажем, простого призыва парочки скелетов из чёрного эфира, им было запрещено.

Она под запретом не из-за каких-то моральных норм или приличия, нет. Просто эти чары способны дать магу огромную силу. Силу, способную сокрушать целые нации, стоит ему только пожелать. И это только та некромантия, что была известна Крэйну. У Комодо Анко, как и у любого героя, был свой дар. Он заключался, если вкратце, в управлении тенями. Анко не просто могла воскрешать мертвецов — она могла соткать из тени ещё живого существа его альтер-эго, порой превосходившее по силе оригинал. Разумеется, это не предел её возможностей, ведь если обычная некромантия давала владельцу невероятную мощь, то продвинутая её версия, управление тенями, возводила Анко на пьедестал как лучшего из лучших чёрных магов Крэйна.

— Полагаю, брат Варот провалил свою миссию, — на мгновение прикрыл глаза епископ, собрав ладони воедино.

— Я скажу тебе больше — ты последний епископ Круглого Стола, — хохотнула Анко, разводя руками в стороны. — Увы и ах! Бам, бам, бам! Нет больше епископов. Я выследила их. И убила! Мед-лен-но... — она облизнула губы, провоцируя противника ещё больше. — Остались два червяка и папа-червь. Поверь, я доберусь и до них.

— Я не позволю! — с возмущением, гневом и злобой в голосе выкрикнул Никкодин. — Ты умрёшь здесь и сейчас, еретик!

— Ник, Ник, Ник-ко-дин, — со смехом прочитала она его имя по слогам. — Брошенный всеми, брошенный миром... Твоя история похожа на истории многих других. Тех, кто погиб от голода. Тех, кого убили чудовища. Тех, кого съели родные... О, это моё любимое. Твоя история похожа на историю ничтожества, которое должно было сдохнуть много, много лет назад. Потому что так будет лучше для всех? Нет, потому что миру плевать. Потому что

обществу плевать...

Тело епископа вздрогнуло. Что это? Откуда появилась слабость, пустившая побег по всем конечностям? Откуда эта путаница в голове? Что происходит с Никкодином? Даже он сам, прошедший множество битв, не понимал. Поэтому поднял взгляд на замолчавшую Анко.

— Тебе интересно? — наклонив голову в другую сторону, спросила она. — Как ты очутился в церкви? Как вырос и стал идеальной машиной для убийства непокорных? Как ты не смог справиться с тем, что ты делаешь, и как ты пришёл ко мне, умоляя прекратить твои страдания?

— Нет! — попытался сдвинуться с места мужчина, но у него не получилось. Вместо этого неизвестная сила заставила его преклонить колена. — К-как?!

— Ты посвятил свою жизнь всего одному делу, — водя туда-сюда перед его лицом указательным пальцем, протянула Анко. — Потому что не знал, что есть что-то ещё. Ты стал солдатом, которого так желала церковь. Идеальным! Солдатом! Вах!

— Ты... Я не мог... Я бы не стал... — взгляд епископа оказался прикован к носкам собственных туфель, и он, как бы не хотел, не мог поднять его, чтобы посмотреть на чародейку. — Я бы не стал связываться с чёрной магией!

— Ты с ней и не связался, — пожалала плечами женщина. — Всё, о чём ты попросил, это подарить тебе возможность измениться. Возможность быть свободным от оков церкви и верности ей. Я думала, ты бросишь всё и сбежишь куда-нибудь, покинув ваш дебилный цирк-шапито, но... Если честно, я даже слегка разочарована. Вместо того, чтобы поступить так, как хотелось тебе, ты выдумал себе долг солдата! Поверить не могу, Никкодин!

— Я не мог... Попросить о таком...

— Никкодин, я вмешалась в твою память, стерев в ней те воспоминания, из-за которых ты оставался верен, как хороший пёсик, церкви, — поморщилась после слов епископа Анко. Затем вздохнула, опускаясь перед ним на корточки. Чертыхнулась, посмотрев на пальто. — Опять стирать... В общем, слушай. Солдат или нет — у тебя всё ещё есть выбор. Выбор он вообще — всегда есть. Надо только его нащупать.

— Господи... Прости меня... Я нарушил твои заветы...

— Да приди ты в себя, — от души отвесила Анко пощёчину Чёрно-белому Инквизитору. — Господь то, Господь сё, церковь, бла-бла-бла, верность, бла-бла-бла, долг... Будь ты уже тем, кто ты есть. Ребёнком, которого кинули все. А те, кто проявил доброту, оказались рабовладельцами в масках. Ты хотел жить, Никкодин. Когда-то давно ты просто хотел жить, как и все дети. Ты любил вкусно поесть, ты любил почитать книжки с картинками, ты любил засыпать под песни бродячих музыкантов... Раз я увидела это в твоей памяти, значит, ты и сам должен это хорошо помнить.

— Ч-чёрт...

Никкодин заплакал. Суровый, беспощадный Чёрно-белый Инквизитор, которого боялись даже правители, зарыдал, пряча лицо в ладонях. Анко поднялась, и только сейчас можно было заметить, что с ней что-то было не так. Тень, которую отбрасывала аккуратная фигура в бежевом пальто, была до странного длинной и до странного широкой. Огромной, можно сказать. Стоило Анко выпрямиться, как эта тень покрыла почти всё пространство за её спиной. Ей это нравилось. Она любила разрушать веру тех, кто считал свою — несокрушимой. У Анко был простой принцип.

Она ненавидела трусов, идиотов и предателей.

Никкодин был тем, кто прибежал к ней, чтобы спрятаться от невыносимой боли. Верный пёс церкви, осознавший, что творит. Как глупо, как наивно и как... Самоотверженно. Она сделала то, о чём он просил. И к чему это привело?

— Что ж, надо мне брать ответственность за собственные поступки, — задумчиво протянула Анко, склоняясь над сжавшимся в комок человеком. Её тень вздрогнула, начиная двигаться. А затем стала стремительно чернеть, до того уровня, когда увидеть хоть что-то на её фоне стало невозможно. Когда женщина повернулась, чтобы уйти, плакавшего Никкодина на месте не было. Он исчез, поглощённый тенью Монарха Ночи. — Извини, Никкодин. Но взгляни на это с другого ракурса! Ты сделал свой выбор. Осознал свои ошибки. Понял, каким идиотом и трусом ты был. Можешь считать, что ты приобрёл пакет два в одном. Осознание... И искупление.

Теперь остался только верный прислужник, пополнивший многочисленную армию Комодо Анко, героини, чей дар превосходил все прочие. Она шла обратно в особняк, и в её тени, вернувшейся к обычному размеру, безмолвно глядели в небеса тысячи тысяч пар глаз самых разных цветов. словно шарф, полностью сшитый из драгоценных тканей, они сверкали, отражая свет звёзд. Их собственный свет был тусклым, подавленным, едва заметным. Те, кто предал, те, кто сбежал, и те, кто поступил, как идиот. Взгляды предателей, трусов и глупцов глядели на мир живых без единых эмоций, все, как один, служившие своей госпоже.

Взгляд её собственных пустых серых глаз не выражал ничего, кроме умиротворения. Она сделала то, зачем пришла, и теперь направлялась досыпать заслуженные несколько часов. На её глазах сломалась чья-то душа, но она не проявила к ней ни капли сострадания. Полнейшее отсутствие эмпатии к тем, кто этого, по её мнению, не заслуживал — это то, почему Анко боялись даже лидеры Сада. Почему?

Потому что они тоже попадали в эту категорию.

Потому что этот человек не мыслил так, как мыслили они. Никто не мог понять, о чём она думала, чего желала, какие чувства испытывала. Её взгляд для окружающих всегда был пуст, как у мертвеца. Вероятно, это была одна из причин, по которым Анко изолировала себя от других героев. Она слишком хорошо понимала, что они неизбежно окажутся в её тени. Эти "герои" легко предавались страху, легко предавали даже любимых, и без всяких задних мыслей поступали, как полнейшие глупцы.

Конечно, были среди героев и исключения.

Но суть не в этом. Если копнуть чуть глубже в мысли Анко, можно увидеть, насколько обычным человеком она была. Не беря во внимание её поведение, она мыслила вполне себе стандартно. Что бы поесть с утра, как же болит голова после выпитого вчера, как смешно ведёт себя Арт, когда пытается выглядеть старше во время разговора с ней, как забавно корчит рожи Ирис при каждой встрече с ней, как остро впиваются в спину взгляды Йорана и Эсмеральды — перечислять можно бесконечно. Так почему же Анко была той, кто она есть?

Всё просто.

Она судила других по себе. Так делают многие, но Анко возвела это в абсолют. Ей было плевать на оправдания второго епископа — ведь она никогда бы не позволила себе быть настолько слепой. Ей было всё равно на причины Фолла — ведь она бы никогда не утаила важную информацию от тех, кто был ей близок. Это безжалостная система суждения работала безотказно в ста процентах случаев. Она не стремилась понять других — она понимала их куда больше, чем они сами. Причины, последствия, вера, размышления, выводы

— всё это лежало перед Анко, как на блюде.

Поэтому она была прекрасным детективом.

Поэтому она знала и видела больше, чем остальные. Дальше, чем Арт с его мудрым драконом, дальше, чем Фолл, проживший эти мгновения много раз, дальше, чем Господь, всезнающий и всепонимающий. Она подошла ближе всех к истинной природе этой истории, ибо её понимание этого мира отличалось от понимания остальных, но...

У нас здесь всё как у людей.

А людям, как мы знаем, свойственно ошибаться. Свойственно сомневаться, думать о возможных рисках... Поэтому Анко навсегда останется человеком, что никогда не переступит грань, отведённую ему. Или, быть может, это тоже ошибка? Неизвестно.

Завтра у нас по расписанию война. Никому не опаздывать!

Финал, которого все зрители спектакля так долго ждали, всё ближе.

Антракт!

Глава четырнадцатая. Пробудись!

Два месяца спустя.

Юго-западные земли Золотой Империи.

Побережье перед портовым городом-крепостью Крил.

Полдень.

Чёрные стены вдалеке, белое солнце в небесах, и свист стали в окружении на триста шестьдесят градусов. Кровь. Крики. Звук падающих тел в полном боевом облачении. Тихий шелест волн, едва воспринимаемый теми, кто бился в двух шагах от воды. Прохладный ветер, бьющий в разгорячённые лица. Топот лошадей, победоносные возгласы офицеров, взрывы эфира чуть ли не у ног сражающихся. Тёмные доспехи с алыми отличительными знаками прорывались вперёд, круша панцири пятого рыцарского корпуса Дорана. Магия, зачаровавшая их клинки, прорубалась сквозь прочное железо, с лёгкостью доставая и плоть. Элитная гвардия Сангвина — бравая сотня мужчин и женщин с чёрным пламенем в глазах.

На побережье уже лежали тысячи мертвецов. Куда бы не кинул свой взор случайный наблюдатель, везде его поджидали тела — в чёрной броне, в серебристой, тела без конечностей, голов, располовиненные, с искажёнными в предсмертном крике лицами, на земле, омываемые солёными водами, на разрушенном пирсе, превратившимся из красивого и практичного сооружения в затхлые обломки из дерева и стали... Запах стоял соответствующий, ибо часть тех трупов уже успела сгнить: никто и не собирался их отсюда убирать. Золотая Империя защищала Крил всеми силами — ибо он был последней точкой опоры с выходом в открытый океан. Широкий канал, прорытый чуть меньше столетия назад, пробегал под горными вершинами, прятавшими Империю от холодных западных ветров. Сюда приходили корабли из Нам'ярра, делая дичайший крюк по омывающим Аврору водам, с юга на северо-восток.

Хоть это дальнее государство и не являлось официальным союзником Сангвина, оно имело репутацию наёмника, легко продающегося за приличные суммы любому, кто заплатит. Без Нам'ярра территории императора будут обескровлены — еды осталось на несколько недель, а зима всё ближе. Два месяца безостановочных столкновений вымотали Империю и её армию — весь урожай оказался сожжён фанатиками, большинство фабрик и мастерских встало, не в состоянии получить сырьё с Железных Гор. Всё-таки Сангвину пришлось открыть два фронта: юго-западный против идущих блицкригом Дорана и Сенстонии и юго-восточный, против объединённых войск церкви Единого Бога. По неизвестным Сангвину причинам церковники нападали куда реже, чем говорили военные аналитики, заседавшие в тронном зале чуть ли не ежедневно. Кроме того, их не вели в бой епископы Круглого Стола, как ожидалось.

Тем не менее, план императора был прост — земли на востоке и без того частично заняты Пангонией, поэтому все силы необходимо было сосредоточить на западе, в особенности — на воздушном флоте Сенстонии, за несколько дней сравнявшего пять крупных имперских городов с землёй. От них остались только выжженные руины; жители даже не успели эвакуироваться.

Никакой жалости.

Что ж, Сангвин этого ждал. Герой, смирившийся со своей кончиной, хотел заставить своих врагов заплатить наивысшую цену из возможных.

Важной частью плана императора была оборона Крила. Перебросив войска порталами прямо под стены города-крепости, он сдержал наступление пятого рыцарского корпуса Дорана, заставив остатки с позором бежать с поля боя, коим и было побережье у пирса. Но ни Сангвин, ни Совет Сенстонии, ни главы рыцарских домов Дорана, ни кто бы то ни было ещё не знали, что это побережье, покрытое телами мертвецов и наполненное затхлым запахом гнилой плоти, станет местом сражения. Сражения, которое поставит точку в этой войне.

Пока Золотая Империя сдерживала нападение с двух сторон, в спину церкви Единого Бога ударил Сад, сокрушая кое-как сколоченные формации фанатиков. В отчаянной схватке за стенами города Угира были убиты несколько тысяч церковников, множество старших жрецов и один из архиепископов. Его Святейшество не ожидало потерять почти всех своих приближенных ещё до начала основных боевых действий, поэтому главная армия паладинов стремительно промаршировала на север, захватив без боя несколько брошенных на произвол судьбы имперских городов. Сад разделил свои войска: маленькая группа под предводительством Эсмеральды и Йорана отправилась к Крилу, попутно добывая сбежавших после битвы в Угире фанатиков, в то время как основные силы двинулись вслед за церковниками.

Уже давно в Крэйне не лилось столько крови. Все четыре стороны сражались свирепо и максимально жестоко — никто никого не щадил. Разве что церковь изредка вела переговоры, чтобы получить в свои руки какой-либо город без потерь. Что интересно, она также была наименее боеспособной — численность войск регулярной армии паладинов составляла всего пятнадцать тысяч. Облачённые в белоснежную зачарованную броню, отражавшую заклинания и защищавшую тела воинов веры от масштабных артиллерийских залпов волшебников, эти солдаты горели желанием выполнить любой приказ, отданный Его Святейшеством, патриархом.

Общая численность сторон была следующей:

Сад — сотня гномов Железных Гор, десять тысяч искателей приключений, полторы тысячи чародеев, две тысячи воинов Легиона, тысяча орков из племени Эсмеральды, а также четыре тысячи эльфийских рейнджеров и егерей.

Золотая Империя к началу войны насчитывала сотню тысяч пехотинцев, тридцать тысяч рыцарей и десять тысяч магов. После двух месяцев общая численность упала больше, чем на половину, оставив некогда самому страшному и военнизированному государству всего пятьдесят тысяч солдат со всех отделов.

Сенстония и Доран выслали сто пятьдесят тысяч воинов, рыцарей и магов. В воздушном флоте служили ещё несколько тысяч, но к текущему моменту их силы просели примерно на сорок процентов.

Численность армий церкви Единого Бога варьировалась от недели к неделе, ибо они легко восполняли объёмы пушечного мяса из фанатичных верующих, открывавшим им ворота чуть ли не каждого второго города или крепости. Если считать только паладинов и жрецов среднего звена, то мы увидим всего двадцать тысяч — ничтожно мало по сравнению с Империей или восточными союзниками.

Сад же, несмотря на немногочисленность, был наиболее опасным по ряду причин. Во-первых, к регулярной армии вскоре после начала похода присоединился Гиалэр, золотой дракон. Ужасающая мощь огромного летающего зверя, известного многим народам только по легендам и сказаниям, вселяла страх в лица обороняющихся или нападавших. Так, вскоре

Сад перестал встречать сопротивление вовсе. Во-вторых, его лидеры, что вели войска на острие формаций, порой разносили врага ещё до того, как основные армии вступали в бой. Наконец, в-третьих — почти сто процентов бойцов этой организации составляли ветераны множества компаний, начиная от всем известного сражения с океанским народом и заканчивая ликвидациями последствий чумы, прорвавшейся в Золотую Империю с Железных Гор.

Их магия пугала, их поступь заставляла землю вздрагивать в испуге, а боевые кличи гномов и орков сливались в симфонию битвы, которая каждый раз заканчивалась триумфом. Никкодин был прав — ничто не могло остановить Сад и его воинов.

Так, глядя на отступавшие как попало формирования пятого рыцарского корпуса Дорана, на склоне холма, что чуть южнее, собрались семеро преследователей.

— Личная гвардия императора, — оскалившись, протянула Эсмеральда. На ней был панцирный доспех с открытой головой — шлем болтался рядом с шеей на одной застёжке. В окованных сталью ладонях воительница сжимала своё личное оружие. Чёрно-синий трёхметровый шест, опутанный стальными прутьями и завершённый диском циркулярной пилы. Стоило влить в него эфир, как диск начинал вращаться, в считанные мгновения распиливая сталь, железо и плоть.

Когда-то это необычное оружие выковал для Эсмеральды Ди. Оно было необходимо, чтобы лидеры Сада смогли противостоят тварям, вылезшим из глубины — уже несколько раз упоминавшемуся океанскому народу. Кроме неё, другой специфичный "инструмент" достался и Нере с Фоллом. Первая получила копьё, второй — полторный меч, тёмный, как воды бездны.

— Воздушный флот всего в дне пути, — тихо отозвался Йоран, удобно устроившись на пенёчке. Чёрное кимоно было покрыто свежей кровью, а сама катана лежала на коленях лидера Легиона. Тот водил по ней тряпочкой, очищая от грязи. — Сюда же движется Его Святейшество. Мы потеряли его конвой, но позавчера он был в двух днях пути от Крила.

За их спинами раздался женский смех.

Фигура с руками в карманах бежевого пальто сверкнула серыми глазами, не отрывая взгляда от удалявшихся в пяти-шести километрах воинов. Отсмеявшись, Анко легонько вздохнула, подмигивая стоявшему рядом Арту.

— Ностальгия, чёрт бы её, — протянула она. — Сколько лет назад это было? Десять?

— Около того, — аккуратно вложив катану в ножны, отозвался Йоран.

— Десять лет назад мы все сражались, чтобы остановить чудовищ, а теперь... — Эсмеральда сплюнула, выдыхая. — Рвём друг другу глотки. И впрямь конец света в двух шагах.

— А что это были за твари? — осторожно поинтересовалась Ирис, нервно царапавшая щрам на своей щеке. — Я только слышала... Подробностей, к сожалению, не завезли.

— О-о, девочка... — начала было Анко.

— Я спрашивала не тебя, — грубо оборвала её девушка, качая головой. Все давно были в курсе об инциденте в саду на заднем дворе особняка. Изувеченное тело, работа чародейки в пальто, вызывало у Ирис ещё большее презрение. Все они убивали, никто никого не осуждал. Но то, что делала Анко, было куда хуже смерти. Вечное заточение, обращение в, фактически, рабов. Конечно, за презрением девушка скрывала страх. Комодо Анко была опасна — как для врагов, так и для друзей.

Вместо ответа Анко замолчала, отходя к Арту и приседая на ветки рядом с ним. Как

только шорох её одежд стих, слово взял Йоран.

— Мы называем их народом океана, — в его голосе была слышна ненависть. Ненависть, и едва заметно — страх. — Не только потому, что они вышли из глубоких вод в один чёрный для Крэйна день. Они — это бездна. Нечеловеческая, но разумная форма жизни. Они — это океан.

— Ледышка не умеет в нормальное объяснение, — хрипло рассмеялась Эсмеральда, на что глава Легиона лишь пожал плечами: он рассказал, как мог. Поправив повязку на глазу, мужчина вернулся к наблюдению за формациями у побережья Крила через закливание бинокля. Крайне полезные чары, чтобы рассмотреть в деталях нечто на большом расстоянии. — Хотя и я не сумею рассказать, чтобы вы поняли... Нера, может, ты?

Эльфийская заклинательница с белоснежными волосами, что были ещё светлее Лорелеи, дёрнула головой, выныривая из потока собственных мыслей. Она была высокой — на одном уровне с Эсмеральдой, утончённой и хрупкой, подобно розе. Наверно, Нера, одна из лидеров Сада, представляла собой образ, который рисует воображение человека при слове "эльф". Разве что вместо кожаной брони, привычной рейнджерам и целителям из этого народа, она носила бордовую, в пол, юбку и свободную серую рубашку с закатанными рукавами. Поверх неё была накинута куртка — осень всё-таки. В самом разгаре.

Если кто-то ещё не догадался, но Нера была магом крови — такой же, как и Лори.

— Народ из глубин океанских вод... — высокий, певучий голос. Закрыв тусклые огоньки алых глаз, Нера придалась воспоминаниям. — Эссенция эволюции. Вечно голодные существа... Вечные существа. Творение хаоса или глупая шутка природы? Никто не знает. И пусть никто никогда не узнает.

— Кхм... — сдержала смешок воительница племени орков. — Давай-ка лучше всё-таки я. Ребята не поймут твою тарабарщину.

— Я объясню, — подняла эльфийка ладонь. На подушечке указательного пальца загорелся яркий синий огонёк, а затем она начала рисовать в воздухе — резкими, рваными мазками, вскоре сложившимися в единую картину. — Это... Их воин. Один из многих. Один из бесконечности.

Перед ней, сияя голубым, находился рисунок существа, напоминавшего раскрытый бутон хризантемы. Лепестки были вытянутыми и более многочисленными, утончаясь и загибаясь вовнутрь, к вершине. Из-под него выползали щупальца, а в самом центре цветка покоился шип, пульсировавший чуть более тёмным оттенком, чем остальное тело. Арт восторженно ахнул — это нечто восхищало... И пугало. Абстрактное, не похожее ни на какое другое создание. Передвигалось оно, судя по всему, ползком или прыжками. Нера приложила ладонь к бутону, и те, кто наблюдал за ней, заметили, как дрожала её рука.

Одно лишь воспоминание, прах прошлого, заставляло мудрую эльфийку испытывать столь глубокий и сильный страх.

— То, с чем мы столкнулись, — оповестила слушателей Нера, а потом вновь начала рисовать. — Это — то, во что превратилось это существо спустя неделю безостановочных сражений. Мы перебили тысячи... Нет, гораздо больше.

Теперь у цветка появился бутон. Шип в его центре удлинился, покидая тюрьму лепестков, а также пробил цветок сзади. Даже на рисунке было видно, что существо выросло в размерах. И не только в них — Арт ощущал странную силу, исходившую от изображения, словно оно само сохранило в себе память о когда-то истреблённых существах. Эта сила была незнакомой парню, она не была похожа ни на какую другую, что видел он в этом мире.

— Хаос, — уловив его мысли, протянула эльфийка, стирая начертанное. Ирис и Лори слушали молча, ловя каждое её слово. — Для нас они были чистым хаосом. То, что невозможно понять, невозможно осознать, невозможно... Победить. Они пришли в полнолуние, показавшись на побережье Крила. Их армия, бесконечная, бесформенная... Мы запомнили их как самое страшное бедствие, что когда-либо приходило в Крэйн.

— Но вы же как-то их одолели, — со скепсисом встряла Ирис. Она почувствовала то же, что и Арт, но в отличие от брата, никакого благоговения перед рисунком не испытала.

— Да, — бросил Йоран, инстинктивно сжимая катану. Заметив, как побелели его пальцы, девушка вздрогнула. Она хорошо знала наставника — ему был чужд страх. — Нам повезло. Первыми, кто почувял угрозу и атаковал народ глубин, были драконы.

— Эти рептилии прекрасно чувствуют потоки эфира, пронизывающие наш мир, — добавила от себя Эсмеральда. — Если бы не их жертва... Кто знает, что бы случилось в итоге. Они... — она повернулась, оглядывая Арта, Ирис и Лори. В фиолетовых глазах второй наставницы отразилось то же, что в голосе Йорана. — Выиграли нам время, чтобы среагировать.

— Но и это ещё не всё, — продолжила Нера. Её острые уши чуть дёрнулись, словно и её окончательно поглотил ужас прошлого. — Драконы пришли не одни. Они привели драконорождённых — тех, чья кровь могла противостоять народу глубин.

— В каком смысле? — не понял её Арт.

— Они поглощали наш мир, — непривычно тихим голосом ответила за эльфийку Анко. — И всех, кто его населял. Ассимилировали. Чудовища, которых они пожирали, вскоре возвращались к жизни... Уже не в том виде, в каком мы их помнили. То же касалось людей, орков, гномов и эльфов. И чем больше они поглощали, тем лучше они адаптировались к бесконечной резне, что развернулась здесь. Прямо под нами сейчас тысячи тысяч существ, когда-то грозивших навсегда изменить Крэйн. Кто-то говорит, что это наказание Господа, кто-то — что это случайный провалившийся эксперимент безумного алхимика, а лично я... Лично я считаю, что знать нам это в принципе не нужно.

— Н-да, — провела по своему лбу Ирис, смывая выступивший на коже холодный пот.

— Драконы и их дети от союза с народами Крэйна оттеснили океанорождённых прочь, туда, откуда они вышли — к каналу, который вы видите по левую руку, — протянула Нера, посмотрев в названную сторону. — Но им не удалось одолеть народ глубин полностью. Парящие под Богом пали, а вместе с ними — и их дети. Последним подарком от них была кровь... Кровь, которую были способны принять наши тела — разбавленную кровь драконов. В бесконечном сражении она слилась с кровью народа глубин, образовав, если можно так сказать... Новую расу. Не драконорождённых, не людей, эльфов, орков или гномов. Мы победили, выложив дорогу к победе трупами.

— Почти все Парящие под Богом погибли, — добавила Эсмеральда, вернувшись к наблюдению. — Из ныне живых мы знаем разве что дракона-хранителя Ливиграда.

— Значит, вы все тоже частично драконы? — не веря собственным словам, спросила Ирис.

— На четверть, да, — кивнула эльфийка. — Загадкой остаётся то, почему народ глубин атаковал нас. Загадкой остаётся и их происхождение... Они не были похожи на чудовищ, известных нам. По крайней мере, до того, как не столкнулись с ними. Тогда, в тот день, после сражения, унёсшего жизни наших товарищей, мы принесли клятву. Мы все — Совет Сенстонии, пять рыцарских домов Дорана, Его Святейшество и Сангвин. Не важно, какие

склоки одолевают нас. Не важно, что мы чувствуем друг к другу год, десять, век спустя... Если народ глубин поднимется вновь и мы будем ещё живы, мы объединимся, чтобы дать им отпор. Нас объединяет клятва — и нас объединяет кровь. Кровь драконов. Их кровь. Попавшая в нас после безостановочной битвы за выживание.

Арт с Ирис задержали дыхание, переваривая тайну, раскрытую лидерами Сада. Им казалось, что всё это время они видели полную картину как настоящего, так и прошлого. Кто бы мог подумать, что даже в таких критических условиях нашлось нечто, что могло объединить весь мир. Заклятых врагов, тех, кто прямо сейчас убивал друг друга ради власти и территорий. Они были напуганы, и в то же время — рады, что их старшие товарищи говорили в прошедшем времени. Арт задавал вопросы Джей, но та молчала, как и каждый раз до этого. Чаще всего они разговаривали во сне — чем дольше Арт использовал клинок, тем сильнее становилась их связь.

— Хм... — подала голос Лори, глядя на побледневшее лицо Неры. — Раз в вас кровь этих... Существ... Это на вас никак не влияет?

— Благодаря крови драконов народ глубин не может нас поглотить, — протянула в ответ эльфийка, и её уши вновь дёрнулись. — Но ты права, Лорелеи. Время от времени мы чувствуем зов... Песню, которая манит нас на побережье Крила. Впрочем, это почти не заметно в повседневных делах.

— Ничто так не пугает, как эта фигня, — раздражённо проговорила Эсмеральда. — Особенно кошмары. Глубокая ночь, полная луна, побережье... И эти твари. Блеклые фиолетовые и алые огни, россыпью — по воде. От земли под ногами до края горизонта — ползут, шепчутся... И поют, да. Поют красиво — только весь их народ такой. Красивый и смертельно опасный.

— Никто не изучал их, — Арт вздрогнул от голоса Фолла, хотя давным-давно привык к его внезапным появлениям. Первый герой вышел вперёд, обратив свой взгляд на опустевшее побережье. — Я запретил прикасаться к трупам. Тела погибших и тела существ мы сожгли, а останки захоронили там же, где сжигали — на месте. Всё, что ты видишь перед собой, включая горы, холмы, сам Крил... Всё обозримое пространство было усеяно мёртвой плотью. Временами — ещё шевелящейся, словно они могли восставать из мёртвых. Она была на удивление устойчива к огню — даже пламя Сангвина, способное сжечь сам Иггдрасиль, не обратило мертвечину в прах.

Арт по-новому взглянул на тихие земли, раскинувшиеся перед ним. Перекрёсток крупного торгового тракта, спокойные волны, бившие о берег и об обломки пирса, поглощавшие тела рыцарей солёные воды... Фолл был прав. Никто не должен был даже пытаться познать народ глубин. Если они такие, какими их описывали старшие товарищи, лидеры Сада, то попытка изучить их привела бы к печальным последствиям известной пословицы. Или поговорки? Неважно. Если долго смотреть в бездну — бездна тоже начнёт смотреть на тебя в ответ.

Арту было достаточно объяснения и одного взгляда на изображение солдата, чтобы это понять.

— Ну, у нас и так конец света на носу, — в привычной манере рассмеялась Анко, выдыхая. — Так что какая уже разница — даже если они придут вновь, остановить их мы не сможем. Без Фолла и Миры... Из смешанных в живых остались только вы, главначальники Сада, я и Сангвин.

— Странно, — протянул первый герой, вглядываясь в горизонт. На спокойные воды,

омывавшие берег. Они уже впитали в себя кровь погибших в многочисленных схватках — они не разбирали своих и чужих, добрых и злых. Они жили своей жизнью, и пусть их цвет на мгновение заалел, через ещё одно они волны вновь стали тёмно-синими. Такими же, какими были вчера, месяц, год и столетие назад. — Арт, у меня есть одно не самое радужное подозрение. Подозрения вообще не бывают радужными, к сожалению. Поговорим где-нибудь, где нас никто не увидит.

Арт вопросительно выгнул бровь, стараясь одновременно избежать косых взглядов со стороны "живых" и при этом донести свою мысль Фоллу.

— И правда, — кивнула Нера, открывая глаза. — Лагерь уже разбит. Йоран, я могу доверить тебе дозор?

— Да, — коротко ответил мужчина, приподнимая повязку на глазу и протирая вспотевшее веко. Затем поднялся, тихим свистом подавая сигнал своим людям, и исчез в лесу, что скрывал наблюдателей от рыцарей Сангвина, наблюдавших со стен Крила.

— Мы наступаем на Крил перед рассветом, — повернулась, чтобы начать подъём на холм, Эсмеральда. Лицо воительницы было непривычно спокойным, а во взгляде фиолетовых глаз угадывалась искра жуткой ненависти. Кажется, у неё были одни из самых неприятных воспоминаний об океанском народе. Арт с Ирис посмотрели ей вслед с пониманием и сожалением. Они прошли через многое, но их тяготы не могли сравниться с тем, что прожили воины, сотворившие Сад.

— Проверь, как там твой эльф, парень, — положила руку на плечо Арту Анко, улыбаясь так, что его бросило в дрожь. — Чёрт... — она сплюнула, мотая головой в разочаровании. — У меня никогда не получалось успокаивать людей...

Сказав это, Монарх Ночи отчалила вслед за Эсмеральдой. Как только их шаги стихли, Нера шагнула вперёд, проходя к пеньку, на котором сидел Йоран. Опустившись на него, эльфийка согнулась пополам, скрыв лицо в ладонях. Лорелеи подошла к ней, успокаивающе хлопая по спине. Два мага крови легко находили общий язык, пускай это и был лишь язык чувств и эмоций. Арт с Ирис переглянулись, понимая друг друга без лишних слов. Их обоих проняло — рассказ, хоть и не детальный, вселял как ужас, так и некое очарование. Сила, существовавшая вне героев, Бога или народов Крэйна, нечто иное даже для этого странного волшебного мира. Вот уже чего точно не ожидаешь от тёмного фэнтези, так это грёбанного Ктулху. Или наоборот, кому-то именно это и приходит на ум?

Не придумав ничего лучше, брат с сестрой присоединились к эльфийке с их подругой. Иголки, веточки, сухая трава — идеальная подушка для тех, кто скакал несколько часов в потёртом седле. Никакой телепортации или иных средств передвижения — чародеи Золотой Империи внимательно следили за тем, куда двинется армия Сада. Нельзя было дать Сангвину повод ввести в Крил дополнительные войска. Он и так подозревал, что Сад начнёт наступление к его единственному шансу продлить и без того затянутую войну. Поэтому перемещаться от южных границ пришлось на лошадях, что оказалось неприятным сюрпризом для Арта — тот толком не имел с ними управляться.

Фолл куда-то исчез — Арт решил, что тот будет дожидаться его в палатке.

— Спасибо, ребята, — утерев выступившие слёзы, протянула через пять минут тишины эльфийка.

— Мы, правда, ни хера не сделали, — хмыкнула Ирис, хотя дрожь её голоса выдавала волнение девушки с головой.

— Для мага крови чужие эмоции являются своеобразной опорой, — объяснила за

старшего товарища Лорелеи. — Психологической, имею в виду. Эфир, который выделяют тела, когда...

— Я не думаю, что твоим друзьям нужна лекция, Лори, — с лёгкой улыбкой сказала Нера, выпрямляясь на пеньке. — Как и в случае с народом глубин... Не всему нужно искать объяснение. В конце концов, мы имеем дело с фактами. Потому... Просто примите мою благодарность.

— Тогда — не за что, — выдохнул Арт, всё ещё глядя на побережье. Он чувствовал что-то — нечто странное, нечто, что он пока не мог распознать. — Ну... Кто чем планирует заняться, пока мы ждём?

— Практика, — печально вздохнула Лорелеи.

— Практика, — весело толкнула ту в плечо Ирис.

— Присоединяюсь, — вдруг подняла руку Нера. — Пойдёмте, младшие мои. Научу вас парочке трюков. Может, будете меньше бегать ко мне после очередного приступа боли в пояснице.

— Эй! Мне тридцать с лишним! — возмутилась Лори, но было поздно — дружный смех сотрясал холм.

Когда все трое поднялись, Ирис остановилась, окликнув Арта:

— Ты идёшь?

— Подойду чуть позже, — махнул он рукой, не поворачиваясь. Девушка кивнула, поднимаясь вслед за остальными.

Так, Арт остался в одиночестве. Скрепив ладони в замок, он вглядывался в горизонт, изучая его, словно под микроскоп. Спустя минуту тишины иголки и веточки рядом с ним тихо скрипнули, а в периферийном зрении проскользнули бежевое пальто и локон светло-коричневых волос. Фолл встал рядом, с непониманием глядя на Анко, устремившую свой взгляд туда же, куда и Арт. Притянув к себе колени, чародейка обняла их, положив в ложбинку между коленными чашечками подбородок.

— У меня много вопросов, — пробубнила она так, словно говорила о чём-то пустом и бессмысленном. Будничном, одним словом. — Это такая редкость, на самом деле. Примерно в девяносто девяти процентах случаев я уже знаю ответы на вопросы, которые задаю. Знаешь, почему?

— Нет, Анко, — помотал головой Арт.

— Потому что вы предсказуемы, — на выдохе протянула чародейка. — Почему нам страшно? Почему мы любим? Почему мы живём? Зачем мы сражаемся? Почему тот убил того-то? Почему тот выжил? Почему у нас такая судьба? Они повторяются, эти вопросы. Когда ты услышишь их сто, двести, тысячу раз... Тебе не нужно будет даже задумываться, чтобы ответить на них. Но я всё-таки не понимаю... Я не понимаю, Фолл.

И первый, и последний герои вздрогнули, впившись взглядами в Анко, продолжавшую глядеть куда-то вперёд. Кажется, в никуда.

— Как ты..?

— Не "как", а "когда", парень, — двинула головой из стороны в сторону женщина, выражая своё разочарование. — Я детектив. Никогда об этом не забывай. Я наблюдала за тобой — с самого начала тренировок в Ливиграде. Внимательно, через тени — ведь если мои предположения верны, он бы почувствовал моё присутствие. Сначала я решила, что это шизофрения. Помешательство на человеке, который был тебе близок. Помешательство до такой степени, что ты выдумал себе его образ, "дух". Но концы не сводились с концами.

Шизофреник не может скрывать свою шизофрению от всего мира — только если он не психопат. Ты — не такой. Уравновешенный, рациональный, правильный, не побоюсь этого слова — твоё сознание не из тех, что легко ломаются в таких обстоятельствах.

— Надо было догадаться раньше, — вздохнул Фолл, спускаясь по холму вперёд. — Лучший детектив Крэйна... Да, этот титул идёт ей куда больше, чем Монарх Ночи.

— Я искала момент, чтобы задать тебе накопившиеся вопросы, Фолл... — тихо протянула чародейка, а затем вздохнула. — Но сейчас мои собственные чувства не должны стоять впереди самого важного — нашей общей цели. Ты ведь тоже заметил, верно?

— О чём ты, Анко? — собравшись, уточнил Арт.

— Тебе с товарищами не рассказали главного, — слегка наклонила голову она, наконец-то посмотрев... На Фолла, стоявшего к ним с Артом спиной. Во взгляде серых глаз промелькнула тоска. — Норны. Предсказательницы, живущие под Иггдрасилем. Они выдали нам своё пророчество — предупредили о том, что грядёт, и что нам нужно сделать, чтобы победить. Об опасности из океанской пучины, о драконах и об их детях, о том, что нам нужно унаследовать их кровь... Обо всём. Видишь ли, парень, норны были способны заглядывать в будущее — не далеко, всего на месяц вперёд.

— Норны, чума в Железных Горах, гибель Миры, террористические акты в подземных лабораториях Ливиграда, связанные с исследованием серого эфира... — подал голос Фолл. — Не удивляйся. Я... Изучил вопрос с закрытием академий парящего города в деталях. Так или иначе, что-то устраняет любые наши возможные манипуляции со временем.

— Если я права, то ты так же, как и я, посчитал все эти события происками жнеца, катастрофы. Весьма вероятно, что так оно и есть. Только зачем ему это делать? Вряд ли в текущем состоянии у нас есть реальные шансы его одолеть. Но раз устраняются манипуляции со временем — значит, в будущем мы сможем что-то ему противопоставить. Пророчество? Вмешательство в будущее? Что угодно — жнец пытается нас остановить. Это первый вариант. Второй — катастрофа решила, что её вмешательство можно свести к минимуму. Что нужно всего лишь ударить точно, аккуратно, и дело будет сделано. Есть риск того, что океанский народ вернётся, и никто не сможет это вторжение предупредить. Это... Весьма удобный момент для вторжения, на самом деле. И крайне неприятный исход для всех нас. И третий вариант, самый маловероятный. Мы сумели одолеть жнеца. Или не сумели — но протянули руку помощи из будущего в прошлое. Пожертвовали всем, что имели, лишь бы получить возможность, тот самый шанс на победу. На спасение.

— Она быстро схватывает, — рассмеялся Фолл, поворачиваясь и глядя Анко в глаза. — Даже спустя столько лет её интеллект — это нечто, что пугает меня до глубины души. Скажи ей, Арт, что все три варианта верны.

— Чего? — Арт удивлённо посмотрел на первого героя, лишь усмехнувшегося на его реакцию. — А-а... Фолл говорит, что все три варианта верны.

Чародейка вздрогнула, обняв колени крепче.

— Один-один, Анко, — рассмеялся Фолл, поднявшись к женщине и пару раз хлопнув её по плечу. — Я отойду, ученик. Займи чем-нибудь её — я ненадолго.

— Понял, — проводил мужчину взглядом последний герой, а затем вернул свой взор к застывшей чародейке. — Эй... Извини, что скрывал. Я знал, что вы с ним были близки... Но не хотел причинять ещё больше боли.

— Боли? — выгнула бровь Анко. — Как только я поняла, что он жив, я почувствовала

только облегчение. Он ведь... Сейчас похлопал меня по плечу, сказал, что отойдёт ненадолго, а потом свалил без адекватного объяснения?

Арт потерял дар речи, уставившись чародейке в глаза.

— Даже не думай, он не вернётся, — пожалала она плечами, улыбаясь. — Всегда таким был. Когда я думала, что поняла ход его мыслей, он бросал что-то такое и сваливал в неизвестность под глупым или пустым предлогом. Все три варианта верны, да? Да и плевать. Мне всего-то нужно развалить кабины тварям с тентаклями, за ними — Сангвину, за ними — церкви и остальным. А потом и катастрофу с твоей помощью прикончить. Делов-то!

— Если честно, я тоже порой не понимаю, о чём Фолл думает, — тяжело вздохнул Арт, устало потирая переносицу. — Мы уже столько времени живём бок о бок, а я до сих пор узнаю что-то, о чём он решил умолчать.

Анко заговорила вновь лишь через несколько минут, когда тишина стала совсем уж жгучей.

— Это его способ выживания в Крэйне. Взвалить на себя всю ответственность, прыгнуть в пекло — и никому ничего толком не рассказать. Фолл наверняка часто говорил о том, как важны товарищи и связь, что скрепляет вас воедино. Вот лицемер! Он никогда ни на кого не надеялся. Это я могу сказать тебе с полной уверенностью.

Фолл брёл сквозь чащу, а на его лице проявлялись чувства — смесь разочарования, раздражения и печали.

— Даже Сад... Я полагаю, был создан исключительно по причине того, что самостоятельно поддерживать шаткое равновесие, баланс сил в Крэйне, у Фолла не получалось. Конечно, он ценил и ценит нас, как друзей... Но всё самое важное он решает самостоятельно. Всегда решал. Вряд ли это изменилось, когда он помер.

Арт задумался. У Анко не было причин ему врать — более того, чародейка откровенничала, что было редкостью для неё. Обычно она сводила всё в шутку или едко комментировала мысли и действия парня, но сейчас всё было с точностью наоборот. Весь её сарказм, вся её натура обратилась против Фолла. Арт вновь вспомнил слова Джей — её просьбу не доверять первому герою. Действительно ли он так верит в Арта и в его способность победить катастрофу? Что на самом деле движет Фоллом? Кто он, на самом деле, такой?

— Я знаю, о чём ты себя спрашиваешь, — рассмеялась Анко, вытягивая ноги. — Доживёшь — может, даже получишь ответы. Знай одно, парень. Кто бы тебе что не говорил, вы с ним разные. Искренность, которую я наблюдала... Её не подделать. Для тебя друзья — это друзья. Товарищество — это товарищество, дружба — это дружба. Нет двойного дна, нет этого идиотского "Я сам". Ты не умеешь обманывать себя, и уж точно не умеешь обманывать других. Скажи-ка, Фолл рассказал тебе о том, почему Сангвин стал тем, кем стал?

— Да... Довольно подробно, — кивнул парень.

— "Перестал быть человеком"... — усмехнулась чародейка. — Интересно, а когда он перестал им быть? Знаешь, Арт, это ведь не обязательно должно быть столь пафосно, как это произошло с Сашей. Это может происходить постепенно, шаг за шагом... Сперва ты доверяешь только себе, думаешь только о себе и своей цели, затем отбрасываешь любые чувства и связи ради той же цели, потом жертвуешь тем, что ценил больше собственной жизни... Ты явно видел больше, чем поняла я. Не попадают ли мои слова, ха-ха, прямо в точку?

Обман Арта, Ирис и Лорелеи.

"Быть героем — это делать то, что нужно, тогда, когда нужно".

Смерть Миры.

"Не всегда наши поступки, Арт, однозначно белые или однозначно чёрные. Они могут быть... И серыми".

"Не доверяй первому герою".

"Перестал быть человеком... Интересно, а когда он перестал им быть?"

— Я... Не знаю, Анко. Мы не можем залезть другим в голову, чтобы посмотреть, о чём они думают. Рано делать выводы... Вернее, я боюсь их делать. И поэтому — не хочу.

— Сперва думай — потом действуй, — одобрительно кивнула чародейка. — Хороший подход. Ха-а... — она выдохнула, повернув голову к парню. — Ты прав. Мы не можем. Остаётся надеяться, что наши поступки скажут то, что смогут.

Да. Поступки говорят громче, чем слова.

Голос Джикаи раздался в голове Арта тихо, словно она сидела в шаге от него.

— Ну, нам всем есть, над чем задуматься, — поднялась Анко, помотав головой, чтобы избавиться от навязчивых мыслей. — Впереди много часов ничегонеделанья. Постарайся расслабиться — ты нам нужен с кристально чистым разумом.

— Хорошо. И Анко... — чародейка остановилась, посмотрев на него через плечо. — Спасибо. Я уже не знаю, кому и чему верить... Но благодаря тебе я хотя бы верю самому себе.

— Прекрасно, — улыбнулась она. Кажется, впервые за долгое время в её улыбке не читалось безумие или издевательство. — Не теряйся, парень.

— Ага.

Началась рутина, уже хорошо знакомая как Арту, так Лорелеи с Ирис. Тренировки, поздний обед, затем ранний ужин, разговоры в полутьме, потому что устраивать костёр в таком лесу было бы крайне глупой идеей. Кто-то из легионеров готовил барбекю в земле — нафаршировав мясо в выпотрошенную печень адской гончей, в полуметровое углубление в почве запускались два или три огонька, остававшиеся прямо возле свёртка. Через полчаса в воздухе разлился приятный аромат запечённой свинины. Поужинав, небольшой отряд устроился на ночлег. Часть воинов Легиона рассредоточилась по лесу, чтобы наблюдать за движениями на стенах Крила и держать подальше случайных путников. Много кто бежал с юга на север — и далеко не всегда это были большие группы. Отдельные отряды искателей приключений, семьи на повозках, одиночки с небольшой сумкой за плечами... Такова война. Не всё в ней — кровь, но всё в ней — боль.

В палатке Арта к ночи всё провоняло отборным пойлом. Крон волновался за паренька — особенно после того, что случилось в саду на первом острове Ливиграда. Раз враг смог подобраться так близко, то не исключено, что он не мог напасть на них даже здесь, на таком отдалении от основных войск. Будь то церковь, ассасины Золотой Империи или ещё кто-то — слепой гном упёрся, отказываясь покидать Арта даже после пятой бутылки, разделённой на двоих. Старый бородач рассказывал о своём прошлом, травил анекдоты, которые парень едва понимал, матерился, когда кто-то просил его говорить потише, и то и дело хватал Арта за руку, словно боясь, что его кто-то утащит. Его — в смысле Арта, не Крона.

Ирис до сих спарринговалась с Эсмеральдой, испытывая своё воображение. Дар Бога Войны постепенно раскрывал перед девушкой невероятные возможности — ещё во время сражений с церковью Единого Бога Ирис проявила себя как серьёзный стратег и командир целой армии, ибо теперь она могла смотреть, слышать и чувствовать телами тех, кого

призвала. Снайперы, умело проникавшие за укрепленные позиции и выжидавшие момента, чтобы всадить пулю в затылок врага, полноценные саботажники, закладывавшие мины и взрывчатку, артиллерийские батареи, сметавшие даже укрепленный чарами камень, громилы, державшие в руках дробовики размером с гнома... Танки. Не Т-34, кое-как вызванный девушкой в деревне на северных пустошах, а здоровые боевые машины, стойко державшие удары аж высшей магии. Бронетранспортёры. Авиация — пока только вертолёты, но и этого было более чем достаточно. Сад одерживал победу за победой без потерь благодаря способности Ирис, с которой мог сравниться разве что дар Комодо Анко.

Навыки Лорелеи перешагнули предел семи баллов, достигнув твёрдых восьми. Так, по крайней мере, оценивал её сейчас Фолл, забежавший к Крону и Арту на огонёк. Под жаром её пламени трескались камни и плавилась зачарованные доспехи, ветра сметали целые крепости в пыль, а големы из бушующих потоков воды легко отражали направленный белый эфир. Лори постоянно практиковалась, шутки ради бомбардируя земли по дороге высшими заклятиями. На ней трепыхалась боевая роба архимага — та, в которой когда-то сражалась Мира. В руках же Лори держала выполненный из ветви Иггдрасиля посох с двумя закруглёнными концами, на навершии каждого из которых покоились алмазы. Реликвия, принадлежавшая её мастеру, теперь применялась по назначению. Должно быть, Мира знала, на что идёт, поэтому и не взяла с собой столь важные для любого мага вещи. Под руководством Кирагаса она научилась медитации, что позволило волшебнице смириться с собственным решением и принять жизнь так, как есть. Сражение с Никкодином на многое открыло ей глаза.

Маркус был рядом с чародейкой. Валет Легиона, услышав о случившемся в его отсутствие, взял на себя обязанности личного телохранителя Лорелеи. Не то чтобы кто-то был против, хоть и должности, подобной этой, не существовало официально. Эти двое провели несколько серьёзных разговоров, закончившихся слезами и объятьями. Но оставим их — надо же людям дать хоть немного личного пространства, верно?

Вслед за небольшим отрядом, отделившись от основной армии Сада, тихонько брёл путник в светло-зелёном плаще. Скай последовал своему чутью, решив понаблюдать за тем, что произойдёт с Артом и компанией. Добравшись до окрестностей Крила, древний дракон придался ностальгии — но не той, которая обычно подразумевается под этим словом. Это была ностальгия по ещё не сбывшемуся будущему. Такая странная, и в то же время — понятная ему и Фоллу. Лишь эти двое знали, что грядёт. Лишь они, жнец и ещё кто-то четвёртый. Кто это такой — до сих пор оставалось загадкой.

Впрочем, как и у Анко, у Фолла были свои догадки.

Наконец, Крон покинул палатку Арта, напоследок обняв того так, что у парня в прямом смысле треснули рёбра. Подавив боль с помощью эфира, он проводил гнома и вернулся в постель. Потушив магический светильник, устроился поудобнее, почти сразу отключаясь. Он спешил в свой сон — ибо там его ждал кое-кто, способный ответить на вопросы, роившиеся в голове Арта.

Проморгавшись, парень выдохнул, справляясь с белоснежным фоном, слегка рябившим перед глазами. Шагнул к небольшому домику, что появился в этом месте, когда их с Джей связь стала крепче. Она чувствовала себя свободнее — и теперь встречала парня на полноценной кухне, с чугунной сковородкой, газовой плитой и здоровенным холодильником. Сам домик был выполнен из голубого кирпича, а на крыше из трубы валил чёрный дым — не то чтобы внутри была печь, просто Джей нравился такой его вид.

Открыв дверь, Арт переступил порог, снимая обувь на коврик: первое правило в доме Джикай. Знакомая утончённая фигура в фартуке помешивала ароматное варево на плите, попутно читая что-то в толстенной поваренной книге. Парень легко узнал "произведение" — когда-то давно, в детстве, он листал этот справочник с рецептами, потому что это была единственная книга с картинками распорядки его семьи. Деликатно постучав по косяку, он прошёл дальше, присаживаясь за знакомый стол на знакомый пластиковый стул. Стол, правда, стал шире и длинней, а его дерево теперь выглядело куда дороже прежнего. В центре покоилась сахарница, а перед каждым сиденьем шуршала подстилка из бамбуковых палочек, скреплённых тканью. Дешёвая, но весьма приятная глазу вещь.

Стены с желтоватыми белыми обоями. Лампы, свисавшие с потолка. Гудение холодильника. Бурление супа в кастрюле. Комод у окна справа от входа, на котором что-то забыл фикус, с каждым новым сном выраставший на пару сантиметров. Тепло и покой. Дверь в спальню чуть дальше от кухни. Нависавшие рядом с плитой шкафчики, их же ручки, выпиравшие снизу, ниже столешницы.

Джей делала всё, чтобы здесь Арт чувствовал себя дома. По-настоящему.

— Я ведь ещё не готов, да? — обречённо спросил Арт, сверля взглядом затылок Джей. Шелковистые чёрные волосы, завязанные в пучок, белая кофта с закатанными рукавами, синеватый фартук, красноватые спортивные штаны, босые ноги... Арт уже знал, кого Джей ему напоминала. Знал, и не хотел себе признаваться. Эти чувства он похоронил давным-давно. Трудно быть трудным подростком, знаете ли. Но о его истории — в другой раз.

— Нет, — на миг прекратив помешивать суп, ответила она. Со временем её манера речи изменилась, став более неформальной — теперь Арт не чувствовал себя не в своей тарелке при любом разговоре с Джей. — Однако, ты услышал достаточно, чтобы задаться вопросами. Нужными вопросами. Я не могу тебе ответить, зато могу загадать загадку. Отгадаешь — и станешь на шаг ближе к тому, что так хочешь понять. К тому, что так хочешь узнать. Только потерпи, пока суп не будет готов, хорошо?

— Да, конечно... — устало протянул парень, уткнувшись в подстилку. Пересчитав бамбуковые палочки на ней, он начал пересчитывать их на соседних. — Как ты тут?

— Ты знаешь, я безумно полюбила уборку, — рассмеялась Джей, откладывая книгу в сторону. Повернувшись к Арту, наградила того лёгкой улыбкой. — Слышал когда-нибудь о драконе, который любит убираться?

— Я в принципе о драконах мало что знаю, — хмыкнул в ответ парень.

— Ну... Может, вам, людям, со стороны мы и кажемся интересными. Таинственными, страшными, великими — обзывай, сколько влезет. Для нас мы, как и для вас — вы, самые обыкновенные. И, если говорить честно, мы мало чем отличаемся. Исключая биологический и магический аспекты, мы вполне идентичны. Кто-то жаден, кто-то милостив, кто-то жесток, кто-то благороден, кто-то имеет принципы, кто-то легко переступает через любые моральные дилеммы. Мы только живём почти вечно, а так...

— У тебя суп сейчас сбежит, — кашлянул Арт, и Джей сподхватилась, выключив газ. Перелив густые щи в белые с синим рисунком хохломой тарелки, она перенесла их на стол, вручив Арту ложку. Заняв стул напротив него, Джей принялась за еду, осторожно дуя на исходивший паром суп.

Благодарно кивнув дракону, Арт тоже приступил к трапезе, стараясь не думать о том, о чём постоянно думать хотелось. Можно вытащить человека из навязчивых мыслей, но навязчивые мысли из человека может вынуть только он сам.

— Так... Что там за загадка?

— Задам тебе сперва глупый вопрос, — оставив ложку в тарелке, Джей подняла взгляд голубых глаз на Арта. — Ты хорошо отгадываешь загадки?

— Ты же и так знаешь ответ, — пожал плечами он. Но сдался, не выдержав мольбу в глазах женщины. — Ладно... Да, я вполне в себе уверен.

— Отлично! — рассмеялась Джикая, одобрительно кивнув ему. — Не волнуйся. Ответ ближе, чем ты думаешь. Итак, вот тебе загадка... — её голос стал тише, а тело застыло, прекратив любое движение. Словно Джей превратилась в куклу, которая могла только говорить. — Меня испытуют все. Тот, кто только слышал обо мне, не будет ко мне готов. Тот, кто испытал меня, никогда не забудет. Тот, кто привыкнет ко мне, изменится навсегда. Тот, кто примет меня, станет лучшей версией себя. Я могу сломать, я могу исправить уже сломанное. Я удача и неудача, бросок монеты. Я могу быть маленьким, могу быть большим. Я меняю тех, кто сталкивается со мной. Если встретить меня много раз, можно прекратить бояться встретиться со мной вновь. Если это случится... — она замолчала, делая глубокий вдох. — Я больше не буду менять того, кто столкнулся со мной слишком много раз. Я стану инструментом в его руках. Я не буду препятствием на его пути — я буду тем, во что он вкладывает всего себя. Я стану им. А он станет мной. Кто же я?

— Эм... — почесал Арт затылок. Джей ожила, вернувшись к супу. — Это не загадка, это целый пазл. Как я вообще должен догадаться?

— Придёт время, и ты поймёшь, — привычно отмахнулась она от вопроса. — Зря я, наверно... У тебя и так достаточно непонятных вещей.

— Тогда лучше я спрошу про что-нибудь другое, — выдохнул парень, грея руки о горячую керамику. — Этот океанский народ... Что мне ещё надо знать о нём?

Джикая задумалась, откинувшись на стуле и скрестив руки на груди. Очевидно, раздумывая, что стоит а что не стоит знать Арту. Сложив мысли в единую картину, она подалась вперёд, сделав из пальцев правой руки пистолетик. Тыкнув "стволом" в парня, она вздохнула, покачав головой.

— Ты ведь слышал, что именно в битве с этими исчадиями Фолл заработал своё прозвище? Продемонстрировав все сто мечей, он одержал верх. Это первое, что я тебе скажу — если хочешь получить хотя бы шанс на победу, ты должен будешь исполнить их. Я знаю, что ты едва познал азы сильнейших из сотни — но такова реальность.

Это правда. За два месяца Арт проделал титанический труд — под бдительным руководством первого героя он освоил оставшиеся несколько десятков, включая первый, меч героя. Инструкции Фолла касаясь этой техники были настолько размытыми, что даже опробовав первый меч вживую, Арт понятия не имел, как повторить его вновь, тем более на поле битвы. Проблема была в концентрации — меч героя требовал от него вложения в эфир чистых, искренних чувств. Это был не просто взмах мечом, нет. В этот удар Арт был обязан вложить то, чем он жил. То, каким он был человеком глубоко внутри. Без страха, сомнений и задних мыслей.

Как это вообще работало — вопрос к Фоллу.

— Второе, и самое важное, — Джей отодвинула тарелку, в которой осталась только капуста. — Вспомни, что я говорила о ментальной магии.

— Что она куда сильнее, чем я думаю? — припомнил Арт.

— Верно. Народ океанских вод... Использует её в сочетании с их уникальной биологической особенностью. Изменяя разум, они изменяют материю.

— И что это означает?

— Пока — ничего, — тихонько вздохнула Джикая. — Как тебе суп?

— Как будто мне снова тринадцать, — хмыкнул парень. — Спасибо. Это одни из самых тёплых воспоминаний.

— Я знаю, — кивнула она. — Арт... Ещё один совет.

— Да?

Он уже поднялся, задвинув за собой стул.

— Не бойся. Не сомневайся. Поднимай меня без сомнений и сожалений — и я обещаю тебе победу.

— Пиррову? — выдохнул Арт.

— Ты растёшь над собой, — протянула она. — До встречи, Арт.

Белое пространство замигало, и парень погрузился в остатки сна без сновидений. На него снова вывалилась тонна сведений, существование которых он не мог даже предположить. Общая тайна, объединившая заклятых врагов. Тайнственный враг, не похожий ни на какую другую угрозу. Гипотезы Анко, которые подтвердил Фолл. Ореол сомнений, окруживший первого героя, становился всё темней и темней. Кто он на самом деле такой? Чего добивается? Почему все вокруг знают в несколько раз больше, чем Арт? Почему держат его в неведении? Какой в этом смысл? Времени всё меньше, а вопросов всё больше. Арт становится сильнее, как и сказала Джей, растёт над собой. Все вокруг следуют тому же пути.

Арт впервые столкнулся с тем, что он боялся смотреть в будущее. Боялся предположить, что ждало его там, впереди. Всё это время он шёл с гордо поднятой головой — он знал, ради чего поднимает свой меч. Но чем глубже он погружался во всю эту историю: Сад, герои, Бог, катастрофа... Тем больше всё переплеталось, смешивалось и изменялось до неузнаваемости.

Чтобы жить в гармонии, нужно хотя бы научиться отличать правильное от неправильного.

Какая еда годится для употребления, а какая, скорей всего, вызовет пищевое отравление.

Как выглядит, как пахнет и как чувствуется чистая и грязная вода.

Какие поступки вызывают какие чувства.

Какие мысли приемлемы, а какие нет.

Чем дальше мы от животных, от инстинктов, тем сложнее становится добраться до этой гармонии. Потому что мы, люди, вечно любим всё усложнять. Но кто сказал, что это неправильно?

— Тревога!

— Подъём, подъём!

— Вставайте, мать вашу!

Арт очнулся под крики легионеров, смешавшиеся с отборным матом Крона и не менее громкими возгласами Эсмеральды. Застегнув броню, парень покинул палатку, выбираясь наружу, в темноту. Вернее, не совсем во тьму — туда-сюда бегали воины в чёрных одеждах и с факелами в руках, зазывая всех прочь из лагеря. Человек тридцать сгрудилось в паре десятков метров севернее, возле леса. Арт, мимолётно посмотрев на небеса, не увидел там ни одной звезды. Только огромный диск луны сиял, но почему-то не отбрасывал света. Сбросив накативший озноб, парень закрепил клинок на поясе, двинувшись к уже собравшимся членам их отряда.

По пути он пересёкся с Ирис и Лори, кажется, тоже только что вынырнувших из сна.

Посохи чародеек покоились на спине их роб, а их лица выражали полное непонимание происходящего. Прямой угрозы не было ни слышно, ни видно. Внимательно взглядевшись в лица, освещённые рыжими огнями, Арт не заметил среди них Йорана и Неры. Надрывающийся голос Эсмеральды ещё звучал некоторое время, а затем воительница покинула палатки, присоединившись к остальным. В её взгляде отчётливо читалась паника.

Легионеры шумели, переговариваясь. Отряд Арта, включая Кирагаса, молчал, столпившись вместе.

— Ледышка... — опустив голову, прошептала Эсмеральда. — Ледышка, ты тоже..?

— А ну заткнись все нахуй! — заорал Крон, запрыгнувший на какую-то табуретку, чтобы все его видели. — Слушаем внимательно! Эсси, будь добра, утри мочу с глаз, и объясни уже, что за херня у нас тут творится!

— Я... — это чувство. То непонятное, неосознанное чувство, которое Арт испытал, когда глядел на волны, омывавшие побережье. Теперь это чувство усиливалось от одного взгляда на воительницу, на мгновение потерявшую дар речи. — Сад, я... Официально объявляю нас первым рубежом.

— Роди меня обратно, матушка... — одними губами произнёс Крон, а его лицо стремительно потеряло весь цвет, став бледным, как полотно. — Мы все... Сука, нет! — он повысил голос, привлекая внимание. — Народ глубин вернулся! Эти твари снова хотят наш мир! Опять! Если мы хотим их остановить, будьте готовы положить свои жизни на алтарь!

— Блять... — выругалась Ирис, сплёвывая. Интуиция верещала весь вечер — а она-то всё думала, почему.

— Объясните всё по порядку, — вышла вперёд, к Крону и Эсмеральде, Анко. В одной тонкой кофте и джинсах, без пальто и даже без перчаток. Из всех, кто встал возле лагеря, она была самой спокойной. Разумеется, Анко была готова и к такому исходу. Поправив очки, чародейка продолжила. — Дозор заметил, что вода у побережья засветилась синим и красным. Йоран и Нера отправились первыми. Наша задача — ворваться и задержать тварей, пока дозор не предупредит Крил. Всем всё ясно?

Легионеры замолчали, переваривая услышанное. Затем, как по команде, все тридцать с лишним человек рывкнули дружное "Да!". Анко удовлетворённо кивнула, покидая "сцену". Лорелеи то бледнела, то зеленела — спросонья такие вести расшатали даже её психику. Кирагас ругался на чистом эльфийском, а его острые уши оттопырились, словно антенны. Арт решил окончательно перестать удивляться — ему дали достаточно подсказок, чтобы догадаться о том, что грядёт. И всё равно... Ему было страшно. Как и всем здесь. Они не побоялись бы выйти против Сангвина один на один — чёрт, да даже без рук или ног они бы бесстрашно пошли в бой, но это... Все слышали легенды о том, сколь пугающими были схватки с народом глубин. Все слышали песни, якобы напоминавшие мелодиями песни этих существ.

Видимо, сегодня легенды воплощаются в жизнь.

Снова.

Выстроившись в три колонны, ударная экспедиция Сада начала движение. Отдельно шёл отряд Арта: Ирис, Лори, Кирагас и Эсмеральда. Легионеров возглавлял Крон, на расстоянии держалась и Анко. Они шли сквозь лес, напрямик, пересекли главную дорогу, пробрались мимо перекрёстка, не переставая наблюдать за горизонтом. Да, воды действительно загорелись. Лунный свет был сконцентрирован на них — на бивших о берег, казавшийся пустым, волнах. В них плескались огоньки — россыпь алых, ярко-синих и белых

покрывала весь видимый отрезок канала, проходивший сквозь скалы. Непонятно чувство Арта усиливалось, и наконец переросло в нечто хоть сколько-то понятное — это была жажда.

Неутолимая жажда сражения. Что-то в нём рвалось наружу, умоляя дать возможность разрубить, истязать, крушить, рвать, убивать и разрушать. Это было чувство человека, но не того, каким был Арт. Он бы никогда не позволил себе настолько потерять голову — а именно этого и требовала жажда крови. Откуда она вообще взялась? Нет, глупо было бы думать сейчас об этом. Арт обнимал рукоять клинка, ощущая, как перетекает эфир из его тела в живую сталь. Джей впервые была такой тёплой — почти горячей, словно она тоже хотела поскорей вступить в бой. Она, очевидно, многого не рассказала, стоило поднять вопрос об океанском народе.

Что ж, сейчас уже слишком поздно.

Белая дуга рассекала россыпь огней, разрезая вместе с волнами и существ, медленно поднимавшихся из глубин. Приблизившись к побережью, отряд Сада запустил светлячки, освещая округу. Чёрное кимоно Йорана было порвано в несколько местах, левую руку облепило чьё-то тёмно-фиолетовое щупальце, кажется, переломавшее конечность в локтевом суставе. Лидер Легиона держал катану правой рукой, находясь по-прежнему в боевой стойке. Но важным было не это — песок вокруг него был усеян трупами существ, которых видели ребята. Лепестки их цветков опали, сами "тела" были изрезаны, часть — обуглены. Их было так много, что Арту сперва показалось, что они просто перепутали мёртвую плоть с потемневшим гравием.

— Сад! — громом среди ясного неба раздался возглас Крона. — Сегодня отличный день!

— ОТЛИЧНЫЙ ДЕНЬ, ЧТОБЫ УМЕРЕТЬ! — оглушительно ответили ему легионер Арт даже позавидовал бойцам — они полностью избавились от оцепенения и ужаса, охвативших их ранее в лагере.

— В БОЙ!

Океан вторил боевому кличу, с очередным приливом оставляя на берегу чудовищ низкого роста, напоминавших скелет крупной собаки, обросший моллюсками и щупальцами. Вытянутая пасть с зубами и челюстью, оставлявшими впечатление капкана. Белый — цвет костей, синий — цвет пульсирующих прожилок, алый — блеск в пустых глазницах. Авангард.

Они ринулись вперёд бесшумно и быстро по песку, практически в секунду достигая рассредоточившихся воинов Легиона. Арт обнажил клинок, в одно движение разрубая надвое первую тварь, бросившуюся на него. Меч покрылся тёмно-красным, словно поддерживая действие парня. Ирис бросилась к Йорану; её путь очищала под мотор циркулярной пилы Эсмеральда, с каждым ударом воинственно выкрикивая что-то на своём языке. Не было времени наблюдать — Арт побежал вместе с остальными, полностью погружаясь в начавшийся бой. Правда, наблюдать следовало бы.

Потому что по песку, прямо из океанских вод, поползла серая сеть, охватывавшая с каждой секундой всё больше и больше площади. Она выстреливала собой вперёд, чтобы распространяться дальше. Под брызги крови, сливавшиеся воедино боевые кличи, мат Крона, свист стрел Кирагаса и стук собственного сердца Арт погружался всё дальше в бесконечную массу существ, вскоре пополнившихся уже знакомыми цветкообразными существами. Их шипы в лоне были отравлены — если бы не Фолл, вовремя закричавший в ухо Арту, тот бы и

не заметил, что тело постепенно переставало его слушаться. Через минуту к общей какофонии прибавился грохот выстрелов — оглянувшись, Арт увидел, как на побережье резко стало многолюдно.

Сто, двести, триста... Нет, каждый обозримый клочок пространства был наполнен стрелками в закрытых бронированных костюмах. Пули, которые рвали плоть вторженцев, были наполнены жёлтым эфиром — они летели быстрее, а при попадании пропускали по телам мутантов огромное напряжение, буквально поджаривая их заживо в считанные секунды. По тёмным водам, вскоре бурлившим от количества поднимавшихся из них существ, ударили залпы тяжёлой артиллерии, поднимая в воздух тонны солёной воды, а вместе с ней — обрубки тел с синей кровью, сочившейся из их ран.

К Арту присоединились пикинёры, как их называла Ирис — высокие солдаты хрупкого, на первый взгляд, телосложения. В руках они держали копья с однозарядным гранатомётом под лезвием. Сперва несколько десятков таких бойцов бежали вперёд, насаживая на свои орудия сразу несколько разных тварей. Следом звучали взрывы — и ещё пара сотен разлеталась, орошая песок и тела сражавшихся синей жидкостью.

Народ глубин. Их было так много — уже через несколько минут ожесточённой борьбы Арт обнаружил себя на полметра выше, чем должен был. Они ходили по трупам, но поток новых врагов и не думал кончаться. Более того, они стали агрессивней — серая сетка, распространившись на весь берег, замедляла тех, кто стоял на ней, оплетая ноги и бросаясь серым веществом прямо в лицо, а также как-то влияла на мутантов. Они становились умнее — уклонялись от атак, сбивались в группы, чтобы взять кого-то числом, заходили во фланг, чтобы выцепить хоть кого-то из солдат Ирис. Она билась далеко справа от Арта, спина к спине с Йораном. Эсмеральда кружилась в одиночестве у самой воды, вспарывая тела народа глубин, полностью игнорируя их хитин, по крепости напоминавший отборную сталь.

Через десять минут из воды вынырнули новые чудовища — высокие, облачённые в синий хитиновый панцирь, чем-то походивший на железную деву из средневековых пыточных орудий. Их вытянутые золотые головы напоминали птичьи, а заострёнными клювами они протыкали тех, кто рискнул встать у них на пути. Взвод пикинёров атаковал их первым, разрядив гранатомёты. Как только дым развеялся, эти существа ринулись вперёд. Без единого следа ранений. Одной только грубой силой они смели солдат, переключившись на тех, кто стоял дальше всех. Находясь на серой сетке, они двигались так, что глаза Арта едва поспевали за ними.

Тыл серьёзно пострадал, прежде чем Ирис заметила проблему и решила её, ударив по своим же войскам скоординированным артиллерийским залпом, от которого у Арта заложило уши. Но даже так — его не переставало бросать в дрожь от сюрреализма происходящего. Все "живые" сражались громко — крики, вопли, стоны, звон стали, грохот выстрелов и взрывов, скороговорки заклинаний, шелест стрел, яркие огни и спонтанные, едва-едва упорядоченные движения.

Но они — о, они двигались слаженно. Не как единый организм, а как единая армия. "Собаки" вгрызались в щитовиков, выставленных Ирис для защиты стрелков, выцепляя солдат одного за другим, чтобы "цветки" распотрошили их своими шипами. В то время как златоглавые твари действовали одновременно как ударная сила и ассасины, проникая в любые дыры в обороне и устраняя всех, кто подобрался слишком близко к воде. Несмотря на то, что их регулярно зачищала артиллерия, новые и новые особи покидали океан, чтобы тут же присоединиться к схватке.

И самое главное — они двигались и убивали в абсолютной тишине.

Бесконечные. Неостановимые. Единые.

Хаос? Бред.

Они были чудовищами, способными подчинять себе миры.

Тела были уже просто повсюду, куда бы кто не кинул взгляд. Арт перестал пробиваться вперёд, оставаясь на месте, перед щитовиками. Пикинёры периодически перепрыгивали их благодаря своему росту, что давало парню место для манёвра. Улучив один такой момент, он резанул воздух, используя тридцать восьмой меч — меч горных ветров. Вспыхнувшая ярким зелёным светом дуга разрежала мутантов, стоявших ближе всего, и пошла дальше, прямо сквозь воду. Арт побежал, перепрыгивая через трупы своих и чужих. Достигнув Эсмеральды, присоединился к ней, защищая продолжавшую призыв сестру. Диск циркулярной пилы разрезал кости, хитин и плоть, а меч в руках Арта кромсал тварей, не позволяя даже приблизиться к Йорану и Ирис.

Места было мало, чтобы использовать весь потенциал Бога Войны. Ирис сделала всё, что могла — её войска оцепили всё побережье, организовав несколько рубежей. Позади всех стояла артиллерия, бывшая бесперебойно, чуть ближе — пять рядов стрелков, далее был пустой слой, занятый несколькими танками и двумя шеренгами воинов с щитами. Перед ними и сражались остальные, включая оставшихся бойцов Легиона и пикинёров призывательницы. Проблема была очевидна — прошло около получаса, но враг и не думал заканчиваться. У Сада ещё были козыри в рукаве, но хватит ли их, чтобы одолеть существ, неподдающихся привычной логике?

Что разумные, что неразумные, у всех она есть. Инстинкт или разум, сердце или голова — всё есть суть последовательных мыслей, фактов, цепочек из них же и выводов из них же. Но это... Они ещё не показали свою полную мощь, но уже заставили Сад прилично вспотеть. Йоран чувствовал себя хуже всех — он едва стоял на ногах, видимо, яд проник достаточно глубоко, чтобы одолеть мастера-мечника. Эфир в теле Ирис не был бесконечным.

А вот враг, судя по всему, был.

Как долго им нужно было выдержать нападение раньше? Неделя безостановочных боёв?

С рокотом осветили живые тёмные воды вертолёты, спустившиеся с горных вершин. Ирис подготовила их заранее, для штурма Крила, но поняла, что без дополнительной огневой мощи им долго не продержаться. Почему? Что ж, твари снова выкатили обновление в свою армию. Теперь из океана поднялись огромные монолиты, живые кристаллы на шести коротких крабьих лапах. В их центре находился камень, излучавший голубоватый свет — и каждый, кто хоть как-то задевал основное тело этих танков, испытывал эффект, схожий с ядом на острие шипов "цветков". Даже солдаты, до этого никак не показывавшие следом отравления, падали один за другим. За секунду замолкла артиллерия, которую заряжали воины Ирис, слегли, дёргаясь в спазмах, несколько сотен её стрелков. Даже Эсмеральда остановилась, не доведя раскрутившийся диск до коралловой плоти мутанта.

Танки и вертолёты Ирис не требовали живой силы, чтобы действовать, поэтому на них "правила" монолитных чудовищ не распространялись. Кажется, это и была та ментальная магия, которую упоминала Джей. Заставить то, что не живое по умолчанию, чувствовать себя таким, да ещё и убивать, по сути, себя же... Сумасшедшая мощь. Как только это вообще возможно? Големы ничего не чувствуют, и их нельзя просто заставить ощутить эффект яда, как простых воинов. Изменение разума, а с ним — изменение материи...

Поистине ужасающие существа.

— Не атакуйте монолиты! Бейте всех, кроме них! — закричала Эсмеральда, вдруж погружая своё орудие в одного из них. — Оставьте их на меня!

Точно, кровь драконорождённых. Видимо, она даровала лидерам Сада нечто вроде иммунитета даже к такой невероятной силе.

— Я отключаю артиллерию! — вторила ей Ирис. Отозвав батареи, она восполнила ряды солдат, павших от здоровяков, и призвала ещё несколько вертолётов, расстреливавших существ из спаренных пулемётов Гатлинга. Их скопилось у вод уже столько, что взгляд не мог увидеть, как выползают из океана новые. Монолиты, раскорёженные Эсмеральдой и огнём Ирис, рухнули там же, где стояли.

Новые уже медленно ползли по телам мёртвых сородичей.

— Наставник! — срезав голову одному из златоглавых, обратился Арт к Эсмеральде. — У них должен быть лидер! Какой-то... Босс!

— К ним неприменима логика, привычная нам! — ответила ему воительница, вгрызаясь в центр кристалла монолита. — Вернее... У них есть их первый! Первый океанорождённый!

— И где он?! — выставив меч, в который впиалась вместо лица "собака", продолжил парень.

— С текущими силами нам его не одолеть, — выдохнула Эсмеральда, подходя поближе к нему. С вертолётов сорвались ракеты, даруя им буквально тридцатисекундную паузу. Рухнув спина к спине, они перевели дыхание. — Его убил Фолл. Прогнал... Он его прогнал У этой... Хренотени... Три формы. Она эволюционирует прямо на поле боя. Одолеешь первую — она адаптируется, чтобы убить тебя. Одолеешь вторую, происходит дальнейшая... А-а... Адаптация. Фолл едва не погиб, сражаясь с третьей формой... Но это был самый конец. Даже не думай, что мы увидим его сегодня.

Тела по ту сторону огромной кучи зашевелились, бултыхаясь в солёные чёрные воды.

— Вставай, Арт. Я попридержу их... — она перехватила свой посох в обе руки, словно и впрямь собралась использовать пилу по назначению. — А ты проверь, как там ледышка. И спроси, где, чёрт возьми, Нера!

— Понял, — кивнул ей Арт, поднимаясь и убегая вперёд, где сидели, также переводя дух, Ирис с Йораном.

От чёрного кимоно остались лишь штаны, а всё остальное тело мужчины было покрыто ранами, из которых сочилась синеватая жидкость. Кровь... Была похожа на кровь народа глубин. Ирис досталось куда меньше — её, очевидно, защищали изо всех сил. Вместе с Нерой куда-то пропала и Анко, до этого поддерживавшая оборону в местах, где её вот-вот грозили прорвать. Арт попробовал ощупать пространство через эфир, но ахнул, едва не выплюнув с кровью остатки сил: в воздухе витало столько свободной энергии, что у среднестатистического мага бы голова взорвалась от переизбытка. Буквально, не фигурально. Выдохнув, он обратился к Йорану:

— Наставник... Эсмеральда спрашивает, как вы держитесь...

— Паршиво... — хрипло рассмеялся Йоран, полностью покрытый синим и синеватым. Его катана, сломанная на три части, лежала у его ног. Но тем не менее, мужчина стоял, даже и не думая падать. Выдохнув, он повернул голову к Ирис. — Спасибо, ученица. Продержись ещё немного... Они скоро вернуться.

— Анко и Нера? — догадался Арт.

Йоран улыбнулся.

— Бинго.

Что Арт, что Ирис слегка шокированно посмотрели на обычно абсолютно спокойного убийцу. А тот, сплюнув, сделал глубокий вдох, сжимая и разжимая кулаки. Затем выдохнул, хрустнув шейей направо, налево. Двинул головой вперёд и вверх, указывая Арту на необходимость возвращаться к разрубавшей тварей Эсмеральде. Волны, потоки, что, казалось, успокоились, встрепенулись, исторгая новых существ. Теперь алый был не только в их глазах — он отображался на их увеличившихся телах.

Челюсти собакоподобных тварей стали длиннее, зубы — острее, монолиты выросли, а их ноги удлинились, позволяя перепрыгивать с места на место, мешая прицельной стрельбе по братьям поменьше. Птицеголовые полностью окрасились в красный, бросаясь вперёд в копьеобразной формации. Щитовики подлетели на пару метров, чтобы уже в воздухе быть насаженными на ставшие до неадекватного длинными клювы. Пикинёры оттеснили их, но эта группа была не единственной. Отряды выходили один за другим — и часть из них направилась прямо к Ирис. Им потребовалось меньше часа, чтобы понять, кто из всех живых здесь угрожает им больше всех.

Арт взял клинок в обе руки, вставая рядом с рычавшей Эсмеральдой. Он устал — бесконечная мясорубка заставила попотеть даже тренированное тело. А Йоран бился с ними в одиночку!

Так, пока остальные принимали вторую волну, потоки океана исторгнули ещё одних тварей. Их ребята уже видели — мутировавшие "цветки", вытянутые, с огромным, пробившим основание бутона шипом. В реальности они вызывали ещё больший трепет, чем на рисунке Неры. Ирис переключила главные орудия танков на новый тип противника, в то время как Йоран, глядя куда-то в небеса, вдруг продолжил смеяться.

— Наставник? — обрушивая на рвущих пикинёров "собак" дождь из магмы, окликнула его Ирис.

— Они возвращаются, — отсмеявшись, выдохнул Йоран. — Знаешь, почему их так долго не было?

— Не время для глупых вопросов, на которые вы всё равно дадите ответ! — повысила голос девушка, отводя один из вертолётов от выросших цветков, чьи шипы теперь ещё и выстреливали из лона, как стрелы. Часть всё-таки задела вертушки, и две из них, грохоча лопастями, рухнули в образовавшие горы мертвечины.

— В горах, — лидер Легиона указал на гору, что возвышалась на канале справа. — Мы похоронили наше оружие. То, что выковал для нас Ди. Подумали, что если эти твари вернуться, то это будет на этом же месте.

— Наставник! — раздался голос Арта откуда-то слева впереди.

Эсмеральда в очередной раз вгрызлась диском в монолит, что пёр на неё, как настоящий танк. Издав короткий крик, воительница выпустила пилу из рук, падая на спину. На её лице вспухли синие вены, на глазах пускавшие дополнительные отростки по направлению к её мозгу. Арт опустился рядом с ней под барражем из автоматного огня и бросившихся в самоубийственную атаку пикинёров. Фиолетовое в глазах наставницы было наполнено бирюзовыми прожилками. Стоило ей протянуть руку, чтобы коснуться парня, как он вздрогнул, увидев, что те самые вены покрывали всё её тело.

— Яд... Действовал на тебя... — потеряв где-то любые формальности, прошептал Арт. Эсмеральда улыбнулась через силу, сжимая его ладонь в своей. — Ирис! Мед...

Воительница притянула его к себе, оставив на губах один влажный поцелуй.

Крик потонул в грохоте выстрелов, взрывов, чавканья плоти и шумных волн, смывавших тела в свою бездну. В лунном свете, блеснув откуда-то издали, сквозь пространство пролетел треугольный предмет, запущенный, судя по всему, прямо с горы. Арт держал руку наставницы, а предмет, преодолев остатки дистанции до поля боя, вот-вот должен был ударить парня прямо в висок.

Чья-то ладонь вдруг схватила его, тут же прижимая к себе. Арт потерял возможность говорить — только что переставшая подавать признаки жизни Эсмеральда двинулась, водрузив себе на голову... Белоснежную капитанскую треуголку. Стальное украшение, что было слева на ней — вот, что блеснуло в полёте. Парень выпустил руку наставницы, падая на задницу, словно увидев призрака. Воительница выдохнула, закрыв глаза, а вместе с воздухом её лицо покинули любые признаки отравления. Она поднялась, хоть и не без труда. Русые волосы стали длиннее, побелев, а в глазах, стоило ей их открыть, плескался глубокий алый цвет. Эсмеральда шагнула вперёд, вынимая своё оружие из тела погибшего монолита. Выпрямилась, крутанув посох... И срезая прыгнувшую со спины, из-под трупов, "собаку". Так плавно, нежно и элегантно. Движение не война, но танцора.

Отыскав застывшего в непонимании Арта, она поклонилась ему, делая приличный девичий реверанс.

— Побереги свои силы, Арт, — протянула она, двинувшись вперёд, к волне чудовищ, которую более не останавливал ни бесперебойный огонь стрелков, ни фугасные снаряды танков, ни ракеты с паривших в небе вертолётчиков.

— Наставник... — выдавил из себя парень.

Она шла к надвигавшемуся бурному потоку. Без страха, без сомнений, словно человек, внезапно получивший озарение. Диск, до этого крутившийся с тихим гулом, внезапно взревел, как дикий зверь, посылая ворох искр вслед за шагами воительницы. Рядом с ней, будто ожидая этого момента, опустилась прямо с небес, закрытых непроглядной тьмой, ещё одна личность. С длинными белоснежными волосами, знакомыми острыми ушами и в чёрном костюме с широким остроугольным воротником. Алые глаза блеснули, ослепляя Арта на миг, а когда он вновь обрёл зрение, Нера уже взмахнула копьём, что держала в руке.

Волна, что неслась на них, встретила с белым штормом, ударившим во все стороны одновременно. Потоки ветра разметали океанорождённых во все стороны, но не остановили их натиск. Воронки, что создал удар в месте попадания, утягивали в себя мутантов, разрывая их на части. Они были похожи на порталы — только вместо спокойной поверхности они предстали бушующими белоснежными дырами, от одного давления которых становилось нехорошо. Свет, подобный прибою, плескался в них, и именно он терзал тварей, что замерли, увидев двух лидеров Сада.

Арт уже на самом деле оцепенел. Фигуры, которые он знал достаточно хорошо, стояли перед ним в совершенно другом облике. И сила, что исходила от них, превышала всё, что он видел ранее. Это было нечто на уровне с Фоллом. Хорошо, хорошо — около того. Но их было двое!

Наконец, последней рядом с ними встала Анко. Уже в пальто, но в полностью чёрном, настолько, что оно буквально поглощало ближайший свет. Её внешность никак не изменилась, но Монарх Ночи, очевидно, привёл свою армию. Тень, падавшая за спиной чародейки, удлинилась, пряча в себе Арта, Ирис, Йорана и всех-всех-всех остальных. Дышать стало легче, а весь страх, паника и шок отступили, словно их никогда и не было. Обернувшись, Анко хитро подмигнула парню. Затем, вытянув руку вперёд, протянула громко

и чётко:

— **Восстаньте.**

Из её тени поднялись другие — поначалу бесформенные, спустя миг — уже напоминавшие гуманоидов, а следом — уже полностью восстановленные в своём первоначальном облике. Имперская броня с алой символикой, воины Легиона, фанатики церкви в серых робах, коричневые доспехи боевых рыцарских корпусов Дорана, химеры, походившие на по-настоящему поднятых из мёртвых существ, лица знакомые, лица, что Арт видел впервые... Сжимавшие оружие, что использовали при жизни. Маги — с полыхавшими разноцветными огнями посохами, рейнджеры — с арбалетами и луками, воины — палицы, клинки, дубины, молоты и копья. Если армия Ирис была способна лишь на оборону, то эти заблудшие души, покоившиеся в тени Анко, дали ребятам слабую надежду на то, что они...

Могут перейти в наступление.

Одна из теней вдруг двинулась, втыкая огромный полторный меч в песок перед Артом. Его облик больше напоминал трезубец — гарда, чуть отступив от рукояти, вытягивалась, подобно коротким зубьям, параллельно лезвию. Тёмный металл, который парень не узнал, блестел даже в абсолютной черноте тени Анко. Одна мысль вспыхнула в его голове, как только он увидел это оружие перед собой. "Я должен взять его".

— Присоединишься, Арт? — приветственно скрежетнула диском циркулярной пилы Эсмеральда.

Не зная, что ещё делать, парень подался вперёд, обняв ладонью рукоять. Ребристую, словно резина.

— Повторяй за мной, — опустился рядом, но по другую сторону клинка, Фолл. Как и Арт, он держал рукоять, но чуть выше, словно готовясь к чему-то большому. — Пробудись, бездна.

— Пробудись, бездна... — протянул Арт, словно замороженный.

— Пробудись, душа охотника...

— Пробудись, душа охотника.

— Очнись, меч Глубин!

— Очнись, меч Глубин!

— Пробудись!

— Пробудись!

Арт вытянул клинок, до этого казавшийся ему неподъёмным — столь тяжёлым он был, сколько бы эфира парень не влил. А стоило ему взять оружие в руки, как пазы на плоскости лезвия щёлкнули, открывая скрытую впадину, в которую идеально помещался...

Второй меч, что он до сих пор инстинктивно сжимал в другой руке.

Вложи меня в меч Глубин. Вложи, Арт. Вложи, если хочешь победить!

Стиснув зубы, парень в одно движение выполнил то, что от него хотел этот мир. Выполнил — и отключился, полностью потеряв связь с реальностью. Следующие события произошли без Арта в привычном понимании этого слова. Туше!

Что до поля битвы... Очевидно, далеко не все действующие лица вышли на сцену.

Но знаете, как говорят — самое лучшее принято оставлять напоследок!

Глава пятнадцатая. Последняя баллада бездны

Мы рождаемся.

Живём.

И умираем.

От точки А в точку Б — у кого-то интересней, у кого-то спокойней, но свой путь будет пройден каждым из нас. Через падения, трудности, вопросы, удачи с неудачами, любовь, дружбу, риск, печаль и счастье... Мы добираемся до конечной. Есть ли в этом смысл? Как говорят хорошие философы, зависит от контекста. Стоит считать, что смысл у каждого свой. Пожить так, чтобы умереть с улыбкой? Пожить ради кого-то? Пожить на плаву, никуда толком не двигаясь? Миллиарды вариантов. И это только мы — люди, как индивиды. У человечества тоже есть своя точка А и точка Б. С чего мы начали и чем закончим? К чему будем стремиться, чего постигнем? За много лет мы не можем придти к единогласному решению.

А вот существа, зародившиеся глубоко в недрах океана, решили полностью отказаться от достижения финальной остановки. Они добрались до золотого века цивилизации — времени, когда в их рядах настала абсолютная гармония. За много лет они расползлись по океанскому дну, поглощая квадратный километр за квадратным километром. Наконец, они поставили себе цель. Единственно возможную, учитывая их... Особенности.

Ассимилировать.

— Они схватили Йорана!

— А-А-А!!!

— Не прекращать огонь! Повторяю, не прекращать огонь!

— Рука... Моя рука...

— Гвардия Сангвина... Они возвращаются...

Поглощать.

— Анко, поднимайся! Арт уже...

— Где, чёрт возьми, остальные вертушки?!

— Разойдись, земная твердь! Вулкан!

— Отнесите парализованных назад! Быстрее!

Слиться с живыми существами воедино.

— Ещё монолиты! Ирис, мне нужен второй залп на левом фланге!

— Отступаем к стенам Крила! Их слишком много!

— Кровь... Так много... Крови...

— Жрите, мутанты!

— Эсмеральда, я прикрою! Призрачный батальон — гренадёры!

Вечная. Эволюция. Развитие. Совершенствование. Улучшение. Распространение.

— Это что ещё за хер... Кто-нибудь, подлечите Ирис! Яд распространяется!

— Стрелки! Сука, нужны ещё бойцы на правом фланге! Нас тут разносят!

— Анко? Анко!

— Это Йоран... Господи... Они обратили его...

— Чёрные рыцари прорывают центр! Остановите их!

Воины, собравшиеся у западных стен Крила, сражались до последнего. Впрочем, живых среди них было мало — основные силы сейчас составляли призванные солдаты Ирис и тени

Анко, не знавшие боли и страха. Личная гвардия Сангвина — сотня чёрных рыцарей с алыми символами на груди и шлемах — пала за несколько минут, стоило ей ворваться в мясорубку. Большинство погибло из-за яда, поэтому через некоторое время их опутала серая сеть, покрывавшая уже всё поле боя. Рыцари встали, продолжая держать в руках оружие. Встали и атаковали бывших союзников с удвоенной яростью. Если бы не многочисленные тени и солдаты, они бы уже прорвались в Крил.

Был послан сигнал бедствия через эфирные маяки, соединявшие всю Золотую Империю. Одним таким воспользовался когда-то Фолл, вытаскивая Арта с Ирис из деревни в далёких северных землях. Резня длилась уже несколько часов, но всё ещё не думала заканчиваться. Порубленные тела монстров закрывали горизонт, а по ним уже двигались следующие. Ключевые фигуры — Арт, Эсмеральда и Нера — разделились на три направления, чтобы сдержать наступление народа бездны. Мерцавшие то и дело в гуще чёрно-красно-синих туш белоснежные волосы вселяли надежду на то, что ничто ещё не кончено.

Но даже эти трое начинали уставать. Пускай враг умирал легко, но он пёр без остановки. Небо всё ещё было тёмным с единственным бледным диском луны, освещавшим теперь окрестности Крила. Никаких звёзд, никакого следа начала рассвета. Сколько они уже сражались? Два часа? Четыре? Достаточно, чтобы не видеть перед собой ничего, кроме очередной волны, состоявшей из перемешавшихся друг с другом типов мутантов. В воздухе стоял отвратительный запах жаренной плоти, крови и смерти. Смерть может пахнуть — особенно в том случае, когда её вокруг столь много. Свистела сталь, грохотали выстрелы, гремели взрывы и громко читались заклинания, сметавшие наступающих, будто прилив, тварей.

Они всё ещё не кончались.

Так, где-то впереди от центра сражения, за горой трупов, скрывавших их, встретились двое.

— Кто ты? — задало вопрос существо голосом Йорана. Повязка слетела, обнажая открытый глаз, покрытый расползшейся по лицу серой плёнкой. Остатки чёрного кимоно болтались в лунном свете на ветру, то и дело хлопая тело по бедру.

— Тот, кто убьёт тебя.

— Ты пробудил меч Глубин, — безэмоционально, почти не двигая челюстью, произнесло существо. — Как? Его прошлый владелец мёртв.

— Он очень вовремя передал контроль.

— Серый... Эфир. Интересно.

— Так мы будем сражаться или как?

— Ты не должен существовать в этом мире, — поднял руку Йоран, распрямляя пятерню. — Ты пришелец. Ты изменяешь то, что должно быть неизменно.

— Могу сказать всё то же самое и про тебя.

Усмешка, не похожая на улыбку Арта.

— Мы поглотим этот мир. Мы станем едины. Мы...

— Завались.

Взмах огромного клинка. Рывок в сторону. Плевок на сырую землю.

— Наступит ваш золотой век. Мы одолеем жнеца. Вместе.

— Пусть уж Крэйн сожжёт катастрофа, чем на нём будут обитать такие выродки, как вы.

— Бездна... Поглотит всё.

Гудение жидкого эфира, принявшего форму лезвия. Короткий взмах, чтобы привыкнуть к оружию.

— Лучше бы ты просто принял свой обычный облик тушканчика. Теперь я очень зол.

— Это тело — идеальный сосуд для нас.

На этом все разговоры были окончены. Дальше за воинов отвечали их клинки — и надо признать, это было сражение высочайшего уровня. Никто и никогда более не сможет увидеть брызги синего эфира от столкновения с неизвестным чёрным металлом, движения тел, сливавшиеся в танец, и лунный свет, освещавший их лица. Это был бой, который может случиться лишь однажды. Для стороннего наблюдателя он выглядел чистым безумием: пускай огромный меч, порхавший, как бабочка, в руках Арта, и вызывал удивление, ещё страшней был его оппонент, использовавший вместо стали чистую энергию. Существо, что однозначно не было человеком, поддерживало темп, заданный парнем, с самого начала схватки погружаясь в бесконечный круговорот парирований, уклонений, взмахов и рассечений.

Одно можно было сказать точно — так двигаться Арт не умел. У него было тело мастера клинка, но он всё ещё не умел пользоваться им так, как показывал сейчас. Контролировать сокращение мускулов, оценивать намерения врага по одним только шагам, парировать удары, летевшие со скоростью звука... Фолл бы справился. За его плечами был огромный опыт походов в Крэйне, множество выигранных дуэлей и собственные техники, в которых он достиг абсолютного мастерства. Так почему же парень бился на одном уровне с тварью, превосходившей его по всем параметрам?

Сотый меч. Меч Бога.

Левая сторона лица Йорана треснула, вываливая синее и серое содержимое черепной коробки наружу. Существо, поглотившее лидера Легиона, никак на повреждение не отреагировало.

Девяносто девятый меч. Меч света.

Белый луч разрезал мутанта надвое, а следующий удар пригвоздил его к земле. Парень выпустил клинок, опускаясь рядом с чудовищем. Ударом кулака размозжил его лицо, достигнув почвы за черепной коробкой. Вынув руку, всадил следующий удар в грудь, добираясь до посеревшего и распухшего сердца. Вынув то, сжал, разбрызгивая во все стороны густую синюю кровь. Сплюнув, обхватил рукоять, вынимая лезвие из живота. "Йоран" двинулся, когда на него набросилась серая сеть, начавшая пульсировать, как живое существо. Чистый прозрачный эфир заполнял сквозные отверстия в теле, и через несколько мгновений мутант поднялся, спокойно взирая на также спокойно дожидавшегося его Арта.

— Ты... Уже сражался со мной.

— Да, — клинок взревел, ломая и энергетическое лезвие, и тело за ним. Оно стало прочнее — но сила, заключенная в движении, сокрушила его обновлённую плоть. — Сражался. И проиграл.

Проломленное внутрь плечо и вошедший в грудную клетку локтевой сустав остались там же, только выпала из ослабевших рук, тихо рухнув на вязкую землю, катана. Вернее, то, что от неё осталось. Арт убрал меч, отступая на шаг, а "Йоран", покачнувшись, упал на колени, опустив голову. Его губы беззвучно шевелились, словно пытаясь что-то сказать. Парень ждал, воткнув клинок Глубин в почву и положив на его рукоять обе руки. Существо шевельнулось, сжимая и разжимая единственный целый кулак. Подняло взгляд, встретившись с глазами оппонента. Серыми, но... Живыми.

В них плескалась злоба. Очевидно, кто бы не сидел сейчас в теле паренька, ему очень и очень не нравилось, что существо приняло облик главы Легиона.

— Мы все умрём... Из-за твоей беспечности, человек.

— Беспечность? Я бы назвал это исправлением ошибок.

Усталый и раздражённый вздох, больше напоминавший вздох молодого мужчины, нежели парня.

— Ты... Как много ты видел?

— Достаточно. Мне не понравилось.

— Наша смерть... — "Йоран" говорил тихо, но его голос эхом отзывался по округе. — Это ключ к спасению?

— Если я скажу, что вы мне просто не нравитесь, тебя устроит? Сидите и не вылезайте. И так проблем хватает.

— Думаешь... Тебе по силам одолеть жнеца? Мы могли поглотить этот мир... Мы могли избежать прекращения всей жизни...

— Жнец...

Лицо Арта исказилось, на нём проявилось отвращение вперемешку с бессилием. Он сплюнул, посмотрев существу в глаза. Со вспотевшими белыми волосами игрался ветер, наполненный кровью и солью.

— Я должен попытаться.

— Глупо. Наивно. Примитивно.

"Йоран" резко выпрямился, а из его торса с жутким хрустом выстрелили фиолетовые отростки, с вязкими звуками принявшиеся обхватывать остальную плоть. Схватив руку и добравшись до ног, они полностью изменили некогда крепкое человеческое тело, обратив его в мутанта, напоминавшего собратьев. Вместо второй руки отросло щупальце, частично повторявшее её строение. Пальцы удлинились и теперь походили на когти, колени выгнулись в обратную сторону, даруя существу подвижность, несравнимую с хомо сапиенс. Финалом стала боевая стойка — одна ладонь осталась у лица, вторую тварь вытянула вперёд, натягивая на едва целое лицо хищный оскал.

Эфирный план сходил с ума, пытаясь вместить в ограниченное пространство огромные объёмы энергий, окружавших тела двух существ, вновь вставших друг напротив друга.

— Я сделал достаточно, — улыбнулся в ответ парень, вынимая меч из земли и беря его в обе руки. — И с меня тоже, пожалуй, достаточно тебя, мразь.

Он мотнул головой, уступая место у руля полноправному владельцу тела. Арт вздрогнул, приходя в себя. Огляделся, с первых секунд понимая, в какой ситуации очутился. Ни Фолла, ни голоса Джей... Ничего. Груды трупов со всех сторон, мутант, напоминавший наставника, впереди. Ему не нужно было искать объяснения происходящему.

Пока — нет.

— Ты забрал Йорана, — пустым голосом протянул Арт, бросаясь вперёд.

Когти пронеслись возле шеи, но парень продолжил движение, сперва отсекая мутировавшую руку, а затем отбрасывая чудовище пинком. Эфир, вложенный по наитию, ускорил удар и придавал ему такой силы, что первый из океанорождённых улетел назад, воткнувшись в кучу мёртвых сородичей. Удар согнул его пополам, но он тут же поднялся, облизывая длинным синим языком раздробленные после тычка ранее губы. Арт пошёл дальше, заноса клинок. Он двигался быстро, но...

К сожалению, прежней грации и контроля уже не было.

Когти вонзились в его живот за мгновение до того, как Арт ударил вновь.

— Су... ка... — выплюнул он кровь.

И вдруг сжал зубы, берясь обеими руками за гарду. Развернув клинок, выгнул спину, чтобы размахнуться. Единственный уцелевший глаз существа округлился, и само оно подалось назад, вынимая когти из парня. И вовремя: взыв, Арт опустил руки, успевая лишь царапнуть грудную клетку мутанта. Сероватая жидкость полилась из открытой раны, в то время как кровь толчками покидала тело парня. Он напрягся, сдерживая рвотный позыв. Его мутило, руки дрожали, словно вся сила, до этого бурлившая в венах, куда-то испарилась. Меч, повинувшись первичному импульсу, наполовину вошёл в землю перед Артом, что свалился с ног, держась в вертикальном положении исключительно благодаря опоре.

У тебя есть только один шанс, чтобы убить его.

— Я даже... Встать не могу... — обречённо прошептал Арт. — Как же всё... Задолбало... Я опять отключаюсь... Когда так надо быть... В сознании...

Ты упал, чтобы вновь подняться, Арт. Падение — лишь ступенька. Возьми меня в руки. И сокруши врага.

Существо рвануло вперёд в длинном прыжке с одним намерением — разорвать парню горло. Заорав, он вытащил меч из земли, едва успев закрыться широким лезвием от смертельного движения. Мутант замахнулся, чтобы оборвать жизнь Арта. Некому было прийти к нему на помощь. Союзники далеко, а те, кто сидят в его голове, лишь образы, никак не физические воплощения.

Что ж, вот так заканчивается тёмное фэнтези. Глупо, внезапно, без какого-либо эпилога.

Острые когти понеслись в незащитной плоти, прекрасно зная, что сил на оборону у Арта не осталось.

Можно опускать занавес. Это слишком жестоко, так что пусть останется за кадром.

— Фолл...

Вместо шеи когти скрежетнули о серебристый клинок, ударивший по ним в ответ. Фолл ударил с колена, чтобы было удобней — с хорошим замахом и отлично рассчитанным движением корпуса. Существо почувствовало эфир, вспыхнувший от фигуры первого героя, и отпрыгнуло, разрывая дистанцию. Фолл поднялся, глядя куда-то под ноги. Они исчезали, развеиваясь по ветру, словно пыль. Его тело трескалось, разрушалось, не в состоянии более поддерживать эту форму. Серый эфир, заключённый в Летописи Бога, исчерпал себя. Первый герой повернул голову к Арту, улыбаясь.

— Увидимся через год, ученик.

Поднимайся!

И Арт поднялся. С дырой в животе, с ногами, что едва держали его. Вытянув меч Глубин из земли, парень кое-как встал в стойку, выставив левую ногу чуть дальше положенного. Устойчивость, неповоротливость, абсолютное сосредоточение — три составляющих для правильного исполнения техники первого меча. Картинка перед глазами плыла, но Арт всё равно нашёл в ослеплявшем лунном свете мутанта, осторожно приближавшегося к нему. Он не знал, появится ли Фолл вновь. Да и Арт не знал, что уж скрывать. Вся надежда была на слова Джей — на то, что у него есть всего один шанс.

Один шанс — один удар.

Не герой. Человек, что идёт по его дороге. Человек, которому страшно. Человек, который будет сражаться до конца. Потерянный человек. Разъярённый человек.

Принципиальный человек. Брошенный в чужой мир человек. Ответь мне — кто ты, Арт?

— Я — тот... — его взгляд прояснился, загоревшись янтарём с серым обрамлением. — Кто убьёт тебя.

— Стань бездной, человек! — бросился на Арта мутант, и эфир содрогнулся от давления, что оказывало его тело. — Стань единым!

— Первый меч... — бесстрашно глядя на приближавшуюся смерть, произнёс парень. — Меч героя!

Давай, Арт!

Чёрный металл клинка глубин стал синим с вкраплениями алого. Две силы столкнулись друг с другом ещё до того, как столкнулись их владельцы. Вздогнула земля, с хлюпающими звуками перебрались сквозь тела мертвецов чудовища, набрасываясь на Арта вместе со своим лидером.

Ударил гром и хлынул дождь. Вспыхнули звёзды, погасла луна, оставляя поля боя в темноте. Арт стоял возле мутанта, в груди которого покоился огромный меч. Они стояли близко, но монстр не тянул свои когти, чтобы разорвать парню горло. Его руки повисли вдоль туловища мёртвым грузом, и только лезвие, вышедшее между лопаток и вошедшее в землю, не давало телу упасть. Последний герой судорожно дышал, хотя в глубине души он испытывал, на удивление, покой. Словно нечто внутри говорило ему — всё кончилось. Серая сеть, облепившая лицо Йорана, всё ещё пульсировала, но кроме неё, ничто более не двигалось в округе.

Арт повернул голову, чтобы увидеть свежие трупы чудовищ у своих ног. Красный свет в их глазах погас, оставив только застывшую плоть. Парень выдохнул, отходя назад. Пришла боль, заставив его прижать ладонь к животу. Он сделал невозможное — впервые за всё это время он совершил подвиг, достойный упоминания в легендах.

Фоллу потребовалась сотня техник, чтобы одолеть народ океана.

Арт сделал это с одной.

Кроме своего дыхания, он слышал, как бьются волны о берег. Тихий всплеск, ритмичный, природный. Спокойный, меланхоличный. Где-то сзади, разгребая тела, к последнему герою бежала Лори, на ходу готовя зелья и бинты. Уже издали оценив состояние Арта, она поняла, насколько критической была ситуация. Несколько минут жуткого кровотечения кого угодно с ног свалят, но парень почему-то продолжал стоять, вглядываясь в мёртвое лицо своего наставника. Он ждал чего-то — наверное, чтобы его наконец-то накрыл сон. Правда, мы не всегда получаем то, что хотим.

Иногда мы получаем то, что нам на самом деле нужно.

Открыв единственный целый глаз, Йоран посмотрел в глаза Арту, мерно покачивая головой. Капли шипели, попадая на его тело, мгновенно испаряясь.

— Неплохой удар, ученик. Молодец.

— Йоран... — хриплым голосом протянул последний герой. — Мне пришлось...

— Самурай не боится смерти, — поднял уголки губ глава Легиона.

— Ледышка... — раздался знакомый женский голос откуда-то позади. Побежав с груды тел, Эсмеральда в считанные секунды достигла Йорана и Арта, отбросив по пути своё оружие в сторону.

— Эсси... — перевёл взгляд на воительницу в треуголке он. — Даже перед смертью не перестаёшь меня задирать...

— Арт... — положила руку на плечо парня Эсмеральда.

К ним уже подошла Лори, выжидающе посмотрев на лидеров Сада с алыми склянками в руках.

— Дай нам попрощаться. Лори, позаботься о нём.

Кивнув, парень выпустил рукоять из рук, падая и тут же съезжая по очередной куче синей, белой и красной плоти. Пока чародейка обрабатывала его раны, Эсмеральда заняла его место, прикрыв глаза. Йоран улыбался из последних сил, не зная, что сказать старой боевой подруге. Они прошли через огонь и воду, эти две противоположности. Сегодня настал день, когда Йорану нужно было уйти. Но уходил он не беззвучно — по всем законам жанра, у него было право на последнюю речь, пускай и короткую.

— Когда встретишь Фолла, пни его под зад, пожалуйста, — рассмеялся Эсмеральда. Сняла шляпу, прикрыв ею лицо.

— Эй...

— Никаких... — через всхлипы протянула она. — Никаких слёз, ледышка. Ты их не увидишь. Даже когда подышаешь — я тебе их не покажу...

— Значит, так надо. Мне... Мне было весело, Эсси.

— Тебе? Тебе, ледышке, было весело? — выпустив шляпу из рук, воительница схватила Йорана за плечи, притянув к себе и ударив лбом в нос. — Сука! Йоран, как ты можешь такое говорить, когда ты вот-вот... Вот-вот...

— А это было больно... — поморщился мужчина, переводя взгляд за Эсмеральду, на Лорелеи и Арта. — Легиона... Больше нет. Мы погибли так, как полагается воинам — в бою. И да... Мне было весело в Саду. С вами. Лори...

Чародейка повернула голову так резко, что задела Арта, простонавшего что-то невразумительное.

— Маркус...

— Парализован, но жив, — коротко ответила она, тут же вернувшись к ранам Арта. Замерла, чтобы продолжить. — Видимо, теперь валет станет королём.

— Да... — вновь улыбнулся Йоран, медленно кивая. Эсмеральда плакала, не в силах более говорить.

Целая рука главы Легиона вдруг шевельнулась, двигаясь к плечу воительницы. Похлопав по нему, Йоран выдохнул, посмотрев на боевую подругу. Сад, место, что их связало, выполнил свою задачу. Как и он, Йоран, сделал то, к чему так стремился — отдал свой долг, оставленный Фоллу. Сад выстоял благодаря его лидерам, столпам, поддерживавшим его на протяжении множества лет. Когда-то Сад спас Йорана... Теперь он спас организацию, что приютила его. Йоран сожалел лишь о том, что не смог увидеться с первым героем.

По полумёртвому телу воина прошла дрожь, когда он заметил на груде трупов впереди фигуру, застывшую в поклоне. Дождь, ливший, как из ведра, вдруг прекратился. На горизонте вставало яркое солнце, окружившее тела слабым жёлтым ореолом.

— Фолл... — прошептал Йоран.

Эсмеральда повернулась, но не увидев там то, что обнаружил он, отступила. Всё было, и впрямь, кончено. Йоран издал последний вздох, покинув Крэйна. Кто знает, может, где-то там и впрямь есть обратная сторона. Ад или рай... Даже чистилище сойдёт.

Воительница наклонилась, поднимая своё оружие. Подошла к Арту и Лорелеи, тихо сообщая им о том, что пора идти. Все трое выдвинулись к замку, возле которого уже расчищали скопления ужасно вонявшей плоти рыцари, стражники и солдаты Ирис. Со стен, окружавших Крил, за троицей наблюдал Сангвин, скрестив руки на груди. Чёрный плащ

развевался на ветру, а поза императора выражала... Кажется, он пытался выглядеть невозмутимо. Выдохнув, властитель Золотой Империи повернулся, удаляясь прочь.

Лишь бросил в пустоту:

— Видимо, не сегодня.

Герои возвращались под вялые возгласы тех, кто ещё мог двигаться и говорить. Победа досталась Крэйну ценой нескольких сотен воинов, включая рыцарей, легионеров и стражников, пришедших на помощь. Дешёво, кто-то скажет. И будет прав. Если взвешивать жертвы прошлого вторжения народа глубин, мир разумных, можно сказать, сегодня легко отделался. На лицах выживших читалось облегчение, но далеко не все из них вопили от радости и счастья — несколько личностей были мрачнее туч. Среди них была и Анко, прижимавшая к груди парализованную руку. Яд успела вывести Нера, но восстановить подвижность в мгновение ока не удалось. Вероятно, конечность придётся отрезать и отрасти новую. Но это, разумеется, не было причиной печали, стоявшей в серых глазах Монарха Ночи.

Она сидела на мёртвом теле, прижавшись спиной к чёрным стенам Крила. Наблюдая за Артом, Эсмеральдой и Лори, возвращавшихся со стороны берега, она тихо качала головой. Йорана среди них не было — и не нужно было быть гениальным детективом, чтобы понять, почему. Анко уже видела, что глава Легиона обратился в мутанта, но кто бы мог подумать, что у Арта хватило сил на убийство подобного существа. Фолл бился с ним полдня, и то едва выжил. Все, кто стоял рядом с ним, погибли. Лидерам Сада и Сангвину повезло, как и самой Анко. Пусть первый герой не был на пике своих сил в тот день... Он явно знал и умел куда больше, чем этот парень, что впервые взял меч всего год назад.

То, что Фолл следовал за ним, как призрак, наталкивало женщину на определённые мысли.

То, что Арт одолел первого океанорождённого, лишь усиливало подозрения.

Анко хорошо запомнила одно-единственное правило, не раз выручавшее её в этой жизни. Истины не существует — есть только то, во что ты веришь. И то, кому ты веришь. Во всей истории с героями, Крэйном и жнецом не сходились концы с концами — особенно момент того, что Фолл дал себя убить. Чем больше Анко думала об этом, тем странней ей казалось, что у Фолла не было никакого... Оружия последнего шанса. Как человек, превзошедший Бога, он должен был иметь при себе нечто, что стёрло бы осколок катастрофы с одного удара. И тем не менее, он умер возле Никке у неё на руках... Зачем?

Вывод был следующий — это была часть какого-то плана. И слова первого героя только подтверждали этот вывод. Когда Анко сделала предположения о том, что происходит, он сказал, что верны были все три. Жнец пытается остановить живых, потому что боится будущего. При этом он решил, что может не вмешиваться — и Крэйн падёт перед народом бездны. Третье... Третьим пунктом было то, что они протянули руку помощи из будущего в прошлое. Когда не смогли одолеть жнеца, решили, что у них из прошлого выгорит с поддержкой из другого периода. Но как вообще можно манипулировать временем на таком уровне? Если только где-то в этом мире ещё жив бирюзовый дракон, способный перемещать воспоминания из будущего в прошлое...

Анко ухмыльнулась, примерно понимая, что к чему. В её размышлениях всё ещё было много белых пятен — но общую суть, как она думала, она уловила идеально. Поэтому Монарх Ночи остановила троицу, что проходила мимо неё по направлению к временному лагерю, устроенному у западной стены.

— Я заберу Арта на пару минут.

— У него дыра в животе, — повернула на неё голову Лори. — Или ты думаешь, что вопросы не могут подождать?

Жажда крови, вспыхнувшая от чародейки, заставила Анко приятно удивиться. Она ожидала нечто подобное от Ирис, от Эсмеральды, что даже не посмотрела в её сторону, но от Лорелеи... Видимо, всё меняется, когда дело доходит до критической точки.

Арт осторожно высвободился из цепких рук чародейки и воительницы, отходя назад.

— Не страшно, — тихо протянул он, махая рукой. — Вы идите... Я догоню.

— Зови, если она начнёт угрожать тебе, — кивнула ему Лори, дёргая застывшую Эсмеральду. — Пошли. Тебе тоже нужно отдохнуть.

Как только эти двое скрылись в палатке в отдалении, Арт повернулся, в два шага добираясь до мертвеца, на котором сидела Анко. Присев рядом с ней, он с облегчённым вздохом прижался вспотевшей спиной к холодной стене, прикрыв глаза. Монарх Ночи внимательно наблюдала за его действиями, не говоря ни слова.

— Ну и? — выдохнул парень после минуты молчания. — Я не знаю.

— Я ещё не задала вопрос.

— А я уже говорю тебе — я не знаю, — покачал он головой. — Не знаю, что со мной происходит. Потери сознания и раньше выводили меня из себя... Но сейчас пора признаться, что это нечто, что требует расследования. И лучше, чем ты, подходящего на это дело человека нет.

— Ты был ранен... Значит, и впрямь сражался с первым из них? — хлопнула по колену Анко, подпирая подбородок ладонью. Серые глаза с прищуром разглядывали лицо Арта, издавшего тяжёлый вздох.

— Да. Я пришёл в себя с мечом в руках... Не знаю, что было до этого, но тело наставника кто-то уже успел нехило потрепать. Лицо... — он провёл по щеке, припоминая произошедшее. — Половина лица была разрушена, словно меч, наполненный эфиром, ударил по нему тычком.

— Ты, — тихо сказала Анко, и взгляд её стал ещё мрачнее. — Это был ты. Простая магия не может разрушить тела океанорождённых — исключение составляет прозрачный эфир. Эфир Бога. Сомневаюсь, что Он спустился — мы бы заметили.

— Тогда как я... — он осёкся, понимая, что к чему. — Сотый меч. Кроме меня и Фолла... Никто не знает эту технику.

— А этот бродяга уже почти год как мёртв, — хмыкнула чародейка, нервно дёргая светло-коричневый локон. — Он, конечно, сохранил часть своих сил, когда перешёл в чистый серый эфир, но... Нет, он бы не смог применить его. Вывод один — это сделал ты.

— Но я едва освоил азы! Я бы не сумел использовать меч Бога на полную, даже если бы вложил в него всё, что есть!

— Соглашусь. Я наблюдала за твоими тренировками — тебе многому нужно научиться, пока ты достигнешь такого уровня... — Анко замолчала, раздумывая. — Хм... Полагаю, тебе стоит расспросить Фолла о том, что произошло.

— Это... Вряд ли удастся сделать, — с сожалением потянул Арт. — Я едва не погиб, сражаясь с мутантом... Фолл защитил меня от смертельного удара, но это потратило остатки его эфира.

— Так он... Всё? — Анко вздрогнула, скрипнув зубами.

— Не совсем, — помотал головой парень. — Если Летопись Бога цела, значит, он ещё

жив... В каком-то смысле. Правда, не думаю, что я смогу с ним заговорить вновь какое-то время...

— У меня есть пара идей, но лучше их пока что попридержать, — Анко поднялась, убрав руки за спину. Прошагав вперёд, развернулась, поставив ноги вместе. Бежевое пальто трепыхал лёгкий ветер, но сама фигура чародейки оставалась неподвижной. — Сколько у нас времени до того, как катастрофа обрушится на Крэйн?

— Полтора года. Примерно.

— Я посмотрю в имперском архиве, поищу похожие случаи... — взгляд Монарха Ночи скользил по покрытой синей кровью траве, словно она решала, сколько стоит знать Арту сейчас. — Пока у нас есть время, побереги себя. Мы всё ещё не закончили войну, поэтому не лезь на рожон... По крайней мере до момента, когда я смогу понять, что с тобой происходит.

— Хорошо. Спасибо, Анко.

Арт поднялся, устало вздохнув. Тело едва слушалось его — чудо, что он вообще мог двигаться. Анко отмахнулась от его слов, повернувшись и начав спуск с холма мимо бегавших туда-сюда целителей, стражников и рыцарей в чёрных доспехах. Парень не стал смотреть ей вслед, проковыляв налево, к палаткам. Его собственные мысли вращались вокруг того, что сказал ему Фолл. Увидимся через год... Значит ли это, что к тому времени Арт сможет спросить его о том, что происходит? А в остальном план у парня был прежний — стать сильнее.

Стонали раненые, чертыхались целители, плавал вокруг эфир, топали копытами лошади — живые приходили в себя. Никому не было дела, кто враг, а кто друг — сейчас важным был вопрос выживания. Крил получил отсрочку, но даже Сангвин, восседавший в богатом особняке в центре города, понимал, что эта отсрочка не вечна. Рано или поздно Крил падёт, и тогда Империя потеряет свою последнюю надежду на победу. Впрочем, Сангвин давно понял, что выжить ему не суждено. Оставалось лишь ждать, пока Сад или церковь с союзниками не подойдут к столице, где и случится последний бой. Императору не была чужда честь, поэтому втыкать нож в спину уставших, разбитых и истощённых длительным сражением воинов он не стал.

Правда, все как-то забыли, что к вечеру наступившего дня к окрестностям Крила подойдёт гордость Сенстонии — воздушный флот, что вынуждал Сангвина из раза в раз откладывать полномасштабное вторжение в отстоявшее свою независимость государство. Но то — вопрос, что будет поднят через несколько часов, а потому он может подождать.

В нескольких километрах к северу, на вершине горы, в которой был проложен канал, две фигуры наблюдали за волнами, поднимавшимися с океанской глади впереди. Гулял сильный ветер, трепыхая светло-голубой плащ одного из них, другой же, казалось, вообще не чувствовал непогоды.

— Он поменял меня... — раздражённо произнёс Фолл, вытягивая ноги вдоль неровного горного склона. — То, как он верит в то, что делает... В тех, кто идёт по дороге жизни рядом с ним... Я начинаю сожалеть. Сожалеть, что это именно он, а не кто-то другой.

— Ты выбрал правильного героя, — покивал Скай, а затем выдохнул, закрыв глаза. — Полагаю, ему всё-таки суждено одолеть жнеца.

— Ха-а... Если бы, дружище... — саркастично прыснул Фолл, качая головой. — Если бы. Ты видел? Как он двигался, когда взял в руки меч Глубин?

— Это были движения мастера меча. К чему ты ведёшь?

— Я так полагаю, что дракон — наш четвёртый возвращенец. Ты, я, жнец... И дракон

Арта.

— Глупости. Если бы это было так, мы бы заметили после стольких петель.

— А я вот думаю — может, он всё это время был бирюзовым? Просто скрывался, наблюдая за ситуацией. Мы ведь раньше тоже выковывали из яйца меч... Я не понимал, почему дракон молчал, хоть и давал мне силу. Прошло столько "времени", если понимаешь... Теперь он решил действовать напрямую, потому что попал в руки Арта.

— Кое-что не сходится, — заметил Скай, поправив капюшон плаща. — Потери памяти. Они начались до того, как он вошёл в контакт с мечом. Ещё до того, как яйцо превратилось в живого дракона, пусть и заточённого в клинке.

— Мир полон странных чудес и совпадений, — пожал плечами первый герой. — Не знаю, Скай. Ничего я не знаю.

— Ты плохой лжец, Фолл. Я уже говорил тебе?

Первый герой посмотрел на дракона без улыбки. Сухим взглядом серых глаз, выразивших только одно — жажду крови.

— Я знаю тебя лучше тех, кто считает тебя своим другом, товарищем и спасителем, — Скай чуть вздрогнул, но от своих намерений не отступил. — Было бы странно, если бы ты совсем ничего не знал. Ты был в курсе с самого начала. Про то, какой у Арта дракон. Про то, что с ним происходит. Был в курсе, но не рассказал ему. Встаёт очевидный вопрос: почему?

— Не лезь в это, Скай, — тихо протянул Фолл. — Всё, что тебе надо понимать — я спасу этот мир. Любой ценой.

— Если бы ты умирал раньше меня, я бы рассказывал тебе всё, что выведал в оставшееся время, — вздохнул хранитель Ливиграда.

Да, они были связаны кровью, но финальное сражение с катастрофой неизбежно оборачивалось смертью Ская. Фолл оставался, чтобы попытаться закончить дело, и каждый раз проигрывал. Какие бы силы он не собирал, он всё равно погибал от рук жнеца. Из-за разницы во времени смерти воспоминания возвращались к нему куда позже, чем к Скаю, но и знал он, соответственно, больше. Дракон доверял ему — но не до такой степени, чтобы спустить Фоллу наглую ложь. Первый герой, очевидно, имел свой план, которого придерживался всё это время. Начиная от своей гибели, очевидно, приготовленной заранее, и заканчивая Артом, которого готовил к схватке с катастрофой. Безусловно, в этот раз парень становился сильнее в разы быстрее, но этого всё ещё было недостаточно.

Скай был крайне недоволен тем, что Фолл солгал ему ранее — о том, когда ему вернулись воспоминания. Было ли это сделано для того, чтобы дракон не стал подозревать первого героя в чём-то, что тот не хотел рассказывать, или же по другой причине — Скаю было плевать.

— Сколько ещё тайн ты хранишь? И почему ты отказываешься поделиться ими, если наша цель одинакова? Я могу понять умалчивание перед парнишкой — он, по твоим словам, будет козырем в финальном сражении, но...

— Я сделаю то, что должен, — произнёс Фолл, заставив Ская отступить на шаг. Пусть у первого героя практически не было сил — его взгляд, полный ярости, заставлял напрячься даже дракона. — Прекрати думать об этом и просто жди.

— Если ты знал о драконе, то и он знает о тебе, — поднял взгляд в небеса Скай. — Тебя... И твои планы. Не думаешь, что он попытается их предотвратить? Скажем, используя Арта, как сегодня?

— Ха-а... — выдохнул первый герой, становясь всё более и более прозрачным. Время

истекало. — Скажу тебе так: этот дракон заперт в собственной иллюзии... Иллюзии того, что для победы не нужно ничем жертвовать. Он ошибается. Все... Ошибаются. Цена выше, чем кажется. Чужие жизни? Чьи-то покалеченные судьбы? Разрушение Крэйна? Пха-ха-ха! — он сплюнул, поднимаясь. — Вот кое-что, к чему не готовы ни дракон, ни Арт. Победа — всего лишь цель. Для её достижения требуется выбрать — чем пожертвовать... Да только никто из них не захочет этот выбор сделать. Поэтому за них его сделаю я.

— Всё решаешь сам. Как всегда... — тихо вздохнул хранитель парящего города, выражая своим вздохом понимание и в то же время — осуждение. — Выбор, говоришь. Цена за победу. Что ж, это... Да, это то, что я могу тебе доверить.

— Благодарю за понимание, — саркастично улыбнулся Фолл, практически полностью исчезая. — Увидимся, Скай.

Дракон опустил взгляд, медленно кивая пустоте.

— Увидимся, первый герой.

Фолл не был идеальным человеком. Доверять только себе, забыть дружбу и товарищество... Было ли для него хоть что-то в этом мире действительно важным? Наверно, что-то всё-таки было. Иначе почему он так стремился защитить Крэйна? За столько петель он испробовал всё, что мог — даже вырезал оставшихся драконов, чтобы получить дополнительную мощь. Скай умирал у него на руках, и каждый раз в лице первого героя что-то менялось. Сперва он плакал, не сдерживая себя, затем просто сжимал могучую шею дракона в объятьях, а спустя какое-то время и вовсе перестал обращать внимание. Лишь кивал, махая рукой, словно говоря: "Увидимся в следующий раз". Но... Так было не всегда. Фолл, которого знал Скай, не был одержимым чем-то настолько, чтобы лгать и действовать в одиночку там, где это не требовалось.

Он построил Сад. Изменил Крэйна настолько, что Скай не мог не признать, что с прибытием Фолла здесь стало по-настоящему лучше. Он был тем, кто вызволил эльфов из клетки их собственной гордости, гномов — их жадности, людей — их беспечности, орков — их неграмотности. Сделать это, будучи равнодушным к тому, что творишь собственными руками, невозможно. Поэтому Скай знал, что изначально Фолл был другим. И даже сейчас он был уверен, что за этой коркой равнодушия и лжи сейчас скрывался всё тот же Фолл, который умирал за Крэйна из раза в раз.

Да, он не был идеальным человеком... Но он совершенно точно был идеальным героем.

Эти слова... О том, что Арт поменял его. Что-то в них было. Возможно, этот парень и впрямь особенный... Если даже сердце Фолла дрогнуло от его искренности. Однако, Скай не покидало гнетущее ощущение того, что Фолл сожалел о чём-то большем, чем то, что Арту пришлось пройти через все тяготы и невзгоды. Впрочем, дракон отпустил эти мысли, посчитав, что сейчас глупо делать какие-либо выводы. В последний раз вздохнув, он испарился с горы, оставив бушующие далеко внизу волны в одиночестве. Они играли свою песню — плавную, певучую, полную печали и горя.

Последнюю балладу бездны.

В одном Скай был уверен — в том, что время придёт за всеми. Оставалось надеяться, что Фолл к этому готов.

Вернёмся, пожалуй, к разбитому впопыхах лагерю. К просторной палатке, где лежали на койках раненные и парализованные. В воздухе стоял сладкий аромат зелий и жгучий запах крепкого алкоголя — им обрабатывали раны алхимики, потому что магов-целителей на всех не хватало. Чародеи занимались только теми, кто находился в тяжёлом состоянии,

всё остальное было сброшено на полевых работников, умевших зашивать разорванную плоть. В правом углу, положив голову на согнутую в локте руку, лежал на койке Арт. Лори удалилась в соседнюю палатку, чтобы продолжить лечение других воинов, Эсмеральда, обняв парня напоследок, ушла в неопределённом направлении.

Ей нужно было выдохнуть, чтобы придти в себя. Что ж, это же требовалось и Арту — особенно после разговора с Анко. Без сомнения, в этом мире было лишь два человека, способных применить сотый меч — его создатель и тот, кому эту технику он передал. Вопросы, которые зудели в голове, парень мог задать только Джикае, но глупо было бы ждать от неё вразумительного ответа. Он всё ещё думал на её загадкой, не понимая, к чему она вообще задала её. Бессмыслица какая-то, если честно.

Было раннее утро, но Арту не хотелось вставать и идти дальше. В чём смысл что-то делать, когда он уже сделал всё, что мог? Оставались только мысли и нерешённые проблемы, вставшие на пути. Путаясь в них в попытке найти решение, парень сам не заметил, как отключился.

Очнулся он уже за столом с деревянной ложкой в руке. Джей стояла, прислонившись к столешнице и положив на неё свои руки. Она внимательно смотрела на Арта, сперва дёрнувшегося от неожиданности, а следом положившего столовый прибор на место и посмотревшего на неё в ответ. Им не нужно было говорить, чтобы понять друг друга. Что-то определённо было не так, и парень был готов на многое, чтобы получить нужные ему ответы.

— Что... Что со мной происходит, Джей?

— Я не могу тебе рассказать.

— Потому что я опять "не готов"? — Арт сжал кулаки, сдерживаясь, чтобы не ударить по столу. — Я устал это слышать. Никто мне не рассказывает что-то важное — что ты, что Фолл. Вы оба знаете... Что-то. Я пытался догадаться самостоятельно... Но у меня не получается. Одно мне ясно, как день — вы оба проживаете эту жизнь не в первый раз.

Джей вздрогнула, шокированно посмотрев парню в глаза.

— Я не дурак, Джей, — выдохнул он. — Откуда Фолл мог знать, что эти твари снова вернуться? Почему так уверенно отвечал Анко? Почему ты с самого начала так ко мне благосклонна, хотя я не сделал ничего, чтобы заслужить такое отношение? Хватит темнить. Расскажи мне всё.

— Хорошо.

— Как я и думал... Стоп, что? — пришла очередь Арта округлять глаза. — Вот так просто?

— Я отвечу тебе на что-то одно. Или я расскажу, чего добивается первый герой, или объясню тебе, что с тобой творится. Всё и сразу... — она поджала губы. — Не могу. Иначе всё пойдёт не так, как я рассчитываю.

— Фолл... Я спрошу у него сам, — кашлянул парень. — Кто управлял моим телом, когда я отключился? И почему я вообще вырубаясь в одни из самых ответственных моментов?

Джей кивнула, принимая его выбор. Отошла от столешницы, присев на свободный пластиковый стул.

— Ты прав, Арт. И я, и первый герой — мы живём не первую жизнь. Но это же касается и тебя.

— Что ты... Имеешь в виду? — в горле у Арта вдруг пересохло, словно он услышал то,

что не должен был услышать вообще и никогда.

— Мы нашли друг друга совершенно случайно, когда ты прогуливался по деревне... — начала свой рассказ Джей. — Это было в твой прошлый раз, Арт. Когда тебя не взял в ученики Фолл, когда ты и Ирис остались там, где должны были...

Её рассказ был долгим, и Арт слушал, не перебивая. Джей прерывалась, чтобы перевести дыхание, а парень наоборот, практически забыл, как дышать. Потому что то, что она поведала, разрывало ему мозг. Если сократить всё до относительно сжатого формата, то положение дел было следующим.

Первое. Джей была бирюзовым драконом, способным переносить воспоминания будущей себя в прошлое.

Второе. Арт нашёл яйцо, в котором была Джей. Они познакомились друг с другом, и тогда она рассказала парню свой план. Согласно ему, Крэйн может спасти только Арт. В детали этого плана, к сожалению, женщина не вдавалась.

Третье. Джей много "раз" была превращена в меч, и этим мечом сражался никто иной, как Фолл. Она видела мир его глазами, а потому знала и о катастрофе.

Четвёртое. Джей обучила Арта техникам Фолла, поделившись с ним её кровью. У них было время, чтобы парень отточил всю сотню мечей до идеала.

Пятое. Джей и Арт сделали копию сознания парня, чтобы перенести её с собой в прошлое. Мера предосторожности, если план не увенчается успехом.

Шестое. Арт проиграл катастрофе. Сперва пал Фолл, и уже после него в сражение вступил последний герой. К сожалению, его сил оказалось недостаточно.

Седьмое. Тело Арта оказалось слишком слабым, чтобы полностью перенять эффект крови бирюзового дракона. Так, он не смог сохранить воспоминания о несбывшемся будущем. Оставалось надеяться на слепок сознания — который, как оказалось, не раз приходил к нему на помощь. Убийство химеры, убийство главы филиала гильдии искателей приключений, и сегодня — сражение с первым океанорождённым.

— Так, мы оказались здесь... — закончила свой рассказ Джей, тяжело вздыхая.

Прошло несколько минут, прежде чем парень заговорил. Ему нужно было время, чтобы принять всё сказанное во внимание и оценить ситуацию с новыми данными. Много стало понятно, теперь, когда правда оказалась подана на блюдечке, однако Арт не спешил с выводами и воплями. Как обычно, всего один кусочек пазла радикально менял общую картину... Но в этот раз парню почему-то было легче привыкнуть к очередной смене обстоятельств.

— Насколько же всё было хреново там... — мрачно протянул наконец Арт.

— Ты, должно быть, ненавидишь меня теперь. За то, что я скрывала всё это.

— А смысл? Эти потери сознания оказали мне помощь, когда это было нужно больше всего. Если бы не они, я бы давно был мёртв. Но Джей... Что это за план, по которому только я могу спасти Крэйна? Говоря откровенно... — он помотал головой, справляясь с мыслями. — Я сильно сомневаюсь, что смогу одолеть что-то, что не смог после стольких "попыток" Фолл. Раньше я думал, что он оставил мне своё наследие и всерьёз пытался обучить, чтобы подготовить к финальной схватке... Но теперь мне кажется, что здесь что-то иное. По твоим словам, он множество раз пытался уничтожить жнеца.

— Это только те попытки, свидетелем которых я стала, — кивнула Джей, опуская взгляд в стол. — Арт... У тебя чистое сердце. Оно и является причиной, по которой только ты можешь избавиться от катастрофы. Сила не в эфире, знаниях или грубой мощи... Она в

намерениях, с которыми ты идёшь в бой. Она в правде, Арт.

— Ты опять говоришь загадками.

— Но это всё, что у меня есть, — вздрогнула она, накрыв одну ладонь другой. — Фолл... Ваши цели совпадают. Но методы, которыми вы хотите их достичь, отличаются. Помнишь, я рассказала тебе про выбор, который может сделать только герой? Фолл бы сделал его, ни капли не сомневаясь. И только ты попытался бы найти другой вариант... Пусть сейчас это не имеет смысла, я понимаю. Прошу тебя, запомни мои слова... Я верю в то, что ты найдёшь его. Выход из этой ужасной ситуации. Твой выбор спасёт Крэйн, в этом я уверена.

— Выбор? Временами мне кажется, что у меня его нет. Что я танцую под чью-то дудку... Твою или Фолла. Вы хоть раз подумали о том, что здесь, кроме вас и меня, есть другие? Есть те, кто боится за свою жизнь, у кого остались несбывшиеся мечты... У кого остались те, к кому хочется вернуться. Вы ведь оба знаете, что произойдёт. И вместо того, чтобы свести жертвы к минимуму, вы просто пускаете всё на самотёк! Вы просто, блять, наблюдаете! Джей, я не знаю, что решил для себя Фолл, но вы с ним однозначно похожи. Что ему, что тебе плевать на то, что случится с другими. Вам важно только выполнить ваши "планы". Конечно, спасти мир это замечательно, но не ты ли поведала мне о пирровой победе? Может, из-за вашей игры в молчанку в Крэйне больше не останется тех, ради кого я бы хотел его защищать?

С каждой новой фразой Джей вздрагивала всё больше и больше, на каком-то момент закрыв глаза, чтобы сдержать слёзы. И крик души, истерзанной после огромного множества одинаковых событий. Это была ошибка Джикаи — она не заметила, как сама стала подобна первому герою. Как перестала считаться с жертвами и сосредоточилась только на цели. Как перестала сочувствовать и сопереживать... Потеряв прежнюю себя. Конечно, Арт говорил всё это, не зная, что именно она выдержала, находясь в руках Фолла. И тем не менее, его слова оказались жгучими, как и любая другая правда, которая режет глаза.

— Знаешь, что? Забудь, — парень поднялся, выходя из-за стола. Всё пространство дрожало, ибо что Джей, что Арт сейчас находились в нестабильном состоянии. — Я думал, что могу доверять хотя бы тебе. Теперь вижу, что прокладывать свой путь придётся самостоятельно. Столько жертв... Бессмысленных жертв. Мы бы могли предотвратить то, что случилось в Никке. В Ливиграде. И здесь тоже... Чёрт, даже войны можно было избежать! Йоран... Наставник бы не погиб сегодня. Что для вас его смерть? Пустота. Пшик. А для меня... Для всех нас — это потеря. Большая потеря. Когда уходит кто-то дорогой, мы теряем частичку себя. Ты знаешь, что я говорю это из собственного опыта.

— Арт...

— Деревня... — со злобой в голосе протянул Арт. — Мы с Ирис пережили грёбанную трагедию. Ты хоть знаешь, что она до сих пор кричит во сне? Если бы ты или Фолл вмешались... Если бы вы только беспокоились о чём-то, кроме вашей высшей цели... Всё это можно бы было предотвратить.

— Арт, прошу...

— Какой бы выбор ни был в конце этой дерьмовой жизни, я его сделаю, — произнёс парень, пронзительно глядя в самую душу Джикаи. — Но не жди, что я послушаю тебя... Или Фолла.

С этими словами он развернулся, покидая дом. Джей осталась за столом, тихо всхлипывая, потому что Арт был прав. Она думала только о цели, полностью игнорируя

окружение. Невозможно всё делать в одиночку — это прекрасно понимал последний герой. Он защищал не мир — он защищал тех, кто был в нём ему дорог. Джей сказала одну правильную вещь: важна не сила, а намерения. Фолл видел свою цель как нечто, что мог достичь один человек. Но для Арта эта же цель была чем-то иным, чем-то, что он сможет постичь только с помощью других. Он не видел себя рыцарем, в одиночку сражающим дракона и спасающим принцессу, нет. Для него не существовало пути классического героя, по которому брёл Фолл.

Он шёл, сражаясь бок о бок с дорогими ему товарищами. Без них эта цель теряла для него всякое значение.

Однако, его удивление ещё не достигло финишной прямой. Потому что на "улице", в пустом белом пространстве, его ждал кто-то ещё. Знакомый взгляд янтарных глаз из-под густых бровей, густые чёрные волосы и синяя туника, которую он носил в деревне. Арт смотрел на самого себя — будто в зеркало.

— Привет, "я" из прошлого.

Арт выдохнул, а затем рассмеялся.

— Ха-а... Привет, "я" из будущего.

— Я говорил Джей, что не послушаю её. Глупо было полагать, что она поймёт меня лучше, чем я сам.

— Ты... Всё это время был здесь?

Постаревший и возмужавший Арт хмыкнул, кивая.

— Мы с Джей ошиблись, посчитав, что я не усвоил её кровь. Пусть и слабый, но эффект всё-таки есть... Правда, я не мог даже появиться здесь, пока "я", то есть ты, был ничтожеством.

— Сколько "я" в твоей речи... — вздохнул Арт. — Говори, зачем пришёл. Я не в настроении болтать, если это не что-то важное.

— Я пришёл с предложением, — пожало плечами отражение. — Раз ты стал достаточно сильным, ты можешь получить мои знания о будущем, что ещё не сбылось. То, чем поделилась со мной Джей, и то, что испытал я сам. Дело твоё — принимать или нет.

— Не сделает ли это меня — тобой?

— Схватываешь на лету! — сухо поаплодировал иной Арт. — Верно. Ты перестанешь быть чистым и невинным Артом, Артом, который бьётся ради своих друзей и близких.

— Тогда я отказываюсь. Я хочу остаться собой.

— Правильное решение, — хмыкнуло отражение. — Тогда задавай вопросы. Я отвечу, если смогу.

Арт на мгновение задумался, выбирая из множества тем, которые хотел бы поднять.

— В будущем... Какие отношения между мной и Фоллом?

— Мы не знакомы, но... Я его понимаю. Зная себя, ты тоже поймёшь, когда увидишь, с какой дерьмовой ситуацией столкнулся Фолл. Что-нибудь ещё?

— Ирис...

— Она погибла, сражаясь против народа океана, — выпалил постаревший Арт, и голос его стал ниже, печальнее. Ему было тяжело это вспоминать. — Мира умерла там же. Лорелеи убил Сангвин. Эсмеральда и Йоран проиграли сражение Его Святейшеству... Их казнили показательно на площади Никке. Крона отрезали от основных сил рыцари Дорана — он и его отряд сражались до последнего, но воздушный флот Сенстони разорвал их на части. Буквально. Нера унесла с собой двух архиепископов — кто бы знал, что целители

могут в суицидальную магию. Анко превратила столицу Золотой Империи в некромантский рай... И её всё равно убила церковь Единого Бога. Триша выжила, но оказалась в коме. Гиалэр сжёг остатки сил церкви и сокрушил Сенстонию, но пал в схватке с императором. Впрочем, тот скончался вскоре после полученных ранений. Как забавно — пламя человека оказалось равным пламени дракона. Ещё?

Арт с шумом сглотнул. Ушат ледяной воды — только так можно было охарактеризовать то, что поведал ему он из будущего. Неужели с живым Фоллом Сад потерпел настолько сокрушительное поражение? Кошмар! У первого героя были силы, способные в мгновение ока разрушить и Империю, и других участников войны. О, чёрт. Точно, оковы. Наверняка они действовали и тогда. Насколько же мерзко и печально было наблюдать Фоллу за тем, как гибнут его товарищи? Он ведь дорожил ими... Когда-то.

— Вот видишь, ты уже его понимаешь. Только не забывай — он пытается тебя использовать. Сделай правильный выбор... А, что-то я превращаюсь в советчика. Забудь. Делай, что душе угодно. Всё равно пока не сбудется — не исполнится.

Отражение привело носком ботинка по белому полу, сконфуженно улыбаясь.

— Ты извини, я просто... Не так себе это представлял. Ты куда спокойнее воспринимаешь всю эту хренотень, которую на тебя вывалила Джей. И даже на меня не орёшь.

— А ты на неё кричал? — слегка удивился Арт.

— Ага. Если честно, подумал сперва, что сошёл с ума и в меня кто-то вселился, — рассмеялось отражение. — Но как разобрался... Понял, что план Джей не сработает.

— Что..?

— Что слышал, — сплюнул Арт из будущего. — План Фолла — говно, план Джей — говно. Хочешь моё мнение? Какой бы выбор ты не сделал, всё равно будет говно. Ты в любом случае будешь винить себя за то, что его сделал. А третий вариант, на который ты так надеешься... Его тебе не выбрать. Фолл пытался — Фолл проебался.

— В чём... Заключается этот выбор? Вы все столько о нём говорите, но я до сих пор не услышал конкретики.

— Не скажу, — помотал он головой. — Иначе ты потеряешься до такой степени, что можешь даже не добраться до него. Сиди на месте, следуй течению. Стань сильнее. А там сам разберёшься. Я вот попытался... — наполненная глубоким сожалением и печалью улыбка появилась на лице отражения. — Боюсь, что ты тоже пойдёшь по моему пути. Так или иначе, было приятно поболтать. И, это... Не сдавайся, я.

— Не собираюсь, — уверенно кивнул отражению Арт. — До встречи, я.

— До встречи.

Белое пространство замигало, и последнее, что увидел Арт, это как его постаревшая версия тяжело вздыхает, разворачиваясь прочь. Как только мигание стало невыносимым, парень очнулся на койке под вой сирен. Встряхнув головой, он выбежал прочь, под вечернее тёмное небо, на котором, разрывая густой туман, виднелись силуэты летучих кораблей. Сколько прошло времени? Часов десять? Почему никто его не разбудил?

Ах, не время было сейчас думать. Арт побежал на побережье мимо нагромождений тел людей и монстров, перепрыгивая препятствия и карабкаясь по горам трупов, чтобы поскорей добраться до своего клинка. Вокруг кричали, бегали и матерились другие — но среди них почему-то не было видно кого-то из знакомых Арта. Добравшись до самого берега, он осторожно вынул меч Глубин из груди Йорана, аккуратно положив тело наставника на

покрытый синей кровью песок. Клинок резонировал с эфиром, что тѣк по венам парня — судя по всему, он усиливал Джей. Не удивительно, что с ним Арт так легко сражался с народом океана... Стоп.

Последний герой вдруг понял, что прекрасно помнил о том, как сражался с мечом Глубин против тварей, что лились на него, как из ведра. Кажется, встреча с отражением не обошлась без последствий — но это было уже не важно. Положив оружие на плечо, Арт понёсся обратно к лагерю — где-то там находились те, кого он был обязан защитить. Несмотря на чувства, что обуревали его, он видел свой путь ясно и чётко, и уже одно это приносило ему облегчение. Он не потерялся во всех этих перипетиях, не растерял себя и не потерял то, что делало его — им.

— Не теряться в суматохе... Да, Маркус? — высказался вслух Арт, заметив среди вышедших наружу воинов фигуру в чёрных одеждах. Что-то, сказанное ему однажды человеком, встреченным абсолютно случайно на большой дороге, теперь обрело свой смысл.

Впереди ждал выбор. Впереди ждало будущее, которое определит Арт. Он не сомневался, что поступит так, как пожелает, вне зависимости от того, что думают другие. Но ему хотелось бы, чтобы этот выбор был сделан ими вместе — потому что только так он видел свою жизнь. Не отдалённую от близких, не спрятанную от всего мира, не взваливающую весь груз ответственности на себя любимого. Почему же Арт думал именно так? Ха...

— Потому что я — это я, — рассмеялся последний герой, поднимая свой меч и вытягивая его в сторону надвигавшегося воздушного флота Сенстонии. — Покажите, чего стоите, ублюдки!

Так, вся подготовка к финалу объявляется официально завершённой.

Вот же наивные люди — всё-то они хотят изменить. Сражаются насмерть, кладут свои жизни ради какой-то цели... Цели, которую искренне считают благой. Безусловно, какие-то из них действительно прекрасны и стоят того, чтобы отдать ради них самое ценное — собственную жизнь. Но в этом и суть истории героев: в том, что иногда собственной жизни недостаточно. Можно стать сильнее, одолев самых страшных чудовищ. Можно спасти всех-всех принцесс... Но не это делает героев — героями.

Героями обычных людей делает возможность исполнить то, на что у других не хватает смелости или совести.

Поэтому герои живут в легендах — ибо легенды слагаются о том, что не мог сделать обычный человек. О решении, которое не мог принять никто другой. Далекое не всегда это решение однозначно хорошее или однозначно плохое. Иногда это решение из разряда тех, что просто нужно принять. Ибо последствия от его непринятия куда хуже одного из двух.

Увидимся в финальном акте!

Глава шестнадцатая. Когда умирает честь

Полтора года спустя.

Железные Горы, территория безымянного клана.

Два километра к югу от стен Иккара, последнего города живых.

10:23.

О дивный волшебный мир тёмного фэнтези! Как бы ужасен он ни был, даже в нём находится место чему-то прекрасному. Например, красоте природы — уж что что, а этого у Крэйна не отнять. Даже на вечно покрытых снегом горных склонах, куда бы не кинул взгляд случайный наблюдатель, стояли тысячелетние морозные дубы с вечнозелёными кронами и чёрными стволами, создавая сюрреалистичную картину. Белый, чёрный, серый и зелёный сливались воедино в пейзаж, который невозможно увидеть нигде на Земле. Острые пики достигали кричавших громом и молниями небес, а у их подножия, рассекая снег, копошились живые. Каждый пик занимал отдельный клан, и лишь подножие оставалось ничейным — им заправляли торговцы всех рас и возрастов. Впрочем, в текущем состоянии эту территорию можно было назвать пограничной, ибо только она избежала вездесущего взгляда жнеца, наконец-то вторгнувшегося в желанный мир.

Это началось не сразу. Кажется, шла ещё война, лилась ещё кровь своих и чужих, плевались огнём маги и поднимали мечи рыцари... Тогда ударил дождь. Тучи сгустились на каждом клочком земли, и с них вниз ливанули зелёные крупные капли, с дымом ударявшие по испуганно завопившей почве. Магическая кислота убивала всё живое, а что не убивала — гнала вперёд, под стены городов, кое-как выстоявших первый месяц безостановочного ливня. Лавина из разномастных чудовищ захлестнула не готовые к обороне поселения людей, гномов и эльфов. Орочьи биваки пали мгновенно, всего за две недели.

Через месяц с карт исчез Доран.

Через два — Сенстония и Пангония.

Три месяца потребовалось дождю, чтобы истощить запасы эфирных катализаторов, поддерживавших щит над Ливиградом. Грохот от павшего парящего города было слышно в самых отдалённых уголках Крэйна, и он стал вестником начала конца. Лучшие умы не сумели защититься от жуткой непогоды. На что было надеяться остальным?

Лори и Фарион заперлись в покоях архимага возле Фарэя, занявшись изучением схожих явлений. Остальные члены Сада ретировались прочь с территорий разорённой Золотой Империи, разбив лагерь в Железных Горах, стоявших в самом центре континента. Да, на Авроре было всего одно безопасное место — и уже на четвёртый месяц люди поняли, что его выбрали намеренно. С почерневших небес ударил луч, воткнувшийся в южную границу кланов гномов. В том месте выросла огромная башня, убегавшая выше тёмных облаков. День и ночь окончательно исчезли, и лишь жёлтое пламя у подножия той башни оповещало ещё живых о времени суток.

Ночью оно тускнело, а днём поднималось вверх и становилось ярче, словно маяк. Даже выше Железных Гор — его можно было наблюдать из любой точки в Крэйне. Те из живых, что ещё сохранили разум, ринулись к башне, прячась от превращавшего в прах плоть дождя. Так, на ничейной территории у подножия пяти горных пиков образовался последний город, названный Иккар, с гномьего — "Надежда". Здесь спрятались те, кто не смог скрыться под землёй, как, по слухам, сделала церковь Единого Бога. В Железных Горах не шёл дождь, но

их ежедневно штурмовали тени — пустые оболочки некогда ходивших по земле существ.

Говоря проще, так жнец игрался с ними, с букашками, пытавшимися хоть как-то выживать. Набеги становились всё сильнее, пока к концу восемнадцатого месяца не унесли с собой жизнь Гиалэра, золотого дракона Сада. Дракон был одним из первых представителей своего рода, узревших Крэйна в то время, когда остальные расы ещё не умели толком говорить. Его прах развеяли на Пике Бури — самом высоком из пяти. Оставшиеся члены Сада распределили обязанности, полностью сосредоточившись на обороне и изучении башни, откуда и выходили тени.

Во главе защитников стояли Арт, Ирис и Анко. Две призывательницы позволяли остальным не рисковать жизнями, в то время как Арт рвал подбегавших к стенам теней, без перерыва используя техники сотни мечей. Из-за холода, царившего здесь, парень носил маску, защищавшую лицо от колючих ветров. Его так и называли — безымянным в маске. Эти полтора года последний герой потратил с умом, достигнув пределов собственного тела и разума. Он провёл их в подготовке к неизвестному выбору, который ему все так разрекламировали. Время, отведённое до вторжения жнеца, иссякло. Теперь оставалось только готовиться к худшему.

Фолл не появился, хотя срок, названный им же, истёк. Вернее, истекли оба срока — и тот, после которого он обещал вернуться, и тот, что означал гибель Крэйна.

Что до войны, которая кончилась, не успев толком разойтись... Из важного можно сказать лишь то, что Сангвин, несмотря на всю свою уверенность в собственной гибели, выжил. Более того, он объединился с Садом, отправившись к Железным Горам, где и восседал в резиденции какого-то именитого купца. Император — последнее, что осталось от Империи. Его гвардия пала в сражении с народом океана, все остальные верные ему подданные разбежались, кто куда. Большинство погибло, часть спряталась вместе с церковью, а остатки вступили в ряды Сада.

Приют в Иккаре нашли и прочие личности — несколько высших эльфов во главе с Нерой заведовали палатой целителей, пытавшейся найти способ ультимативной защиты от дождя, лившего за пределами Железных Гор. Эсмеральда и выжившие из её племени орки занимались кузнями, день и ночь создавая орудия, ломавшиеся после очередного набега теней. Триша и искатели приключений под её началом держали закон и порядок в последнем городе Крэйна, а Крон проводил время за столом переговоров с главами кланом гномов, выторговывая у тех провиант, материалы и артефакты. Даже во время конца света упёртый горный народец отказывался предоставлять единственному оплоту, защищавшему их от тотального уничтожения, что-то задаром.

Где-то в заснеженных полях, что в паре километров к югу от Иккара, тренировались в окружении светивших жёлтым шариком Арт, Ирис и Анко. За ними наблюдала группка искателей приключений, в которую невесть как затесались эльфы и пара гномов.

— Сда... Сдаюсь! — выдохнула девушка, падая на колени. Кровь окрасила снег перед ней, а Арт, крутанув клинок, вложил его в ножны. Рядом с Ирис лежала Анко, глядя в чёрные небеса. Обе тяжело дышали, сдерживая кашель.

Это десятое поражение подряд. Ни тени Монарха Ночи, ни разнообразные причуды дара Бога Войны не могли оставить на парне даже царапины. Чудовище — иначе и не скажешь. Он исчезал и появлялся в нужном месте, делая всего один удар, чтобы потом тут же испариться и возникнуть в нескольких десятках метров в стороне, повторяясь. Ему не мешали ограничения способности, наоборот, он наловчился применять техники ста мечей

вместе с нею. Танки разрубались напополам, тени сметались смешанными эфирными волнами, а самые мощные снаряды с заклинаниями попросту не доставали Арта, достигшего мобильности, что не подвластно мастерам клинка. Талант, когда-то вспыхнувший маленькой звёздочкой, теперь сиял, будто второе солнце.

Парень подошёл к чародейке с сестрой, вежливо им поклонившись. Позади раздались сдержанные хлопки и восторженные крики — даже в десятый раз зрелище вселяло в наблюдателей трепет и уважение к навыкам последнего героя. От общей толпы отделилась массивная зеленокожая фигура в шипованном панцире, гулко звеневшем при каждом её шаге. Арт повернулся, пожимая протянутую ладонь в обитой железом перчатке. На него в ответ смотрели широкие карие глаза, под ними — приплюснутый нос и два клыка, выпиравшие над слегка выдвинутой вперёд нижней челюстью.

— Эрнст, кузнец, — вежливо представился орк, кивая поднимавшимся со снега леди. — Неплохо он вас, а?

— Даже не начинай, вонючка, — вздохнула Анко, проходя мимо него и Арта. Тронув того за плечо, продолжила. — Дай мне десять минут на отдых...

— Не загоняй себя, — обратился к ней парень, но женщина только сплюнула, награждая его улыбкой на покрытых кровью губах.

— Всему миру хана, а я не могу одолеть какого-то мальчонку, — рассмеялась Монарх Ночи. — Давай, давай, наслаждайся победой, пока можно. Десять минут, Арт.

Сказав это, она повернулась, ковыляя сквозь снег к толпе, спрятавшейся от снегопада под кроной одного-единственного морозного дуба, странным образом выросшего здесь, в белой холодной пустыне. Ирис, утирая кровь, показала Арта большой палец вверх и присоединилась к Анко. Тот, проводив её взглядом, вернул его к Эрнсту, о котором он слышал многое, но довольно давно, а потому и помнил смутно. Кузнец, кузнец... Не о нём ли рассказывал Фолл, когда Арт тренировался в Ливиграде?

— Что-то случилось? — спокойно спросил парень, обняв ладонью рукоять клинка. Меч Глубин лежал в сокровищнице за стенами Иккара — всё равно Арт предпочитал размер поменьше.

— У меня послание, — кивнул старый орк, проводя рукой перед собой. Из вороха золотых искр в пространстве перед ним появился пергамент, развернувшийся, чтобы Эрнсту было удобнее читать. — Послание из башни архимага.

— От Лори? — удивился Арт. — Ты уверен, что стоит его здесь открывать?

— Нет, — кивнул тот, щелчком пальцев отправляя пергамент к последнему герою. Громодобный смех вызвал лавину где-то к северу, у Пика Грозы. — Прочитай, как будет возможность. Я просто курьер. И всё же — для меня честь познакомиться с тобой, парень.

Орк поклонился в пояс, прижав ладонь к груди. Арт, спрятав свёрток во внутренний нагрудный карман куртки, тут же смутился, попросив Эрнста выпрямиться. С ветвистой кроны морозного дуба спрыгнул Кирагас, тихим свистом предупредив Арта о надвигавшемся набеге. Эльф был буквально тенью последнего героя — он следовал за ним повсюду, сообщая новости, передавая письма и осведомляя Арта об общем положении дел. Кивнув товарищу, парень обратился к орку:

— Благодарю, но вам пора обратно в город. Через полчаса сюда нагрянут тени.

— Так скоро... — мрачно протянул Эрнст, оскаливаясь. — Прошлый набег кончился всего пару часов назад.

Попрощавшись, старый орк присоединился к бывшим зрителям, одной длинной

колонной отправившейся к огням Иккара, вспыхнувшим в становившейся всё сильнее морозной буре. Как только их силуэты скрылись в белоснежном потоке, Арт опустил на толстую срубленную ветку чёрного дерева, положив клинок на колени. Кирагас, взяв лук в руки, присел на корточки рядом, глядя в горизонт. Он даже не пытался убедить Арта пойти к городским стенам, ибо хорошо знал, что это бесполезно. Эльф привык, что глава его безымянного ордена действует так, как захочет.

— Долго ещё, Кирагас?

— Если глаза не подводят меня, то у нас около часа, господин.

— Ты же просвистел всего на половину?

— Иначе Анко бы осталась, — вздохнул эльф, шевельнув острыми ушами. — Она никогда об этом не скажет, но её силы на исходе. И я говорю не про эфир — она выгорает от вечных сражений. Постоянное использование её дара... Ломает сознание.

— Большая сила — большая ответственность, — облизнул пересохшие губы Арт.

Так прошло отведённое время. В тишине, в размеренном дыхании двух фигур, застывших под морозным дубом. Облачка пара растопили снег на зелёных листьях, заставив воду капать Арту и эльфу на головы.

— Не думаю, что мне представится возможность, поэтому скажу сейчас. Спасибо тебе, Кирагас. За то, что стал моим товарищем. И за то, что им остался. Я знаю, что конец света... Хреновое, в общем-то, время.

— Могу я отбросить формальности? — тихо спросил эльф. Увидев кивок парня, продолжил. — Это я должен говорить тебе спасибо, Арт. Где бы я сейчас был, не прими ты меня в наш орден в ту ночь, по дороге к Никке... Я увидел столько, сколько не мог даже представить, что могу увидеть. Я горжусь тем, что я твой товарищ, парень. Как бы глупо это не звучало.

— Ни о чём не жалеешь?

— Нет. Ни о чём. Я присягнул на верность тебе и твоему пути — если у меня и были сомнения, я оставил их в ту ночь.

— Я ведь... Не самый хороший вариант. Заслужить прощение... Что вообще за глупость я тебе сказал тогда!

— Мне кажется, ты сказал это не просто так, — протянул Кирагас, поглаживая тетиву. — Не знаю, что тебя гложет, Арт. Но будь уверен — я пойду с тобой до конца. Куда бы не занесла нас дорога, даже в такие времена, я останусь рядом. Таков наш орден, таков ты, и таков я сам.

— Ха-а...

— Хоть ты и не любишь это слово, я искренне считаю нас героями, — опустил взгляд эльф. — Не теми, из легенд, а настоящими, теми, что не боятся испачкаться в крови. Не бояться вершить то, что нужно, тогда, когда надо.

Кирагас был рядом с Артом, когда тот не мог придти в себя после гибели Фолла. Он был рядом, когда Арт тренировался, он сражался вместе с ним в Ливиграде и не спал ночами, меняя компресс вместе с Ирис, когда парень восстанавливался после сражения с епископом. Для истории этот эльф был совсем ничтожным персонажем, чьё имя попало в неё в результате странного стечения обстоятельств. Но для Арта знакомство с Кирагасом было чем-то вроде отправной точки, ибо с ним он впервые столкнулся с реальностью, с тем, что герои в его голове не были героями на деле. После встречи с эльфом парень начал меняться в нужную для самого себя сторону, и уже за одно это он был бесконечно

благодарен остроухому товарищу.

— Наверно, Эсмеральда бы с тобой согласилась... — выдохнул Арт, барабания по ножнам. Клинок отозвался, резко повысив температуру вокруг лезвия. Парень выпрямился вместе с эльфом, готовя оружие. — Ты прав, я не думаю, что мы герои. Но мы совершенно точно — легенды.

Они рассмеялись, кивая друг другу. Затем обнялись, словно в последний раз. Буря изрыгнула первые тени — чёрные силуэты в ворохе белых частиц. Эльф положил стрелу на тетиву, и лук в его руках загорелся зелёным пламенем, излучая во все стороны концентрированный эфир. Эфир Арта, несмотря на чудовищный объём, почти не ощущался физически. Разве что гипотетический маг, взглянув на его фигуру, легко бы ослеп — столь ярко сияла она в третьем глазу. Теней было, как обычно, много. Они шли, закрывая собой горизонт, но эта картина нисколько не пугала двух воинов, вставших на пути лавины армий жнеца. Они видели её уже много раз, и ровно столько же раз они разрушали её, возвращая покой на приграничные земли.

— Покончим побыстрее и вернёмся к обеду, — обнажая клинок, пульсировавший алым и синим, протянул Арт.

— Как пожелаете, господин, — хмыкнул Кирагас, натягивая тетиву.

Железные Горы, территория безымянного клана.

Пятьдесят метров к югу от стен Иккара, последнего города живых.

13:44.

Мимо противотанковых ежей и автоматических турелей, водивших по снегу туда-сюда красными лазерами систем наведения, брели двое, буравя сапогами снег. Арт нёс Кирагаса на спине — чёрная булава одной из теней перебила коленную чашечку, оставив эльфа в состоянии нестояния. Несмотря на это, парень не испытывал усталости, благо его собственная выносливость превосходила даже Эсмеральду, способную сражаться несколько суток подряд. С улыбкой вспоминались все предыдущие битвы, заканчивавшиеся тяжёлым дыханием и травмами. Без всяких сомнений, сейчас Арт стоял как сотня своих прежних версий, если не больше. Он самостоятельно овладел эфирным ускорением, самостоятельно отточил сотню мечей и самостоятельно довёл свой дар до отведённого тому максимума. Будь здесь Фолл, он бы с честью назвал последнего героя десяткой.

Даже столкнись они сейчас один на один, первому герою пришлось бы попотеть, чтобы одолеть Арта. Последний об этом, к счастью или к сожалению, не знал.

И вот, когда до огромных железных ворот оставалось всего ничего, парень остановился, осторожно спуская эльфа в холодный снег. Тот, поморщившись, посмотрел вперёд, заметив в паре десятков метров перед воротами фигуру в сером плаще, под которым виднелись тёмные одежды с золотой и алой символикой. Высокий мужчина с серыми глазами спокойно взирал на Арта, интуитивно положившего ладонь на рукоять клинка.

Император сам пошёл вперёд, сокращая дистанцию до приемлемой. Вокруг лежал снег, впереди во весь горизонт раскинулись высоченные стены из рыжего кирпича, на них горели жёлтые магические огни, а сверху на всё это смотрели чёрные небеса, затянутые облаками того же цвета. Буря улеглась, но настоящий ураган ждал Арта не там, вдалеке, но здесь, прямо у дома. Парень знал, что этот день когда-нибудь настанет. Когда-нибудь у него пропадёт терпение, когда-нибудь он сорвётся, наплевав на обстоятельства и общую ситуацию. Зная его прошлое, Арт понимал, чего он желал.

Император приложил руку к груди, с щелчком снимая мантию, с тихим шелестом

упавшую вниз. Под ней осталась тонкая чёрная рубашка с белыми пуговицами. Сангвин успел отрастить бороду и усы, закрывавшие добрую половину его лица, оставляя только глаза, неизменно остававшиеся такими же, какими их помнил по похоронам в Ливиграде Арт. Безжизненными, пустыми... Нейтральными. Шрам, пересекавший его лицо по диагонали, горел тусклым оранжевым светом, позволяя отбросить любые сомнения — этот мужчина пришёл, чтобы встретить свою судьбу.

— Должны ли вы действительно сражаться? — спросил Кирагас, достаточно громко, чтобы услышал и император.

— Он знает, — с тихим свистом вынул из ножен клинок Сангвин, положив лезвие на свободную ладонь. — Он знает, зачем я здесь.

— Как знаю и то, что ты не уйдёшь, пока кто-то из нас не погибнет здесь и сейчас, — кивнул Арт, обнажая меч. — Но... Имей в виду — я не хочу тебя убивать.

— После всего, что я сделал? После всего, что я не сделал? — монотонно протянул император. — Я полагал, у тебя достаточно причин, чтобы прикончить меня.

— Фолл рассказал мне о том, что с тобой случилось, — воткнув клинок в снег рядом с собой, сказал парень.

— Тогда ты понимаешь, что мне больше нечего делать в мире живых, — лицо Сангвина дрогнуло — не этого он ожидал от Арта. — И уходить просто так я не собираюсь. Если и умирать, то только от рук сильнейшего. Жаль, что ты — не Фолл. Но считай это признанием — считай, что вы в моих глазах равны.

— Неужели это не может подождать? Хотя бы пока мы не разберёмся с жнецом... — выдохнул Арт, качая головой. — Сангвин, мир на пороге гибели, а всё, о чём ты думаешь, это как бы поскорей сдохнуть?

— Говоришь так, будто уже меня одолел, — вытянул руку с клинком император, угрожающе направив лезвие фальшиона в грудь последнего героя. — Вставай в стойку и дерись, Арт. Остальное подождёт.

— Пути назад не будет, — отставил правую ногу назад Арт, беря свой меч на изготовку. — Только не говори, что делаешь это из-за какого-то принципа или чести.

— Честь... — император рассмеялся, взмахнув клинком. Чёрное пламя объяло сталь, перекинувшись на тело, вскоре полностью поглотив и его. Густой тёмный огонь с белыми языками двигался, вторя ветру, гудевшему у подножия гор. Сквозь него прорвался голос Сангвина, судя по тону, продолжавшего посмеиваться. — Ха-ха! Честь — всё, что остаётся у человека, потерявшего всё! То, что нельзя продать, нельзя одолжить и нельзя заслужить. Настоящая честь — это умереть так, как ты того желаешь. Не так, как говорят остальные, общество, да даже сам Господь — так, как хочешь только ты. Но сама смерть не делает никому никакой чести. Только её процесс, путь к ней, что кто-то называет жизнью — вот то, что можно назвать честью.

Ему больше ничто не важно. Ничто... И никто. Подари ему достойную смерть, Арт. Выполни последнее желание умершего давным-давно героя.

Опечаленный голос Джей прорвался в голову парня мощным потоком мыслей, лишь утвердивших то, в чём Арт был уверен ранее. Хоть его натура отказывалась принимать решение Сангвина, хоть в глубине души Арт хотел помочь императору обрести покой, умом парень понимал, что иного выхода у них не было. Император мог стать отличным союзником в грядущем сражении против жнеца, даже больше — он мог стать, пусть и не надолго, товарищем Арту и остальным. Снова, как в старые добрые — добро против зла...

Как жаль, что мир в глазах Сангвина вот уже несколько лет как был абсолютно серым, пустым и бессмысленным. Он и впрямь потерял всё, кроме чести.

И не желал терять её до самой смерти.

Арту оставалось только проявить уважение некогда великому герою, стоявшему плечом к плечу с Фоллом и Садом. На мгновение закрыв глаза, парень кивнул императору, ускоряя эфир в своём теле. Земля вздрогнула под мощью двух мастодонтов, собравших в себе титанические объёмы энергии. Кирагас судорожно отползал прочь, прижимая лук к груди, где-то за стенами бегали живые, пытаясь понять, что заставило этих двоих встать друг напротив друга. Чёрное пламя против алых и синих волн, переплетавшихся воедино. Верно, первыми столкнулись даже не клинки, но эфир, наполнявший тела воинов.

И только следом клацнула сталь.

Арт шагнул, занося клинок над головой.

— Двадцать первый меч — меч гор!

Синее и алое столкнулось с чернотой. Та двинулась навстречу, всколыхнувшись и вспыхнув ещё сильнее. Император выставил свой фальшион на прямой блок, принимая всю чудовищную разрушительную силу на себя, грудью. От места удара разошлась волна, поднявшая весь снег на земле, волнами разбежавшийся в стороны. Даже ветер, хлеставший в лицо, исчез, а чёрные облака над головой расступились, обнажая серые небеса. Сангвин улыбнулся, кивая своим мыслям. И двинул фальшион вперёд, отталкивая Арта на шаг и тут же контратакуя.

— Неплохо! — выкрикнул император, и в голосе его впервые промелькнули весёлые нотки. Он радовался — потому что сделал правильный выбор. Никто во всём этом проклятом мире не мог сравниться с ним в схватке на мечах. Никто — кроме этого парня, вылезшего из непонятной дыры на севере земель Золотой Империи. Сангвин ударил грубо, снизу вверх, словно разрезая тушу на скотобойне. — Девяносто девятый меч — меч осколков!

От скорости и силы движения Арта на мгновение потерял равновесие, едва успев уйти в пустоту, появляясь справа от императора. Место, где он только что стоял, рассекли воздушные лезвия, тонкими линиями разрезавшие пространство и оставившие на голой земле многочисленные глубокие борозды. Арт ударил прямо, притянув меч к плечу, уже не рассчитывая задеть сразу повернувшегося к нему Сангвина. Два возгласа слились в один.

— Семьдесят третий меч — меч небес!

— Второй меч — меч звёзд!

Голубая волна, следовавшая за клинком Арта, столкнулась с объятый белым чернотой фальшиона, ударившего дважды — сперва прямо в середину меча оппонента, а затем, вновь замахнувшись, обрушиваясь, словно комета, на его плечо. Арт ушёл в пустоту, заранее взяв оружие в обе руки и опустив его вниз. Сангвин отпрыгнул, уклоняясь от тринадцатого меча, при этом ударив ногой в колено, что вывел Арт вперёд при ударе. Потеряв равновесие вновь, парень едва не упал на задницу, но спрятался в пустоте, выходя из неё в паре метров от ухмылявшегося Сангвина.

— Одна проблема в мече потока — ты всегда делаешь его с нашагиванием, — улыбнулся он, перебросив фальшион из ладони в ладонь. — Конечно, не зная, что за эфир следует за техникой, не угадаешь, какие у неё будут недостатки.

Это была улыбка лучшего мечника севера — улыбка человека, чьи фехтовальные навыки признали все в этом мире. Признавали и называли вторым после умений Фолла, достигшего

абсолюта. Быть может, они были равны в скорости, быть может, эфиром Арт управлял куда лучше императора, но разницу в опыте простой силой не перебеёшь. Хоть сотня мечей была доведена до полного мастерства, идеально применять её в бою Арт всё ещё не умел. Однако, несмотря на рискованный момент, он всё же выжил, ощутив смерть, дыхнувшую морозом в затылок. Если бы не дар, Арт уже лишился бы головы.

Жажда крови, что испускал Сангвин, была нешуточной.

— Эти техники... Сразу видно, кто был твоим учителем, — протянул Сангвин, выдыхая. — Ха-а... И эфир в твоём теле, его скорость... Он даже показал тебе свой секрет. Ни один чародей или воин не способен так управлять энергией, Арт. Слишком высок риск войти в вечный эфирный резонанс, сойти в итоге с ума и расстаться с жизнью, бросаясь как на своих, так и на чужих. Ты знаешь, парень, почему я отказался от обучения под руководством Фолла?

— Потому что хотел найти свой собственный путь? — опустил Арт клинок, чтобы встретиться взглядом с императором.

— Да. То, что открыл Фолл, по праву принадлежит ему. Но это не единственная причина. Просто я... — фальшион в руках Сангвина погас, и только по ставшей чёрной серебристой стали последний герой понял, что оружие поглотило эфир, впитав его в себя. — Никогда не искал обходных путей, чтобы стать сильнее.

Дар Сангвина — Бог Эфира. Эта способность делает невозможное возможным изменяет законы физики, магии и естества. Его чёрное пламя, легко поглотившее даже вечное древо — Иггдрасиль, лишь одно из проявлений этого дара.

Голос Джей заставил Арта напрячься, наблюдая за тем, как гаснет пламя, охватившее тело императора. Он остался прежним, ни капли не изменившись. Изменилось другое — эфир, ранее бушевавший внутри и снаружи Сангвина, полностью исчез. Он не мог скрыть свою ауру от Арта, тот бы с лёгкостью заметил подобный трюк. Нет, эфир попросту перестал существовать в теле героя, но угроза, что ощущалась от него, только усилилась. Парень не расслаблялся, осознав, что настоящее сражение только началось. А император, проведя ладонью по чёрному клинку, легонько вздохнул, подняв взгляд на Арта.

— Ты не выглядишь удивлённым.

— У меня в голове сидит существо, которое знает всё, что было, есть и будет, — тихо ответил последний герой, не двигаясь. Знакомое ощущение приближающейся смерти пронеслось меж лопаток, заставив его вздрогнуть.

— Тогда твоему существу следует знать, что этот дар пожирает мою душу, — покивал не то своим мыслям, не то Арту Сангвин. Затем повёл клинком, отводя его за ухо. — Я не буду использовать первый меч — в моём состоянии это бессмысленно. Поэтому нападай. Хотя бы перед смертью выясню, что лучше — его фокусы или моя сила.

— Ты сам об этом попросил! — бросился вперёд Арт, одновременно ускоряя эфир и двигая мечом снизу вверх, отклонив корпус. — Одиннадцатый меч — меч крови!

Алые потоки, омывавшие оружие, стали ярче, поглощая синий цвет практически полностью. Серия ударов, обрушившихся на Сангвина, выполнялась со скоростью, превышавшей звук. Эхо от столкнувшейся стали разносилось по округе уже после того, как клинки соприкасались друг с другом. Сангвин двигал фальшион, подставляя лезвие в блок, но даже он не мог стоять на месте после рваных, грубых и перетекавших из одной в другую атак. Впервые с начала боя император отступил на шаг, с хохотом продолжая обороняться. Теперь стало ясно, в чём был смысл исчезнувшего эфира. Какую бы энергию не вкладывал в

атаку Арт, она не наносила императору никакого урона. Часть из сотни мечей становилась бесполезной, ибо некоторые из них делали ставку не на само оружие, но на эфирную отдачу, что оно несло в ударе или ударах. Так, как только очередной взмах клинка рассёк его щеку, задев шрам, Сангвин вынес своё оружие вперёд, парируя следующий и тут же рубя от уха.

Один взмах императора заглушил все остальные звуки, а его удар, принятый Артом на рукоять, заставил того поморщиться — ноги вошли в промёрзшую землю на несколько сантиметров, а руки, сжимавшие меч, задрожали от силы, вложенной в движение. Сангвин пнул замешкавшегося парня в живот, отталкивая от себя и в мгновение ока оказываясь в упоре, не давая тому среагировать.

Ухмылявшееся лицо оказалось совсем близко, но Арт не стал убегать, несмотря на очевидную прямую угрозу.

Он крутанул клинок, вспыхнувший фиолетовым, вгрызаясь в оружие Сангвина новой серией атак, целью которых теперь был не сам император, но его фальшион. Несмотря на элегантность движений, удары, кромсавшие оружие, были грубыми, соответствовавшими сорок пятому мечу, мечу акульего зуба. Так началась схватка умений двух воинов, в которой не было места трусости или подлым трюкам. Техники Фолла, отточенные Артом, и сила Сангвина, менявшая законы мироздания. Арт не мог не признать, что император носил титул лучшего мечника севера не просто так — его дар вместе с опытом многолетних сражений означали нечто даже большее, чем то, как окрестили Сангвина окружающие.

А ещё Сангвин был прав. Эфирное ускорение — обходной путь для достижения силы. Они двигались на равных, но Арт поддерживал темп исключительно благодаря усиленным из-за течения энергии в теле чувствам. Они обменивались ударами, но император проводил их куда эффективнее последнего героя, в то время как его собственные движения едва доставали Сангвина. Всё, чего достиг, идя по лёгкому пути, Арт, Сангвин заработал путём многолетней работы над собой. Это не обесценивало старания кого-то из них, нет.

Когда в бою за них говорили клинки, Арт понимал императора всё больше и больше. Если бы не трагедия, забравшая жизни его любимых, кем бы они были друг другу? Могли бы они стать друзьями и товарищами? Быть может, Сангвин нашёл бы себя в безымянном ордене Арта, не прими он решение покончить со всем здесь и сейчас. Столько покалеченных судеб, столько незаслуженных смертей... Включая и гибель императора.

Странное ощущение пропитало Арта тем больше, чем дольше он бился с Сангвином. Он видел перед собой не императора, не героя, проклявшего свой путь... Перед ним сжимал свой клинок мертвец. Прошлое не изменить, как бы мы не пытались. Что сделано, то сделано, и остаётся только смириться с последствиями. Арт сожалел о том, что случилось с Сангвином. Однако, когда человек что-то по-настоящему решает для себя, изменить его выбор может только смерть. Но что, если этот человек уже много лет как мёртв, пусть и внутри?

Имеют ли силу его решения?

В полёте ударов, защиты и нападения, в облачках пара, поднимавшихся с лиц воинов, Арт отказывался принимать выбор императора. Он сам потерял тех, кем дорожил, но Сангвин потерял вообще всё. И даже так — повод ли это сдаваться, отказываясь жить дальше? Почему Сангвин отказался даже от своей последней в этой жизни мечты — сбежать отсюда прочь, обратно на Землю?

— Почему... — парируя фальшион и впечатывая кулак в лицо Сангвина, прошептал сквозь зубы последний герой. — Почему! — император поморщился на его словах, но

следующий удар опередил движение его клинка. Тонкая рана осталась на груди Сангвина, и Арт остановился, отходя на шаг. — Почему?!

Сангвин опустил взгляд, рассматривая рассечённую рубашку, медленно набухавшую от толчками выбивавшейся из вскрытых сосудов крови. Приложив к глубокой ране ладонь, император со вздохом потёр кровь между пальцами, опустив клинок вдоль тела. Ветер трепал свободные помятые штаны, игрался со шнуровкой сапогов, капал на снег алый цвет, разукрашивая его и вызывая у Сангвина улыбку. Подняв взгляд на застывшего с непонимающим выражением лица Арта, император ещё раз вздохнул.

— Почему ты сдался, Сангвин? Почему ты не пытаешься хотя бы убежать, как и хотел? Почему ты так хочешь, чтобы я тебя убил?!

— Я не могу убежать с этим грузом на плечах, — помотал головой император. — А сам побег... Что ж, с тонущего корабля первыми бегут только крысы.

— Хватит! Ты же просто... — Арт запнулся, пытаясь разглядеть хоть какой-то отклик в серых глазах Сангвина. — Ты же просто ищешь оправдания! Даже если здесь ты потерял всё... В конце-концов, ты мог бы прожить нормальную жизнь на Земле.

— Думаешь, у меня осталось время на поиск выхода из этого грёбанного тёмного фэнтези? — выдохнул он, но на его лице проскользнула боль. — Если даже Фолл не смог спасти этот мир, то я не стану и пытаться. Остальное складывается само по себе — вернуться я не смогу, а значит, для меня уже всё кончено. Что, так ли плохо умереть с честью, нежели от рук твари, решившей сожрать Крэйн?

— Ты... Ты знаешь, что сделал Фолл?

— Про временную петлю? — спокойно уточнил Сангвин. — Конечно. Он не говорил, сколько раз он уже прошёл через всё это... Но складывается впечатление, что много. Слушай, парень, ты или... — император схватился за грудь, заходясь в диком приступе кашля. Чёрная кровь, соединившись с алой на снегу, поблёскивала под робким светом звёзд. — Кх-кха... Вот и подходит моё время.

— Даже так... — Арт пытался подобрать слова, чтобы переубедить императора, но не мог справиться с переполнившим его чувством сожаления. В глубине души парень хотел сражаться за каждую душу, что ещё можно было спасти. Да, он не называл себя героем, но слова — всего лишь оболочка, придуманная, чтобы удобней было навешивать на вещи ярлыки. Их суть от пресловутых ярлыков не меняется, как бы мы не старались это сделать. — Я верю, что мы можем спасти Крэйн. Я верю, что каждая история должна получить свой счастливый конец. Включая твою.

Император рассмеялся, тут же орошая кровью остатки снега под ногами. Утерев чёрное с губ, он сплюнул, выдыхая.

— Хэппи-энд... В этом мире? Для кого-то вроде меня? Не то время, не то место...

— Просто доверься мне, — подошёл Арт, вложив клинок в ножны. — Мы можем попробовать... Достигнуть наш хэппи-энд..

— Мальчишка... — с горькой улыбкой посмотрел Сангвин на последнего героя. — С меня... Достаточно. Я сделал — достаточно. Настало время платить по счетам. Миллионы жизней, что я загубил, и ещё больше тех, чьи судьбы были разрушены из-за моей мести... Слышал когда-нибудь, что время приходит за всеми?

— Никогда не поздно измениться.

— Какое клише...

— Я серьёзно.

— Тогда серьёзно. Для меня — слишком поздно.

— Какое клише.

— Я был когда-то таким же, как ты. Наивным, верившим в глупости вроде счастливых концовок и спасения жизней. Реальность показала, каким я был идиотом. Молись, чтобы она не показала это и тебе. Запомни... — император положил руку на плечо Арту, и в серых глазах его вспыхнула печаль человека, жившего подобно мертвецу... — Хэппи-энды — они только в сказках. Любая победа требует жертв. Любое счастье достигается за счёт счастья других. Моя история тому наглядное подтверждение.

— По себе людей не судят.

— Ха! Впервые вижу настолько упёртого мальчика.

— Пожалуйста... — голос Арта дрожал, ибо парень не мог справиться с волнением, охватившим его во время разговора с императором. — Не сбегай. Давай попытаемся вместе. Ты всегда успеешь умереть. Сделай это хотя бы без сожалений.

— Считаешь, я о чём-то сожалею?

— Ты бы не искал смерти от моих рук, а наложил бы их на себя в противном случае. Ты ведь сам сказал, что не ищешь обходных путей. Но что есть смерть, если не лёгкий способ избавиться от груза на плечах, от ответственности за свои поступки и обязательства?

— Где ты только научился так говорить... — сокрушённо вздохнул Сангвин, отступая от Арта.

Посмотрел на парня, отчётливо видя в его глазах искренность и уверенность в том, что он считал правильным. Самым забавным было то, что Арт был прав. Сангвин не мог признаться в себе в этом, прикрывшись воинской честью. Умереть от рук сильнейшего? Что за чушь! Император просто хотел побыстрее сбросить с себя чувство вины и избавиться от ощущения собственного ничтожества. Он не смог защитить тех, кто был ему дорог, но не нашёл в себе силы покончить с этой жизнью самостоятельно. Если бы...

— Если бы ты только пришёл немного раньше... — прошептал мужчина, сжимая кулаки. — А, чёрт! Да, Арт. Я хочу сбежать. В праве ли ты судить меня? Не думаю.

— Я и не сужу. Я хочу помочь.

— Тогда какой план? Сразиться с жнецом? Ещё более глупая идея, чем наша дуэль.

— Ты говорил о чести, Сангвин. Может ли быть честь больше той, что я предлагаю? Даже если мы погибнем — мы умрём, пытаюсь спасти тех, кто ещё может быть спасён. Даже если мы умрём, мы подступим на шаг к счастливой концовке. Для тебя, для меня — для всех.

Император замолчал, раздумывая над словами Арта. Конечно, Сангвин прикрывался честью, чтобы спрятаться от своего прошлого, но она не была для него пустым звуком. Как и для самого Арта. Поход против жнеца, задуманный парнем, был чистой воды суицидом, но... Но он однозначно был высочайшей честью для воина, когда-то называвшего себя героем. Умереть, спасая мир. Не такое уж и плохое завершение долгой истории для императора. Альтернатива, которую отказывался принимать Сангвин, теперь виделась ему последней ниточкой, что могла привести его к прощению, о котором он так мечтал. Он хотел, чтобы его простили те, кого он не смог защитить. И те, чьи жизни он разрушил в порыве ярости и мести.

Если его семья сейчас смотрела на него с небес, то она явно хотела, чтобы Сангвин принял предложение Арта.

Хмыкнув, Сангвин протянул руку, закованную в металл, парню.

— Давай попытаемся, малец. Никогда не знаешь, что на самом деле упускаешь,

попросту отказываясь от возможностей, предложенных судьбой.

— Добро пожаловать в орден без имени, — кивнул ему Арт, пожимая ладонь. — Я не могу гарантировать хэппи-энд. Но обещаю, что каждый в моём ордене заслужит своё прощение.

— Тебе надо избавиться от пафоса, если хочешь и дальше быть похожим на Фолла, — улыбнулся в бороду Сангвин, выдыхая. — А-а... Даже как-то легче на душе стало. Твой язык ещё сильнее твоего меча, малец. Или мне теперь называть тебя главой, а? Вха-ха-ха!

Они рассмеялись, глядя друг другу в глаза. Кирагас, осторожно подошедший сзади, обеспокоенно посмотрел сперва на Арта, а затем и на Сангвина. Только что всерьёз сражавшиеся насмерть люди сейчас стояли и хохотали, будто старые приятели. Конечно, они не были знакомы столь близко, но понимания одного другим было достаточно, чтобы скрепить узы, возникшие, буквально, на пустом месте. Эта удивительная черта любого главного героя — находить друзей во врагах... Неизвестно, что может быть ещё банальней, чем она. Глупо? Вероятно. Наигранно? Вот уж нет. Сангвин и Арт понимали друг друга настолько, насколько только мог понять один потерявший надежду человек другого.

Никогда не поздно измениться. Вот это — ещё банальней, чем находить во врагах друзей.

Но что-то никогда не меняется, как бы противоречиво это не звучало. И это что-то — жанр этой истории.

Император дёрнулся, изо всех сил отталкивая от себя Арта. Парень, не ожидавший подвоха, отлетел на несколько метров прочь, группируясь в полёте, чтобы приземлиться на ноги. Он услышал свист стали, но потерял на миг Сангвина из виду, поднимаясь, чтобы тут же отыскать взглядом его... И ещё одну фигуру, всадившую в спину императора длинный серый клинок, испускавший эфир того же цвета. Округлив глаза, Арт бросился вперёд, толком не разглядев нападавшего. Кирагас, стоявший рядом, упал на мокрую землю, не в силах поверить тому, что видел перед собой.

Железные Горы, территория безымянного клана.

Тридцать семь метров к югу от стен Иккара, последнего города живых.

15:16.

Когда Арт подбежал к императору, тот остановил его жестом, глядя на фигуру, чьё лицо было скрыто чёрным плащом.

— Этого... Этого не может быть... — прошептал Кирагас.

— На сцену... Выходит... Герой... — хмыкнул Сангвин, и кровь хлынула с его рта, выплёскиваясь на землю. Император побледнел, а фигура, оставив в его теле клинок, отступила, снимая капюшон.

Простое, спокойное лицо, замызганное каплями чёрной крови. Короткие тёмные волосы шевелил ветер, вернувший себе прежнюю силу. Серый и каштановый вращались в глазах, выражавших лёгкое разочарование. Взгляд этого человека был по-прежнему острым, цепким, почти хищным — таким, каким его запомнил Арт. И каким не наблюдал уже давно... После его смерти.

Первый герой выпрямился, взмахнув рукой. Пространство вокруг них исказилось, затуманилось — сквозь образовавшийся купол виднелись силуэты, покинувшие Иккар. Среди них выделялись две женские фигуры, что бежали впереди всех. Одна — в тёмной робе Легиона, другая — в бежевом пальто. Наблюдатели покинули свой пост, осознав, что что-то с происходящим перед стенами было не так. Фолл предвидел это — поэтому наложил на

небольшой квадрат Купол Тишины, полностью отрезав от остального мира его, Арта и Сангвина. Кирагас, корчась от боли в раздробленном колени, принялся колотить по пузырю с обратной стороны. Эльф что-то кричал, но его не было слышно.

Арт сдерживал слёзы, рвавшие наружу. Множество чувств смешались в одно непонятное, невысказанное. Положив руку на рукоять клинка, парень обратился к первому герою:

— Отойди от него.

— Как скажешь, — легонько вздохнул Фолл, вынимая оружие из груди императора. Тот рухнул там же, где стоял.

— Сангвин! — бросился к павшему герою Арт, приложив ладонь ко вспоротой рубашке, от которой растекалась во все стороны чёрная кровь. Подняв голову, парень закричал, надрываясь. — За что, Фолл?!

— Оказываю честь бывшему товарищу, — пожал плечами тот, встряхивая клинок, чтобы очистить лезвие. Несколько видов эфира, смешавшихся в сером, временами вспыхивали вокруг его силуэта. — Судя по всему, у тебя на это не хватило духа.

— Твою мать... — выругался Арт, возвращаясь взгляд на умиравшего императора. — Мы ведь... Уже договорились... Мы пообещали...

— Обещание в силе... — хрипло произнёс Сангвин, снимая перчатку. Положив голую ладонь на грудь Арта, в которой бешено стучало стойкое, пламенное сердце героя, он улыбнулся. — Покажи ему... Нет, этому миру... Хэппи... Энд...

Пустота, что болела так сильно внутри Арта, вдруг наполнилась чем-то тёплым и светлым. Сангвин что-то передал ему — и заглянув в себя, парень с содроганием осознал, что это был его дар. Последнее желание императора, его воля и его мощь — всё, что у него осталось, воин передал тому, кто понимал его больше всех. В голове вертелись вопросы, но Арт задвинул их прочь, поднимаясь от бездыханного тела. Эфир в его руках бил горным ключом — и парень чувствовал, что мог делать с ним всё, что пожелает. Изменять форму, объём, концентрацию, перегонять один вид эфира в другой — и всё это с лёгкостью, мгновенно. Выдохнув, Арт обнажил клинок, отозвавшийся гулом в висках.

— Не строй иллюзий, — повернулся к нему Фолл, закинув меч, загоревшийся белым пламенем, на плечо. — Может, ты всерьёз и веришь в то, что на Земле Саша нашёл бы покой. Вот только я знаю, что после такого никто не будет прежним.

— Нихрена ты не знаешь!

— Арт, — выдохнул первый герой, слегка поморщившись от его крика. — Я знаю гораздо больше твоего. Даже то, что ты не знаешь, что можешь познать, я — знаю.

— Значит, вот оно, — развёл руками парень, с озлобленной ухмылкой взирая на того, кого считал своим другом и учителем. — Здесь ты рассказываешь мне, что за план ты приготовил за кулисами. Знаешь, Фолл... — он набрал воздуха, собираясь с силами. — Я до самого конца не хотел тебя подозревать. Не хотел верить, что ты что-то замышляешь, скрываешь от меня нечто важное...

— Зря, — спокойно протянул Фолл. — За то время, что ты пробыл в Крэйне, тебе следовало научиться всего одному — никому здесь нельзя доверять.

— Как ты... — злость, сожаление, отвращение и глубокая печаль слились воедино в словах Арта. — Как ты только мог так поступить? Через что бы ты не прошёл, должны же быть хоть какие-то границы! Должны же у тебя были остаться хоть какие-то честь и достоинство!

— Если жить с честью — ты навечно будешь её рабом. Я отдал всё... — он помотал головой, словно не веря в то, что вынужден был оправдываться. — Я отдал всё, Арт. Всё для победы. Любовь, товарищей, ту же честь — всё в утиль, лишь бы получить хотя бы мизерный шанс. Нет жертв, на которые я не мог бы пойти. И всё же я надеюсь... Что ты меня поймёшь.

— Что ты задумал... — отступая на шаг, сказал Арт, в то время как Фолл двинулся на него с мечом перед собой. — Фолл!

Его цель — твоё тело. Я... Сожалею, что не поняла этого раньше. Сейчас Фолл всё ещё дух, чистый серый эфир. Не знаю, откуда он собрал столько энергии, но если совместить его с тобой, если он поглотит тебя, заменит твою душу своей, у него действительно может получиться одолеть жнеца. Такая сила не должна принадлежать человеку, и всё же он жаждет её получить. Не знаю, как давно он всё спланировал, но я содрогаюсь перед чудовищностью его плана.

— Я сожалею, Арт, — остановился первый герой. Арт же обнаружил себя у края пузыря, ощущавшегося, будто стена. — Сперва думал, что это будет легко. Что я как обычно с лёгкостью проверну то, что кто-то назовёт бесчеловечным. Но прожив бок о бок с тобой почти год, я начал всерьёз сожалеть о том, что решил сделать. Ты так веришь в то, что я считаю глупостью и лишней тратой времени, так упорно следуешь принципам, рассчитывая с их помощью одолеть любые трудности... Ты совсем не похож на меня, — на этих словах Фолла Арт вздрогнул, прикусив язык. — Однако я слишком много раз испытывал горечь безнадёжности, чтобы отступить.

У тебя есть шанс. Фолл не имеет материального тела — он не может использовать эфирное ускорение. Не сдавайся, Арт. Я поддержу тебя всем, чем смогу.

— Мне ты казался настоящим героем, — с презрением сплюнул последний герой, поднимая свой меч. — Тем, кто видит свет в абсолютной тьме. Тем, для кого само звание героя значит то, что и должно. А теперь я вижу перед собой безумца, поглощённого своими демонами. Ты перестал быть человеком, Фолл.

— Может, и так, — покивал первый герой, и в пустых глазах призрака на мгновение загорелась злость. Фолл понимал, что с ним произошло. Понимал — и всё равно шёл вперёд, не оглядываясь. Так, как привык. — Тебе, считай, повезло. Ты не столкнёшься лицом к лицу с жнецом. Поверь, я оказываю тебе услугу — эта тварь не та, с которой ты можешь сражаться в таком состоянии.

— Поэтому ты решил забрать у меня тело?

Фолл осёкся, нахмурившись. Посмотрел на Арта по-новому — с удивлением. Нельзя сказать, что оно было радостным.

— Твой дракон куда умнее, чем я думал. Интересно, на что рассчитывал он? Если этот дракон видел всё то же, что видел я, он должен понимать, что тебе не выиграть схватку с потусторонней тварью, пожирающей миры на завтрак.

— Джей? — шёпотом спросил парень.

Я... Не знаю. Сперва одолей Фолла. Потом мы сможем обсудить мой план.

— Судя по твоему лицу, внятного ответа ты не получил, — усмехнулся Фолл, качая головой. — Ну, хорошо. Я отлично знаю, насколько ты упёртый, ученик. В конце концов, я был тем, кто вбил эту упёртость тебе в голову. Давай выясним, насколько ты стал сильнее.

Они ринулись друг на друга смазанными очертаниями силуэтов. Запоздало поднялись в воздух снег и комья влажной земли, веером разбросавшие себя во все стороны. Столкнулись клинки — со звоном и эхом, отразившихся от тесных стен купола. Джей управляла эфиром,

позволяя Арту сосредоточиться на схватке. В отличие от сражения с Сангвином, теперь обе стороны двигали мечами с одним-единственным желанием — желанием убить другого. Без всяких сомнений, эта битва не должна была произойти вовсе, однако история доказывает обратное. История вообще любит шутить — в ней и невозможное возможно. Из друзей — в врагов, из союзников — в соперников, из любви — во взаимную ненависть. Нерушимые союзы трещат по швам, крепчайшая дружба превращается в гнойник из зависти, сомнений и глупых мыслей.

Справедливы и обратные ситуации. Правда, что забавно, чаще хорошее перерастает в плохое, нежели наоборот. Трагедии случаются куда чаще чудес, и это печально. Но что мы, человеки, можем с этим поделать? Разве что надеяться на лучший исход для самих себя.

Одна сотня мечей столкнулась с другой в россыпи разрывавшего пространство эфира — серого, белого, чёрного, фиолетового, голубого, золотого, красного. Борозды, что оставляли на земле клинки, отражавшие друг друга, убегали на несколько километров вниз, заставляя почву грохотать. И не только землетрясения — в воздухе били разноцветные молнии и кружили ветра, впитывавшие энергию, что выпускали клинки двух героев. Их скорость почти достигла скорости света, и теперь в пузыре мелькали только остаточные изображения, обменивавшиеся ударами. Сила, с которой они сталкивались друг с другом, заставляла живых, столпившихся возле купола, рухнуть, потеряв сознание. Давление от схватки было невыносимым — разве что Анко, печально глядя на бой, закурила, поправив очки.

Вокруг неё лежали штабелями те, кого Арт мог назвать своими товарищами. Эсмеральда, Крон, Нера, Ирис, Кирагас... Не хватало разве что Лорелеи и Фариона, сейчас находившихся за много километров к западу. Если бы они знали, что сейчас твориться в этом пузыре, ради чего Фолл и Арт бьются друг с другом... Чью бы сторону они приняли? Старая бабуля Триша обожала одну поговорку: поживи подольше, и узнаешь побольше. Анко всегда смеялась над ней, ибо видела и знала значительно больше подслеповатой старушки, невесть как остававшейся одной из сильнейших среди искателей приключений. А теперь понимала, что даже у её знаний есть предел. Ради чего этим двоим нужно было сражаться?

Когда цели одинаковы, лучшим решением будет объединиться для их достижения.

Но Фолл и Арт бились насмерть, несмотря на сей факт. Один — проживший множество жизней, другой — едва познав первую. Их желания совпадали, это понимала и Анко. Однако, судя по всему, никто не желал принимать способ другого. Что ж, как однажды сказала Лори — чему быть, того не миновать.

— Первый меч — меч героя! — слились два возгласа в один. Их чувства, их стремления, их намерения и их сердца схлестнулись в ударе, обязанном определить победителя сражения, что длилось уже больше получаса.

К сожалению, иногда возникает ситуация, когда чьи-то, пусть и противоположные, намерения оказываются равными по своей силе.

Два меча столкнулись, выпуская во все стороны разноцветный эфир. Ни Фолл, ни Арт не отступили, глядя друг другу в глаза. Серый и каштановый против серого и янтарного. Такие похожие — и такие разные. Судьба не могла разрешить их противоречия, а потому оставалось только уповать на навыки. И совсем капельку — на удачу.

Джей из последних сил разгоняла энергию по телу и клинку Арта, поддерживая эфирное ускорение. Фолл был поразительным мечником — даже без своего главного козыря он умудрялся держать тот же темп, что и последний герой, пускай и уступая совсем немного в реакции на атаки. Если Сангвин казался парню дубовым щитом, через который

приходилось продираться, то Фолл встал перед Артом монолитной стеной, надвигавшейся на него с намерением раздавить в пыль. Какие бы из сотни мечей Арт не использовал, защита Фолла была абсолютной, что не удивительно — он был создателем техник, что отточил последний герой.

Но в любой стене рано или поздно появляются трещины, если бить по ней с нужным упорством.

Резким движением совершив оборот против часовой, Арт отвёл серый клинок Фолла в сторону, впечатывая лоб в лицо первого героя. Тот отступил, на миг закрывая глаза. Парень ушёл в пустоту с занесённым оружием, чтобы обрушить на противника сотый меч. Прозрачный эфир ударил в живой серый металл, неведомым образом оказавшийся возле плеча Фолла. Кажется, первый герой отлично знал не только свои техники, но и то, как применял их в сочетании со своим даром Арт. Он контратаковал, полоснув мечом осколком отпрыгнувшего обратно в пустоту последнего героя.

Тот вышел из воздуха в двух шагах за спиной Фолла, придерживая повисшую плетью руку. Лезвие вошло глубоко, едва не отрубив конечность полностью. Она болталась на остатках костей и кровоточащей плоти, причиняя парню страшную боль. Которую тот, впрочем, не замечал, ослеплённый злостью, переполнившей его душу. Несправедливость и предательство — что ещё нужно человеку, чтобы начать ненавидеть кого-то?

Первый герой положил свой клинок на плечо Арту, упавшего на колени.

— Сдавайся. Я не смогу победить жнеца, если твоё тело лишится головы.

— Должен быть... Другой выход!

— Я знаю, — кивнул Фолл, тяжёло вздыхая. — Я знаю, что он "должен" быть. Я скажу тебе больше — он есть. Только ты не захочешь им воспользоваться. Я — не захотел. Поэтому пошёл и придумал план, чтобы никому не пришлось выбирать. Чтобы жнец наконец-то сдох!

— Что ты... Имеешь в виду... — сжимая клинок, протянул Арт.

— Забудь, — помотал головой первый герой, отступая. — Прости меня, парень.

Пожалуйста, прости...

Сейчас!

Арт подался вперёд, держа свой клинок обратным хватом. Он знал, что так правильного исполнения техники не добиться, но не исполнение было в ней главным. То, чего не было у Фолла — вера в общую победу. Вера в счастливую концовку для всех без исключения. Арт не знал, что ждало его впереди, и это ни капли не мешало ему надеяться на хэппи-энд.

Для Сада, потерявшего тех, кто давал ему надежду.

Для Лори, отказавшейся от мести.

Для Ирис, поддерживавшей последнего героя на его пути, несмотря на свою неприязнь к героям.

Для Кирагаса, первым поверившего в слова Арта.

Для Джей, осознавшей свои ошибки.

Для Анко, прятавшей за безумной улыбкой печаль и сожаления.

Для всех тех, для кого Арт был светом в конце тоннеля. Кто надеялся на него, кто верил в него, кто был готов отдать за него свою жизнь.

Для Фолла, продавшего товарищей, любовь и честь ради достижения ультимативной цели героя — спасения мира.

— Третий меч — меч дружбы! — выкрикнул Арт, вонзая клинок в грудь Фолла, не успевшего отойти прочь. Разноцветный веер эфира, поднятый от движения меча, смёл

силуэт первого героя, а последний герой, потеряв равновесие, рухнул на четвереньки, кашляя кровью.

Когда он поднял взгляд, серые потоки энергии вновь сформировали фигуру его наставника и друга. Отойдя от лёгкого шока, Арт услышал аплодисменты, которыми наградил его Фолл. Кое-как поднявшись, он встретился с ним взглядом, придерживая повреждённую руку. Хлопки длились долгую минуту, и в них не было слышно сарказма или любой другой насмешки, словно Фолл искренне хвалил парня за то, что тот провернул в последний момент. Как и меч героя, меч дружбы невозможно было использовать на полную без нужных чувств, обязанных полыхать в душе исполнителя. Фолл как-то сказал, что первый меч сделал Сангвина тем, кем он стал после восхождения на трон — лучшим мечником севера.

В таком случае третий меч вознёс Арта на пьедестал лучшего мечника Крэйна.

Закончив с аплодисментами, Фолл легонько вздохнул, опускаясь на влажную почву, искореженную их атаками ранее. Вытянув из воздуха сигарету с зажигалкой, чиркнул последней, закурил.

— Ты совершил большую ошибку. И скоро ты поймёшь её последствия... — и щёлкнул пальцами, снимая Купол Тишины.

Ощувив эфир, сгустившийся за спиной, Арт повернулся, чтобы увидеть, как на горизонте появилась очередная армада теней. Их наконец-то можно было разглядеть полностью — благодаря свету звёзд на очистившихся небесах. Но энергия, искажавшая восприятие и причинявшая физическую боль, исходила не от армии жнеца. Арт чувствовал её от башни — что-то на самом высоком её этаже излучало эфир, чуждый Крэйну. Да, парень ощутил само естество катастрофы, ожидавшее его, последнего героя этого мира. И когда Арт сделал шаг, чтобы ринуться на самую важную в его жизни встречу, чья-то рука вдруг легла на его плечо.

Фолл помотал головой, прося этим жестом остановиться.

— Не убивай себя, раз так долго к этому шёл. Сперва расчисти путь к башне, а потом выслушай то, что я хочу тебе сказать. Что будет дальше, решать только тебе.

Позади последнего героя поднимались его товарищи, готовя оружие, заклинания и боевые кличи. Всё было так, как представлял себе Арт, и всё же... Что-то внутри царапало душу, вынуждая сомневаться в только что одержанной победе. Что могло сподвигнуть Фолла на предательство? Насколько сильным был жнец, чтобы даже первый герой, жертвуя всем, что имел, из раза в раза, не мог его одолеть? Был ли у силы катастрофы предел? Это только предстояло выяснить. Арт видел перед собой цель, но путь к ней, до этого прямой и ясный, теперь смазался, покрывшись серой дымкой. Последний герой выдержал все испытания, вставшие на его дороге.

Впереди осталось последнее и самое главное.

Выбор, про который говорила Джей, стоял на пороге.

Теперь надо только услышать, какие варианты лежали перед Артом.

Но об этом — в финальной части нашей истории.

Глава семнадцатая. (Не) Бойся Жнеца

Иногда лучший способ погубить человека — это предоставить ему самому выбрать судьбу.

Михаил Афанасьевич Булгаков, «Мастер и Маргарита».

Арт,

Я надеюсь, это письмо застанет тебя живым. Эрнст, покидая Сенстонию, пообещал мне доставить его тебе лично в руки.

Последние месяцы выдались особенно тяжёлыми: еды почти нет, вода в подземном резервуаре пропиталась кислотой, а теней вокруг башни стало ещё больше, чем раньше. Я не вижу им конца и края — если бы не барьер мастера, мы с Фарионом давно бы погибли. Даже это письмо я пишу, двигая рукой с помощью эфира, потому что сил не осталось совсем. Вот уже полгода мы перечитывали манускрипты в библиотеке, и сейчас я рада сообщить, что способ справиться с жнецом был найден. Ты писал о сооружении, появившемся возле Иккара. Рискну предположить, что именно там, на самом верху, скрывается катастрофа. Башня, если верить последней воле норн, соединяет Крэйн с миром, из которого к нам пришёл жнец. Мира... Мастер получила пророчество духов, живущих под Иггдрасилем, много лет назад. Видимо, она не знала, к чему оно было, но сейчас это предсказание подходит нам как нельзя кстати.

Если нам удастся разрушить ту башню, то связь оборвётся, лишив его сил. Правда, высока вероятность того, что сделать это будет ещё тяжелее, чем одолеть самого пожирателя.

Фарион спустился в подвальный этаж библиотеки, вернувшись оттуда с запечатанным свитком заклинания. Я вскрыла печать — чары были написаны мастером, судя по состоянию пергамента, более пятидесяти лет назад. Хаос Бездны — так звучит название... Соответствует своему эффекту, мать его. К делу.

Ты проведёшь меня на самый верхний этаж, к месту разрыва пространства и времени, к точке соединения двух миров. В библиотеке Миры сохранились артефакты, которые помогут нам проникнуть внутрь, не сражаясь с тенями у входа. Высоко запрыгнуть не получится, но это лучше, чем ничего. Фарион хотел меня отговорить, но это единственный грёбаный выход, который я вижу и в котором уверена. Хаос Бездны собирает эфир, разбросанный по Крэйну, в один большой заряд. Кажется, Фолл называл что-то такое "бомбой". Без эфира мы лишимся своих сил, поэтому... Ну, ты знаешь, как оно бывает. Придётся умереть, чтобы другие жили дальше. По крайней мере, мы с тобой будем единственными и последними жертвами всей этой сраной истории.

Я не знаю, ответишь ли ты мне, поэтому выскажусь сразу.

В тот вечер, в саду, ты сказал, что отказываешься принимать мою смерть. Тогда я подумала: "Ха-а, а Фолл бы просто плюнул и ушёл, даже не пытаясь меня отговорить". И сразу после того, как ты покинул меня, он вышел из воздуха, как чёрт из табакерки! Можешь себе представить? Я до сих пор не понимаю, что это было. Иллюзия или знак свыше... В любом случае. Мне кажется, ты изменил нас всех. Если даже Фолл вдруг пришёл с того света, чтобы поговорить со мной... Если даже Ирис перестала плевать при любом упоминании героев... Изменения кардинальны. И всё это — благодаря тебе.

Ты сказал, что отказываешься принимать мою смерть.

Но сейчас у нас нет выбора. По крайней мере, мы с тобой знаем, на что идём, и почему мы на это идём. Нет ничего важнее спасения этого мира, каким бы паршивым он временами ни был. Так-то оно так... Правда, зная тебя, ты наверняка попытаешься сделать что-то по-другому. Каким бы ни было твоё решение, я приму его. Передай привет Маркусу, Ирис и остальным.

Если ты захочешь принять мой план, к письму прикреплено заклинание реверс-телепорта.

P.S. Фарион тоже захотел поучаствовать в этом дерьме. Mieux vaut tard que jamais!

"Лучше поздно, чем никогда".

Не жду ответа,

Графиня Лорелеи дэ Костаэль, ученица своего мастера.

В одной руке Арт держал белую маску, в другой — помятый развёрнутый свиток. Впереди мелькали чёрные силуэты, смешиваясь с серыми, синими и зелёными. Сад отбивал набег теней, в то время как последний герой, предчувствуя беду, отступил далеко на север, найдя покой на Пике Славы, самому холодному и пустынному среди прочих. Даже чудовища не рыскали здесь, ибо им нечем было питаться — большинство ретировалось к землям гномов или в пределы Иккара, выискивая свежую кровь. Гудел ветер, играясь со снежным ворохом на отвесных скалах, тихо блестели звёзды над головой, а впереди, за много-много километров, стояла пышущая силой и бездной высоченная башня, пробивавшая небеса. Полыхали огни на стенах Иккара, метались внутри люди, гномы, эльфы и орки, объединяя усилия ради выживания собственной расы.

Ради них сюда призвали героев. Ради них было принесено столько жертв, выдержано столько страданий и пройдено столько ухабистых дорог. Большинство из них даже не подозревали, сколько героев лишились жизни в попытке изменить Крэйн. Это не делало старания ничтожными, это... Просто факт, который стоит знать.

Для Арта спасение мира обрело иной смысл. Добиться счастливой концовки — иными словами: счастье для всех, и пусть никто не уйдёт обиженным. Он сидел на горном пике, медленно но верно понимая, что в одиночку ему не справиться. Даже если один на один у парня был шанс, у жнеца огромная армия. Пока он будет пробиваться на верхний этаж, силы так или иначе будут потрачены, означая автоматическое поражение. Нужен был план, нужны были союзники, и они были — даже больше, чем нужно. Следуя своей натуре, Арт пытался придумать, как обойтись минимальными жертвами. А ещё лучше — совсем без них.

Вариант убежать даже не рассматривался. Последний герой не для того прошёл свой путь, чтобы сейчас струсить. Хотя надо признать — ему было страшно. Сила, что чувствовал он наверху сооружения, вгоняла в сердце ужас. Он никогда не сталкивался с чем-то подобным. И это только то, что можно было понять на расстоянии. Что будет, когда они встретятся лицом к лицу... Одна мысль уже пугала Арта до дрожи в коленях.

Прочитав письмо Лори, он отложил его в сторону, на обледеневшие камни, подняв взгляд на стоявшего к нему спиной первого героя. Тот повернулся, скрестив руки на груди, молча посмотрев на вытянувшего ноги на скале Арта. Парень сидел, расслабившись, чтобы полностью сосредоточиться на мыслях. Однако, они с Фоллом были не наедине. Подол церемонной серой робы трепыхался на ветру, тонкие чёрные волосы были спрятаны под капюшон, поблёскивала эмблема с надписью на драконьем языке и взирали с надеждой голубые глаза. Джей, как и первый герой, молчала, но по сжатым кулакам и лёгкой дрожи

лица легко было понять, что она нервничала, как никогда ранее.

Арт впервые видел её такой. Впрочем, он не мог не понять своего дракона — ведь сейчас пришло время выбирать.

Положив маску на камни рядом с письмом, парень продолжил свою мысль.

Один доступный вариант он уже услышал. Теперь осталось узнать, что хотят сказать Фолл и Джикая. Однако, после стольких трагедий, событий, смеха, криков и слёз эти двое почему-то не спешили с высказываниями. Арт бросил взгляд вниз, с печалью наблюдая, как тени теснят защитников к стенам Иккара. Временами с поля боя доносились взрывы, вспыхивая рыжими и чёрными грибами. Артиллерия била из-за стен, перемалывали в труху тени гусеницами танки, поднимали своё оружие обрётшие жизнь силуэты Монарха Ночи, пикировали с небес, сбрасывая напалм, боевые самолёты. Вот уж точно — финальный бой.

Даже интересно, что исход решается не им.

— Даже без Миры Хаос Бездны выплывает наружу, да..? — задумчиво протянул Фолл, а затем усмехнулся, качая головой. — Хорошее место выбрал, Арт. Свежий горный воздух и никого, чтобы нарушить ход твоих мыслей. Я... Обычно заканчивал всё в Иккаре, на веранде одного особняка. Если хочешь, можем пойти туда. Бой... Отвлекает.

Как цинично. Там, внизу, гибли жители Крэйна, отчаянно сражаясь за свой мир. А для первого героя этот акт проявления воли и силы духа перед катастрофой был ничем иным, как отвлекающим фактором. Что ж, он всё-таки видел эту картину много, много раз. В разных вариациях, с разными чувствами, постепенно притуплявшимися... Арт знал, что слова Фолла были правдивы. Но это не мешало ему отнестись к ним с презрением.

— Как хочешь, — пожал плечами первый герой, опускаясь на выпиравший кусок скалы. Закинув ногу на ногу, он повернул голову к Джей. — Уступаю даме. Чеши языком, пока время ещё есть. Я всё равно знаю, что ничего не выйдет. Всё, что бы ты не предложила, я уже попробовал.

— Арт... — игнорируя Фолла, начала Джей, выходя вперёд. Преклонив перед последним героем колени, женщина поджала губы, собираясь с силами. — Мне тяжело это признать, но Фолл прав. Жнец — существо, чью силу невозможно оценить адекватно. Сколько бы мы не пытались, победить его невозможно.

— Ты издеваешься? — тихо, но с нотками стали в голосе проговорил Арт. — Ты говорила мне стать сильнее. Подбадривала, поддерживала — просто чтобы сейчас сказать, что всё это было зря?

— Нет, — вступил вдруг в диалог первый герой. — Я, кажется, понял, что ты задумала. И мне это не нравится, — он отвёл взгляд в сторону, скрипнув зубами. — Но ты вправе услышать этот вариант, Арт. То, чего ты достиг, позволило тебе встать на один уровень со мной и Богом. Быть может, даже выше. Этого достаточно, чтобы...

— Выйди с жнецом на контакт, — выпалила Джикая, опустив голову. Её лицо подрагивало, а дальнейшие слова вылезали из неё медленно, по капле. — Заклужи... Сделку. На это... Способен только герой, живое существо из иного мира.

— В этом никакого смысла, — осторожно парировал последний герой. — Мне нечего ему предложить. Почему-то я уверен, что моя душа не стоит целого Крэйна.

Фолл хмыкнул, с пронзительной насмешкой глядя на застывшую Джей. Выдохнул, мотая головой. Нагнулся, тыкая указательным пальцем в грудь парню.

— Заметь, она сказала "существо из другого мира". Короче, хватит ходить вокруг да около — она предлагает тебе продать Землю.

— Что?! — опешил Арт.

— К сожалению, это единственный способ обойтись без жертв, — повысила голос Джикая. — Мы уже показали, что будем сражаться до конца. Жнец видел, как мы бьёмся из раза в раз, даже изменяем время, чтобы противостоять ему. Он прекрасно понимает, что поглощение Крэйна ему дорого обойдётся.

— Говорил же, — мрачно рассмеялся первый герой. — Ты не захочешь делать выбор. Никто бы не захотел. А отказаться уже нельзя — или делай, или умри, пустив всё на самотёк.

— Я поверить не могу, что слышу это от тебя, Джей! — вспыхнул Арт, вскакивая и нависая над замолчавшей женщиной. — Отдать мой родной мир на растерзание? Что за чушь!

— Это не так! — поднялась и Джей, всё ещё склоняя голову. На её тонких руках, нервно подрагивавшие вдоль тела, были сжаты кулаки. — Фолл знает! Спроси его!

Арт повернулся к первому герою с вопросом во взгляде. Тот развёл руками, доставая из воздуха сигарету. Закурив, выпустил густой серый дым в чёрное звёздное небо, глядя на него же.

— Что правда, то правда. Если не хочешь никем жертвовать, пожертвуй собственными совестью и честью. Заключи сделку с Дьяволом — тогда все твои товарищи будут жить в покое. Но ты сам никогда его не обретёшь, будь уверен.

— Так. Хорошо, я услышал, — выдохнул парень, опускаясь обратно на задницу. Джей осталась стоять, не в силах более вымолвить ни слова. — Сядь, Джей. Я много что хочу тебе сказать... Но сейчас не время. И не место.

— Разумно, — кивнул Фолл, а потом затаился, прикрыв глаза. — Эх... Что ж, мой черёд, а? Всё просто, Арт. Отдай мне тело.

— Ты...

— Эй-эй-эй, мы все здесь собрались не для воплей и ссор, — осадил его первый герой, двинув сигарету по направлению к парню. — Ты, может, и хороший мечник, спору нет. Только тактик и стратег из тебя, как из меня — балерина. Я поведу Сад в бой против жнеца и его теней. Клинок Глубин же всё ещё где-то в Иккаре? Тебе не реализовать его полный потенциал. Под моим руководством и нашими объединёнными силами мы возьмём башню штурмом. С Джей и твоим даром у нас есть шанс одолеть жнеца, пускай и мизерный. Всяко лучше, чем отдать ему Землю, согласен?

— Многие погибнут, — тихо добавила от себя Джей, присаживаясь в позу лотоса.

— Да, скажу прямо — вряд ли кто-то, кроме меня, дойдёт до самого верхнего этажа, — подтвердил Фолл. — Анко, Ирис, Эсмеральда, Нера, Триша, Крон... Им всем хана. Прости но времени на любезности у меня нет. Лучше взгляни на вещи под другим углом — ты их смерти не увидишь. Как только я займу твоё тело, ты исчезнешь, как будто тебя никогда не существовало.

— Пиздец, Фолл.

— Таков путь героя.

— В гробу я видал такой путь.

— Решай. Я предупреждал, я говорил, что ты не захочешь выбирать. Но вот мы здесь, на пороге. Сделай шаг в нужную сторону, и будь готов никогда больше не смотреть назад. Если хочешь услышать моё мнение — никто из нас не выбирал быть героем. Все мечтают нами быть, однако никто не хочет мириться с последствиями геройского бытия. Что, удивлён? Ты

так упорно отказывался от этого титула, но он, в итоге, закрепился за тобой намертво. Такова наша судьба. Герои — это не про подвиги, спасение принцесс и схватки с драконами. Это про мораль — серую, если история приближена к реальности. Добро и свет расцветают только в сказках для детей. Какой бы выбор ты ни сделал, кто-то всё равно будет несчастлив. Такая вот злая ирония.

Арт подавился словами гнева, злости и бессилия. Провёл ладонью по лицу, приходя в себя. Меч на его поясе тихо звякнул, вторя эмоциям владельца. Холодный пот покрывал тело, заставляя сердце биться в бешеном ритме. Куда ни кинь, всюду клин. Арт делал всё, чтобы спасти и защитить тех, кто был ему дорог. И всё для того, чтобы в итоге решить, кому жить, а кому умереть. Последний герой был бы рад пожертвовать только собой, но в то же время он хорошо понимал, что в одиночку башню ему не взять. С другой стороны, ему были предложены три варианта, каждый из которых подразумевал те самые жертвы. Где-то их было меньше, где-то больше.

Мораль, да? Серая, как и сказал Фолл. Продать жнецу Землю, отправиться в бой, следуя плану Лори, или отдать своё тело первому герою, пожертвовав тем, что осталось от Сада... Никакого счастливого конца, на который так надеялся Арт. Вот так разбиваются мечты — о жёсткую, не прощающую наивность реальность. В итоге парень стал наблюдателем, человеком, что был не в силах что-либо изменить. Этим же наблюдателем был и Фолл, проживая свою жизнь из раза в раз в попытке победить катастрофу. Просто теперь его роль занял Арт.

Злая, действительно злая ирония.

— Знаешь, кем я был на Земле? — глядя в небеса, протянул Фолл, стряхнув пепел на ледяные камни. — Психотерапевтом. С красным дипломом, с кучей медалей, ещё со школы... В такие моменты понимаю, что весь мой опыт был слит в унитаз. Люди порой не могут просто сказать "Нет" в абьюзивных отношениях, а тут... А тут судьба целого мира на кону. Никто не должен представлять перед этим выбором. Потому что в нём нет правильного решения, верного пути, в которые я всегда верил в своей практике.

— Мне интересно другое, — выдохнув, сказал Арт. — Зачем всё-таки было убивать Сангвина? Если я не заключу сделку с жнецом, он мог бы вернуться на Землю, как и хотел.

— Тогда тебе следует знать, почему он так желал туда сбежать, — хмыкнул Фолл. — У Саши не было семьи, но был один друг, с которым он хотел бы попрощаться.

— Попрощаться?

— Сангвину незачем было более жить. Если бы не этот друг, он бы давно наложил на себя руки. Возможно, сперва попытался бы убить Бога... Он что-то опаздывает, кстати говоря.

— Не понимаю... — расстроено прошептал последний герой. — Неужели всё его стремление было из-за желания сказать "До свидания"...

— Ага, — кивнул Фолл. — Я удивлён, что ты умудрился его переубедить. Но как по мне, лучше Саше не видеть последствия нашего выбора. Твоего, имею в виду. А Бог... Ну, император давно затаил на него обиду. В одной из моих петель он на полном серьёзе отправился в бой против Него — и, что закономерно, проиграл. Разница между девяткой и десяткой слишком велика.

— Цинично. Ты слишком циничен, Фолл, — вздохнула Джей, нервно теребя подол серой робы. Её голубые глаза потускнели, словно женщина сожалела о том, что предложила Арту. Тем не менее, она знала, что это важно было сказать. — Наверно, это та черта,

благодаря которой ты до сих пор остался жив.

— Это — и ещё огромная сила вместе с опытом, накопленные за пятнадцать лет в Крэйне, — спокойно ответил ей первый герой. — Ещё будут вопросы, Арт?

— Будут, — настороженно протянул парень. — План Лори... Каков шанс того, что у нас получится?

— Ничтожный. Хаос Бездны навсегда изменит этот мир, — затянулся Фолл, следом щелчком отправляя сигарету вниз по отвесному склону. — Если ты выберешь вариант Лорелеи, то будь готов к тому, что большой дядя, наполненный прозрачным эфиром, попытается вас остановить. Да, ты всё правильно услышал — в этом случае тебе придётся сперва уничтожить Бога.

Господь. Вечный надзиратель, сотворивший Крэйн и всех, кто его населяет. И по глупости выпустивший в собственный мир ужас, готовый поглотить его заживо. Не счесть ошибок, что Он совершил. Неужели риск потери его сил заставит его встать на пути спасения? Хаос Бездны соберёт весь эфир — включая и Его энергию. Соберёт в единый кулак, который разрушит связь между Крэйном и миром жнеца. После этого здесь не будет более магии, от слова совсем. Бог любит всё контролировать — это Арт понял из рассказа Джей. Потеря контроля для Него важнее своего творения, в котором он души не чаял. Видимо, придётся всерьёз принять в расчёт то, что Его придётся устранить. Не то чтобы последний герой был к этому не готов... Скорей, он боялся не добраться до верхнего этажа после непредвиденной схватки.

— Явился, — повернул голову направо Фолл, глядя на то, как из воздуха проявляются очертания белого пальто, красного галстука и чёрной рубашки. Рядом с Господом встала фигура в голубом плаще, спрятавшая лицо под капюшоном. Лицо же Бога было невозможно разглядеть, как бы Арт, затаивший дыхание, не пытался. — Скай, скользкий засранец. Я думал, ты в меня веришь.

Дракон откинул капюшон, с печалью глядя на посмеивавшегося первого героя. Серебристые кудрявые волосы, одухотворённое лицо и яркие бирюзовые глаза, а также трость, на которую опирался парящий возле Бога, произвели на Арта сильное впечатление. Однако, вспомнив, что стоит на кону, парень помотал головой, в молчании сверля два силуэта взглядом.

— В тебя — нет, — тихо сказал дракон. — В него... — он перевёл взгляд на последнего героя. — Да.

— Я видела тебя глазами Фолла, — с неожиданной злостью в голосе протянула Джей. — Не буду врать, что рада встрече.

— Ну, ну, — примиряюще взмахнул свежей сигаретой первый герой. — Не будем ругаться, пока нет повода. Присаживайтесь, гости дорогие.

Господь двинул головой, и Арт отчётливо ощутил, как Его взгляд остановился на Фолле. — Провал, — едко процедил Господь. — Проиграть ребёнку, что впервые взял в руки меч два года назад... Ты разочаровал меня, Фолл.

— Взаимно, — сухо ответил ему тот. — Только ты разочаровал меня много лет назад.

— Дитя, — повернулся Он к Арту. — Я советую тебе принять предложение твоего дракона.

— Ты подслушивал? Как грубо! — провёл рукой с сигаретой Фолл, демонстративно стряхивая пепел в карман белоснежного пальто.

Господь на провокацию не отреагировал, продолжая говорить.

— Только так мы можем гарантировать спасение Крэйна. Подумай о тех, кто стал тебе дорог в моём мире — о твоих близких, друзьях, о твоей сестре, что сражается сейчас там, внизу... Неужели ты не хочешь сохранить их жизнь?

— Манипулятивный ублюдок, — сплюнул Фолл, поднимаясь. Встав между Ним и Артом, затянулся, выдыхая пепел в лицо, что невозможно было разглядеть. — Не слушай его, парень. Продашь Землю — считай, продашь душу. Не пожертвуешь собой, а именно продашься с потрохами. Я не просто так искал другой выход. Этот — самый худший.

— У тебя не хватило духа принять это решение, когда у тебя была такая возможность, — повысил голос Бог, подступая на шаг к Фоллу. Очевидно, Скай рассказал Ему обо всём, через что они с Фоллом прошли. Два силуэта, равные по росту, столкнулись взглядами, и никто не желал отступить. Судя по всему, Он имел в виду ту петлю, в которой первый герой поглотил силу всех оставшихся драконов. Вероятно, тогда Фолл открыл для себя вариант, что предложила Арту Джей. — Дитя знает, как поступить. Арт, я сделаю тебя властителем Крэйна. Все, кто тебе дорог, будут счастливы. Ты тоже — пускай со временем, но в итоге ты поймёшь, что сделал правильный выбор. Я дарую тебе бессмертие — и обещаю, что никогда не стану вмешиваться в твои дела, что бы ты не сделал с моим миром.

Джей и Скай молчали, боясь сказать хоть слово. Арт напряжённо думал, как бы помягче попросить Его подождать. Всё, как обычно, навалилось сразу и в полном объёме — но трудно сказать, что парень к этому не привык. Слова Господа были пустыми для него, ведь в конце концов, парень не желал власти, силы или славы. Он просто хотел защитить своих близких. Как герой — плевать, если для защиты и спасения нужно было стать им, Арт был готов пойти на это. Чего стоят принципы, когда на кону стоят жизни наших любимых?

— Имей совесть, гнида.

— От продавшего свою совесть слышу.

— Я хотя бы сделал это ради чего-то, а не из-за собственной депрессии, — сплюнул Фолл. Затянулся, качая головой. Отошёл, падая на край склона. Свесив ноги в бездну, затянулся, тихонько вздыхая. — Кто бы что сейчас не сказал, решать не мне, не тебе, не Джей и не Скаю. Поэтому будьте так добры, свалите, пока я вас не заставил.

Его слова прозвучали спокойно, монотонно, но неприкрытая угроза, сквозившая в них, заставила вздрогнуть даже Арта. Видимо, даже не имея материального тела, Фолл всё ещё был Фоллом — сильнейшим героем, превзошедшим Бога. До парня дошло, что если бы Фолл захотел, он мог бы забрать его тело насильно, попросту изуевич его с многолетними знаниями в магии. Можно было догадаться, почему первый герой этого всё-таки не сделал. Упорство и уверенность, которую проявил Арт в их сражении, заставили Фолла оставить ему право выбора. Что ж, теперь все карты на столе.

Первой ушла Джей, превратившись в отливавший всеми цветами радуги поток эфира, перетёкшего в меч на поясе Арта. За ней, поклонившись, покинул место сбора Скай, обратившись в свою истинную форму — прекрасного, изрыгнувшего голубое пламя дракона, отправившегося вниз, к стенам Иккара, возле которых лилась кровь. Господь, оставшись последним, не спешил прощаться.

Фолл скрипнул зубами.

— Я плохо выразился?

— Не делай меня своим врагом, дитя, — протянул Он Арту, поворачиваясь в сторону чёрной башни. — Эй, Фолл.

— Чего тебе?

— Мне жаль. По поводу Миры.

— Тебе всегда жаль, — отмахнулся огоньком сигареты первый герой. — И я слишком много раз видел её смерть, чтобы сейчас... Что-то чувствовать.

— Фолл... — тихо произнёс Арт.

— Любовь — странная штука, парень. Появляется там, где ты её не ждёшь. Цветёт, благоухает, радуется глаз и душу. А потом ты понимаешь, что даже она не может быть вечной.

— В этом и смысл, — осторожно заметил последний герой. — В том, что любовь кончается. От этого она становится только ярче... Только важнее. То, что длится бесконечно, неизбежно теряет любое значение.

— Думаешь?

— Знаю.

— Откуда? Ты не прожил вечность.

— Не нужно быть бессмертным, чтобы понять ценность вещей, которые можешь потерять.

— Какую жизнь ты жил на Земле, чтобы так говорить... — тяжело вздохнул Фолл, в последний раз затягиваясь. Отправив сигарету вниз, замер, глядя куда-то сквозь пространство и время. — Хватит. У нас есть нерешённая проблема. Господь, если у тебя всё, будь добр, покинь сцену.

— Я редко бываю искренним, — разрезав воздух перед собой ладонью, протянул Он. В месте, которое рассекла Его ладонь, открылся яркий серебристый овал портала. — Но мне правда жаль, первый герой. Твоя судьба... Заботила меня больше остальных.

Сказав это, Бог шагнул, исчезая в тут же закрывшимся с хлопком портале.

— Вот так, — опираясь на край скалы, поднялся Фолл. — Теперь мы, как и полагается, остались наедине. Думаю, ты уже понял, что я могу насадить тебе своё решение, но... Как ты тоже уже догадался, делать этого я не стану. Ты заслужил право выбирать.

Он повернулся, с печалью в карих глазах глядя на парня.

— Наверно, мне стоит извиниться... За то, что втянул тебя во всё это. Спасение мира, выбор, от которого становится тошно... Быть может, для тебя было бы лучше, как и Саше, просто умереть. Не зная, не сожалея, не чувствуя себя подонком.

— Но я здесь.

— Ага, — улыбнулся Фолл. — Ты единственный, с кем я хотел бы разделить это решение. Давай откровенно... — он вытянул из воздуха пачку, затем выудил оттуда две сигареты, одну из которых взял себе, а вторую протянул Арту. Не колеблясь, последний герой взял табачный свёрток из рук первого.

Два героя закурили, глядя друг на друга.

— Сперва я считал тебя просто тушей, которую нужно сделать сильнее, чтобы победить жнеца. Ведь какой план был — совместить дар другого героя, его силу с моей собственной! Я никогда это не пробовал, если честно. Такая... Граница, которую не хотелось переступить. Даже мне.

— Да уж... Спасибо за честность, — вздохнул Арт, осторожно затягиваясь. Табачный дым наполнил лёгкие, едва не заставив парня закашляться.

— Не стоит, — помотал головой Фолл. — Со временем... Я понял, что ты — тот, кем я когда-то хотел стать. Герой с большой буквы гэ, человек с чистым сердцем и намерениями, человек, для которого имеют высочайшую ценность жизни других. Может, ты и решил ограничиться лишь близкими, но тем не менее. Только ты по-настоящему был, а я по-

настоящему перестал стремиться к тому, кем являешься ты. Глупо, наверно, это говорить. Ты стал мне другом, ради которого я бы отдал свою жизнь.

— Это взаимно, Фолл. Ты не рассказал мне всего... Но я вижу, что у тебя были причины. И я тоже... Тоже считаю тебя своим другом.

— Вха-ха-ха! — рассмеялся первый герой, и в его смехе отчётливо прозвенела печаль. — Из всех героев, к которым я мог привязаться в виде чистого эфира, которых мог выбрать, чтобы вырастить для себя сосуд, я рад, что привязался именно к тебе.

Арт затянулся вновь, выдыхая густой серым дым. Его быстро рассеял ветер, резавший лицо острыми льдинками. Столько всего произошло, когда он познакомился с Фоллом. Много было потеряно, много было приобретено. Как и говорил Маркус, Арт не потерялся в суматохе, сохранив собственное "Я". Стоило ли оно того? Что Фолл, что Арт — оба знали ответ.

Да. Не без лишних жертв, но то, чего они достигли, к чему пришли, однозначно имело значение. Огромное, к тому же. В конце концов, на кону стояла судьба целого мира. Или миров — в зависимости от решения.

— Раз с формальностями покончено... — стряхнул пепел Арт. — Скажи, что бы ты выбрал на моём месте?

— Спрашиваешь совет? — выгнул бровь, посмеиваясь, Фолл. — Ха-а... Трудно сказать. Всё стоит того, чтобы попробовать. Ты ведь не я — может, у вас с Лори и выгорит. Мой вариант всё ещё в силе, если что. С другой стороны... — он затянулся, а затем тяжело вздохнул. — Если тебе нечего терять, можешь заключить сделку с жнецом. Обо всех плюсах и минусах тебе уже рассказали, так что буду краток. Да, это путь без жертв. Только знаешь, почему договор с Дьяволом всегда был символом чего-то плохого? Потому что в нём ты теряешь куда больше, чем приобретаешь. Позволь мне спросить тебя: что ты оставил там, на Земле?

— Сестру, — выдохнул Арт. — Старшую сестру. Мы жили вместе, пока я... Ну, не оказался в Крэйне.

— А родители?

— Должно быть, бродят где-то по улицам в поисках очередной дозы, — хмыкнул последний герой. — Если к кому и возвращаться, то только к ней.

— Теперь понятно, почему ты вы с Ирис так прибились друг к другу, — покивал Фолл. — Что ж, тогда у тебя дилемма. Если бы тебя ничто не связывало с Землёй, этот вариант был бы лучшим. Ответственность за миллиарды жизней незнакомцев ты как-нибудь стряхнёшь, зато здесь, в Крэйне, сможешь быть королём. Правда, я знаю, что оно тебе нахер не упало.

— Сурово.

— Ты ведь спросил меня, чтобы я сделал на твоём месте. Вот тебе ответ, — Фолл засунул руку в карман плаща, доставая на свет звёзд маленькую серую пилюлю, от которой исходил пар того же цвета. Арт узнал в этом паре чистый эфир, испарявшийся с дикой скоростью. — Сделанный церковью Единого Бога эликсир. Говоря прямо, он убивает душу, оставляя при этом тело нетронутым. Безболезненно и мгновенно. Валялся у меня как трофей после многочисленных схваток с фанатиками... Никогда бы не подумал, что он может пригодиться в такой ситуации.

— Понял, — осторожно взял пилюлю из рук Фолла Арт, сжав её в кулаке. — Если приму, значит, выбрал твой вариант.

— Ага, — без улыбки ответил первый герой. — Ну, что ж... — он опустил на выпиравший кусок скалы, раздвинув ноги и продолжая дымить. — Что бы ты ни выбрал, я поддержу тебя. В конце концов, для этого и нужны друзья, верно? Даже когда мы творим херню... Друзья — это те, кто с нами до конечной. Если мы говорим о настоящих друзьях, конечно.

— Спасибо, Фолл, — со всей серьёзностью протянул последний герой, отходя назад и присаживаясь на ледяные камни напротив Фолла.

Время пришло. Как не бегай от судьбы, она всё равно тебя догонит. Что герои, что злодеи, что просто живые и разумные — она настигнет каждого. Последствия наших решений отправляются с нами в фееричный поход от рождения до смерти. Возможно, судьба — просто следствие огромного множества сделанных выборов, как наших, так и чужих. Иногда мы определяем её сами, иногда её определяют за нас. Главное, как говорил Маркус, а ему — Йоран, это не теряться в суматохе, что мы называем жизнью.

Тишина наступила между двумя фигурами, чьи лица освещали только звёзды да вспыхивавшие временами огни сигарет. Внизу, далеко-далеко, свистели пули и сталь, изрыгали пламя танки и посохи чародеев, свистели самолёты и громоподобно рычал Скай, вступивший в сражение вскоре после того, как покинул Пик Славы. Бой длился больше полутора часов, и ему не было видно конца. Где-то там, среди защитников Иккара, стояла, сунув руки в карманы бежевого пальто, Анко.

Её очки запотели, а каштановые волосы растрепались, трепыхаясь на ветру. Она не спрашивала себя, где был сейчас Арт. Она точно знала, что ему сейчас лучше не мешать. После всех рассуждений, детектив пришла к выводу. Что бы не случилось в эту вечную ночь, после неё обязан наступить день. Поэтому всё, что оставалось Анко, это верить. Верить в Арта, его силу и его сердце.

Чуть поодаль, матерясь во всё горло, стояла Ирис: русые волосы, подвязанные тонкой лентой, зелёные глаза, сверкавшие гневом, и глубокий шрам, наполненный алым эфиром. Пусть бессознательно, она делала то же, что и Монарх Ночи — искренне верила, что её младший брат исправит всю эту хрень. Она видела его силу, она признала, что он — исключение из правил. Девушка ненавидела героев Крэйна, но Арт был не им. Он был героем из сказок, героем, поднимавшим свой меч во имя справедливости. Ради тех, кого любил, кем дорожил. Этого героя Ирис признавала, уважала, и любила, как своего настоящего младшего брата, оставшегося на далёкой Земле.

На поле боя, придерживаясь похожих мыслей, бился Сад. Разрубали, рвали в клочья тени ветра, повинуюсь рукам Неры. Поднимали щиты искатели приключений по команде Триш, звучали боевые кличи орков, державших строй с Эсмеральдой на острие формации, крутился, будто волчок, Крон, разбрасывая на истоптанный снег куски тел теней. Люди, орки, гномы и эльфы сражались вместе, полностью забыв былые обиды и ссоры, сосредоточившись только на одном — на собственном выживании.

Так, в молчании, прошла минута, вторая, третья. Сигареты истлели, отправившись вместе с ветром вниз по горному склону. Весь Крэйн, казалось, замер, ожидая, что выберет Арт. Парень думал — рассматривая каждый вариант, взвешивая каждое последствие, каждый риск. Фолл наблюдал за ним, хорошо понимая, что сейчас крутилось в голове Арта. Сам первый герой почему-то позабыл, что он легко сможет начать всё с начала, стоит ему и Скаю умереть. Для него этот раз вдруг показался последним — словно он и впрямь был последним шансом что-то по-настоящему изменить. Исправить ошибки Бога, исправить всё.

Арт был переменной, которую не учёл никто.

Переменной, что была способна на то, с чем не справились сильнейшие мира сего. Умнейшие, величайшие — все они ждали, что решит последний герой.

Канула в бездну четвёртая минута, за ней — пятая. Только тяжёлое дыхание двух героев, только скрип шестерёнок в сознании Арта, и больше ничего. Парень внезапно понял, что он совсем не нервничает. Как будто весь страх и сомнения отступили, уступив место спокойствию и холодному рассудку. Ощувив, каким горячим стал клинок, Арт погладил его по ножнам, благодаря Джей за её поддержку. И всё же, даже в таком состоянии последний герой не мог определиться окончательно.

— Тяжеловато решить, кому из твоих друзей умереть, а? — выдохнул Фолл, прерывая размышления парня. — Хорошие новости — у тебя есть друг, который уже помер. И он с радостью присоединится к тебе в самоубийственной миссии по спасению этого грёбанного мира.

— Фолл?

— Ты с Джей, я и армия сраного жнеца. Звучит как бред, согласен, но поверь — мы расхерачим эту башню вместе с её владельцем!

— Придумал ещё один план, ха? — хмыкнул Арт, но замолчал, глядя в сиявшие карим глаза первого героя. — Ну, рассказывай.

— Чего тут рассказывать? — оскалился тот. — Ты берёшь свой меч, вспоминаешь всё, чему мы с Мирой тебя учили, разваливаешь кабины каждой тени, что встанет на твоём пути, и пробиваешься на самый верх через главный вход собственными силами.

Улыбка сама прыгнула на лицо Арта, когда тот услышал, что вдруг предложил Фолл.

— Если и уходить, то с фейерверком?

— Сечёшь фишку, — хохотнул первый герой, поднимаясь. — Решай, Арт.

— Продавать Землю я не собираюсь, — встал парень, надевая пустую белую маску, а затем подшагивая к замолчавшему силуэту. — А все прочие варианты так или иначе подразумевают мою смерть. Так почему бы не умереть, не утягивая с собой других? Вполне себе геройский поступок.

— Бери выше, — кивнул ему Фолл, протягивая ладонь. — Это поступок легенды.

Два героя пожали руки, поворачиваясь к башне, что испускала эфир, отравлявший этот мир.

Железные Горы, территория безымянного клана.

Десять километров к югу от стен Иккара, последнего города живых.

Подножие чёрной башни, обители жнеца.

17:56.

Воины, сражавшиеся возле стен Иккара, с раскрытыми ртами смотрели, как одна-единственная фигура, сиявшая белым эфиром, прорубалась сквозь орды теней. Каждый взмах меча отправлял на тот свет тысячи врагов, а каждый шаг заставлял землю вздрагивать, ветер — замолкать, а защитников Крэйна — кричать от чувств, переполнявших от одного только взгляда на этот силуэт. Он уже был у самого входа, неустанно двигаясь вперёд, словно машина, созданная с одной целью: добраться до финала. Алый, синий и бирюзовый сплетались в единый поток, вгрызаясь в сомкнувших ряды теней, но ничто не могло остановить безудержную поступь героя, полыхавшего, будто падающая звезда.

Вспыхнув в последний раз, белоснежный силуэт скрылся на первом этаже чёрной башни. Тени последовали за ним, и лишь сейчас воины Крэйна осознали, насколько огромна

была их численность. Тени пёрли повсюду — с юга, с запада, с востока, бесконечной лавиной, которой не было видно ни конца, ни края. Арт вёл их за собой, словно пастырь. Он нашёл свой путь, как и обещал. Жнец, спокойно наблюдавший за действиями последнего героя на том уровне, где кончались небеса, мрачно выдохнул фиолетовое пламя.

Да будет так.

Много раз к нему приходили живые, неся в дрожавших руках Хаос Бездны. И много раз они погибали, не достигнув финала. Много раз до него добирался первый герой с окровавленной улыбкой на устах. И он тоже раз за разом проигрывал схватку, обрекая Крэйна на гибель. Эта же малявка... Почему-то вызывала у жнеца странное чувство. Чувство, которое в принципе не могло испытывать существо, пожиравшее миры.

Чувство страха.

Он уже видел этого человека. Он уже убивал его. Что поменялось теперь? Ничего. Так почему... Почему жнец, постоянно одерживавший верх, сейчас боялся? Почему ему было так беспокойно? Кто знает. Пока мы не увидим финал, последние вопросы лучше оставить без ответов. Они, к тому же, глупые.

— Лестница справа, — обращая армаду теней в пепел, повысил голос Фолл. — Иди. Я догоню.

— Будь осторожен, — кивнул ему Арт, осматриваясь в огромной чёрной зале, наполненной силуэтами того же цвета. Клинок в его руках гудел, вторя желаниям владельца.

Фолл рассмеялся, щелчком пальца разрывая остатки теней множеством серебристых лезвий.

— Я уже мёртв, парень. Ты, главное, доберись. И победи. Обещаешь?

— Обещаю, — бросил ему Арт, взбегаая вверх по серым ступеням. Лестница была широкой, просторной — здесь явно находились тени, что были выпущены в Крэйна жнецом. В висках стучало, громко билось сердце в груди — парень делал то, чего желал больше всего. Он защищал друзей. И спасал мир.

Как герой? Да, может, и так. Какая сейчас разница, если всё уже решено. Арт пробивал себе путь, не оглядываясь назад. Первый меч вгрызался в тени, не оставляя тем и шанса. Третий оставлял в их рядах пустоты, которое едва успевали заполняться новыми чёрными силуэтами. Изнутри башня была сероватой, где-то между насыщенным серым и серебристым. Стены светились мягким светом, от которого веяло могильным холодом. Иная, чужеродная материя, которая не должна была существовать в этом мире. По ней шагал последний герой, прекрасно зная, что каждый шаг мог стать последним. Эфир в его теле кружился со скоростью, заставлявшей оружие теней рассыпаться в прах, стоило им коснуться силуэта Арта.

Эфирный резонанс и эфирное ускорение — могли ли два явления вообще быть в теле одного мага вместе? Одно было вызвано искусственно, второе вполне могло наступить в следствие первого... Вероятно, если его разум был кристально чист, если позади не осталось никаких сомнений, если впереди была только цель, которую он обязан был достичь, то да, его эмоции, нет, искренние чувства его сердца, могли придать и без того ужасающей технике ещё большую силу. Два кошмарных года в Крэйне сотворили из Арта настоящего монстра — впрочем, в его взгляде не было злобы или агрессии. Его волосы, ставшие ярко-белыми, только подтверждали это.

А в янтаре его глаз лежала лишь холодная уверенность в том, что он делал. Для Фолла, быть может, этот раз не станет последним, но для Арта эта жизнь была единственно

реальной. И он собирался прожить её на своих условиях. Даже если придётся закончить её в чём-то настолько глупом, как поход против жнеца в одиночку.

Но Арт не был одинок — за его спиной, пусть лишь в его голове, стояли товарищи, поддерживавшие его на дороге, что он выбрал сам. Их слова, их мысли, нематериальные, но такие важные, толкали его вперёд, вверх по очередной лестнице. Этаж за этажом, орда теней за ордой, он пробивал путь к главному засранцу всей этой истории. Тени становились сильнее, их заклинания били по Арту бесперебойно, но последний герой только усмехался, отправляя их в бездну. Он не умел исцелять себя, но дар Сангвина устранил и этот недочёт, попросту изменяя форму и направление эфира для излечения ранений. Парень использовал его интуитивно, с течением сражения всё лучше и лучше овладевая этим навыком.

Чудовище. Герой. Воин. Машина, создавшая себя с одной целью — уничтожить жнеца.

Вот почему последний боялся его. Потому что он, вот ирония, не испытывал страх. Даже первый герой, сражаясь с жнецом из раза в раз, где-то глубоко внутри страшился поражения, ибо тогда ему пришлось бы начать всё с начала. А у Арта была только одна жизнь — и он всё равно бросал её ради маленького, едва заметного шанса. Глупо? Наивно? Пускай люди говорят, что хотят. Парень рвал тени на куски, отвоёвывая этаж за этажом. Было ли ему дело до того, что и кто скажет потом? Ха! Нет. Всё, что сейчас имело значение — это жнец и победа над ним. Кто-то однажды написал, что герои делают невозможное — возможным.

Что ж, Арт уже это сделал, выбрав свой собственный путь.

Пятидесятый этаж стал точкой невозврата. Тени напирали уже и с лестницы, по которой поднимался последний герой. Фолла не было видно — должно быть, его смяли числом. Или он до сих пор сражался где-то там, далеко внизу. Бросив взгляд сквозь узкие окна, появившиеся в этом зале, похожем на другие, как капля воды, Арт зачарованно ахнул — за ними покоился космос. Россыпь звёзд, ярких и тусклых, и чёрное пустое пространство меж ними. Судя по всему, до жнеца осталось всего ничего. Взмахнув клинком, Арт рассёк вылезшие на этаж тени синей дугой, выстрелившей во все стороны брызгами морской воды.

Проведя ладонью по мокрому лицу, Арт улыбнулся, вступая на ступени, что вели на пятьдесят первый этаж. Башня вздрогнула, стоило ему это сделать. Очередная пачка теней, едва-едва достигшая пятидесятого, синхронно развернулась, с гулом спускаясь вниз. Похоже, даже жнец признал, что им не остановить последнего героя. А значит, он ждал Арта наверху.

— Не жалеешь, Джей? — прыгая через две ступеньки, спросил парень. — Что связалась со мной?

— Я всегда в тебя верила, Арт, — тихо рассмеялась женщина. — Ты, кстати, так и не дал мне ответ на мою загадку.

— Фолл, — протянул парень, выдыхая на площадке. Впереди лежал последний пролёт. За ним — финал. — Ответ — падение. Фолл, если на английском. Ты пыталась сказать, что только упав, мы сможем подняться. Только испытав горечь поражения, мы сможем набраться сил, чтобы достичь победы. Только я и так это знал.

— До конца, Арт. Покажи жнецу, чего достиг, падая из раза в раз!

— С удовольствием! — улыбнулся он, уходя в пустоту и выходя из неё на пятьдесят первом этаже.

Большой зал с гигантским чёрным тронem в дальнем конце. Свет звёзд, пробивавшихся сквозь многочисленные узкие окна. В остальном — пустота, голый пол без следа кого бы то ни было и чего бы то ни было. Выйдя на середину, Арт двинулся вперёд, в то время как

башня, загудев, стала разрушаться. Вернее, оторвалась только верхняя её часть, роняя обломки серых стен вниз, на этаж, быстро превращая его в подобие горных руин.

Выбравшись на камни, Арт спокойно посмотрел на огромную покрытую чёрной чешуёй голову, лежавшую на троне. Тьма космоса скрывала общие размеры тела жнеца, но даже так было понятно, что он был по-настоящему большой тварью. Из приоткрытой пасти полыхал алый огонь, и судя по его изгибу, чудовище улыбалось. Нечеловеческой, вселявшей ужас в само пространство и время улыбкой. Но Арт пошёл вперёд, без страха приближаясь к жнецу. Даже закинув загоревшийся бенгальским огнём меч на плечо, словно пародируя Фолла.

Приблизившись на комфортное расстояние, парень замер, не зная, что делать дальше. Почему-то атаковать без слов казалось... Слишком просто.

— Мы наконец-то встретились, — нашёлся Арт, двигая головой вверх в кратком приветствии. — Не ожидал, что ты будешь просто здоровенным драконом.

— Это одна из многих моих форм, — выдохнул искры яркого красного пламени жнец, сохраняя свой оскал. Его голос эхом разносился во все стороны, оглушая последнего героя, а в белых точках его глаз невозможно было разглядеть эмоции, и если честно, Арту и не нужно было их видеть. — Человек... У тебя хватает сил слышать мой голос. Пришёл ли ты для того, чтобы заключить сделку?

— Глупо было бы разваливать твоих подчинённых, если бы я хотел сдаться, а?

— Хм... И правда. Тогда ты пришёл, чтобы умереть.

— И всё? — слегка удивился Арт, поведя клинком. — Никаких "Жалкий человек!" или "Ничтожество! Сегодня ты распрощаешься со своей жизнью!"?

— Сколько, ты думаешь, я уже видел кого-то вроде тебя? — насмехаясь, сказал жнец, поднимая голову. Длинная могучая шея обнаружилась под ней — размеры его тела превышали залу, на руинах которой они находились. — Герои... Пришельцы из другого мира. Я должен быть вам благодарен — ведь без вас я бы не нашёл этот мир, так пышущий энергией.

— Это последний день, когда ты вообще хоть что-то увидишь, — протянул последний герой, опуская меч с плеча и отводя его направо в лёгком замахе. — Принимай удобную форму, применяй свои чары, обрушь на меня свой огонь — давай решим всё здесь и сейчас!

Серое и россыпь белого. Красное и серебристое на одной стороне, белоснежное и тёмное — на другой. Жнец вновь выдохнул искры, в мгновение ока исчезая из поля зрения, чтобы предстать перед Артом на троне в облике фигуры без лица. В его руках был фиолетовый меч — простой, без украшений или изгибов, но эфир, испускаемый им, заставил звёзды испуганно погаснуть, лишь бы не затмевать его величие. Испускавший множество белых язычков пламени клинок Арта не дрогнул, повинувшись своему владельцу. Джей не отступила.

Не отступил и Арт.

— Время приходит за всеми, — Арт этого не видел, но прекрасно понимал, что жнец продолжал улыбаться. — Сейчас ты это почувствуешь.

Началось последнее сражение. Два силуэта схлестнулись посередине бывшего пятьдесят первого этажа, на обломках серебристых стен. Почти сразу их бой перерос в нечто большее, чем просто схватка двух мечников — в конце концов, они оба бились со скоростью света. Остаточные силуэты, из столкнувшихся клинков которых выбивались искры, мерцали, через секунды исчезая. Арт знал, на что шёл, но всё равно не мог не впасть в ступор, пытаясь хотя бы отражать удары, сыпавшиеся на него со всех сторон. Снизу, сверху, справа, слева, под

углом и прямо в лицо, в пах и в бедро, в плечо и в горло — сперва даже не понять было, какое из движений настоящее. Одна из причин, по которой Фолл одолел осколок катастрофы, заключалась в том, что это был, всё-таки, осколок.

У него не было навыков оригинала, цельного создания, что было названо жнецом. Он бил сильно, двигался быстро, но в его ударах не было никакой техники. Здесь же, в битве между последним героем и настоящей катастрофой, в полную проявлялось то, что забыл учесть Фолл. После стольких сражений с жнецом последний перенял движения первого героя, и более того — он улучшил их. Поэтому Арту было тяжело, особенно в первые минуты боя, потому что он никак не ожидал, что все его козырные карты окажутся бесполезными.

От первого меча жнец уклонялся, нагло смеясь парню в лицо. Третий принимал на жёсткий блок, снова хохоча без капли совести. Остальные и вовсе не наносили ему никакого вреда, разрушая и без того поломанные стены с потолком. Однако, и сам жнец не мог прикончить Арта одним ударом, несмотря на множество моментов, подходящих для одной смертоносной атаки. Парень несколько раз терял пальцы, руки и даже части корпуса, но всё равно раз за разом восстанавливал их, не прекращая отражать нападения противника. Это был бой не на выносливость, не на силу, не на умение — это был бой, в котором одному из оппонентов нужно было вырасти над собой, чтобы одолеть другого.

Эфир, сконцентрированный в одном месте, на пятьдесят первом этаже чёрной башни, был способен расколоть саму планету и не заметить этого, а отдача от заблокированных ударов расходилась волной энергии, кромсая серебристую материю и заставляя весь Крэйн вздрагивать от ужаса. Действительно, самоубийственная миссия. Вряд ли Арту удастся выбраться из этой башни живым — что уж говорить про победу. Шансы изначально были практически равными нулю. Практически. Мы такие упорные, верно? Достаточно одного лишь проблеска, вероятности вероятности возможного исхода, который нас устраивает, и мы бросаемся в самую сумасшедшую авантюру, лишь бы ухватить удачу за хвост.

Эх, если бы всё решала только удача. Или рояль в кустах, в конце концов. Реальность — это не совсем про вероятность. Она про то, что мы готовы отдать ради попытки. Ради того самого шанса. В нашем случае... Фолл продал человека внутри себя. А Арт? Ха...

Он создал свою возможность сам.

— Я убью тебя! — кричал последний герой, рубя с плеча.

— Вха-ха-ха! Попытайся, человек! — крутил клинок жнец, с лёгкостью парируя его удары.

Движение корпуса, подъём ног, направление колени, изгиб локтей, положение меча в пространстве, положение в пространстве врага — всё это успевал анализировать Арт, постепенно привыкая к атакам врага. Привыкая — но всё ещё не в состоянии понять, как прорубиться сквозь идеальную оборону, что показал жнец во время их сражения. В голове всплыл бой с Фоллом — когда Арт увидел перед собой нерушимую стену, которую не мог преодолеть. Тогда он прорубил её одним ударом, который не ожидал первый герой. Вполне вероятно, что здесь та же ситуация. Только на какой удар сделать ставку? Жнец, кажется, знал всю сотню мечей, даже больше — он идеально владел ими, а значит, мог легко предугадать, как собирался напасть Арт.

Меч. Ему нужно было создать новый меч, новую технику, неважно, сложную или простую. То, к чему не мог быть готов жнец, должно было выйти из головы Арта в его руки, а из них — в клинок. Чем дольше они сражались, тем ясней была эта мысль.

Джей молчала, полностью сосредоточившись на том, на что не мог отвлекаться Арт —

на исцелении и поддержании эфирного ускорения. Прекрати она поддержку хоть на секунду — и парень потеряет скорость, следом лишившись и жизни. Джикая тратила силы собственной души, так как остальных больше не хватало. Она поклялась, что пойдёт с последним героем до конца, каким бы он ни был. Она, как и все остальные, верила, что у Арта получится. В конце времён, что у нас остаётся кроме веры? Разве что кровь в наших венах, мысли в наших головах и сердца, отбивающие молотками оставшиеся до гибели секунды.

Арт продумывал движение, решив воплотить свои мысли в реальность. Этот один удар, так похожий на первый и третий мечи, должен был стать апофеозом всего, что чувствовал и чему научился в этом мире Арт. Каждая эмоция, каждая радость и печаль, скорбь и восторг, ненависть и понимание, всё должно было слиться воедино. Меч героя символизировал собой стремления того, кто его использовал. Меч дружбы был символом связи между товарищами, связи нерушимой и такой же сильной, как и намерения героя. А тот меч, который задумал в своей голове Арт, должен был стать тем, что объединило бы в себе и стремления, и связь, и чувства.

Реальность. Страх поражения. Разочарование в героях.

Мечты. Спасение мира. Защита близких.

Надежды. Победа над жнецом. Доказательство. Сделать невозможное возможным.

Кем был Арт? Кем мечтал стать? Кем стать боялся, но в итоге стал?

Он бы хотел увидеть улыбки тех, кто шёл с ним рядом. Он бы хотел смотреть, как размеренно течёт жизнь — в покое, счастье и мире. В то же время он обнаружил себя в ситуации, когда только и мог, что глядеть, не в силах что-то изменить. Наблюдение за чёрным и белым, бессилие и надежды, желания и стремления... Да, Арт был им. Наблюдателем. Он был им и хотел им стать — в разных ипостасях.

Ради того, чтобы наблюдать за исполнением своих мечт, он перестал наблюдать за тем, что происходило с миром, скрываясь в скорлупе из ложных идеалов, вскоре рассыпавшихся о реальность. Он пошёл по своей дороге, чтобы чего-то добиться. Прекратить стоять и смотреть, опустив руки, чтобы потом стоять и смотреть там и тогда, когда это доставит ему радость.

Подняв свой клинок, Арт улыбнулся, но не жнецу, а самому себе, оставшемуся в сожжённой деревне, что на севере Золотой Империи. Он потерялся с тех пор — столько всего навалилось разом, и продолжило наваливаться с каждым новым днём. Потерялся в ворохе событий, разговоров, мыслей и трагедий, усеявших его путь. Пробивая себе дорогу вверх по этажам чёрной башни, он наконец-то понял, что всё это — от начала и до конца — было его способом обрести себя заново.

Как человека.

Как героя.

Как наблюдателя, переставшего им быть.

— Нулевой меч! — клинок в руках Арта засиял — белым, синим, чёрным, красным, жёлтым, оранжевым, фиолетовым, серым, зелёным. Обрушивая оружие на отступившего на шаг жнеца, парень закончил. — Меч наблюдателя!

Всё, на что ему стыдно было смотреть. Всё, от чего он отворачивался, на что боялся взглянуть — собственное бессилие, собственную глупость и глупость других, всё это смешалось с надеждами, стремлениями и чувствами, образовав меч, способный рассечь то, что не смогли рассечь другие. Чёрный силуэт взорвался, разбрызгивая во все стороны

огоньки того же цвета. Клинок Арта, провалившись сквозь опустевшее пространство, рухнул вместе с его владельцем на камни. Крепко приложившись лицом, парень перевернулся на спину, ощущая, как течёт из носа густая тёплая кровь. Он это сделал. То, что казалось бредом, невозможным по определению.

Трудным был не бой снаружи, трудным был бой внутри Арта, в его собственной голове. И даже так — парень его выиграл.

— Джей... — справляясь с учатившимся дыханием, прошептал последний герой. — Джей, мы справились... Чёрт... Мы грохнули жнеца!

Тишина. Клинок, что он всё ещё сжимал в руках, стал ледяным. Парень вздохнул, положив его к себе на грудь.

— Покойся с миром, подруга, — обнял меч Арт, закрывая глаза. Всё тело пронзала боль, но сейчас он мог себе позволить проигнорировать её, собираясь с мыслями по поводу дальнейших действий.

Подумать только! Бред, предложенный Фоллом, вдруг оказался единственно приемлемым для Арта способом решить гигантскую моральную дилемму. Если бы не первый герой, если бы не Джей, если бы не товарищи, что поддерживали парня снаружи, он бы ни за что не смог даже взобраться на пятьдесят первый этаж. И в то же время, если бы не его чистое сердце, он бы не создал нулевой меч, одолевший жнеца. Кто там что говорил про то, что хэппи-энды — только в сказках? Хотя... У нас тоже есть сказочные элементы. Вон валяется на камнях герой с чистым сердцем, сжимая в руках меч-кладенец. Кругом руины логова злого злодея, снаружи ждут друзья и товарищи, чтобы отпраздновать победу — чем не сказка?

Как-то забывается даже, что это на самом деле тёмное фэнтези.

— Фолл... — тихо позвал Арт, кое-как принимая сидячее положение.

Ответа не последовало. Арт позвал ещё раз, уже громче. Снова тишина. Теперь парень закричал, что было сил, но ответом снова стала пустота. Тихо было на оставшихся этажах чёрной башни. Не слышно было смеха, не чиркала зажигалка, не шипела, сгорая, сигарета. Больше не было спокойного, цепкого взгляда карих глаз, не видно было коротких чёрных волос и простецкого лица, которое легко пропустишь в толпе. Есть такое нерушимое правило — когда в истории несколько героев, кому-то из них однозначно придётся умереть.

К счастью, в нашей эта участь постигла не Арта.

Скрипнув зубами, парень достал из внутреннего кармана куртки посеревшую книгу с выцветшим названием. Открыл её на последней заполненной странице, дописав собственной кровью, вторя фирменному стилю остальных, прямо под предыдущей записью:

"Фолл. Психотерапевт. Последнее желание — увидеться с братом, что сейчас отбывает срок за убийство".

Закрыв Летопись Бога, последний герой всхлипнул, убирая её прочь. Кое-как поднялся, пошатываясь. Сорвал маску с лица, бросая её себе под ноги. Самоубийственная миссия... Да, и правда. С Артом отправились те, кому нечего было терять. Чья смерть или жизнь не играли особого значения — он и сам ставил себя в один ряд с ними. Джей, абсолютно одинокая в этом мире, и Фолл, уже однажды погибший. Погасли... И остыли. Не бывает победы без жертв, да? Что ж, Арт до последнего надеялся, что он перевернёт это крылатое выражение.

Увы. Не все мечты сбываются.

Проковыляв до лестницы, Арт начал спуск вниз. Мимо пустых серебристых стен, мимо

узких окон, сквозь которые пробивались лучи рассветного солнца. Прищурившись, парень помотал головой. Слёзы капали на ледяные ступени перед ним, поблёскивая, выплёскивая всю боль, что он испытывал. Сколько всего было, и сколько всего прошло. Деревня, в которой он оказался, попав в этот мир, обращена в пепел.

Наставники, которых он искренне любил, ушли, покинув Крэйн навсегда. Боевая подруга, что всегда отдавала своё тепло его ладоням, в какую бы схватку он ни вступал, исчезла, чтобы больше никогда с ним не заговорить. Возможно... Всего лишь возможно. Фолл был прав. Видеть даже такой конец было невыносимо. На что надеялся Арт? На хэппи-энд для всех скопом? Хм. Вероятно, это была последняя детская наивность, которая разлетелась на куски прямо на его глазах. Таково уж тёмное фэнтези — если концовку и можно назвать счастливой, она всё равно будет слегка горькой. Не настолько, чтобы перебить общий вкус, но достаточно, чтобы полностью испортить общее от неё впечатление.

Арт спускался, не сдерживая слёзы. Прижимая холодный меч к груди, опустив голову, чтобы залы, что он оставлял позади, не видели, как он плакал.

А снаружи ликовал Крэйн. Бросались друг другу в объятия вчерашние враги, рыдали стойкие гномы, прыгали от радости эльфы и подбрасывали в воздух Эсмеральду орки. Небо над их головой прояснилось, и на него, пускай и медленно, выплывало солнце. После вечной ночи наступил новый день.

Очередной день в Крэйне.

Достигнув первого этажа, Арт подошёл к центру комнаты, рухнув перед вскрытой пачкой немаркированных сигарет. Там, приветственно сверкая кремовым фильтром, торчала одна-единственная сигарета. Зажигалка притаилась под пачкой — Арт чиркнул колёсиком, не переставая рыдать. Кое-как выбив пламя, закурил, обняв колени. Всё могло быть куда хуже... Куда печальней. И всё равно, парень чувствовал себя паршиво. Ну, он хотя бы спас мир. Какое-никакое, а достижение. Быть может, сейчас ему было не до этого, но его поступок в этот день, в этот год и в этот век навсегда останется в истории, как самый яркий, светлый и дарующий надежду поступок человека, который даже не принадлежал этому миру.

— Ха-а... — успокоившись, выдохнул Арт густой серый дым. — Покойтесь с миром, друзья. Я посторожу ваш покой. Прослежу, чтобы никто его не нарушил. В конце концов, что мне ещё остаётся, как...

Наблюдателю.

*Семь километров к северо-западу Дира, столицы Дорана.
Рыцарская академия имени графини Лорелеи дэ Костаэль.
Пятый учебный класс для рыцарей младшего звена.
12:50.*

— На этом урок истории окончен, — с лёгкой улыбкой выдохнул хриплый женский голос.

Зазвонил колокол, объявляя перемену. Солнце пробивалось в широкие окна, освещая длинные деревянные парты и скамьи, на которых ютились дети. Хотя какие дети — многим в этом году пятнадцать, и совсем скоро они заменят деревянный меч на настоящий стальной, пускай и облегчённый. А перо и пергамент оставят навеки в этом классе, позабыв бесконечные лекции на тему истории, языков и географии. Им предстоит взяться за изучение тактики и стратегии, построений, формаций и отдельно — бестиария. Кажется, месяца три назад вышло двадцатое издание этого толстого манускрипта, в этот раз с картинками. Поговаривают, что иллюстрации были нарисованы вручную в самом Ливиграде, возвышая цену важнейшей для рыцаря книги до небес. Впрочем, каждая рыцарская академия Дорана заранее оплатила с полсотни экземпляров, дабы выдать их лучшим из младших учеников.

Учитель смотрела на детей, чьи глаза блестели, а тела застыли, не в силах двинуться с места. Никто не хотел уходить — по крайней мере, не с этой лекции. История была скучной, пока рассказывала о событиях до Великой Катастрофы. Как только курс доходил до неё, посещаемость пробивала потолок: в классе не хватало места для желающих узнать о том, что изменило их мир навсегда. Конечно, эти лекции проводились в открытую, позволяя любому случайному гостю зайти и послушать. Сегодня, правда, класс полностью состоял из детей. Зеленокожих, остроухих, низеньких с крепкими шеями и уже пробивавшейся бородкой... Самых разных.

Никто не спешил на перемену, хотя на обед подавали, кажется, имперскую запеканку.

Взгляд учителя соскользнул с детей, мельком оглядывая каменные стены с витражами, застеклённые шкафы из морозного дуба, в которых покоились учебники и письменные принадлежности. Затем вернулся к толстому учительскому столу, оглядывая вспухшие вены на сморщенных ладонях. Ученики тихо, стараясь не отвлекать наставника, спрятали в сумки перья и закрытые чернильницы. Последними туда отправились свёрнутые листы пергамента, исписанные с обеих сторон. Почти каждый ребёнок записывал что-то для себя, а кто-то даже зарисовывал какие-то моменты, ориентируясь на слова учителя.

В дверь деликатно постучали. Повернув голову, учитель поприветствовал своего заместителя кивком.

— Прошу прощения, — с пониманием оглядывая замершую аудиторию, протянул молодой мужчина. — Вас вызывает директор.

— Уже иду, — выпрямилась женщина, мотая головой. Её обуревала ностальгия — в конце концов, она уже давно не вспоминала события тех лет. Густые русые волосы давно стали седыми, а шрам, едва заметный на правой щеке, очень просил, чтобы его почесали.

Дети, поднявшиеся с лавок, поклонились, молча прощаясь с учителем. Улыбнувшись и помахав им напоследок, женщина покинула класс, направляясь по деревянному полу

коридора вперёд, к винтовой лестнице. За её спиной оставались портреты — великих воинов и магов, так называемых важных исторических личностей. У одного портрета она остановилась, качая головой. На неё смотрела молодая девушка с яркими зелёными глазами и засунутыми в карманы камуфляжной куртки руками. За девушкой, поблёскивая забралами шлемов, стояли солдаты с автоматами наперевес. Стройная, ровная шеренга. Учитель усмехнулась, осторожно погладив щрам на картине. Повернулась, проходя дальше и поднимаясь на лестнице на пятый этаж.

Мимо неё стайкой пробежали девочки, наперебой обсуждая монстров, которых хотели приручить. За ними — целая орда мальчиков, выкрикивавшая что-то пафосное.

— Первый меч — меч героя! На тебе, чудовище!

— Да! Так его!

— Ха-ха!

Женщина тихонько рассмеялась, выходя в новый коридор с двойной дверью в конце. Здесь висели всё те же портреты, разбавленные пейзажами и городскими видами. В одном из них узнавался портовый город с хорошо заметной башней из блестящего серебряного камня, светившейся на полотне, будто маяк. В другом поблёскивал разноцветными крышами домов парящий над огромным зелёным полем Ливиград, запечатлённый ещё в те времена, когда он возвышался высоко-высоко над землёй.

Солнце било в окна, а при взгляде в них открывался тренировочный полигон с ребятами постарше, колотившими соломенные чучела. В их руках были настоящие мечи, но никому из будущих рыцарей почему-то не удавалось отломить от манекенов хотя бы соломинку. Чуть правее упражнялся в стрельбе из лука другой класс, за которым внимательно следил остроухий силуэт. Временами он отлипал от берёзы, подходя к одному из учеников, чтобы отвесить тому подзатыльник. Затем снимал с груди свой лук, медленно натягивая тетиву и отправляя стрелу, оставляющую за собой зелёноватый след, в десятку.

Наконец, учитель приблизилась к двойным дверям, дёргая одну из позолочённых ручек, а затем переступая порога кабинета директора. Высокий потолок с магической люстрой, несколько образывавших квадрат кожаных диванчиков для гостей и прямоугольный стол с мягким креслом-качалкой встретили вошедшую знакомым запахом медицинских трав. Высокая, одного роста с учителем, фигура повернулась от окна, что блестело прямо за рабочим столом. Прошелестели серебристые волосы, а взгляд алых глаз, что были ярче солнца, остановился на учителе. Лицо директора расплылось в улыбке.

Две женщины крепко обнялись, занимая один из диванчиков, в центре формации которых стоял низкий стеклянный стол с наполненной розами вазой и чайным сервизом.

— Как тебе новое рабочее место? — проведя рукой над чайником, спросила директор. Из носика тут же покотил пар, и женщина, аккуратно разлив ароматный напиток, сама передала кружку учителю.

— Здесь куда лучше, чем в Сенстони, — хмыкнула Ирис, отпивая тёмный фруктовый чай. — Дождь каждый день не идёт, да и от города недалеко.

— Знала бы ты, какого геморроя мне стоило тебя перевести, — хмыкнула Лорелеи, делая пару глотков. Затем вздохнула, качая головой. — Тебя упорно не хотели отпускать. Мне пришлось писать заявление лично Второму Советнику, чтобы получить официальное разрешение.

— Видимо, я охеренный преподаватель, — пожала плечами учитель, ставя кружку обратно на стол. — Но ты же позвала меня не ради чаепития.

— Верно, — кивнула директор, оставив свою кружку висеть в воздухе. Её лицо практически не изменилось за всё это время — маги вообще плохо стареют. А маги крови — ещё медленней. — Ходят слухи, что в Дире завелись культисты.

— О-о, — удивлённо протянула Ирис, хотя её хищный оскал говорил совсем не об удивлении. — Ещё и в самом сердце Дорана. Что-нибудь конкретное известно?

— Нет, — помотала Лори головой, повернув голову на свободный диванчик напротив. — Фарион, будь так добр.

Ворох золотых молний вспыхнул на левой стороне дивана, на который смотрела директор. Вытянув пухлые ноги с острыми когтями вперёд, чтобы не испортить мебель, постаревшая грозовая сова приветственно щёлкнула клювом, вежливо поклонившись гостье. Ирис поклонилась в ответ, вставая и опускаясь рядом с Фарионом, чтобы тут же начать поглаживать того по жёлтым перьям. Тот довольно заурчал, почти сразу же разворачиваясь, падая всем телом на колени учителя.

— Фарион, — строго сказала Лорелеи, и грозовая сова дёрнулась, с сожалением двигая головой туда-сюда, чем вызвала переливчатый смех у Ирис. — Я понимаю, что вы давно не виделись, но пожалуйста, давай ты сперва расскажешь, что у нас творится.

— Oui, madam, — высокий мужской голос сорвался с клюва, сопровождаемый хлопнувшими крыльями. — Предположительно, культисты осели в канализации, в подземной части столицы. Всё же город патрулирует стража с поисковым магом в каждой группе. Любой след прозрачного или белого эфира сразу же выдал бы наших бывших fanatiques. Хотя, быть может, и не бывших. Я их как-то не слушаю, ma parole.

— Дир большой... — задумчиво протянула учитель, откидываясь на спинку дивана. — Даже если запустить в канализацию стражу, все входы и выходы не перекрыть.

— А если дадим им сбежать, они появятся где-нибудь снова, — покивала Лорелеи, поправляя непослушные серебристые волосы. — Поможешь? Золотом не обижу.

— Я бы и за бесплатно этих мразей вырезала, — прорычала Ирис.

— Будьте осторожны, — опустил голову Фарион. — Среди них ещё остались те, кто помнят, что вы сделали с Его Святейшеством, madam.

Перед глазами Ирис встала картина, которую она лелеяла в памяти, как одно из самых приятных воспоминаний. Развалины храма, отутюженные артиллерией. Отделения штурмовиков, выводящие священников на городскую площадь. Тысячи ленточных василисков, выпрыгнувших из подземной части религиозного убежища, и тяжёлая поступь низкого, крепко сложенного седого мужчины. Она убивала его медленно, на глазах у собравшихся зевак. Сперва, разумеется, дав вкусить яд чудовищ, которыми он управлял. Алая кровь, казалось, могла собраться в целую реку — столь много её было выпущено в тот далёкий день. Жаль, что всех приспешников церкви Единого Бога Ирис прикончить не удалось. Часть сбежала, часть, что составляли, в основном, жрецы, сдалась властям, рассеявшись по Крэйну в роли поисковых магов в рядах стражи.

Шрам на её лице вспыхнул тёмно-зелёным. Потрепав Фариона за клюв, Ирис улыбнулась Лорелеи.

— Когда выступаем?

Иногда нужно не забывать, чтобы не повторить ошибки прошлого.

Юго-западные земли Золотой Империи.

Побережье перед городом-героем Крил.

14:00.

Тихий плеск чёрных волн, шорох песка, голубое безоблачное небо и одинокая фигура в чёрном облачении, глядевшая на спокойный океан. Впереди возвышались горы, острые пики которых освещало полуденное солнце. Старик, легонько вздохнув, опустился на мокрый песок, позволяя волнам окатить босые ноги. Лицо, покрытое морщинами, исказилось в чувствах печали и ностальгии. Мужчина снял свёрток со спины, положив его к себе на колени. Развернул, позволяя солнечным зайчикам прыгнуть в узкие карие глаза. Блеск стали вдруг пропал — светило спряталось за горы. Осторожно подняв то, что осталось от некогда легендарного оружия, человек погладил сломанное лезвие, отозвавшееся холодом.

— С днём рождения, глава, — прошептал старик, с силой воткнув сломанную катану в песок рядом с собой. Затем, повысив голос, продолжил. — Я давно вас не навещал... Знаете — семья, работа... Кому-то нужно пинать Легион, чтобы он не загибался. Хотя в последнее время работы всё меньше... Спокойные времена наконец-то наступили.

Океан понимающе всколыхнулся, окатив мужчину солёной водой. Проведя ладонью по лицу, старик улыбнулся, кивая волнам.

— Больше никого не нужно убивать, глава. Никто больше не страдает без еды и воды, никого больше не мучают в клетках, не продают, как скот... Мы покончили с рабством. Буквально в прошлом месяце накрыли последний чёрный рынок... Такая резня была — вы бы видели! Ах... — старик выдохнул, собираясь с мыслями. — Сад? Мне жаль, но Сада, которого вы знали, больше нет. Разбежались, кто куда. Крон, кажется, нянчит правнуков где-то в Железных Горах... А ваша боевая подруга теперь лидер союза орочьих племён. Целое новое государство создали, представляете?

Океан прошелестел волнами, словно тихонько трогая мужчину за плечо.

— Мы... Счастливы, глава, — горячие слёзы капали на песок, растворяясь в нём. — После всего, через что прошли... Мы это заслужили. Я хочу, чтобы вы знали — это случилось в том числе благодаря вам. Спасибо... — старик поднялся, приходя в себя. — Спасибо, Йоран. Я передам привет Лори. И... Не теряйтесь, ладно? Вы знаете... В суматохе.

Мужчина развернулся, удаляясь по песку прочь. Поднявшись повыше на холм, замер, сжав кулаки. Обернувшись к океану, старик успел увидеть, как очередная волна накрыла берег, скрывая всего на миг сломанную катану у края плескавшихся вод. А как только они отступили, оружия на берегу более не было. Маркус поклонился, прощаясь со своим учителем и старшим по званию. Выпрямившись, вздохнул. Потом развернулся, чтобы уйти восвояси, не оглядываясь.

Океан был тих, а солнце, вновь выглянувшее из-за гор, заставило пену на чёрных волнах вспыхнуть белым заревом.

Иногда нужно помнить, чтобы обеспечить бессмертие тем, кто этого заслуживает.

Нам'яpp.

Южный край континента, названного Авророй.

Триста километров от ближайшей деревни.

18:24

По барханам, утопая по колено в горячем песке, двигалась фигура в бежевом пальто, чья длинная тень убегала далеко за её спину. Недолго было до заката, поэтому она, плюхнувшись на вершине песчаного холма, с хлопком вынула из фляги пробку, прикладываясь к остаткам воды. Утерев губы и вернув флягу на место, женщина поправила очки, вглядываясь в пустыню, развернувшуюся перед ней. Ветер плевался в лицо песчинками, но она смотрела вперёд, не моргая. На её лице сама собой расплылась дикая, почти безумная улыбка.

Повинуясь движению ладоней, одетых в чёрные тонкие перчатки, тень за спиной женщины расширилась, закрывая её от всё ещё палящего солнца.

Выдохнув, Анко разлеглась на песке, закрыв глаза.

— Не меня ищешь? — раздался весёлый мужской голос прямо над ней.

Анко вздрогнула, вытягивая руки вперёд, но схватить ей удалось лишь воздух. Открыв глаза, она не увидела перед собой ничего, кроме всё той же пустыни. Сплюнув, женщина вернулась к отдыху, проворчав что-то про грёбаные галлюцинации. Стояла нещадная жара, но тень, скрывшая фигуру, позволяла песку и воздуху в пространстве медленно но верно остывать, будто на этой части пустыни наступила внезапная ночь.

— Два века прошло... — выдохнула она, более не улыбаясь. — Почти два века, Фолл.

Ты уже вернулся однажды — так почему не возвращаешься снова..?

Ответом ей стал ветер, шевеливший песок вокруг.

— Засранец. Придурок. Лжец. Скотина!

Ответа всё ещё не было.

— Ох... — помотала головой Анко, поворачиваясь набок. — Нигде нет твоего следа. Я искала везде — в пустошах Золотой Империи, на дальних островах Сенстоники, на краю Ливиграда... Теперь и здесь провал. Если ты меня специально избегаешь, то шутка как-то затянулась!

Её крик эхом разошёлся по пустыне. А ответа всё равно не поступило.

— Пошёл ты, понял?! — вскочив, продолжила восклицать женщина, ни капли не постаревшая. Монарх Ночи был бессмертен — покуда в его тени ещё были пленённые души. — Всё, сдаюсь! Пойду напьюсь где-нибудь под Железными Горами. А ты и дальше прячься...

И снова — тишина. Громкая, почти орущая в уши. Анко вздохнула, пряча ладони в карманах пальто.

— Было весело, Фолл. С тобой и Садам... Вы, ребята, не давали мне заскучать. А теперь мир стал таким пресным, что аж тошнит... — она пнула песок под ногами, выругавшись. — Хотя оно, наверно, правильно. Ты же к этому стремился? Ну, поздравляю, блин... Золотой век, как-никак. Может, даже золотое тысячелетие, как пойдёт. Хэппи, мать его, энд!

Тяжёлый вздох вырвался из груди Анко, но она более не проронила ни слова, спускаясь с бархана вниз, в обратную сторону. Тень, прятая фигуру, следовала за ней неммым стражником и наблюдателем. Через полчаса фигура удалилась настолько, что разглядеть её не представлялось возможным. Пустыня шуршала песком и завывала поднявшимися ветрами, не желая более слушать чародейку.

Иногда нужно отпускать, чтобы не тяготить собственную душу.

Западные земли Сенстоники.

Три километра к юго-востоку от Фарэя, портового города.

Главный зал волшебной башни из серебристого камня.

22:00.

— Интересно... — прошелестел голос, сотканный из множества других. — Использовать ветвь Иггдрасиля таким способом...

— Весьма удобное изобретение, — отозвалась кудрявая фигура, что держала ладони на трости перед собой. — И свет, и тепло в любое время суток, почти навечно.

— Гм... — вторая фигура отошла от камина, опускаясь на одно из двух бежевых кресел. — Что ж. Нашёл что-нибудь?

— Хаоса Бездны здесь, к сожалению, нет, — печально блеснул бирюзовыми глазами дракон. — Мы можем отправиться в Доран...

— Нет нужды, — поднял ладонь Господь, останавливая Ская. — Если они не использовали эти чары до сих пор, то не используют и впредь.

— Вы уверены? После того, что случилось с Его Святейшеством...

Бог тяжело вздохнул, сложив ладони в замок.

— У них есть такая поговорка — чему быть, того не миновать. Смерть главы моей церкви была лишь вопросом времени... Я не держу на дитя зла. Пойдём, Скай. Мы исчерпали местное гостеприимство...

Из теней, образованных рыжим огнём камина, на фигуры смотрели маленькие существа с кухонными ножами в крохотных ладошках. Та из них, что покрупнее, с золотыми волосами, падавшими ниже плеч, топнула ножкой, поддерживая слова Господа. Быть может, архимага давным-давно здесь нет, но её подчинённые будут поддерживать эту башню в чистоте и порядке до конца своих дней. А феи живут долго — большинство переживает даже величайших среди волшебников.

— А что до последнего героя? — поднялся с дивана вслед за Господом дракон. — Я уже давно ищу его по Крэйну...

— М? А, не стоит, — вдруг рассмеялся Он. — Это дитя выбрало собственный путь. Как и раньше, этот путь не похож ни на какой другой. Ты же знаешь, что время в Крэйне течёт в несколько десятков раз быстрее, чем в других мирах?

— Что? — поперхнулся Скай воздухом, не понимая, о чём говорил Бог.

Тот рассмеялся вновь, шагая в раскрытый овал синего портала.

Иногда нужно прощать, чтобы сохранить душевный покой.

Северные земли Золотой Империи.

Сто двадцать два километра к востоку от руин Мортиса, пограничного города.

Пустоши.

00:59.

— Напомни мне адрес.

Серый песок, гулявший по голой земле, дрогнул, складываясь в слова.

— Ага. Спасибо, я понял. Сперва к себе, потом к тебе... Как договаривались.

Серый песок смёл ветер, но на место предыдущих слов пришли другие.

— Нет... Нет, не думаю, что вернусь. Я со всеми давно попрощался...

Серый песок дёрнулся, изменяя свою форму.

— Конечно. Если кто-то вдруг найдёт... Ты уж посмотри, чтобы она попала в надёжные руки.

Серый песок изменился в последний раз, складываясь всего в два слова.

— Да... До встречи, друг. Я никогда не забуду, обещаю. Ни тебя, ни этот мир.

Серый песок прыгнул на поднявшийся ветер, сливаясь с частичками себя же в нём.

Фигура, набрав в лёгкие воздуха, с шумом выдохнула, открывая чёрный портал.

— Пока, Крэйн, наше тёмное фэнтези.

И шагнула в чёрное, что пропало с тихим хлопком в тот же миг.

Иногда нужно уходить туда, где тебя ждут.

Земля.

Санкт-Петербург.

Бухарестская 114, корпус 1.

1:25.

Перезвоном колокольчика отозвалась дверь, и фигура в чёрной кожаной куртке и джинсах переступила порог паба, входя в безудержный поток хохота, разговоров, лёгкой музыки, экранов телевизоров и двигавшихся от стола к столу официанток. Одна из них, заметив застывшего на входе человека, остановилась. С грохотом обрушились на паркетный пол кружки с холодным пивом, к ним же улетел и поднос. Молодая женщина бросилась к вошедшему, заключив того в крепкие объятия, больше похожие на тиски.

— Я вернулся, — тихо проговорил парень, осторожно обнимая сестру в ответ. — Прости, что так долго.

Так и не понять было, кто кого на самом деле обнимал. Шум в пабе прекратился, кто-то поднялся со своих мест, чтобы разобраться с происходящим. Подскочили другие работники заведения, облепив две фигуры со всех сторон. Одна из них рыдала, а другая просто стояла, прикрыв янтарные глаза.

— Хэппи-энд, — отодвинув от себя женщину, улыбнулся ей парень. Его внешность, как и его голос, остались прежними — почти такими же, какими их помнила его сестра. Но что-то в нём изменилось, словно её брат вдруг вырос — это не было заметно, но ощущалось при взгляде ему в глаза.

Молодая женщина поморщилась, прикрыв нос ладонью.

— Ты закурил что ли, Артём?

Парень рассмеялся, а потом отрицательно помотал головой.

— Да так... Друг один угостил.

Из прекрасного далёка.

Weep not for roads untraveled,

Weep not for paths left lone.

'Cause beyond every bend is a long blinding end,

It's the worst kind of pain I've known...

Give up your heart left broken,

And let that mistake pass on.

'Cause the love that you lost wasn't worth what it cost,

And in time you'll be glad it's gone!

Weep not for roads untraveled,

Weep not for sights unseen.

May your love never end and if you need a friend,

There's a seat here alongside me...

FIN.

Больше книг на сайте - Knigoed.net